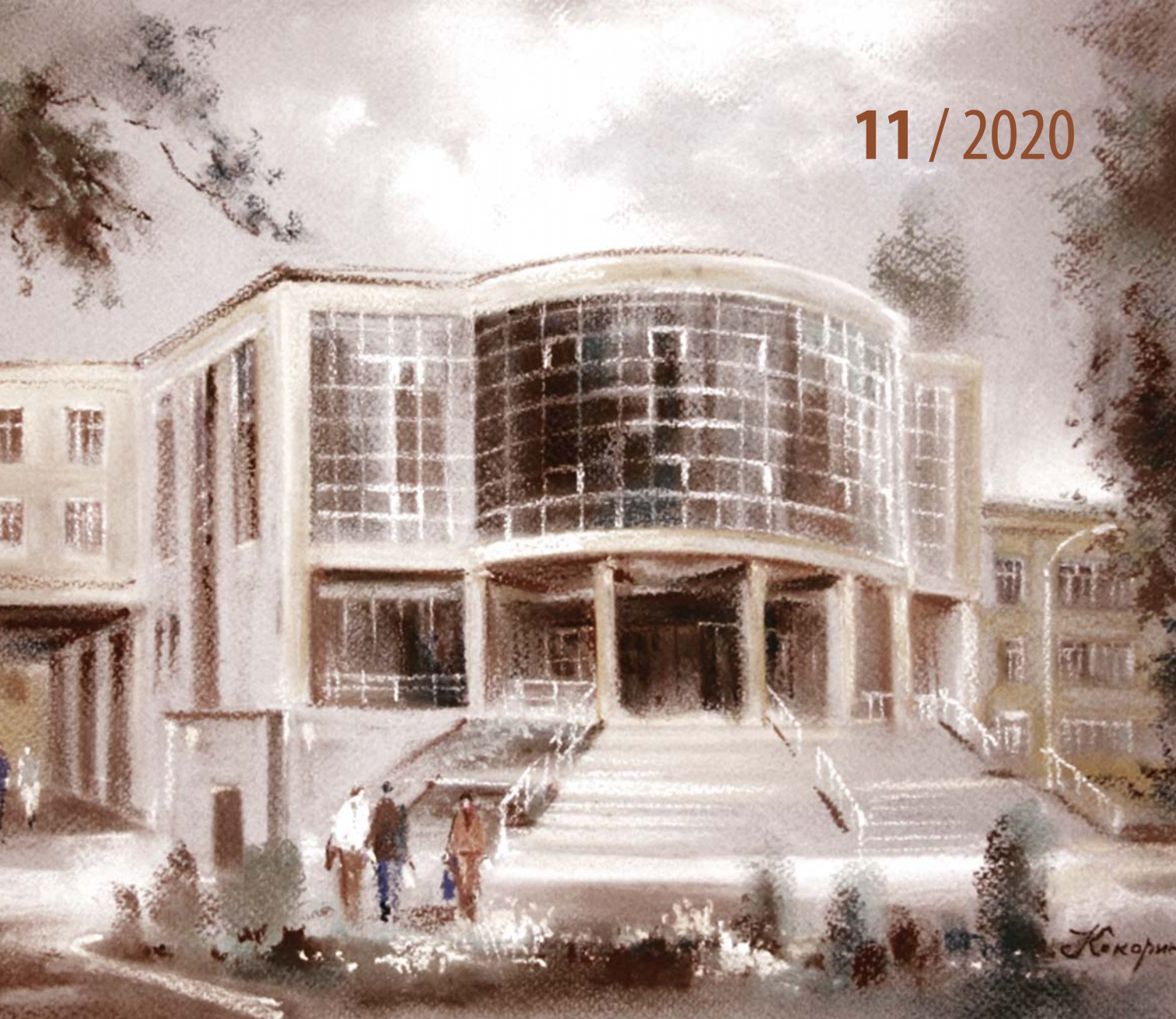

11 / 2020

Университетская
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ПЛОЩАДЬ

УДК 378.4(470.324–25)(059)
ББК 74.483(2Рос–2Вор)я4
У59

**Художественно-
публицистический альманах
«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ»**

**Главный редактор
Дьякова Тамара Александровна**

**Редколлегия:
А. Н. Акиншин, А. Б. Ботникова,
Ю. А. Бубнов, Д. С. Дьяков,
Д. А. Ендовицкий, В. С. Листенгартен,
П. А. Пономарёв, В. В. Тулупов**

**Дизайн и компьютерная верстка
Е. Е. Комаровой**

**Литературный редактор
Е. С. Котлярова**

**В оформлении обложки
использована работа Е. В. Кокориной**

**Благодарим сотрудников Архива ВГУ
(заведующая Э. Н. Жокина)
за помощь в подготовке этого номера**

Подписано в печать 25.05.2020.
Формат 60×84/8.
Усл. п. л. 38,1. Уч.-изд. л. 39,5.
Тираж 250 экз. Заказ 145

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный
университет, 2020
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

ISBN 978-5-9273-3006-5

ПАМЯТЬ ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ И ЧЕЛОВЕЧНЕЕ

Студентам, преподавателям, сотрудникам ВГУ, прошедшим через суровые испытания Великой Отечественной, перенесшим тяготы военного и послевоенного времени, но не утратившим энергии преобразования, веры в добро и стремления к знаниям, посвящены многие страницы этого издания. Наша дань 75-летию юбилею общенародной Победы – это память об университетских людях, чьи судьбы ручейками влились в полноводный поток истории Воронежского государственного университета, истории региона и страны.

Моя студенческая жизнь в университете протекала в те годы, когда в учебные аудитории ещё входили преподаватели-фронтовики, читали лекции, проводили семинарские занятия и, конечно, делились своими воспоминаниями с нами, рождёнными уже в мирное время. Благодаря им, реальным очевидцам мировой трагедии, защита от повторения геноцида, кажется, становилась более надёжной. Память делает нас сильнее и человечнее, а живые свидетели не позволяют оступиться, соврать или исказить историю.

Среди ветеранов, с кем мне приходилось общаться в студенчестве и в начале преподавательского пути, к счастью, были и те, кто сегодня жив и по-прежнему связан с ВГУ. Один из них – Владимир Семёнович Листенгартен. Чем дольше я работаю в вузе, тем убедительней назвала бы его символом нашего университета. «Дети войны» – это особое поколение, у которого война отняла ребяческую беззаботность, шалости и игры, тепло домашнего уюта, абсолютную защищённость и радость общения с близкими. А вместо этого – бесконечный страх, боль потерь, недетская ответственность, тяжёлый труд, неустроенность, скитания и близость смерти. Но что точно поколение повзрослевших раньше времени детей не утратило – это жизнелюбие и стойкость, тягу к знаниям и преданность родному дому.

В 1955 году Листенгартен окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета, а спустя несколько лет вернулся в alma mater и по сей день в строю. Меня всегда восхищала во Владимире Семеновиче его мудрость, работоспособность и огромное чувство сопричастности к университетской жизни. Не надо специально придумывать образцы для воспитания молодого поколения ВГУ, когда в родном вузе есть такой человек.

Хочется пожелать и Владимиру Семёновичу, и всему поколению «детей войны» крепкого здоровья и долгих лет жизни. А университетской молодёжи – памяти о прошлом страны и преданного отношения к своей alma mater.

Главный редактор
Тамара Дьякова

ПОЗИЦИЯ

ДМИТРИЙ ЕНДОВИЦКИЙ

«ЗА ЛЮБОЙ ТУЧКОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ СОЛНЫШКО»

БЕСЕДА С РЕКТОРОМ О ПЛАНАХ
И ПЕРСПЕКТИВАХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

– Дмитрий Александрович, наша беседа проходит в дни карантина, когда ВГУ, как и все российские вузы, полностью перешёл на дистанционный режим обучения. Такой переход вызвал большое напряжение у преподавателей, необходимость экстренной разработки новых учебных и методических материалов, поиска новых способов коммуникации со студентами. Рано или поздно мы вернёмся к привычным формам учебных занятий. Но очевидно, что сегодняшняя ситуация стимулирует наш университет к изменениям. Какие трансформации ждёт ВГУ?

– Нет худа без добра. И ситуация с коронавирусом заставила в буквальном смысле слова спящее преподавательское сообщество пробудиться и заняться дистанционными технологиями обучения. Хотя об этом ваш покорный слуга говорил достаточно давно – пять-шесть лет назад. Ежегодно на всех собраниях трудового коллектива в конце августа я обращался к преподавателям и призывал активно разрабатывать массовые открытые онлайн-курсы. Тогда слово MOOC мало кто знал. Надо отдать должное: среди вузов Воронежской области, да и всего Черноземья, мы сегодня наиболее подготовлены. Образовательная платформа ВГУ на базе системы Moodle на момент объявления карантина уже содержала порядка 1100 электронных курсов. То есть задел у нас был. Буквально за несколько дней были поданы заявки еще на 1500 курсов. Преподаватели, конечно, могут имитировать онлайн-деятельность, но это отслеживается самими студентами. На горячую линию поступают звонки и от родителей, и от студентов, которые требуют реального преподавания в дистанционной форме. Но многие преподаватели все-таки ответственно относятся к ситуации и заставляют себя осваивать новые технологии. Про-

блема, к сожалению, пока есть. Несмотря на то, что наш университет действительно прогрессивный, по моим скромным подсчетам, процентов 40 преподавателей являются в цифровом плане совершенно безграмотными. И вот эта ситуация опять-таки заставляет работать над собой. Меня это очень радует.

Конечно же, любые эпидемии, любые беды – проходят. За любой тучкой появляется солнышко. И вот когда эти угрозы уйдут, мы будем использовать тот огромный потенциал, который оперативно создали, накопили, получили опыт дистанционного общения. Но никогда в обозримом будущем онлайн-обучение не заменит прямого диалога, тем более у врачей, химиков, инженеров. Да у любых абсолютно профессий. Нужна дискуссия, нужен взгляд, нужна энергетика. А тот же самый юрист, как бы парадоксально это ни выглядело, поскольку ему не нужны сложные лабораторные опыты, обучается поведенческим навыкам в живом контактировании с преподавателем. И вот те скиллы, те компетенции, которые получит университет, наше преподавательское сообщество, должны дополнять работу лицом к лицу. Это хороший инструмент, но дополнительный. Не основной.

– Центральной темой альманаха является 75-летие Победы. Что для вас лично значит эта дата? Какие чувства и мысли вызывает приближающееся событие у вас, как у ректора ВГУ?

– Это глубоко сокровенное ощущение, потому что трагические годы Великой Отечественной не просто затронули мою семью, а печально отразились на её судьбе. Я с большим волнением хожу в составе «Бессмертного полка» с портретом своего деда, погибшего на войне.

Для меня очень важно, что мы сегодня говорим об итогах Второй мировой войны, о тех жерт-

вах, которые понесло наше Отечество, и стараемся не забывать имён тех людей, кто и на фронте, и в тылу приближал победу над фашизмом. Настоячиво говорим. Хотя, наверное, мало. Совсем недавно в разговоре директор Воронежского художественного училища Сергей Петрович Гулевский пожаловался, что одна из его талантливых студенток высказала мысль: да какая разница, кто победил – Советский Союз или фашистская Германия? Главное ведь мир. Понимаете? Вот такое не критичное мировосприятие и психология конформизма, которые, к сожалению, захватывают поколение за поколением, меня очень тревожит.

Конечно, многое забывается. Часто ли мы говорим о Первой мировой войне? Ведь она также затронула территорию России. Но по колоссальному количеству жертв и по влиянию не только на нашу жизнь, но и на весь мир Вторая мировая война – беспрецедентна. Забывать о том, что было 75 лет назад ни в коем случае нельзя. Кстати, по-разному отдельные группы граждан России могут относиться к поправкам в Конституцию, но то, что они подчёркивают позицию российского общества о невозможности переписывания истории, мне кажется очень правильным решением.

– Предыдущая наша с вами беседа происходила накануне столетия ВГУ. Вы тогда не только подводили итоги значимого исторического пути вуза, но и определяли приоритеты на будущее. Прошло почти два года. Жизнь стремительно меняется, возникают новые внешние вызовы, происходит переосмысление внутренних планов и задач. Сегодня университет остаётся верен прежним целям или нуждается в корректировке своей стратегии развития?

– Судьба любого российского вуза, в отличие от вузов зарубежных, где огромную роль играют попечители, благодарные выпускники, формирующие многомиллиардные эндаументы, связана с другими условиями. Российские вузы преимущественно зависят от рациональных и разумных управленческих решений на уровне государственной политики в сфере высшего образования. И главная цель университета – не стоять на месте, развиваться, открывать новые образовательные программы, оценивать перспективные и текущие потребности рынка, нести гуманитарную составляющую, чтобы через культурное влияние формировать вокруг себя экосистему, экосреду, в которой хочется развиваться. Вот в этом плане – ни шагу назад. Мы такие цели ставили и 10 лет назад, и 5 лет назад. И сейчас эти задачи по-прежнему актуальны. Университет развивается и ни на дюйм не проседает по своим основным направлениям – и в образовательной части, и в научной, и в инновационной, и в воспитательной. В этом плане позитивно и то, что люди воспринимают развитие университета как важнейшее и необходимое целеполагание.

Другое дело, что в нашей стране доминирует глубоко ошибочное в части госполитики в сфере высшего образования целеполагание на преимущественную поддержку столицы. И основной столицы, и культурной столицы. Нарушается золотое правило гармоничного пространственного развития огромной страны в части поддержки региональных вузов. Все это формирует риски серьезного ухудшения экономической и демографической ситуации в регионах. Зачастую и национальные республики на себя бюджетное одеяло стремятся потянуть. Хорошо, что президент недавно высказал на Госсовете мысль о

«Для меня очень важно, что мы сегодня говорим об итогах Второй мировой войны, о тех жертвах, которые понесло наше Отечество, и стараемся не забывать имён тех людей, кто и на фронте, и в тылу приближал победу над фашизмом»...

С ветеранами войны, работавшими в ВГУ

приоритетном фокусе внимания в развитии региональных систем высшего образования. Но от лозунгов до конкретных вещей, допустим серьезных, продуманных программ материально-технического развития вузов, создания инфраструктуры университетов, предполагающих наличие современных общежитий и кампусов, студенческих городков, лабораторий мирового уровня и комфортных аудиторий, пока еще очень далеко. Университет свой потенциал использует сейчас процентов на 80. Есть еще резервы повышения эффективности деятельности... Но мы эти 80 процентов неплохо используем.

– Одно из направлений развития вуза – это совершенствование магистерских программ. На страницах альманаха студенты и преподаватели ВГУ размышляют на эту тему. Проблем остается очень много: и нехватка бюджетных мест, и недостаточная заинтересованность выпускников бакалавриата в дальнейшем обучении, и отсутствие практиков в составе преподавателей, и многое другое... А как вы оцениваете уровень и перспективы магистратуры в нашем вузе?

– Ну, во-первых, начну с того, что наш университет является одним из первых вузов в системе российского образования, который еще в начале 90-х годов перешел на двухуровневую систему обучения. Мы уже более десятилетия успешно развивали бакалаврские и магистерские программы, когда страна в нулевых годах только начала широко внедрять программы бакалавриата и магистратуры. Поэтому опыт подобного образования у нас в университете огромный.

Проблема в том, что мы открыли большое количество магистерских программ, не всегда ориентированных на реальные потребности экономики и социально-культурной сферы жизни. Очень часто эти программы открываются под конкретного человека, защитившего докторскую диссертацию. Ещё одна проблема связана с тем, что магистерские программы, если говорить откровенно, мало чем отличаются от программы последних курсов бакалавриата. То есть теряется эксклюзивность, инновационность материала. И студенты это чувствуют. В такую магистратуру, естественно, пропадает желание идти учиться. Тем более, когда приходится делать выбор между дальнейшей учебой на платной основе или работой. К сожалению, не всегда себя проявляет в таких ситуациях ответственное отношение руководителей магистерских программ и заведующих кафедрами.

Что касается бюджетных мест, то в новой модели формирования контрольных цифр приема будет существовать следующая пропорция: один к двум –

это на двух выпускников школы – одно бюджетное место на первый курс в бакалавриате. Для магистратуры пропорция будет один к трем – то есть на трех выпускников бакалавриата будет одно бюджетное место в магистратуре. Эта модель распространяется и на случаи, когда магистерская программа инициируется работодателем. У нас есть уже многочисленные примеры, когда крупные предприятия формируют вместе с университетом учебный план магистерской программы и полностью оплачивают обучение и выпускников бакалавриата, и своих специалистов, которые уже работают. Это один подход.

Другой подход, если магистерская программа действительно эксклюзивная и в ней даются глубокие знания и формируются уникальные компетенции, то, наверное, можно пойти и на платное обучение. Здесь важно понимать, что многие сектора экономики и госуправления поставили планку – после бакалавриата нельзя поступить на работу по ряду профессий. Например, нельзя пойти работать в прокуратуру или областной суд. Вот такие запреты на вход в профессию только на базе бакалавриата сегодня реально существуют. Для того чтобы развиваться в своей профессии, делать карьеру, надо преодолеть планку второго уровня образования. Но очень многое зависит от социальной ответственности наших преподавателей и руководителей магистерских программ за качество образования в магистратуре.

– Думаю вы согласитесь, что экономический факультет является примером успешной работы по многим направлениям, в том числе и по реализации магистерских программ. В этом году он отмечает свой юбилей. Как вы оцениваете уровень современного состояния экономфака и перспективы его дальнейшего развития?

– Безусловно, экономический факультет – один из самых больших и сильных не только в нашем университете, но и в макрорегионе Центрального Черноземья. Здесь сформировались научные школы. Он имеет хорошую историю. Вот этот бэкграунд факультет успешно использует при наборе студентов и продвижении своих программ.

Экономфак на месте не стоит, но своё развитие по экспоненте он получил ещё при Владимире Наумовиче Эйтингоне. Вот здесь всё сложилось. Это и переход на двухуровневую систему обучения – первым в университете на эту систему перешел именно экономфак. Это и появившиеся возможности открыто общаться с коллегами из зарубежья. Это и участие в очень серьезных европейских проектах. В тот период – в начале 90-х годов – наш факультет стал очень активно развиваться и получил известность

«... я с гордостью себя считаю экономистом и учеником Лилии Тимофеевны Гиляровской и Владимира Наумовича Эйтингона. Это люди, которые сформировали мое мировоззрение и мою систему координат в профессии»...

На Международной научной конференции «Экономическому факультету ВГУ – 90 лет»

и за рубежом. Сейчас перед руководством факультета, перед сотрудниками стоят серьезные задачи. Во-первых, освоить цифровую среду образования: MOOK, электронные курсы на Moodle, многие другие формы дистанционного обучения. И, во-вторых, преодолеть то торможение, которое возникло у факультета в плане участия в международных проектах. После Эйтингона мы по инерции шли в этом направлении. И сегодня совершенно потеряли скорость. Здесь нужно проявлять трудолюбие и упорство, потому что далеко не все заявки одобряются. Люди, неоднократно получившие отказ по своим заявкам, опускают руки и не хотят больше участвовать в написании проектов. Надо понимать, что процент побед в любой грантовой борьбе в лучшем случае составляет 10 процентов. Надо активнее участвовать в международных проектах, подавать заявки и усиливать академические позиции через участие в государственных научных фондах: Российском фонде фундаментальных исследований и Российском научном фонде. Опыт уникама с филфака – профессора Житенева – показывает, что даже абсолютно рафинированные гуманитарии могут претендовать на очень большие деньги от государства в реализации грантовых проектов.

Факультету есть в каких направлениях развиваться. Но я с гордостью себя считаю экономистом и учеником Лилии Тимофеевны Гиляровской и Владимира Наумовича Эйтингона. Это люди, которые сформировали мое мировоззрение и мою систему координат в профессии.

– Дмитрий Александрович, в этом году заканчивается срок вашего депутатства. Как вы оцениваете его результаты? Депутатские обязанности помогли или, скорее, мешали вашей работе ректором?

– Сложный вопрос. Я вам честно хочу сказать, депутатский корпус делится на 95 процентов депутатов-олигархов и 5 процентов депутатов-бессеребрянников, у которых нет финансовых ресурсов, но есть идеи. Поэтому выполнять свои обязанности депутата, когда нет финансовой базы, очень непросто. Но общение с людьми очень важно. Тебя буквально опускает на землю, когда знакомишься с реальными проблемами избирателей. К тебе приходят люди и жалуются на онкологию, на отсутствие инфраструктуры, на проблемы с пенсией, на хамское поведение чиновников, связанное с ветеранами, и прочее, прочее. Целый комплекс проблем. И когда тебе удастся за счет депутатских запросов и личной вовлеченности в решение проблем что-то изменять к лучшему – это доставляет огромную радость.

Но это, конечно, отвлекает от основных обязанностей, занимает время и силы. Я не говорю о времени, когда мы заседаем и принимаем соответствующие законы – это меньшая нагрузка, чем реальное общение с людьми. Вот почему депутатство для небогатых людей – это ноша. Она посильная, но это – ноша. И собственно в депутаты ваш покорный слуга пошел не по своей инициативе. Была поставлена губернатором задача: отработать и показать, что есть люди, которые могут делать реальные полезные дела для своего округа.

– Есть ещё одна важная общественная работа, с которой вы успешно справляетесь. Вас недавно переизбрали председателем Совета ректоров. Это интересная структура, для многих – загадочная. Я вижу, что число ректоров в составе Совета растет. Вузы, которые входят в ассоциацию, представляют не только Центральное Черноземье, но и другие регионы. Но возникает вопрос: этот Совет – дееспособная структура?

Он может на что-то повлиять? Или просто – собрались, посидели, поговорили...

– Хороший вопрос. Я хочу сказать, что в Российской Федерации выстроена своеобразная пирамида взаимодействия вузов России, причем вузов ни одной ведомственной подчиненности. Есть Российский союз ректоров. Ваш покорный слуга является вице-президентом этого Союза. Есть окружные советы ректоров. И вот в Центральном федеральном округе такой совет – спящий, он практически никогда не собирается и серьезной активной работы не ведёт.

Мы создали Ассоциацию вузов Центральной России. В неё вошли вузы 11 областей Центрального федерального округа. И есть, естественно, на региональном уровне советы ректоров, куда входят все вузы плюс техникумы, которые есть у нас в Воронежской области. Что касается Совета вузов Воронежской области и Ассоциации вузов Центральной России – это совершенно дееспособные структуры. Мы собираемся, чтобы помочь друг другу в открытии новых образовательных программ, прохождении процедур аккредитации и лицензирования, в открытии объединенных диссертационных советов, в проведении олимпиад школьников. Например, мы организовали инженерную олимпиаду школьников Центра России, она сегодня активно функционирует. Мы помогаем друг другу в подготовке кадров высшей квалификации, в оппонировании, рецензировании, открытии новых журналов. Меня радует, что университетские центры коллективного пользования научным оборудованием открыты для ученых-коллег из других вузов, это тоже результат межвузовского взаимодействия. Эта помощь именно за счет равноправного участия вузов в данном объединении настолько неформальная и активная, что достаточно одного звонка и многие вопросы нашей университетской жизни смягчаются, если возникают какие-то угрозы или вызовы.

Конечно, это очень большая сила, тем более для студенческого города Воронежа. Мы помним, что происходило в Москве, молодежные студенческие выступления прошлым летом. И координация работы с молодежью опять же осуществляется через данную Ассоциацию. Можно говорить еще и об организации мобильности студентов. Мы посылали студентов в Рязань на Есенинские чтения, к нам приезжают студенты из Тамбова. По всему периметру Ассоциации вузов Центра России у нас идет активная работа. И среди студентов, и среди преподавателей.

Сегодня мы стараемся сохранять традицию, заложенную нашими учителями, я имею в виду Владимира Васильевича Гусева, который впервые

в начале 90-х годов возглавил Совет ректоров вузов Воронежской области и стал в период образования Российского союза ректоров надежным помощником ректора МГУ имени М. В. Ломоносова, академика В. А. Садовниченко. То, что Ассоциацию возглавляет именно ректор ВГУ, – статусно. Мы являемся центростремительным явлением, к которому хотят присоединиться другие вузы.

– Высокая оценка вуза в глазах профессионального сообщества достигается многими показателями. Среди них и международная активность учебного заведения. Как вы оцениваете уровень международных отношений ВГУ? Какие вопросы в части сотрудничества с европейскими и азиатскими университетами нам удаётся успешно решать, а какие требуют более активных усилий?

– Я могу абсолютно точно сказать, что наш университет из более чем 400 вузов, подведомственных Минобрнауки, является одним из немногих (их не более 10), которые мощнейшим образом встроены в международные образовательные программы. И это стало опять же возможно благодаря нашим великим учителям. К их числу я отношу такого большого педагога и организатора международной деятельности, как Игоря Николаевича Зорникова. Он выступал для многих российских преподавателей позднего Советского Союза и новой постсоветской России своего рода гуру, который мог организовать невероятную активность по включению нашего университета в различные европейские и американские проекты. Люди из Санкт-Петербурга, Москвы и многих городов России приезжали учиться организации такой деятельности. И его ученица Алла Владимировна Акульшина, которая возглавляет международную деятельность сейчас в нашем университете, является официальным представителем Российской Федерации в одной из комиссий Евросоюза по оценке развития высшего образования в странах СНГ.

Колоссальную работу осуществляет университет. Начиная с 90-х годов мы реализовали более 65 проектов: ТАСИС, ТЕМПУС, ЭРАЗМУС, ЭРАЗМУС+, ДААД, проекты Жана Монне, сотрудничество с институтом Сервантеса... На текущий момент мы реализуем 36 проектов. Все проекты живые. Это самый большой портфель проектов из числа российских вузов. Мне очень приятно это осознавать.

С другой стороны, есть политический фактор, который сдерживает российские вузы в международном развитии. Даже в подаче заявок по программе Жана Монне при оценивании к России предъявляются завышенные требования, и количество

«Важная мысль, которая прозвучала из уст посла Европейского союза в России Маркуса Эдерера: мост сотрудничества между странами посредством университетов является прочным, фактически единственно дееспособным»...

Встреча с послом Евросоюза

баллов требуется на десяток больше, чем для Грузии, США, Иордании и т. д. Совершенно очевидная дискриминация по политическим соображениям. Понятная ситуация с американцами. Американским вузам буквально не рекомендуются научные и образовательные контакты с российскими вузами. Такая политика не имеет ничего общего с реальными целями высшей школы, науки и культуры.

Однако данный политический ракурс не мешает ВГУ постоянно находиться в фокусе зарубежных коллег. Как минимум раз в квартал к нам приезжают иностранные послы для того, чтобы «снять температуру» по ситуации, понять, как в городе-миллионнике развивается университет, каково положение студенчества. И последний визит посла Европейского союза в России Маркуса Эдерера был очень показательным. Он был удивлен положением дел, хотя предыдущий посол Вигаудас Ушацкас много рассказывал своему преемнику о положительных процессах в ВГУ, о феномене Воронежского университета. Важная мысль, которая прозвучала из уст посла: сейчас ситуация настолько сложная (это было сказано еще до пандемии) в отношениях Евросоюза и России, что мост сотрудничества между странами посредством университетов является самым прочным, фактически единственно дееспособным. Если его разрушить, то наступит полный коллапс цивилизационных отношений.

– **Культура таким мостом разве не является?**

– Культура рядом. Единственное, что через высшее образование все-таки больше возможностей для сотрудничества, поскольку существуют и финансовые, и организационные поддержки со стороны государств. Я с оптимизмом смотрю на ситуацию с

коронавирусной инфекцией, поскольку это беда, поглотившая весь мир, способствует уничтожению русофобии, снимает некие стереотипы в оценивании России и российских людей. У нас появятся большие возможности для интеграции в международное образовательное пространство, когда эта ситуация стабилизируется.

– **Вы хорошо знаете, что в «УП» есть несколько рубрик, посвященных творчеству. Дмитрий Александрович, не пора ли познакомить читателей с вашими стихотворными опытами?**

– Думаю, что я еще не созрел для этого. Это ведь от души идет. Наши талантливые песенники работают на заказ, а я пишу просто потому, что хочется что-то сказать, зафиксировать ощущения, мысли, эмоции. Пока рановато об этом говорить.

– **Вы пишете стихи давно?**

– Практически с пятого класса. И ни разу не печатался.

– **Вы храните стихи?**

– Половина разлетелась, кому-то подарил, какие-то тексты потерялись при переезде...

– **А кроме стихов, чем вы еще вдохновляетесь – раскройте секрет?**

– Я очень люблю театр. И драматический, и музыкальный. Очень люблю ходить в Сатиру, обожаю Маяковку. Есть такие места в Москве, куда я стремлюсь всегда попасть. Очень нравятся постановки в нашем Камерном театре, они отличаются от того, что в других воронежских театрах идет. И игрой актеров, и подачей материала. Театр заставляет думать. Я люблю, когда к нам приезжают москвичи и выступают в Воронежском концертном зале. Это меня захватывает.

Беседовала Тамара Дьякова

В АВТОБИОГРАФИИ – ВОЙНА

Эти автобиографии написаны студентами ВГУ первых послевоенных лет. За плечами авторов этих строк, по сути, была только война, на которую они попали со школьной (или студенческой) скамьи.

Большинство их сверстников с той войны не вернулись, а этим ребятам повезло. Они выжили. Собственно, их студенческие автобиографии – это сообщения о том, как им удалось остаться в живых.

Величие момента, осмысление подвига придут потом. Пока же их сведения о войне наполнены только конкретными деталями. Бой, ранение, госпиталь, оккупация, плен – то, что составляло жизнь этих ребят целых четыре года.

В архиве Воронежского университета хранятся сотни папок с такими рассказами. Это уникальные документы никогда не публиковались, хотя именно в них – коллективный портрет поколения самых молодых победителей.

Мы решили напечатать сорок автобиографий из тех папок. Судьбы некоторых авторов – известны. Доктора наук, профессора Н. П. Хожяинов, Я. И. Гудошников, Б. Т. Удодов, С. Н. Титов, доценты Б. А. Размустов и В. С. Кавецкий долгие годы преподавали в родном Воронежском университете, геолог В. Н. Клекль стал лауреатом Государственной премии СССР, физик И. П. Запесочный – лауреатом Госпремии Украины, географ Л. М. Бухалина (в замужестве Савельева) работала доцентом в Новокузнецком пединституте, филолог И. Н. Жарких заведовал кафедрой русской литературы в пединституте Кировоградском, кандидат исторических наук Ф. А. Пухов работал сначала редактором заводской многотиражки, а потом преподавал историю КПСС в Воронежском пединституте, был зав. кафедрой, Н. Ф. Дидора всю жизнь трудилась в Институте неорганической химии Сибирского отделения Академии наук...

История жизни других растворилась во времени, оставив лишь имена и снимки парней и девушек, пришедших сразу после Победы в Воронежский университет.

Это обстоятельство удивляет больше всего! Искореженные и израненные, прошедшие военный ад молодые люди принесли с войны огромную жажду знаний. Наверное, потому, что видели в образовании наивысшую ценность мирной жизни.

«Желая как можно больше быть полезным Родине, я решил продолжить свое образование в высшей школе...»

«Горю желанием получить высшее образование. Годы войны только усилили мое стремление к науке и веру в ее силу...»

«Ввиду моего ранения работать по специальности ветврача не могу и в настоящее время являюсь бесполезным членом общества. А потому считаю нужным компенсировать свой физический недостаток образованием...»

Эти строки читаются сегодня как завещание их поколения нынешней молодежи.

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Уважаемый товарищ!

Воронежский Государственный Университет объявляет прием студентов на 1-й курс 1945/46 уч. г. Университет имеет следующие факультеты: Биологический, Геологический, Географический, Историко-Филологический, Физико-Математический и Химический.

Срок обучения на Историко-Филологическом и Географическом факультетах — 4 года, на остальных факультетах — 5 лет.

Лица, награжденные при окончании средней школы золотыми и серебряными медалями, окончившие техникумы с отличными оценками по всем предметам, участники Отечественной войны с аттестатом отличника, окончившие среднюю школу с аттестатом отличника в 1944 году, принимаются в Университет без экзаменов, остальные подвергаются приемным испытаниям по следующим предметам: на факультеты: Физико-Математический, Химический, Геологический — по математике, физике, химии, русскому языку и литературе, иностранному языку; на Биологический факультет — по физике, химии, русскому языку и литературе, иностранному языку; на Историко-Филологический и Географический факультеты — по истории народов СССР, географии, русскому языку и литературе, иностранному языку.

Все студенты обеспечиваются питанием в столовой закрытого типа.

Стипендия выплачивается всем успевающим студентам. При Университете имеется заочное обучение за курс Университета по Историко-Филологическому, Физико-Математическому и Географическому факультетам.

Заявления с приложением аттестата об окончании среднего учебного заведения (в подлиннике), автобиографии, справки об отношении к военной обязанности (для военнообязанных) и трех фотокарточек размером 3 x 4 см. направлять по адресу: г. Воронеж, Проспект Революции 24, Приемная Комиссия Воронежского Государственного Университета. Прием заявлений с 20 июня по 15 августа, экзамены — с 15 августа по 10 сентября. Начало занятий с 17 сентября.

РЕКТОРАТ.

ЛЕ 01255. г. Воронеж, тип. изд-ва "Вперед" Зах.1836. 45 г.Тир. 500.

Объявление о первом послевоенном наборе студентов в ВГУ на 1945–1946 учебный год было отпечатано в виде листовки и активно распространялось по воинским частям

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАГАНКЕВИЧ Каролина Карловна,
студентка биологического факультета ВГУ (ботаника)
в 1939–1941, 1945–1948 гг.

Я, Каганкевич Каролина Карловна, родилась в 1921 г. в г. Торжке Калининской области в семье рабочего. В 1929 г. поступила в начальную школу. В 1939 г. окончила десятилетку с аттестатом отличника и поступила в Воронежский госуниверситет, на биологический факультет, где проучилась до 4 сентября 1941 г. (окончила два курса). В 1936 г. была принята в ряды Ленинского комсомола.

Без отрыва от учебы в 1941 г. окончила годовичные курсы медсестер при ВГУ. С 4 сентября 1941 г. по 5 октября 1945 г. находилась на военной службе при эвакогоспитале 2013.

Член ВКП (б) с октября 1943 г. Репрессированных нет; в оккупации никто из родственников не был.

Родственники отца проживали до 1918 г. в Польше. Переписку с ними с 1918 г. не имеем.

По демобилизации с 1 декабря 1945 г. зачислена студенткой ВГУ для продолжения учебы на биологическом факультете, где нахожусь и в настоящее время.

[1946]

К. Каганкевич

ПОПОВА Ираида Васильевна,
студентка биологического факультета ВГУ (ботаника)
в 1939–1941, 1945–1949 гг.

Я, Попова Ираида Васильевна, родилась в 1920 г. в г. Воронеже в семье служащего.

В 1939 г. окончила воронежскую школу-десятилетку и поступила на 1-й курс биологического факультета ВГУ. Здесь, в стенах университета, окончила одногодичные курсы медсестер запаса РККА.

В июле 1941 г. я была мобилизована и направлена в распоряжение в/ч 59250 – эвакогоспиталь 2613, где работала в качестве медсестры. В августе 1941 г. вступила в ряды ВЛКСМ.

В данном госпитале работала до момента расформирования (сентябрь 1945 г.), затем была направлена в распоряжение Управления госпиталями ЮГВ в отдел кадров, откуда была направлена в гарнизонный госпиталь 1134.

Член ВКП (б) с апреля 1945 г. В настоящее время демобилизована из рядов РККА на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР.

31.08.45 г.

И. Попова

Биологический факультет на демонстрации 7 ноября 1948 года

**МАЛИКОВ Петр Матвеевич,
студент биологического факультета ВГУ (ботаника)
в 1946–1950 гг.**

Я, Маликов Петр Матвеевич, родился 15 марта 1919 г. в с. Новосильском Голосновского района Воронежской области.

В 1936 г. закончил семь классов средней школы в с. Новосильском, а в 1939 г. закончил Землянское педагогическое училище Воронежской области.

В январе 1940 г. был призван в Красную армию, где один год прослужил в кавалерии, полгода – в танковых войсках и четыре года – в воздушных силах.

В 1942 г. закончил военно-авиационное училище штабных командиров ВВС РККА и был послан на фронт. В действующей армии занимал должности: адъютанта командира эскадрильи, помощника начальника оперативно-разведывательного отдела штурмовой дивизии и заместителя начальника штаба штурмового полка в военном звании «капитан».

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден четырьмя правительственными наградами: орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями «За взятие Кёнигсберга» и «За победу над Германией».

Член ВКП (б) с 1945 г. Холост. В мае 1946 г. был уволен в запас как резерв Красной армии.

В плену и оккупации не был, не судим, избирательных прав голоса не лишался.

Родственников за границей не имею, связи с заграницей не имею.

27 мая 1946 г.

Маликов

МЯСЮГИНА Алевтина Николаевна,
студентка биологического факультета ВГУ (ботаника)
в 1940–1942, 1946–1950 гг.

Я, Мясюгина Алевтина Николаевна, родилась в 1921 г. в г. Воронеже в семье служащих. Образование получила в объеме десятилетки.

В 1940 г. по окончании школы поступила в Воронежский госуниверситет, на биологический факультет, где проучилась до 1942 г. С февраля этого же года по 4 июля (включительно) работала в кожно-венерическом госпитале лаборанткой. Неожиданное занятие немцами Воронежа в июле 1942 г., а также сердечные приступы у матери привели к тому, что я не смогла уехать из города и вместе с 300-тысячным населением города очутилась в плену у немцев.

Примерно через три недели после занятия Воронежа немцы выгнали буквально до единого человека все население города в с. Хохол, оттуда были вывезены в г. Харьков, из Харькова были направлены в г. Красноград Харьковской области, где отец работал в земельной управе, а мне приходилось большей частью прятаться, т.к. молодежь хватили и отсылали в Германию. В сентябре 1943 г. мы были выгнаны и вывезены в г. Винницу, где немцы с вокзала забрали меня как молодую на работу и поместили в русско-украинский лагерь, где я работала на кухне рабочей. Здесь мы пробыли до января 1944 г., затем были всем лагерем вывезены в г. Краков, где пробыли до августа этого же года. Здесь мы, воспользовавшись пересылкой нас в Германию, бежали.

В январе 1945 г., как только нас освободила Красная армия из плена, я добровольно поступила на службу в Красную армию. После соответствующей проверки меня зачислили бойцом воинской части 12151, где я работала санинструктором. В сентябре я получила вызов из университета и была отпущена из части, но учиться не могла по болезни. По выздоровлении, в феврале, поступила на Воронежский гормолзавод и проработала до 10 августа.

Семейное положение – незамужняя. Живу с родителями. Отец – до революции, после и в настоящее время – работает в Облзу, инспектором землеустройства. Мать – домашняя хозяйка. Брат находится в Красной армии.

31/VIII-46 г.

Мясюгина

ЛЕВАШОВА Валентина Федоровна,
студентка биологического факультета ВГУ (почвоведение)
в 1945–1950 гг.

Я, Левашова Валентина Федоровна, родилась в семье рабочего 21/XI-25 г. в Таловском районе Воронежской области. В 1932 г. начала учиться в начальной школе и в 1942 г. окончила десять классов Рождественско-Хавской средней школы. В том же 1942 г. была мобилизована в ряды РККА, находилась там по август 1945 г. Работала вначале в Особом отделе, затем – в Военной цензуре армии. Воинское звание – младший лейтенант. В 1944 г. награждена медалью «За боевые заслуги». Кандидат в члены партии. Административных и партийных взысканий не имела.

Родители мои: отец, Левашов Ф. К., погиб на фронте в борьбе с немецкими захватчиками. Мать, Левашова П. Т., проживает в с. Рождественская Хава, Рождественско-Хавского района Воронежской области, служащая.

Репрессиям никто из родственников не подвергался.

5/IX-45 г.

Левашова

КОРЕНЕВСКИЙ Анатолий Иванович,
студент биологического факультета ВГУ (ботаника)
в 1947–1951 гг.
Диплом с отличием

Родился в 1925 г. в крестьянской семье с. Корневки Фатежского района Курской области. Учиться начал в 1933 г. в г. Енакиево. С 1936 по 1941 г. учился в г. Калуге и по эвакуации выехал в Якутию. В Алданском районе Якутской АССР при Лебединой средней школе в 1942 г. получил экстерном среднее образование.

В 1943 г. из г. Лениногорска Восточно-Казахстанской области был призван в ряды РККА.

С февраля по июнь 1943 г. в г. Семипалатинске учился в Тамбовском пехотном училище, но, не окончив его, был направлен в 13-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, где попал в саперно-подрывную роту. В 1944 г. часть переформировалась, и мое подразделение стало 113-м гвардейским отдельным саперным батальоном. В марте 1944 г. вступил в ВЛКСМ, в июне приехал на фронт. 17 июля 1944 г. при взятии высоты был тяжело ранен и в этот день механически выбыл из ВЛКСМ.

7 ноября 1944 г. возвратился в Лениногорск. 16 января 1945 г. поступил во ВСХИЗО, но от занятий, под давлением болей, пришлось отказаться. По болезни мне давали четыре отсрочки общей продолжительностью в два года.

8 января 1946 г. попадаю в госпиталь, где делают мне вторичную операцию. 4 июня выпи-сался из госпиталя, а с октября приступил к занятиям. В 1947 г. закончил 1-й курс плодовоощного отделения и перевелся на биофак ВГУ.

18.9.47.

А. Корневский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БУХАЛИНА Людмила Михайловна,
студентка географического факультета ВГУ
в 1940–1941, 1945–1949 гг.
Диплом с отличием

Я, Бухалина Людмила Михайловна, родилась 25 апреля 1923 г. в семье рабочего-железнодорожника на станции Чернышково Ростовской области. В 1932 г. я поступила во 2-й класс начальной школы. В 1934 г. мой отец был переведен дорожным мастером на станцию Мордвес Московской области, где я окончила семилетку. В 1937 г. вместе с нашей семьей я переехала на станцию Лев-Толстой и в 1940 г. окончила Лев-Толстовскую среднюю школу с аттестатом отличника. Весной 1940 г. я вступила в ряды ВЛКСМ.

По окончании десятилетки в 1940 г. я поступила в ВГУ, на 1-й курс географического факультета. Когда началась война, я добровольно вступила в 4-й Воронежский гвардейский полк, который в составе 1-й ордена Ленина гвардейской дивизии, а позже корпуса, отправился на фронт. В 1943 г. вступила в ряды ВКП (б).

В течение четырех лет войны я находилась в составе этой части, сначала медсестрой, затем разведчицей, а в конце войны – фельдшером полка. Имею несколько правительственных наград, в том числе два ордена Красной Звезды.

По окончании войны, в августе 1945 г., я демобилизовалась и вернулась в университет, на 2-й курс географического факультета.

В настоящее время являюсь студенткой 4-го курса географического факультета. С декабря 1946 г. я – член партбюро ВГУ и с января 1948 г. – член пленума Кагановичского райкома ВКП (б).

19.4.48 г.

Л. Бухалина

**ШИГИН Александр Григорьевич,
студент географического факультета ВГУ в 1946–1951 гг.**

Я, Шигин Александр Григорьевич, родился 26 октября 1924 г. в с. Елшанка Хвалынского района Саратовской области. До июня 1942 г. находился на иждивении родителей. В июне 1941 г. окончил 8 классов средней школы в г. Солнечногорске Московской области. В июле 1941 г. был мобилизован в молодежную бригаду на постройку оборонных сооружений в Брянскую область, где пробыл до сентября месяца 1941 г. После выполнения задания я вернулся в г. Солнечногорск.

Отец в это время находился в действующей армии, а мать с сестрами эвакуировались в г. Ядрин Чувашской АССР. Получив соответствующие документы от командования курсов «Выстрел», где отец служил в качестве воеводского курсанта, я поехал в г. Ядрин к матери, где и продолжил учебу. В июне 1942 г. я окончил 9-й класс и одновременно принимал участие в постройке оборонных сооружений. В феврале 1942 г. вступил в члены ВЛКСМ. В июне 1942 г. был призван в Красную армию в г. Кстов, в учебно-минометный полк. После окончания учебы, 12 августа 1942 г., был направлен в Москву, в дивизион бронепоездов на должность помнаводчика, и в составе которого в конце октября прибыл на Донской фронт.

В ноябре 1942 г. был направлен учиться в танковое училище г. Чкалова. В июне 1944 г. окончил Чкаловское танковое училище с присвоением звания мл. лейтенанта. После окончания училища получил назначение на должность командира самоходной установки в 386-й гв. самоходно-артиллерийский полк, в составе которого участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками с октября 1944 г. на 1-м Белорусском фронте.

10 марта 1945 г. был тяжело ранен и эвакуирован в полевой госпиталь. С 11 марта до ноября 1945 г. находился на излечении после ранения в госпиталях. В ноябре 1945 г. военно-врачебной комиссией признан негодным к военной службе по статье 11а43.гр II-III, приказ НКО № 336 от 1942 г., после чего был демобилизован из Красной армии. Комиссия ТЭК определила инвалидность II группы. С ноября по июль 1946 г. учился в 10-м классе вечерней школы рабочей молодежи.

Приказом по артиллерии 9-го танкового корпуса 2-й танковой армии за отличные боевые действия на фронте был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией» и представлен к награждению медалью «За взятие Варшавы».

Не судился.

Отец, Григорий Иванович Шигин, происхождение – из крестьян. В 1921 г. вступил в члены ВКП (б). С 1921 г. и по настоящее время в рядах Красной армии, в звании подполковник. Участник боев на фронтах Отечественной войны. Имеет боевые награды. Не судился.

Мать, Анастасия Ефимовна, происхождение – из крестьян. Домашняя хозяйка. Судимости не имеет.

Ни я, ни родные на оккупированной немцами территории не были. Родных за границей нет.

24/VII-46 г.

Шигин

Географический факультет
на первомайской
демонстрации 1948 года

ГЕОЛОГО-ПОЧВЕННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ХОЖАИНОВ Николай Павлович,
студент геолого-почвенного факультета ВГУ в 1939–1941, 1945–1948 гг.

Родился 11 августа 1921 г. в д. Верхнее Брусланово Краснинского района Орловской области. Отец до революции и после – рабочий, мать – домохозяйка.

В 1929 г. поступил в школу, в 1938 г. окончил 9-й класс средней школы г. Воронежа. С 1938 по август 1939 г. работал на заводе № 16 в г. Воронеже в качестве шлифовщика, одновременно учился в средней школе взрослых № 3 при заводе № 16. В 1939 г. окончил среднюю школу с отличными показателями и, как отличник, был принят без вступительных экзаменов на 1-й курс геологического факультета ВГУ. В 1939 г. был призван в РККА, но был оставлен до призыва 1940 г. Осенью 1940 г. вновь призван и получил отсрочку до окончания университета. После окончания 2-го курса проходил практику в Скопинской геологоразведочной экспедиции треста «Мосбассуглеразведка» в качестве коллектора. После возвращения с практики был призван в РККА в октябре 1941 г. Служил в 72-м запасном стрелковом полку, а в январе 1942 г. был направлен на Северо-Западный фронт, где участвовал в боях в составе 23-й стрелковой дивизии в качестве стрелка и пулеметчика.

С августа по декабрь – на Сталинградском и Донском фронтах. Тяжело ранен, находился на излечении до мая 1943 г. Затем был направлен в 59-й арtpолк Степного, затем 1-го Украинского фронтов в качестве командира отделения топовычислительного взвода. В боях за г. Лебедин был тяжело ранен второй раз и находился в госпиталях до мая 1944 г., после чего служил в 44-м запасном арtpолку 1-го Белорусского фронта.

В 1945 г., после демобилизации, восстановлен на 3-й курс геолого-почвенного факультета ВГУ.

Член ВЛКСМ с 1939 по 1942 г. Кандидат в члены ВКП (б) с 1942 по 1945 г. С 1945 г. – член ВКП (б).

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией».

Женат. Имею одного ребенка.

19/II-48 г.

Хожаинов

**ВАСИЛЬЕВА Елена Константиновна,
студентка геолого-почвенного факультета ВГУ в 1944–1949 гг.**

Я, Васильева Елена Константиновна, родилась в сентябре 1924 г. в г. Россошь Воронежской области в семье ветврача. В 1925 г. семья переехала в сл. Кантемировку Воронежской области, где прожила и я до 1943 г. безвыездно и окончила Кантемировскую среднюю школу с отличными и хорошими оценками в 1942 г.

С начала пребывания в пионерской организации и до 1939 г. была вожаким звена. В сентябре 1939 г. принята в ряды ВЛКСМ общим собранием первичной комсомольской организации при Кантемировской средней школе и назначена пионервожатым.

Затем в сентябре 1940 г. была избрана членом комитета первичной комсомольской организации средней школы и членом пленума Кантемировского РК ВЛКСМ. Кроме этого, с января по октябрь 1940 г. исполняла обязанности зам. председателя учкома, а в октябре 1940 г. избрана председателем учкома. В феврале 1941 г. была освобождена от обязанностей пионервожатого и председателя учкома в связи с тем, что была избрана в январе 1941 г. секретарем комитета ВЛКСМ Кантемировской средней школы, кем работала по март 1942 г., а в мае 1941 г. введена в состав бюро при Кантемировском РК ВЛКСМ.

На второй же день после окончания выпускных экзаменов (30 мая 1942 г.) я поступила работать в госпиталь общественницей, а по эвакуации госпиталя от сельсовета была послана на работы по сооружению оборонительных укреплений (близ г. Ровеньки Воронежской области). Возвратившись в Кантемировку (8 июля вечером) после окончания работ, в результате военного захвата немцами Кантемировки я осталась в оккупации с 10 июля по 19 декабря.

За полгода до оккупации райкомом ВКП (б) (секретарь т. Кулинченко, зав. военным отделом т. Михайлов) мне было предложено, в случае вхождения захватчиков на нашу территорию, остаться в тылу врага для выполнения поручаемых заданий. Я изъявила согласие. Но, находясь на оборонительных работах, не успела получить задание и, оставшись в оккупации и не имея ни с кем связи (а тем более в связи с неимением партизанского отряда), подрывных работ не вела, а лишь скрывалась до освобождения.

После освобождения временно исполняла обязанности секретаря Кантемировского РК ВЛКСМ, а затем была назначена зав. учетом РК ВЛКСМ.

24 января добровольно вступила в ряды РККА в качестве телефониста и пробывала на фронте по декабрь 1943 г. На левом берегу Днепра была ранена и по излечении возвратилась в свою воинскую часть.

7 декабря 1943 г., в связи с ухудшением состояния здоровья, была демобилизована из армии.

В настоящее время работаю на заводе им. Ленина в качестве старшей табельщицы. Комитетом комсомола назначена агитатором.

4/VII-44 г.

Е. Васильева

КЛЕКЛЬ Владимир Николаевич,
студент геолого-почвенного факультета ВГУ в 1940–1942, 1946–1949 гг.

Я, Клекль Владимир Николаевич, родился в марте 1922 г. в г. Воронеже в семье служащего. Отец работал бухгалтером, мать – преподавателем старших классов в 1-й средней школе г. Воронежа.

В 1931 г. я поступил учиться во 2-й класс 20-й средней школы г. Воронежа. В 1932 г. школу расформировали и перевели в 11-ю среднюю школу, которую я и окончил в 1940 г.

В 1937 г. отец был арестован и больше никаких известий о нем не имею. В феврале 1939 г. умерла мать.

В 1940 г. я поступил в Воронежский госуниверситет, на геологический факультет. В 1942 г. меня призвали в армию и направили на Дальний Восток, в 18-й Уссурийский кавалерийский корпус в качестве рядового, с которым был переброшен в декабре 1942 г. на Центральный фронт, где нас влили во 2-й гвардейский казачий кавкорпус. В 1943 г. в декабре я был направлен в Новочеркасское кавалерийское училище, которое окончил по первой категории, и 3 мая 1945 г. мне было присвоено маршалом кавалерии С. М. Буденным звание младшего лейтенанта кавалерии.

Дальнейшую службу я проходил в 5-й запасной кавалерийской бригаде в качестве командира сабельного взвода до расформирования части, затем был направлен в резервный офицерский полк командующего кавалерией, где пробыл до октября 1945 г. После этого был направлен в 4-й кубанский казачий кавкорпус, откуда и был демобилизован в апреле 1946 г. после рапорта на имя командира полка о демобилизации и представлении справки из Воронежского госуниверситета о том, что я действительно учился в нем до 1942 г. В мае 1946 г. я приехал снова в Воронеж, и 17 мая, приказом ректора, я был зачислен на 3-й курс геологического факультета.

Из родных имею одну сестру, которая закончила физико-математический факультет ВГУ в 1940 г. и работает в настоящее время преподавателем в 12-й средней школе г. Воронежа. Родственников, проживающих за границей, нет. Сам под судом и следствием не был. В окружении и на оккупированной территории также не был.

21/II-47 г.

В. Клекль

ЛЕДЯЕВ Михаил Иванович,
студент геолого-почвенного факультета ВГУ в 1938–1941, 1946–1949 гг.

Я, Ледяев Михаил Иванович, родился в 1919 г. в г. Барнауле. Отец мой с 1918 по 1941 г. служил в рядах РККА. В ноябре 1941 г. погиб на фронте Отечественной войны. Мать – домохозяйка.

В 1927 г. с семьей приехал в г. Воронеж. В 1938 г. окончил десять классов и поступил на первый курс геологического факультета Воронежского госуниверситета. В 1941 г., окончив 2 курса, поступил на завод № 18. В ноябре 1942 г. эвакуировался в г. Куйбышев. В марте 1943 г. призван в ряды РККА и, окончив 10-е радиокорсы в г. Хабаровске, был направлен в г. Тула, в управление военно-автомобильной дороги № 32, откуда с частью передислоцировался в Иран, где нес службу в должности начальника радиостанции. В мае 1946 г., на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20.03.46, демобилизовался.

Кандидат в члены ВКП (б).

17.08.46 г.

Ледяев

ЖАЛНИН

Дмитрий Митрофанович, студент геолого-почвенного факультета ВГУ в 1938–1941, 1948–1950 гг.

Родился 20 октября 1915 г. в семье крестьянина-бедняка Тамбовской области районного села Мучкап. До 1917 г. и после, до 1946 г., отец работал в пекарне в качестве пекаря, сперва в частновладельческой пекарне по найму, а позже – в советских пекарнях. Мать, братья и я занимались хлебопашеством, сперва в единоличном хозяйстве, а с 1930 г. в колхозе. В 1932 г. я вступил в Ленинский комсомол. В 1934 г. поступил на 1-й курс Острогожского вечернего рабфака, который окончил летом 1938 г.

В конце лета 1938 г. поступил на 1-й курс химического факультета Воронежского госуниверситета и после одного месяца занятий по собственному желанию был переведен на только что образовавшийся геолого-почвенный факультет.

10 июня 1941 г. я сдал все экзамены и зачеты 3-го курса, а 20 июня выехал в качестве геолога на практическую работу в Боринский и Нижнедевицкий районы Воронежской области в экологическую экспедицию под руководством профессора Дубянского при консультанте доценте Воронежского университета Кононенко и начальнике партии ассистенте ВГУ Кондрашове. 28 июня после окончания работы и предоставления геологического материала в Воронежский госуниверситет я 1 августа был призван в ряды Советской армии в Воронежское училище связи, которое окончил 10 марта 1942 г. в г. Самарканде.

Приказом Южно-Уральского военного округа был назначен начальником связи 122-го минометного полка АРГК (Артиллерия резерва Главного командования). 19 августа 1942 г. вместе с полком прибыл на фронт и вступил в бои в районе пос. Синявино и Мга на Волховском фронте. В марте 1944 г., будучи начальником связи артиллерийского дивизиона 706-го артполка, вместе с полком до конца Отечественной войны участвовал в боях Ленинградского фронта.

В декабре 1943 г. вступил в члены ВКП (б).

После окончания Отечественной войны и расформирования артполка был переведен начальником связи 695 ГАП, где служил до момента увольнения в запас, т. е. до 12 мая 1948 г.

За бои во время Отечественной войны награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Желая продолжить учебу, я неоднократно просил увольнения в запас, но до сих пор не имел возможности.

В настоящее время имею отца, Жалнина Митрофана, и мать, Жалнину Дарию, нетрудоспособных по старости, двух братьев в рядах Советской армии.

В окружении и оккупации не был. Уволен в запас в звании старшего лейтенанта.

22.06.48 г.

Жалнин

ОСТАПУК Тамара Ивановна,

студентка геолого-почвенного факультета ВГУ в 1943, 1945–1950 гг.

Я, Тамара Ивановна Остапук, родилась в 1920 г. в г. Карачев Орловской области. Отец мой работал фельдшером Карачевской амбулатории. В 1928 г. поступила в среднюю школу. В 1938 г. окончила среднюю школу. По семейным обстоятельствам продолжать свое образование не могла. Два года была в оккупации у немцев, где на глазах погибли от рук немцев-извергов мать, отец и ребенок. Муж угнан насильственным путем в Германию.

17/XI-43 г.

Остапук

Геолого-почвенный факультет на первомайской демонстрации 1948 года

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БУТЕНКО Анатолий Михайлович,
студент историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1945–1949 г.

Я, Бутенко Анатолий Михайлович, родился в 1919 г. в с. Марченково Ольховатского района Воронежской области. Родители мои – отец Бутенко Михаил Федорович и мать Шमितько Александра Денисовна – крестьяне, до и после революции занимались сельским хозяйством. С 29 г. в колхозе. Репрессивным мерам не подвергались.

Я в 1935 г., окончив семилетку, поступил в Острогожский ветзоотехникум, который и окончил в 1938-м со свидетельством помветврача. До 1939 г. работал в Кантемировском хозяйстве от облзо в качестве врача.

В 1939 г. был призван в ряды Красной армии. Участник финской войны 1940 г.

С первых дней на фронтах Отечественной войны. С июля 1944 г. уволен из армии по ранению, т. к. не имею обеих рук по локти. Пишу, кушаю, одеваюсь сам благодаря сделанной на правой культе предплечья операции Крукенберга (2 пальца).

Ввиду моего ранения работать по специальности ветврача не могу и в настоящее время являюсь бесполезным членом общества. А потому считаю нужным компенсировать свой физический недостаток образованием.

Комсомолец с 1936 г. Кандидат в члены ВКП (б) с 1940. Член ВКП (б) с 1942. Не судим.

16.IX.-44 г.

А. Бутенко

ЯРОВОЙ Глеб Владимирович,
студент историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1945–1949 гг.
Диплом с отличием

Я, Глеб Владимирович Яровой, родился 12/IX-1922 г. в Воронеже. В 1929 г. поступил в 1-й класс 7-й начальной школы. В конце 1931 г. переезжаю с родителями в Среднюю Азию – г. Сталинабад, где проучился 3 года. Отец мой работал юрисконсультom в «Таджикторге», а мать – секретарем-машинисткой. В 1934 г. мы переезжаем в Сибирь – на Балейские золотые прииски. Отец долго болеет язвой желудка и двенадцатиперстной кишки и в начале 1937 г. умирает. Последние классы средней школы я оканчиваю в г. Дмитрове (Московская область), где прожил с матерью до начала войны. Мать работала секретарем в редакции районного радиовещания. В 1940 г. я поступаю в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), где оканчиваю 1-й курс.

В ноябре 1941 г. мы с матерью эвакуируемся в г. Переславль, откуда в марте 1942 г. переезжаем на родину – в Воронеж, где я собираюсь поступить учиться в университет. Одновременно начинаю работать в группе ПВО Кагановичского района.

1 июля при бомбежке Воронежа был ранен и не смог уйти из города, внезапно занятого немцами. В конце июля вместе с остальным городским населением был выгнан немцами из города.

В эшелоне под конвоем немцев был привезен из Курска в Киев, откуда на следующий день был угнан на немецкую каторгу. Попал в Чехословакию – г. Варнсдорф, где проработал чернорабочим на деревоотделочной фабрике до апреля 1945 г. Перед приходом Красной армии в город активно участвовал вместе с чешскими антифашистами в деле захвата власти на местах, разоружения немецкой полиции, создании интернациональной боевой милиции и работе городской временной чешско-русской комендатуры. После прихода Красной армии в город (9/V-1945 г.) участвовал в организации местной культпросветработы, в проведении митингов солдат и офицеров Красной армии с освобожденным населением.

Все лето 1945 г. проработал в штабе военной части, организовавшей в г. Циттау репатриационный лагерь № 263. Пройдя фильтрационную комиссию НКВД СССР вернулся на родину – г. Воронеж – в сентябре 1945 г. С октября 1945 г. поступив в ВГУ на 2-й курс истфилфака, продолжаю прерванную войной учебу. Учусь только на «отлично», принимаю участие в общественной работе.

19/I-49 г.

Гл. Яровой

ШМОЙЛОВА Зинаида Ивановна,
студентка историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1945–1950 гг.

Родилась я в 1924 г., в июле месяце в Нижнедевицке в семье крестьянина-бедняка. Отец и мать занимались сельским хозяйством. В 1926 г. у меня умерла мама, а в 1930 г. умер мой отец. Еще при жизни моих родителей меня на воспитание взяла старшая сестра, которая стала мне мамой, а сестры муж – отцом. Новая моя семья – семья служащих.

В 1932 г. я поступила в 1-й класс начальной школы в Нижнедевицке, а в 1942 г. окончила там же десятилетку. В 1942 г., в феврале месяце в армию был взят мой отец, а я с мамой попала под временную оккупацию немцев. В оккупации была 7 месяцев.

Период оккупации был мучительным периодом. Немцы меня и маму выгнали из дома, а при своем отступлении сожгли наш дом, а нам, как и многим другим, оставили разрушения. 8 мая 1943 г. я ушла в армию, чтобы вместе с другими своими подругами отомстить

проклятым извергам за все нанесенные советским людям уроны. В армии служила в зенитно-пулеметном полку, участвовала в боях на ст. Бобровицы, на реке Висле, на реке Одере. 27 июля 1945 г. меня демобилизовали из армии, а 20 августа я пришла домой в Нижнедевицк, где и живу до настоящего времени.

Прошу принять меня в университет, на историко-филологический факультет. По окончании средней школы учиться не могла ввиду оккупации г. Воронежа.

29/8-45 г.

З. И. Шмойлова

ПУХОВ Федор Андреевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1946–1951 гг.
Диплом с отличием

Я, Пухов Федор Андреевич, родился в 1925 г. 13 июня в с. Пухно Ковалевского сельсовета Лискинского района Воронежской области. Родители мои до революции занимались сельским хозяйством, после революции – тоже. С 1930 г. в колхозе. В 1932 г. я начал учиться в Пуховской начальной школе, затем в Ковалевской неполной средней школе, которую окончил с отличием, и в 1939 г. был принят в Острогожское педагогическое училище.

В 1939 г. вступил в профорганизацию, в 1940 г. стал членом Ленинского комсомола. В училище вел общественную работу: староста группы, редактор газеты, ответственный по военно-физкультурному сектору при профкоме и председатель профкома. В 1942 г. окончил Острогожское педучилище.

В начале 1943 г. был призван в ряды РККА. Окончив полковую школу, я ушел в действующую армию. Участвовал в боях на трех фронтах: Карельском, где получил ранение, 2-м Украинском и 3-м Украинском. Имею 3 награды, 2 благодарности от Верховного главнокомандующего генералиссимуса Сталина.

В ноябре 1945 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР я демобилизовался со II очередью. В ноябре 1944 г. вступил в ряды ВКП (б).

23.07.46 г.

Ф. А. Пухов

РАЗМУСТОВ Борис Антонович,
студент историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1946–1951 гг.
Диплом с отличием

Я, Размустов Борис Антонович, родился 15 апреля 1925 г. в г. Тутаеве Ярославской области в семье служащего, где жил до 1933 г. В 1933 г. семья переехала на постоянное местожительство в г. Ярославль. В Ярославле я поступил учиться в первый класс средней школы имени Карла Маркса, в которой и учился до 1943 г. В 1940 г. вступил в комсомол.

В январе 1943 г., ввиду того, что вышел приказ о призыве 1925 г. рождения в Красную армию, я досрочно сдал экзамены за десять классов средней школы и получил аттестат. 21 января 1943 г. Кировским РВК г. Ярославля был призван в Красную армию и направлен в действующую армию, на Ленинградский фронт, в 351-й артиллерийский полк.

8 февраля 1943 г. принял военную присягу и был зачислен разведчиком на 20-ю батарею 4-го дивизиона вышеупомянутого полка. В июне 1944 г. партийной организацией 351-го полка был принят кандидатом в члены ВКП (б). В 351-м полку находился до ноября

1944 г. С ноября 1944 г. продолжал службу в 72-й отдельной Краснознаменной зенитной артиллерийской бригаде на должности командира отделения ПУАЗО-3. В июне 1945 г. был принят в члены ВКП (б).

23 октября 1945 г., на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.9.45 г. был демобилизован из Красной армии. С ноября 1945 г. занимаюсь самоподготовкой в вуз.

Семейное положение мое таково: отец, Размустов Антон Венедиктович, 1893 года рождения, работает главным бухгалтером в Ярославской областной конторе «Глававтотракторосбыт»; мать, Размустова Евдокия Федоровна, 1897 года рождения – домохозяйка.

Такова моя биография.

18.7.46 г.

Б. Размустов

**СВИРИДОВ Василий Григорьевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (история)
в 1946–1951 гг.**

Я, гражданин Свиридов Василий Григорьевич, родился в 1923 г. в с. Отскочном Хлебенского района Воронежской области в семье крестьянина. До 1930 г. жил в селе, а в 1930 г. переехал в г. Воронеж, где отец работает в хлебопромпечении в должности мастера-пекаря, а в дальнейшем – помощника зав. пекарней, экспедитором, а с 1938 г. – зав. магазином в Горпищеторге – до 1942 г., т. е. до ухода в армию.

В 1931 г. поступил в школу № 47 начальную, а после окончания ее – в 25-ю неполную среднюю, а с 7-го класса перешел в 65-ю среднюю школу и окончил ее в 1942 г.

В 1942 г. в июне я был призван в РККА и направлен в военное училище, где пробыл до ноября 1942 г. В связи с тяжелым положением на фронте училище было отправлено на фронт, в том числе и я. С ноября 1942 г. по март 1944 г. я был на фронте. За этот период был три раза ранен и на третий раз потерял левую руку, и в июне был демобилизован из РККА. За участие на фронте имею правительственную награду – орден Отечественной войны II степени.

После демобилизации жил в г. Воронеже и работал в Кагановичском райсобесе в должности инспектора. В 1945 г., за неимением квартиры, уехал в Донбасс, где работал в Красноармейскуголь при ОРСе на мельнице в должности приемщика-весовщика до 21 июля 1946 г. Сейчас приехал в г. Воронеж к отцу, который демобилизовался с армии и работает в горпищеторге зав. магазином. Вот так прожил я 23 года.

24/VII-46 г.

Свиридов

**ГУДОШНИКОВ Яков Иванович,
студент историко-филологического факультета ВГУ (филология)
в 1945–1950 гг.**

Я, Гудошников Яков Иванович, родился в 1924 г. в г. Москве в семье служащего. В настоящее время родители работают преподавателями основ марксизма-ленинизма ВСХИ. Я окончил школу-десятилетку в 1942 г. Осенью 1942 г. был призван в РККА и был направлен в военное училище. В январе 1943 г. весь состав училища был направлен в гвардейскую воздушно-десантную часть. До июля 1944 г. был на фронте, дважды ранен. Кандидат ВКП (б). Представлен к награждению орденом Красной Звезды. В настоящее время в результате тяжелого ранения я инвалид Отечественной войны.

Мой адрес: г. Воронеж, СХИ, корпус 2.

20/VII-45 г.

Я. Гудошников

ЖАРКИХ Иван Николаевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (филология)
в 1945–1950 гг.

Я, Жарких Иван Николаевич, родился 25 декабря 1919 г. в с. Лебяжье Землянского района Воронежской области в семье крестьянина-середняка. Начальную школу окончил по месту рождения. В 1932 г. вместе с родителями переехал на жительство в г. Воронеж, где в 1939 г. закончил 7-ю среднюю школу и поступил в пединститут, на факультет русского языка и литературы.

20 октября 1942 г. я был призван в ряды Красной армии.

С 1940 г. усиленно работал в советской прессе. В различных периодических изданиях мною напечатано до 50 стихотворений, несколько десятков статей, рецензий и корреспонденций.

В период Отечественной войны участвовал в обороне Севастополя, а с сентября 1943 г. – в гвардейских частях 2-го Украинского фронта, сначала на командно-строевой, а затем – на штабной работе на должностях офицерского состава.

В боях за Родину был четыре раза ранен. Награжден орденом Красной Звезды. В настоящее время являюсь инвалидом Отечественной войны II группы.

Член ВКП (б) с 1944 г., ранее был комсомольцем.

При решении вопроса о выборе себе профессии я твердо решил осуществить свое заветное желание – получить высшее литературное образование.

5 августа 1945 г.

И. Жарких

УДОДОВ Борис Тимофеевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (филология)
в 1945–1950 гг.
Диплом с отличием

Я, Удодов Борис Тимофеевич, родился в 1924 г., 27 июня в с. Новая Усмань Новоусманского района Воронежской области.

Родители мои до революции занимались сельским хозяйством (крестьяне-бедняки), после революции переехали в г. Воронеж, где работали в качестве рабочих на различных предприятиях и заводах города. В 1934 г. отец умер. Мать продолжала работать на заводе «Электросигнал» уборщицей.

В 1931 г. я поступил в 1-ю Московско-Донбасскую железнодорожную среднюю школу, которую окончил в 1941 г. с аттестатом отличника. Участь в этой школе, в 1939 г. вступил в ряды ВЛКСМ. Принимал активное участие в общественной и комсомольской жизни школы, являясь членом школьного комитета ВЛКСМ, а затем секретарем комитета.

В 1941 г. поступил в Воронежский университет, на историко-филологический факультет (по филологическому отделению). Как отличник был принят без вступительных экзаменов.

Так же, как и в школе, принимал деятельное участие в комсомольской работе университета, был членом университетского комитета комсомола. Зимнюю и летнюю сессии сдал на «отлично» (последнюю сдавал досрочно).

В июле 1942 г., во время наступления немцев на наш город, вступил добровольцем в ряды Красной армии. Принимал непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Отечественной войны.

В 1943 г., при форсировании Днепра (октябрь месяц), был принят в члены коммунистической партии (партибилет № 5786562). В боях за Советскую Родину дважды ранен. Награжден тремя правительственными наградами.

В июне 1946 г. демобилизовался из рядов Красной армии и возвратился к прерванной учебе. В конце августа этого года был зачислен студентом II курса историко-филологического факультета Воронежского государственного университета, где и учусь в настоящее время.

4 октября 1946 г.

Б. Удодов

МЕДВЕДКИН Валентин Матвеевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (филология)
в 1946–1951 гг.
Диплом с отличием

Я, гражданин Медведкин Валентин Матвеевич, родился 10 апреля 1926 г. в с. Московском Каширского района Воронежской области. Родители мои: Медведкин Матвей Георгиевич и Медведкина Анастасия Дмитриевна – до Октябрьской революции были крестьянами, а после революции перешли в ряды советской интеллигенции. В 1932 г. я поступил в 1-й класс Левороссошанской неполной средней школы, где проучился до 1937 г. В 1937 г. наша семья переехала на жительство в г. Воронеж, где я продолжал учиться в школе № 39 (ныне – 3-я мужская Сталинского района). В январе 1941 г. был призван в РККА мой отец, Медведкин М. Г., и погиб на фронте Отечественной войны в апреле 1942 г. Летом 1942 г. я, окончив 9 классов, ушел добровольцем в РККА, в рядах которой находился до июня 1944 г.

23 июня в боевой операции на Карельском перешейке (Ленфронт) получил тяжелое головное ранение и был отправлен на излечение в г. Ленинград.

Будучи признан негодным к несению военной службы при прохождении медицинской комиссии, демобилизовался в январе 1945 г. и приехал на жительство в с. Левая Россошь.

1 сентября 1945 г. я поступил на должность физрука Левороссошанской школы и, одновременно, учеником в 10-й класс этой же школы, каковую окончил 5 июля 1946 г. с получением аттестата зрелости.

18/VII-46 г.

К сему – Медведкин

ТИТОВ Сергей Николаевич,
студент историко-филологического факультета ВГУ (филология)
в 1946–1951 гг.
Диплом с отличием

Жизнь каждого человека имеет свои особенности, у каждого она складывается, отличаясь от других, ибо человеку дано право не только существовать, но и мыслить. Существование можно сделать подобно другому, но мысли не подчиняются физическому воздействию. Поэтому, суммируя существование и мышление человека, получается своеобразная история, называемая биографией. Итак, я хочу изложить свою автобиографию, поэтому приступаю к этому без лишних слов.

Я родился в семье агронома, проживавшего в деревне Ключниково Ногинского района Московской области, в 1925 г. июня 4-го дня. Родители мои – русские по национальности. Мне почти ничего не запомнилось из жизни дошкольного возраста. Помнится лишь, что я играл беспечно и думал: почему жаворонки поют на непонятном наречии и почему на дороге никто не бьет тарелок, чтобы я собрал осколки и играл в них? Так текли годы счастливого детства.

Когда мне исполнилось восемь лет, я пошел учиться в начальную школу в Истомкино, в двух километрах от Ключниково. Окончив там два класса, я переехал в Воронежскую область, в Липецкий район, где я продолжал учиться в школе. Учился я исправно и был в числе лучших учеников. Четвертый класс я кончил в Водопьяновском районе, куда мой отец был переведен на работу. В 1937 г. я окончил начальную школу, получив похвальную грамоту за отличные успехи в учебе. Неполную среднюю школу я окончил там же и тоже на «отлично», и передо мной осталась последняя ступень школьного образования, которую я кончал несколько необычно.

Участь в восьмом классе, в 1940 г., я вступил в ряды ВЛКСМ. Но вот началась война, и мечты об учебе и путях в жизни столкнулись с трудным препятствием. С первых дней войны я пошел на трудовой фронт. В Смоленской области мы копали противотанковые рвы. Вернувшись в августе 1941 г., я помогал в эвакуации Воропьяновской МТС. После разгрома немцев под Ельцом, я вернулся в свой район и опять поступил в школу – в 9-й класс. Трудности военного времени были преодолены, и я кончил 9 классов на «отлично». Спустя месяц меня мобилизовали сначала в ФЗО, где я работал на железной дороге, потом, в начале 1943 г., – в армию. Отсюда начинается моя солдатская жизнь.

Меня посылают в симферопольское пулеметно-минометное училище, в Саратовскую область. Проучившись там 4 месяца, я был отправлен в числе курсантов на Юго-Западный фронт. Как всегда у молодежи, фронт у меня в воображении был овеян прозрачной дымкой романтики. Но эти иллюзии были разбиты чуть ли не первым снарядом. Не прошло и двух часов, как я прибыл на фронт, а меня уже контузило. Я вспомнил шутку фронтовиков, что на фронте «не война, а убийство». Я попал в госпиталь и, пролежав там десять дней, снова поехал на фронт. На этот раз я попал в другую дивизию, но по-прежнему в пехоту. И я горжусь этим, ибо основные трудности войны приняла на себя пехота. На фронте дни одинаковые, и события для каждого солдата отличаются местом или ранением.

В августе и сентябре 1943 г. я в числе войск 3-го Украинского фронта прошел от Донца до Днепра. Потом освободили Запорожье, и уже за Днепром, в ноябре 1943 г., я был ранен пулей в шею и отправлен в госпиталь, где я пробыл до января 1944 г. Когда я стал вполне здоров и мог продолжать сражаться на фронте, я снова поехал на передовую. Я не описываю церемонии от госпиталя до передовой, потому что в них нет никаких хороших воспоминаний.

Итак, я снова на фронте и стал разведчиком при минометной батарее. Участвовал в форсировании Буга, Ингульца, Днестра, в освобождении Одессы. В июне 1944 г. наше соединение сняли с плацдарма за Днестром и отправили с 3-го Украинского фронта на 1-й Белорусский.

Историко-филологический факультет на демонстрации 7 ноября 1948 года

Там я участвовал в прорыве обороны немцев под Ковелем и форсировании Вислы. Некоторое затишье с сентября 1944 г. на нашем участке фронта дало возможность нам подготовиться к дальнейшим наступательным боям. В это время я вступил в ВКП (б) (октябрь 1944 г.).

В середине января 1945 г. я участвовал, по-прежнему разведчиком, в прорыве обороны немцев от Вислы до Одера. Наша часть сражалась с окруженным гарнизоном г. Познани. В уличных боях за Познань я был ранен и едва остался бы жив, но, как говорят, «не судьба умереть раньше смерти». Пуля попала мне около сердца и, задев грудную кость, застряла в легких. Друзья мои после шутили: «с свинцом в груди и жаждой мести», и я был счастлив, что пролил кровь за Отечество.

Я снова попал в госпиталь. Операцию мне не стали делать, и я, пролежав в госпитале до апреля, изъявил желание снова поехать на фронт в свою часть. Но разведчиком я уже не годился – пуля в груди давала о себе знать. Быстро освоил я рацию и стал радистом. В апреле 1945 г. я имел счастье участвовать в наступлении на Берлин. Это были памятные дни боев за столицу фашистской Германии. 2 мая мы узнали радостную весть – Берлин пал. После этого война у нас практически закончилась, но как-то не верилось: настолько радостным было это известие. Но вот 9 мая, незабываемый день Победы. И с этого дня началась мирная жизнь и учеба.

Я не буду распространяться о дальнейшей нашей жизни, она известна – мы охраняли честь и независимость Родины и выполняли указания советского правительства. Теперь, оглядываясь на пройденный путь, приятно чувствовать, что правительство отметило наши скромные ратные подвиги. Я награжден пятью правительственными наградами. Кроме того, я имею семь благодарностей т. Сталина, благодарность маршала Жукова и три благодарности командира части. Я подлежал демобилизации вследствие тяжелого ранения в грудь, и в октябре 1945 г. я выехал из части, в которой воевал и служил, которая стала для меня родной.

Мы ехали через Польшу, в частности через Познань. Пока наш эшелон стоял, я решил посмотреть место, где меня ранило. Оно было недалеко. Дом, у которого меня ранило, ремонтировался, а всё вокруг напоминало мне дни сражений. 19 ноября для меня двойной праздник – День артиллерии и дата прибытия в родной дом. По прибытии я не знал, куда мне определиться, но потом решил закончить среднее образование. Правда, мне было трудно, многое я забыл, но при желании я достиг значительных успехов и окончил 10-й класс. Теперь передо мной широкие дороги в жизнь.

22.VIII.46 г.

С. Н. Тутов

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОЩИН Владимир Алексеевич,
студент физико-математического факультета ВГУ (физика)
в 1937–1941, 1946–1948 гг.

Я, Рощин Владимир Алексеевич, родился в 1913 г., 5 ноября в г. Воронеже. Отец мой до 1917 г. работал продавцом в мясной лавке у хозяина. После Великой Октябрьской социалистической революции работал на Воронежской городской бойне сгонщиком скота. Умер от тифа в 1920 г. Мать была домашней хозяйкой и умерла в 1930 г. Так как мать после смерти отца осталась с 8 человеками детей, начиная с 6-летнего возраста и кончая 20-летним, то я был определен в детдом в 1920 г. и пробыл там до 1924 г. С 1924 по 1929 г. я учился в 9-й средней школе в г. Воронеже, окончив 4 класса. В 1930–31 гг. учился в школе переростков, которую окончить не смог вследствие тяжелого материального положения. В 1931–33 гг. работал чернорабочим на заводе им. Дзержинского в г. Воронеже. В 1933–35 гг. работал в оружейной мастерской при МВД шлифовщиком, а в 1935–36 гг. – в облоно в качестве кассира-инкассатора. В 1933–38 гг. учился на рабфаке при ВГУ. В 1937–1941 гг. учился в ВГУ, на физико-математическом факультете по специальности механика. Окончив 4 курса,

я в 1941 г. в августе месяце был мобилизован в РККА. В 1942 г. попал в плен под г. Изюмом. Пробыв в концлагере 6 месяцев, я бежал оттуда и, перейдя линию фронта (передовую), в 1943 г. вновь пошел на фронт. В январе 1944 г. был ранен в голову под г. Тарнополем. Был контужен под г. Львовом. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками был награжден двумя орденами Славы II и III степеней.

2/IX-46 г.

В. Роцин

КАВЕЦКИЙ Валерий Сергеевич,
студент физико-математического факультета ВГУ (физика) в 1944–1949 гг.
Диплом с отличием

Я, Кавецкий Валерий Сергеевич, родился в 1923 г. в семье рабочего Кавецкого Сергея Иосифовича. До революции с детских лет отец мой работал наборщиком в типографии г. Курска. Мать, Александра Константиновна Кавецкая, работала печатницей в той же типографии. До 1929 г. семья жила в г. Курске, а в 1929 г. отец был переведен на работу в типографию г. Львова Курской области.

В 1930 г. я начал учиться в Львовской городской средней школе и в 1940 г. кончил ее. В этом же году я поступил учиться во Львовский учительский институт, на физико-математический факультет. Полностью кончил первый курс, а потом, в 1941 г. 9 сентября, был призван рядовым в действующую Красную армию. Два с половиной года пришлось провести на фронте в боях с немецкими оккупантами. За это время мне было присвоено звание сержанта, потом лейтенанта, а потом старшего лейтенанта. 4 марта 1943 г. я третий раз был очень тяжело ранен (была оторвана разрывной пулей левая рука, а осколками мины повреждены правая рука и обе ноги). После продолжительного лечения в госпитале инвалидом Отечественной войны я вернулся домой в свою семью в г. Львов.

Член ВЛКСМ с 1939 г., никогда никаких комсомольских взысканий не имел. Никто из моих родственников и близких никогда не принадлежал ни к каким антипартийным группировкам, не раскулачивался, не лишился избирательных прав, не был судим и не подвергался арестам.

Старшая моя сестра, Кавецкая Раиса Сергеевна, в октябре 1941 г. окончила отделение геофизики Воронежского университета и в настоящее время работает начальником бюро погоды г. Воронежа. Отец до сих пор работает наборщиком в типографии г. Львова.

24/VI-44 г.

В. Кавецкий

ТИМОФЕЕВА Лидия Борисовна,
студентка физико-математического факультета ВГУ (физика)
в 1944–1949 гг.

Родилась в 1923 г., 29 ноября в г. Борисоглебске Воронежской области в семье преподавателя математики и физики железнодорожного техникума. В 1931 г. поступила в школу № 4 и в это же время начала заниматься музыкой. В 1935 г. мой отец был переведен по службе в г. Воронеж, куда мы переехали всей семьей. Здесь я поступила в 3-й класс средней школы и на 2-й курс музыкальной школы. В 1940 г. я окончила муз. школу и поступила в муз. училище. В 1942 г. я перевелась в 1-ю Московско-Донбасскую железнодорожную школу и в июне этого же года окончила десятилетку с отличным аттестатом. В продолжении всей учебы я училась в обеих школах на «отлично», каждый год получала грамоты и участвовала в общественной работе школы.

В июле 1942 г., после жестоких бомбежек, Воронеж заняли немцы, а в конце июля начали «плановое» выселение жителей из города, квартал за кварталом. 30 июля пришла наша очередь. Всем выселенным дан маршрут – пешком на с. Хохол, где был распределительный пункт. Оттуда шли опять пешком до ст. Кузиха, а здесь уже нас погрузили на открытые платформы и отправили на запад. После неоднократных погрузок и выгрузок наш эшелон прибыл в Винницу, где нам разрешили остаться. Первой мыслью по приезде было – найти кров и заработать на кусок хлеба. Поэтому пришлось сразу идти работать. Я поступила на работу копировщицей в жилищный отдел. За работу получала гроши, которых хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Об учебе нечего было и думать. Сначала в Виннице работали несколько техникумов (в одном из них – энерготехникуме – стал работать отец) и мединститут, но потом начались наборы в Германию. Молодежь и учащихся забирали, а техникумы и институт закрыли. За время немецкой оккупации пришлось много пережить. Каждый день надо было ожидать, что вот-вот заберут в Германию на каторгу. Особенно участились наборы в феврале 1944 г. Немцы видели свое поражение и спешили как можно больше людей увезти на каторгу. Только 20 марта весь город вздохнул свободно: в Винницу вступила наша освободительница – Красная армия. Теперь можно свободно трудиться и всеми силами помогать родине. 24 марта я поступила в Инвентаризационное бюро при Горжилуправлении техником-инвентаризатором, где работаю и сейчас.

4/VIII-44 г.

Л. Тимофеева

ЗАПЕСОЧНЫЙ Иван Прохорович,
студент физико-математического факультета ВГУ (рентгенофизика)
в 1945–1950 гг.
Диплом с отличием

Я, Запесочный Иван Прохорович, родился 12 мая 1922 г. в с. Митьки Ирклеевского района Полтавской области в семье крестьянина-середняка. Отец часто уезжал работать на производство, и в 1930 г. вся наша семья переехала на Донбасс к отцу. В 1933 г. семья переезжает в Ефремовский район Тульской области. Здесь случилось несчастье с моим отцом: на работе он потерял ногу и стал инвалидом. В 1936 г. переехали в с. Ламоново (под Курском). Здесь в январе 1937 г. умер отец, я остался на иждивении у матери и старшего брата, которому пришлось оставить школу. Летом 1937 г. прибыли в город Воронеж.

Здесь я учился в десятом классе. В 1938 г. вступил в комсомол. Принимал активное участие в общественной работе. В 1941 г. окончил десятый класс с аттестатом отличника. В 1941 и 1942 гг. в связи с болезнью легких был освобожден от воинской обязанности. В этот период работал учеником токаря на заводе им. Сталина, таксировщиком в транспортной артели, затем инспектором горбюро по мобилизации и распределению рабочей силы.

В июле 1942 г. при захвате немцами Воронежа был вынужден остаться в городе, т. к. была больна мать. Через месяц немцы выгнали все население из города, мне с матерью удалось добраться в с. Митьки Ирклеевского района Полтавской области, где жили наши родственники. Там мне пришлось выполнять различные сельскохозяйственные работы. Проводил агитационную работу против немцев среди населения села.

В конце сентября 1943 г. наше село было освобождено Красной армией, и я ушел в ее ряды. В ноябре 1943 г. был вновь принят в члены ВЛКСМ. Вначале находился в 210-м армейском запасном полку, затем – на фронте, в 40-й гвардейской краснознаменной стрелковой дивизии (4-я гвардейская армия). Был стрелком, пулеметчиком, некоторое время – комсоргом батальона. 28 марта 1945 г., при взятии крупного населенного пункта в Венгрии, был тяжело ранен в правую руку. В медсанбате мне сделали срочную операцию, затем через несколько часов отправили в другой госпиталь. Там я обнаружил, что моя старая гимнастерка, в которой был мой комсомольский билет, заменена другой. Билета разыскать не удалось.

После окончания госпитального лечения в сентябре 1945 г. я был демобилизован. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 годов» и «За взятие Будапешта». 15 ноября 1945 г. поступил на первый курс физико-математического факультета ВГУ, куда был принят без экзаменов как отличник средней школы и инвалид Отечественной войны. Совмещаю отличную учебу с активной общественной работой, награжден двумя почетными грамотами обкома ВЛКСМ.

31.3.50 г.

И. Запесочный

МУШЕНКО Тимофей Яковлевич,
студент физико-математического факультета ВГУ (рентгенофизика)
в 1939–1941, 1946–1950 гг.

Я, Мушенко Тимофей Яковлевич, родился в 1920 г. в сл. Михайловке Курской области. До революции отец, Яков Наумович, занимался хлебопашеством, а после переехал в г. Воронеж, где работал на разных предприятиях в качестве чернорабочего. Мать умерла в 1938 г. Помощи мне сейчас ниоткуда не предвидится.

В 1939 г. я окончил 2-ю железнодорожную школу в г. Воронеже и поступил на физмат ВГУ. 16 февраля 1940 г. был взят в армию. Был на фронте, ранен (ампутирована нога).

12 октября с.г. прибыл из госпиталя для продолжения учебы.

15.10.45 г.

Т. Мушенко

САВОСТЬЯНОВ Борис Константинович,
студент физико-математического факультета ВГУ (физика)
в 1939–1940, 1946–1951 гг.

Я, Савостьянов Борис Константинович, родился 22 января 1922 г. в г. Воронеже. В 1929 г. поступил в воронежскую среднюю школу № 9, которую окончил в 1939 г. В том же году поступил в Воронежский госуниверситет, где проучился до 1940 г. Летом 1940 г. прошел призывную комиссию и был призван в Военно-морской флот. Служить попал на Черноморский флот, в г. Очаков. В сентябре 1941 г. был ранен и находился на излечении в госпиталях до ноября 1941 г. Затем служил в Новороссийске. С января 1942 г. по июль участвовал в обороне г. Севастополя. При оставлении г. Севастополя, будучи раненым, попал в плен и находился в концлагерях на территории Крыма: Симферополь, Джанкой, Керчь. В середине ноября 1942 г. бежал из плена, переправился через Керченский пролив на Кубань. Скрываясь среди жителей, пробирался к фронту. Встретился с Красной армией в станице Черноерковской. С марта 1943 г. снова зачислен в Азовскую военную флотилию Черноморского флота, где служил сначала в охране рейда, а затем в морской пехоте.

С сентября 1943 г. по сентябрь 1946 г. служил в 384-м отдельном Николаевском Краснознаменном батальоне морской пехоты Черноморского флота. В составе данной части участвовал в боевых десантных операциях на берегах Азовского и Черного морей. В бою под г. Николаевом был третий раз ранен. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени и медалью «За победу над Германией».

В сентябре 1946 г. демобилизовался и поступил снова учиться в Воронежский госуниверситет, на физико-математический факультет, где и учусь в настоящее время на V курсе. В университете 3 года был профоргом группы, а на 4-м и 5-м курсах – старостой группы.

Отец мой в настоящее время пенсионер, а мать работает уборщицей в областном управлении сельского хозяйства.

24.III.1951

Б. Савостьянов

ЧУРСИН Герман Иванович,
студент физико-математического факультета ВГУ (физика)
в 1946–1951 гг.

Я родился 30 августа 1921 г. в семье железнодорожного телеграфиста в г. Сталинграде. По условиям работы отца семья наша переезжала несколько раз на разные станции Юго-Восточной железной дороги – Сталинград, Грязи, Отрожка, Воронеж. Там, где работал отец, я учился в школе.

В 1940 г. окончил десятилетку и осенью этого же года был призван в Красную армию. В 1943 г., в августе окончил военно-авиационную школу в г. Ташкенте и получил звание «младший лейтенант». После окончания школы служил в различных авиационных частях в должности штурмана экипажа бомбардировочной авиации. В марте 1945 г. в воздушном бою был тяжело ранен и в марте 1946 г. по состоянию здоровья из рядов Красной армии демобилизовался.

В настоящее время проживаю у отца. Отец работает в Управлении ЮВЖД.

За участие в Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В плену не был. В окружении не был. На оккупированной территории не был.

22.VI.46 г.

Г. Чурсин

Физико-математический факультет на первомайской демонстрации 1947 года

ХИМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АНОСОВ Иван Алексеевич,
студент химического факультета ВГУ в 1938–1941, 1946–1948 гг.

Я, Аносов Иван Алексеевич, родился в 1914 г. в с. Манино Синдякинско-го сельсовета Хлевенского района Воронежской области в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал с 1932 г., когда работал копировщиком на заводе № 16 г. Воронежа. В 1933 г. работал чернорабочим в авторемонтном заводе г. Воронежа.

С 1933 по 1937 г. учился в Воронежском техникуме путей сообщения № 1, по окончании которого работал помощником машиниста в паровозном депо Сальк Ростовской области. С 1938 по 1941 г. (на начало Отечественной войны) учился в ВГУ, на химическом факультете.

6 июля 1941 г. был мобилизован и направлен в Воронежское военное училище связи. Окончил его в январе 1942 г. в г. Самарканд со званием «лейтенант» и был в действующей армии. С 8 августа 1942 г. по 9 мая 1945 г. находился в плену в г. Грац (Австрия), лагерь Либенау.

Не судим и никаким репрессиям со стороны советской власти не подвергался. За участие в войне награжден медалью «За победу над Германией».

Демобилизован 4 декабря 1945 г., а с 15 января 1946 г. вновь восстановлен в число студентов ВГУ.

Отец умер в 1938 г., мать – в 1940 г.

1.10.46

И. Аносов

ШАТАЛОВА Зинаида Ивановна,
студентка химического факультета ВГУ в 1943–1948 гг.

Я, Шаталова Зинаида Ивановна, родилась в 1924 г. в с. Пады Боринского района Воронежской области в семье служащих. Отец мой до революции 1917 г. работал у хозяина, в 1918–22 гг. был в рядах Красной армии, после чего был членом волисполкома. Последнее время работал главным бухгалтером в воронежском ресторане «Бристоль» и в июле 1943 г. умер.

Я в 1932 г. пошла учиться в школу. В 1938 г. вступаю в ряды Ленинско-Сталинского комсомола. В 1942 г. кончаю полный курс 57-й средней школы г. Воронежа. В июне 1942 г. меня обком комсомола посылает работать старшей пионервожатой в пионерские лагеря, но в июле Воронеж попадает под временную оккупацию немцами. Я детей сдаю в Борисоглебский детдом, а сама подаю заявление о добровольном вступлении в РККА. И только в июне 1943 г. я устанавливаю связь с родителями. Видя возможность продолжать учебу, я прошу командование отпустить меня из рядов РККА. Моя просьба была удовлетворена, и в конце сентября данного года я выезжаю из части.

Сейчас желаю учиться в ВГУ, на химическом факультете, т. к. меня всегда интересовала химия, и плюс к этому выехать из Воронежа мне невозможно, ввиду того, что мама одна работает, а у меня еще сестренка учится в 8-м классе. Материально будет очень трудно.

30/Х-43 г.

З. Шаталова

МАЛЬЦЕВ Владимир Иванович,
студент химического факультета ВГУ
в 1938–1941, 1947–1949 гг.

Я, Мальцев Владимир Иванович, родился в г. Киеве в июле 1921 г. в семье военнослужащего. В 1922 г. отец демобилизовался и перешел на гражданскую работу. В 1929 г. в г. Рыльске Курской области я начал учебу в начальной школе. В 1938 г. закончил Львовскую транспортную среднюю школу и после сдачи вступительных экзаменов в сентябре 1938 г. был зачислен студентом 1-го курса Воронежского госуниверситета.

После окончания трех курсов химфака ВГУ, в августе 1941 г., я был мобилизован в ряды Красной армии и до января 1942 г. учился в Воронежском военном училище связи. В январе 1942 г. мне было присвоено звание лейтенанта войск связи, и я был направлен на должность командира телефонного взвода в 1052-й стрелковый полк, в составе которого до июня 1942 г. участвовал в боях на Юго-Западном фронте.

20 июня 1942 г. после окружения и тщетных попыток выйти из окружения был пленен под г. Белгородом и находился в плену в лагерях военнопленных Польши (Владимир-Вольнский, Брауншвенг). Весь этот период работал там на самой различной работе чернорабочим. 11 апреля 1945 г. был освобожден из плена и с мая 1945 г. по октябрь 1946 г. проходил госпроверку: сначала при 1-й Горьковской дивизии, а затем после ее расформирования при Тайшетском лагерном пункте. По окончании проверки получил необходимые документы и живу в г. Курске, по месту жительства своих родителей.

С февраля 1947 г. временно, до поступления на учебу, работал при курской облконторе «Откормскот».

[1947]

Мальцев

ДИДОРА Нина Филипповна,
студентка химического факультета ВГУ
в 1945–1950 гг.

Я, Дидора Нина Филипповна, родилась в 1924 г. в г. Балаклава Крымской области. Отец до революции был рабочим, после революции – служащий. Мать до и после революции – домохозяйка. Родственников за границей и связи за границей родители не имеют.

С 1932 по 1942 г. я училась в средней школе. Поступила учиться в г. Рассказово Тамбовской области, окончила Аннинскую среднюю школу Воронежской области. В 1939 г. вступила в члены ВЛКСМ. В школе выполняла общественные поручения: была секретарем первичной организации ВЛКСМ, членом бюро и членом пленума Аннинского РК ВЛКСМ.

В 1942 г. добровольно вступила в ряды Красной армии. На военной службе находилась три года, работала медсестрой в госпиталях и медсанчасти 2-й гвардейской армии.

В 1944 г. была принята кандидатом в члены ВКП (б) первичной парторганизацией ИГ-145 2-й гвардейской армии.

Имею правительственные награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В 1945 г. демобилизовалась.

Горю желанием получить высшее образование. Годы войны только усилили мое стремление к науке и веру в ее силу.

10.09.1945 г.

Н. Дидора

**ПОДВЯЗКИН Юрий Алексеевич,
студент химического факультета ВГУ в 1946–1950 гг.
Диплом с отличием**

Я, Подвязкин Юрий Алексеевич, родился 21 декабря 1925 г. в деревне Малые Салтычки Хворостянского района. Отец мой, Подвязкин Алексей Васильевич, окончил Усманское реальное училище и работал впоследствии бухгалтером. Мать моя, Шеманова Александра Павловна, окончила Усманскую гимназию и работает в настоящее время учительницей. Большую часть своей жизни я провел в г. Усмани. Здесь прошло мое детство, и здесь я в 1933 г. поступил в первый класс. В 1934 г. отец по работе был переведен в г. Шахты Ростовской области; в 1935 г. мы переехали в г. Моршанск, а в 1937 г. – в г. Липецк. С 1938 мы поселились в г. Усмани, где я жил до ухода в армию. Здесь живу в настоящее время. Здесь же я учился в течение последних пяти лет в школе № 6, а затем – в средней школе № 3. В 1940 г. вступил в комсомол. За время обучения в школе в течение 1–9-го классов обучения учился только на «отлично» и имею похвальные грамоты за 3–9 классы.

В начале войны при формировании отрядов самообороны вступил в усманский истребительный батальон, выполнял обязанности комсорга батальона. Служба в истребительном батальоне отнимала очень много времени, т. к. приходилось нести караульную службу, вести борьбу с диверсантами и дезертирами. Батальон отнимал по 12 часов в сутки, а остальное время оставалось отдыхать и учиться. Таким образом, учиться в 10-м классе стало очень трудно, и поэтому я не смог иметь такие же показатели, как в первые девять классов обучения. В аттестате я имею 7 оценок «отлично» и 9 – «хорошо».

13 февраля 1943 г. я был призван в ряды РККА и направлен в Моршанское пулеметно-минометное училище. Отсюда после четырехмесячного обучения наш курсантский минометный батальон направили на пополнение гвардейских парашютно-десантных бригад. В ноябре 1943 г. в боях под г. Орша я был ранен в левое бедро и отправлен в госпиталь в Москву. После излечения я попал в 184-ю Духовщинскую стрелковую дивизию. Служил там телефонистом, а затем начальником направления связи во взводе управления командующего артиллерией дивизии. Участвовал в боях за освобождение Витебска, Вильнюса, в форсировании Немана, в боях по выходу на госграницу. Наша 184-я ДСД вышла на госграницу с Германией и была награждена орденом Красного Знамени. Позднее я участвовал в боях первого прусского прорыва и в последнем наступлении с 13 января 1945 г. В боях юго-западнее Кенигсберга за г. Кройцбург и выход к морю 5 февраля 1945 г. я был тяжело ранен в левую руку и голову. Меня отправили в Иссенбер, а затем в Каунас и позднее на Урал, в г. Сарапул. Здесь я пролечился до конца мая 1945 г., и оттуда был выписан инвалидом 3-й группы со снятием с военного учета.

За время службы в армии я имею правительственные награды: медаль «За отвагу», орден Славы III степени и представлен к награждению орденом Красной Звезды, который я не успел еще получить в связи с выбытием из части по ранению.

После выписки из госпиталя живу в г. Усмани с матерью, учительницей, и готовлюсь к экзаменам в высшую школу.

20/VII-45 г.

Подвязкин

**СОКОЛОВ Василий Семенович,
студент химического факультета ВГУ
в 1938–1941, 1948–1950 гг.**

Родился в 1920 г. в семье батрака в с. Пыховка Новохоперского района Воронежской области. В 1928–1935 гг. там же получил семилетнее образование. В 1935–38 гг. учился в средней школе им. М. Горького в г. Новохоперске Воронежской области, по окончании которой в 1938 г. поступил на химический факультет Воронежского госуниверситета. В 1937 г. был принят в ряды ВЛКСМ.

На химфаке проучился до 1941 г., окончив три курса. В 1941 г. был мобилизован в Советскую армию и направлен в Воронежское училище связи. В марте 1942 г. его окончил и со сформировавшейся на ст. Абдулино Чкаловской области воинской частью выехал на Юго-Западный фронт. В июле 1942 г. ранен в окружении, пленен немцами. В плену находился в лагерях Бельгии и Германии с 1942 по 1945 г. В апреле 1945 г. был освобожден американскими войсками.

С 1945 г. по конец 1946 г. репатриирован и проходил госпроверку на ст. г. Козельск Калужской области и в г. Тайшет Иркутской области.

С начала 1947 г. и по настоящее время временно работал в учреждениях и восстанавливал силы.

Родители – отец и мать – проживают в с. Красное Новохоперского района Воронежской области. Среди родственников репрессированных и за границей – нет.

18.V.48 г.

Соколов

Химический факультет на демонстрации
7 ноября 1948 года

СТРУКОВ Федор Иванович,
студент химического факультета ВГУ
в 1940, 1945–1950 гг.

Я, Струков Федор Иванович, родился в марте 1923 г. в с. Новая Усмань Новоусманского района Воронежской области в семье крестьянина. Родители мои как до революции, так и после революции занимались сельским хозяйством.

Начиная с 1930 г. и по 1940 г. учился в Новоусманской средней школе № 1, где и кончил десять классов со званием отличника. В 1940 г. поступил учиться в Воронежский госуниверситет. По причине болезни я по собственному желанию прервал учебу, думая возобновить ее в 1941 г. (пробыл в университете до 7 октября 1940 г.). Но этому не суждено было сбыться: началась Отечественная война, и пришлось идти в ряды Красной армии.

Находился в Красной армии до февраля 1943 г. После тяжелого ранения был отпущен домой инвалидом Отечественной войны. С апреля 1943 г. работаю в Новоусманской семилетней школе № 3 в должности военрука школы. Желая как можно больше быть полезным Родине, я решил продолжить свое образование в высшей школе.

22/VII-45 г.

Ф. Струков

РОМАНОВ Евгений Леонидович,
студент химического факультета ВГУ в 1947–1951 гг.

Я, Романов Евгений Леонидович, родился 7 ноября 1918 г. в г. Валуйки Курской области в семье служащего.

Восьми лет я поступил в первый класс начальной школы г. Валук. В связи с переводом моего отца, Романова Л. Е., в г. Воронеж учебу я продолжил в г. Воронеже и в 1938 г. окончил рабфак при Воронежском химико-технологическом институте. В 1939 г. поступил в Воронежский химико-технологический институт, но, проучившись один семестр, был призван в ряды РККА.

В 1940 г. окончил полковую артиллерийскую школу в г. Кутаиси Закавказского военного округа. С 1941 г. – участник Отечественной войны. В 1942–1945 гг. находился в плену в Германии, в лагере военнопленных. После освобождения из плена вновь находился в рядах Советской армии. По окончании войны состоял руководителем армейского ансамбля песни и пляски.

В 1946 г. демобилизован из рядов РККА согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР. В 1946 г. восстановился студентом Воронежского химико-технологического института и в июле 1947 г. окончил первый курс.

В связи с выездом института в г. Ленинград и невозможностью по семейным обстоятельствам выехать из Воронежа учебу в институте прервал.

В настоящее время решил продолжить учебу в Воронежском государственном университете.

30 августа 1947 г.

Е. Романов

*Публикацию подготовил
 Дмитрий Дьяков*

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ИВАН ТОРОПЦЕВ, ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ И МИРА

На войне, с 1942 по 1945 год, будущий профессор Иван Торопцев был рядовым. Строил оборонительные сооружения и переправы, под бомбёжкой укладывал шпалы и рельсы. Когда прошли годы и десятилетия, он, великолепный знаток русского языка, не искал в разговоре на эту тему громких, пафосных слов, всегда говорил просто: «Я служил в действующей армии».

Иван Степанович Торопцев родился 9 сентября 1922 года в селе Коршеве (ныне Бобровского района Воронежской области). Это большое село – малая родина издателя Алексея Суворина и поэта Егора Исаева, который был на четыре года младше Ивана Торопцева.

В семь лет остался без отца; мама Пелагея Степановна поднимала в одиночку Ивана и двух его братьев. Коллективизация, кровопролитное коршевское крестьянское восстание весны 1930 года, голод 1933 года – такими недетскими вехами было отмечено начало жизни. В будущем он прилюдно не вспоминал о трагедии «великого перелома» в родном селе, но и в коммунистическую партию вступил только в конце 1970-х, когда был избран деканом. Кто знает, возможно, именно коршевские впечатления определили такое решение на многие годы.

В 1937-м Иван Торопцев окончил с отличием Битюгскую среднюю школу и поступил в Бобровское педагогическое училище. Как одного из лучших выпускников в августе 1940 года его направили на работу в кишлак Чеканд Хавастского района Ташкентской (ныне Сырдарьинской) области Узбекистана – учителем русского языка в средней школе, затем преподавал в неполной средней школе в кишлаке Болонд-Чакыр в том же районе.

С июля 1942 года – в Красной армии: техник-строитель, старший техник-строитель, коман-

дир взвода (всё в том же звании рядового военно-строительного отряда). Во фронтовой биографии Торопцева – боевые действия на московском направлении, освобождение Орла. Москва салютовала героям Курской дуги, но для однополчан Торопцева 5 августа 1943 года оказалось не финальной точкой, а только началом огромной восстановительной работы – отступая, фашисты демонстративно (альбом с фотоотчётом был отправлен в Берлин) взорвали в Орле и окрестностях все крупные здания, автомобильные и железнодорожные мосты, уничтожили рельсовые пути. Оставшиеся дома и проезжую часть улиц заминировали, город оставался без электричества и водопровода – по признанию немецкой газеты «Фелькишер беобахтер», все военные и хозяйственные объекты в Орле были «уничтожены или приведены в негодность».

Военные строители в самые короткие сроки возвели в городе речные переправы, расчистили пути для движения войск на запад. Так и пелось потом:

*С боем взяли мы Орёл, город весь прошли
И последней улицы название прочли:
А название такое, право, слово боевое:
Брянская улица по городу идёт –
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога,
Брянская улица на запад нас ведёт.*

В то время награды для рядовых солдат были редкостью – только спустя восемь месяцев Торопцев будет представлен к первой медали. В наградном листе, подписанном начальником 3-го фронтового управления оборонительного строительства инженером-майором Рогозиным 11 апреля 1944 года, отмечалось:

Красная армия входит в город Орел.
1943 год

«Выполняя боевые задания командования по восстановлению железнодорожного полотна на участке Корсунь-Губник и активно участвуя в строительстве мостов через реки Рось и Южный Буг, товарищ Торопцев умело руководил бойцами и местным населением, организуя работу таким образом, что любое задание в самых сложных условиях выполнялось бойцами на 210–220 %, а местным населением – на 150–170 %. В пургу, дождь, днём и ночью – всегда тов. Торопцева можно было видеть на работе среди бойцов и местного населения, всегда энергичным, мобилизующим на героический труд своих подчинённых.

Тов. Торопцев является требовательным к самому себе и подчинённым. О бойцах проявил отеческую заботу.

За самоотверженный труд и отличное выполнение заданий командования при строительстве мостов через реки Рось и Южный Буг представляется к правительственной награде – медали “За боевые заслуги”».

5 февраля 1945 года командир военно-строительного отряда № 138 инженер-майор Гончаров подписал второй наградной лист:

«Лучший командир взвода в 3-й роте. С начала Отечественной войны со своим взводом участвовал во многих строительствах оборонительных сооружений на Украине, в Румынии, на строительстве мостов на реках Буг, Днестр, Серет, Марош и Тиса. Во всех работах он со своим взводом, несмотря ни на какие трудности, под частым налётом вражеской авиации, в дожди, не считаясь со временем, днём и ночью досрочно выполнял задания командования и с отличным качеством.

Особенно тов. Торопцев отличился на восстановлении железной дороги Верещедьхаз – Вац и на строительстве железнодорожного моста на станции Сед [Венгрия]. Он умело, грамотно организовал взвод и на 48 часов раньше срока закончил укладку рельс и на 20 часов [раньше] – закончил мост на двух опорах пролётом 31,5 м. Взвод под его руководством выполнил на этих работах норму выработки 225 %.

На строительстве железнодорожного моста через реку Тиса в районе города Сольнок тов. Торопцев со своим взводом выполнял самые сложные работы: устройство эстакад, разборка и укладка рельс и т. д. В связи с тем, что началось быстрое таяние льда и мосту угрожала опасность сноса, тов. Торопцеву с взводом было приказано срочно построить ледорез. Он умело расставил силы взвода, отлично организовал работу, мобилизовал всех людей на героический труд, личным примером воодушевлял всех бойцов и на 8 часов ранее срока, данного командованием, закончил строительство ледореза, чем обеспечил безопасность моста.

За умелое руководство по восстановлению железных дорог в районе Верещедьхаз – Вац, моста на станции Сед и железнодорожного моста через реку Тиса, за отличную организацию указанных работ, за досрочное выполнение задания командования тов. Торопцев достоин представления к награждению медалью “За боевые заслуги”».

Казалось бы, будни войны – строительство переправ, обеспечение их исправности. Но риск здесь был, пожалуй, не меньше, чем на передовой. Читая эти строки, я вспомнил другой наградной лист – на моего двоюродного деда – воронежца Андрея Ти-

Скоростное восстановление разрушенных войной мостов. Орловско-Брянское направление. 1943 год

хоновича Кондратенко, командира отделения инженерного батальона. Он строил переправы в Польше, в представлении к ордену Отечественной войны 2-й степени заключительными были такие строки: «Работая на строительстве моста через реку Висла в районе северо-западнее Седлецаны и проявляя мужество и отвагу в руководстве своим отделением, он при очередном налёте авиации противника был тяжело ранен и умер от ран».

Торопцев остался жив в этом лихолетье. В начале февраля 1945 года был представлен к ордену Красной Звезды:

«Будучи командиром взвода и старшим техником, тов. Торопцев со своим взводом участвовал в строительстве многих оборонительных рубежей на родной земле, а затем на вражеской территории, особо отличился при наступлении войск 2-го Украинского фронта на венгерскую территорию на строительстве семи мостов через реку Тиса и на устройстве подходов к реке Дунай для её форсирования».

Тов. Торопцев со своим взводом всегда смело и энергично брался за работу и, несмотря на сложные условия работы при вражеском обстреле и бомбёжках, обеспечивал выполнение порученных ему работ, как правило, досрочно, чем создавал необходимые условия для успешного продвижения артиллерии, боевых машин, артснарядов.

Особенно взвод Торопцева отличился при выполнении задания при строительстве подходов к реке Дунай при его форсировании. Взвод тов. Торопцева под его волевым командирским руководством, несмотря на миномётный обстрел и бомбёжки, беспрерывно, работая в течение двух суток, обеспечил выполнение в срок устройства подходов.

За образцовое выполнение боевых заданий по строительству мостов и подходов на реке Дунай и проявленное личное мужество тов. Торопцев достоин представления к правительственной награде – ордену Красной Звезды».

Наградной лист подписал командир военно-строительного отряда № 138 инженер-майор Гончаров. «Достоин» – такими были резолюции начальника 3-го фронтального управления оборонительного строительства подполковника Рагозина и начальника инженерных войск 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Цирлина. Однако наградному листу почему-то долго не давали ход, и уже после победы, 11 мая 1945 года, на нём появилась пометка: «Наградить медалью “За отвагу”». Так без ордена, но с пятью медалями (ещё и «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») 23-летний Иван Торопцев вернулся домой.

Кого-то из оставшихся в живых война в итоге сломала, лишила сил жить и работать, но такие, как Торопцев, после победы хотели быстрее освоить мирную профессию, а для этого учиться и учиться. Кто знает, вполне возможно, что его настроение было созвучно хрестоматийным строкам Анны Ахматовой:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

В 1946 году вчерашний солдат поступил на историко-филологический факультет Воронежского университета, в числе его преподавателей были В. И. Собинникова, Е. П. Андреева, С. Г. Лазутин, С. Г. Фирсова, декан И. Я. Разумникова. К студентам-фронтовикам в ВГУ относились с максимальной симпатией. Но Торопцев, отказываясь от возможных поблажек в учёбе, всегда стремился быть первым – уже тогда сокурсники и преподаватели звали его по имени-отчеству. Будущий профессор З. Д. Попова вспоминала: «Группа у нас была дружная. Ваня Толстой, Ваня Торопцев, Серёжа Титов, Валя Медведкин – все фронтовики, все настроены на учёбу, все мечтали о мирной жизни и не обращали внимания на скудость нашего быта, на бедность университета. Надо работать – таскали доски, чтобы настелить их в Красном корпусе на 3-м этаже, засыпали шлак на крышу. Учебников не было. Сидели на ящиках из-под снарядов. Зимой в аудиториях холод. Но никто не унывал». А ещё каждый студент был обязан участвовать в разборе городских руин – собрать за день кубометр кирпича, годного для дальнейшего использования.

Другой сокурсник, тоже будущий профессор Б. Т. Удодов вспоминал о том, что в первом послевоенном наборе факультета не было «хвостистов», каждый второй студент в итоге стал доцентом или профессором. Торопцев почти все экзамены сдал на отлично, так же успешно защитил и дипломную работу «Бытовой словарь села Костёнки Гремяченского района Воронежской области», с августа по декабрь 1950 года, после окончания университета, работал школьным учителем в Эртиле, затем поступил в аспирантуру при кафедре русского языка ВГУ. Его научным руководителем была В. И. Собинникова.

Снова, как и в студенческие годы, поселился в университетском общежитии, но теперь у аспиранта Торопцева и его жены Антонины Сергеевны (окончила агрономический факультет СХИ) появились два сына. Преподавал русский язык в Воронежской партийной школе, в срок написал диссертацию «Суффиксальное словопроизводство имён существительных в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области».

Процедура защиты отличалась от современной. Вначале Торопцев защитил диссертацию на учёном совете факультета в марте 1954 года (это была одна из первых защит), затем состоялось утверждение на учёном совете ВГУ (апрель), и дело было направлено в ВАК. К тому же, по строгим правилам того времени, новоиспечённого кандидата наук ждало распределение – скорее всего, в один из периферийных вузов бескрайней страны. Наудачу Торопцева воз-

Иван Торопцев –
студент 1-го курса истфилфака ВГУ.
1945 год

можная вакансия обозначилась в Орловском педагогическом институте. Заведовавший там с 1944 года кафедрой русского языка Сергей Иванович Котков (1906–1986) накануне защитил докторскую диссертацию и получил приглашение на должность заместителя директора Института русского языка Академии наук СССР, а читавший языковедение преподаватель давно обошёл все другие институты и в итоге уволился и из ОГПИ. Пока шло оформление Коткова в столице, и. о. директора орловского вуза математик С. М. Горшенин обратился в союзное Министерство высшего образования с просьбой срочно найти молодого высококвалифицированного лингвиста. Выбор пал на Торопцева, который в то время был преподавателем-почасовиком кафедры русского языка Воронежского пединститута.

Однако, несмотря на официальное направление министерства, в апреле 1954 года Торопцева оформили в Орле лишь на должность старшего преподавателя-почасовика. Руководство вуза приглядывалось к новичку. И только вновь назначенный ректор Орловского пединститута Георгий Михайлович Михалёв (прежде он работал в Тамбове, в 1937 году окончил пединститут в Воронеже, так что вполне разбирался «кто есть кто» среди научных кадров Черноземья) принял в конце августа 1954 года однозначное решение: рекомендовать Торопцева на должность заведующего кафедрой ОГПИ. Соответствующие бумаги были отправлены в Министерство просвещения РСФСР (оно принимало окончательное решение),

Разрушенное здание Орловского педагогического института. 1943 год

и спустя две недели был получен приказ главного управления подготовки учителей о назначении Торопцева.

Котков был кумиром орловских студентов, но его преемнику Торопцеву предстояло идти дальше. И это не банальная фраза, если вспомнить, что молодой учёный защитил кандидатскую диссертацию всего год спустя после смерти Сталина. Тот же профессор Котков ещё в 1952 году начинал свои научные труды таким вступлением: «Товарищ Сталин указывает, что курско-орловский диалект “лёг в основу русского национального языка”. Поэтому выяснение истории носителей курско-орловских говоров представляется очень важным»...

Молодой возраст нового заведующего кафедрой трудно было назвать недостатком, тем более что ему и его коллегам предстояло, по сути, создать новый вуз. В разрушенном войной Орле пединститут временно размещался в старом особняке на Московской улице – бывшем штабе Черниговского гусарского полка, которым когда-то командовал великий князь Михаил Романов. Хорошее место в центре города, старые добротные стены, но теснота неимоверная – здесь едва ли хватило бы места для неполной средней школы... Уже строился новый главный корпус (его открыли в 1957 году). А накануне, в 1956 году, все педагогические вузы страны перешли с четырёхлетнего на пятилетний срок обучения.

Торопцев в годы войны не щадил жизни ради свободы Орловщины, теперь он не жалел сил и времени для подготовки учителей, развития вузовской науки в Орле, в городе, где к нему относились с особым уважением, как к фронтовику-освободителю. Возрождавшаяся после войны земля Тургенева и Фета, Лескова и Леонида Андреева была необык-

новенно богата своим народным языком, литературными памятниками. Торопцев сразу берётся за работу над темой использования краеведения в преподавании языка, в 1959 году в сборнике совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (ВГУ, 1959) появляется его статья «К вопросу о принципах подбора слов для словаря орловских говоров». По инициативе заведующего кафедрой начинаются фольклорные экспедиции студентов. Так было положено начало масштабной (на несколько десятилетий) собирательской и аналитической работе. Так налаживалась прочная связь филологов ОГПИ с ВГУ.

В личном деле Торопцева мне встретился нетривиальный ответ на традиционный вопрос «Пребывание за границей»:

«1944–1946 г. – с частями Советской армии в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

1958–1959 г. – преподавал русский язык в Институте русского языка и литературы в Праге.

1961 г. – преподавал русский язык на курсах усовершенствования учителей в Дьере (Венгрия)».

Заграничные поездки не были для него некоей формой «делового туризма». Вот свидетельство ученика Торопцева профессора Г. Ф. Ковалёва: «Он довольно хорошо освоил чешский язык, познакомился со многими видными чешскими лингвистами (среди них – Милош Докулил и Александр Вурм), оказавшими на него значительное влияние в научном плане. С этой поры у него зарождается идея ономазиологического подхода к изучению словообразовательных процессов в языке и речи».

Торопцев углубляет свои познания не только о русском языке, но и об иностранных – в итоге овладел немецким, польским, чешским, украинским и

белорусским языками (он был убеждён, что каждый филолог, даже аспирантского уровня, должен знать как минимум один славянский язык). Выступал с докладами на международных конференциях, создал в Орле проблемную лабораторию ономастических исследований и руководил ею, это научное сообщество объединило два десятка языковедов. Уже в феврале 1965 года в передовой статье «Выше уровень научной работы» в многотиражной газете вуза кафедра Торопцева была отмечена на втором месте в ОГПИ по этому направлению.

Регулярно появляются публикации Торопцева в «Учёных записках Орловского государственного педагогического института» (1958, 1962, 1964), в аналогичном издании Курского пединститута (1974–1978), в сборниках 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (1961), Московского областного пединститута, Ростовского университета (1961), ВГПИ (1962), ВГУ (1959, 1962, 1964), в изданиях Ташкента, Тамбова, Борисоглебска.

Иван Степанович по решению Министерства высшего и среднего специального образования СССР с 1962 года руководил аспирантами. В следующем году он был назначен руководителем секции русского языка на конференции вуза по итогам научной работы преподавательского состава. Возглавлял библиотечный совет ОГПИ, был деканом общественного факультета русского языка и литературы, читал лекции по путёвкам общества «Знание».

Усилия Торопцева и его коллег-преподавателей уже скоро дали весомый результат. Орловский пединститут поначалу имел третью категорию, в 1962 году получил вторую, спустя четыре года – первую категорию и вскоре прочно обосновался в десятке лучших педагогических вузов СССР.

Ещё с 1966 года, после разрушительного землетрясения в Ташкенте, на национальном отделении историко-филологического факультета ОГПИ стали учиться студенты из республик Средней Азии, будущие учителя русского языка и литературы. В 1971 году началась переподготовка преподавателей педагогических училищ РСФСР, чуть позже был открыт факультет повышения квалификации учителей из Польши (тому предшествовала поездка Торопцева по вузам Польской Народной Республики в составе делегации Орловского и Киевского пединститутов – её пригласило Министерство просвещения ПНР для ознакомления с постановкой преподавания русского языка).

Профессор Орловского госуниверситета Борис Иванович Прутцев в то время как раз преподавал в Польше и на месте вошёл в состав делегации: «Иван

Степанович был настолько деликатен и деятелен в общении с польскими коллегами, что, казалось, он много лет только и готовился к этой встрече. И там, и впоследствии, в Орле, я всегда обращал внимание на его выступления на учёном совете: конкретные, не крикливые, а доброжелательные. Он никогда себя не выпячивал, не любил панибратства».

Заместитель директора Орловского музея И. С. Тургенева, заслуженный работник культуры России Лариса Викторовна Дмитриюхина вспоминает: «Торопцева мы, студенты, все любили. Это был истинный человек науки. И свой предмет он преподавал так методично и чётко, как можно преподавать только математику». А вот мнение заведующей читальным залом отдела фондов этого же музея Светланы Дмитриевны Симеоновой: «Учиться у Торопцева было интересно, но очень трудно – приходилось скрупулёзно вникать во все тонкости ономастологии, прорабатывать каждую строку конспекта. У него не было любимчиков – зато он всегда прекрасно чувствовал способности и уровень знаний каждого студента. О войне, о боях за Орёл никогда не вспоминал. Удивительно скромный и доброжелательный человек, настоящий профессор».

Нина Дмитриевна Кабанова, приехавшая в Орёл из Алма-Аты в 1973 году и трудившаяся на факультете по работе с иностранными учащимися, отзывается о своём научном руководителе как о человеке исключительной порядочности, нетерпимом к верхоглядству в научной работе, тактичном, немногословном. Впервые приехав в институт и не зная, как выглядит её научный руководитель, она интуитивно выделила его среди группы преподавателей, шедших из одного учебного корпуса в другой. Он очень отличался от всех: и осанкой, и одеждой (хотя и весьма скромной), и выражением лица.

Доцент Орловского госуниверситета, кандидат филологических наук Татьяна Алексеевна Глущенко: «Очень независимый человек, имевший своё мнение. Для нас он был образец учёного, мы понимали, что это человек из других, очень высоких сфер. Ходил всегда в чёрном классическом костюме. Атрибуты – галстук и портфель – также всегда на месте.

Коллеги порой тихо посмеивались: «Эту науку знает только он сам». На спецсеминаре я «переводила» своим однокурсникам то, что он говорил. Это было очень интересно – понимать, как рождается слово. Он был всегда вежливым и корректным, но иногда могли прозвучать нотки раздражительности, негодования. Однажды всё-таки услышала через дверь жёсткость в его разговоре – он выговаривал на кафедре преподавательнице, которая не понимала и не хотела что-то понимать и делать.

Торопцев – тот человек, который “толкнул” меня в науку. После работы учителем в сельской школе пришла на кафедру лаборантом. Он однажды сказал: “А что вы тут сидите, вяжете? Вы же всегда хорошо учились. Возьмите тему, начните сдавать кандидатский минимум”. И я записалась на сдачу экзамена... Да, он мог строго спросить с учеников, но, когда защищала диссертацию в ВГУ, принял самое радушное участие».

Филологический факультет ОГПИ жил тогда насыщенной жизнью: помимо учёбы – спорт, туризм, художественная самодеятельность, клуб поэзии, объединение вожатых, стройотряды и народные дружины... Здесь тогда работали выдающиеся тургеневеды Г. Б. Курляндская и В. А. Громов, литературоведы М. В. Минокин, А. В. Кушаков, знаток зарубежной литературы И. Г. Гусманов, писатель-литературовед Л. Н. Афонин – по его инициативе собирались поэтические часы и семинары, литературные среды, служившие развитию творческих и научных способностей студентов.

Тогда в ОГПИ было всего несколько профессоров – докторов наук. Естественно, и руководство вуза, и заведующие кафедрами настойчиво ставили в повестку дня вопрос о защите докторских диссертаций. Торопцев интенсивно работал над фундаментальным очерком ономазиологии, на время (с марта 1962-го по февраль 1964 года) стал старшим научным сотрудником кафедры. В итоге диссертация «Очерк русской ономазиологии (возникновение знаменательных лексических единиц)» была готова уже в 1965 году, защита её состоялась в марте 1970 года в Ленинградском университете. В тот же год он вошёл в состав Учёной комиссии по русскому языку при Министерстве просвещения РСФСР, в следующем году был утверждён в звании профессора и возглавил кафедру общего языкознания и истории языка ОГПИ.

Увлечённый идеей развития вуза ректор Михалёв всегда поддерживал и поощрял Торопцева: неизменные благодарности к праздникам, представления на награждение (юбилейные медали, медаль «За доблестный труд», знаки «Отличник народного просвещения» и «Отличник высшей школы», грамоты Орловского обкома КПСС и облисполкома). Так, в спецвыпуске вузовской многотиражки для абитуриентов (1970) Торопцев был назван на первом месте среди кандидатов наук историко-филологического отделения. Его имя также поставлено первым в приказе о занесении на доску почёта лучших преподавателей ОГПИ – к 40-летию вуза. Особая благодарность была выражена за образцовую постановку работы со студентами-заочниками – по этой

позиции ОГПИ был признан одним из лучших педагогических вузов СССР. В 1974 году возглавляемая Торопцевым кафедра получила право издания республиканских (РСФСР) проблемных сборников по русской ономазиологии, под его научной редакцией вышли из печати четыре тома «Проблем ономазиологии» (Орёл – Курск, 1974–1978) – единственного специализированного издания по этой теме. Торопцев организовал содружество учёных Черноземья, занимавшихся ономазиологией и словопроизводством: проходили конференции, встречи в Орле, Рыбном и других городах. По мнению профессора Орловского университета имени И. С. Тургенева, доктора филологических наук Маргариты Сергеевны Зайчёнковой, это был образец научной школы, более того, традиции современного филологического факультета появились во многом благодаря Торопцеву.

Как гром среди ясного неба летом 1975 года в институте прогремело заявление Торопцева о его желании принять участие в конкурсе на замещение должности профессора ВГУ. После 20 лет успешной работы в вузе оставить его? Недоумение сквозит в характеристике, подписанной ректором ОГПИ Михалёвым 15 июля 1975 года: «Тов. И. С. Торопцев читает лекции и проводит практические, семинарские занятия на высоком научно-теоретическом уровне, большое внимание уделяет организации учебного процесса на факультете и повышению научной квалификации сотрудников кафедры, руководит аспирантами и индивидуальной научной работой студентов».

Под его руководством обучалось 12 аспирантов, из которых защитили шесть кандидатских диссертаций, двое допущены к защите.

Свою производственную и научную работу тов. Торопцев умело сочетает с общественной, но не всегда проявляет достаточную активность, особенно после защиты докторской диссертации.

Тов. Торопцев И. С. добросовестно относится к работе, дисциплинирован, требователен к себе и членам кафедры, пользуется заслуженным авторитетом среди товарищей. 3 июля 1975 г. по конкурсу был избран заведующим кафедрой языкознания и истории языка, но без всяких оснований и без предупреждения решил уйти из института, что окажет отрицательное влияние на работу кафедры».

Решения и поступки личности такого масштаба, как Торопцев, если и судить, то столь же масштабной мерой. Можно предположить, что ректор института расценивал защиту его докторской диссертации как некий итог, а сам Торопцев – как старт новой большой научной работы. Уехать, как в молодости, начать всё сначала: университетский формат объективно давал больше возможностей.

Ещё две возможные причины – квартирный вопрос (большая семья: два сына, дочь, невестка, – жили в Орле в трёхкомнатной квартире, переоборудованной из послевоенного студенческого общежития), желание быть ближе к родным местам, к родным людям. Один брат, Андрей, уже вышел в отставку с военной службы в звании подполковника, другой, Дмитрий, инвалид Великой Отечественной войны, был колхозником в Коршеве.

На выборе профессора сказывалось, вероятно, и то, что оттепель конца 1950-х – середины 1960-х годов окончилась, началась «зима» начала 1970-х. Честные и независимые люди становились не востребова­ны. В таланте и гармонии власть имущие особо не нуждались; индивидуальность и собственный стиль отступали под натиском прагматики и казённого энтузиазма. Наверное, судьбы учёных-гуманитариев и науки в целом в 1970-е годы – тема целой книги, вот лишь эпизод: осенью 1970 года Торопцев был на два года командирован на преподавательскую работу в Польшу, но в последний момент по неизвестным нам причинам его командировка была отменена.

К середине 1970-х в пединституте уже выросли новые кадры языковедов, в Орёл приехал Ростислав Николаевич Попов, профессор из Череповца, в

1970 году защитивший докторскую диссертацию в Ленинграде (но не в ЛГУ, как Торопцев, а в ЛГПИ имени А. И. Герцена).

Так или иначе Торопцев победил в конкурсе и в феврале 1976 года был назначен на должность профессора кафедры русско-славянского языкознания ВГУ. Стоит ли современным орловцам сожалеть о том, что он не остался тогда в Орле? Может быть, лучше говорить с гордостью о том, что здесь он стал доцентом и профессором, заведующим кафедрой и главой лаборатории, написал докторскую диссертацию. К тому же из ОГПИ, как ни парадоксально, Торопцев тогда не ушёл – ещё несколько лет руководил здесь своими аспирантами и докторантами, регулярно приезжал на своеобразные «научные сессии». Неслучайно на конференции в Орле, посвящённой 85-летию со дня рождения Ивана Степановича, его первая аспирантка М. С. Зайчёнкова сказала так: «Неоценимая заслуга его как руководителя состояла в том, что он дал великолепный импульс и научил нас работать – работать в отнюдь не лабораторных условиях, преодолевая подчас очень нелицеприятную реакцию оппонентов. Поэтому сохранилась лаборатория ономаσιологических исследований, состоялись защиты докторских диссертаций сначала О. А. Габинской, потом мною. А самое главное –

Встреча однокурсников через 20 лет после выпуска.
Слева направо: сидят – Г. Ф. Бирюков, Я. И. Гудошников, В. В. Рябушкин, И. Мочалов, Б. Т. Удодов;
стоят – С. М. Медянский, И. С. Торопцев, И. В. Трофимов. 1970 год

Профессор И. С. Торопцев с внучкой Юлей.
1978 год

ономасиологическая теория И. С. Торопцева получила развитие в докторских диссертациях III поколения – В. П. Изотова, Л. В. Алёшиной, Л. И. Плотниковой».

Хорошо знавшие Торопцева воронежские филологи всегда ценили его твёрдый характер, выдержку и доброжелательное отношение к людям – поэтому уже в июле 1976 года, всего через четыре с небольшим месяца после прихода в университет, он был избран деканом филологического факультета (вновь избран на эту должность в ноябре 1981 года). Профессор Г. Ф. Ковалёв отзывался о нём так: «Сердечный и открытый, глубоко порядочный и доброжелательный человек, Иван Степанович заслужил любовь и уважение не только коллег, но и студентов».

По праву абитуриента 1981 года и автор этих строк готов поделиться воспоминанием о своём первом декане. Впервые я увидел его на зачислении – так тогда называли процедуру, завершавшую вступительные экзамены. Мы, уже почти первокурсники отделения журналистики, собрались утром в деканате. Секретарь вызывала каждого по списку в зависимости от количества набранных баллов. Моя

очередь была одной из первых. Помню, как зашёл в кабинет, где Торопцев сидел за столом в окружении младших коллег. Прозвучали какие-то анкетные вопросы, были сделаны уточнения. Торопцев сквозь очки внимательно и вполне доброжелательно смотрел на нас, улыбкой приветствуя в стенах родного университета. Пожелал отличной учёбы, а для начала предложил дней десять поучаствовать в подсобных работах на ремонте в общежитии и в корпусе на Пушкинской, 16. Всё это было сказано по-житейски мягко, без нажима, без подчёркивания некоего превосходства над вчерашним школьником. Как я потом понял, такой была манера общения с нами профессоров-фронтовиков – не только Торопцева, но и Г. В. Колосова, Г. В. Антюхина, Б. В. Кривенко.

Таким увековечен Торопцев и в гимне филологического факультета, который написал когда-то Л. Е. Кройчик:

*Приходит расставанья час,
Уходят в школу ветераны,
Нелёзок миг, но согревает нас
Улыбка нашего декана.
И пусть чередой летят года
Над бесприютною планетой –
Как путеводная звезда
Нам светят окна факультета.*

Несмотря на добрый нрав, Торопцев любил острые научные дискуссии. Ему вообще нравилось, когда студенты задают вопросы. Что-то доказывая или опровергая, он порой делал паузу: «Это я так думаю, вы можете думать по-другому». Профессор З. Д. Попова в статье, посвящённой его 60-летию, писала: «В Воронеже в содружестве с учениками и аспирантами, возражения и критику которых Иван Степанович (редкое качество) охотно и с удовольствием слушает и обсуждает, углублялась и уточнялась словопроизводственная модель учёного». Занятие наукой становилось всё большей и большей частью жизни профессора. Он стал председателем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по русскому языку при ВГУ (создавал совет вместе с профессором И. П. Распоповым, а с 1982 года, после смерти Игоря Павловича, руководил советом). Здесь защищались не только воронежцы, но и соискатели из Свердловска, Душанбе, Тюмени, Глазова, Луцка, Глухова. Немало было и работ, выполненных под руководством Торопцева, – защищались его ученики из Свердловска, Волгограда, Белгорода, Тамбова. В июне 1984 года Иван Степанович ушёл с должности декана. Работал

на кафедре русского языка, редактировал сборники научных статей, руководил экспертной комиссией по филологическим наукам в ВГУ, был председателем ГЭК в ВГПИ.

В Воронежском университете Торопцев подготовил и опубликовал две своих программных монографии: «Словопроизводственная модель» (1980) – на материале русского языка; «Язык и речь» (1985) – о проблемах общего языкознания.

Читая эти книги, видишь, насколько интересовали учёного физиологические и психологические аспекты языка. Он настаивал на термине «индивидуальная языковая система». По мнению профессора И. А. Стернина, Торопцев стал одним из первых в отечественной науке последовательных представителей такого направления, как изучение языка в тесной связи с человеческим фактором.

Торопцев стоял у истоков когнитивной лингвистики, был первым в стране ономасиологом. Профессор Г. Ф. Ковалёв отмечал: «В отличие от словообразования и семасиологии ономасиология рассматривает не содержательные компоненты готового слова (морфемы, семы) и систему их организации, а процессы формирования слов из первичных, чаще всего описательных, номинантов. Заслуга И. С. Торопцева в том и состоит, что он первым обосновал методику исследования, подробно описал этапы формирования того, что ещё не объективировалось в языке до вербально выраженных номинантов».

Прочитав также завершающую часть книги «Язык и речь» (ВГУ, 1985): «Соотношение между языком и речью нельзя подвести под категорию идеального и материального, так как язык не относится к идеальным явлениям. Нельзя принять и такую характеристику указанных отношений, как абстрактное и конкретное, так как физиологическая материализация языка и звуковые сигналы речи не отличаются по степени абстракции, они в равной мере конкретны. Отношения эти характеризуются как средство и процесс, в котором он реализуется. Отношения между языком и речью-результатом характеризуются как средство и результат его использования, как план и результат его реализации».

Иван Степанович Торопцев
(1922–1989)

Иван Степанович Торопцев умер 15 мая 1989 года. Вся его жизнь – жизнь солдата и строителя, руководителя, педагога и учёного – была школой доброты и порядочности для окружавших его людей. Её итог – победа в мировой войне и возрождение Воронежа и Орла, сотни подготовленных в вузах специалистов-филологов, три десятка учеников, защитивших диссертации. Уже после его ухода из жизни в ВГУ было издано учебное пособие «Образование прилагательных в современном русском литературном языке» (1994). «Любите ли вы русский язык так, как я любил его?» – казалось, незримо спрашивал своих учеников и всех других читателей Учитель. Его уроки, и академические, и нравственные, будут памятны ещё долго, найдут свой отклик в новых поколениях исследователей и преподавателей русского языка.

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ПЕРСОНА ГРАТА

В голодном, лишенном быта и тепла сорок седьмом году ректор ВГУ Н. П. Латышев, дабы хоть как-то отвлечь студентов и преподавателей от постоянной борьбы за выживание, один за другим штамповал административные приказы. В одном из них, от 28 марта 1947 года, читаем:

«§ 1. Несмотря на неоднократные мои распоряжения о запрещении пользования в общежитиях ВГУ электроплитами, студенты истфака Торопцев, Трофимов, Удодов (комната № 71), Беляев (комната № 72), проживающие в общежитии № 2, продолжают пользоваться таковыми.

Приказываю:

Студентам истфака: Торопцеву, Трофимову, Удодову и Беляеву за пользование электроплитой объявить выговор с последним предупреждением»...

Невольно подумалось: включи тогда четверо названных студентов-фронтовиков ту несчастную электроплитку еще раз, – выгнал бы их ректор из университета. И лишилась бы страна двух профессоров и заслуженного учителя РСФСР – знаменитого директора районной средней школы, обитавших в ту пору в комнате № 71, а также чрезвычайного и полномочного посла, ютившегося в студенческие годы по соседству с ними – в комнате № 72...

АТЫ-БАТЫ

Будущий дипломат Владимир Георгиевич Беляев родился 5 августа 1925 года в селе Краснополье Репьевской волости Острогожского уезда Воронежской губернии в семье красного командира. Его отец, Георгий Сергеевич, лихой взводный 3-го кавполка отдельной Таманской кавбригады, был в 1923 году отмечен высшей боевой наградой моло-

дой советской республики – орденом Красного Знамени. До 1932 года отец почти постоянно находился в войсках, занимая различные командные должности, потом вышел в отставку, поселился в Репьевке и перевез сюда семью. В том же году его сын Владимир начал учиться в местной средней школе.

В 1938 году, когда к исходу «большого террора» почти весь командный состав Красной армии был истреблен сталинскими чекистами, Георгия Сергеевича вновь призвали в ряды РККА. Он был направлен военным комиссаром Воронцовского района Воронежской области. Вслед за ним туда перебралась и его семья, так что десятилетку Владимир окончил уже в Воронцовке.

Свой школьный аттестат, где были только отличные оценки, Владимир Беляев получил в июне 1942 года. А в начале июля вражеские войска оккупировали половину Воронежской области, и семья Беляевых была вынуждена перебраться в Верхне-Карачанский район. Там вчерашний школьник стал работать кузнецом – с этой профессии и начался его трудовой стаж.

В январе 1943-го его призвали в армию. Полугодичный ускоренный курс в Моршанском минометно-пулеметном училище и – на фронт. Там младший лейтенант Владимир Беляев почти сразу стал командиром минометного взвода 243-го гвардейского полка 84-й гвардейской дивизии 11-й гвардейской армии.

Первая боевая задача: контрнаступление советских войск на Орловском направлении Курской дуги, в котором самое непосредственное участие принял и полк Беляева. В тех боях ему везло: пуля обходила стороной. Ранило его в конце августа в сражении за город Карачев. Немецкая артиллерия стала обстреливать позиции наших минометчиков,

в азарте Беляев выпрыгнул из окопа, и осколок от разорвавшегося снаряда угодил ему в ногу.

Из дивизионного медсанбата в родной полк он сбежал уже через две недели.

Потом был бой за поселок Хотынец, что в Орловской области. То сражение Владимир Георгиевич вспоминал до конца жизни как одно из самых сильных впечатлений о войне.

Взвод Беляева получил приказ поддержать огнем пехоту. Когда вышли к северной окраине поселка, выяснилось, что использовать минометы нельзя: улочки узкие, поэтому наши пехотинцы подошли слишком близко к противнику. Поступил приказ: оставить минометы и идти в наступление вместе со всеми.

К одному из домов, где засели немцы, Беляев прорвался со своим другом и земляком Алексеем Коровянским. Наступали плечом к плечу, но внезапно Алексей упал. Беляев вытащил из-под огня раненого в живот товарища и передал санитарам...

Хотынец освободили во второй половине дня. Пропахшие порохом бойцы собрались у колодца. Немцы перед отступлением могли отравить в нем воду, но жажда была сильнее страха. Наполнив фляги, взвод Беляева двинулся через болотистую местность к шоссе. Вдруг раздался окрик: «Стой!» Минометчики замерли, осмотрелись и ужаснулись – они вышли на минное поле. Последовала команда ротного «Кругом!», и солдаты след в след двинулись обратно к колодцу. Когда уже почти дошли до него, раздался оглушительный взрыв. Стоявших у источника солдат разметало в разные стороны...

Позже выяснилось, что немцы перед отступлением заложили в колодец взрывчатку. Когда уровень воды понизился, ведро ударило по взрывателю...

Вечером Владимир Георгиевич узнал, что его друг Коровянский умер по пути в госпиталь. Так только за один день смерть трижды прошла мимо Беляева.

А ближе всего подошла она к нему в феврале 1944 года под Витебском.

Шло наступление наших войск, в ходе которого батальон, куда входил и взвод Беляева, значительно оторвался от соседних частей. Бойцы решили атаковать противника под огнем немцев и без поддержки артиллерии. Сохранился рассказ Владимира Георгиевича о том, роковом для него бое.

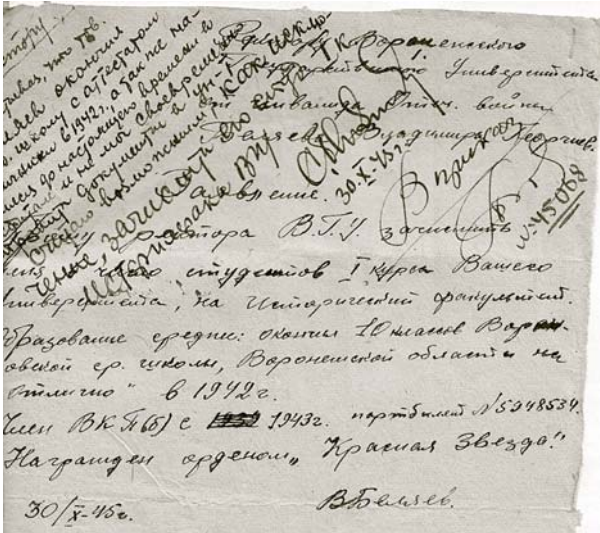
«Местность была холмистая и болотистая, – вспоминал ветеран, – впереди – противник, слева и справа – тоже; где немцы, а где наши – толком не разберешь. Отовсюду огонь. Мы, человек двенадцать, скатились в какой-то котлован – видимо, это была воронка от крупной бомбы. С нами был один

расчет с “максимом”. Нам не давал поднять голову из этого укрытия огонь с холма метрах в шестистах. Мой пулеметчик говорит: “Бьет фашист прицельно и большими очередями”. Я чуть приподнял голову и снова увидел, как с соседнего холма впереди с короткими перерывами бьет пулемет, вспышки от выстрелов сливаются в одно пламя. Видим, как падают наши солдаты. “Ставьте прицел на 600 метров и поднимайте пулемет с коробкой на край котлована”, – говорю бойцам. Пулеметчики выкатили “максим” на бровку, подготовили рядом магазин с лентой. Я лег на пологий склон котлована, навел прицел и дал длинную очередь. Огонь с холма прекратился. “Точно цель накрыли”, – доложил пулеметчик, наблюдавший за стрельбой слева от меня. Только он вымолвил эти слова, как вижу, что пулемет съезжает вниз прямо на меня, и я не могу его остановить – руки не держат. Солдаты придержали пулемет и стащили меня вниз, на дно котлована. Затем туда же – пулеметчика, который не шевелился, и его помощника с раздробленной головой. Лежу на дне котлована, а из рукавов течет кровь. Солдаты разрезали рукава шинели, телогрейки, белья и забинтовали руки. Руки я вижу, но не чувствую их. “Немцы били по нашему пулемету с холмов справа и слева, – объясняет солдат. – Слава Богу, остался жив, а твоим помощникам – Царство небесное”. Так пролежал я в яме, пока не отбили немцев».

Потом было долгое лечение в госпиталях. Правая рука через месяц-два начала понемногу работать, а левая – висела плетью: сустав раздроблен, перебиты нерв и кровеносные сосуды. В конце концов хирург, лечивший Беляева, дал команду: готовить больного к ампутации руки. Владимир Георгиевич уперся: калечить себя не дам! В операционной, куда его привезли, стал бушевать: опрокинул поднос с хирургическими инструментами, чего-то там разбил... Хирург стал кричать, что снимает с себя всякую ответственность за состояние раненой руки и возможные последствия. В тот же день Беляева из этого госпиталя перевезли в Москву, в Марьину Рощу, а потом – в Самарканд. Руку сохранили, но лечил ее Владимир Георгиевич долго: лишь годы спустя нерв сросся, пальцы и кисть начали понемногу шевелиться...

В июле 1944 года Беляева признали негодным к военной службе и как инвалида II группы уволили из действующей армии. Отец его в ту пору был военкомом Буденновского района Воронежской области, туда после госпиталя прибыл и сын. Поначалу он устроился военруком в местную школу, а в конце октября 1945-го, уже после всех вступительных эк-

В ЛИДЕРАХ

Заявление В. Г. Беляева с просьбой о зачислении на истфилфак ВГУ

заменов, неожиданно написал ректору ВГУ: «Прошу зачислить меня в число студентов 1-го курса Вашего Университета на исторический факультет...»

Это его обращение поддержал декан историко-филологического факультета ВГУ Сергей Нестерович Бенклиев: «Учитывая, что тов. Беляев окончил среднюю школу с аттестатом отличника в 1942 году, а также находился до настоящего времени в госпитале и не мог своевременно отправить документы в университет, считаю возможным, как исключение, зачислить его студентом 1-го курса истфилфака ВГУ».

Так Владимир Беляев стал студентом Воронежского университета.

Эпизод с едва не случившимся отчислением из ВГУ за пользование электроплиткой в общежитии, о котором было рассказано в самом начале, совершенно не характерен для Беляева-студента.

На самом деле в университетских стенах Владимир Георгиевич считался не только молодежным лидером, но и своего рода эталоном для подражания.

Он блестяще учился (получил диплом с отличием), был звездой научного студенческого кружка по истории СССР (его доклады неоднократно звучали на общегородских интеллектуальных мероприятиях), едва ли не лучше всех на курсе проводил педагогическую практику в школе. Но главное – при всем при этом он как-то ухитрялся выполнять огромную общественную работу.

В студенческие годы Владимир Беляев был избран председателем профкома университета (он представлял ВГУ на III Всероссийском съезде профсоюзов работников Высшей школы и научных учреждений), оставаясь при этом секретарем комсомольского бюро историко-филологического факультета, членом партбюро ВГУ.

Профессор ВГУ Ю. Т. Листрова-Правда, учившаяся на истфилфаке университета в те годы, на страницах «Университетской площади» (№ 3, 2010) вспоминала: «Несмотря на то, что к концу 40-х годов страна переживала материальные трудности, общественная жизнь на истфилфаке кипела и бурлила. Лидеры довольно сильной комсомольской организации Рита Симонович и Володя Беляев пользовались большим авторитетом у комсомольцев, направляли работу комсоров групп. На факультетских комсомольских собраниях горячо обсуждались доклады

Зачётная книжка студента ВГУ В. Г. Беляева

Владимир Беляев – выпускник ВГУ

“Моральный облик молодого человека“, “Если не я, то кто же“ и др., где непосредственно на основе конкретных фактов из жизни студентов нашего истфилфака рассматривались вопросы, касающиеся совести, порядочности, скромности и других качеств молодого советского человека, каким мы тогда его представляли».

В 1950 году ректор ВГУ Н. П. Латышев в выпускной характеристике на нашего героя отмечал: «Как коммунист и комсомольский работник тов. Беляев пользуется заслуженным авторитетом среди студентов. Может служить образцом для молодежи как чуткий, отзывчивый товарищ, хороший организатор. Имеет большое желание учиться и может быть рекомендован в аспирантуру».

В том же году Владимир Беляев поступил в аспирантуру родного университета. Однако учиться ему там пришлось недолго.

1 апреля 1951 года на факультет позвонил заведующий отделом кадров обкома партии И. С. Смирнов (его жена в ту пору училась на историческом отделении истфилфака) и попросил пригласить к телефону аспиранта Беляева. Когда тот взял трубку, то услышал, что принято решение о направлении его на дипломатическую службу.

Беляев хмыкнул и положил трубку: было 1 апреля, и он расценил этот звонок как розыгрыш. Однако на следующий день Владимира Георгиевича вызвал ректор и ознакомил с подписанным уже приказом об отчислении того из аспирантуры ВГУ в связи с переводом на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, куда ему надлежит отбыть уже сегодня.

ГОСПОДИН ПОСОЛ

Сразу после дипломатической школы, в 1955-м, Беляева послали в Пакистан. В 1960-е он был первым секретарем посольства в Австралии, а в 1971 году его назначили советником посла в Республике Кипр.

Через три года там произошел госпереворот. На улицах столицы Никосии появились танки. Москва потребовала от своих дипломатов полной информации о произошедшем. Первым секретарем посольства тогда был Марат Хаткевич. Вместе с Беляевым он сел в служебную машину и поехал в МИД Кипра. На главной улице столицы машина была обстреляна. В последнюю секунду Беляев успел повалиться на сидение секретаря посольства и закрыть его телом. Однако пули пробили лобовое стекло, осколок которого поранил Хаткевичу руку.

Беляев вытащил раненого товарища из салона и крикнул стоящему неподалеку офицеру с автоматом, что они – советские дипломаты. Им разрешили уйти. А через несколько часов мятежники окружили советское посольство бронетранспортерами. Блокада длилась три дня...

В конце 1970-х Владимира Георгиевича направили работать в Пакистан. 25 декабря 1979 года советские войска вошли в Афганистан, и для СССР началась десятилетняя Афганская война.

В день ввода советских войск население пакистанской столицы Исламабад стало собираться у советского посольства. После гневных речей пакистанцы начали выстраиваться в колонны и готовиться к штурму. Стало ясно: погрома в советском посольстве не избежать. Тогда Беляев обратился к местным властям с просьбой обеспечить территорию посольства охраной. Ему ответили отказом. В ответ советский дипломат сделал резкое заявление: «Если вы не примете меры, мы попросим советское правительство защитить нас». Руководство Пакистана, памятуя о том, что советские войска находятся в соседнем Афганистане, тут же поставили у посольства тройное кольцо охраны...

В октябре 1983 года Беляев получает секретную телеграмму: член политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев направляется спецрейсом на конференцию в Йемен. Вместе с ним летит первая женщина-космонавт планеты Валентина Терешкова. От советского посольства в Пакистане требовалось обеспечить самолету безопасный пролет через эту страну.

Телеграмма пришла в семь часов вечера, когда все высшие военные и гражданские чины Пакистана уже разъехались по домам. Складывалась чрезвычайная ситуация: Москва рейс не отменила, а

Чрезвычайный и полномочный
посол СССР В. Г. Беляев

пакистанские ПВО могли запросто сбить советский самолет, который к тому времени уже приземлился в Ташкенте на дозаправку.

И тогда Беляев позвонил личному адъютанту президента Зия-уль-Хака.

Было два часа ночи. Естественно, адъютант ответил, что президент уже совершил вечерний намаз и отдыхает. Нарушить покой главы государства он не может.

После этого разговора Беляев вместе с коллегами испытал шок. Они сидели молча, с минуты на минуту ожидая сообщения о том, что на территории Пакистана сбит советский самолет с членом политбюро и легендарной Терешковой на борту... И тут позвонил тот самый адъютант. «Господин Беляев, – сказал он, – президент в виде исключения дает добро на пролет вашего самолета через воздушное пространство Пакистана».

Через несколько дней после этого у Владимира Георгиевича случился инфаркт. А после болезни он получил новое назначение. В ноябре 1984 года Беляев вручил верительные грамоты чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза президенту Народной Республики Бангладеш Мохаммаду Эршаду.

Ко времени прибытия Владимира Георгиевича в Дакку (столица Бангладеш) отношения между нашими странами были достаточно напряженными. Президент Эршад занимал жесткую позицию в «афганском вопросе» и вместе с рядом руководителей других мусульманских стран настаивал на выводе

советских войск из Афганистана, осуждая «советскую агрессию». Бангладеш стал одним из инициаторов постановки «афганского вопроса» в ООН. Естественно, что советское посольство пыталось вмешаться в этот процесс. В ответ президент Эршад выслал из страны большое количество советских дипломатов по обвинению «во вмешательстве во внутренние дела Бангладеш».

Перед новым послом Беляевым стояла сложная задача: в непростых условиях постараться наладить отношения между странами. И за четыре года, которые он провел в Дакке, ему многое удалось: начали активно развиваться торгово-экономические отношения, была достигнута договоренность об оказании помощи советскими специалистами в развитии энергосистемы Бангладеш – в частности, в строительстве гидроэлектростанции «Горозал»...

Уже в самом конце своего пребывания в Бангладеш Беляев начал переговоры с Эршадом об официальном визите того в Москву. Было получено согласие, однако поездка так и не состоялась уже по независящим от Владимира Георгиевича причинам.

14 октября 1988 года он был отозван в Москву и вскоре отправлен на пенсию.

Мир менялся, заканчивалась «холодная война», и в МИДе нужны были новые люди. А Беляев, при всех своих заслугах, оставался дипломатом старой советской школы, рассматривающей межгосударственные отношения с классовых позиций.

Свою отставку Владимир Георгиевич принял с обидой. Злость на Горбачева, Яковлева и других «прорабов перестройки» в нем бурлила до конца жизни, периодически изливаясь на страницы одной из газет «Завтра».

Его старость, так же как и молодость, была наполнена активной общественной работой. Владимир Георгиевич был вице-президентом Общества дружбы и сотрудничества «Россия – Бангладеш», членом ветеранских организаций МИД России и 84-й гвардейской Карачевской стрелковой дивизии, членом Совета ветеранов войны и труда муниципального района Дорогомилово города Москвы...

Умер он 12 февраля 2016 года, успев отпраздновать свое девяностолетие. Незадолго до смерти в одном из интервью, подводя итог жизни, он признался: «Человек – не робот. В определенных ситуациях, а на войне тем более, чувство страха присуще и солдату, и генералу. Однако есть более сильное и глубокое чувство – чувство долга, патриотизма, осознания необходимости защитить, спасти своих родных и близких от большой беды. И это всегда помогало мне преодолевать страх, делать свое солдатское дело...»

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ЗВЁЗДНЫЕ ЗАЧЁТКИ – 2

Эта публикация продолжает рассказ о выпускниках ВГУ – Героях Советского Союза, начатый в нашем альманахе № 7–8 за 2015 год. За время, прошедшее с той публикации, в архивах были обнаружены сведения еще о некоторых кавалерах «Золотой Звезды», учившихся в Воронежском университете. О них и пойдет сегодня речь.

ДЕРЖАТЬ УДАР

Во всех справочниках и энциклопедиях указано, что Герой Советского Союза Сергей Максимович Сорокин окончил ВГУ в 1963 году. При этом ни в одном из этих изданий не назван факультет, на котором учился Герой. Однако если взглянуть на приказы ректора со списками выпускников Воронежского университета за указанный год, то фамилию Героя мы там не обнаружим. Иными словами, С. М. Сорокин в 1963 году ВГУ не оканчивал.

Эта ошибка впервые появилась на страницах двухтомного биографического словаря «Герои Советского Союза», изданного в 1988 году под эгидой Министерства обороны СССР Главным управлением кадров, Институтом военной истории и Центральным архивом указанного министерства. Столь солидный список организаций позволяет считать то издание авторитетнейшим источником для всех последующих федеральных и региональных публикаций о судьбах Героев Советского Союза. Однако, как видите, в отношении С. М. Сорокина авторы двухтомного словаря допустили явную неточность.

Чтобы устранить ее, я начал просматривать списки выпускников ВГУ за другие годы и обнаружил, что Сергей Максимович Сорокин значится в списке окончивших заочное отделение исторического факультета Воронежского университета в 1962 году. Недоразумение разрешилось, и теперь с полным правом можно рассказать еще об одном Герое Советского Союза – выпускнике ВГУ.

Он родился в 1919 году в семье крестьянина-бедняка села Малая Верейка Землянского уезда Воронежской губернии. Отца не помнил, тот погиб в Гражданскую войну, поэтому воспитывала будущего Героя – мать.

Получив начальное образование в колхозной школе, он немного поучился на курсах счетоводов и стал работать по этой специальности в сельхозартели «Мировой Октябрь». В сентябре 1939 года С. М. Сорокина призвали в Красную армию. Это был тот самый призыв по секретной директиве наркома обороны о массовой скрытой мобилизации. В Вооруженных силах страны Сергей Максимович прослужил семнадцать лет – до января 1956 года, когда он вышел в запас в звании майора.

В сражениях Великой Отечественной войны С. М. Сорокин участвовал с августа 1941 года. Во-

Зачётная книжка студента ВГУ Героя Советского Союза С. М. Сорокина

евал последовательно на Южном, Юго-Западном, Закавказском фронтах, в Черноморской группе войск, на Степном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Часто оказывался в пекле боя, но судьба неизменно хранила его – ни одного ранения за все годы войны.

Первую награду – медаль «За боевые заслуги» – получил в декабре 1942 года, когда, будучи командиром отделения связи, под Туапсе, в разгар боя за гору Семашко несколько раз под шквальным огнем противника восстанавливал поврежденную линию связи.

Командование Сорокина заметило и отправило на краткие фронтовые курсы политсостава, по окончании которых ему присвоили офицерское звание и послали в очередную горячую точку – на мыс Мысхако, более известный в истории той войны как плацдарм Малая земля.

Он прибыл туда вместе с морским десантом. А уже на следующий день ему, заместителю командира роты разведки по политчасти, пришлось в бою возглавить сначала роту, а потом и стрелковый батальон вместо убитых командиров. Четыре дня бойцы под командованием Сорокина, заняв высоту, отражали яростные атаки врага. На командном пункте спрашивали у раненых, вынесенных с поля боя: кто так умело обороняет высоту? «Младший лейтенант с медалью, – отвечали те. – Фамилию не знаем, он из новичков».

На четвертый день сражения Сорокин сбил из противотанкового ружья самолет. Бомбардировщик рухнул вблизи, взорвавшись на собственных бомбах. Молодого командира обожгло, контузило и

привалило землей. Когда бойцы его откопали, он не видел и не слышал. И опять ему повезло: прямо на поле боя вернулось зрение, а потом слух, и Сергей Максимович продолжал командовать обороной... На пятый день подошло подкрепление, и враг был отброшен.

После того боя Сорокина отправили на Большую землю, где он получил новое назначение – комсорг стрелкового батальона 667-го стрелкового полка 218-й стрелковой дивизии. На новом месте он отличился достаточно быстро. В боях за город Ромодан, что на Полтавщине, Сорокин с группой бойцов ночью незаметно проник в расположение гитлеровцев и устроил там такой переполох, что противник вынужден был в панике покинуть позиции. За участие в той операции Сергей Максимович был награжден орденом Красного Знамени.

А свою «Золотую Звезду» С. М. Сорокин получил за форсирование Днепра. Вот как его действия в бою у села Пекари Каневского района Черкасской области описал в представлении к присвоению звания Героя Советского Союза командир 667-го стрелкового полка подполковник И. П. Андреев:

«Младший лейтенант тов. Сорокин Сергей Максимович 24.9.43 г. с группой бойцов под сильным огнем противника первым переправился через реку Днепр. Гитлеровцы, бросив большое количество пехоты, пытались сбросить смельчаков в реку. С криками «Ура!» и «За Родину!» группа под руководством тов. Сорокина забросала противника гранатами и под конец навязала ему рукопашный бой. Противник не выдержал и в панике бежал, оставив на поле боя до 40 солдат и офицеров.

25.9.43 г. противник предпринял атаку с фланга, пытаясь зайти в тыл нашим подразделениям. Тов. Сорокин, сознавая нависшую угрозу на фланге, быстро направился в первую роту с автоматом в руках, увешенный гранатами. С криками “Ура!”, “За Родину!”, “За Сталина вперед!” бросился он на атакующего врага. Бойцы, воодушевленные смелостью комсорга, ринулись на противника и в рукопашной схватке уничтожили до 30 гитлеровцев. Так была отбита контратака противника».

Представление командира полка было поддержано командующим 47-й армией генералом В. С. Поленовым, и 3 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР С. М. Сорокину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

А уже через месяц после этого он вновь отличился. В бою за поселок Локачи Волынской области комсорг Сорокин в присущей ему манере – с автоматом наперевес и увешенный гранатами – в числе первых ворвался в гитлеровские траншеи, заставив противника сдаться. За тот бой Сергей Максимович был награжден орденом Отечественной войны II степени...

После Победы он остался в армии. Служил на замполитовских должностях до той самой поры, когда уже при Хрущеве министр обороны маршал Жуков не стал резко сокращать политический состав армии. Сорокину с его семьей классами образования остаться на службе в реформированных Вооруженных силах страны не было никакой возможности, и 28 января 1956 года (а не в 1955-м, как указано в двухтомнике «Герои Советского Союза») он стал пенсионером Министерства обороны. Было ему тогда всего 36 лет...

Отдадим ему должное: горевать на судьбу Герой войны не собирался. Выйдя в отставку, Сергей Максимович сразу же подал документы в вечернюю школу при воронежском Доме офицеров и уже в мае, пройдя ускоренный курс обучения, сдал экзамены по программе средней школы и получил аттестат. Теперь он мог поступать в любой вуз Советского Союза.

Сорокин выбрал ВГУ, и, успешно сдав вступительные экзамены в июне 1956 года, был зачислен на первый курс заочного отделения историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета по специальности «история».

Учился он посредственно, в его зачетной книжке чаще всего встречается оценка «удовлетворительно». Исключение составили четыре предме-

та: история Великой Отечественной войны, история Великой Октябрьской социалистической революции, история КПСС и педагогика. По ним у студента-заочника С. М. Сорокина – твердая четверка.

Любопытна тема его дипломной работы – «Борьба коммунистической партии Китая за кооперирование сельского хозяйства (1950–1957 гг.)».

Как известно, тогдашний китайский лидер Мао Цзэдун крайне отрицательно отнесся к осуждению Хрущевым культа личности Сталина. С 1957 года конфликт между СССР и КНР нарастал с неудержимой силой. Пекин стал открыто критиковать внешнеполитическую линию Москвы, называя ее «авантюризмом» и «капитулянтством». Советский Союз обвинял Китай в «негибкой» линии поведения. С лета 1960 года на всей 7250-километровой советско-китайской границе стали возникать инциденты, которые постепенно начали приобретать провокационный характер. К примеру, в 1962 году, том самом, когда С. М. Сорокин защищал свою дипломную работу в ВГУ, на советско-китайской границе произошло более 5 тысяч различных нарушений.

Научным руководителем дипломной работы Сергея Максимовича была доцент кафедры истории нового и новейшего времени Зоя Николаевна Степанова. В 1950-е годы она читала в университете спецкурс «История Китая» и справедливо считалась лучшим в ВГУ специалистом по этой теме. А вот о том, почему Герой войны, армейский политработник С. М. Сорокин, уволенный из Вооруженных сил накануне XX съезда партии, избрал темой изучения историю коллективизации страны, официально осудившей решения этого съезда, мы можем лишь догадываться. Но какими бы ни были эти причины, свою работу Сергей Максимович защитил на «хорошо», получив диплом о высшем образовании с присвоением квалификации «историк, учитель истории, Конституции и основ политических знаний».

Еще в студенческие годы С. М. Сорокин начал вести занятия по истории в воронежской средней школе № 32. Теперь он стал полноправным учителем данной школы. Помимо всего прочего, для него это было еще и удобно: школа находилась на улице Кольцовской, а Сергей Максимович жил в доме по улице Карла Маркса.

Умер он рано, не дожив до 50 лет. В двухтомнике «Герои Советского Союза» утверждается, что похоронен С. М. Сорокин в городе Семилуки Воронежской области. Видимо, исходя из этого, в двухтомной «Воронежской энциклопедии» (2008) сооб-

щается, что последние годы жизни он провел в указанном райцентре. Это тоже ошибка. Могила Сергея Максимовича находится на Коминтерновском кладбище г. Воронежа, а ссылка на Семилуки возникла, риску предположить, вот почему.

Когда в январе 1956 года майор С. М. Сорокин был уволен из армии, он поселился в Воронеже у своего земляка, тоже офицера-фронтовика Михаила Семеновича Любочева, который временно прописал его в собственном доме по улице Семилукская, 41. Именно этот адрес Сергей Максимович указал на всех документах, которые он оформлял как вышедший в отставку пенсионер Министерства обороны. Вскоре воронежские власти дали ему ту самую квартиру на улице Карла Маркса, 108/110. В 2005 году, в очередную годовщину Победы, на здании повесили мемориальную доску: «В этом доме в 1956–1967 годы жил Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, майор Сорокин Сергей Максимович».

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ – К ЗНАНИЯМ

Герой Советского Союза Алексей Федорович Халецкий проучился в ВГУ лишь год. Но поскольку это был последний курс, то мы имеем все основания считать и этого Героя выпускником Воронежского университета. Впрочем, обо всем по порядку.

Сам он родом с Брянщины. Родился в 1926 году в селе Юдиново в многодетной семье крестьянина-бедняка. Учиться мечтал с раннего детства. Когда старший брат пошел в школу, увязался за ним и так понравился учителю, что тот пришел к родителям паренька – просить, чтобы мальчика тоже отпустили в школу. В 1940-м окончил сельскую семилетку и поступил в Клиновский текстильный техникум, учиться в котором А. Ф. Халецкому помешала война.

В октябре 1941 года Брянская область была занята гитлеровцами, и два последующих года будущий Герой жил под оккупантами. Почти сразу Алексей вместе с двумя сверстниками установил связь с партизанским отрядом. Ребята собирали сведения о количестве немцев и полицаяв в окрестных селах, определяли точное расположение и численность вражеских сил на участке ближайшей железной дороги. А в мае 1943-го друзья ушли в лес. С ними сбежало еще 9 подростков из соседних сёл. Так получился небольшой подростковый отряд из юношей

Могила С. М. Сорокина
на Коминтерновском кладбище города Воронежа

и девушек, который действовал всё лето 1943 года. Боевых налетов, правда, ребята не совершали, но провода связи резали регулярно, казнили двух предателей-полицаяв, подожгли несколько немецких складов и построек...

В сентябре 1943-го Брянщину освободили, и 17-летний Алексей Халецкий, приписав себе год, ушел на запад вместе с наступающими частями Советской армии.

Окончил курсы артиллеристов при полковой школе, попал на передовую. Боевое крещение получил 21 июля 1944 года в бою за литовский городок Каваркас. А двумя днями позже в районе городка Рамигала ему уже пришлось отражать мощнейшую контратаку противника силою до двух батальонов пехоты с 50 танками...

В августе младший сержант Халецкий стал командиром орудия, а через полгода получил орден Славы III степени.

Наградили его за бои в Восточной Пруссии. 19 января 1945 года при штурме города Рагнит (после Победы – Неман) Халецкий огнем из своего орудия уничтожил две артиллерийских точки противника, а через пять дней, 24 января, при отражении контратак гитлеровцев в районе города Лабиау (после По-

Зачётная книжка студента ВГУ Героя Советского Союза А. Ф. Халецкого

беды – Полесск) подбил два вражеских танка. После этого контрнаступление захлебнулось.

Вскоре получил он и «Золотую Звезду» – за многодневный штурм города Кёнигсберга (после Победы – Калининград). Командир 997-го стрелкового полка подполковник П. Л. Роголёв подробно описал в наградном листе, как сражался в те дни будущий студент ВГУ: «При штурме города Кёнигсберг в ночь с 7 на 8 апреля 1945 г. мл. сержант А. Ф. Халецкий огнём своего орудия уничтожил 6 станковых пулеметов, 2 миномета 31-мм. и 25 немецких солдат.

В уличных боях за квартал 284 уничтожил 2 станковых пулемета, подбил 6 автомашин с пехотой и грузом, 3 самоходные пушки, 1 бронетранспортер.

При отражении контратак противника в ночь с 8 на 9 апреля 1945 года тов. Халецкий подпустил на близкое расстояние противника и прямой наводкой своего орудия уничтожил 9 станковых пулеметов, мешавших продвижению нашей пехоты. Умело организовал взаимодействие с пехотой, при преследовании отступающего противника огнём своего орудия уничтожил 28 немецких солдат.

В уличных боях 9 апреля 1945 года за квартал 291 подавил 7 огневых точек, уничтожив при этом 15 немецких солдат».

Беспрецедентный случай: уже через десять дней после представления командира полка, 19 апреля 1945 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Халецкому было присвоено звание Героя с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Самому Герою тогда не исполнилось и 19 лет...

После Победы он остался в армии. При этом много и жадно учился.

В 1947 году поступил в 8-й класс вечерней общеобразовательной школы города Краснодара, через год, сдав экзамены, был принят в Киевское училище самоходной артиллерии имени М. В. Фрунзе,

А. Ф. Халецкий – курсант Киевского училища самоходной артиллерии

которое окончил в 1951-м, получив лейтенантские погоны. В 1952–1953 годах учился на курсах политсостава, после чего в 1954-м поступил в вечернюю общеобразовательную среднюю школу при тбилисском Доме офицеров и в 1956 году получил заветный аттестат о среднем образовании.

Его армейская карьера напрямую была связана с его успехами в образовании. Получая аттестаты и дипломы, Халецкий последовательно становился сначала командиром танкового взвода, потом зам. командира роты по политчасти и наконец зам. командира батальона по политчасти. Массовые сокращения политработников в армии, проводимые министром обороны Жуковым, замполита Халецкого не коснулись. «За время работы капитана Халецкого заместителем командира танкового батальона по политической части в батальоне не было чрезвычайных происшествий и аморальных явлений. Лично дисциплинированный, требовательный офицер. К исполнению служебных обязанностей относится добросовестно, в работе принципиальный», – аттестовал его командир батальона гвардии подполковник Остапий.

А Халецкий тем временем продолжал штурмовать вершины знаний.

В 1959 году окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма, а уже в следующем году поступил на заочное отделение исторического факультета Ужгородского госуниверситета. Выбор вуза объяснялся просто: кадровый офицер А. Ф. Халецкий учился всегда неподалеку от того места, где располагалась его часть.

В 1965 году часть передислоцировалась. Возникли трудности, о которых Алексей Федорович рассказал в послании ректору ВГУ:

«В настоящее время я учусь в Ужгородском госуниверситете на 5 курсе истфака заочного обучения. Сейчас служу в г. Урюпинске Волгоградской области. На сессии в Ужгород мне ездить очень далеко. Прошу Вас дать согласие на мой перевод в Воронежской госуниверситет. Герой Советского Союза Халецкий. 24 июня 1965 г.»

Поначалу ему отказали. Ответ тогдашнего проректора ВГУ по заочному обучению Я. Н. Митрофанова был краток: «Тов. Халецкий, вы проживаете в г. Урюпинске Волгоградской области, которая входит в зону обслуживания Саратовского университета, в который рекомендуем вам обратиться по вопросу перевода на исторический факультет».

Было лето – время отпусков. Поэтому письмо проректора было отправлено на адрес Ужгородского университета только через месяц, Халецкий же

времени даром не терял и, не дождавшись ответа, повторно обратился к ректору ВГУ с просьбой о переводе. На сей раз особое внимание он обратил на игнорирование его предыдущего письма: «В июне месяце этого года я послал Вам заявление аналогичного содержания, ответа же не получил».

Второе письмо Героя попало в руки декана истфака ВГУ В. В. Гусева, который наложил на него резолюцию «Ректору ВГУ проф. В. П. Мелешко. Деканат не возражает зачислить тов. Халецкого А. Ф. на заочное отд. истфака».

В итоге 9 октября 1965 года приказом ректора ВГУ № 800/зо Алексей Федорович был зачислен в состав студентов-заочников исторического факультета ВГУ в порядке перевода из Ужгородского госуниверситета.

В ближайшую зимнюю сессию он успешно сдал экзамены и зачеты не только по программе курса, но и по предметам, которые в УжГУ не преподавались (например, по истории южных и западных славян). Вообще, в его зачетной книжке учеба в ВГУ отмечена только оценкой «хорошо». За исключением дипломной работы, которую Государственная экзаменационная комиссия оценила на «отлично». Тема этой работы звучала так: «Развитие в программе КПСС марксистско-ленинского учения о государстве», научным руководителем ее была доцент З. П. Есенина.

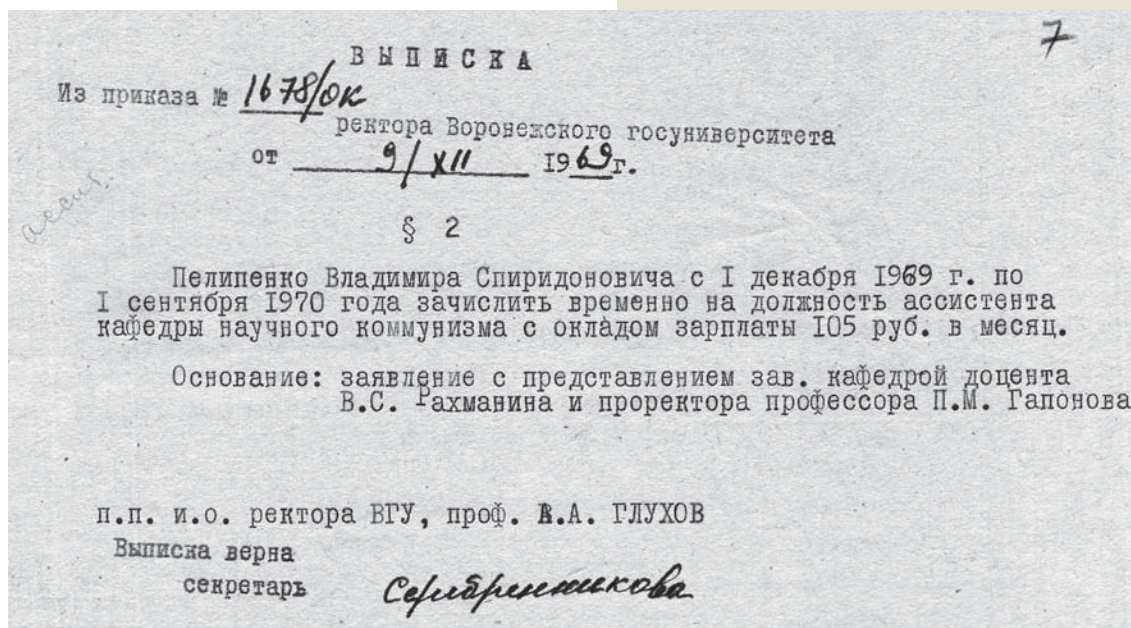
30 июня 1966 года А. Ф. Халецкому был выдан диплом о высшем образовании с присвоением квалификации «историк, учитель истории и обществоведения».

В отставку Алексей Федорович вышел через восемь лет после этого, в 1974 году в звании полковника. Поселился в Киеве – городе своей курсантской юности. Работал в политотделе Киевского высшего зенитно-ракетного инженерного училища.

Умер Герой уже после распада Советского Союза – в 1997 году. Похоронили его на Берковецком кладбище Киева, на том участке, где находятся могилы многих ветеранов Великой Отечественной войны, ушедших из жизни в столице Украины.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Итак, сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что среди выпускников Воронежского госуниверситета было пять Героев Советского Союза. Это выпускник биологического факультета Петр Максимович Тарасов, окончивший юридический факультет Василий Павлович Сидякин и три питом-

Приказ ректора ВГУ о приеме на работу В. С. Пелипенко

ца исторического факультета – Федор Ефремович Тарасов, Сергей Максимович Сорокин и Алексей Федорович Халецкий.

Но и это не все кавалеры «Золотой Звезды», судьба которых была связана с ВГУ.

Так, 9 декабря 1969 года приказом ректора № 1678/ок временно, с 1 декабря 1969 года по 1 сентября 1970 года, на должность ассистента кафедры научного коммунизма был принят Владимир Спиридонович Пелипенко (1916–1994), получивший звание Героя Советского Союза 10 апреля 1945 года за бои в Польше и успешное форсирование реки Вислы.

После Победы В. С. Пелипенко окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, служил замполитом в различных регионах страны и за рубежом. В мае 1969 года в звании полковника вышел в отставку, приехал в Воронеж, начал устраивать жизнь на гражданке. Работа в Воронежском университете стала одним из вариантов этой жизни. Впрочем, от этого варианта В. С. Пелипенко отказался достаточно быстро. Уже через месяц, 31 декабря 1969 года, появился приказ ректора об освобождении его от занимаемой должности по собственному желанию. Владимир Спиридонович поменял работу в гражданском вузе на более привычную для него службу в военном училище, где несколько последующих лет он был военруком.

Герой Советского Союза
 В. С. Пелипенко – ассистент кафедры научного коммунизма ВГУ

ЕКАТЕРИНА СТУПНИКОВА

БОИ И ПОБЕДЫ ЕФИМА ШУЛЯКОВСКОГО

«Как и все настоящие фронтовики, прошедшие через страшное, отец совершенно не любил говорить о войне. Было пару рассказов, и то услышал я их от его однополчан. У отца была тяжелейшая контузия. Ребята, которые с ним воевали, рассказывали, что это было следствием прямого попадания авиационной бомбы. Всех, кто был рядом с отцом, разнесло в клочья, а Ефим Шуляковский отделался контузией»...

Так начинается свой рассказ об отце – послевоенном декане историко-филологического факультета ВГУ Ефиме Герцовиче Шуляковском – его сын Александр.

Сам Александр Ефимович родился 19 июля 1947 года в городе Воронеже. Окончил ВГУ по специальности «химия». Работал недолго инженером на Воронежском заводе полупроводниковых приборов. В 1977 году поступил в аспирантуру московского НИИ «Пульсар», где и работает до настоящего времени. Он – член Союза писателей России, издал три книги: «Сказки Кара-Дага», «Дом на Театральной» и «Израильский ежедневник».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧАЙ

Ефим Герцович Шуляковский родился 29 декабря 1906 года в городе Слуцке Минской губернии. Страсть к книгам и неприспособленность к быту реальной жизни приводили к тому, что семья жила крайне бедно. Своего дома не имели. Жили то у родителей, то снимая жильё в наем. Ефим Шуляковский вспоминал, что ежедневной пищей служила так называемая «затирка» – примитивная похлёбка, получаемая при растворении ложки грубой ржаной муки в кастрюле воды. Употребление этого крайне скромного блюда позволяло быстро и достаточно надолго утолить чувство голода.

Когда в Слуцке окончательно установилась советская власть, Шуляковский вступил в комсомол. Этим он изменил многое не только в своей жизни,

но и в жизни всей семьи. Еврейские обряды в семье больше не соблюдались, праздники не отмечались. Жили теперь в одной комнате помещицкого дома, который стал общежитием. К этому времени Ефим уже окончил школу, педучилище, поработал учителем и вскоре был направлен на работу в Старобинский район Минской губернии – заведующим районным отделом народного образования.

В 1927 году он уезжает в Минск, где учится на социально-историческом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета. После окончания в 1931 году университета работает в Институте истории партии при ЦК КП (б) Белоруссии, участвует в подготовке к изданию собрания сочинений В. И. Ленина на белорусском языке.

Вспоминал, что после этого в аспирантуру Ленинградского госуниверситета его принимали в неформальной обстановке. Будущий научный руко-

водитель профессор Владимир Васильевич Мавродин пригласил Шуляковского к себе домой. В ходе беседы во время чаепития они затронули некоторые вопросы историографии, истории общественной мысли и революционного движения в России. После чего молодой человек стал аспирантом.

ИХ СВЕЛА СУДЬБА

В 1935 году свой истпартовский отпуск он вместе с друзьями проводил в Крыму. Это было удивительное и знаменательное событие для него. И вот когда отпуск подходил к концу, друзья задержались в Евпатории, в санатории Наркомпроса. Здесь Шуляковский познакомился с молодой учительницей начальных классов из далёкого Забайкалья, дочерью деповского рабочего Фросей Аношкиной. Молодые люди очень понравились друг другу, но пришло время уезжать – ему в Минск, ей в Читу. Вспыхнувшее чувство, казалось, оборвалось навсегда: они даже не успели обменяться адресами.

Спустя два года в Ленинграде, под триумфальной аркой Главного штаба волею судьбы, совершенно случайно, произошла их вторая встреча. Он был уже аспирантом Ленинградского университета, она – Педагогического института имени Герцена...

В 1940 году у них родился первенец Генрих, названный так в честь любимого поэта Гейне.

ДОРОГА ДО БЕРЛИНА

В 1940 году перед Шуляковским встала проблема выбора: или остаться преподавателем на кафедре Ленинградского университета, или занять вакантное

Ефим Герцович Шуляковский
(1906–1984)

место декана историко-филологического факультета Свердловского университета. Он выбрал второе.

В 1941 году активно включился в научную и общественную жизнь Свердловского университета. И судя по приобретённым там книгам, у него проявилась тяга к краеведению. Но...

«Рано утром 22 июня 1941 года папа спал, а мама вынесла малыша, моего старшего брата, во двор подышать свежим утренним воздухом, – рассказывает Александр Шуляковский. – Здесь она и

Е. Г. Шуляковский
(второй справа в первом ряду)
со своими разведчиками.
Слева от него – командир
311-й стрелковой дивизии
Б. А. Владимиров

Е. Г. Шуляковский (справа)
и писатель Э. Г. Казакевич (в центре)

услышала сообщение о начале войны. Глава семьи мгновенно собрался и отправился в университет. Он сам в числе первых подал заявление, несмотря на то, что, как декан факультета, имел бронь от призыва в армию. Мама очень долго припоминала ему это»...

Зимой 1941 года младший лейтенант Шуляковский находился на Волховском фронте в должности командира разведроты. Волховский фронт, по многим свидетельствам, являлся одним из самых тяжёлых фронтов начального периода Великой Отечественной войны. Из его рассказов об этом времени сын запомнил, что солдатам все время смертельно хотелось спать.

«Моё детское воображение поразило, что на марше наши бойцы умудрялись спать на ходу, и то, что после долгожданного привала, когда звучала команда “подъём!”, приходилось отдиравать ото льда шинели, вмерзшие за ночь в волховские болота. В это же время папу первый раз представили к награждению боевым орденом и, сразу же, главным орденом Советского Союза – орденом Ленина. Но наградной лист где-то затерялся и этот орден папа так и не получил. Начав войну младшим лейтенантом, закончил ее он в звании подполковника на должности командира разведотдела стрелкового корпуса. Был пройден боевой путь от Волхова и Ленинграда до Эльбы и Берлина».

Ефим Герцович Шуляковский мог бы продолжать дальнейшую деятельность на военном поприще. Запросто мог защитить докторскую диссертацию по военной тематике. И получить звание генерала – мог бы тоже. Но уже после Победы ему вручили пакет с письмом из Управления военных учебных заведений. В письме сообщалось о начале приема в соответствующую его службе академию.

А в конце следовала существенная приписка: направлять на учебу предписывалось только лиц славянской национальности.

В эту минуту ему просто хотелось уйти из жизни, но мысль о сыне, который ждет отца в Свердловске, охладила этот порыв.

ПЕНАЛЬЧИК С ВАЛИДОЛОМ

После Победы их держали в Германии еще целый год. На всякий случай. Потом Ефим Герцович признавался, что этот год стал самым тяжёлым за все время разлуки с семьей. Наконец в июне 1946-го подполковник Шуляковский, спустя пять лет, смог обнять жену и сына.

И его вновь ждал очередной выбор. После демобилизации предлагалось поехать или в цветущий Кишинёв, или в разрушенный дотла Воронеж. Он выбрал Воронеж.

На тот момент это был кошмарный город-призрак. Ефросинья Ивановна Шуляковская рассказывала сыну о своих первых впечатлениях от увиденного здесь. Выйдя на привокзальную площадь, она со страхом взглянула на обгоревшие развалины, окружающие ее, и расплакалась. Но узнав позже, что происходило в Молдавии, Ефросинья Ивановна не раз вспоминала мудрый выбор своего мужа.

В 1947–1949 и 1951–1953 годах Шуляковский – декан историко-филологического факультета. Это были непростые годы в истории страны. «Возвращаясь с работы гораздо позже, чем обычно, после очередного партийного собрания, папа, как правило, был угрюм и молчалив. Именно тогда в доме появились круглые алюминиевые пенальчики с валидолом», – вспоминает Александр Ефимович.

Во главе колонны историко-филологического факультета его декан – Е. Г. Шуляковский

С 1957-го вплоть до 1967 года основным смыслом жизни Ефима Шуляковского стала работа над двухтомником «Очерки истории Воронежского края». Это была тяжелейшая работа. Она отнимала много времени и сил. После выхода в свет второго тома «Очерков...» Воронежский университет представлял Ефима Герцовича к присвоению звания профессора по совокупности трудов. Но дважды из Министерства поступал отказ по причине отсутствия в списке трудов ученого монографии. Особенно сильный удар нанёс последний отказ, после которого здоровье Ефима Герцовича ухудшилось.

«В 1980 году мы с семьей отправились в поездку в Белоруссию, – рассказывает Александр Шуляковский. – Папа давно мечтал навестить свою роди-

ну. Выполняя программу поездки, мы отправились из Минска в Слуцк. Ему очень хотелось встретиться с теми, кто уцелел и вернулся в родные места. И задуманное удалось осуществить. Правда, братская могила оказалась на самой окраине города. И идти нам пришлось немало. Но всё же мы пришли туда, куда нужно. Все друзья отца лежали здесь. На скорбном месте».

Спустя четыре года Ефима Герцовича не стало. И в последний день своей жизни, 27 февраля 1984 года, он был весь в работе...

Кроме печатных трудов осталась благодарная память учеников и просто людей, близко знавших Ефима Шуляковского. И еще – три вещи с той войны: кожаная портупея, кобура от пистолета ТТ и полевой бинокль.

Зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ВГУ
Е. П. Андреева,
зав. кафедрой истории СССР
ВГУ Е. Г. Шуляковский
и доцент этой кафедры
А. И. Бортников

КРАСНАЯ ДАТА

АЛЕКСАНДРА СТЕПЫНИНА

СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ

ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВГУ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Сохранение детальной памяти о Великой Отечественной войне в истории Воронежского государственного университета, о подвигах тех, кто сражался на фронте, самоотверженно трудился в тылу, а потом восстанавливал город после освобождения Воронежа – одна из важнейших задач университетского Музея истории. С самого начала деятельности музея, открытого в 1968 году по инициативе ректора Валентина Пименовича Мелешко и старейших профессоров ВГУ, решению этой задачи были посвящены целый ряд экспозиций, выставок, мероприятий, экскурсий, а также статей сотрудников музея и их выступлений на научно-практических конференциях.

В выставках, посвященных Великой Отечественной войне, сотрудники Музея истории ВГУ старались отразить четыре этапа деятельности университета во время войны:

– ВГУ в Воронеже в течение первого года войны (июнь 1941 года – июнь 1942 года);

– эвакуация университета в Елабугу (июль 1942 года – сентябрь 1943 года);

– возвращение ВГУ в Воронежскую область, деятельность в 1943/44 учебном году в Липецке и Воронеже;

– окончательное воссоединение университета в Воронеже в 1944/45 учебном году.

В основной экспозиции музея этапы военной истории ВГУ показаны в том числе и на примерах судеб его сотрудников и студентов: ректоров Николая Петровича Латышева и Николая Ивановича Глистенко; выпускника биологического факультета, Героя Советского Союза Петра Максимовича Тарасова; эвакуированной в Елабугу студентки, впоследствии доцента исторического факультета Веры Михайловны Проторчиной и многих других. Разумеется, все это представлено довольно кратко, так как задача ос-

новной экспозиции – дать общее представление об истории вуза, которое дополняют рассказ экскурсовода, а также временные выставки, посвященные как военной истории университета, так и истории факультетов и кафедр, Зональной научной библиотеки, Военно-патриотического клуба «Память».

В мае 2005 года к 60-летию юбилею Победы в обновленном тогда Музее истории была открыта выставка «Мы вас помним». Её концепцией стала идея благодарности ветеранам фронта и тыла от последующих поколений. Тогда были представлены награды, фотографии, письма студентов и сотрудников нашего университета – и тех, кто не вернулся, и ветеранов фронта и тыла. Среди экспонатов были документы присутствовавших на открытии выставки Галины Сергеевны Эрдели – старшего сержанта, дежурной КПП на Центральном и Юго-Западном фронтах, впоследствии доцента кафедры физиологии и биохимии растений ВГУ и Ирины Ефремовны Богачевой – гвардии старшины, медицинской сестры передовой группы дивизионного медсанбата, впоследствии доцента кафедры философии. Удачным экспозиционным решением стало использование в качестве стендов листов обожженного картона с фотографиями Воронежа времен Великой Отечественной войны – они одновременно отделили пространство выставки от основной экспозиции музея и дополнили историю университета историей города.

Следующая крупная выставка, «Университет и война», была приурочена к 65-летию Победы. Сотрудники Музея истории ВГУ постарались наиболее полно отразить подвиг коллектива университета в годы войны. Выставка объединила фото- и документальные материалы из фондов Музея истории, боевые награды, воспоминания фронтовиков и тружеников тыла, книги и статьи об университете и Воронеже в годы войны. Каждый посетитель мог

Экспозиция выставки
«Война. Победа. Память».
2015 год

взять на память распечатанные на отдельных листах стихотворения поэтов-фронтовиков, ставших впоследствии профессорами ВГУ – филолога Анатолия Абрамова, историка Александра Немировского, геолога Николая Плаксенко.

Еще одной особенностью той выставки стало множество новых экспонатов, поступивших в Музей истории вуза уже в XXI веке. Это находки поисковиков (детали оружия и предметы фронтового быта как Советской армии, так и ее противников – армий нацистской Германии и ее сателлитов) и экспонаты, отданные в музей ветеранами ВГУ и их потомками, коллегами, учениками. Например, письма с фронта, фотографии, гимнастерка Николая Крылова – выпускника физмата ВГУ, переданные в музей его дочерью, после выставки дополнили основную экспозицию Музея.

Третья юбилейная выставка – «Война. Победа. Память» – открылась в мае 2015 года. В ней нашли

отражение и тяготы войны, и радость Победы, и университетская тема, и подвиг всей страны, всего народа в целом. Тема войны и Победы была отражена в военной графике, копиях живописных полотен тех лет, в выставке книг из фондов Зональной научной библиотеки ВГУ, а также в альбомах карикатур Кукрыниксов. Особый интерес посетителей вызвал раздел «Ректоры ВГУ на фронте и в тылу», включивший фотографии, документы, воспоминания, краткие биографии пяти ректоров-фронтовиков и возглавлявшего университет в 1941–1945 годах доцента химического факультета Николая Ивановича Глистенко.

Еще один раздел выставки рассказывал о трех Героях Советского Союза – выпускниках ВГУ: летчике, гвардии лейтенанте Василии Павловиче Сидякине (окончил юридический факультет в 1964 году), танкисте, старшем лейтенанте Петре Максимовиче Тарасове (окончил биологический факультет в

Фрагмент экспозиции выставки, посвященной 100-летию
Н. А. Плаксенко. 2018 год

Фрагмент экспозиции выставки
«Война. Победа. Память». 2015 год

Студентки ВГУ на фронте.
1943 год.

Из фондов Музея истории ВГУ

1937 году) и его однофамильце, гвардии старшем сержанте Федоре Ефремовиче Тарасове (окончил исторический факультет в 1960 году).

В создании выставки приняли участие и члены Научного общества учащихся ВГУ. В рамках проекта «Дети пишут историю», совместно с отделом довузовского образования ВГУ и Музеем истории ВГУ, старшеклассники воронежских школ представили материалы о своих близких – участниках Великой Отечественной войны. За эту работу школьники получили сертификаты и благодарственные письма от ректора университета Д. А. Ендовицкого.

В феврале 2014 года в Музее истории открылась фотовыставка работ Дмитрия Чернова, приуроченная ко Дню защитников Отечества. Все фотографии, представленные на ней, были сделаны на военно-исторических реконструкциях, посвященных памятным датам Великой Отечественной войны – в Воронеже, Киеве, Бресте и Волгограде. Они снимались в гуще постановочного боя, где находился и сам автор. На фотографиях показаны моменты реконструкции боев, солдатского быта, но при этом нельзя увидеть зрителей и современные постройки.

Отдельно хочется отметить выставки Музея истории ВГУ, посвященные освобождению Воронежа от войск вермахта и его союзников. Выставка «25 января – День освобождения Воронежа», открытая в 2015 году, объединила темы 212 дней героической битвы за Воронеж и эпохи Великой Отечественной войны на воронежской земле в целом. Тема «ВГУ во время войны» тоже нашла свое отражение в материалах выставки – были представлены воспоминания сотрудников и студентов, книги об истории университета в годы Великой Отечественной войны, фотографии зданий ВГУ того времени, статьи военных лет из университетской многоти-

ражной газеты «За научные кадры» (в настоящее время – «Воронежский университет»).

В январе 2017 года в Музее истории открылась выставка «Спасенные книги», подготовленная совместно с отделом редких книг Зональной научной библиотеки ВГУ. Во время оккупации правого берега Воронежа часть библиотеки ВГУ была уничтожена, но наиболее ценные книги немецкие захватчики вывезли в Курск, где был организован склад награбленных культурных ценностей. Ценные книги, принадлежавшие ВГУ, подлежали отправке в Германию. Кстати, впоследствии некоторые издания из библиотеки университета были найдены в Австрии, в Эстонии, в городе Пушкине и других местах, но большая часть все же была обнаружена в Курске. Самый большой вклад в восстановление библиотеки внесла ее тогдашний директор Софья Панфиловна Оникиенко. Именно она в 1944 году организовала доставку уцелевших книг из Курска в Воронеж, привлекая к погрузке выздоравливающих солдат из госпиталя. В экспозиции были представлены самые разные издания, на которых оккупанты проставили свои библиотечные штампы.

В конце войны и в послевоенные годы крупные библиотеки Советского Союза делились литературой с пострадавшими библиотеками. На выставке присутствовали книги и журналы с печатями Ленинской Всесоюзной библиотеки и Библиотеки газеты «Известия». Там же можно было увидеть литературно-художественные журналы «Новый мир» и «Интернациональная литература» за 1941 год с обращением Иосифа Сталина и стихами, написанными в первые месяцы войны, научные журналы военных лет по физике, химии, биологии, а также уникальные лекции профессора физмата ВГУ М. А. Левитской, отпечатанные на стеклоглафе. Удачное

Студенты ВГУ
на восстановительных работах.
1948 (?) год.
Из фондов Музея истории ВГУ

экспозиционное решение – часть выставки была оформлена в виде читального зала библиотеки – позволило посетителям не спеша, сидя за столами, изучать документы, статьи, фотографии и биографии, рассказывающие о событиях тех лет. Один из разделов выставки был посвящен знаменитому химику Георгию Николаевичу Флёрову.

В начале 1942 года часть, в которой служил тогда лейтенант Георгий Флёров, располагалась в Воронеже, и у него была возможность читать научную литературу в библиотеке ВГУ. Он просматривал американские физические журналы, надеясь найти там статьи по делению урана, которым занимался до войны. Но подобные статьи отсутствовали, и Флёров сделал напрашивающийся вывод: исследования по ядерному делению в США строго засекречены. Молодой ученый отправил письмо Сергею Кафтанову, уполномоченному Государственного комитета обороны по науке, а затем, не получив ответа, – Иосифу Сталину. Много позже Кафтанов говорил об определенной значимости письма физика-лейтенанта для принятия решения о старте советского атомного проекта.

В январе 2018-го, 2019-го и 2020-го годов выставки, посвященные Дню освобождения Воронежа, Музей истории ВГУ организовывал совместно с городскими клубами военно-исторической реконструкции «Набат», «За отвагу», «Воронежской фронт». Выставка, открытая в 2018 году к 75-летию освобождения города, отражала деятельность воронежских военно-исторических клубов, которые ежегодно выступают организаторами реконструкций битвы за Воронеж.

Мероприятие вызвало большой интерес у сотрудников и студентов университета. Непосредственное участие в подготовке и открытии выставки принял руководитель военно-патриотического клуба

«Набат» и Координационного совета командиров Центрального Черноземья Евгений Иштутин. Он рассказал собравшимся о представленных на выставке экспонатах. Посетители смогли увидеть реконструкторское обмундирование советских и немецких войск (летние и зимние комплекты), пулеметы, бывшие на вооружении Советской армии и вермахта, подлинные вещи военного времени, в том числе находки поисковиков – гильзы, снаряды, каски, детали оружия, предметы солдатского быта. Выставка дала возможность погрузиться в атмосферу сражений и побед Советской армии, «побывать» и в импровизированном штабе наших войск, и в условном логове противника.

Книжный раздел выставки представлял самые разные издания военной тематики: исторические монографии и энциклопедии, военные мемуары, литературу о Воронеже и Воронежском государственном университете в годы войны, художественные произведения о подвиге воинов-освободителей нашего города и его жителей, восстановивших родной Воронеж. Выставку органично дополнили номера многотиражной газеты «За научные кадры».

В январе 2019 года Музей истории ВГУ организовал не только выставку «Непокоренный город», но и одноименный круглый стол после ее открытия, а также выставку работ участников фотоклуба ВГУ «1/100», посвященную военно-исторической реконструкции. Выставка «Непокоренный город» была создана совместно с военно-историческими клубами «Набат» и «Воронежский фронт». На ее открытии у посетителей была возможность не только услышать рассказ реконструкторов о представленных обмундировании и вооружении советских войск, а также их противников – немецких и венгерских частей, воевавших на территории Воронежской области, но и подержать в руках оружие, примерить военную

Витрина выставки
«Университет и война».
2010 год

форму. Посетителями выставки стали сотрудники и студенты ВГУ, преподаватели и студенты других воронежских вузов (ВГПУ, ВГАУ, курсанты ВВА), школьники, интересующиеся историей родного города воронежцы, узнавшие об открытии выставки в интернете.

На выставке, открытой в январе 2020 года, были представлены подлинные пулеметы, винтовки, автоматы, пистолеты-пулеметы времен Великой Отечественной войны. Выставка была более интерактивной – реконструкторы, одетые в форму советских войск, подробно и увлекательно рассказывали и об оружии и снаряжении военных лет, и о боях 1942–1943 годов в Воронеже и его окрестностях.

Разделы, посвященные эпохе Великой Отечественной войны, нашли отражение и на выставках, открытых к юбилеям выдающихся ученых ВГУ, в биографиях которых были и военные страницы. Новые поколения преподавателей и студенты всегда с особым интересом воспринимают личную историю отдельных людей и семей – и задача сотрудников музея представить ее в интересной, увлекательной и запоминающейся форме. В этой связи можно вспомнить выставки, посвященные памяти профессоров-фронтовиков – химика Бориса Ивановича Михантьева, экономиста Владимира Наумовича Эйтингона, историка Александра Иосифовича Немировского, биолога Сергея Ивановича Машкина.

Остановимся на двух наиболее экспозиционно удачных юбилейных выставках, посвященных химику Анатолию Яковлевичу Шаталову и геологу Николаю Александровичу Плаксенко.

А. Я. Шаталов – в 1941–1942 годах доцент кафедры физической химии Воронежского госуниверситета, 1942–1943-х – начальник экспериментального отдела завода № 702 в Ташкенте. С 1943 года старший преподаватель, затем доцент, профессор, заведующий кафедрой физической химии Воронежского государственного университета. Осно-

воположник воронежской школы электрохимиков. Выставка к 100-летию ученого открылась в Музее истории ВГУ 1 марта 2013 года.

Н. А. Плаксенко во время Великой Отечественной войны был военным топографом танкового корпуса, закончил боевой путь в Румынии полковником запаса. В послевоенные годы работал старшим геологом Курской железорудной экспедиции, младшим научным сотрудником горно-геологической станции института горного дела АН СССР. Одновременно с 1951 по 1954 год был аспирантом кафедры минералогии и петрографии ВГУ. С 1955-го – доцент кафедры геологоразведочного дела и полезных ископаемых, которую возглавил в 1960 году. Был ректором ВГУ в 1973–1983 годах. Выставка, посвященная его 100-летию, открылась 22 мая 2018 года.

Большая заслуга в успехе этих двух выставок принадлежит близким ветеранов – их детям, предоставившим не только уникальные экспонаты, но и интереснейшие воспоминания, которые помогли сделать экспозиции не просто удачно оформленными, но и живыми, переносщими посетителей в далекое военное время.

В заключение хочется сказать, что выставки, о которых было сказано выше, были созданы сотрудниками Музея истории при помощи и поддержке сотрудников, студентов и выпускников университета, родственников ветеранов, участников современного военно-реконструкторского движения. Их ценность – не в количестве, а в разнообразии тематики и оформления музейного пространства, в отражении истории университета, города, страны через судьбы отдельных людей – ученых, студентов, выпускников ВГУ. И тех, кто прошел сквозь огонь четырех лет войны, и тех, кто остался на полях сражений. Вечная им память.

Дополнительную информацию (включая фотографию) о выставках, упомянутых в статье, можно найти на официальном сайте ВГУ.

ВЛАДИСЛАВ МАКАРОВ

КРАСКИ ПАМЯТИ

ОБЗОР ВЫСТАВКИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

С 29 апреля по 24 мая 2020 года в выставочном зале Воронежского областного художественного музея (ВОХМ) им. И. Н. Крамского работает выставка «Память нужна живым», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В экспозицию вошли более 40 живописных, графических и скульптурных работ из фондов ВОХМ им. И. Н. Крамского, созданных в 1940–1990-е годы более чем 20 художниками. На выставке в основном представлены работы художников, чья жизнь и творчество тесно связаны с Воронежем и Воронежским краем. Среди них как известные в СССР и России мастера (М. И. Лихачёв, В. С. Иванов, Б. М. Неменский), так и малоизвестные за пределами Центрального Черноземья художники (например, С. Д. Легеня). Однако всех их объединяло стремление выразить художественными средствами подвиг и трагедию народов СССР в борьбе за само своё существование перед лицом фашистской агрессии. Объединяла их и тема сохранения памяти о войне и глубоких с трудом заживающих ранах, нанесенных народу и навсегда изменивших его историческую судьбу.

Около десяти работ, отобранных для данной выставки, экспонируются впервые. Это работы известных художников-графиков Вячеслава Павлова, Александра Харшака, Михаила Полякова, этюд участника Кукрыниксов Николая Соколова, портрет работы Юрия Внодченко, автолитография Виктора Вакидина и др.

Особое внимание при отборе работ для выставки было уделено Воронежу и Воронежскому краю в военные годы, что вполне естественно для города, на территории которого в течение полугода шли ожесточенные бои и практически уничтоженного фашистскими оккупантами. Воронежская область,

также наполовину оккупированная врагом, оказалась в ближнем тылу немцев; в целях борьбы с партизанским движением не успевшие эвакуироваться местные жители, претерпевая массовые бедствия, сгонялись оккупантами в концентрационные лагеря, отправлялись на работы на другие оккупированные территории СССР. Однако художникам безошибочно удаётся показать главное – наш город, наш край. Его жители и солдаты Красной армии, несмотря на все трудности и лишения, проявили нестигаемую волю и силу духа, выстояли и победили.

На выставке представлены работы более десяти художников-фронтовиков, воевавших или работавших в армейских газетах, в том числе непосредственно в боевой обстановке. При различном уровне профессионального мастерства они по-разному отражают грани пережитого, но всегда предельно искренне, правдиво и лаконично. Среди них: график и иллюстратор Владимир Богаткин, график и художник-оформитель Николай Василенко, живописец-жанрист Григорий Гончаров, график и иллюстратор Виталий Демидов, живописец, участник двух войн Василий Комолов, график Семён Легеня, автор монументальных живописных полотен Михаил Лихачёв, автор известных графических серий Александр Харшак и др.

Центральную часть экспозиции составляют работы известных далеко не только в Воронеже живописцев Виктора Иванова, Михаила Лихачёва, Григория Гончарова и Андрея Богачёва. Работы признанных мастеров жанровой и батальной живописи – Г. А. Гончарова и М. И. Лихачёва – дополняют и углубляют патриотическую и героическую направленность экспозиции (однако без излишнего пафоса и лакировки). Здесь ярко отражена динамика боевых сцен, ожесточение боёв, а также сохранение памяти о «роковых» военных годах. Особенно выделяются

Владимир Валерьянович Богаткин
(1922–1971)
«На проспекте Революции».
1943 год.
Бумага, тушь. 25 × 35

картины «Победа» кисти Г. А. Гончарова, изображающая момент победного завершения освобождения Воронежской области от фашистской оккупации в начале 1943 года в результате Острогожско-Россошанской наступательной операции, и «На освобожденной земле» В. И. Иванова, эмоционально показывающая радость освобождения в результате победного завершения битвы за Москву весной 1942 года.

В блоке портретов на выставке представлены пять живописных и графических работ (портреты, написанные Ф. С. Богородским, М. И. Лихачёвым, С. Д. Легеней, Ю. Ф. Внодченко и Г. М. Перцевым), а также три скульптурных портрета работы В. А. Павлова. Часть из них – это портретные зарисовки, сделанные в ближнем тылу в 1942–1943 го-

дах, в разгар войны. Портреты изображают как героев войны, удостоенных высоких званий и наград (Героев Советского Союза В. И. Голосова, М. Т. Путилина, А. Н. Катрича и др.), так и малоизвестных воинов, олицетворяющих собой подвиг народа и его решимость бороться с врагом и победить.

Выставка сопровождается демонстрацией фотографий Воронежа и боев на воронежской земле с краткими комментариями, а также документальными материалами в формате мультимедийного показа.

Экспозиция «Память нужна живым», часть работ которой демонстрируются впервые, является напоминанием о роковых для нашей родины и государства годах, о подвиге отдельных людей и всего народа, о силе духа не только сражавшихся на фронте, но и трудившихся в тылу.

Юрий Григорьевич Казинер
(1927 – ок. 2000)
«Будни войны». 1986 год.
Бумага, соус. 41 × 65

ПАМЯТЬ НУЖНА ЖИВЫМ

Из фондов Воронежского областного художественного музея
имени И. Н. Крамского

Валентина Михайловна Богачёва (р. 1953)
«Саженьцы». 1986–1987
Холст, масло. 180 × 182

Николай Борисович Василенко (1917–2009)
«Воронежская ротонда». Не датирован
Бумага, карандаш цветной. 59 × 44

Григорий Андреевич Гончаров (1913–2001)
«Бой на Дону». 1960–1985
Холст, масло. 62 × 139,5

Борис Михайлович Неменский (р. 1922)
«Мать». 1958
Холст, масло. 47 × 52

Виталий Антипович Демидов (1905–?)
«Воронеж в бою». 1942
Бумага, гуашь. 55 × 40,5

Михаил Иванович Лихачёв (1919–1997)
«Наши пришли». 1947
Холст, масло. 76 × 148,5

Виктор Семёнович Иванов (1909–1968)
«На освобождённой земле». 1945
Холст, масло. 103 × 132,5

Василий Кузьмич Комолов (1918–1985)
«Старый окоп». 1960-е
Холст, масло. 115 × 95

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ЕГО РОМАН С ЖИЗНЬЮ БЫЛ ВЕЧНОЙ ВЕСНОЙ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ – О ВЫДАЮЩЕМСЯ МАТЕМАТИКЕ,
ОДНОМ ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
МАРКЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КРАСНОСЕЛЬСКОМ НАКАНУНЕ ЕГО ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ

Выбрав это название, я не утверждаю, что жизнь Марка Александровича – просто Марка, как называли его в разговорах между собой и корифеи Школы, и студенты, считающие себя причастными к ней, – была безоблачной. И облаков, и туч, и гроз было в его судьбе с избытком, как, впрочем, и в жизни еще одного «отца-основателя», Селима Григорьевича Крейна, – опять же, просто Селима в «междусобойном» нашем общении; да и в жизни «первоотца» Школы, Владимира Ивановича Соболева, – а вот он всегда, будто бы во славу почтенных университетских традиций, упоминался исключительно по имени-отчеству (возникшее в нашем городе усилиями «отцов-основателей» великолепное сообщество, объединенное той творческой атмосферой и преемственностью, которые только и позволяют говорить о настоящей научной Школе, следовало бы называть «Воронежская школа функционального анализа»). Конечно, хорошие математики были в Воронеже с момента эвакуации сюда Юрьевского (Дерптского) университета, но знаменитая Школа начала отсчет своей жизни с 1951–1952 годов, когда, откликнувшись на приглашение «первоотца», Владимира Ивановича Соболева, в наш город

приехали жить и работать Марк Александрович и Селим Григорьевич. Следом за ними потянулись их лучшие ученики, вокруг чудесной троицы «Соболев-Красносельский-Крейн» стала группироваться местная талантливая молодежь – и Школа «пошла в буйный рост», чему в огромной степени способствовал Борис Иванович Михантьев, ректор ВГУ в 1953–1965 годах, человек редкостно масштабный даже по меркам того плодотворного и противоречивого времени). Но ведь и весной нередко облака, тучи и грозы, однако нет сомнений в том, что через час, ну максимум завтра опять воссияет солнышко и все вокруг заулыбается... ладно, пессимисты, ваша взяла! – ну, максимум через три дня воссияет.

Так получилось, что, пройдя аспирантуру у Якова Брониславовича Рутицкого, одного из первых учеников Красносельского, меньшую часть своей математической жизни я был «красносельцем», а большую,

являясь постоянным участником семинара Селима Григорьевича и Евгения Михайловича Семенова, – «крейновцем».

Это отдельная история и интересная тема – как Красносельский и Крейн, имевшие в ранней молодости прекрасные совместные работы, оставаясь

Марк Александрович
Красносельский
(1920–1997)

друзьями и соратниками, прокладывали потом каждый свое собственное магистральное шоссе, как от них расходились дороги их учеников; как в своем направлении шел Владимир Иванович, но здесь хочу рассказать о другом – о том, как, общаясь с «легендарным Марком» сравнительно редко, успевал счастливо обнаружить его солнечное, моцартовское восприятие математики и жизни.

В 1970-м, уже работая в Москве, Марк Александрович в течение всего весеннего семестра часто приезжал в качестве приглашенного профессора ВИСИ, «строяка», и вел семинары. На один из них был поставлен мой доклад, а исследовал я в своей кандидатской диссертации разнообразные свойства так называемых обобщенных пространств Гёльдера. Года же за четыре до этого Красносельский, обдумывая один казавшийся экзотическим результат из теории приближений, установил, что он есть следствие специфических свойств объектов, относящихся к совсем другой области математики, к так называемой геометрии банаховых пространств. Я же, изрядно потрудившись, обнаружил, что эти примечательные объекты Красносельского в пространствах Гёльдера обладают совсем уж примечательным свойством: а именно, как сейчас бы сказали, «наличием полного отсутствия» – то есть попросту нет их, таковых, и быть не может в принципе.

Рутицкому это показалось забавным, и он решил выпустить меня пред грозные очи Марка, тем паче мною было к тому времени получено уже много других результатов, и если этот, докладываемый, показался бы Красносельскому малозначащим, то вся диссертация в целом от этого пострадала бы не сильно.

Но какое там малозначащим! – Марк мне попросту не поверил. Потом – неслыханное дело! – не поверил Рутицкому, когда тот сказал, что ошибки в моем доказательстве нет, и, наплевав на время, взялся за дело сам, вознамерившись проверить все мои рассуждения и выкладки.

А потом уже я переставал верить глазам своим и ушам: Красносельский, по мере приближения к финишу доказательства, воодушевлялся все сильнее. Он уже даже «болел» за меня, «неизвестно откуда вылезшего» своего тезку, имеющего наглость претендовать на то, чтобы чуть поменять его картину мира; за меня, предъявлявшего ему некоего «уродца», не обладающего привычными чертами, но именно потому оказавшегося вдруг привлекательным... ну, скажем, наподобие французского бульдога, чемпиона по нелепости среди всех собачьих пород.

А когда я «победоносно» закончил, Марк, назвав мои результаты интересными, тут же, с места

М. А. Красносельский и его научная школа.

Первый ряд (слева направо) – П. П. Забрейко, Я. Б. Рутицкий, М. А. Красносельский, Л. А. Ладыженский, И. А. Бахтин; второй ряд – В. В. Стрыгин, Г. А. Безмертных, П. Е. Соболевский, А. В. Кибенко, Ю. В. Покорный; третий ряд – Э. М. Мухамадиев, Р. С. Адамова, Б. Н. Садовский, С. Я. Стеценко, Т. С. Сабиров

в карьер «зафонтанировал», формулируя задачи, за которые мне надобно взяться немедленно. Многие из них я, каюсь, не понял, о некоторых забыл, зато о двух вспомнил, когда спустя несколько лет, пережив немалые успехи в КВНе и написании коротких рассказов жанра «сатира и юмор», эстрадных и телевизионных миниатюр, разочаровался во всем этом, вернулся в математику и занялся пространствами функций обобщенной гладкости, о которых впервые услышал от Красносельского в тот солнечный апрельский день и которые, по-моему, никогда не входили в круг его научных интересов. Однако он, как и Крейн, понимал, «видел» и, главное, любил **всю** математику.

Всю – как одну из самых привлекательных и ярких черт жизни, которую стоит любить.

И вот что еще интересно. Невольными свидетелями нашего с Марком общения были на цыпочках входящие и выходящие кафедральные наши дамы – и буквально через несколько дней закончившие воронежский университет преподаватели «стройка», встречая меня в коридорах, спрашивали: «Правда, что вас недавно похвалил сам Красносельский?» И в ответ на мой кивок, искренне говорили: «Поздравляю!»...

При этом корона на мою голову не водружалась, зато насущно для меня важное происходило: в непросто становящемся благосклонным общественном мнении зрело понимание, что я – не только хороший парень из Баку, не только заядлый КВНщик, но и как математик тоже кое-что собой представляю...

Сам о том не подозревая, Марк Александрович помог мне сделать важный выбор – а дело было так.

Весенний семестр 1974 года я провел в Москве, на факультете повышения квалификации Московского инженерно-строительного института – советская власть, задыхающаяся от собственных несообразностей и мучающая ими народ, еще находила средства на подобные подарки молодым преподавателям: сохранив полную зарплату, имел к тому же бесплатное «спальное место» в трехкомнатной квартире-общежитии на Мичуринском проспекте.

Был предоставлен самому себе, составив индивидуальный план «профессионального роста», включавший в себя минимум посещения лекций, зато максимум – научных семинаров в МИСИ и МГУ, а еще в Институте проблем управления (ИПУ) Академии наук, где работал Красносельский, а еще в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ), тоже АН СССР, где узнал о многих смелых и чуждых советскому строю экономических теориях, бродивших в мире свободно, а в Москве – полуподпольно.

А по вечерам, – но это уже, разумеется, вне индивидуального плана, – консерватория и театры. Тогда это тоже было дорогим удовольствием, тем более учитывая выпадающие доходы от репетиторства, однако выручали гонорары за «веселые» тексты. К счастью или «как назло», но они шли тогда потоком, буквально из всех посещаемых мною редакций, особенно «Литературной газеты», Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Спасибо этим гонорарам и из моего сегодня, но все же шли они, скорее, «как назло», ибо чарующая легкость их зарабатывания слишком наглядно противоречила трудам, затрачиваемым на написание одной мало-мальски сносной математической статьи, не говоря уже о статье, которой можно гордиться долго.

Велик был соблазн переквалифицироваться, тем паче что хорошо ко мне относившийся знаменитый сценарист Аркадий Инин так прямо и сказал: «Сейчас ты пребываешь в ранге „юмориста из Воронежа“, балующегося текстами в свободное от доцентства время, что, в общем, мило, симпатично, но не более. Для того же, чтобы тебя воспринимали всерьез и позволяли иметь хорошие деньги, надо переехать в Москву и писать по десять-двенадцать часов в день. Как я, за пять лет заработавший на большую кооперативную квартиру. Как Миша Жванецкий, наплевавший, наконец, на родную Одессу...»

И ведь надо же, именно со Жванецким я познакомился совсем недавно на Всесоюзном радио, где вокруг него, щебеча «Ах, Мишенька!...», крутилась вся редакция, меня же ему отрекомендовали в точности так, как сказал Инин: «Юморист из Воронежа. Доцент, математик!» – на что «Мишенька» среагировал весьма вяло: «Доцент-юморист? И такое бывает... Зато нетупой доцент, как в моей миниатюре для Райкина». Однако и эта сомнительная острота была встречена хохотом, и самое противное, что даже из меня вырвалось угодливое «хи-хи!».

...Итак, весной 1974 года я был в сомнениях и колебаниях, к чему меня все же тянет сильнее – к математике или литературе, но посещаемые в ИПУ, МГУ и ЦЭМИ семинары, особенно те, которыми руководил Марк, перевешивали чашу весов в сторону науки, где денег много меньше, но гораздо больше логики и гармонии.

Перевешивали, но чуть-чуть...

А тем временем Аркадий Арканов подарил мне два билета в Театр сатиры на спектакль по его с Григорием Гориним пьесе «Маленькие комедии большого дома», пользовавшийся в Москве огромной популярностью. В нем были заняты блистательные артисты: Миронов, Пельтцер, Ширвиндт, Папанов, Мишулин – но ничто, замечу в скобках, в этом впол-

Творцы Воронежской
математической школы
М. А. Красносельский и В. И. Соболев

не милым действе не предвещало будущего взлета Горина-драматурга, достигшего в пьесах «Тот самый Мюнхгаузен» и «Дом, который построил Свифт», в киносценарии «О бедном гусаре замолвите слово» высоты фантастической!

Жена приехать в Москву не смогла, и я пригласил Марка. Он, к удивлению моему, легко согласился – а я этой легкости немало обрадовался: предыдущим летом мне от него была передана диссертация некоего Ш., тематика которой имела отношение к задачам, интересовавшим меня еще во время учебы в Баку. Проклиная тяжкую свою участь, я продирался сквозь нее долго, особенно запомнилось, как, сидя на одном из волнорезов Дагомысского пляжа, в сотый раз перечитываю фразы из рассуждений Ш. и из монографии по алгебраической топологии, пытаясь объединить эту заумь единым смыслом – и хочется запустить на пятиметровую глубину сначала диссертацию, а следом за нею – и книгу... но нельзя, ведь Марк вспомнил обо мне и именно меня попросил разобраться...

Кое-как все же разобрался, и в Москве, прощаясь с Красносельским после каждого семинара в ИПУ, ждал, что он спросит: «Так что там у Ш. сделано?» Ждал с некоторым страхом – а вдруг мой ответ покажется ему поверхностным, но ждал и с некоторой надеждой – а вдруг отвечу так «завлекательно», что он предложит рассказать подробности в его лаборатории, а я и там блесну, а потом... потом случится неизвестно что, но несомненно то судьбоносное, которое поможет мне принять окончательное решение.

Но Марк не спрашивал, и мне становилось все яснее, что он попросту о работе Ш. забыл, а у меня решимости ему о ней напомнить – не хватит.

Однако совместное посещение театра все могло изменить: антракт, путь до метро, четыре остано-

вки до момента его пересадки – и нечем ему будет занять это время, тут-то, авось, и выплывет Ш. со своими исследованиями...

Красносельский оказался на удивление благодарным зрителем, громче и залиvistее всех смеясь шуткам, утирая слезы в трогательных местах, дольше всех аплодируя – и, по-моему, актеры просто обязаны были устроить ему ответную овацию! Но не устроили, разумеется, а он все никак не мог «отойти» от впечатлений и всю дорогу до метро и уже на эскалаторе напевал припев из песни Д. Тухманова (текст И. Шаферана), которой заканчивалась самая романтическая из пяти только что пережитых нами театральных новелл: «Три месяца лето, Три месяца осень, Три месяца зима – И вечная весна!»...

Напевал, время от времени замечая: «Прекрасная песня! А тебе она как?»

Я в ответ бурчал: «Нравится...» и думал, что коль скоро наш математический гуру до сей поры проживает происходившее на сцене, то приставать к нему с профессиональными разговорами бестактно.

А что не бестактно? Начать подпевать? – однако, когда поезд тронулся в путь, Марк спросил:

– Так что там Ш., здорово шагнул вперед?

О, наконец-то!

– Скорее, вбок, – воодушевился я, – ничего нового для граничных задач он не получил, но то, что получено намного раньше и не им, объяснил красиво.

– А именно?

Начал излагать, однако успел произнести не более пяти-шести фраз – и мечта моя выступить у Марка Александровича на семинаре рухнула: в лягающем вагоне метро громко и уверенно, все мгновенно поняв и оценив, заговорил он сам.

И слушал я его, восхищаясь, как воробей, которому позволили полюбоваться полетом журав-

М. А. Красносельский
и его ученики
Н. А. Бобылев, П. П. Забрейко

ля: мало того, что – экспромтом и неожиданно для меня – он интерпретировал угаданные им в ту же секунду центральные результаты диссертации Ш., так еще и объяснил, как тому следовало двигаться, чтобы получить что-то принципиально новое, а не просто создать эффектную упаковку старого.

И черт с нею, с мечтой, мне хватило потом выступлений по самостоятельно найденной мною тематике на многих строгих и престижных семинарах страны! Главное, что этот «прекрасный полет журавля» заставил меня сделать выбор в пользу науки...

Впрочем, был еще один аргумент в пользу этого выбора – возможно, несколько странный или даже смешной: любясь Марком Александровичем, я вдруг уловил, что он и Жванецкий, даже с учетом тогдашней их разницы в возрасте, очень схожи внешне.

Оба – круглоголовые, уверенные в себе крепыши с одинаковой, генетически обусловленной, формой носа...

Однако постоянная хитроватая полуулыбка писателя словно бы говорила: «Сейчас посмешу, только не забудьте мне заплатить», а радостная, «изнутри идущая» улыбка математика обещала: «Сейчас расскажу что-то очень интересное, только постарайтесь меня понять».

И такая улыбка мне понравилась тогда, да и нравится теперь гораздо больше!

Рынок? – о да, писатель-острослов имеет гораздо более высокую «современную стоимость»: о нем знают миллионы, а о Красносельском – едва ли пять тысяч специалистов во всем мире...

Вот только лучшие его теоремы будут применять всегда, когда речь пойдет о сложных нелинейных моделях!

Вот только дальнейшее проникновение в тайны природы, попытки понять усложняющийся мир и общество уже требуют – и будут требовать потом – все более изощренного нелинейного анализа, одним из классиков которого был Марк Александрович Красносельский.

Но, как известно, человек лишь предполагает, а располагает Кто-то другой или Что-то другое: в литературу я возвращался. Писал пьесы, они ставились и издавались; написал киносценарий, который был почти запущен на Мосфильме, в творческом объединении Сергея Бондарчука... но только почти, ибо разразился путч и будущий фильм, вместе с объединением и всей страной, ухнул в тартарары...

С 1991-го освоил столько профессий, что и простое перечисление утомляет. «Каноническую» математику ближе к концу 90-х оставил, правда, в течение восьми счастливых лет удалось еще поработать с И. Б. Руссманом и выпустить несколько крепких статей по математическим моделям экономики знаний и фондовых рынков... потом и это, увы, закончилось...

А сейчас работаю над седьмым своим романом, «Доктор Фауст и его агентура». В нем судьба главного героя, Наумыча, прозванного боготворящими его учениками Доктором Фаустом, имеет много «пересечений» с судьбой Владимира Наумовича Эйтингона, с которым так славно довелось пообщаться в последние десять лет его жизни. И теперь хочу привести из этого еще не законченного произведения небольшой фрагмент, описывающий, как Наумыч общался с выдающимся математиком, в котором легко угадывается Марк Александрович. Прошу только не искать буквального сходства, ибо текст это художественный, и он – по определению – не может существовать без некоторой доли авторских фантазий, вымыслов и домыслов.

Сравнительно недалеко от Недогонеза в еще неширокий, но уже тихий Дон впадает живописная речушка с явно тюркским названием, ясно дающим понять, кто когда-то был хозяином этих мест. Там в советское время была расположена турбаза «Березка», никакому заводу или вузу не принадлежавшая, а потому предоставлявшая летний отдых народу не узко ведомственному, а бойкому, кампанейскому, в основном молодому. Народ этот купался, загорал, пил, крутил романы – не черноморского накала, однако тоже вспыхивавшие и гаснувшие пусть не как костры, так хотя бы как костерки.

Осенью бурливое летнее смешение слоев и профессий сменялось небыстрым бытием пенсионеров, ветеранов и инвалидов, которые не то что на романы, а и на простые оживленья чувств были уже не способны; зимой же все замирало, но при этом, однако, в конце января случался всплеск: на традиционную математическую Школу съезжались ученые со всего Союза.

А иногда даже и зарубежный люд бдящей Конторой на нее допускался.

Это были не конференции со строгой тематической заданностью, а именно Школы: с циклами лекций по самым животрепещущим направлениям математики, с вольно устраиваемыми семинарами, с поздними танцами в холле пятого этажа и с поздними просвещающими беседами о новостях генетики, о достижениях космологии, о модных исторических или литературоведческих воззрениях – в холлах других. А в номерах – застолья, а на лыжне, освещенной луной и звездами, мелькали быстрые фигуры, и лишь шуриание их лыж пугало зайцев, лис, кабанов и лосей.

В зимнем заповедном лесу, грамотно прореженном, нет места нагромождениям валежника и стволам, растущим вяло, без жадного желания вымахать и стать неохватными. Тропинки и просеки в нем не случайны, а давно расчерчены на подробнейших картах; в таком лесу Красные Шапочки не становятся жертвами злоумышляющих Волков, на его опушках бабушки не ждут, пока им принесут поесть, но к приходу обожаемых внучек сами пекут пироги с давным-давно замороженной вишней, пускающей сок в укутавшее ее тесто.

Незадолго до позднего рассвета лес неподвижен, как слушатели в филармоническом зале – вот так же неподвижен был и Наумыч, неожиданно для самого себя согласившийся заняться «на зорьке» подледным ловом – вместе со страстным рыбаком, бывшим недогонезцем, давно уже, впрочем, переехавшим в Москву и ставшим там заведующим лабораторией в престижном академическом институте.

Наумыч, которому полученный на вечернем отделении матфака багаж знаний не позволял до конца понимать рассказываемое на лекциях и семинарах, наслаждался самой атмосферой Школы и пребывал в несвойственном ему восторженном состоянии. Поэтому к предложению проснуться в несуетную рань, отправиться ловить рыбу (которую терпеть не мог) и там, между делом, послушать «кое-что новенькое» отнесся с энтузиазмом, тем более что «рыбака» почитал не только за брызжущий талант, но и за поддержку, которую тот оказывал ему в начале шестидесятых, когда фамилия отбывающего срок отца, выдающегося советского разведчика, очень многих отпугивала.

Особенно же Доктора Фауста привлекал и даже умилял тот детский восторг, с которым «рыбак» рассказывал о собственных результатах или о достижениях своих учеников... но непременно о самых свежих, которым не более года от роду. Через год «тему» подхватывали другие, а «основоположник» переключался на что-нибудь еще более «новенькое»; за развитием же «старенького» следил слегка насмешливо, как Дон Жуан за церемонией венчания бывшей своей любовницы с каким-нибудь тоже благородным, но наивным доном.

Они расположились у одной из пробитых совсем недавно лунок, леска с легким грузилом поддалась ленивому течению и устремилась куда-то вбок... изголодавшая рыба должна была бы, согласно канонам, наживку наброситься, но отчего-то медлила... «рыбак» однако ж не загоревал, а, выждав несколько минут, заговорил:

– Представим себе, что небольшой участок подверженного нелинейным вибрациям транспорта намазан медом... а чем еще его можно намазать? – прибавил он с досадой Винни Пуха, обнаружившего, что такую драгоценность приходится тратить на такую фигню.

– На этом участке расположен кубик. Если б меда не было, а лента сильно вибрировала, кубик быстро бы слетел. Если б он был посажен на клей, то его бы вибрации не беспокоили. Но ведь вместо клея на транспортере мед, и эта разница между липкостью и клейкостью обеспечивает лишь некоторый конечный запас устойчивости... – теперь в голосе не было и доли сожаления, теперь даже и гипотетическому медвежонку стало бы ясно, что пролить на такой, подверженный неурядицам транспортер чуть-чуть меда было абсолютно необходимо. – Вот вам простой бытовой пример гистерезиса. Подобное, однако, изучается уже довольно давно...

Мог бы добавить, что строгая математическая модель, объединяющая самые разнообразные проявления эффекта гистерезиса, еще в шестидесятые годы, впервые в мире, стала разрабатываться именно на его семинаре в Недогонежском университете...

Но не добавил, зачем? Не на отчетном же собрании выступал!

Мог бы добавить также, что ректор, злобное ничтожество, смог осуществить свою давнюю мечту разогнать «синагогу» на матфаке: выжил «рыбака», который перетянул за собою в Москву лучших учеников, кстати, сплошь и стопроцентно русских; выжил еще одного звездного профессора – и Недогонежский университет перестал быть Меккой для «нелинейщиков» всего мира.

Но не добавил, зачем? Не на кухне же, традиционном месте припоминания обид, они сидели, а посреди реки, замерзшей, как замерзала потихоньку научная дерзость в дряхлеющей стране – однако и подо льдом все же еще была какая-то жизнь, и наука в университете, раздраемая бюрократическими вывихами, как-то еще дышала.

И вот ведь только в чем оказалась финальная и фатальная разница: река дождалась живительной весны, а университет уже и не ждет.

Всего только в этом.

Однако раннее морозное утро 86-го года ничего страшного еще не сулило, «рыбаку» суждено было жить еще лет десять, ученики его еще не получили кафедры в университетах Европы, Штатов и Австралии, а сам он, конечно же, не подозревал, что абстракции, им и сотрудниками придуманные, окажутся для мира настолько провидческими и тревожными.

Ах, какая дивная была у «рыбака» аудитория!

Сосны, не замёрзшие, но замершие, его слушали...

Лед, распластавшийся на реке подобно насильнику и придавивший ее, – тоже слушал...

Звезды, время от времени заставлявшие лед казаться не зловеще серым, а безмятежно голубым, прислушивались, хотя мог ли человеческий разум, такой еще, по сути, молодой, поведать им нечто такое, что не было постигнуто ими в их вечном, миллионноградусном горении?

И снег, где-то недалеко затаившийся и мечтающий сбежать из плена безгрешных небес, вслушивался; а хмурые, как советские пограничники, облака прислушивались так, будто опасались, что вот-вот налетит «ветер перемен» и в их пока еще сомкнутом строе образуются прорехи, через которые снег заспешит к земле частым пунктиром снежинок и кляксами хлопьев.

– И выделяются две поверхности, – увлеченно рассказывал он, – а между ними расположены управления, которые не позволяют разнести вдребезги всю систему, и она поэтому сохраняет свойство, которое мы с Лешей и Колей назвали виброустойчивостью. А вот и Коля! Проспал, конечно же!

А Коля не мог не проспать, поскольку только в половине третьего спустился в свою комнату на первом этаже с пятого, в холле которого славно гудела молодежь. Совсем зеленая молодежь, которой ужас как хотелось поглядеть на пока еще живых классиков.

Коля «классиком» не считался, более того, даже просто к математикам ни один ищущий девичий взгляд его бы не отнес. Разве могло это круглое улыбочивое лицо принадлежать кому-то наделенному потрясающе мощным интеллектом? Разве за хитровато вззирающими на мир глазками мог таиться ум, словно специально созданный для служения математике, однако успевающий – «между делом, быстренько» – выучить, например, латынь, чтобы Гоция и Тацита читать исключительно в подлинниках?!

Справа налево: академик А. Н. Колмогоров, М. А. Красносельский, Г. А. Безсмертных, П. Е. Соболевский, В. М. Тихомиров

Вопросы, на которые не смогли бы ответить Колины родители.

Ни отец, «на всякий случай» научивший сына всем тонкостям обращения с разводными ключами, прокладками, фланцами, кран-буксами и вентилями – ведь мало ли что, степень доктора физико-математических наук могут отнять, звание профессора аннулировать, а протекания и засоры будут всегда! Ни мать не ответила бы... Разве что какая-то из далеких прабабок успела удачно отдаться Чебышёву ли, Лобачевскому или даже самому Леонарду Эйлеру? – Бог весть!

Как ни странно, в «Березку» Коля приезжал не ради математики, а сбегая от нее. Исключительно с целью развеяться приезжал: порыбачить и будущей научной бодрости ради – пофлиртовать. Он занимал каморку сантехника, который оставлял ему все свои инструменты, а сам уходил в десятидневный отпуск, абсолютно спокойный за трубы, унитазы, сливные бачки и краны. Угловая комнатка, расположенная рядом с кладовками, имела отдельный выход во двор и можно было, никого не беспокоя, уходить на реку в любой рассветный или дневной час. Можно было мгновенно нырять в подвал, лишь только какой-нибудь стояк подавал признаки беспокойства; наконец, можно было дремать в тишине, бессовестно манкируя лекциями.

Завидев Колю, Наумыч тихо рассмеялся, вспомнив, какие блистательные шутки и афоризмы, мигом расходившиеся среди «математических масс», тот «выдавал» во время каждой Школы. Вот и на этой он уже отметился экспромтом, рожденным без раздумий, молниеносно, и только глазки его, оглядывающие хохочущих коллег, стали еще хитрее и пронзительнее.

Это случилось в ночь после банкета, накануне которого «школьники» подробно обсудили здоровенный синяк на широком шишковатом лбу знаменитого математика Горностаева, который и трудные задачи, и жизнь со всеми присущими ей степенями, званиями, должностями, женами и любовницами атаковал одинаково, склонив голову по-бычьему.

Причина синяка состояла в том, что в однотипных турбазовских номерах двери между комнатой и тамбуром – прихожей комнатой являли собою, в верхней их части, вставленное в хилую раму матовое стекло, расписанное узорами неслыханной прихотливости – почтенного же академика по пути с лекции озарила какая-то ценная мысль, и он так спешил донести ее до стола, что, будучи ослеплен пробившимися сквозь матовую преграду лучами солнца, тамбур одолел одним широким шагом, а на ручку закрытой двери в комнату нажать забыл... И стекло в результате воистину лобового столкновения с мыслителем вылетело целиком и улеглось на пол комнаты, даже не треснув и сохранив все покрывающие его узоры.

И вот же совпадение: находясь после банкета и танцев уже внутри, а не вне номера, в котором пели русские народные песни, Коля прислонился к закрытой промежуточной двери – и, стало быть, в первую очередь к стеклу, – как раз тогда, когда завели «Вниз по матушке по Волге». Самозабвенным певуном не являясь, он тем не менее с первых же тактов этой раздольной песни начал испытывать то же, что и джеклондоновские ирландские терьеры Майкл и Джерри: неодолимая сила разжала челюсти, в горле что-то заклокотало, а связки исторгли из глубины веков и тьмы инстинктов очень ладное подвывание.

Восторг так распырил согретую водкой Колину душу, что когда хор дошел до финального

*«Проворачивай, ребя... ребята,
Ко крутому бережочку!»*

он, чтобы уже не просто подвить, но всаделишно взвить, наполнил легкие до отказа, расправил плечи, еще теснее прижался к стеклу – и...

Взвить успел, однако тут же и выяснилось, что матовое полотно способно все так же легко вылетать и в противоположную, по сравнению с номером академика Горностаева, сторону.

Испуганно ахнули все, кроме Коли – он же обернулся, увидел, что стекло лежит на полу в тамбуре, опять же целехонькое, и прокомментировал:

– Оказывается, я умею получать ж...ой результаты, аналогичные тем, которые всемирно известный ученый получает головой!

Придя на реку, Коля, надеясь подремать, установил свой раскладной стульчик у самой дальней лунки, но высокочтимый Учитель и Наставник в покое его не оставил.

– У меня не клюет, – сообщил он, каждые пятнадцать минут подбегая к любимому ученику, – а у тебя вон уже сколько! Да, сегодня не мой день, но вот что я подумал... – и далее следовал очередной поток соображений о том, как можно «нащупать» новые свойства оператора-гистеранта и векторных полей, характерных для виброустойчивых дифференциальных уравнений...

А «всеми забытый» Наумыч чувствовал себя на удивление хорошо и покойно. Он сидел на дощатом ящике из-под минеральной воды, был, в отличие от коллег, не в тяжелом рыбацьем тулупе, а в обычном своем пальто и постепенно замерзал до дремотного оцепенения, которое на войне мгновенно улетучивалось при любой тревоге, но в годы мира уносило голову «в полет», умудряясь объединять в ней реальность и неотчетливые образы, невесть откуда взявшиеся и неведомо куда исчезающие.

Вот и на реке, когда рассвет пребывал где-то за горизонтом и топтался там, как робкий посетитель у порога министерского кабинета, словно бы доносящиеся откуда-то со стороны разговоры «рыбака» и Николая о виброустойчивости перемешивались с выныривающими из глубин памяти «производством энтропии», «теоремой Пригожина»... потом в эту «кашку-малашку» посыпались, как куски белого рафинада, «мир-экономика», «мир-империя», «мир-система» – и все это вместе стало сладким предощущением нового знания.

И какого знания! – не за подобным ли гонялся когда-то сам Фауст?!

...А вспоминая о Марке Александровиче Красносельском, думаю, что совсем не случайно, не просто «под настроение» ему показалась прекрасной та песня: «Три месяца лето, Три месяца осень, Три месяца зима...» – ведь в его романе с математикой... нет, более общо, в его романе с жизнью была воистину вечная весна!

ИГОРЬ КОПЫТИН

О МОЁМ УЧИТЕЛЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА ПАВЛОВИЧА РАПОПОРТА

13 января 2020 года Льву Павловичу Рапопорту исполнилось бы 100 лет. У входа на кафедру теоретической физики в торжественной обстановке была открыта памятная доска с его портретом и информацией о научной и преподавательской деятельности. Более 37 лет Лев Павлович возглавлял кафедру теоретической физики на физическом факультете ВГУ и затем еще семь лет работал на ней профессором. Фактически именно ему начиная с 1955 года кафедра обязана своим становлением в тяжелый послевоенный период.

Хотя после окончания войны прошло уже десять лет, это был тяжелый период: главный корпус только строился, не хватало учебных аудиторий, учебного и особенно научного оборудования и, самое главное, было мало квалифицированных преподавателей. В частности, на физическом отделении физико-математического факультета тогда работали лишь несколько кандидатов наук. Правда, трое из них, включая и Л. П. Рапопорта, стали преподавателями именно кафедры теоретической физики. Это важно – именно данная кафедра в течение двух с половиной лет читает базовые для физического образования курсы теоретической физики. Кроме того, на специализацию «теоретическая физика» традиционно поступают лучшие студенты. Это требует обеспечения их высококачественной научной работой, что могут сделать в первую очередь пре-

подаватели, сами активно проводящие научные исследования. Как раз в процессе научной работы студента закладываются основы для его последующего карьерного роста – аспирант, кандидат наук, преподаватель (тогда страна в них очень нуждалась) и т. д. И Лев Павлович со всеми, иногда очень тяжелыми, проблемами успешно справлялся, сделав в конце

концов кафедру теоретической физики одним из лидеров в теоретической физике не только в Воронеже, но и в стране и создав учебно-научную школу теоретической физики международной известности.

Он родился в городе Усмани (сейчас это Липецкая область, а в то время относилась к Воронежской губернии) в семье военного медика. Окончив школу, поступил в военно-авиационное училище в городе Энгельсе. Но, получив воинское звание лейтенанта, из-за ухудшения зрения не смог стать военным летчиком. Тем не менее свою любовь к авиации сохранил, поступив в 1940 году в Московский авиационный институт. Но и здесь не все сложилось.

С началом войны институт направил Л. П. Рапопорта технологом на Московский авиационный завод, который затем был эвакуирован в Иркутск, и Лев Павлович проработал там до 1946 года. Вернувшись в Москву, стал учиться на втором курсе физического факультета Московского государственного университета. И вновь неудача – из-за серьезной болезни был вынужден сменить

Лев Павлович Рапопорт
(1920–2000)

обстановку. Он переехал в Воронеж, где стал студентом Воронежского государственного университета. Окончив его в 1948 году, начал работать в ВГУ в должности старшего преподавателя на кафедре электромагнитных колебаний, став также и аспирантом известного физика профессора М. А. Левицкой, заведовавшей этой кафедрой.

И здесь было не все просто: вскоре Лев Павлович вступил в научный конфликт со своей руководительницей. Его могли бы отчислить из аспирантуры, и неизвестно, как в дальнейшем сложилась бы его судьба. Но М. А. Левицкая, оценив потенциал Л. П. Рапопорта и «забыв» про конфликт, заявила на совещании у ректора, где решалась его судьба: «Он очень талантлив и ему надо продолжать научную карьеру». Лев Павлович был направлен в МГУ, в аспирантуру-стажировку к ученому мирового уровня профессору Д. Д. Иваненко. В 1951 году там же он защитил кандидатскую диссертацию. Вернувшись в Воронеж, продолжил работу на кафедре электромагнитных колебаний, а затем перешел на должность доцента кафедры теоретической физики, которая перестала функционировать с началом войны и была вновь открыта в ВГУ в 1954 году. В 1956 году он исполнял обязанности заведующего этой кафедрой, а в 1960 году был уже избран на должность штатного заведующего.

Я лично познакомился с Л. П. Рапопортом в 1959 году, когда, будучи студентом физфака, распределился на специализацию «теоретическая физика». Однако и до этого момента я много о нем слышал. Моя сестра, Маргарита Васильевна Копытина, в 1955 году была среди первых выпускников этой кафедры, и он был у нее руководителем дипломной работы. Помню, как я, еще школьник, помогал ей выполнять многочисленные расчеты на арифмометре «Феликс». И, конечно, фамилия Рапопорта не раз возникала и в ее разговорах со мной, и в разговорах ее однокурсников, которые часто собирались в нашей квартире по различным поводам. Замечу, кстати, что именно сестра, которая с 1957 года стала работать ассистентом на кафедре теоретической физики, уговорила меня пойти учиться на физмат ВГУ и затем на эту кафедру, хотя вначале я написал заявление на математическое отделение. У меня была золотая медаль, тогда последний год она давала право поступать в вуз без экзаменов и, кроме того, вместе с Е. М. Семеновым (доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории функций и геометрии математического факультета ВГУ) я стал победителем областной олимпиады по математике. Но, несмотря на все это, убедительные уговоры сестры на тему: теоретическая физика – это

Лев Рапопорт – аспирант ВГУ. 1951 год

та же самая математика, но с практическим смыслом, сыграли свою роль. Я стал физиком-теоретиком.

Мое первое знакомство с Л. П. Рапопортом как заведующим кафедрой теоретической физики состоялось на третьем курсе, при выборе специализации. Мы, студенты, пришли на первую встречу с ним, Лев Павлович сказал какие-то слова о трудностях, ожидающих нас на стезе физика-теоретика. Но особенно запомнилась тогда его фраза: «Вы – физики, это элита среди других научных направлений, а теоретики – это элита среди физиков».

Конечно, время меняет приоритеты, но теперь уже и мой жизненный опыт действительно показывает, что хорошие теоретики – это действительно физическая элита. У них хорошо развитые довольно трудными обучением и профилем работы мышление, умение анализировать ситуацию и делать правильные выводы, как правило, активная жизненная позиция и пр. Даже в «лихие» девяностые годы, когда «рухнули» научные институты, да и наука в целом, многие из них не растерялись, стали успешными руководителями различных финансовых структур, не имея экономического образования и приобретая знания на ходу. Несмотря на трудности, многие из них возглавили реальные, а не фиктивные фирмы, работающие на новых научных направлениях и пр. Поэтому, будучи заведующим кафедрой после Льва Павловича, я также говорил студентам похожие слова о научных элитах и профессии физиков-теоретиков.

Первый послевоенный выпуск студентов, специализирующихся на кафедре теоретической физики ВГУ.
 В первом ряду справа – тогдашний заведующий кафедрой, бывший ректор ВГУ В. Я. Рогов.
 Во втором ряду слева – доцент Л. П. Рапопорт. 1955 год

Дальше я буду писать о своих личных впечатлениях от общения с Учителем в течение многих лет совместной работы, о его влиянии на коллег и учеников, многие из которых имели далеко не самые простые характеры. Кстати, коллектив кафедры он подбирал сам и очень тщательно, оставляя только самых перспективных, на его взгляд, учеников, большинство которых впоследствии защитили докторские диссертации и стали известными учеными. Результаты такого подхода можно наблюдать и сегодня: сейчас на кафедре среди 13 преподавателей – 6 докторов наук, вполне успешных и активно работающих (остальные все – кандидаты наук). И при этом 5 докторов наук после работы преподавателями кафедры были «отданы» для усиления других кафедр физического факультета, в том числе и на должности их заведующих. Среди них заслуженные деятели науки РФ, профессора С. Г. Кадменский (зав. кафедрой ядерной физики) и Б. А. Зон (был больше 30 лет зав. кафедрой математической физики, сейчас ее профессор), профессора А. Ф. Клиньских (зав. кафедрой общей физики) и С. А. Запрягаев (почетный работник высшего профессионального образования РФ, бывший первый проректор ВГУ, в настоящее время – профессор факультета компьютерных наук).

Тщательно отбирал Лев Павлович и своих аспирантов, практически все они после аспирантуры успешно защищали кандидатские диссертации и впоследствии работали в научных институтах и вузах. Только в одном случае, как сам признавался, он ошибся – тот аспирант оказался склонен к конфликтам, не «горел» наукой и не желал участвовать в учебном процессе (вести занятия со студентами). И еще одно правило Льва Павловича: не брать в аспирантуру студенток-выпускниц. В свое время со мной вместе училась студентка, которая, как и я, стала аспиранткой Льва Павловича. Она опубликовала пару научных работ, но до защиты диссертации их все же оказалось недостаточно. Но не это было главной причиной нежелания профессора Л. П. Рапопорта работать с девушками-аспирантками. Лев Павлович признавался: «Помещение кафедры маленькое, весь день там присутствуют преподаватели, можно спокойно поработать только вечером. С парнем я сажусь, и мы работаем. А вот как только я останусь с аспиранткой, начинаются вопросы со стороны – а что это он там уединился и с кем? И особенно доставала по вечерам звонками жена». Так что моя однокурсница была у него первой и последней аспиранткой.

Необходимо отметить, что Л. П. Рапопорт полностью доверял своим ученикам и в научной работе

давал полную свободу. Он не третировал их мелочным контролем, предоставлял даже самостоятельно выбирать направление научных исследований, если возникала такая необходимость. По-видимому, это была особенность и его характера – не заикливаться на однотипных проблемах, а расширять фронт исследований, меняя направления, даже если все и так было успешно. Такому стилю поведения способствовали его широкая физическая эрудиция, желание и умение не только читать научные статьи, но и глубоко разбираться в новой научной проблеме и, конечно же, способность легко переключиться на совершенно новую задачу, если она этого заслуживает. При этом ему как-то удавалось использовать накопленный опыт решения одной проблемы для решения другой, иногда очень далекой от предыдущей.

Приведу два примера. Первый. В самом начале существования кафедры теоретической физики ее направлением стала актуальная в то время физика атомного ядра. И вдруг Лев Павлович со своим аспирантом публикует работу, в которой некоторые ядерные реакции, обусловленные столкновением ядер, объясняет распространением по ядерному веществу ударной волны. Это понятие происходило из астрофизики и классической механики, далеких от квантовой теории ядра. Сегодня та его работа считается классической в физике атомного ядра.

Второй пример. В 1960-е годы преподаватели кафедры достаточно успешно занимаются теорети-

ческой ядерной физикой. И сам Лев Павлович работал над докторской диссертацией в этой области. Но когда в научной среде начали обсуждаться новые проблемы, связанные с воздействием лазерного излучения на атомы и молекулы (что, в общем-то, довольно далеко от ядерных проблем), Лев Павлович разрешил своим аспирантам – сначала Н. Л. Манакову, а позже Б. А. Зону – заняться этой новой для кафедры проблематикой. В итоге именно это направление стало для кафедры определяющим в дальнейшем, с ним оказалась связана будущая научная школа, которая впоследствии приобрела международную известность. Профессора Н. Л. Манаков и Б. А. Зон также стали высокорейтинговыми учеными с международным признанием и возглавили научную школу Рапопорта после его ухода из жизни.

Лев Павлович, будучи заведующим кафедрой, почти всегда присутствовал на всякого рода собраниях и совещаниях. И какие бы вопросы ни обсуждались – научные, учебные, методические и другие, он обязательно принимал активное участие. И это не было желание просто продемонстрировать свое красноречие. Его выступления всегда были содержательными, яркими и, главное, часто открывали какие-то новые горизонты в решении обсуждавшейся проблемы. Даже просто слушать его было очень увлекательно, поскольку Л. П. Рапопорт обладал широкой эрудицией, готов был представить какое-то иное видение проблемы, а сами выступления отличались остроумием. Рассказывают, что в период,

Спор Учителя и ученика. На переднем плане – Л. П. Рапопорт и И. В. Копытин. За спором наблюдает доцент ВГУ А. Н. Алмалиев. 1980-е годы

когда ректором был В. П. Мелешко, Лев Павлович и не менее яркий человек Я. А. Угай были членами ученого совета ВГУ. Оба отличались остроумием, умели говорить, и их полемика почти на каждом заседании совета превращалась в настоящее представление. Конечно, руководству это не всегда нравилось, особенно если при этом звучала критика в его адрес. Последнего в отношении конкретных руководителей в своих выступлениях Лев Павлович не избегал, если дело того требовало.

Приведу один такой случай, свидетелем которого я был. Не помню, было ли это заседание ученого совета факультета или трудового коллектива, но на нем отчитывался о своей работе декан. Он занимал этот пост уже довольно долго и, в общем-то, ничего существенного на факультете в период его деканства не происходило, так, была обычная текучка. Теперь он отчитался о своей работе. Никаких выступлений не ожидалось, осталось только отчет утвердить и дело шло к концу. И тут Лев Павлович попросил слово. Он сказал, что отчет нормальный, все вроде бы неплохо, но он не услышал в этом отчете только одного – когда у нас будут пере выборы декана? Видели бы вы, как растерялся докладчик, услышав этот вопрос. Он совершенно не был готов к нему и не знал, что ответить. В итоге собрание приняло решение о проведении выборов декана, и впоследствии на них был избран другой.

Льва Павловича побаивались не только руководители различного уровня, но и рядовые преподаватели. Особенно это относится к тем, кто шел на конкурсное переизбрание. Если этого требовало дело, Учитель не стеснялся выступать с критикой, особенно если это касалось не очень хорошей учебной или научной работы преподавателя. Тут он был бескомпромиссен, но больших обид его критика не вызывала – он всегда был справедлив. И, главное, если все-таки Л. П. Рапопорт ошибался, то всегда готов был извиниться.

Хочу отметить, что Лев Павлович был очень дисциплинированным человеком. Он никогда не опаздывал, на лекции приходил всегда заранее и требовал такого же отношения к учебному процессу от других. Однажды одному из хорошо известных сейчас преподавателей ректор объявил выговор в приказе по представлению заведующего кафедрой Л. П. Рапопорта. Выговор был вынесен за то, что тот преподаватель позволил себе появиться на занятиях на неделю позже начала семестра – уехал кататься на лыжах в горы. Выговор такого рода – вообще редкий случай, но Лев Павлович все же пошел на эту меру в воспитательных целях, посчитав, что в данном случае она необходима.

Конечно, ему также не нравилось, если преподаватели опаздывали на заседание кафедры, а такие всегда есть, как правило, одни и те же. Это черта характера, и перебороть ее в человеке чисто дисциплинарными мерами очень трудно. Знаю это и по своему опыту заведования кафедрой. Безусловно, опоздавшие получали словесное замечание. Но один раз все же случилось, когда на назначенное заседание кафедры опоздал сам Лев Павлович.

Сидим, ждем. Его нет пять минут, десять и наконец он входит. Естественно, ожидаем, что сейчас будет извиняться и говорить, почему «задержался». Как известно, начальство не опаздывает, а задерживается! И как вы думаете, что он сказал? Совершенно неожиданное: «Мы не поедем, чтобы приходиться по расписанию!» Это, конечно же, на фоне всего, что было раньше, вызвало коллективный смех и разрядило ситуацию.

И еще одно событие, совершенно для Льва Павловича нетипичное, но случившееся в самый неподходящий момент. Как я уже сказал, я не помню, чтобы он когда-либо опаздывал на лекции. А в этот день должна была быть его лекция по квантовой механике, и именно в тот день из райкома партии пришла какая-то комиссия из двух человек. Они хотели до лекции с ним побеседовать и, видимо, договорились заранее. Звонит звонок на занятия. Льва Павловича нет, комиссия сидит на кафедре, ждет его. Проходит время, его нет. Доцент А. М. Мелешина, она тоже была в это время на кафедре, говорит: «Ну я пойду в аудиторию, займу студентов, чтобы они не разбежались». Комиссия пошла за ней и стала ждать около аудитории. А потом ушла, так и не дождавшись, и, наверное, с негативным мнением.

Лев Павлович пришел только ко второму часу лекции. У него по дороге на работу сломалась машина, и он никак не мог ее оставить и добираться до ВГУ общественным транспортом, требовалось сразу решить какие-то вопросы. Других его опозданий на лекции, кажется, не было никогда.

Л. П. Рапопорт был широко эрудирован не только в научной области. Он интересовался художественной литературой и разбирался в ней, был в курсе новинок и всегда готов был высказать свое мнение о новых книгах. Много мог цитировать и по памяти. С женой они часто ходили в театр, не пропускали новинки. У них были любимые артисты в драматическом театре, с которым они дружили и приглашали к себе в гости (к слову, жена его – Светлана Миниорьева Языкова – тоже физик-теоретик и доцент физфака, слыла большим специалистом по выпечке тортов). Лев Павлович неплохо разбирался и в живописи. Он был очень интересным собесед-

Мемориальная доска профессору Л. П. Рапопорту в главном корпусе Воронежского университета

ником, мог поддержать разговор на самые разные темы. Я не раз видел, как он останавливался в коридорах ВГУ и вел, видимо, занимательную беседу со знакомыми ему людьми. Нередко это были женщины, и в процессе разговора часто оба смеялись.

И вообще Лев Павлович был увлекающимся человеком. Однажды на кафедре был «шахматный» период – почему-то многие стали соревноваться друг с другом в шахматы. Лев Павлович не был сильным игроком, но он и еще один наш преподаватель, который был в шахматах сильнее, стали играть по вечерам друг с другом практически каждый день. И это начиная часов с пяти и иногда до часа ночи. Конечно, это жену не радовало, и она несколько раз звонила с вопросом, когда он придет домой. Остальные, кто мог присутствовать на этих играх, помогали Льву Павловичу, но он все равно чаще всего проигрывал. Тем не менее у него был такой азарт, что ему все время хотелось сыграть новую партию.

К сожалению, уже двадцать лет Льва Павловича Рапопорта нет с нами: отметив 80-летний юбилей, он начал болеть и 15 сентября 2000 года ушел из жизни. Когда провожают людей, часто говорят, что умершего мы не забудем, память о нем останется навсегда. И, как это часто бывает в жизни, через какое-то время его вспоминают все реже и реже, а потом, если и вспоминают, то лишь по какому-ни-

будь поводу. Со Львом Павловичем – не так. Еще при его жизни на кафедре мы не отмечали Новый год. Вместо этого праздновали старый Новый год 13 января. А это одновременно был день рождения Учителя. Происходило это во время зимней сессии, и в этот день почти всегда Лев Павлович принимал экзамен по квантовой механике. Два-три преподавателя шли ему помогать, экзамен заканчивался раньше, и на кафедре начиналась встреча старого Нового года и отмечался день рождения Льва Павловича...

Данная традиция продолжается и после его ухода из жизни. А в день смерти Л. П. Рапопорта у входа на Коминтерновское кладбище в 15 часов собираются физики-теоретики и идут к его могиле, чтобы помянуть Учителя.

И еще. Лев Павлович жил в науке, он не мог быть без нее. Профессор Н. Л. Манаков приходил к нему домой за день до его смерти. Состояние было уже крайне тяжелое. И что вы думаете? Он был в памяти и стал с Манаковым обсуждать свою последнюю научную работу, спрашивать о ней его мнение.

В этом видится еще один завет профессора Л. П. Рапопорта: надо быть всегда впереди и не делать «проходные» работы. Мы, его ученики, стараемся следовать ему, ежегодно публикуя в высокорейтинговых зарубежных журналах не менее десятка научных статей.

ПОМНИМ

ОЛЬГА ДУНАЕВСКАЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВА

«**М**рилагайте все усилия, чтобы преодолеть разрывы в географии и в жизни», – сказал как-то Курт Воннегут на встрече со студентами.

И вот я сейчас села за стол и взяла ручку именно с этой целью – преодолеть разрывы в географии и в жизни и постараться вспомнить, чем был в моей жизни Воронеж и как связана с ним жизнь моей семьи. А связана она тесно.

В сорок седьмом году мои родители, Елена Викторовна Чистякова и Владимир Аронович Дунаевский, получили направление в Воронеж и чуть позже приехали туда. Оба – после защиты кандидатских диссертаций в Московском университете: у мамы – по реформе Ордина-Нащокина во Пскове в середине XVII века, у папы – по разработке Французской конституции 1875 года. Приехали они с моим старшим братом Леонидом, которому тогда исполнилось три года. Смотрю на их уже воронежскую фотографию. Это моя любимая, всегда стоит слева от письменного стола, на полках за стеклом. Какие же они были красивые! И брат не подкачал: чудесный трехлетний мальчик; когда вырос, стал похож на них обоих, взяв от каждого лучшее.

Мама преподавала в Воронежском университете несколько курсов: историю СССР, историографию, источниковедение, вела практику в архиве. При всей контактности и привычке быть в гуще людей, любви к своим ученикам она была очень предана архивной работе. Когда я была подростком, мама удивила меня, сказав, что ее любимое место – именно архив, там она забывает обо всем. А началось это с ее поездки во Псков, в архивах которого она сидела, готовя кандидатскую диссертацию.

Отец тоже был погружен в работу и тоже очень ценил круговорот людей вокруг, но так же, как и мама в архиве, сутками готов был сидеть в Истори-

ческой библиотеке. Когда я училась в Московском университете, то часто бывала в Историчке по своим формировавшимся научным нуждам и всегда знала: если надо найти папу, то он за вторым столиком у окна в зале всеобщей истории. Но это было позже, а про Воронеж тех времен я знаю лишь по маминым рассказам. Они всегда были такими живыми и складывались в пестрые паззлы.

Вот они приезжают из голодной послевоенной Москвы с трехлетним Лёней. Сначала им дают комнату в общежитии, но скоро они получают отдельную квартиру – неслыханная по тем временам роскошь. Весь город разрушен и на улице 11 Мая (теперь Театральной) их дом стоит, как свечка. Вокруг руины, и многие люди живут в землянках. Во время войны через город проходила линия фронта и 90 процентов жилых зданий было разбомблено. Квартира у родителей была двухкомнатная, в доме для университетских преподавателей. Я помню этот оштукатуренный желтоватого цвета дом, когда приезжала позже с родителями в Воронеж.

Вот как вспоминает сейчас о том времени мой брат Леонид:

«В первые год-два мы жили в здании университетского общежития, на улице Фридриха Энгельса. Если не ошибаюсь, его построили пленные. Оно было из серого силикатного кирпича и стояло недалеко от брезентового цирка-шапито.

Тогда многие вернувшиеся в Воронеж люди жили в землянках. И вот, торчит зимой из земли труба, а из трубы валит дым. Условия в землянках были, конечно, жуткие.

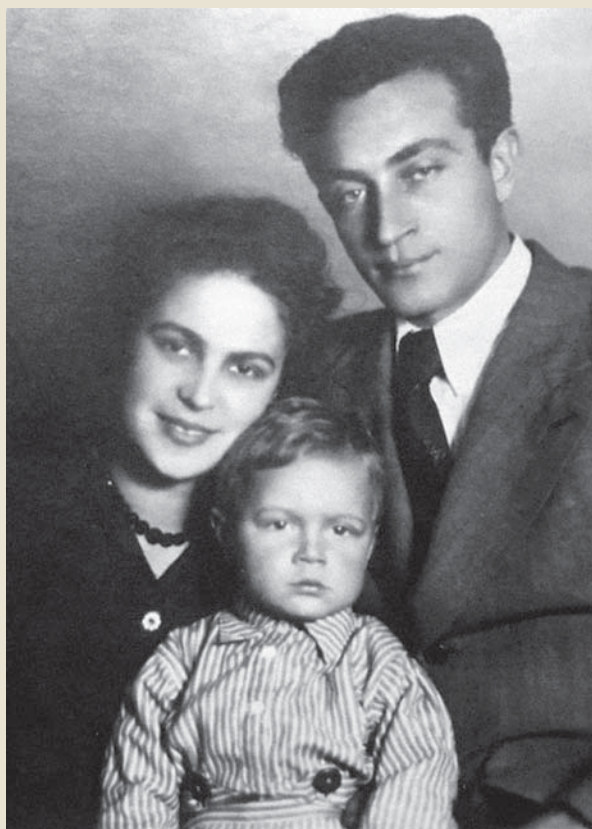
А первое, что мне вспоминается про людской пейзаж города, – это инвалиды войны. Их много повсюду: без руки, без ноги, а то и без двух, на самодельных тележках. Многих из них и дальше ждала тягостная жизнь. Политбюро приняло ряд «закры-

тых» решений, которые дублировались даже и в 50-е годы, и начиная прямо с 1946 года, а особенно интенсивно с 1948-го, города стали систематически «чистить» от тяжёлых инвалидов, не устроившихся на работу. Их фактически ссылали, через собесы и милицию, в специальные резервации; там никто их специально не убивал, они гибли сами – от голода (начальство, естественно, приворовывало), от недостатка элементарного обслуживания. Множество таких изуродованных войной мужчин лежит в безымянных могилах. Об одной подобной резервации Юрием Нагибиным написан трагический рассказ «Терпение», по которому был снят фильм. По линии милиции шли «попрошайки», которых сначала было много повсеместно. А где им, получавшим в лучшем случае мизерную пенсию, было взять денег не только на дешёвую водку, но и просто на хлеб-черняшку?

Город потихоньку строился, и через пару лет родителям дали двухкомнатную квартиру в университетском жилом доме. Наша квартира была на пятом этаже в доме 7/9 на улице 11 Мая (теперь Театральной). Эти пятиэтажные дома были 1950 года постройки. Думаю, их теперь снесли. В квартирах были очень маленькие кухни и микроскопические туалеты. Но это были отдельные квартиры, что считалось невиданной роскошью не только в разбомбленном Воронеже, но и в Москве. Замечу, что повсеместно, в том числе и в Москве, квартиры были чудовищно перенаселены. Битком набиты были и все подвалы. Вернувшись из Воронежа, мы поселились в квартире моих бабушки и деда с папиной стороны. Старики выгородили нам полкомнаты. Как и большинство квартир в центре Москвы, это была «приличная» квартира для одной состоятельной семьи, с итальянскими каминами и потолками высотой под четыре метра, с мощной лепниной. Но под этой лепниной тогда жило 32 человека. Разумеется, при одном туалете с протекавшим ржавым верхним бачком, одной ванной и одной кухне на всех. Отдельные квартиры были тогда у генералов, сотрудников «органов» и директоров крупных предприятий.

От цирка через реку Воронеж на низинную сторону реки шел высокий Чернавский мост. На низинной стороне был, да и сейчас работает, огромный авиационный завод.

Летом в цирке шли представления. Один раз я там серьёзно влюбился. Моя любовь была наездницей на лошади и красавицей. До сих пор помню её фамилию – Королёва. Пару раз я ходил с отцом на бокс. Боксирующих пар было много, и каждая дралась по одному раунду. Но бои были всерьёз,

Папа, мама, старший брат...
«Смотрю на их уже воронежскую фотографию.
Это моя любимая, всегда стоит слева
от письменного стола, на полках за стеклом...»

без дураков. Зрители орали обычные в таких случаях призывы.

Не раз мы ездили в СХИ, сельскохозяйственный институт. Под Воронежем сохранилось много дубрав и сосновых лесов, и на опушках я находил множество грибов. Однажды по дороге в СХИ я набрал с ведро огромных крепких боровиков. Но в другой раз, когда я со взрослыми жил в Сосновке, под Воронежем, случилась оказия. Мне было четыре года, но я считал себя профи по части грибов. Набрал сатанинских грибов, – а они похожи на белые, – я упросил няню сварить из них суп и, несмотря на его поганейший вкус, для поддержания собственного авторитета съел целую тарелку. И очень сильно отравился.

Родители были молоды и любили друг друга. Но размолвки бывали и переживались, конечно, с болью. Однажды мама, которой был 31 год, а отцу 33, сильно поругалась с отцом, и он объявил, что пошел топиться на Чернавский мост. И вправду ушёл. Мост был высокий, но река была такой глубины,

что утонуть в ней было очень проблематично, хотя во время весенних паводков она широко, вольно разливалась и даже подмывала дома. Но плавать отец не умел. Так или иначе маму он сильно напугал и был незамедлительно возвращен из подъезда домой. В шестидесятые годы реку перегородили, и она стала называться морем. А неподалёку построили Воронежскую АЭС.

В доме на теперешней Театральной у меня было множество знакомцев среди преподавателей разных специальностей. И с каждым имелись свои отношения. Всё это память хорошо, как-то свежо сохранила, хотя прошло 70 лет, так что я легко могу мысленно войти в квартиру каждого из них.

Друзья-геологи дарили мне, четырёх-пятимилетнему любопытному пацану, большие друзья хрустали и чистого граната, малахиты, крупные сапфиры и множество других камней. Продать эти камни легально было невозможно, да им это и не было интересно. Потом, в Москве, я потерял интерес к камням и всё это добро частично отдал младшей сестре Оле, которая, глядя на них, стала читать книги Ферсмана о минералах, а частично раздарил.

Многоэтажные (то есть трех-пятиэтажные) дома по большей части были уничтожены, лишь в центре Воронежа сохранился кусок центрального проспекта (проспект Революции). Одноэтажные кварталы на спуске к реке пострадали меньше. Мы, дети, лазали по развалинам и кидали камешками в куски стекла. Кроме того, к развалинам у нас был и чисто коммерческий интерес. Ежедневно удавалось найти среди них куски металла, которые мы незамедлительно несли в «Утильсырьё» к одному пожилому приёмщику, а потом бежали покупать мороженое. Арматура и прочее железо стоили дешево, несколько копеек за килограмм, но его было много. Колоссальной удачей было найти кусок латуни или медной трубы – медь стоила, естественно, раз в двадцать дороже.

Не все воронежцы, возможно, знают, что если не обе ноги Воронежского университета, ВГУ, растут из Дерпта (Тарту, Юрьев), то одна-то точно. В 1918 году два железнодорожных состава привезли в Воронеж сотни студентов, преподавателей, профессоров, а также оборудование из Тарту, где условия стали малоподходящими для нормальной университетской жизни. В Воронеже они угодили под военный коммунизм и разруху Гражданской войны, но выбор был сделан и университет начал жить. Переехала и часть библиотеки и архива. И вот, под обломками одного из кирпичных зданий мы, мальчишки, раскопали эти архивные сокровища. Однако

все они были чёрного цвета, они прожарились, как древесный уголь, в огне бомбёжек. Мы вытаскивали целые почерневшие тома с явственно пропечатанными строчками, и они чёрной пылью разлетались в наших руках по ветру. Война сожрала и изуродовала многие миллионы людей и судеб. А заодно и часть мировой культуры.

Но для нас, детей, светило тёплое воронежское солнце. Вокруг расстилались воронежские леса и степи от горизонта до горизонта. Воронежские черноземы снова начинали кормить людей».

В университетском доме родители подружились с семьёй Москаленко. Анатолий Евсеевич был тоже историком, а его жена Анна Николаевна – археологом. Их сын Андрей был примерно ровесником нашего Лёни. Другой их соседкой и близкой приятельницей стала филолог-германист Алла Борисовна Ботникова.

Родители быстро получили ставки доцентов – по тем, да и дальнейшим советским временам зарплата у них была высокая. Куда тратить деньги в разрушенном городе? Мама и папа оба любили людей, щедро и радушно принимали гостей у себя. Помню позже, как мне нравились уже московские сборы их друзей: на них всегда пели, а в моем раннем детстве и танцевали, несмотря на тесноту нашего жилища. Было шумно и весело. Как-то, едва поспевая на улице за спешащей мамой, я ее спросила, почему она не пойдет петь в настоящий хор. На что ироничная мама ответила: «Потому что меня в тот же день выгонят». – «А папа?», – не унималась я. – «А папу выгонят на второй день», – смеясь, ответила мама. Но тем не менее у них обоих был прекрасный музыкальный слух и приятные, хоть, может, и не очень сильные голоса.

До Воронежа мама не умела готовить: оба они с папой вспоминали, как во время войны, когда папа приехал после госпиталя в Ашхабад, где находился в эвакуации Московский университет, они впервые оказались вдали от родителей, и мама решила сварить манную кашу – благо единственное, что было под рукой, это манка и вода. Мама налила в кастрюльку холодной воды, всыпала крупу и стала ждать. Каша, однако, не получилось. И вот, в Воронеже, обретя пусть и маленькую, но собственную кухню и приличные деньги, мама научилась чудесно готовить. На всю жизнь ее «коронным» кулинарным изделием стала утка с яблоками. Утка и яблоки покупались на воронежском воскресном колхозном рынке, звались гости, и всем было весело и сытно.

Когда я спрашивала, почему она хотела вернуться в Москву, мама всегда отвечала, что быстро стала скучать по своим родителям. Она с ними дей-

Папа, мама, старший брат и я...
 «Зимой мы с мамой на мои
 и ее каникулы ездили к ним
 в Воронеж.
 Мне поездка хорошо
 запомнилась – семья нечасто
 собиралась вместе...»

ствительно очень дружила, особенно с бабушкой, своим папой. Ехать было не особенно далеко, но это очень редко получалось. Работы было много, каждый вел занятия по нескольким учебным курсам, а в отпуск обычно ехали на юг, в санатории – у папы до последних дней жизни, а тогда и подавно, в теле перемещались осколки, из руки, простреленной автоматной очередью, они выходили, вызывая страшную боль, давали себя знать все девять ранений, и ему нужно было лечение.

Однако в 1952 году мама с Лёней все же переехала в Москву и начала работать в Историко-архивном институте. Родители жили на два дома. А в следующем, 1953-м, появилась я, так что папе пришлось поторопиться, хоть он и не хотел уезжать из Воронежа – в Москве ему не было преподавательской работы, которую он любил. Родилась я в декабре, папа еще был на сессии в ВГУ. Мама назвала меня Ксения. Потом в качестве знатока русского XVII века вспомнила Ксению Годунову и ее не очень удачную судьбу. «Тогда будет Анна», – сказала себе мама. Так что около недели я пробыла Ксенией, а потом столько же – Анной. Но вот приехал папа и твердо объявил, что ребенка будут звать Ольга. Так оно и закрепилось, уже документально.

Вскоре папа нашел работу в Ленинской библиотеке, став ее главным библиографом, и окончательно переехал в Москву. Но связи с Воронежем на этом переезде не прервались. Помню, например, как меня, шестилетнюю, уже в Москве ведут в гости к жене недавно умершего и похороненного тоже в Москве известного профессора-востоковеда и этнографа Ильи Николаевича Бороздина, большую часть жизни проведшего в ссылках. Его жена, Полина Андреевна, останавливалась у друзей, где-то недалеко

от центра, там был небольшой уютный двухэтажный дом. Нас встретили две пожилых дамы, которые мне очень понравились. Пока родители разговаривали, я листала книжки с картинками.

Не забывали нас и другие приезжавшие в Москву воронежцы. Мне очень нравилась Алла Борисовна Ботникова, которую я как-то увидела у нас дома, и я все спрашивала маму, когда она к нам еще придет. Помню и другой ее приезд, когда мне было уже лет семнадцать.

Папа тяготился работой в Ленинке. Она была «режимной», от и до; кроме того, ему приходилось постоянно напрягать и без того слабые глаза – близорукость у него была минус десять и продолжала прогрессировать. Во время работы в библиотеке он и там, и дома стал ходить в темных очках с диоптриями – так глаза уставали меньше. И вот в 1960 году он вновь отправился преподавать в Воронеж как доцент кафедры новой и новейшей истории. А вскоре к нему присоединился и мой старший брат Леонид. Один учебный год (1961/62) Лёня проучился на физфаке ВГУ и жил с отцом в комнате студенческого общежития.

Зимой мы с мамой на мои и ее каникулы ездили к ним в Воронеж. Мне поездка хорошо запомнилась – семья нечасто собиралась вместе. Помню снежное утро, мы сидим за столом в их общежитской комнате и все так вкусно: и сладкий чай, и хлеб, и особенно творог и густая желтоватая сметана. Дома творог я есть отказывалась, а с тех пор полюбила и все ждала, что мне попадет точно такой. А каждый вечер нас куда-нибудь звали в гости. Очень интересно оказалось в гостях у Москаленко. Мама и в Москве часто брала меня с собой, и, пока взрослые разговаривали, мне обычно давали

рассматривать книжки или альбомы с картинками, а потом – коробки с женскими украшениями. Я их распутывала и подолгу разглядывала.

Но у тети Ани, как она мне представилась, было самое интересное, что мне попало в моей семилетней жизни: она собирала маленьких кукол в национальных костюмах. Они стояли в серванте за стеклом, такие пестрые, невиданные, нездешние. Мне было разрешено их оттуда аккуратно доставать и разглядывать. А двух мне потом Анна Николаевна подарила, положив начало и моей собственной небольшой коллекции таких куколок. Когда выросла, я их раздарила родственным мне детям.

Летом 1962 года папа и Лёня приехали в Москву. Лёня осенью начал учиться на кафедре биофизики биофака МГУ и жил уже с нами в Москве. А папа вскоре стал работать в Институте истории АН СССР, но всегда скучал по преподавательской работе и, не порывая отношений с ВГУ, продолжал ездить туда как председатель Государственной экзаменационной комиссии или на оппонирование и защиты диссертаций.

В 1967 году, когда мне было 13 лет, почему-то мне не с кем было остаться под Москвой на даче, и я поехала с папой в Воронеж. Жили мы в доме отдыха на реке Воронеж. Папа рано утром уезжал в город и возвращался поздно вечером, иной раз после ужина. Днем было очень жарко, хотя вода была рядом. Предоставленная самой себе, я гуляла целыми днями, а точнее сидела с книжкой на высоком берегу неширокой реки, а на другой стороне клубилась куртина красивых дубов с округлыми кронами, и казалось, там начинается густой волшебный лес. Волшебный – потому что моей лучшей «подружкой» в доме отдыха стала местная библиотекаряша, а она давала мне книги по своему выбору, и главным моим чтением тем летом стал трехтомник Гофмана. Как я потом установила, за теми деревьями начинался не лес, а бескрайняя воронежская степь.

Но вот к нам приехала мама, и я помню, как мы катались на нескольких лодках по Воронежу с друзьями родителей, которые приезжали нас навестить из города целыми семьями. Это были не столько бывшие родительские сослуживцы, сколько люди, не попадавшие к нам в Москву по службе и общению с которыми было затруднено. Контакты же с воронежскими историками, с Брониславом Яковлевичем Табачниковым и Евгением Иосифовичем Чапкевичем были постоянными,

особенно когда папа стал ученым секретарем, а потом заместителем председателя научного совета по проблеме «История исторической науки». На все конференции совета всегда приезжали воронежцы и обязательно бывали у родителей в гостях. Мама быстро накрывала стол, а потом иной раз выговаривала папе, что он ее поздно предупредил и она не успела испечь пирог.

Позже, в 1973 году, я познакомилась и с другими воронежцами – однокурсником родителей по истфаку МГУ, а потом коллегой по истфаку в Воронеже, профессором-античником, поэтом и замечательным детским писателем Александром Иосифовичем Немировским. Его книги «За столбами Мелькарта», «Слоны Ганнибала» и многие другие я и мои школьные друзья читали запоем. Я гордо сообщала, что мои родители хорошо знакомы с их автором. Познакомилась я в Воронеже и с близким другом поэта Осипа Мандельштама и Надежды Мандельштам Натальей Евгеньевной Штемпель, адресатом едва ли не лучших стихов Мандельштама из «Воронежских тетрадей». Люди эти вошли в мою жизнь благодаря моему будущему мужу, замечательному писателю Владимиру Шарову, который тогда был студентом заочного отделения истфака ВГУ и который незадолго до смерти прекрасно рассказал о них в посвященных Воронежу эссе (Сб. «Перекрестное опыление». М., 2018).

Володя иногда останавливался у Натальи Евгеньевны, когда приезжал на сессии, тогда же приезжала к нему и я. Наталья Евгеньевна была мне коллегой: я увлеклась стилистикой русского языка, а Н. Е. Штемпель много лет преподавала русский в авиационном техникуме. И между разговорами о поэзии, о Мандельштаме, о странной судьбе самой Натальи Евгеньевны у нас с ней случались и профессиональные. Среди книг по лингвистике, которые она мне подарила, было первое издание исследования академика В. В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», на котором Наталья Евгеньевна сделала трогательную дарственную надпись.

А сейчас, когда я пишу эти строки, в Воронеже по делам находится сын Леонида и мой племянник Федор Дунаевский, киноактер и музыкант, сыгравший в юности главную роль в фильме Карена Шахназарова «Курьер». Он пишет, в каком он восторге от города и какое у него странное чувство, что он тут знает каждый дом. Так что тесно переплелись с Воронежем наши судьбы.

АНДРЕЙ ФАУСТОВ, СЕРГЕЙ САВИНКОВ

«ВЫПРЯМИТЕЛЬНЫЙ ВЗДОХ»

О ВЛАДИСЛАВЕ АНАТОЛЬЕВИЧЕ СВИТЕЛЬСКОМ

15 февраля 2020 года пронизательному исследователю Достоевского и Андрея Платонова профессору Воронежского университета Владиславу Анатольевичу Свительскому исполнилось бы 80 лет. По нынешним (даже российским) меркам «до патриарха» был бы еще некоторый запас времени. Но все сложилось иначе. 11 марта 2005 года Владислав Анатольевич умер после тяжелой болезни, которую стоически пытался оспаривать: читал лекции, продолжал ездить на конференции, обдумывал статьи, готовил к выпуску очередной том «Филологических записок», в последние мучительные дни, когда сам уже писать не мог, надиктовал напутственную записку для своей дипломницы.

С тех пор прошло полтора десятка лет. Многие незаметно переменилось вокруг до неузнаваемости, переменились и мы сами, и теперь, отсюда, те как будто сравнительно недавние, но резко отодвинувшиеся от нас десятилетия воспринимаются почти как век героев, «век богатырей» (как некогда по другому, но схожему случаю написал Денис Давыдов). Владислав Анатольевич принадлежал к поколению поздних шестидесятников, у которых уже не было больших социальных иллюзий и которым выпало взрослеть в глухие времена. Чтобы оставаться собой, нужно было сопротивляться душному давлению эпохи, тем более если ты выбрал профессию литературоведа, которая была под пристальным наблюдением разных заинтересованных инстанций и должна была существовать в отведенных ей пределах дозволенного. Недаром 90-е годы Свительский потом так и назовет – эпохой «с освобожденным дыханием».

Владислав Анатольевич не был диссидентом в жизни – он был диссидентом в науке, в том, о чем и как писал. Здесь была сосредоточена та внутренняя работа, которая давала ему ощущение независимо-

сти и вела к обретению своего собственного голоса, к освобождению от навязываемых и не располагающих к дискуссиям советов, как нужно правильно думать. Достаточно сравнить ранние, опубликованные еще в студенческую пору статьи первой половины 60-х годов и статьи о Достоевском конца 60-х, а затем и фундаментальную кандидатскую диссертацию о Достоевском 1971 года (в первой редакции это был 600-страничный труд), чтобы убедиться в том, какой путь за это небольшое время был пройден. Разумеется, не случаен был и сам выбор в главные герои Достоевского, с присущим ему повышенным персонализмом и статусом писателя не запрещенного, но и не слишком приветствуемого в официальной филологии.

В те же годы другим главным автором в судьбе Владислава Анатольевича станет Платонов, чье место в поднадзорной истории русской литературы было для бдительных глаз еще более сомнительным. В 1968 году в Воронеже должна была состояться первая конференция, посвященная Платонову, которую в последний момент так и не разрешат. Но в 1970-м удастся все-таки издать сборник о творчестве писателя. И в этом сборнике выйдет статья Владислава Анатольевича с уже очень характерным для его научного лексикона, вполне «свительским» названием «Конкретное и отвлеченное в мышлении Платонова-художника». Известный гоголевед (а тогда студент Саратовского – далеко не самого заштатного – университета) В. Ш. Кривонос так опишет свои впечатления от поразившей его статьи: «Мы к этому времени прослушали курс истории советской литературы, где имя А. Платонова не упоминалось, а тон разговора был вполне советским. *Советские* лекции о *советских* писателях. А статья неведомого мне автора была такой *не советской* – и не только потому, что обходилась без привычных и обязатель-

Владислав Анатольевич
Свительский
(1940–2005)

ных цитат. Неожиданной была именно глубина статьи, трактовавшей о проблемах человеческого бытия и соединявшей А. Платонова с Достоевским».

Учеными, в наибольшей степени повлиявшими на научное (и не только) самоопределение Владислава Анатольевича, были, несомненно, М. М. Бахтин и Б. О. Корман, которые всегда оставались для него воображаемыми собеседниками, участниками мысленного диалога и фигурантами его работ. Имя Бахтина в особых комментариях не нуждается. Благодаря дружбе с замечательным московским литературоведом С. Г. Бочаровым Владислав Анатольевич в 1971 году впервые лично встретился с Бахтиным, который сочувственно отнесся к суждениям своего гостя-аспиранта о Достоевском. О Борисе Осиповиче Кормане (1922–1983) для тех, кто не является филологом, нужно сказать, что он был создателем «теории автора», «системно-субъектного» метода анализа литературы – оригинальной отечественной версии в 60-е годы только складывавшейся нарратологии. В те годы Корман работал в Борисоглебском педагогическом институте, и Владислав Анатольевич познакомился с ученым в 1967 году на организованной Корманом и собравшей звездный состав участников легендарной конференции «Образ автора в художественной литературе». Со времени этого события они тесно общались, ученый был оппонентом на защите кандидатской диссертации Владислава Анатольевича (вторым оппонентом выступил как раз Бочаров), и разнообразные научные и человеческие контакты между ними не прекращались до трагически ранней смерти Кормана.

Если попробовать в нескольких словах, отбросив профессиональный жаргон, передать суть того, что значили идеи Бахтина и Кормана (сами по себе

разные и разномасштабные) для становления литературоведа Свительского, то ее можно свести к двум ключевым пунктам. Во-первых, это взгляд на литературу не как на упаковку для идеологии, а как на самоценный мир, живущий по своим особым законам, которые филолог и должен изучать, полагаясь при этом не на интуицию, а на специальный научный инструментарий. Во-вторых, это внимание к автору, причем к автору не как к биографическому лицу, а как к художнику, чья активность в разных формах воплощается в литературном произведении. Ю. М. Лотман, имея в виду структурное изучение литературы, примерно в те же годы остроумно заметит, что такого рода подход должен предупреждать наивное школьное недоумение (отличающееся, добавим в скобках, удивительной живучестью): «Зачем автор упрятал „идею“, которая изложена в учебнике в одном параграфе, в толстый том „формы“?».

В разговоре с Бахтиным Владислав Анатольевич назвал себя «независимым бахтинианцем». Он был и таким же «независимым кормановцем». И это его двойное несогласие было связано прежде всего с пониманием фигуры автора. В знаменитой книге Бахтина о Достоевском всё выглядит так, как будто художник отказывается от львиной доли своих полномочий, отпуская созданный им, но принципиально незавершенный мир на свободу. У Кормана автор – носитель целостной концепции произведения – до такой степени растворяется в нем, что перестает восприниматься в качестве личного начала. Свительского не устраивало ни одно, ни другое. В письме к Корману 1970 года Владислав Анатольевич в виде вопросов обозначит то, что на все последующие годы станет лейтмотивом его размышлений о литературе: «Мои вопросы: что можете посоветовать?»

товать почитать по проблеме авторской оценки в произведении, есть ли что? И – что есть почитать по проблеме единства художественного мира внутри произведения?»

Как выяснится, почитать было почти нечего. Об этом придется написать. Тем основным, с чем будет впоследствии ассоциироваться вклад Свительского в литературоведение, и станет теория художественной оценки. В силу разных причин (и внешних, и внутренних) Владислав Анатольевич не торопился защитить докторскую диссертацию, выпустить «обобщающую» монографию (что для нашего суетливого времени выглядит почти непостижимым). Только поддавшись на уговоры друзей и коллег, – тогда, когда он уже был признанным исследователем Достоевского (и не только Достоевского, но и его антипода Льва Толстого: статьи об «Анне Карениной» у ученого – из числа самых ярких), – Владислав Анатольевич в 1995 году защитит вторую свою диссертацию под красноречивым заглавием «Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX в.». А итоговая (как оказалось) книга «Личность в мире ценностей. (Аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов)» будет подготовлена к печати А. Б. Ботниковой и одним из авторов этих строк и опубликована лишь в 2005 году, уже после смерти ученого.

Магистральный тезис Свительского – представление об авторе как о том, кто сначала своим всеохватывающим художественным отношением обеспечивает единство литературного мира, но кто и потом, не посягая на право героя пережить опыт дарованной ему свободы, не уклоняется от вынесения своей оценки. «Активность автора становится активностью выраженной оценки», как сказано в одной из последних рабочих записей Владислава Анатольевича. Если пренебречь заветами «теории автора», за таким решительным переосмыслением идей Бахтина и Кормана можно уловить явственный личный темперамент творца этого тезиса. В предисловной статье Владислава Анатольевича к третьим «Кормановским чтениям» (1998) говорится о роли Б. О. Кормана в развитии литературной науки. И тот портрет ученого, который будет нарисован в этой статье, – во многом и автопортрет. Ограничимся лишь двумя цитатами: «Для того, чтобы осуществилось задуманное Борисом Осиповичем, нужна была уверенность, граничащая с самомнением, и необходимы были изначальная личностная значительность и гражданская смелость»; «...Корман был исполнен сосредоточенности на главном, на своем деле. Его не покидало сознание своей личной миссии, своего избранный жребия, так необходимое в России

и просветителю, и просто хорошему учителю, и вообще интеллигенту».

Действительно, такое сознание своей «личной миссии» и порождаемая им энергия мысли и поступка были свойственны Владиславу Анатольевичу с самого начала, но особенно интенсивно проявили себя в последние десять-пятнадцать лет жизни. За это время было сделано необыкновенно много, причем в самых разных областях. Перечислим лишь некоторое. Первым из всех деяний нужно назвать, пожалуй, «Филологические записки». В 1996 году, сменив на этом посту О. Г. Ласунского, Свительский возглавил редакцию вестника и с методичной самоотверженностью издавал по два выпуска в год, неизменно добиваясь того, что каждый номер производил впечатление тщательно подобранного единого целого, отличавшегося безупречным качеством. А за этим была еще и незримая для читательской публики работа. Будучи редактором с перфекционистскими наклонностями, Владислав Анатольевич стремился довести присланные рукописи до совершенства, порой превращаясь из редактора в невольного соавтора. Не менее важным было осуществлявшееся вместе с Ласунским и другими утверждение в воронежском филологическом и культурном пространстве имен Платонова и Мандельштама: проведение посвященных им конференций, издание научных сборников и сборников произведений писателей. Отдельно упомянем тут и книгу самого Владислава Анатольевича «Андрей Платонов вчера и сегодня» (1998). Без этих усилий не было бы много лет спустя и известного теперь на всю Россию «Платоновского фестиваля».

Кроме того, было еще и каждодневное: писание статей, участие в конференциях (в том числе в четырех симпозиумах Международного общества Достоевского: в Нью-Йорке (1998), японском Тиба (2000), Баден-Бадене (2001), Женеве (2004)), «пестование» (одно из словечек Владислава Анатольевича) своих студентов и аспирантов, работа в качестве ученого секретаря литературоведческого диссертационного совета и заместителя декана филологического факультета ВГУ по науке и т. д. Иногда возникало ощущение, что Владиславу Анатольевичу было тесно в его собственной телесной оболочке, что ему хотелось распространить себя на все вокруг, буквально поделиться собой с другими. И, конечно, нельзя забывать о столь органичной для Свительского еще со студенческих лет ипостаси публициста и полемиста, в которой, может быть, наиболее открыто выразился его научный и человеческий темперамент. Одна из поздних развернутых статей ученого о Достоевском, напечатанная в 2000 году в альманахе «Досто-

евский и мировая культура» и вызвавшая большой резонанс, характерно называлась «“Сбились мы, что делать нам!..” К сегодняшним прочтениям романа “Идиот”». В ней Владислав Анатольевич выступил в первую очередь против богословствующего литературоведения – против «новых духовных прокуроров» (как их назвал Бочаров), вершащих суд над героями Достоевского и снова насаждающих одно – единственно правильное – понимание творчества писателя.

В личности Владислава Анатольевича было, однако, и совсем другое, парадоксально контрастировавшее с такой его «политической» активностью. И в истолковании этого другого трудно избежать соблазна и не провести аналогии с тем, что художественная оценка, по Свительскому, зачастую воплощается в тексте не прямо, а косвенно, прикровенно. Университетский педагог и наставник Владислава Анатольевича, знаток Гофмана Алла Борисовна Ботникова, которую он почитал и с которой дружил до самой своей смерти, писала: «Он всегда производил впечатление человека закрытого. Радости не показывал, гнева или огорчения – тоже. Улыбался доброй улыбкой, всем своим видом демонстрируя сдержанное доброжелательство. Не уверена, что в полной мере кому-нибудь вообще открывался <...> В этой закрытости чувствовался до дна не просматриваемый и непростой характер, в котором сочетались упрямое самостояние, нежелание быстро соглашаться с собеседником, верность своим представлениям о людях, вещах и явлениях».

Один из авторов этой статьи – Сергей Савинков – вспоминает...

Мое достаточно неформальное общение с Владиславом Анатольевичем (а было это в конце 80-х) оказалось возможным благодаря случайному обстоятельству. В те времена преподаватели Воронежского педагогического института (Владислав Анатольевич проработал там немало – с 1973 по 1991 год) сопровождали студентов-выпускников до места их распределения. По долгу службы и Владиславу Анатольевичу нужно было это сделать. Узнав о том, что место назначения – Архангельск, я, тогда только начинающий преподаватель, напробился в компаньоны. Что помнится? Дорога длинная, тесное купе и поучительные разговоры о литературе и о жизни. И во всем этом была явная дистанцированность, маскирующаяся под опеку. Конечно же, иначе не могло

и быть: разный возраст, разный статус. Но было в этом и то, что можно определить как своеобразную форму закрытости. А такая закрытость у Владислава Анатольевича была: он очень тщательно оберегал от посторонних свое суверенное пространство.

Удивительно, но потом, как мне показалось, я имел возможность ненадолго увидеть Владислава Анатольевича другим – неожиданно открытым человеком. Это произошло тогда, когда, воспользовавшись возможностью, мы отправились в Холмогоры, на родину Ломоносова. Сначала мы плыли на теплоходе по широкой, как море, реке. Потом шли по дороге между распластавшимися полями навстречу зенитному солнцу. И когда в книге отзывов Владислав Анатольевич написал, что музей посетили ассистент и профессор, в шутку поменяв нас местами, произошло то, о чем я говорил: шуточная мена ролей (я – профессор, он – ассистент) и стала для меня знаком доверительной по отношению ко мне открытости. Мы снова много говорили о литературе и жизни, но теперь с его стороны я не ощущал никакой поучительности. Была глубина и тонкость. Владислав Анатольевич говорил о том, что мы с ним счастливые люди, поскольку великая литература – наше дело, страсть и судьба. А потом, когда на обратном пути мы переправлялись через реку на пароме, ощущение душевной близости было наиболее сильным.

В Воронеж, к сожалению, мы возвращались порознь. Он – через Ленинград (куда и меня звал с собой), а я – через Соловки (очень захотелось побывать и там)...

В воспоминаниях о Владиславе Анатольевиче часто мелькает слово «свет». И это символично: оно зашифровано в самой его фамилии. В романтическую эпоху героическую личность часто сравнивали с кометой, которая ярко вспыхивает и исчезает с небосклона судьбы, чтобы остаться в памяти тех, кто был свидетелем ее явления. Вообще, о свете было произнесено много утешительного, начиная с того света, который не объемлет тьма. Никак не обойтись здесь, конечно, и без старца Зосимы из «Братьев Карамазовых»: «...ибо не умрет свет твой, хотя бы и ты уже умер. Праведник отходит, а свет его остается». Но был и менее успокоительный взгляд, который выразил в одном из самых своих глубоких стихотворений Фет: «И тем ужасней сумрак ночи, Чем ярче светоч мой горит». Впрочем, не будь ночи, мы так ничего не узнали бы и о свете.

«В ТАКОГО МОЖНО БЫЛО ВЛЮБИТЬСЯ!..»

К 65-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ВЯЧЕСЛАВА БОРИСОВИЧА КАШКИНА

Профессор Кашкин ушел из жизни внезапно: ему вдруг стало плохо, скорая отвезла его в больницу, откуда он уже не вернулся...

С того времени прошло уже шесть лет.

В этом году доктору филологических наук, создателю кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета РГФ, профессору Вячеславу Борисовичу Кашкину исполнилось бы шестьдесят пять. Мы побывали на его родном факультете, где бережно хранится память об этом выдающемся ученом.

– Когда наша кафедра отделилась от кафедры английской филологии и к нам пришел Вячеслав Борисович, я училась на четвертом курсе, – вспоминает Ирина Виталиевна Добрынина. – Появление молодого и красивого профессора, который ездил на работу на велосипеде, стало для нашего женского царства большим событием. Помню, как в октябре я вернулась из Америки и подруга мне взахлеб рассказывала: «У нас такой новый заведующий, такой заведующий!.. Хотя один мужчина на факультете появился, в которого можно влюбиться!»

Обаятельный, легкий на подъем, с приятной внешностью и безупречными манерами, Вячеслав Борисович Кашкин производил неизгладимое впечатление с первой же встречи. Заведующий кафе-

дрой теории перевода и межкультурной коммуникации факультета РГФ всегда принимал решения не единолично, а исходя из обсуждения со своими коллегами. На своем примере Вячеслав Борисович показывал, как важно находить компромисс, который позволял «выживать» всем и не поступаться

при этом своими принципами.

Раздавая поручения на кафедре, он не приказывал, а тихо, но вместе с тем убедительно произносил: «А не заняться ли вам вот этим?», разворачивая тему так, чтобы убедить и вдохновить собеседника. При этом на все вопросы в духе «когда нужно сделать это?» отвечал четко: «Уже вчера».

Доцент Светлана Леонидовна Лукина не без улыбки вспоминает некоторые из чисто его, «кашкинских», фраз:

– Если кто-то из неразумных студентов начинал запаздывать со сдачей работ, Вячеслав Борисович предлагал ему написать реферат о «перфектном артикле». Студент пропал из виду на пару месяцев. Потом являлся к Вячеславу Бо-

рисовичу ни с чем и вынужденно констатировал, что ничего не смог найти. Профессор Кашкин с улыбкой отвечал: «Правильно, что не смогли: ведь такого артикла в природе не существует! Однако у вас ушло два месяца на то, чтобы это понять».

Кстати, многие его коллеги отмечают, что Вячеслав Борисович любил общаться со студентами,

Вячеслав Борисович Кашкин
(1955–2014)

«Невозможно не влюбиться».
В. Б. Кашкин на кафедре

может быть, даже больше, чем с кем бы то ни было. Это проявлялось и в его активном участии в студенческих мероприятиях, и в его духовной щедрости. Как человек, страстно увлеченный своим делом, он имел огромную научную библиотеку, изданиями из которой охотно делился. Иногда, конечно, в шутку жаловался, что вся его библиотека пошла по рукам, а по чьим именно – он уже и не помнит. Но всё же продолжал раздавать книги, помогал советом.

Дарья Голуб приехала в Воронеж из Украины в 2010 году, еще толком не зная, останется ли она в нашем городе. Первым, которого она встретила на факультете РГФ, был Вячеслав Борисович. Именно он со всем присутствующим ему добродушием убедил ее остаться в столице Черноземья и выбрать кафедру перевода.

О профессоре Кашкине вспоминают как о человеке, который жил прежде всего для других, а потом уже для себя.

В апреле 2014 года состоялся второй научный семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод», где собрались ученые-лингвисты и переводчики-практики из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Инициатором этого мероприятия был Вячеслав Борисович, а в ноябре 2015 года его коллеги провели семинар в третий раз, посвятив его памяти своего руководителя. Теперь, как признаются коллеги профессора, проведение этого семинара считается традицией.

Профессор Кашкин был научным редактором и автором идеи создания сборника научных трудов «Язык, коммуникация и социальная среда». Изда-

Участники семинара «Дискурс. Интерпретация. Перевод». 2014 год

В. Б. Кашкин, основатель
и многолетний председатель
Союза переводчиков России
Л. О. Гуревич
и студенты факультета РГФ ВГУ.
2007 год

чально это издание выходило в свет в издательстве Воронежского политехнического института, где профессор работал в 1990-е годы. Затем Вячеслав Борисович перешел на работу в ВГУ, и сборник получил второе дыхание: расширил состав редакционной коллегии, получил регистрацию в системе научных работ Elibrary.

А еще Вячеслав Борисович часто проводил опросы на тему, что значит хороший перевод в глазах обычных людей. При этом его всегда интересовало, какой видят простые читатели фигуру переводчика в российской современности. Пытаясь связать теорию и практику перевода, он много сил отдал профессии и изучению различных языков.

– Его английский никогда не был устаревшим, – подмечает доцент Олег Владимирович Спиридовский. – Однажды Вячеслав Борисович сказал: «Мы в свое время никуда не ездили, но почему-то английский знали не хуже, чем нынешние студенты, у которых есть все возможности». Для меня, и вправду, было удивительным то, как он смог достичь высочайшего уровня коммуникации и знания других культур в условиях железного занавеса.

По словам Спиридовского, очень часто можно было услышать от Вячеслава Борисовича о том, что не нужно судить со своих позиций о людях из других стран. В пример профессор Кашкин приводил немецкую традицию вместо аплодисментов докладчику стучать костяшками пальцев по столу. Переводчики должны знать два кода, два мира и понимать и тот, и другой одинаково хорошо.

Вспоминают еще и о том, что для Вячеслава Борисовича были открыты все миры – не только в сфе-

ре перевода, но и в других областях знаний. Говоря об увлечениях профессора Кашкина, его коллеги не могут не вспомнить о тортах, которые он в свой день рождения выпекал и приносил на кафедру, о его поездках на велосипеде и любви к кошкам. Его интересы были всесторонними, и многие с удивлением отмечали, что он прекрасно разбирался и в премудростях функциональной грамматики, и в том, как правильно добавлять изюм в сдобное тесто.

– Незадолго до его ухода он неожиданно заговорил о том, как он в последнее время был доволен жизнью, как был рад новым знакомствам, новым рецептам, новым книгам, – рассказывает доцент Наталья Александровна Караваева. – Он жил полной жизнью, был счастлив, строил планы... И ушел на взлете.

Своим коллегам Вячеслав Борисович Кашкин передал умение жить сплоченным коллективом. Он создал этот коллектив в атмосфере взаимоуважения, а также готовности помочь любому, кто в этом нуждается.

Справка:

Вячеслав Борисович Кашкин был членом правления Союза переводчиков России (СПР), членом Координационного совета Российской коммуникативной ассоциации (РКА), членом International Communication Association (ICA), членом International Association for Translation and Intercultural Studies (IATIS) и председателем Воронежского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК). Автор учебников, монографий и сборников по языкознанию и более 200 научных публикаций в России и за рубежом.

АЛЛА БОТНИКОВА

ФЕНОМЕН КРОЙЧИКА, или ПО КОМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ

... **В**чера, 11 апреля 2019 года, скончался Лев Ефремович Кройчик. Для меня – Лёва Кройчик. Вот уже сутки не могу отделаться от странного чувства какой-то внезапно возникшей пустоты. Сказать, что ушел безвременно, нельзя: уходу предшествовала серьезная болезнь. Да и до восьмидесяти пяти осталось чуть больше месяца... И все-таки...

Любой уход человека из жизни невосполним, но этот особенно. Потому что Кройчик для Воронежа всегда оставался знаковой фигурой. Его знали все. Не только в университете, но и в городе. Воронежский университет последнего полувека своей истории без него вообще непредставим. Его любили коллеги. К нему одобрительно относилось начальство. Студенты его обожали. И так вплоть до старости. Его врагов и недоброжелателей я не встречала. Феноменальная личность. Счастливый, наверное, человек. Хотя утверждать не берусь. В чем же секрет Кройчика?

В некрологе на сайте университета он охарактеризован как «прекрасный педагог, признанный учёный, один из создателей факультета журналистики», один «из главных в стране специалистов по теории публицистических жанров и поэтике отечественной сатиры, основатель легендарного Театра миниатюр ВГУ», «обладатель высшей журналистской награды России “Честь. Достоинство. Профессионализм”», автор «десятки книг об университетских людях». Справедливо. Не поспоришь. Жаль только, что человек, писавший некролог, забыл о главном: Лев Ефремович изначально был и оставался **филологом**. Знал и чувствовал слово, без чего невозможна настоящая журналистика и настоящее литературоведение. Не забудем, он был специалистом по Чехову, автором оригинального

прочтения драматургического творчества этого писателя. Ко всему сказанному можно было бы еще прибавить, что был еще и замечательно нежным мужем, отцом и дедом.

Все так. Но ведь это – общие анкетные данные. Данные качества легко могут быть присущи и кому-нибудь другому. А Кройчик был личностью особой. Как уже говорилось, феноменальной. К Р О Й Ч И К – двусложная, легко соскальзывающая с языка фамилия... За ней – личность. Чтобы разгадать ее секрет, надо хорошо ее знать.

Я знала его много лет. Страшно сказать – с 1954 года! Наше общение почти не прерывалось, хотя отношения складывались по-разному. На моих глазах он рос, вырос, входил в пору зрелости и старел. Я была очевидцем многих важных событий в его жизни. Помню свадьбу, защиты диссертаций (обеих), торжественные юбилеи, отчасти его домашние обстоятельства... Отношения наши имели разные фазы. Ситуация «учитель – ученик» постепенно сменялась на общение коллег. Доверительность оставалась всегда, хотя на разных этапах проявляла себя по-разному. Были периоды большей или меньшей дружеской близости. Бывали и ссоры. Из-за всегдашней его легкости, порой оборачивавшейся легкомыслием. Иерархия в отношениях все-таки всегда слегка чувствовалась. Мои замечания, порой даже резкие, он сносил с присущей ему улыбочивостью, спорил редко. Иногда даже прислушивался. Всегда был сговорчивым.

Наше знакомство состоялось не в аудитории, а на сельскохозяйственных работах в одном из пригородных колхозов, куда меня, в ту пору молодого преподавателя, отправили руководить группой студентов (см.: Архипелаг КОЛХОЗ. Книга воспоминаний. 50-е – 90 – е гг. XX века. Воронеж, 2017). А Лёва был тогда только что зачислен на первый курс. В аудито-

рии особенности студента видны не сразу и даже не всегда. Все сидят, все слушают, что-то записывают. Личность почти не проявляется. Другое дело – свободное общение «на грядке». Приведу маленький пример.

...Девичья группа не справляется с прополкой. – Лёва, на помощь! – Мгновенно появляется он, молодой, веселый, стройный, с копной вьющихся волос... Компания оживает. Раздается веселый смех. Работа пошла... И так всегда. Всегда был готов прийти на помощь, всегда пребывал в хорошем настроении. Легкий человек, добрый, контактный, неконфликтный, неизменно и естественно доброжелательный. Порой даже без разбора. Он хорошо относился ко всем людям без изъятия. И они отвечали ему тем же.

Мелочи многое могут объяснить. Лев Кройчик умел радоваться чужим удачам. Замечательное качество. Помню, с каким добрым восхищением он говорил мне о лекциях своего молодого коллеги... Ни капли ревнивой зависти, которая понятна у пожилых по отношению к молодым и успешным.

Уже в колхозе проявился общественный темперамент Кройчика и его коллективистское сознание. На прощальном вечере-концерте открылось еще одно важное качество его личности: заводилы, массовика, остроумца. По-теперешнему – шоумена. Во время студенчества эти качества проявились с еще большей очевидностью. К ним прибавились еще инициативность и организаторские способности.

Будущий доктор филологических наук, признаемся, не был образцово прилежным студентом. Особенно в области лингвистических дисциплин. Но у меня на экзаменах (я читала курс истории зарубежной литературы) неизменно получал пятерки. Не потому, что уж очень старался или умел вовремя списать или каким-нибудь иным способом обмануть преподавателя. Нет. Привлекала очевидная талантливость, а ответ порой обнаруживал неожиданно свежие повороты мысли, так что невольно приходилось прощать недоученное или недочитанное.

Природное остроумие и талант делали Кройчика душой общества. Ни один праздничный вечер на факультете или на курсе немислим без его участия. Еще в студенческие годы складывалось его «театральное призвание». Первые попытки создания знаменитого впоследствии университетского Театра миниатюр (о Театре миниатюр ВГУ см. подробно: Анчиполовский З. Воронежская легенда. Центр духовного возрождения Черноземного края. Воронеж, 2005) падают на это время. Кройчик был его основателем и руководителем. Он собрал блестящую команду участников-единомышленников, сам вместе

Лев Ефремович Кройчик
(1934–2019)

с ними подбирал тексты для представлений и даже создавал собственные пьесы. Особенно запомнились спектакли «Требуется монарх», «Парадокс», «Записные книжки Ильфа и Петрова» и др. Представления сопровождались остроумными зонгами, сочиненными тем же Кройчиком. Во всех постановках господствовала стихия комического. Кройчику она была близка. Он умел хорошо рифмовать, стихи, чаще всего остроумные, порой даже остро насмешливые (не исключавшие порой начальственного недовольства и даже запрета). Стихи тут же перелagались на музыку, и все зрелище воспринималось публикой с большим энтузиазмом. С уходом Кройчика театр, просуществовавший немного и, к сожалению, распался. И довольно бесславно. Впрочем, и времена изменились.

Взрослую служебную карьеру Кройчик начинал не в университете, а по окончании по распределению отправился в белгородский районный городок Шебекино. Там началась его работа журналиста. По прошествии лет поражаешься, как органично шло его развитие, как благоприятно складывались обстоятельства для раскрытия возможностей его таланта и как органично он вписывался в эти, предлагаемые жизнью, обстоятельства.

На первых порах журналистика стала естественной почвой для развития его природных данных. Многие присущие ему качества соответствовали требованиям этой профессии. Прежде всего, «легкое перо» – одно из непреходящих качеств журналиста, которому в силу профессии нужно незамедлительно выдавать реакцию на событие, изначально не предполагающую долгих раздумий. Слова приходили ему сразу вместе с мыслью, мгновенно и беспрепятственно ложились на бумагу. Похоже, он даже не знал, что такое «муки слова». Качество настоящего журналиста. Мастерством он овладел вполне и в совершенстве. Писал быстро и хорошо. Вспомню, например, знаменитые «Сто строк в конце недели», которые долго украшали газету «Воронежский курьер» в лучшую пору ее существования. Подумать только: каждую неделю небольшой скетч и обязательно сто строк. Слегка хитрил, начиная каждую строку абзацем, так их в колонке помещалось больше. Тем не менее в итоге из этих «строк» возникла целая книга. Будущему историку края она станет пособием по изучению понедельной динамики психологического климата в городе тех лет. Заслуги Льва Ефремовича Кройчика в журналистике неоспоримы.

Но этим заслуги его отнюдь не исчерпываются. Став университетским преподавателем, он сначала занялся теорией журналистского дела, а затем, и как всегда органично, перешел к преподаванию истории литературы. И здесь опять же показал себя как хороший педагог и интересный исследователь. Писал много, даже как-то неправдоподобно много. И методические разработки, и книги по истории и теории журналистики, и литературоведческие исследования. Только книг, кажется, двенадцать, не говоря уже о статьях в научных сборниках. Самые известные его литературоведческие работы – «Драматургия А. П. Чехова», «Поэтика комического», «Поэтика сказа» (совместно с Е. Г. Муценко и В. П. Скобелевым) – весьма положительно оценены специалистами. Помимо этого, Кройчик занимался редактированием и составлением разного рода сборников, писал фельетоны, проблемные статьи. Всего не перечислить. Много труда потратил на книги по истории воронежского университета, выступив его летописцем-документалистом. Только в последние два года жизни, когда университет готовился к празднованию своего столетия, Кройчик подготовил несколько книг. Книжки о его ученых, о его ставших известными выпускниках, о важных событиях в жизни вуза... Он был глубоко огорчен тем, что не все подготовленные им книги были напечатаны, а появились лишь в электронном варианте. В последнее время Кройчик работал буквально наперегонки с болезнью. Как всегда, с

увлечением, но отчасти и через силу. Может статься, это его и подкосило. Но кто знает?..

Сейчас, просматривая весь путь Льва Кройчика, видишь внутреннюю органичность его развития. Несмотря на разнообразие интересов и занятий, – театр, журналистика, литература, – всё у него определялось присущим ему мироощущением. Удивительно цельным. Он умел принимать жизнь во всех ее проявлениях, не спорить с ней, понимать людей с разными жизненными установками. Он как бы изначально знал, что все действительно разумно, а то, что ему не нравится, преодолимо. Потому что прежде всего *смешно*. Отсюда и проистекал его интерес к стихии комического, проявившийся в его театральные опытах, в журналистской практике (фельетоны) и в теории (научные исследования).

Мировоззрение Кройчика совпадало общественным сознанием времени формирования его личности с его эпохой. Тогда в сознательную жизнь вступало поколение людей, которых теперь принято называть шестидесятниками. Это – дети войны. Они и стали выразителями новых настроений, возникших в обществе после знаменитого XX съезда КПСС. Кройчик – дитя этого времени, с его оптимистической надеждой на «социализм с человеческим лицом». Разочаровавшиеся потомки стали рассматривать эти надежды как наивные и утопичные. Наверное, справедливо. Однако тогда они были актуальны, они освобождали сознание и, хоть малыми глотками, позволяли вдохнуть воздух свободы. Неслучайно именно на 60-е и начало 70-х гг. пришелся первый расцвет со сталинским прошлым и гуманитарное возрождение. В публицистике, художественной литературе (особенно в поэзии), театре («Таганка», театр Анатолия Эфроса, «Современник»)...

Эти годы сформировали Кройчика, и он никогда не отрекался от идеалов своей молодости. Так и остался человеком *своего* времени. Забавно, что даже в мелочах он упрямо хранил верность старым привычкам. Скажем, упорно продолжал писать ручкой, не желал пользоваться компьютером. Вот такая, немного забавная верность прошлому.

Грустно, что последние могикане этого поколения покидают нас. Оно было не худшим в российской истории. С уходом Льва Кройчика колокол звонил и по его эпохе.

11 апреля – 20 апреля 2019 года

P.S. Написав этот текст, открыла интернет и нашла там много замечательных текстов о Льве Ефремовиче Кройчике. Писали и его студенты разных лет. И написали отлично. В сущности, они сказали обо всем. И намного лучше. Спасибо им!

ФОТОГРАФИЯ И СЛОВО – ДВЕ НЕЗЫБЛЕМЫХ ОСНОВЫ НЕПРОСТОГО БЫТИЯ...

ПАМЯТИ ЖУРНАЛИСТА, ВЫПУСКНИКА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ ВГУ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КОЛОСОВА

... Одна из его выставок имела развёрнутое название: «Среда обитания: фотографии, компьютерная графика, тексты». Изобразительную часть составили пейзажи, натюрморты, жанровые сценки, портреты, словесную – стихи и названия работ (да-да – названия, потому что они и остроумны, и афористичны!), с которых начинался или которыми продолжался этот вернисаж. Тогда я откликнулся оперативной рецензией, с которой и хочу начать свои воспоминания о друге.

«Среда обитания» – так назвал свою выставку Алексей Колосов. Скорее всего, потому, что он, никогда не расстающийся с фотокамерой, чутко реагирует буквально на всё, что происходит с ним, с нами. Происходит со временем дня, года, но прежде всего – со временем в историческом и философском смысле этого слова. А ещё – с Природой, с Домом.

Это – работы Художника (не по статусу – по душе!), постоянно настроенного на творческую волну:

*Фотография и слово –
Две незыблемых основы
Непростого бытия.*

*Фотография и слово –
Две стихии, два крыла,
Две незыблемых основы.*

*Фотография и слово –
Юг и Север, день и ночь.*

*Фотография и слово –
Две незыблемых основы
Из воды и из огня,
Из любви и из печали,*

*Из веселья и тоски,
Из степной звенящей дали
И задумчивой реки.
Из рождений, погребений,
Из триумфов и падений,
Из примятой кем-то ржи...
Не из лести.
Не из лжи.*

*Фотография и слово –
Две незыблемых основы –
На пиру и на войне
Не дают*

*покая
мне...*

Это – работы Поэта, и по мироощущению, и по мастерству, которое предполагает поиск особых – образных – средств отражения действительности:

*Ах, золото листьев! Ах, небо!
Ах, воздух пьяняще-трезвящий!..*

Это – работы Журналиста, умеющего не только подглядеть детали (описать!), но и обобщить (выразить!), подать их так, что зритель искренне удивляется: почему сам не заметил, почему прошел мимо?!..

*Фотография и слово –
Ненавистных две основы,
Неизбывных две основы
Из воды и из огня,
Из любви и из печали,
Из веселья и тоски,
Из степной звенящей дали
И задумчивой реки.*

*Из рождений, погребений,
Из триумфов и падений,
Из примятой кем-то ржи...
То из лести,
То из лжи.*

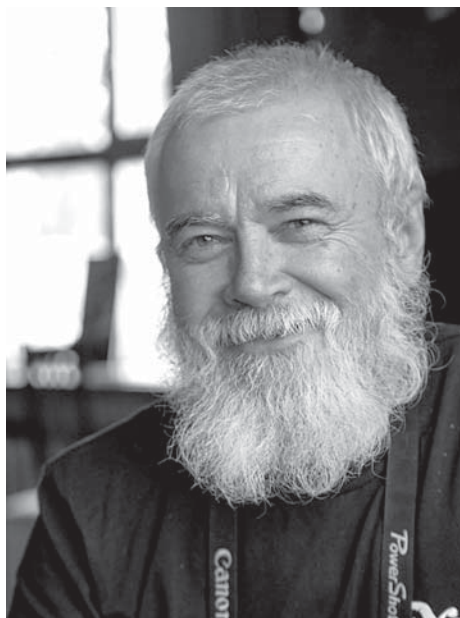
Это – работы Человека, мыслящего и переживающего. И живущего теми же заботами, тревогами, что и каждый из нас:

*Было сил невпоровот,
Было больше прыти –
Верил в мудрый наш народ,
А теперь – простите...
Ты народ и я народ,
Бегаем по кругу,
Переводим кислород –
Боремся друг с другом...*

Наконец, это – работы Фотомастера, прошедшего школу черно-белой печати и сумевшего (стремящегося?) не просто преодолеть холодность новой техники, но и заставить ее послужить вечному, то есть Красоте».

На его уход мгновенно и массово откликнулись друзья, коллеги, выпускники, студенты, читатели, зрители из разных уголков нашей страны, и главной эмоцией было недоумение: как могло так случиться, что наполненный творческой и жизненной энергией в какие-то считанные дни буквально сгорел. Совсем недавно сам сверстал в газете тематическую страницу «Фотовзгляд», ещё недавно выложил в Фейсбуке подборку зимних пейзажей, снятых на рыбалке, и вот – траурная рамка некролога...

Последние годы Алексей провёл в Вологде, где также с горечью восприняли трагическую весть и где все ведущие СМИ напечатали слова прощания. Вот что, например, написал о своём соратнике главный редактор литературно-художественного журнала «Вологодский ЛАД» Андрей Сальников: «В наш город Алексей Алексеевич приехал по приглашению главного редактора областной газеты “Русский Север” Владимира Панцырева, земляка-воронежца (они и в “Молодом коммунаре” трудились, только в разное время). Главная обязанность заместителя редактора – организация газетного процесса: планирование номеров, вычитка и правка материалов, контроль за вёрсткой и корректурой... Всё это занимает очень много сил и времени, но Алексей Алексеевич не был бы самим собой, если бы перестал снимать и писать. В “Русском Севере” Алексей познакомился с людьми, которые во многом повлияли на его дальнейшую жизнь – поэтом Михаилом Сопиным и священником Сергием Колчевым.

Алексей Алексеевич Колосов
(1953–2019)

...Вологда принимает не всех, но Алексея Колосова приняла сразу. И он сразу принял Вологодчину в своё сердце, не только как место работы, но и как вторую – после воронежских краев – родину. Алексей полюбил северную природу, которую прекрасно знал, особенно наши озёра и реки, поскольку был горячим любителем рыбалки. Он глубоко понимал северный характер; вологжане, несмотря на некоторую флегматичность, отличаются надёжностью и обстоятельностью – эти качества были свойственны и Алексею, так что южная горячность ничуть не мешала ему в общении с северянами, многие из которых стали ему верными друзьями».

...До сих пор ловлю себя на том, что мне хочется ему позвонить: обменяться впечатлениями после прочтения какой-нибудь статьи, после просмотра премьерного фильма или футбольного матча. И каждый раз обида пронзает меня где-то в районе горла:

*И снова ночь, и свечи гаснут,
Теперь те свечи не зажечь –
Огонь неумолимо властно
Всё завершил, и каплей стечь
Осталось крохам стеарина –
Ничто не вечно под луной,
Как ни светил, но всё же сгинул,
Укрывшись тенью ночной.
Как тяжко, как обидно, горько –
Уже не искры, ни луча,
Уже не сможешь глазом зорким
Схватить мгновение шутя...*

ФОТОРАБОТЫ АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА (1953–2019)

ВАЛЕНТИН РАХМАНИН

Б. М. БЕРНАДИНЕР: ИМПЕРАТИВ ВЫБОРА

Профессор, доктор философских наук Бер Моисеевич Бернадинер¹ – значимый представитель того поколения профессорско-преподавательского состава, которое начало формироваться до Великой Отечественной войны и сыграло исключительную роль в спасении, восстановлении и развитии нашего университета, в подготовке его научно-педагогических кадров в 1950–1960-х годах, в создании традиций.

На долю этого поколения выпало трагическое и конфликтное новаторское время тридцатых годов, пороховых сороковых, трудных восстановительных пятидесятых, острый стресс переосмысления роли и личности Сталина, развёртывания холодной войны и движения за мир во всём мире, роста авторитета Советского Союза. Поколение Б. М. Бернадинера (условно, для текстового обихода назову его так) не только жило в то время, оно – его соучастник, взаимозависимый объект и субъект его. Время творило его. И оно творило это историческое время.

Известна философская формула: «Моя личность есть "Я" и мои обстоятельства». Обстоятельства (исторические и житейские) – это ресурсы, драйверы и потребитель формирования и жизнеде-

ятельности личности. Но каждый индивид потенциально несёт в себе императив выбора. Судьбоносный вопрос в том, как он его использует и удаётся ли использовать.

У Бера (Бориса) Моисеевича был свой потенциальный императив выбора в турбулентно изменяющихся обстоятельствах. Свою личностную идентичность он искал, выбирая и защищая в конфликтных социально-исторических процессах и рискованных обстоятельствах, частная и общественная результативность которых была часто непредсказуема.

Бер Моисеевич Бернадинер родился 30 октября (по старому стилю – 16-го) 1903 года в городе (местечке) Васильков Киевской губернии. Отец его был портным (типичная профессия евреев до революции 1917 года). Некоторое время он занимался мелкой торговлей; после революции – кустарь-одиночка (так записал Борис Моисеевич в своей автобиографии)². Сын Бер учился в высшем (так написано

Бер Моисеевич Бернадинер
(1903–1964)

в автобиографии) начальном училище. С 1917 года по 1920-й – в Коммерческом училище. В 1920-м поступил в Киевский институт народного хозяйства на товароведческое отделение. Сказалось семейное влияние. Молодая советская власть, ещё качаясь на

¹ Это его документированное паспортное имя. В научно-педагогическом и житейском общении его называли Борис Моисеевич. В последующем тексте, говоря о довоенном времени, буду использовать паспортное имя, а в университетский период привычное – Борис Моисеевич.

² Личное дело Бера Моисеевича Бернадинера хранится в архиве ВГУ. Биографические сведения взяты оттуда.

перекатах Гражданской войны, «открыла» для евреев доступ к высшему образованию. Семнадцатилетний сын мелкого торговца и кустика воспользовался этим правом. Ресурсы обстоятельств позволяли самоопределяться в жизни квалифицированным специалистом с высшим образованием.

Крутой поворот жизненного пути и поиска самого себя молодой человек самостоятельно делает в 1923 году. Что-то ведёт его в сторону от коммерции. Он делает рискованный вызов судьбе. Бернадинер уходит из Киевского института народного хозяйства, не окончив товароведческое отделение. Обретение высшего образования по коммерческой специальности определяло конкретную перспективу. Бер отказывается от неё. Более того, он выламывается, если так можно сказать, из привычной для его семьи занятости (отец, напоминая, был мелким торговцем и кустарем-одиночкой) и социальной среды мелкой буржуазии (которая, кстати, получила режим благоприятствования от НЭПа). Отказ от коммерческой специальности и самовольный уход из Киевского института народного хозяйства, естественно, вызвали семейный конфликт. В автобиографии Борис Моисевич, спустя более четверти века, мотивировал своё решение тем, что не хотел заниматься коммерцией.

Вызов судьбе брошен в кризисных обстоятельствах. Но как заново самоопределился кем быть? Внутренний, пока ещё не осознанный ментальный императив толкал поискать своё призвание (идентичность) в сфере просвещения. В 1923 году Б. Бернадинер вступил и окончил семинар... по антирелигиозной пропаганде при Киевском горкоме ВКП (б). И, будучи беспартийным, стал лектором при Киевском горкоме ВКП (б).

С 1927 по 1929 год был заведующим библиотекой Киевского Краснознамённого завода, продолжал лекторскую просветительскую деятельность. Активность Б. Бернадинера заметили и заводская общественность, и организация коммунистов завода. В 1928 году Б. М. Бернадинер вступил в ряды ВКП (б) по рекомендации рабочих. Тем самым был сделан партийно-политический выбор. Ментально-волевой выбор своей партийно-политической идентичности был сделан в обстановке нарастающих противоречий в ВКП (б) и кризисных тенденций в обществе.

Конец 20-х и начало 30-х годов прошлого века – время крутого поворота в эволюции СССР. Сложные остро конфликтные социально-экономические и политические обстоятельства (отказ от НЭПа, «ударная» индустриализация, коллективизация, раскулачивание, нарастание бюрократического администрирования, идеологическое противоборство

различных группировок в ВКП (б) по проблемам путей и методов общественного развития) таили в себе противоречивые возможности и опасности личного и общественного обустройства жизни. Б. М. Бернадинер решительно и осмысленно делает свой жизненный выбор. В 1929 году он едет в Москву и поступает на философское отделение историко-философского института. Был в то время такой вуз, впоследствии пофакультетно включённый в Московский университет. В нём готовили в основном преподавателей для высшей школы и формирующихся исследовательских структур по общественным наукам. Чем был мотивирован такой выбор? Трудно сказать. Можно предположить: парадоксы реальностей того времени возбуждали пылкий ум к поиску философского осмысления их и определения своего места и позиции.

Судьбоносный выбор, определяющий жизненные перспективы и профессионально-личностную идентичность, сделан. Его необходимо обеспечить личной энергией, волей, способностями. За этим дело не стало. Нужно было овладевать знаниями и философским типом мышления, включаться в профессиональное общение с коллегами, а самое главное – осмысливать объективные обстоятельства, события и субъективное отношение к ним различных людей. В философии в то время ситуация была сложной. Нарастало доминирование марксистской философии диалектического и исторического материализма как обоснование становления социализма и политики ВКП (б). Однако наблюдались разногласия и противоборство между различными группами его идеологических приверженцев и сторонников. Существовало несколько интерпретаций философского наследия К. Маркса. Материалистическая диалектика ещё не была академически систематизирована. До сталинской доктринизации оставалось несколько лет. Обострялась конкуренция вокруг ленинского философского наследия, приобретая характер истребительной политической борьбы.

В этих сквозных обстоятельствах философских суждений и заблуждений, утверждений и ниспровержений, откровений и столкновений формировались интеллект и научная этика, мировоззренческие позиции молодого человека, стремящегося овладеть философской мудростью.

Кстати, замечу, я пишу не биографию Бориса (Бера) Моисеевича Бернадинера. Это – дело будущего. И скорее всего – не моего. Мне хочется выявить процесс формирования и эволюции его как личности, как представителя поколения обществоведов 30–60-х годов прошлого века, специфику его научно-педагогической деятельности в Воронежском государ-

ственном университете, отношение к феноменам и людям того времени. За пределами моего очерка остаются многие стороны его богатой на события и переживания биографии. Мой очерк носит в основном мемуарный характер. Я общался с профессором Б. М. Бернадинером как студент, его аспирант, преподаватель возглавляемой им кафедры диалектического и исторического материализма.

Молодой начинающий философ, насколько можно судить по его фрагментарным устным воспоминаниям, да и последующей практике научной, педагогической и общественной деятельности, осторожно относился к политизированным философским спорам, идеологизированным суждениям. Будучи студентом, он вникал непосредственно в произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Н. Бухарина. Большое внимание уделял изучению истории философии, концепциям её классиков, главным образом по проблемам общественного развития, концепциям исторического процесса.

Известностью в философском сообществе в начале и в последующие 1930-е годы пользовались работы академика А. М. Деборина³. Вникая в сущность и логику диалектического материализма, студент Бернадинер использовал его учебник «Введение в философию диалектического материализма и естествознание». Знал он и другие произведения известного академика, авторитет которого в начале 1930-х годов был бесспорным. Но во второй половине идеологически невротичного десятилетия его подвергли критике за «меньшевистский идеализм» и недооценку вклада В. И. Ленина в философию. Профессор Б. М. Бернадинер в первой половине 1950-х годов, упоминая о А. М. Деборине и даже о критике в его адрес, никогда не впадал в политизированные оценки и идеологизированные термины и фразы. Для него это было неприемлемым. Академик А. М. Деборин определённо повлиял на формирование у начинающего философа его диалектико-материалистического интереса к естественным наукам, к социально-политическим учениям прошлых эпох. В журнале «Под знаменем марксизма», в редколлегии которого работал академик, была опубликована статья Б. М. Бернадинера о социально-политических взглядах француз-

ских просветителей XVIII века Руссо и Морелли. Да и по другим проблемам он сотрудничал с журналом, но не участвовал в идеологизированных дискуссиях, которые с политическими пристрастиями велись на страницах этого издания по обществоведению.

В 1932 году Бер Моисеевич Бернадинер окончил Московский историко-философский институт. Получил право на преподавание философии в вузах. Был направлен в Воронеж в недавно открывшийся педагогический институт. С 1932 по 1933 год в статусе доцента (учёной степени пока не имел) читал лекции по диалектическому материализму. В 1933–1934 годах заведовал кафедрой диалектического материализма Орловского пединститута. В 1934 году вернулся в Воронеж и до 1935 года работал доцентом медицинского института. Но уже в 1935 году возглавил кафедру диалектического материализма в открывшемся Воронежском институте нархозучёта. Здесь и проработал до 1939 года.

Чем обусловлен такой темп перемен мест работы? Никаких прегрешений ни перед одним из перечисленных вузов не было, хотя в них бурно кипела идейно-политическая и управленческая конфликтность. Причин перемен мест две. Формирующиеся институты не могли обеспечить устойчивую педагогическую занятость из-за малочисленности студентов. Учебный год отработал – и делать больше нечего. Предоставлялась возможность в другом вузе. Сказывалась и бытовая, прежде всего жилищная, неустроенность. Б. М. Бернадинер с женой ещё не обросли имуществом, были легки на подъём; чемодан, портфель в руку – и в другой вуз, даже город. При всём при этом молодой (30–35 лет) преподаватель, готовя и читая лекционные курсы, активно ведёт научные исследования, публикует статьи и даже монографию в столичных изданиях.

В 1939 году Бер Моисеевич назначается заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Воронежского государственного университета и остаётся в нём, с перерывом на участие в Великой Отечественной войне, навсегда. В университет он пришёл, как говорится, остепенённым. По представлению Воронежского института нархозучёта 17 февраля 1938 года ВАК Всесоюзного комитета по высшей школе удо-

³ В марте 1963 года я шёл в Институт философии АН СССР, где должно было состояться обсуждение текста моей кандидатской диссертации на предмет возможности принять её к защите. В фойе увидел объявление о кончине академика Абрама Моисеевича Деборина. Было часов 10 утра. В конференц-зале на втором этаже устанавливали гроб. Венков ещё не было. У изголовья стоял профессор П. Г. Богатырёв (лучший переводчик эпопеи Я. Гашека о похождениях Швейка и глубоко эрудированный доктор филологии, когда-то читавший нам в ВГУ лекции по чешской литературе и славянском фольклоре). Я прошёл к гробу. Пётр Григорьевич спросил, знал ли я академика, ответил, что знал его по рассказам моего научного руководителя профессора Б. М. Бернадинера. Петр Григорьевич грустно заметил: «Уходят мудрые философы». Приехав в Воронеж, я намеревался рассказать Борису Моисеевичу о проходах в последний путь академика А. М. Деборина. Кафедральные коллеги отсоветовали. Профессор Б. М. Бернадинер был тяжело болен, и скорбное известие могло отрицательно сказаться на состоянии его здоровья.

стоил Бера Моисеевича Бернадинера учёной степени кандидата философских наук. Без защиты диссертации, по совокупности и результатам научно-педагогической деятельности. Научную поддержку такому представлению оказала хорошо известная и авторитетная в академических и вузовских структурах Людмила Исааковна Аксельрод. Б. М. Бернадинер, еще будучи студентом, и в последующие годы слушал её лекции и доклады. Непосредственно в историко-философском институте она никаких курсов не вела, но была возможность слушать её лекции и доклады в других вузах и научных учреждениях. Её монография «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса» (1934) была хорошо известна. Но...

И это «но» сформировало в психологии и научной этике Б. М. Бернадинера специфический комплекс. Л. И. Аксельрод⁴ ещё в 1920-х годах стала лидером так называемых механистов. Она и её сторонники подвергали марксистскую философию «механистическому ревизионизму», отрицая диалектику как теорию познания, критически оценивали главную философскую книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В философских политически акцентированных дискуссиях Л. И. Аксельрод и «механисты» подвергались критике, особенно в январском (1930) решении ЦК ВКП (б). Во второй половине 1930-х годов вновь разгорелись идеологические страсти вокруг трактовки марксистской философии и её «ленинского этапа». Они захватили и Воронежский университет⁵. Ректору И. П. Подволоцкому пришлось доказывать, что он не является сторонником «меньшевистствующего идеализма» Деборина и «механистического ревизионизма» Аксельрод. Впоследствии его обвинили без аргументированных доказательств в причастности к троцкистско-зиновьевскому блоку и расстреляли. Борис Моисеевич обо всём этом знал. И не упоминал о своих научных связях с Л. И. Аксельрод и А. М. Дебориным. Это было опасно. Он был предельно осторожен и в идеологизированных дискуссиях не участвовал. Сложившийся в его психологии и философской этике комплекс осторожности и уклонения от идеологизированных оценок, терминов, штампов устойчиво держался в нём и впредь. Но он был заинтересован в философских дискуссиях по проблемам науки и с позиций науки.

Между прочим, когда Б. М. Бернадинер работал в институте нархозучёта, в Воронеже отбывал

сталинскую ссылку Осип Мандельштам. На квартире Натальи Евгеньевны Штемпель собирались любители поэзии, среди них и молодые преподаватели вузов. Философ Б. М. Бернадинер не посещал этот своеобразный поэтический салон, хотя его приглашали. Из-за опасения быть замеченным в общении с опальным поэтом. Или, быть может, не знал стихов О. Мандельштама. Или считал, что на такие групповые беседы не стоит тратить своё научно-педагогическое время. В многолетнем общении с ним я не заметил у него пристрастия к поэзии, в отличие от театра, музыки.

Когда вникаешь в историю ВГУ 30-х годов прошлого столетия, складывается устойчивое неприятное впечатление: руководство и профессорско-преподавательский персонал (и отчасти студенчество) были озабочены не столько проблемами совершенствования учебного процесса, научных исследований, сколько тем, как не стать обвинённым в каких-либо уклонах и самому не начать обвинять своих коллег. Идеологическое и политическое доноительство стало почти нормой. Многие оказались жертвами невротических обвинений и репрессий⁶. Борис Моисеевич Бернадинер ни на кого не доносил, и его идеологически и политически никто не обвинял, в отличие от других обществоведов (П. Ф. Сапожникова, И. П. Подволоцкого, А. Я. Норина, А. Н. Татарчукова и др.).

Переживая перипетии и жертвы идеологизированной и политизированной невротики, философ Б. М. Бернадинер выработал свой устойчивый психологический и этический комплекс выдержки, осторожности, инстинкта выживания в конфликтах. И вместе с тем императив нравственной порядочности не обвинять других. Это не значит, будто он жил, «добру и злу внимая равнодушно».

В свои тридцать лет выпускник историко-философского института стал одним из первых философов СССР, кто начал противоборство с античеловеческой идеологией немецкого фашизма. В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне нелишне заметить, что борьбу с величайшим злом XX века начали не западноевропейские политические элиты, а коммунисты. И среди них – Б. М. Бернадинер. Вначале с философской критикой идеологии фашизма, а несколько лет спустя – критикой оружием. Через год после прихода Гитлера к власти в Москве вышла книга Б. М. Бернадинера «Философия Ницше и фашизм» («Союзкнига», 1934). Пока запад-

⁴ Кстати, В. И. Ленин критически отзывался о ней в нескольких философских и политических публикациях.

⁵ См. об этом: Карпачёв М. Д. Воронежский университет: веки истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013. С. 238–243.

⁶ См.: там же. С. 224–315.

ноевропейские политики-демократы маневренно отступали перед фашизмом, пытаясь его умиротворять, молодой философ-коммунист Б. М. Бернадинер стремился выяснить мировоззренческие истоки этого всемирного зла и предупредить о его сугубой опасности. Б. М. Бернадинер раскрывал родство нищезанского «человека по ту сторону добра и зла» и «белокурой бестии» нордической расы. В № 7 за 1936 года журнала «Под знаменем марксизма» была опубликована его статья «Демократия и фашизм». С философской критики фашизма доцент Б. М. Бернадинер начал свою работу заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Воронежском университете, выступая с докладами и лекциями перед студентами и сотрудниками, а также перед городской общественностью.

Борис Моисеевич, организуя работу кафедры, активно и плодотворно вёл научные исследования. В 1940 году в Воронеже была издана его монография «Социально-политическая философия Жан Жака Руссо» (10 печ. листов, тираж 2000 экз.). В то время публикация монографий представляла большие трудности даже в Москве. К тому же был острый дефицит бумаги. Особым решением бумагу для книги о французском просветителе XVIII века выделил Воронежский обком ВКП (б)⁷. Это признак высокого авторитета университетского учёного. И внимание областного руководства к науке, к университету.

В философии Ж. Ж. Руссо нового сотрудника ВГУ привлекали концепция общественного договора, идеи гуманиста о несправедливости угнетения народа государственной властью, о праве народа на свержение такой власти, о демократии общественного самоуправления. Замечу, это писалось не в 90-х, а в 30-х годах минувшего века. Был опубликован ряд статей в столичных изданиях. Б. М. Бернадинер начал работу над докторской диссертацией, намереваясь выйти на защиту в ближайшие годы. Но 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Началась долгая Великая Отечественная война. Перспективному учёному пришлось перейти от философской критики фашизма к критике оружием.

В первые недели войны Борис Моисеевич подготовил брошюру «Фашизм – режим террора и насилия», изданную в 1941 году Воронежским книгоиздательством. И добровольно вместе с другими сотрудниками Воронежского университета ушёл в действующую армию. Его фронтовая жизнь в основном проходила в 3-й Ударной армии, перед

которой в мае 1945 года пал Берлин. Во время войныгодились и обширные знания Б. М. Бернадинера, и философская критика фашизма, и талант педагога, и хорошее владение немецким языком. Вначале он был журналистом «Полевой газеты»; с августа 1942 года – инструктор, старший инструктор политотдела 3-й Ударной армии. После капитуляции фашистской Германии, с июня по сентябрь 1945 года – старший инструктор политотдела Управления советской военной администрации в Саксонии. В сентябре его назначили ответственным референтом политического советника при главном начальствующем советской военной администрацией в Германии. 28 октября майора Б. М. Бернадинера назначили ответственным референтом отдела пропаганды советской администрации в Германии. 6 ноября 1945 года демобилизован⁸. Борис Моисеевич был награждён боевыми орденами и медалями: орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степеней. Гордился медалью «За взятие Берлина». В послевоенное время был отмечен орденом «Знак Почёта» за выслугу лет: в 1953 году у него был полувековой юбилей.

После демобилизации из армии Б. М. Бернадинер был направлен Всесоюзным комитетом по высшей школе заведующим кафедрой диалектического и исторического материализма в Воронежский государственный университет, т. е. на прежнее место работы, откуда он добровольцем в ноябре 1941 года ушёл на фронт. Соответствующий приказ ректора Н. П. Латышева (демобилизованного несколько раньше) последовал 21 декабря 1945 года. В этой должности и учёном звании и. о. профессора Б. М. Бернадинер сменил М. К. Афанасьева.

Возвращение к мирной научно-педагогической работе, вернее её восстановление, оказалось трудным и напряжённым процессом. Корпуса, кафедры, лаборатории, научно-учебное оборудование, богатая библиотека, общежития университета были взорваны и разграблены немецко-фашистскими «организаторами нового порядка». Все факультеты и ректорат размещались в наспех восстановленном бывшем корпусе пединститута по проспекту Революции, 24 (в «красном корпусе», как его нарекли). Острой была нехватка научно-педагогических кадров, а особенно тяжёлой – жилищная проблема и для сотрудников, и для студентов.

Необходимо было всё восстанавливать, а самое главное – себя как вузовского педагога, организатора образовательного процесса, учёного. Проблема

⁷ См.: Карпачёв М. Д. Воронежский университет: веки истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013. С. 334.

⁸ Сведения взяты из автобиографии Б. М. Бернадинера, хранящейся в архиве ВГУ.

В колонне демонстрантов. В первом ряду (справа налево) – проректор по научной работе В. Я. Рогов, зав. кафедрой диалектического материализма Б. М. Бернадинер, зав. кафедрой марксизма-ленинизма В. С. Гончаров

профессионального восстановления себя как личности не сводилась к установлению соответствующей должности. Её психологическую и нравственную напряжённость испытывали все преподаватели, вернувшиеся в университет после четырёх лет тяжёлой войны.

Борис Моисеевич энергично реанимировал и актуализировал свою философскую эрудицию, философский тип мышления и осмысления онтологических и гносеологических феноменов и проблем. Разрабатывал лекционные курсы, определял направления и ресурсы научных исследований, восстанавливал связи в философском сообществе и устанавливал новые, помогал коллегам по кафедре. Он заложил основы и структуру подготовки научно-педагогических специалистов по философии в Воронежском университете. Учитывая его довоенные успехи в философских исследованиях и десятилетний педагогический опыт, Министерство высшего образования СССР дало ему право научного руководства аспирантами по философии.

Появились и аспиранты. Все они не имели философского высшего образования, что для научного руководителя создавало некоторые сложности, но открывало возможности философски анализировать и обобщать гносеологический опыт и проблемы естественных и гуманитарных наук. Это впоследствии стало традицией в Воронежском университете. Аспирантами прежде всего стали выпускники ВГУ 1941 года, которые четыре года тому назад вместе со своими преподавателями добровольно уходили на фронт и прошли боевыми дорогами войны: Иван Смольянинов (филолог) и Ирина Богачёва (физик). Ирина Ефремовна оставила интересные

воспоминания «Дороги жизни. Воспоминания и размышления фронтовой медсестры». После войны долго искала, кем и как быть. Одно время учительствовала, но мечтала вернуться в ВГУ. В 1947 году пошла на приём к ректору Н. П. Латышеву с просьбой о работе. Николай Петрович, бывший комиссар Воронежского добровольческого коммунистического полка, выслушал её и предложил поступить в аспирантуру. Удивилась. Но всё же пошла на приём к профессору-физику (легендарная личность ВГУ!) М. А. Левитской. Та выслушала «холодно, спокойно, почти безразлично». Ирина стала готовиться к вступительным экзаменам и «ощутила полную беспомощность». Знания физики растерялись во фронтовых госпиталях. Пришлось отказаться от перспективы стать учёным-физиком. В 1948 году узнала от друзей об открывшейся аспирантуре по диалектическому и историческому материализму. Решила попробовать. Встретилась с зав. кафедрой Б. М. Бернадинером. Он выслушал «с интересом и, как мне показалось, с симпатией, выразил согласие на сдачу экзаменов, дал некоторые советы, программу экзамена»⁹. Ирина Богачёва – человек волевой, – преодолев все трудности, выдержала экзамен (конкурс 8 человек на 2 места). Заметила, что сдала только чуть хуже Ивана Смольянинова (у него было преимущество: фронтовик окончил университет по полной программе филологической специальности уже после войны). Однако не заметила, что Борис Моисеевич внимательно относился к фронтовикам-добровольцам. Он понимал, как тяжело восстановить полученные четыре года назад научные знания. И. Е. Богачёва, защитив диссертацию, много лет работала на кафедре философии ВГУ, ведя курс

⁹ См.: Богачёва И. Е. Дороги жизни. Воспоминания и размышления военной медсестры. Воронеж, 2001. С. 77–79.

диалектического материализма на естественно-научных факультетах. Иван Смольянинов уехал в Ленинград, в 1966 году защитил докторскую диссертацию.

До Великой Отечественной войны Борис Моисеевич в большей мере работал над вопросами истории философии. Главным образом французской (просветители XVIII века). В довоенных списках публикаций статей по диалектическому материализму не числилось. Истматовская проблематика только начала пробиваться (роль народных масс в истории). Лекционный курс, который он вёл в ВГУ в 1950-х годах, – «История философии». Но большинство его аспирантов готовили и защищали диссертации по философским вопросам естественных и гуманитарных наук. По сути, Б. М. Бернадинер – инициатор и основоположник исследования философских проблем науки, главным образом естествознания, в ВГУ. Ещё в конце 1940-х годов он создал постоянно и регулярно действующий семинар учёных в этом направлении. Ежемесячно учёные разных факультетов делали соответствующие доклады, обменивались мнениями, дискутировали, часто довольно горячо, но без идеологизированных суждений. Мне памятно в 1950-х годах доклады биологов: членкора АН СССР Б. М. Козо-Полянского, профессора Н. И. Журавлёва, доцента А. И. Лакомкина, геологов: доцентов М. С. Точилина, И. Я. Фурмана, химиков: профессоров Р. Э. Неймана, А. Я. Шаталова, физика профессора Л. П. Раппопорта и др. Выступали на семинаре и приезжающие из Москвы учёные. Докладывали о своих исследованиях и аспиранты. В 1951–1953 годах, ещё будучи студентом, а потом и аспирантом, я посещал бернадинеровский семинар учёных, это мне много дало в приобщении к университетской культуре мышления и общения.

Семинар пользовался авторитетом в профессорско-преподавательской среде. Он удовлетворял внутреннюю потребность учёных разных наук и направлений обменяться не только методологическим опытом, но своими суждениями, сомнениями, возможностями междисциплинарных исследований. Ценило работу философского семинара и руководство ВГУ, Воронежской области. В личном деле Б. М. Бернадинера сохранились выписки из приказа ректора Н. П. Латышева с благодарностью и. о. профессора Б. М. Бернадинеру за плодотворную работу философского семинара учёных.

К исходу 1940-х годов всё более насущным для Бориса Моисеевича стал вопрос о самоопределении собственных научных исследований и повышении

квалификационного статуса. По инициативе ректората учёный совет университета, учитывая научно-педагогические заслуги, решил ходатайствовать перед ВАК о присвоении Б. М. Бернадинеру учёного звания профессора¹⁰ (в штатном расписании он числился и. о. профессора). Такая практика присуждения учёной степени кандидата, доктора наук без защиты соответствующей диссертации в то время существовала. Ею не злоупотребляли, в отличие от того, что стало в постсоветское время. В 1938 году Б. М. Бернадинер был удостоен учёной степени кандидата философских наук по совокупности опубликованных результатов исследований и педагогической работы. Однако на этот раз ВАК при Министерстве высшего образования представление Воронежского университета отклонил¹¹.

Такое решение ВАК, конечно, огорчило Бориса Моисеевича, но не обескуражило, а побудило к энергичной и целеустремлённой работе над докторской диссертацией. Темой диссертационного исследования он избрал проблему народных масс в истории. Она была сформулирована в духе и терминах того времени так: «Марксизм-ленинизм о роли народных масс в развитии общества» (замечу: не в истории вообще, а именно в *развитии* общества). В основе её – анализ и интерпретация произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и, конечно, И. В. Сталина. Но в тексте диссертации (мне удалось её полистать в Государственной библиотеке им. Ленина в 1955 году – уже защищённую) дан довольно обстоятельный и интересный анализ понятия народных масс в истории западной и русской философии.

Для работы над докторской диссертацией Борис Моисеевич не брал никаких творческих отпусков. Он исполнял все возложенные на него обязанности. Читал студентам историко-филологического факультета курс лекций по истории философии, вёл философский семинар для учёных и даже философский кружок для студентов (был такой в начале 1950-х годов).

Тема докторской диссертации шла «по ведомству» истмата. Она несла в себе не только ряд сложных научно-философских и исторических проблем, но и идеологическую нагрузку и эпистемологические ловушки. Но самое, осмелюсь определить, парадоксальное заключалось в том, что выбранная тема стала разрабатываться в разгар нового этапа нарастания культа личности Сталина и бюрократизации государственного управления. Было бы исторической ошибкой объяснять этот процесс только

¹⁰ В личном деле Б. М. Бернадинера хранится выписка из протокола учёного совета ВГУ от 13 сентября 1949 года.

¹¹ Выписка из протокола ВАК при Министерстве высшего образования СССР от 10 декабря 1949 года в личном деле Б. М. Бернадинера.

результатом безудержной пропаганды руководства партии, что действительно, как говорится, имело место быть. В глубинах психологии народных масс сложился комплекс авторитарной веры в спасительную и созидательную роль Сталина. По случаю 70-летия Сталина поэт-лирик М. Исаковский восклицал, вспоминая тяжкое военное время:

*Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

И это было правдой. Парадокс общественного мнения и – глубже – массового сознания заключался в том, что в нём, отнюдь не сталкиваясь, жили два методологически не рефлекслируемых социально-психологических комплекса: вера в решающую роль народа и вера в исключительную роль Сталина. И тот и другой комплексы значительно усилились в ходе и в результате победы в Великой Отечественной войне. Каждый из них опирался на исторические аналогии и интенсивно идеологизировался пропагандистским аппаратом.

Вот в этих ментальных исторических обстоятельствах и работал Б. М. Бернадинер над своей докторской диссертацией. Было бы домыслом полагать, будто он доказывал решающую роль народных масс в общественном развитии по скрытым мотивам философской оппозиции культу Сталина. Философ Б. М. Бернадинер был предельно осторожен в обсуждении любых идеологических и политических феноменов и проблем. Да и вообще на рубеже 40–50-х годов прошлого века такой оппозиции в открытых философских откровениях не было и не могло быть.

Докторская диссертация была защищена 16 ноября 1954 года в институте философии АН СССР. Председательствовал на заседании Совета профессор Ц. А. Степанян¹². Была острая дискуссия, которая закончилась в пользу диссертанта. Тем самым Борис Моисеевич доказал, что, преодолев все трудности, проявив волю, он восстановил своё научное мышление, философский менталитет, подорванные войной. Он обрёл уверенность в своих способностях и перспективах.

Доктор философских наук, профессор Борис Моисеевич Бернадинер был широко и многогранно эрудированным философом. Его мировоззренческой, методологической опорой был диалектиче-

ский и исторический материализм в совокупности с глубокими и обстоятельными познаниями истории философского мышления. Диалектический и исторический материализм, что бы о нём ни говорили сегодня, в своё время был плодотворным методологическим прорывом в познании природы и общества. Идеологическая догматизация его в советское время подорвала его методологический авторитет и эвристический потенциал¹³.

Борис Моисеевич, общаясь с широким кругом представителей разных наук, понимал: познавательный опыт растёт, качественно видоизменяется, обогащается; анализ, обобщение этого опыта, предсказуемых и непредсказуемых сдвигов в обществе – основа творческого развития философии, в том числе и диалектического материализма. Он не раз высказывался на этот счёт в разных вариантах на философском семинаре учёных ВГУ и перед аспирантами. Помню, в беседах с аспирантами он часто ссылался на мысль Ф. Энгельса об опасности «заниматься идеологизированием», «заполнять бесчисленное множество пробелов» познания «собственными измышлениями, <...> т. е. иррационально фантазировать»¹⁴. Критикуя теоретиков «истинного социализма», К. Маркс и Ф. Энгельс в своей совместной работе «Немецкая идеология» упрекали их в том, что «они сходят с реальной исторической почвы на почву идеологии»¹⁵. Кстати, замечу, что понятие «развитой социализм», экспрессивно используемое политиками и идеологами КПСС, – типичный образец подмены исторических реалий иррациональной идеологией¹⁶. Авторам этого понятия надо было основательно проштудировать хотя бы «Немецкую идеологию», одно из важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но, увы!..

Предупреждая нас, своих учеников, об опасных соблазнах идеологизации научных понятий и исторических реалий, Борис Моисеевич отнюдь не отрицал роль идей (положительной или отрицательной) в общественном развитии. Идеи, овладевая народными массами, становятся мощным фактором исторического процесса. Идеи социализма, становясь реальностью массового сознания, подняли народ на глубокие перемены общественного и государственного обустройства. Профессор это подчёркивал, читая студентам курс «История философии»¹⁷. Про-

¹² В июне 1963 года он же председательствовал при защите моей кандидатской диссертации, но уже в ранге членкора АН СССР.

¹³ История идеологической догматизации диалектического и исторического материализма и в целом научного наследия К. Маркса (в этом повинен не только Сталин) требует особого исследования.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 630.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 458.

¹⁶ Эту идеологему я подверг критике на кремлёвском совещании обществоведов, созванном ЦК КПСС в октябре 1986 года.

¹⁷ В конце XX века возникли и получили практическое применение технологии имитации массового сознания и манипулирования им в корыстных интересах корпоративных социально-политических группировок.

Преподаватели ВГУ на демонстрации.
Первый ряд (справа налево) – П. Ф. Извеков, С. В. Иванов, С. Н. Бенклиев, Г. Ф. Реутский,
В. С. Гончаров. Б. М. Бернадинер – первый слева во втором ряду. 1948 год

фессор Б. М. Бернадинер был философски убеждён в гуманизме и социальной справедливости того общества, о котором мечтали социал-утописты со времён Томаса Мора и которое стремился научно обосновать К. Маркс. Вместе с тем он хорошо знал и повторял афоризм Гегеля: «Конечные результаты человеческой деятельности не совпадают с изначальными намерениями».

*Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно хлестнула
Грубою верёвкой кнута.*

(А. Блок)

Борис Моисеевич не дожил до этого времени.

Поколение профессорско-преподавательского персонала, к которому принадлежал Б. М. Бернадинер (с середины 1930-х и до конца 1950-х годов), искало себя (и формировало) в остро противоречивых обстоятельствах, периодически генерировавших личные драмы и трагедии. Жизненные горизонты то расширялись, то сужались, исторические перспективы то светлели, то мрачнели. Резко возрастали разнородные и диссонирующие нагрузки на психику человека. Мышление металось в поисках интеллектуальных методов (понятий, концепций, когнитивных интерпретаций) для объяснения про-

исходящего в мире и для определения жизненных позиций в движущихся социальных полях и способов поведения в многослойных коммуникативных процессах. Эти обстоятельства ставили нетривиальные проблемы перед философией и её адептами. Профессор Б. М. Бернадинер часто цитировал тринадцатый тезис К. Маркса о Людвиге Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁸. Эта проблема оказалась самой трудной и конфликтной.

Ещё в начале 1930-х годов Борис Моисеевич, найдя в себе призвание философского просветителя, выбрал точку опоры своего мышления, мировоззрения, жизненных позиций и социальных ориентаций в диалектическом и историческом материализме. И никогда своих убеждений не менял, но и не догматизировал их.

М. Д. Карпачёв отмечает в своей обстоятельной монографии по истории ВГУ достоверный факт. На заседании учёного совета университета в 1958 году Б. М. Бернадинер предупреждал: «В прошлом году мы получили американский социологический журнал, его не следует давать студентам. Мы получаем из Швейцарии журнал “Диалектика”, его также нельзя давать студентам... Никаких иностранных журналов по философии студентам давать

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 4. Между прочим, у композитора С. Прокофьева есть оратория на этот тезис К. Маркса. Мне довелось её слушать, почти подпевая, в большом зале Московской консерватории осенью 1967 года по случаю 50-летия Октябрьской революции.

нельзя». – «Впрочем, – отмечает М. Д. Карпачёв, – мнение Б. М. Бернадинаера оспорили некоторые его коллеги... Например, профессор И. Н. Бороздин, напротив, считал, что надо не только выписывать зарубежную литературу, но и больше читать, в том числе и студентам»¹⁹. У этого архивно-документированного сюжета есть неархивная предыстория.

В середине 1950-х годов Воронежскому университету была выделена Минвузом и Минфином некая сумма в так называемых золотых рублях для закупки иностранной литературы, прежде всего научной периодики. Наибольшая часть её была представлена естественно-научным факультетам. По настоянию Б. М. Бернадинаера кафедре диалектического и исторического материализма были выделены 10 золотых рублей. Не знаю, как пересчитать их по нынешнему курсу. Борис Моисеевич, зная мою склонность отслеживать новинки научных изданий, попросил составить небольшой список возможных закупок философских журналов. Я сказал, что не ориентируюсь в иностранной научной литературе, сведения черпаю только из советских монографий и статей по критике буржуазной философии (их, кстати, было много). – «Вы справитесь с задачей. Выполняйте кафедральное задание. Вам, молодёжи, нужно знать, о чём и как пишут за рубежом по философии и социологии». Покопавшись в советской литературе, в которой критически цитировались западные авторы, я составил список. Борис Моисеевич согласился выписать социологический журнал США, швейцарский журнал «Диалектика» (в нём статьи, главным образом обзорные, публиковались на немецком, французском и английском языках) и монографию Т. Парсонса, кажется, «Система общества». Заказ оформили. Через некоторое время он был выполнен. Заказанные издания поступили в библиотеку ВГУ.

Скверно (и даже хуже) владея английским языком, я просматривал журналы по мере поступления и докладывал Борису Моисеевичу, что я смог в них уловить. Однажды в швейцарском журнале «Диалектика» в обзорной библиографической статье о Ж. Ж. Руссо обнаружил ссылку на монографию Б. М. Бернадинаера «Социально-политические взгляды Ж. Ж. Руссо», изданную в 1940 году в Воронеже. Отзыв о ней был очень хороший. Борис Моисеевич обрадовался, прочитал не только эту статью, но и ряд номеров журнала (он хорошо владел немецким языком). О двух-трёх статьях отозвался одобрителем. Американский журнал пролистал.

Заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма действительно опасался, что ненаучное знакомство студентов с иностранными философскими журналами (он говорил на учёном совете именно о философской литературе) может не в лучшую сторону повлиять на мировоззренческую подготовку студентов. Это – его педагогическая позиция заботы о здоровом формировании молодых людей как граждан СССР. С данной позицией можно спорить, но это не догматизм. Как показало последующее время, педагогическая обеспокоенность профессора Б. М. Бернадинаера имела основания. Кстати, моя последующая проверка показала, что выписанные за золотые рубли зарубежные журналы студенты, да и аспиранты (даже по моей рекомендации) почти не брали в библиотеке.

Студентам с конца 1940-х годов Борис Моисеевич читал только один лекционный курс «История философии». Диалектический и исторический материализм на всех факультетах вели другие преподаватели; некоторые из них не имели учёной степени. Никто другой вести курс «История философии» не мог. Этот курс когда-то входил в образовательную программу историко-филологического факультета. И был очень полезен для интеллектуальной подготовки специалистов в области филологии и исторической науки, для формирования их социально-философской компетенции в анализе социокультурных феноменов, истории минувших времён. В конце 1980-х годов «Историю философии» изъяли из учебного плана. Идеологи и прагматики рыночных демократических реформ уклоняются от философского осмысления прошлого и настоящего, экономики и духовной жизни, научный анализ заменяют идеологизацией в неолиберальной парадигме.

Лекции по истории философии Борис Моисеевич читал блестяще и увлекательно. Он был эрудитом в этой сфере, особенно немецкой классической философии (Шеллинг, Фихте, Кант, Гегель, Фейербах) и, конечно, марксистской. Он умел погружать молодых людей в драму философских исканий. И тем самым стремился научить нас размышлять над парадоксальными проблемами бытия и сознания. Сложность преподавания и изучения этого предмета заключалась не только в его содержании с его интеллектуальной напряжённостью, но и в том, что доступных студентам хороших учебников не было. В 1947 году был издан учебник Г. Ф. Александрова²⁰ «История западноевропейской философии». Но его не было в библиотеке ВГУ. Много позже,

¹⁹ М. Д. Карпачёв. Указ. соч. С. 447.

²⁰ Г. Ф. Александров учился в том же институте истории и философии, что и Б. М. Бернадинаер. В том же 1932 году и окончил.

уже в аспирантские времена, я с ним познакомился. Учебник был тощим и по объёму, и по содержанию. Никакого сравнения по обстоятельности изложения, по методическому оснащению и даже по стилю он не выдерживал с бернадинеровскими лекциями. Этот учебник был раскритикован в ходе философской дискуссии 1947 года, т. е. сразу после издания.

В манере чтения лекций у Бориса Моисеевича органично и выразительно сочетались талант учёного, мудрость философа, заботливость педагога, искусство оратора. К сожалению, эти таланты (каждый имеет свою специфику) очень редко встречаются в таком сочетании в практике преподавания. Педагогический эффект лекций Бориса Моисеевича усиливался ещё и тем, что у него был красивый, сочный, внушительный баритон. Голос был хорошо поставлен с привлекательной гласирующей фонетикой, дикция чёткая, темп речи умеренный. Фразы короткие. Никакой запутанности в сложноподчинённых предложениях, в причастных и деепричастных оборотах. Композиция каждой лекции стройная, с чётким выделением главных понятий излагаемой концепции и её истоков. Студенты не уставали и не дремали на его лекциях, записочками не перебрасывались.

Профессор раскрывал перед будущими филологами и историками, как через напряжённые философские поиски изменяется, возрастает человеческий интеллект, проникая в тайны бытия и самого человека. Тем самым на основе анализа достоинств и заблуждений тех или иных философских концепций он учил нас, молодёжь 1950-х годов, мыслить. Он не был в преподавании назидательно занудлив (увы, это бывает в учебном процессе). Он представал перед аудиторией размышляющим и приглашал к размышлениям. Борис Моисеевич доносил до нас, студентов, мощный поток интеллектуальной истории человечества (правда, только в европейской версии) с целью на этом опыте научить новое поколение интеллигенции (а ею мы хотели быть) философскому осмыслению современных реалий и будущих вероятностей.

Своеобразно профессор Б. М. Бернадинер руководил научной подготовкой аспирантов. По моим подсчётам, с 1949 по 1960 год (далее – уход на пенсию) у него их было 11. Из них большинство – выпускники историко-филологического факультета. Никаких специальных лекций он им не читал. Главное – самостоятельная систематическая проработка аспирантом философских проблем, педагогическая практика, подготовка к диссертации. По этим аспектам Борис Моисеевич был строг, требователен и, можно сказать, неумолимо педантичен. Регулярно,

раз в неделю (по четвергам с 14:00) проводились беседы с аспирантами (группой и с каждым отдельно). Научный руководитель внимательно вникал (не контролировал, а именно вникал) в самостоятельную работу каждого (иногда в группе было до 5 человек). Спрашивал, что читал, какую проблему проработал, какие возникали вопросы, трудности, к каким размышляющим выводам пришёл. Просил иногда по отчёту того или иного аспиранта высказаться коллег. Свои суждения высказывал и Борис Моисеевич. Но не как ментор, а как участник дискуссий. При этом часто советовал, над чем ещё подумать, поработать, какую литературу дополнительно использовать. Считал обязательным для аспиранта конспектировать прорабатываемые философские тексты, делая комментирующие записи. Профессор даже просматривал аспирантские конспекты. Дело не в профессорском педантизме. Борис Моисеевич методично приучал нас к осмысленной работе с текстами, к культуре системного научного труда. «Педантизм» профессора был вполне приемлем для аспирантов того времени.

В современных условиях аспиранты, да и студенты имеют неизмеримо более широкие возможности использовать разнообразные информационные ресурсы. Но научиться ими пользоваться – непростая проблема. Опасность захлебнуться в многообразии литературных источников или в омуте Интернета встаёт перед каждым ищущим свою тропу в науке. Научный руководитель – это прежде всего наставник аспиранта, соискателя по методологии и технологии научных исследований, профессиональной этике.

Вести научную работу в области обществоведения в послевоенное десятилетие в Воронеже было трудно. Особенно по проблемам философии, политической экономии. Некоторые проблемы вообще идеологически табуировались. Идеологическая война (она одновременно была и информационной) отрезала советских исследователей от зарубежных философских, социологических, политологических изысканий. Культивировалась только критика так называемых буржуазных концепций. Публикация результатов исследования, учебного пособия затруднялась издательскими проблемами. У московских коллег были благоприятные условия и издательские возможности. Многие воронежские учёные годами не могли ничего опубликовать. В Воронежском университете только раз в год выходил сборник трудов его учёных или по гуманитарным, или по естественным факультетам. Б. М. Бернадинеру удалось опубликовать статьи в 41, 52, 69-м томах этого издания. Ещё в начале 1950-х годов при обсуждении доклада

ректора Б. И. Михантьева о перспективах и задачах развития ВГУ профессор Б. М. Бернадинер поставил вопрос о необходимости создать своё книгоиздательство. Предложение нашло деятельный отклик нового ректора. В 1957 году было открыто книгоиздательство ВГУ. Однако что-либо издать в нём Борису Моисеевичу уже не удалось.

Во второй половине 1950-х годов, кроме упомянутых трёх статей в сборниках «Труды Воронежского университета», Борис Моисеевич опубликовал статью в журнале «Вопросы философии» (1958, № 2) о понятии общественного прогресса, философско-этическую брошюру для молодёжи «Что такое счастье».

После защиты докторской диссертации Б. М. Бернадинер не оставлял проблематику о роли народных масс в истории. Он, по-видимому, считал, что не исчерпал ни себя, ни эту тему в диссертации. Она его волновала; для него и как философа, и как участника Великой Отечественной войны имела глубинный научный и нравственный смысл. Для него было несомненно: СССР как страну и государство спас от немецко-фашистского нашествия народ. Знал, какие жертвы были принесены народом за свободу и независимость. Знал, какие горькие потери народ понёс и из-за просчётов военного руководства. Знал, что победа советского народа возродила для европейских стран возможность демократического развития. Знал, что европейская предвоенная политическая элита, да и часть интеллигенции предали свои народы. Знал о репрессиях в СССР. Но не знал их массовых масштабов и полной правды (её, по-моему, и сегодня нет); возможно, воспринимал их как результат политических и идеологических конфликтов (антагонизм), без которых не проходят сколько-либо исторически значимые перемены общественных систем. Может быть, так... Но вряд ли только так. Борис Моисеевич человек осторожный, не высказывал своих философских размышлений и переживаний. Знал он и другое: значение веры народных масс в Сталина, да и в социализм для победы над фашизмом, победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Проблема роли народа в общественном развитии, над которой профессор Б. М. Бернадинер работал до конца своей жизни, не может быть философски полноценно и исторически достоверно раскрыта без выяснения роли государственной власти, политической системы, взаимоотношений их с различными социальными слоями общества и народа с ними. Но этот аспект оказался в 1950-х годах вне поля философских исследований, идеологизи-

ровался тезисом о руководящей и направляющей роли КПСС.

Б. М. Бернадинер не мог – вольно или невольно – избежать бытовавших в его время идеологических установок в трактовке роли народных масс в социалистическом обществе. Идеологизированность отразилась и в опубликованных во второй половине 1950-х годов статьях. Последней по этой тематике была статья «Критика современной буржуазной социологии, отрицающей творческую роль народных масс в истории» (опубликована в 1958 году в 69-м томе «Трудов Воронежского университета»). Мне довелось держать корректуру её по просьбе Бориса Моисеевича (он был болен, находился в больнице). В статье идеологические установки доминировали; сказывалось и влияние вторичных информационных источников. Борис Моисеевич с некоторыми моими предложениями согласился. Было бы некорректно упрекать его в некоторых упрощениях трактовок идей западных философов и социологов. Он жил и размышлял в исторически конкретных идеолого-политических и научно-информационных обстоятельствах. И по меркам того времени достойно философски и практически защищал советский народ от нападков извне.

Борис Моисеевич не замыкался в научной и философской проблематике. Его интересы и кругозор удивляли своей широтой и осведомлённостью. Он глубоко вникал в художественную литературу, особенно в русскую классику. Очень любил театр и одно время был членом художественного совета Воронежского драмтеатра. Его часто можно было увидеть в зале филармонии на концертах классической музыки. Посещал художественные выставки воронежских живописцев. В обыденном общении был несколько замкнут. Даже намеренно не имел домашний телефон, чтобы его не тревожили звонками. Но со всеми, особенно с коллегами, был неизменно корректным, внимательным. Никогда ни к кому не относился инструментально. Не генерировал никаких конфликтов. Не позиционировал себя перед любым высоким начальством. Почётных званий не искал, хотя заслуживал.

Избрав свой жизненный путь, профессиональное призвание, гражданскую позицию, Борис (Бер) Моисеевич Бернадинер отстаивал и защищал социальные идеи марксизма-ленинизма, философии диалектического и исторического материализма. Он считал их адекватными требованиями исторического процесса и принципам науки, чаяниям народа. Неадекватность многих жизненных реалий этим идеям считались им частными случаями, временны-

ми явлениями, не выделялись в его публичных суждениях. О чём он думал наедине с самим собой – осталось его сокровенной тайной, которой мы не вправе касаться.

Профессор Борис Моисеевич длительное время болел. Страдал головными болями, мучила гипертония. У него, как выяснилось, развивалась опухоль головного мозга. Доброкачественная, как определили медики. Но в то время они с ней не смогли справиться, хотя делали всё возможное и даже за пределами. Борис Моисеевич Бернадинер умер 9 сентября 1964 года.

Профессор Б. М. Бернадинер, читая студентам лекции по истории философии (во всяком случае, моему поколению), рассказывал, что после капитуляции фашистской Германии, будучи ещё референтом Советской военной администрации, побывал в Кёнигсберге (теперь Калининград) и посетил могилу И. Канта, повреждённую во время артобстрела. Кстати, об И. Канте он читал лекцию с каким-то особым упоением и тем, между прочим, навсегда привил мне некое пристрастие к гению классической немецкой философии. Борис Моисеевич долго стоял у могилы. На плите был начертан знаменитый афоризм Канта: «Звёздное небо – надо мною, нравственный закон во мне». Майор Бернадинер, будущий профессор философии, размышлял о категорическом императиве, главном понятии этики и, добавлю, политической философии И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»²¹.

Менялись исторические и житейские обстоятельства, смыслы и приоритеты жизнедеятельности, институты и персоны власти, круги профессионального и бытового общения, развёртывались различные события, что-то падало, что-то возвышалось.

Могила профессора Б. М. Бернадинера на Коминтерновском кладбище города Воронежа

Но Борис (Бер) Моисеевич Бернадинер неизменно следовал своему категорическому императиву в кантовском понимании его. И в этом – его главное философское достоинство и этическое наследие, которое он оставил сотрудникам и студентам Воронежского университета. Да будем помнить!

²¹ Кант. И. Соч. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 270.

СЕРГЕЙ ТИТОВ

О СЕБЕ И О СУДЬБЕ

Автор этих воспоминаний – доктор философских наук Сергей Николаевич Титов (1925–2016) – в 1951 году окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета. В 1954–2001 годах был преподавателем, доцентом, а затем и профессором кафедры философии в родном вузе, в 1959–1967 годах – возглавлял эту кафедру. Несколько лет руководил бюро Центрально-Черноземного отделения философского общества СССР.

Рукопись его воспоминаний была передана родственниками автора в Музей истории ВГУ после смерти Сергея Николаевича. Мы предлагаем вниманию читателей некоторые страницы этой рукописи, в которых речь идет о предвоенной и послевоенной жизни профессора С. Н. Титова.*

РАННЕЕ ДЕТСТВО В ПОДМОСКОВЬЕ

Родился я в роддоме города Богородска (его переименовали в Ногинск) 4 июня 1925 года. Отец мой, Титов Николай Сергеевич, 1893 года рождения, окончил гимназию в Богородске, затем Щаповское сельскохозяйственное училище и получил квалификацию агронома. Накануне Первой мировой войны с ним случилось несчастье: правой ногой он попал под поезд, ногу ампутировали ниже колена. За год до трагедии с ногой отец женился, а в 1915 году родился сын Лёва. Жена отца, Софья, через некоторое время умерла, и отец остался вдовцом с маленьким сыном. После Революции он работал агрономом в Ногинском районном земельном отделе.

Мать моя, Мария Федоровна, родилась в деревне Кустынь Осташковского уезда Тверской губернии в 1894 году. Ее отец был псаломщиком местной церкви, но он умер еще до моего рождения. По протекции местной помещицы мать моя смогла учиться

в Царскосельском женском училище, состоявшем «под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны». В мае 1914 года она окончила это училище, и, как записано в аттестате, «Голубева Мария имеет право на звание домашней учительницы тех предметов, в коих она оказала хорошие успехи».

В начале двадцатых годов мать встретила с моим отцом. Вроде бы какая для нее партия – инвалид, вдовец с восьмилетним сыном? А вот ведь, оказалось у них родство душ и теплота сердец. Прожили они жизнь в любви и согласии. Уходя утром на работу, отец не забывал поцеловать мать. И она подарила ему трех сыновей: Николая, Сергея и Владимира.

Дом наш, построенный нанятыми отцом плотниками, располагался на хуторе в полукилометре от деревни Ключниково. Фасадные окна выходили на шоссе Ногинск – Электросталь, и далее – лес, большой и густой. А на запад от дома, в десяти минутах ходьбы, располагался Лизин лес – уютная рощица гектара в три.

* Рассказ С. Н. Титова о военном периоде жизни содержится в его студенческой автобиографии, которую мы публикуем в этом же номере на стр. 24.

В шестилетнем возрасте я испытал непонятное религиозное чувство. Поводом послужило впечатление от надвигающейся грозы. Я стоял у окна и смотрел, как с востока надвигается темная туча, охватившая весь горизонт. Мне она показалась какой-то неведомой, пугающей силой, божественной стихией. Потом я ходил в церковь в Ногинск. Церковь тоже произвела на меня большое впечатление своим убранством и величием, благообразными лицами святых на иконах. Я не молился, да и не умел, просто по-детски испытывал какой-то мистический трепет. Брат мой Коля дразнил меня «боженькой», но я не обращал внимания, удовлетворяясь искренним и приятным чувством причастности к чему-то великому. Но вскоре оно прошло, так как было неосознанным, чисто эмоциональным, питавшимся детским воображением.

Конец двадцатых и начало тридцатых годов – время трудное, голодное. Правда, нас выручала корова Ирма, снабжавшая семью молоком. Но крайне трудно было с хлебом, сахаром и другими необходимыми продуктами. Мать была вынуждена продать обручальные кольца и золотую брошь в Торгсин (были такие магазины, где дефицитные продукты продавались за золото и серебро). Помню, мы с матерью и Колей чуть ли не в пять часов утра отправлялись в Ногинск, вставляли в длиннющую очередь и часам к десяти приближались к хлебному магазину. Милиционер запускал в магазин по семь человек, каждый мог купить по килограмму хлеба, купившие выходили, и снова запускались очередные семь человек.

В последний год перед школой летом я ходил в детский садик клюшниковского колхоза «Заря», создававшийся на время летних полевых работ. Заведующей была моя мать – дипломированная учительница и воспитательница. В сентябре 1933 года я пошел в первый класс истомкинской начальной школы. Истомкино – пригород Ногинска, расположенный в километре на запад от него.

Через несколько дней после первого сентября мне пришлось недели на две оставить школу из-за болезни глаз. Но двухнедельный пропуск школьных занятий ничуть не сказался на моей успеваемости. Еще до школы я научился бегло читать и считать за тысячу. Так что, вернувшись в свой класс, я скучал, следя, как мои сверстники овладевают азбукой. Зимой мне разрешили приезжать в школу на лыжах, они ждали меня в углу класса до конца уроков. Учился я легко и охотно.

А на следующий год случилось несчастье – отца арестовали в числе других сотрудников Ногинского

райзо. Точно не скажу, но я догадываюсь, что арест связан с тогдашней политикой в сельском хозяйстве. Отец публиковал в журналах статьи, издавал брошюры на агротехнические темы. Одна из брошюр, сохранившаяся у меня, называлась «Промышленное огородничество Богородского уезда». В ней описывалось индивидуальное огородничество в деревне Клюшниково. Это что же, рассудили, очевидно, компетентные органы, в разгар коллективизации агроном пишет об успешной агротехнике в индивидуальном хозяйстве, – арестовать! Несколько месяцев отца держали в Бутырской тюрьме в Москве, потом суд и вердикт: три года ссылки в места не ближе ста километров от столицы. Отец выбрал Черноземье – там есть где приложить знания и навыки агронома.

Отец уехал работать в совхоз Воронежского овощетреста, расположенного в полукилометре от железнодорожной станции «Липецк». А мы остались с матерью в Клюшниково, пока отец не благоустраится для приезда семьи.

Трудно представить, что пережила мать, – на руках трое детей (старшему двенадцать, младшему – два года), которых надо накормить, одеть, обууть, а кормильца нет, сама мать не работала.

Пришлось продать дом, домашнее имущество, чтобы найти средства для переезда к отцу и для благоустройства на новом месте. Что могла увезти с собой поездом мать, имея на руках трех малолетних детей? К тому же надо представить тогдашние поезда, не спеша двигавшиеся на паровозной тяге, тесные вагоны с деревянными полками в три этажа, освещавшиеся в ночное время одним керосиновым фонарем на весь вагон.

В СОВХОЗЕ ОВОЩЕТРЕСТА

Время жизни в совхозе под Липецком осталось в памяти для меня окрашенным в светлые тона. Однажды мне, третьекласснику, довелось в первый раз в моей жизни самостоятельно провести урок для первоклашек. Заболела учительница, и меня, как отличника, послали в первый класс чем-либо занять ребятишек. Я читал им сказки, а они весь урок сидели и слушали тихо и заинтересованно.

Семья наша из пяти человек жила в двух комнатах совхозного общежития. Совхоз довольно сносно обеспечивал ИТРовских сотрудников продуктами, молоком, овощами. Что особенно приятно вспомнить из совхозной жизни, так это участие мое в художественной самодеятельности. Еще в ногинские времена мой старший брат (по отцу) Лёва купил обычную двухрядку – «венскую» гармонь «русского

лада». Однако, не обладая достаточными способностями и прилежанием, он вскоре забросил гармонь, и она перешла ко мне. Я с большим желанием и усердием самостоятельно овладевал инструментом, по слуху подбирал мелодии песен, танцев, упражнялся в технике игры. Так, третьеклассником, я стал известным в совхозе гармонистом.

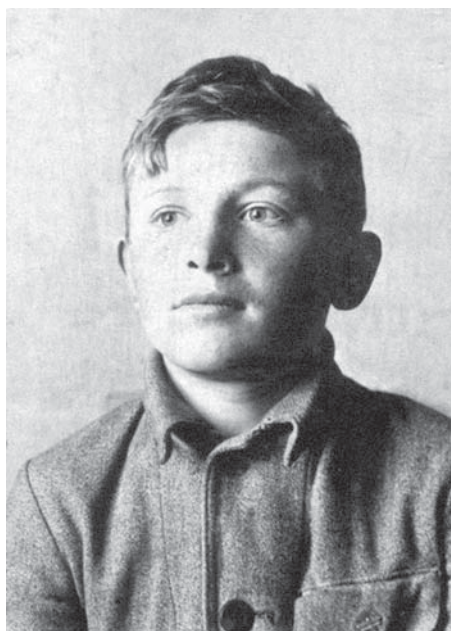
Как-то зимой в совхозе Прибытковский состоялась олимпиада художественной самодеятельности всех совхозов области, участвовал в ней и я. Помню, как ведущий концерта за кулисами подхватил меня с гармошкой под мышки, внес на поднятых руках на сцену и опустил на стул. Я исполнил запланированный номер и удостоился громких аплодисментов. Жюри премировало меня: я получил детский шерстяной костюм.

Еще одну премию я получил на районном смотре детской самодеятельности, но уже как «мастер художественного чтения». Выступление состоялось по липецкому радио. Перед микрофоном я рассказывал с выражением сказку «Хвосты» о том, как бог распределял хвосты животным. Премировали меня симпатичным школьным портфелем.

Весной 1936 года отец по сокращению штатов оставил работу в совхозе и оформился старшим агрономом водопьяновской МТС, и семья наша переехала в село Водопьяново. Когда-то оно называлось село Патриаршее, затем получило статус районного центра и было переименовано в честь героя-летчика, участника спасения челюскинцев М. В. Водопьянова.

ВОДОПЬЯНОВСКИЙ ПЕРИОД. 1936–1942 ГОДЫ

Здесь прошли лучшие годы моей юности. Здесь двигался я по школьным ступеням от шестого до девятого класса. Я уже отмечал, что учиться в школе мне нравилось, тем более учеба не доставляла мне большого труда и удовлетворяла мою любознательность и самоутверждение. За отличные успехи в конце каждого учебного года я получал грамоты или подарочные книги. В сочинениях по литературе, кроме пересказа материала по теме, можно было проявить творчество в суждениях, композиции. Решение задач по физике и математике тоже требовало творческих раздумий, логических догадок. Нередко трудные задачи в домашних заданиях я единственный в классе решал правильно, и это приятно тешило мое самолюбие. Что касается других предметов – химия, ботаника, зоология, география и другие описательные – они выучивались мною прилежно,

Шестой класс. 1939 год

но в основном требовали лишь запоминания и мало способствовали развитию творческого мышления, хотя солидно обогащали эрудицию.

На каникулах перед седьмым классом отец привлек меня к работе по апробации зерновых культур: пшеницы, ржи, проса. В МТС привозили снопы с разных полей, и моя работа заключалась в следующем. Из снопа пшеницы сорта «Лютесценс» я подряд выбирал пятнадцать-двадцать колосьев, вышелушивал зерна, подсчитывал, взвешивал, записывал результат: сколько в среднем было зерен в колоске и какой их вес. Таким же образом поступал со многими снопами разных сортов зерновых. Записи свои передавал отцу, а он с семеноводами определял оптимальные сорта для посева на разных полях.

Работа довольно однообразная и нудная, но я ее делал с удовлетворением. Во-первых, я помогал отцу, а это было приятно от сознания своей полезности. А во-вторых, у меня было и развлечение. «Лаборатория» располагалась в библиотеке МТС. В перерывах я с удовольствием копался в книгах, некоторые брал для чтения домой.

Не забывал я и гармонь. Ни один праздник в школе не обходился без моего участия. Почти половину зимних каникул я был занят с гармонью на новогодних елках для разных классов школы. Приглашали меня музыкально «обслуживать» учительские конференции, вечера в клубе, а летом в пионерский лагерь. Уже после седьмого класса на летние каникулы с середины мая по сентябрь меня в сельсовете

1941 год

оформляли на должность инструктора водопьяновского Дома культуры с окладом сто пятьдесят рублей в месяц. Всю зарплату я отдавал матери. Деньги мне были вовсе не нужны, а главное – сознание гордое, что я тоже вносил некоторую лепту в семейный бюджет.

В отличие от других деревенских гармонистов, игравших на елецких гармошках «матаню» и «барыню», у меня репертуар был богаче, мелодии песен, а главное, танцевальные вещи: краковяк, тустеп, вальсы, польки. Работа в основном вечером, с шести до одиннадцати часов.

Не всё было гладко и просто в те времена. Постоянным дефицитом были одежда, обувь, ткани и другие товары. Все тридцатые годы ощущалась хлебная проблема. В Водопьянове хлеб приходилось добывать. Нередко буквально, «в поте лица своего». У хлебного ларька толпа жаждущих хлеба выстраивалась в две противостоящие и нажимающие друг на друга очереди в стремлении пробиться к окошку продавщицы. Каждая очередь была в три ряда, когда один из очередников получал хлеб, его выдавливали и его место занимал очередник из противоположного ряда. Все это напоминало игру в регби, когда команды, сомкнувшись плечами, пытаются сдвинуть противника.

А зимой во время финской войны хлебом разживались в столовой. Покупали порцию или две щей, к ним полагался ломоть хлеба. «Щи» представляли собой подсоленную воду, в которой плавали

куски темно-серой капусты. Есть эту похлебку никто не мог, и ее оставляли на столе, а хлеб забирали, благо что порция стоила всего двадцать пять копеек.

По окончании восьмого класса с первого июня 1941 года я снова был принят на работу инструктором районного Дома культуры. Но вскоре началась война, и жизнь кардинально изменилась.

КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

С первых дней войны пунктом сбора стал райком ВЛКСМ. Сразу же были организованы патрульные группы по охране в ночное время железнодорожного пути от станции Патриаршая до моста через реку Дон от возможных диверсий. Но поскольку диверсантами на этом участке пути и не пахло, патрульные группы вскоре ликвидировались сами собой. Более постоянной работой в первый месяц войны была конная доставка повесток от военкомата о мобилизации из отдаленных деревень района.

В июле комсомольцев Водопьяновского района призвали на оборонные работы вроде бы под Воронеж. Я мог бы не ехать, поскольку находился на службе в Доме культуры, но отстать от друзей не захотел. Вместо Воронежа нас поездом через Москву отправили на станцию Ярцево Смоленской области. В нашу задачу входила обработка лопатами отвесного левого берега верховья Днепра для заграждения пути немецким танкам. Через несколько дней нас вечером спешно сняли с работы, всю ночь мы, уставшие и голодные, шли на отдаленную станцию. Оказалось, немцы взяли Вязьму, продвигались на восток и мы рисковали попасть в окружение. Утром нас посадили в теплушки и отправили назад домой.

По приезде в Водопьяново меня определили на пункт ВНОС. Расшифровывается это так: пункт воздушного наблюдения, оповещения связи. Иначе говоря, в три смены (по 8 часов) круглые сутки с вышки над Домом культуры осуществлялось наблюдение, – если замечался какой-либо самолет, сразу же по телефону об этом сообщалось в Липецк, в центр сбора информации. Делалось это для своевременного предупреждения о налете вражеской авиации. К счастью, немецкие самолеты нами ни разу не были замечены.

В связи с началом занятий в школе нас освободили от обязанностей наблюдателей за небом. Но наступил черед наблюдать за землей, – меня приняли в истребительный батальон (без отрыва от учебы в школе), созданный для возможного отражения вражеского десанта, а в случае оккупации он стал бы костяком партизанского отряда. Выдали нам де-

Занятия по боевой подготовке.
С. Н. Титов – первый справа

святязрядные винтовки, мы изучали их устройство пока без права выноса за пределы казармы в здании конторы МТС.

Немецкие войска продолжали быстрое продвижение на восток. Было решено эвакуировать в тыл тракторный парк Водопьяновской МТС. Начальником колонны стал мой отец. Пришлось оставить истребительный батальон, эвакуировалась вся наша семья. Отец, брат Коля и я отправились с танковой колонной. Пункт назначения – станция Избердей, вторая остановка после Грязей в сторону Мичуринска. Всего от Водопьяново километров сто, но одолевались они с большими трудностями и потерями.

Медленно тащились по колдобинам и ухабам сельских дорог, по подмерзшим комьям грязи неприспособленные для таких переходов железноколесные «ХТЗ» и «Универсалы». Трактора часто выходили из строя, ломались цапфы, глохли моторы и тогда их брали на буксир исправные трактора. За рулем одного из буксируемых «Универсалов» и я сидел на железном сиденье, держа в руках холодный руль.

В моем ведении как кладовщика был полевой вагон с продуктами: мешки с мукой, крупами, два жбана с подсолнечным маслом и кое-что другое. Ключ от вагона был у меня. По распоряжению начальника колонны я, пятнадцатилетний зав. складом, выдавал продукты тракторным бригадам.

В декабре мы добрались до села Плеханово, что в 20 километрах от Грязей. И в это время пришло известие, что немцев отогнали от Москвы, Тихвина, Ельца. Нам предстояло вернуться в Водопьяново.

Возобновились занятия в школе, и в июне 1942 года я благополучно окончил 9-й класс, а в июле – снова мобилизация. На этот раз военкомат призвал 17- и 18-летних юношей. Пешей колон-

ной мы отправились в Тамбов. Здесь нас разделили: родившиеся в 1924 году – в армию, а те, что в 1925 году, – в школы ФЗО. Попал и я в железнодорожную школу на станцию Селезни недалеко от Тамбова.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ. ШКОЛА, УНИВЕРСИТЕТ, СЕМЬЯ

В июне 1945 года нашу дивизию из Берлина передислоцировали в Тюрингию. В пригороде Эрфурта мы разместились в бывших казармах немецких воинских частей. Чтобы чем-то занять личный состав батареи, проводились занятия по боевой и политической подготовке. Но имевшаяся у нас за плечами фронтовая практика была выше тыловых тренировок.

В августе вышел указ о демобилизации возрастов с 1905 по 1915 год рождения, а также воинов, годных к нестроевой службе в связи с тяжелыми ранениями. Я относился к категории последних. 19 ноября 1945 года я вновь открыл двери родительского дома. Через две недели я стал учеником 10-го класса Водопьяновской средней школы. Быстро освоился, наверстал пропущенное, и вскоре стерлась разница между фронтовиком в солдатской шинели и другими одноклассниками. В этом же декабре на районной ВТЭК мне определили инвалидность III группы по фронтовым ранениям.

Одно обстоятельство меня не устраивало: будучи учащимся, я, взрослый человек, бывалый солдат, числился иждивенцем с урезанным пайком по продовольственным карточкам... И я поступил работать снова инструктором районного Дома культуры. Вечером я открывал клуб и веселил молодежь танцами под свой аккордеон.

В ВГУ на занятии
литературного кружка.
С. Н. Титов – второй слева.
1948 год

Быстро пролетел учебный год, я получил аттестат зрелости, в котором была лишь одна четверка, – одного балла не хватило до медали. Да она и не нужна была: фронтовиков принимали в вузы вне конкурса. Не буду вдаваться в детали моего безуспешного штурма московских институтов – в литературном требовали готовых публикаций, а в полиграфическом не было общежития. Я без сожаления покинул столицу и стал студентом-филологом ист-филфака Воронежского государственного университета. С первого курса учился так, что четверка была для меня ЧП, и я сразу же старался ее исправить.

Учебой прежде всего запомнились мне студенческие годы, живо встают в памяти все преподаватели. Общественную работу я недолюбливал, хотя постоянно попадал в выборные комсомольские и партийные органы. А вот занятия в факультетском литературном кружке, заслушивание и обсуждение стихов и рассказов членов кружка – дело интересное. Я тоже пробовал писать стихи, одно стихотворение даже опубликовали в журнале «Подъем». Откровенно говоря, стихи у меня (за редким исключением) получались довольно слабые, они, скорее, походили на рифмованную прозу. Склад ума у меня, очевидно, более рационалистический, чем поэтический, лирический, так что вскоре я забросил стихотворчество.

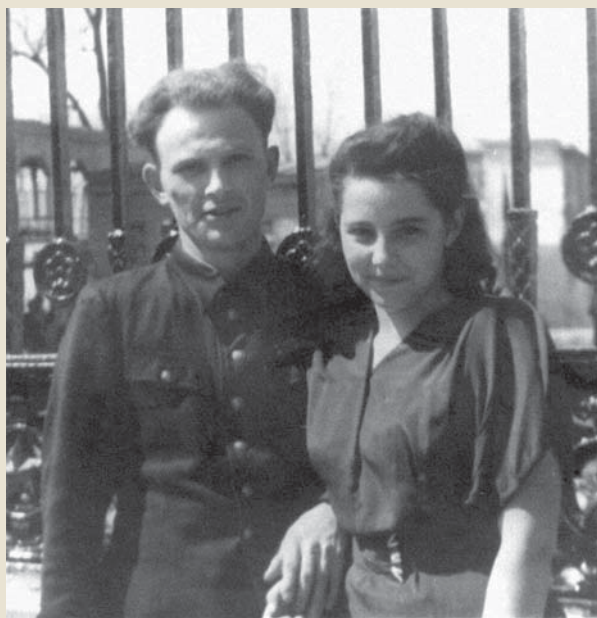
Проявилось другое увлечение – университетский драматический коллектив. Участвовал я в ряде постановок, но особенно запомнился спектакль «Царь Федор Иоаннович» по пьесе А. К. Толстого. Я играл в нем роль боярина Луп-Клешнина – «Дядьки» царя Федора, заговорщика и интригана, сторонника Бориса Годунова. Боярские костюмы, взятые в областном драмтеатре, впечатляющие декорации, тщательно отработанные диалоги и реплики, хорошо продуманные мизансцены, грим, боярские боро-

ды – все это потрясающе смотрелось на университетской сцене.

Летние каникулы я проводил в Водопьяново. Помогал родителям по хозяйству, отдыхал, купался в Дону. После третьего курса летом больше месяца работал помощником комбайнера на уборке зерновых в колхозах. Работали от зари до зари с небольшим перерывом на обед. Я, конечно, уставал, но чувствовал большое удовлетворение от работы, от сознания своей полезности, от ожидаемого хорошего вознаграждения за свой труд. За это время я заработал полтора центнера пшеницы – это немалая ценность в те времена.

Стипендия, хоть и повышенная, была маловата для сносной жизни, из дома была некоторая помощь, но следовало и самому что-то зарабатывать. В разовых походах на разгрузку вагонов я не участвовал, хотелось найти не отвлекающую сильно от учебы, но постоянную работу. В обкоме комсомола мне предложили должность заведующего отделом в редакции газеты «Молодой Коммунар», но для этого надо перейти на заочное обучение. Я не согласился, справедливо полагая, что заочная учеба при тогдашнем дефиците учебной литературы – профанация образования.

Б. Удодов, учившийся на курс старше нас, работал на радио и посоветовал мне попробовать себя на поприще диктора. Меня приняли с первого захода: оказались подходящими тембр голоса, дикция, навыки тещи, филологическая грамотность и пр. Видно, и впрямь было все при всем, если председатель областного радиокomiteта В. А. Докукин называл меня «воронежским Левитаном», а приезжавшая московская комиссия присвоила мне квалификацию диктора первой республиканской категории. Каждое утро я вел передачи с 7 часов до 8 часов 30 минут с

Молодожены. 1951 год

перерывами для трансляций последних известий из Москвы. Потом шел на занятия в университет. И вечером было вещание с 18 до 19 часов.

Однажды меня с моим голосом пригласили во время первомайской демонстрации выкрикивать с трибуны лозунги: «Да здравствует... Ура!» Это было один раз, больше не приглашали, для этого нужен крикун с драматическим тенором, а не диктор со стальным баритоном.

На четвертом курсе я встретил свою суженую. Рая Зенина была однокурсницей, так что знали мы друг друга уже три года, а сошлись ближе лишь тогда, когда оба «созрели» к этому. После зимних каникул 5-го курса, 21 февраля 1951 года, нашу брачную пару зарегистрировали в ЗАГСе, а 24-го сыграли свадьбу и стали мы жить вместе на улице Помяловского, 38.

После окончания университета меня распределили на кафедру истории КПСС. У меня не было интереса к этой науке, и я попросился на кафедру философии. В это время министерство выделило университету одну именную (сталинскую) стипендию для аспирантуры и ученый совет утвердил меня первым в истории ВГУ аспирантом с этой стипендией в 1000 рублей. При этом мне настоятельно посоветовали оставить работу на радио и заняться своим главным делом: сдачей кандидатских экзаменов и написанием диссертации.

Мой научный руководитель, заведующий кафедрой философии Б. М. Бернадинер уже на третий месяц аспирантуры поступил со мной по принципу: орлят надо бросать со скалы, чтобы они научились летать. Он поручил мне читать лекции на заочном отделении, мне, который лишь полгода назад сам был студентом, да еще по такому предмету, как история философии.

Июнь 1954 года я провел в столице в поисках оппонента – доктора философских наук. Однажды я попал на заседание кафедры эстетики и теории литературы Академии общественных наук. Слышу, зав. кафедрой объявляет:

– Слово для сообщения о содержании своей диссертации имеет Светлана Иосифовна Сталина.

Я с интересом смотрел и слушал речь худощавой скромной женщины, мало похожей на отца. Тогда она еще носила фамилию Сталина и лишь после 1956 года сменила ее на Аллилуеву.

На другой день тут же, на кафедре я полистал с любопытством ее диссертацию, тема была близка к моей: у С. И. Сталиной – «Традиции русской литературы в творчестве А. Толстого и М. Шолохова», а у меня – «Об исторической преемственности и новаторстве в развитии советского искусства». А когда я прочитал в «Вечерней Москве» объявление о защите диссертации С. И. Сталиной, естественно, решил побывать на заседании Совета. В конце заседания я попросил слова и выступил в качестве «неофициального оппонента». А после защиты я пробился сквозь толпу поздравляющих к Светлане Иосифовне и попросил у нее автореферат. Она достала из сумочки экземпляр, подписала и подарила мне на память.

20 ноября 1954 года состоялась защита моей кандидатской диссертации. Из 30 голосовавших членов ученого совета ВГУ за присуждение мне степени кандидата философских наук подано 28 голосов, два бюллетеня оказались недействительными. Меня оставили работать на кафедре философии университета.

Меня считали строгим экзаменатором, немало было «неудов» за ответы студентов. Но дело было не во мне, а в предмете. На консультациях я предупреждал студентов: если вы придете со знанием материала лекций и учебника, то рискуете не сдать экзамен. Нужно не просто знание (зачастую зазубренное), а понимание известного.

*Ноябрь – декабрь 2003 года
Публикация Александры Степиной*

ОЛЕГ ЛАСУНСКИЙ

МОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

I. НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СКАМЬЕ

Признаться, меня не перестаёт коробить привычка современной студенческой молодёжи использовать в своей разговорной речи жаргонизм «универ» вместо того, чтобы сказать «университет». Конечно, сейчас в Воронеже есть несколько высших учебных заведений, именуемых университетами, да и сама традиционная лексика сильно поистрепалась в обиходе. Тем не менее употребление усечённой формы дорогого для меня слова режет ухо. Моё поколение не позволяло себе подобного панибратства: «университет» – это звучало для нас едва ли не музыкой. Было это, правда, давным-давно...

Моё семейство переехало в чернозёмные края с Дальнего Востока. Произошло это в 1950 году, когда отца, военноморского санитарного врача, по состоянию здоровья отправили в отставку. Воронеж лежал в послевоенных руинах, свободной жилплощади не находилось. Мы долго ютились в зале ожидания тогдашнего вокзала, пока наконец не удалось найти квартиру на пригородной станции Отрожка. Там, на улице Молодёжной, прошли три моих последних ученических года. Учился я в железнодорожной средней школе № 4 (сейчас это общеобразовательная школа № 36, и в тамошнем музейчике можно обнаружить стенд, посвящённый вашему покорному слуге). Выпускная серебряная медаль (школьная администрация представила меня на золотую) позволяла поступать в любой вуз страны без каких-либо вступительных экзаменов. Мне мечталось о факультете журналистики МГУ, откуда уже получил официальное «добро». Однако роди-

тели решили оставить ребёнка при себе. Я горевал недолго.

Итак, с осени 1953 года я обзавёлся студенческим билетом и с ранним рабочим поездом стал уезжать в город на занятия. Деревянные, довоенного производства, вагоны были настолько забиты простым людом, что частенько приходилось стоять на открытых всем ветрам межвагонных переходах, а то и вовсе на подножке. Домой возвращался в точном соответствии с железнодорожным расписанием, которое знал назубок. Часто проводил томительные часы в ожидании ближайшего пригородного поезда. Впрочем, эти бытовые неудобства не замечались, все помыслы были направлены только на учёбу и участие в сопутствующих ей студенческих инициативах. Это было счастливое время, несмотря на общую суровую обстановку в стране...

Вместо столичного журфака пришлось поступать на филологическое отделение объединённого историко-филологического факультета ВГУ. Он располагался в большом четырёхэтажном здании на перекрёстке улиц Ф. Энгельса и Кольцовской. Одно его крыло было отведено под мужское общежитие (впрочем, обитали там и некоторые преподаватели, не имевшие своей крыши над головой), а в другом проходили занятия и обретались немногочисленные в ту пору кафедры. Дверь из деканата выходила прямо на лестничную площадку. Деканша Ирина Яковлевна Разумникова была историком, и мы, будущие филологи, отказывались видеть в ней полноценного шефа. У меня были к ней и личные претензии.

Кажется, на втором курсе наша учебная группа (я был там комсоргом) взбунтовалась: практические

Студенческий билет
Олега Ласунского

занятия по курсу «Основы марксизма-ленинизма» вела у нас дама по фамилии, если не ошибаюсь, Обухова. Вела, скажу прямо, скверно во всех педагогических смыслах. Мы не выдержали: на комсомольском собрании вынесли решение просить деканат избавить нас от некомпетентного преподавателя. Инцидент получил широкую огласку, деканша пожаловалась ректору, и мне, как зачинщику скандала, велено было явиться в административный «красный корпус», что на проспекте Революции. Я, разумеется, струхнул, решив, что надо мной нависла угроза отчисления из университета... Ректором тогда был профессор-химик Борис Иванович Михантьев. Он вызвал меня, зелёного юнца, к себе в кабинет и попросил объясниться. Голоса не повышал и вообще был предельно деликатен для такой ситуации. Никакого исключения из университета не последовало, а вот безграмотную преподавательницу от нас всё-таки убрали. Позже мы с Борисом Ивановичем не без улыбки вспоминали этот эпизод. Наши случайные встречи происходили преимущественно в коридорах областного комитета партии, где я в шестидесятых годах состоял в должности инструктора сектора печати, а Б. И. Михантьев входил в состав бюро обкома КПСС: местная власть оказывала ему эту особую честь... Своего ректора студенческая вольница любила и уважала за доброжелательность, интеллигентное обхождение с людьми и поддержку самых дерзких молодёжных починов.

В главном корпусе ВГУ мы, историки и филологи, собирались вместе по каким-то особым случаям. Однажды, на третьем курсе, кураторы с каким-то многозначительным выражением на лицах повели нас туда. Актный зал на четвёртом этаже был за-

полнен до отказа. С таинственным видом мелькали фигуры парткомовских активистов. Атмосфера ожидания была накалена до предела, воздух чуть ли не искрился от напряжения. Нам объявили, что сейчас будет зачитано «закрытое» (при этом слове председательствующий благоговейно устремил взор вдаль, поверх наших лохматых голов) письмо ЦК партии, содержание которого не подлежит оглашению в обывательской среде. В битком набитом зале стояла мёртвая тишина. Слова падали на нас, как многопудовые гири. Это было письмо, обличавшее культ личности Сталина. Ещё недавно вся страна обрыдалась над гробом «отца всех времён и народов», а тут вдруг такое... Но и тогда ещё о культе державной особы была сказана не вся правда. Мы были подавлены и убиты услышанным.

Тема сталинских репрессий отозвалась для меня позднее и самым неожиданным образом. Учился на нашем курсе Борис Окунев. Он был великовозрастным студентом, но никто из нас, вчерашних школьных выпускников, не придавал этому обстоятельству никакого значения: может быть, Боря надумал получить второе высшее образование? Я с ним подружился, бывал у него дома (он с родителями и взрослой сестрой ютился в малюсенькой комнатухе, где едва помещались четыре кровати и тумбочка), приглашал к себе в Отрожку (иной раз у нас и ночевал). После окончания университета мы с Борисом переписывались: я секретарствовал в редакции Землянской районной газеты, а он был научным сотрудником областного музея изобразительных искусств. Потом мы вместе готовились к вступительным экзаменам в аспирантуру. Общение было плотное, отношения – искренними. Мне казалось, что никаких

секретов между нами нет, да и быть не может. Тем ошеломительнее стала просочившаяся в публику новость: Борис Гдальевич был прежде арестован по политическому обвинению и несколько лет провёл в сибирских концлагерях. Наверное, с той несчастной поры у него появилось нервическое дрожание в ногах; впрочем, к этой физической странности я быстро привык. Меня поразило и, честно признаюсь, обидело другое: как в течение многих-многих лет при всей нашей духовной близости Боря ни единым словом не обмолвился о своей, уже давней беде.

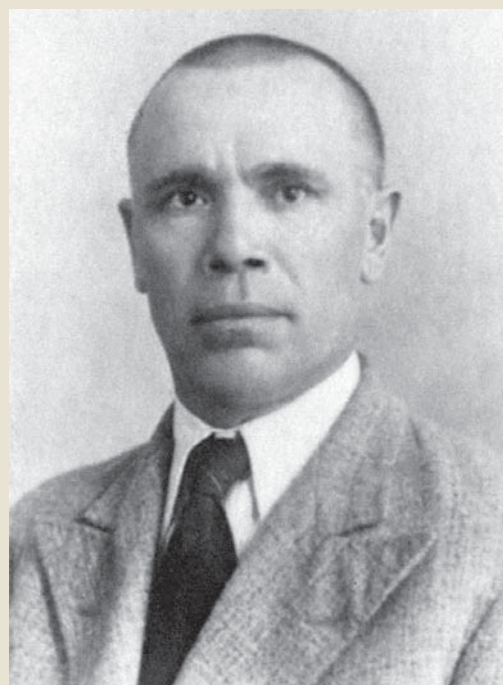
Мне говорили: бывшие зеки подписывали какие-то бумаги о неразглашении того, что с ними произошло. Но ведь на дворе стояло уже другое время, сталинскую тиранию официально осудили, можно было не опасаться каких-либо последствий за рассказ о минувшей трагедии... Очевидно, страх так глубоко поселился в душах экс-арестантов, что выкорчевать его оттуда было невозможно. Борис так и не раскрылся передо мной, даже ничем и никак не намекнул о своих юношеских злоключениях. Спустя годы он попытается поведать гласно о произволе сталинской эпохи, даже будет предлагать большой стихотворный текст на эту тему для воронежского сборника соответствующих материалов: книга вышла в 1992 году и называлась недвусмысленно – «Из небытия». Редакция рассмотрела представленную Б. Г. Окуневым автобиографическую поэму (она именовалась многозначительно – «В ежовых рукавицах»), но отклонила её публикацию по причине литературной слабости произведения.

Как историк изобразительного искусства Б. Г. Окунев остался автором разыскательского по сути исследования о старом художнике А. И. Клюндере и выполненных им портретах однополчанина М. Ю. Лермонтова (Москва, 1975). Кандидат филологических наук Б. Г. Окунев одно время замещал ушедшего в докторантуру сотрудника кафедры русской литературы ВГУ, а впоследствии преподавал в местном институте искусств. Мне кажется, психологическая травма, нанесённая на заре жизни сталинским режимом, роковым образом отразилась на судьбе моего сокурсника...

После колхозного сентября 1953 года мы приступили к занятиям. Общие лекции проходили в самой вместительной 11-й аудитории на первом этаже. Из неё в коридор выходило несколько дверей – во избежание толкучки во время перерывов. На первых двух курсах нам вдалбливали в голову основы марксизма-ленинизма, и это небезуспешно делал Василий Степанович Гончаров, крупный, с бритой головой человек, напоминавший нам Котовского. Имя товарища Сталина как организатора и вдохновителя всех наших

Студент Борис Окунев

Василий Степанович Гончаров

Сергей Георгиевич Лазутин

побед не сходило с его языка. И он был не одинок в славословии вождя. Не отличались от него и лингвисты. У каждого из нас имелась брошюра со сталинской работой «Марксизм и вопросы языкознания». Мы её старательно конспектировали и на практических занятиях разбирали едва ли не по предложениям. Работа считалась методологическим шедевром. Однако вскоре её изучение было отменено, а сама она, признанная дилетантской и злопахательской, незаметно исчезла с полок книжных магазинов. Так мы получили первый урок политического приспособленчества.

С основоположником советского государства тоже случалось немало забавного. Преподаватели требовали неукоснительного представления конспектов ленинских сочинений, и ребята безбожно сдирали тексты у старательных сокурсниц. Я был студентом-паинькой, послушно выполнял все указания наставников. Но с «Материализмом и эмпириокритицизмом» (1909) пришлось изрядно повозиться. Разобраться в дебрях ленинской полемики с философами-идеалистами было явно не под силу вчерашним школьникам. Нам не оставалось ничего иного, как заниматься бессмысленным переписыванием печатного текста. Сколько молодой энергии понапрасну тратилось на знакомство с давно потерявшими свою актуальность произведениями! Преподаватели уверяли, что без знания ленинских работ мы и шага не сможем сделать в своей будущей профессии. Потом эти работы, как прежде сталинские, незаметно исчезли с библиотечных полок и окружающий мир даже не заметил сего «печального» обстоятельства.

Преподаватели-предметники изо всех сил старались вбить в нас азы филологии. Одним из первых в их череде был Сергей Георгиевич Лазутин, небезызвестный в отечественной фольклористике человек (об этом мы узнали много позднее). Вечный общественник, хлопотун, он, казалось, вовсе не покидал факультетской территории: вероятно, он не отказывался ни от каких партийных поручений. В частности, Сергей Георгиевич руководил студенческим литературным кружком, где, по его мнению, все до единого были таланты и гении. Студенты безбожно обманывали С. Г. Лазутина, выдавая собственные легкомысленные творения за частушки, якобы записанные от деревенских бабушек. Сергей Георгиевич охотно верил озорникам и даже включал подделки в свои частушечные сборники.

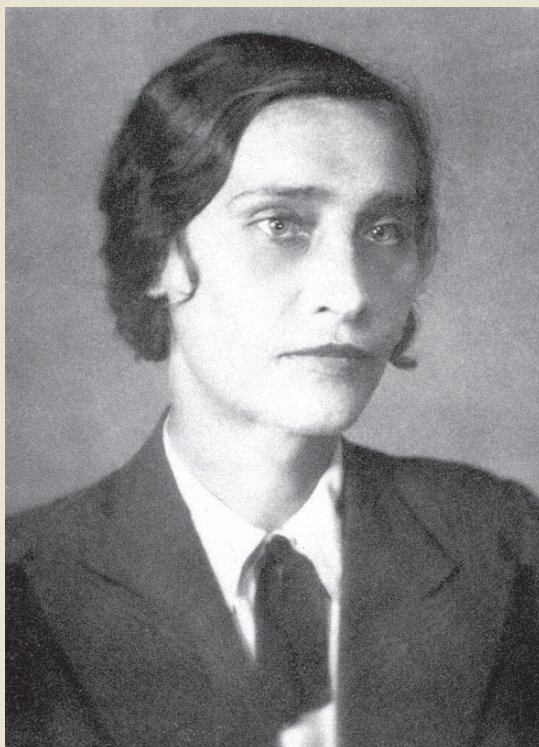
С. Г. Лазутин пригласил на факультет из Москвы профессора Петра Григорьевича Богатырёва, оказавшегося безработным в результате инициированных сверху гонений на так называемых «безродных космополитов». Профессор был презабавнейшей личностью. Его добродушию не было пределов. Невысокий росточком, кругленький, как коллобок, он вкатывался в 11-ю аудиторию, становился за кафедру, и нам не оставалось ничего иного, как созерцать его голую макушку. Его лекции по истории древнерусской литературы не блистали красноречием, и лоботрясам-«камчадалам» на дальних скамьях приходилось убивать время игрой в «морской бой»... На семинарских занятиях по чешскому языку Пётр Григорьевич говорил преимущественно монологически, не подозревая, что студенты задают ему вопросы вовсе не из любопытства, а только для того, чтобы самим помалкивать. Всем уже был известен богатырёвский энтузиазм по отношению ко всему, что касалось его довоенного пребывания в Чехословакии. Мы наперебой засыпали профессора просьбами о его работе над переводом гашековского «Бравого солдата Швейка»... О незабвенном Петре Григорьевиче я постарался поведать в своей книге «Литературный Воронеж: имена и факты» (2015).

На старших курсах перед нами возник неподражаемый Анатолий Михайлович Абрамов, которого так любят живописать все мемуаристы из числа ВГУ-шных филологов. Да и как иначе? Это был лектор, слишком не похожий на коллег. Он отличался вольной манерой изложения и самого поведения в аудитории. Анатолий Михайлович не умел чинно стоять за кафедрой и заглядывать в какие-то конспекты. Его лекции напоминали театральное действие. Он настолько увлекался собственным красноречием, что позволял себе совершать явно не предусмотренные педагогическим этикетом по-

ступки – садился верхом на стол, жестикулировал в опасной близости от слушателей, принимать откровенно актёрские позы. Грустнее всего было то, что, насладившись зрелищем, студенты не обнаруживали в своих тетрадях никаких записей. Зато эмоций хватало до следующей лекции... Наряду с «певцом революции» В. В. Маяковским, Анатолий Михайлович высоко ценил творчество А. Т. Твардовского, с которым самолично встречался и активно переписывался. Значительно позднее А. М. Абрамов создал на филологическом факультете кружок поклонников и изучателей поэзии, которому было дано имя А. Т. Твардовского. Вероятней всего, кружок благополучно существовал бы и далее, если бы не естественное желание сообщить о его возникновении читателям областной газеты «Коммуна». Короткая заметка вызвала переполох в обкоме партии: фигура еретика Твардовского продолжала негласно оставаться нежелательной для идеологического ведомства. На факультет пожаловал ответственный партийный работник, произвёл «разбор полётов», и кружок практически свернулся. Как правоверный коммунист, А. М. Абрамов даже не пытался протестовать против столь откровенного насилия над более чем скромной общественной инициативой. Но, как бы то ни было, этот человек был украшением нашего факультета.

Заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы была Елизавета Павловна Андреева, дама с неизменно суровым выражением лица. Мы гадали, улыбается ли она когда-нибудь? Собеседник невольно съёживался под её пронизывающим взглядом. В своих оценках людей и событий она была категорична и, похоже, не привыкла в чём-либо сомневаться... Свой первый робкий шаг в филологии я сделал как раз под её началом: это был доклад на какую-то чеховскую тему в рамках ежегодной научной студенческой конференции. Но, помнится, общение с Елизаветой Павловной не доставляло мне удовольствия. Она всем своим видом давала понять, какая я ничтожная величина рядом с нею... Андреева считалась специалисткой по творчеству Льва Толстого и даже публиковалась в московских серьёзных сборниках, чем мы, разумеется, гордились. И всё-таки мы становились перед ней какими-то робкими и запуганными зверьками. Нам было страшновато подойти к ней и спросить, почему она в своей лекции о «Войне и мире» Пьера Безухова неизменно именует Безухим.

Десятилетнее руководство кафедрой закончилось для Е. П. Андреевой в 1960 году, когда из Львова прибыл Виктор Александрович Малкин: он был тогда на факультете единственным доктором наук и профессором (П. Г. Богатырёв двумя годами ранее

Елизавета Павловна Андреева

Виктор Александрович Малкин

Алла Борисовна Ботникова

отбыл в столицу). Университет тогда остро нуждался в собственной профессуре, и В. А. Малкина встретили по-царски. Ему была тотчас предоставлена роскошная квартира в новом, престижном доме на проспекте Революции и аспирантура по русской литературе XIX века. Первыми малкинскими аспирантами были Анатолий Александрович Слинко, упоминавшийся Б. Г. Окунев и ваш покорный слуга.

Чета Малкиных (Елизавета Моисеевна преподавала испанский язык на факультете романо-германской филологии) по праздничным дням приглашала нас к себе на обед, и это были поистине лукулловы пиры. Позднее, уже в статусе преподавателя, я совместно с Толей Слинко частенько сопровождал шефа по дороге домой после кафедральных заседаний. Обычно мы делали остановку в кафе, расположенном в здании бывшей гостиницы «Бристоль». Под звон бокалов текла увлеченнейшая беседа: Виктор Александрович повествовал о своей жизни на западной Украине, о впечатлениях, вынесенных из его пребывания в Венгрии и Польше, где он читал студентам-русистам лекции по истории нашей отечественной литературы. Но чаще всего в этих разговорах возникала злободневная политическая проблематика. Послесталинский глоток свободы кружил нам головы. Это были сладчайшие минуты застольной гласности. Наши речи, подогретые алко-голем (велись они втихомолку, с оглядкой на сосе-

дей: не подслушивает ли кто?), были полны обычной интеллигентской критики режима. В. А. Малкин с интересом выслушивал мой рассказ о том, как встречали нас, первых советских туристов, посетивших Чехословакию вскоре после позорных августовских событий 1968 года: нам было запрещено разговаривать по-русски на улице – во избежание рукоприкладства со стороны возбужденной местной молодёжи.

В 1958 году В. А. Малкин защитил в учёном совете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова докторскую диссертацию, трактовавшую состояние русской литературы в Галиции. Он работал тогда во Львове. Два года спустя Виктор Александрович перебрался в Воронеж. Незадолго до смерти, случившейся летом 1996 года, он пригласил меня к себе и передал десятка два изданий, увидевших свет в далёкой Галиции в конце XIX – начале XX веков. Все эти раритеты профессор вывез из Львова. Непонятно, зачем он это сделал: в Воронеже подобная литература едва ли кому-нибудь могла пригодиться! Зато для коллекционеров-украинофилов эта библиотечка печатных редкостей способна была стать желанным приобретением. В. А. Малкин позволил мне распорядиться книгами по собственному усмотрению. Я связался с киевлянином Михаилом Андреевичем Грузовым, который специализировался как раз на собирательстве «украиники». Михаил не замедлил прибыть в Воронеж (поезда через Курск ходили часто). Особенно его порадовала подшивка газеты «Зоря галицкая», где наличествовали дополнительные листы-вкладыши. Увы, киевлянин давно ушёл из жизни, и бывшая малкинская коллекция, вероятно, рассеялась среди таких же, как мой друг Миша Грузов, энтузиастов, увлечённых прошлым украинской культуры...

Из моих университетских наставников до сего дня пребывает на белом свете Алла Борисовна Ботникова. Она вела у нас все курсы по зарубежной литературе – с древности до XX столетия включительно. Из всех лекторш она обладала каким-то особым обаянием. Всегда элегантно одетая и причёсанная, она обволакивала нас своей певучей речью, и даже «камчадалы» прекращали свою игру в «морской бой». Помимо необходимых по программе сведений, Алла Борисовна давала нам урок столичной выучки и культуры общения. Все мы были поголовно влюблены в молоденькую «учительку»... Спустя годы я сблизился с лицами, составлявшими ближайшее окружение А. Б. Ботниковой и её мужа, литературного и театрального критика З. Я. Анчиполовского. Это тоже были яркие индивидуально-

сти, талантливые филологи-профессора В. П. Скобелев, В. А. Свительский, Л. Е. Кройчик... Алла Борисовна и по сейчас остаётся хлебосольной хозяйкой, и любое пиршество духа непременно завершается у неё отличным застольем... Во все прежние эпохи наш ботниковский интимный кружок представлял собой островок независимого образа мыслей и дружества. Российская действительность постоянно подбрасывала нам сюжеты, поощрявшие вольнодумство. Я вспоминаю тогдашние посиделки с ностальгическим чувством. Уже находясь на пенсии, Алла Борисовна не сбавляет своей творческой энергии. Ревностная театралка, она и раньше уделяла немало внимания состоянию сценического искусства в современном Воронеже. Совсем недавно, к двадцатилетию Камерного театра (2019), вышла её (совместно с покойным супругом) книга «Театр Михаила Бычкова» – сборник статей и рецензий, посвящённых тем постановкам, что осуществлял режиссёр М. В. Бычков.

Алла Борисовна и сегодня не упускает ни малейшей возможности побывать у «камерников» на премьерных спектаклях. Впрочем, коллег по работе в ВГУ больше способны заинтересовать мемуары А. Б. Ботниковой «В те времена...» (Воронеж, 2008), где воспроизведена галерея разнообразных типов из университетской среды и восстановлены всякого рода памятные коллизии, нарушавшие однообразное преподавательское житие. А. Б. Ботникова, без всякого сомнения, является нашим общерегиональным культурным достоянием.

Во втором издании «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (2009), где представлены наиболее примечательные персонажи из состава местной духовной элиты, присутствует немало моих сокурсников. Всегда отрадно окунуться в воспоминания о том, как протекала наша студенческая жизнь, извлечь из забвения образы сверстников. О Б. Г. Окунева речь уже шла.

Анатолий Михайлович Ломов избрал для себя учёное поприще. Он всегда отмечался целеустремлённостью и трудолюбием. Его основные научные интересы были связаны с изучением законов русской грамматики. Популярностью пользовались подготовленные им совместно с коллегами по кафедре «саморепетиторы» по пунктуации и орфографии родного языка. Событием в историко-филологическом мире стало появление ломовской монографии «„Слово о полку Игореве“ и вокруг него» (Воронеж,

Студент Анатолий Ломов

2010). В ней наш земляк пытался пересмотреть традиционное представление об авторстве знаменитого памятника древнерусской письменности. Книга едва ли затеряется в необъятной отечественной «словяне»... Уже перейдя на покой, Анатолий Михайлович увлёкся сочинительством мемуарных этюдов. В большинстве из них довольно выразительно были обрисованы колоритные фигуры из филологического сообщества. Ранний журналистский опыт (Анатолий, как и многие из моих ровесников, после окончания университета был командирован на газетную работу в сельскую глубинку) позволил автору создать цикл живых по содержанию и отточенных по стилю сценок...

Зорким художественным зрением обладает и другой мой сокурсник – здравствующий поныне Сергей Николаевич Жданов. Он много лет отдал работе в редакции нашей областной партийной газеты «Коммуна». По роду служебных занятий ему приходилось часто сталкиваться с различными житейскими историями. Многие из них были не просто забавны сами по себе, но и достаточно назидательны. Вот и решил Сергей запечатлеть их в слове. Лирические миниатюры С. Н. Жданова составляют содержание его изданных в Воронеже сборников «Такого не придумаешь» (2002), «Мелочи жизни» (2006), «Служить бы рад...» (2007). Встречаются у автора и фабулы, почерпнутые из прежней студенческой поры...

Нинэллия Ивановна Антипина тоже склонна предаваться воспоминаниям о протекших годах. В минувшем году она даже предложила оставшимся во здравии однокурсникам собраться вместе и помянуть ушедших в мир иной. Но оказалось, что встречаться уже практически не с кем: время безжалостно к моему поколению!.. Заслуженный работник культуры РФ (1992) Н. И. Антипина рано покинула сугубо филологическую стезю: с 1960 года она связала свою судьбу со специальной городской библиотекой искусств имени А. С. Пушкина (это она сейчас так именуется), где прошла путь от рядового сотрудника до директора. В период её руководства библиотекой последняя превратилась в любимый воронежцами очаг культуры и просвещения. Как очевидец и участник многих тамошних мероприятий спешу засвидетельствовать: атмосфера в библиотеке была на редкость творческой. Кстати, Н. И. Антипина в свою пору обеспечивала столичную периодику материалами о музыкальных новостях Воронежа и готовила еженедельные радиопередачи о песнях ушедшего века...

На параллельном с филологами историческом отделении учился Владик (по паспорту – Владислав Васильевич) Аникеев. Ещё тогда он заявил о себе как человек, которому органически противопоказана любая размеренная жизнь. Он ринулся в журналистику со всей страстью, на которую только была способна его беспокойная натура. От сотрудника воронежского «Молодого коммунара» до собственного корреспондента федеральных газет «Советская Россия» и «Трибуна» – таков был путь нашего однокашника в престижной тогда профессии. Думаю, многим воронежцам моего возраста не дано забыть очерки В. В. Аникеева, написанные на заре освоения космоса. Помню, с каким жаром поглощала публика аникеевские публикации о жизни и полёте в надзвёздные выси нашего уроженца Константина Феоктистова.

Свои первые документально-публицистические книги В. В. Аникеев выпускал в Центрально-Чернозёмном издательстве, где корректором, а потом редактором детской и юношеской литературы трудилась тоже моя однокурсница и добрая приятельница – Тамара Тимофеевна Давыденко. Она осуществляла предпечатную подготовку текстов таких известных авторов, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Константин Воробьёв, Даниил Гранин, Евгений Носов и другие корифеи современной изящной словесности. Тамара Тимофеевна стала заботливой издательской «мамочкой» для многих молодых сочинителей, обретших впоследствии заслуженное читательское признание. Редакторша вела со всеми

своими авторами интенсивную рабочую переписку, и надобно поблагодарить её посмертно за то, что не дала погибнуть почтовым бумагам в мусорной корзине. После кончины Тамары (детей у неё не было) весь этот ценнейший эпистолярный архив удалось сберечь в целости. Нынче он входит в состав моего личного фонда, хранящегося в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Уверен: будущие исследователи региональной литературной ситуации, сложившейся в нашем крае в послевоенные десятилетия, не обойдутся без учёта тех сведений, которые содержатся в переписке Т. Т. Давыденко со своими «мальчиками»...

Кого ещё назвать из студентов-однокашников? Разве что Евгения Мистюкова, обитателя Новой Усмани. Он подавал немалые творческие надежды и в отличие от курсовых бардов пробовал своё перо в прозе. Один из его рассказов университетской эпохи был даже тиснут на страницах газеты «Коммуна», что произвело настоящий фурор. Мы ожидали продолжения столь шумного успеха. Однако счастливое начало не имело дальнейшего развития. После окончания ВГУ Женя вернулся в родное село, ведал вопросами районной культуры и, судя по слухам, пристрастился к известному на Руси зелью: не потому ли так рано покинул белый свет?

Другой мой сокурсник, красавчик Александр Наталенко, претендовал на поэтические лавры, и его рифмованный экспромт «Не моги протестовать, // Все живут обманом...», несмотря на свой пессимистический посыл, охотно цитировался в нашем кругу; к сожалению, окончание популярного четверостишия привести здесь невозможно по причине использования автором ненормативной лексики. Саша тоже частенько заглядывал в рюмку, и это занятие завершилось катастрофой в самом буквальном смысле слова: будучи сотрудником одной из наших районных газет, он сел в пьяном состоянии за руль редакционного мотоцикла и насмерть разбился...

Более или менее благополучно распорядился своей судьбой Вадим Евстратов. Поначалу он тоже работал в газетах Ельца и Йошкар-Олы, затем переехал в Казань и профессорствовал там на кафедре философии авиационного института. Как-то, много лет назад, В. Д. Евстратов приехал в родной Воронеж, и мы, экс-сокурсники, сидели вчетвером (с А. М. Ломовым и А. В. Пономарёвым) в кафе напротив памятнику И. С. Никитину и перебирали в памяти события из минувшего студенчества. Разговор не вязался, был каким-то грустным. Мы быстро расстались, и я ничего не ведаю о дальнейшей участи Вадима; надеюсь, он жив и относительно здоров.

Не могу умолчать о судьбе ещё одного соученика. В своей книге «Литературный Воронеж: имена и факты» (2015) я назвал главу о нём – «Кантемировский затворник». Леонид Шаповалов в своей студенческой молодости (мы его называли просто Шапом) ничем особым не выделялся, разве что игрой на аккордеоне и трубе. Учился на родном факультете в аспирантуре, обучал французских лицейцев азам русского языка, прибыл из Европы на личном автомобиле, преподавал на кафедре советской литературы в ВГУ. Казалось бы, жизнь складывалась вполне благополучно. И вдруг вспыхнуло недозволенное для семейного человека, тем более партийца, чувство к коллеге по кафедре. Не помогли никакие увещевания. Влюблённая пара вынуждена была покинуть Воронеж и уединиться на юге области, в Кантемировке. Лёня работал в редакции районной газеты и, оказывается, интенсивно пробовал себя на стихотворной ниве. Изданный незадолго до кончины автора сборник «Тёплые снега» (Воронеж, 2009) позволяет со всей очевидностью сказать, что в лице Л. А. Шаповалова региональное литературное сообщество потеряло талантливого поэта. Бытовые неурядицы не дали нашему Шапу развернуться в серьёзного и удачливого сочинителя...

Что из событий студенческого времени сохранилось в памяти? Нет, вовсе не шефские поездки в колхоз «на картошку». Мои сокурсники любили вспоминать разные каверзные случаи из этой жизни. Мною она всегда воспринималась как тяжкая трудовая повинность, и никакие самодеятельные концертики во благо сельчан и самих себя мою душу не трогали. Спустя годы мне пришлось бывать на сельхозработках уже в качестве преподавателя, надзирающего за студентами. Всякий раз чуть ли не с кулаками приходилось отражать набеги местного хулиганья на девчачье общежитие. Знаю: многие мои факультетские коллеги, прежде всего В. П. Скобелев с Л. Е. Кройчиком, воспринимали принудительное пребывание в поле совсем иначе: общительные по характеру, мастера на разные развлекательные инициативы, они были любимцами «колхозного» студенчества...

В памяти сохранилось то, что не было связано напрямую с рутинным, в сущности, учебным процессом, который лишь изредка разнообразился живыми преподавательскими личностями. Запомнились эпизоды, нарушавшие монотонность каждодневных занятий. Вот пример. Кажется, на втором или третьем курсах к нам был приглашён писатель Николай Алексеевич Задонский. Странно, но за всё пятилетие моего обучения в университете состоялась лишь эта единственная встреча с человеком, ко-

Студент Леонид Шаповалов

Писатель Николай Алексеевич Задонский

торый сочинял книги. Нас исправно пичкали филологическими знаниями, но не давали возможности даже полицезреть реальных тружеников пера. Эта тенденция изоляции студентов-филологов от живых авторов (пусть и «местного разлива») присутствовала и в мои преподавательские годы... Н. А. Задонский заворожил нас напором легко льющейся речи, энергичной мимикой, вообще всем тем неложным пафосом, которого так недоставало нашим лекторам (буйствующего в аудитории А. М. Абрамова мы ещё не знавали). Н. А. Задонский был превосходным оратором, можно сказать, златоустом, да и само содержание его повествования увлекло нас своей оригинальностью.

Писатель тогда собирал материалы для своего романа о герое антинаполеоновских походов и Крымской войны – Николае Николаевиче Муравьёве-Карском, похороненном в уездном граде Задонск Воронежской губернии. Позднее, в 1960-х годах, исторический роман Н. А. Задонского «Жизнь Муравьёва» многократно тиражировался на всю страну. Но тогда, в университетской аудитории, автор распространялся больше о том, как он вышел на эту тему и, главное, как он собирает необходимые для дальнейшей работы материалы. Особенно захватывающим был рассказ о поисках и находках ценных биографических источников в московских хранилищах. Не с той ли публичной писательской лекции зародилось во мне неистребимое желание копаться в различных бумажных залежах, да и самому накапливать собственный архивный фонд?! Через много-много лет я подружусь с Николаем Алексеевичем и даже буду впоследствии избран председателем общественной комиссии по его литературному наследию.

Между прочим, Н. А. Задонский ещё раз (это произойдёт в июне 1972 года) побывает на нашем факультете, теперь уже на Пушкинской улице. Там проходила защита кандидатской диссертации Валентина Николаевича Болдырева. Она была посвящена историческим хроникам Н. А. Задонского, который присутствовал тут же, в большой 37-й аудитории. Благодарный за такое внимание к своей персоне Николай Алексеевич не утерпел произнести пламенную речь, и весь учёный совет буквально заслушался этого соловья. Встречи вот с такими неординарными людьми, профессионально причастными к словесному искусству, способны пробудить в затюканных зачётами и экзаменами студентах деятельный интерес к литературе как жизнетворческому процессу. Остаётся добавить, что мои мемуарные заметки о Н. А. Задонском были напечатаны в

составленном Н. Н. Задонской, дочерью романиста, сборнике «Быть и остаться» (Воронеж, 1984)...

Мне нравилось испытывать себя в литературной сфере. Одно время увлёкся было переводами с английского языка, что охотно поощряла его преподавательница Ольга Вячеславовна Дыбовская. Как-то раз в мои руки попал дореволюционного издания томик с текстами шекспировских пьес в оригинале. Я отважился на перевод знаменитого монолога Гамлета – «Быть или не быть – вот в чём вопрос...». Мне казалось, что я сделал это ничуть не хуже известных переводчиков. Вероятно, так казалось и Ольге Вячеславовне. По крайней мере, она не возражала против того, чтобы гамлетовский монолог в моём переводе появился на страницах факультетской стенной газеты. Последняя именовалась в духе времени – «Сталинское племя», её тогдашним редактором был старшекурсник, нынешний университетский долгожитель Владимир Семёнович Листенгартен («Листик», как дружески зовут его мои приятели между собой). Кстати, в одном со мной номере «Сталинского племени» напечатался и Володя (теперь Владимир Иванович) Гусев (младше меня одним курсом) – это были стихи философского содержания. Володя вообще выделялся среди нас своей глубокомысленностью. В дальнейшем он переберётся в Москву, где приобретёт определённый вес в литературно-критических кругах...

Стенгазета меня уже не устраивала, хотелось творческого простора. В университете выходила многотиражная газета «За научные кадры», или просто «ЗНК» – всего-то две полосы! В 1955–1956 годах я был её постоянным корреспондентом. В ноябре 1956 года газета (она уже именовалась «Воронежский университет») опубликовала мой бытовой очерк «Наталочкин брак». Попытка беллетризовать изображение, видимо, не удалась. Во всяком случае, Лёва Кройчик впоследствии сочинил остроумную пародию на мой текст; она, в составе подборки «Разные перья», увидела свет на страницах многотиражки в мае 1957 года (под псевдонимом О. Туманский).

Надобно признаться, номера университетской газеты я подбирал с упорством маньяка. Не думаю, что на такое был бы способен ещё кто-либо из моего студенческого окружения. Коллекционерская страсть уже с молодости стала моей второй натурой. Еженедельно я приобретал (сначала покупал, потом просто брал в редакции) газетные номера. Они копились все пять лет учёбы в ВГУ. Как уже было сказано, после окончания университета я по направлению сектора печати обкома партии был направ-

лен на работу в газету «Землянская правда» (сейчас село Землянск входит в состав Семилукского района нашей области). Там счастливо обнаружился старик-переплётчик, который одел пятилетний комплект университетской многотиражки в ледериновые крышки. Куда сей комплект позднее подевался, уже и не припомню.

Редакция «ЗНК» и «ВУ» находилась в «красном корпусе» ВГУ на проспекте Революции. Комната была крохотной, и там едва помещался ответственный секретарь Николай Иванович Зиновьев, человек доброжелательный, но какой-то легковесный в поступках и суждениях. Он никогда и ни по какому поводу не имел собственного мнения и плыл, не барахтаясь, по течению жизненной реки. Каково же было моё удивление, когда я впоследствии узнал, что милейшего Николая Ивановича взяли инструктором в отдел пропаганды и агитации Воронежского обкома партии. Сознаю: он был удобным исполнителем начальственной воли, лишних вопросов никогда не задавал!

Университетская многотиражка была хорошей стартовой площадкой для одарённых литературными способностями студентов, причём не одних только филологов. Те, кому она становилась тесной, переходили на положение нештатных авторов в «Молодой коммунар». Мне редакция однажды заказала статейку о культуре студенческой бытовой речи. Я и сам давно замечал, насколько она, эта речь, засорена. Преподаватели на семинарских занятиях старались привить нам эстетику публичного выступления, и это давало свои результаты. В повседневности же наша речь была довольно убогой, насыщенной лексическими штампами и вулгаризмами. «Словесный винегрет» – так назывался мой материал, появившийся в «Молодом коммунаре» летом 1956 года. А в начале 1958 года областная молодёжка опубликовала мой «Второй университет». Идея этой статейки возникла сама собой. Уже несколько сезонов в музее изобразительных искусств действовал студенческий кружок (среди его членов помню Б. Г. Окуневу и С. Н. Филошкину), в котором объединились любители живописи и графики. Мы выступали на заседаниях с докладами о творчестве того или иного художника, свободно бродили по музейным залам, а иногда даже по просьбе дирекции проводили экскурсии для старшеклассников. Не ведаю, как долго существовал сей замечательный кружок. Из его членов только упоминавшийся уже Б. Г. Окунев работал потом в музее искусствоведам.

Разговор о своей ранней журналистской «деятельности» хотелось бы завершить упоминанием о небольшой заметке, которая стоит у истоков моей,

продолжающейся до сего дня, привязанности к книжнической проблематике. Я имею в виду небольшую заметку «Драгоценные автографы», появившуюся в «Воронежском университете» 2 апреля 1957 года. Эту дату я считаю колыбельной в своей биографии: библиофильство и библиофиловедение – святые для меня понятия.

«Драгоценные автографы» по прошествии некоторого времени превратятся в одну из главок моей «Власти книги» (Воронеж, 1966): она будет именоваться «Тайничок старого профессора». Очерк войдёт в состав последующих переизданий сборника. «Старым профессором» был преподававший на историческом отделении нашего факультета Илья Николаевич Бороздин. На его долю в советскую пору выпало немало тяжёлых испытаний. Тем не менее ему удалось сберечь свою библиотеку – ей равной ни по количеству томов, ни, главное, по качественному составу в Воронеже тогда не было. В своё время Илья Николаевич, питомец дореволюционного Московского университета, состоял на службе в различных музейных и научных учреждениях древней столицы, общался с широким кругом представителей учёной среды и писательской братии. В бороздинском собрании я впервые увидел экземпляры с дарственными надписями видных персон. Пленили меня прежде всего писательские автографы: тут были имена, которые постоянно звучали в лекциях по курсу русской литературы Серебряного века: А. Белый, А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Волошин, С. Есенин и другие. Встреча с этими раритетами не могла не укрепить в душе библиофильский пыл. Теперь в моей книжной коллекции находится множество редких отечественных изданий, украшенных авторскими инскриптами. Но тогдашнее знакомство с бороздинской библиотекой стало для меня знаковым событием...

Теперь, пожалуй, необходимо поговорить о тех университетских литературных дарованиях, которые своим присутствием украшали нашу размеренную студенческую жизнь. Ясно, что более всего «гениев» было на истфилфаке. Следом шёл, как ни странно, геологический факультет, хотя, если вдуматься, сей факт вполне закономерен: выпускников ждали малоисследованные территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Студенты-геологи ходили в моё время в форменных тужурках с золочёными вензелями: филологини смотрели на них округлившимися глазами. Словом, настоящий геолог не мог не быть поэтом.

Владимир Порядин был, разумеется, лидером общеуниверситетского литературного объединения

и зачинщиком соответствующих мероприятий. Его имя гремело в студенческих аудиториях, послушать его декламацию собственных стихов приходили восторженные девицы со стороны. В дальнейшем, вовсе не отрекаясь от своей романтической профессии (инженерия в геолого-съёмочных экспедициях), Володя окончил московский Литературный институт, издал несколько стихотворных сборников и снискал в Сибири славу незаурядного лирика... Порядинский ровесник и тёзка Владимир Чесноков тоже отдал Сибири и даже публиковался в журнале «Байкал», потом трудился на родном факультете. Чесноков был неизменным участником первых университетских Дней поэзии. Энтузиаст товарищеских застолий, он не избежал пристрастия к чарочке, что, как известно, отнюдь не всегда способствует порывам вдохновения... Валерий Мартынов отличался оглушительным голосом, и у слушателей закладывало в уши, когда он со сцены читал свои стихи. А ещё он был заядлым книжником. Мы позднее близко сошлись с ним на этой почве: Валера был готов на любые энергетические (отчасти и финансовые) траты, лишь бы добыть желаемое издание...

У студента-историка Беляева (он учился двумя курсами старше) было неблагозвучное для тогдашней эпохи имя – Адольф. Все звали его просто Адиком. Он был нашей большой надеждой. Стихи ещё совсем молодого человека помещались на страницах местных газет, и даже солидный альманах «Литературный Воронеж» не отказывал ему в чести там опубликоваться. Особенно удачно выходили у Адика исторические баллады. К несчастью, он рано распрощался с этим грешным миром, явно не исчерпав своего творческого потенциала.

Вообще судьбы многих сочинителей из числа старшекурсников как-то не задались. Ранний взлёт, оказывается, вовсе не гарантирует дальнейшей удачной карьеры. К примеру, тогда же (1954–1956 гг.) и в том же альманахе печатались произведения студентки-филологини Ирины Озеровой. Ей прочили блестящее будущее. С четвёртого курса она отправилась покорять Москву, окончила Литературный институт. Потом как-то незаметно исчезла из поля зрения своих поклонников... Ещё одной нашей звёздочкой была Люда Горбачёва. Её стихотворение «Мост», тиснутое в «Литературном Воронеже», на все лады расхваливал А. М. Абрамов, предрекая поэтессе славное будущее. Увы, увы... Всех здорово потрепала жизнь.

Станислав Никулин, сам филфаковский выпускник, подготовил антологию «поэзии ВГУ» (2008), не позабыв включить туда даже юного Андрея Платонова. В двухтомнике представлено около 130 персон – от Анатолия Абрамова до Ивана Щёлокова! У многих авторов издано по несколько книг. Конечно, по большому счёту ни один из представленных в антологии сочинителей не пропахал на словесной ниве своей глубокой борозды (из моих земляков-современников милостью Божией отмечены разве что Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов, но оба они были внеуниверситетскими людьми). Тем не менее рождение стихов – это всегда высокая страсть, и ею нужно переболеть любому, кто способен рифмовать строчки.

На филологическом отделении истфилфака постоянно возникали проекты, связанные с необходимостью выхода на поверхность вулканической энергии творчества. В мою пору такой «выброс» случился на курсе двумя годами младше нашего. Там группа энтузиастов решила – без какого-либо дозволения со стороны наставников – выпускать рукописный журнал (1957). Факультетская администрация встретила инициативу в штыки. Совершенно невинный по содержанию «Открытый взгляд» был воспринят взрослыми дядями и тётями чуть ли не как покушение на ленинский принцип партийности в искусстве. Одного из верховодов, Марка Бента, изгнали из университета (впоследствии он станет профессором-германистом и будет работать в Челябинском университете). Ещё раньше исключили Владимира Смольянова: он был главным редактором крамольного студенческого журнала. Под горячую руку попал и бесшабашный Вадим Куропаткин. Уцелел только их однокурсник Альберт Иванов, который жительствоует теперь в Москве и является любимым писателем для многих детей и их родителей.

P.S. В 1958 году завершилась студенческая весна моей жизни. Пётр Григорьевич Богатырёв вручил диплом, и все мои однокурсники разъехались кто куда. Я отправился, как уже было сказано, в подворонежский Землянск, в редакцию районной газеты. Нам предстояло становиться взрослыми людьми.

(Окончание следует)

БРОНИСЛАВ ТАБАЧНИКОВ

ИСТОРИЯ НРАВОВ И ЛЮДЕЙ

ГЛАВЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

ЛЕГЕНДА О «ЯРОСЛАВСКОМ ДЕСАНТЕ»

В Воронеже я оказался в сентябре 1963 года по приглашению профессора ВГУ Лазаря Борисовича Генкина, который был моим научным руководителем в Ярославском пединституте.

Сам Генкин появился здесь чуть раньше, когда я еще служил в армии. Поводом тому послужили сразу несколько обстоятельств. Прежде всего, тогдашний декан исторического факультета ВГУ Анатолий Евсеевич Москаленко – лидер воронежских славистов, оставивший осязаемый след в развитии исторического образования в Воронеже, – в один судьбоносный день был вызван в Москву, где в министерстве ему прямо сказали: исторический факультет в Воронежском университете закрываем, поскольку там нет ни одного профессора. «Кто у вас учит студентов?! – гремел какой-то министерский чин. – И что эти студенты знают после такого обучения?»

Москаленко поклялся исправить ситуацию в самое ближайшее время. Со всей присущей ему энергией он начал искать профессоров по вузам Советского Союза, готовых срочно переехать в Воронеж. Первым из таковых и оказался Лазарь Борисович Генкин, у которого к тому времени в Ярославле сложилась достаточно непростая ситуация.

Дело в том, что ректором Ярославского пединститута стал оголтелый антисемит с говорящей фамилией Пилатов, который начал просто выживать профессора Генкина из стен вуза. И тут последовало приглашение из Воронежа, которое Лазарь Борисович сразу же принял. Кстати, этот Пилатов, на-

сколько я знаю, не успокоился и после этого. Когда ректор ВГУ Б. И. Михантьев написал ему письмо с просьбой о переводе Генкина в Воронеж, ярославский ректор демагогично заявил, что «этот вопрос не может быть решен без согласия министерства». Вот так!

Но, слава богу, в министерстве люди были поумнее, и с 1 сентября 1962 года Л. Б. Генкин стал профессором исторического факультета ВГУ.

Кстати, Лазарь Борисович был не единственным ярославцем, перебравшимся в те годы в Воронеж, что даже дало повод для слухов о некоем «ярославском десанте», высадившемся в столице Черноземья.

На самом деле никакого десанта, конечно, не было. А была просто цепь совпадений.

В 1963 году в ВГУ приехал молодой и очень талантливый лингвист Вадим Федорович Поляков. Он выпускник все того же Ярославского пединститута (учился на три курса младше, чем я, но на факультете РГФ), год проработал в Мурманской области и вот теперь, узнав, что в ВГУ тоже открылся факультет РГФ, приехал сюда работать (а кадров на РГФ ВГУ в первые годы не хватало катастрофически!).

И мы с ним в Воронеже случайно встретились. Конечно, очень обрадовались, тем более что роднила нас не только alma mater, но и ярославское радио, где мы с Вадимом начинали работать под руководством знаменитого в тех краях редактора Анны Андреевны Гогучевой. Позже Вадим Поляков перетянул в Воронеж своего младшего брата Сергея (более известного как Сэм), окончившего здесь тот же факультет РГФ и ставшего одним из ярких актеров Театра миниатюр ВГУ.

В 1962 году вернулся из Шебекина, куда он попал по распределению, еще один ярославец, сыграв-

Анатолий Гафарович Абдулаев

ший в духовной истории Воронежа огромную роль – Лев Ефремович Кройчик. Его я в ту пору еще не знал, а вот маму его, замечательного врача Дору Мойсеевну Парташникову, прекрасно помнил по Ярославлю. Никогда не забуду, как, увидев меня, она воскликнула: «Ой, как вы мне сына напоминаете!..» Но Кройчик в Воронеж именно вернулся: город этот он знал еще с 1950-х годов, когда учился здесь на истфилфаке ВГУ.

Ну и, конечно же, Абдулаев. Замечательный Анатолий Гафарович Абдулаев – народный артист России, любимец воронежской публики сразу нескольких поколений.

История моего знакомства с ним, думаю, будет любопытна читателям.

Конец 1950-х годов был, помнится, временем тотального дефицита. Из Москвы в Ярославль, где я тогда обитал, жители древнего города на Верхней Волге везли всё – от спичек, соли и мыла до сахара, круп и муки, не говоря уже о мясных продуктах.

В такой неординарной ситуации случилось маленькое чудо. Всё тот же мой научный наставник Лазарь Борисович Генкин, каким-то непостижимым образом (человек он был скромный и к той жизни мало приспособленный) ухитрился приобрести холодильник. Хороший и почти исправный агрегат. В этом «почти» и была загвоздка. Холодильник поработал-поработал и – стал. «Слава, помогите найти мастера», – попросил меня шеф.

Добрые люди, каковых я знал немало в городе своей юности, познакомили меня с учеником мастера по ремонту холодильных установок – живым, шустрым и смешливым малым. Звали его Толя Абдулаев. Он пришел, холодильник починил, и я ему на прощание сказал: «Да ты, брат, артист!» Посмеялись тогда ещё по этому поводу...

А через некоторое время в знаменитом Ярославском театре драмы имени Ф. Волкова открылась

студия. Туда успешно сдал экзамены и поступил этот самый мастер по ремонту холодильников Анатолий Абдулаев. Учился он у моих друзей – народного артиста СССР Сергея Константиновича Тихонова и его жены Натальи Ивановны Терентьевой, скончавшейся в 2019 году в возрасте почти 95 лет. Кстати говоря, их сын Никита в 1974 году окончил юрфак ВГУ, потом поступил на режиссерские курсы ГИТИСа. Сейчас он – режиссер-постановщик многих документальных фильмов на телеканале «Культура»...

В 1966 году состоялся первый выпуск той театральной студии. Три ее выпускника – Анатолий Абдулаев, Валерка Блинов и Ольга Юзенкова (будущая Грецова) – приехали по распределению в Воронеж, где Борис Абрамович Наравцевич создавал новый ТЮЗ.

Так мы и встретились. Уже в Воронеже.

На протяжении последующих почти пятидесяти лет (Анатолий Гафарович покинул этот мир в 2012 году) у нас с Абдулаевым было множество встреч, разговоров, застолий, и, сколько ни силось, не могу вспомнить ни одной царапины в наших отношениях.

Что было тому причиной? Думаю, прежде всего особенности характера Анатолия Гафаровича, по-восточному (даром, что никогда на Востоке не жил, а только имел отца-таджика) гибкого, мягкого, редко неагрессивного. Он, сколько помню, спокойно реагировал на критику, никогда не пытался с пеной у рта оспорить мнение оппонента, предпочитая доказывать и отстаивать свое кредо только работой – бесчисленным количеством ролей, режиссерскими и педагогическими опытами, искрометным авторским и актерским участием в «капустниках», издательскими проектами...

Давно и не нами сказано: сцена – увеличительное стекло, через которое можно увидеть не только

разнообразные грани роли, но и сущностные черты характера самого актера. От природы Анатолий был добрым, приветливым, располагающим к себе человеком. Отсюда огромное количество друзей, товарищей, приятелей, хороших знакомых из разных социальных кругов – от коллег по театральному цеху до продавцов на рынке. Для каждого он умел найти доброе слово, шутку, байку, анекдот.

Однако пуще всего свет душевной доброты и благорасположенности к людям виден был в его ролях. Вспомним хотя бы его работу в спектаклях Камерного театра, где он играл с момента его основания. Вот блистательно воплощенный характер князя К. в «Дядюшкином сне» Достоевского. С восхитительной фантазией, удивительной пластической изощренностью высмеивал актер преглуповатые заморочки старого бонвивана. Но сколько мягкости и сочувствия было во всем этом. А неожиданно экспрессивная бабулька из «Калеки с острова Инишмаан» и, наконец, совершенно феерический Сторож из одноименной пьесы Г. Пинтера, в котором было всё: убийственное разоблачение воинствующей пошлости, забубённой усредненности и химерических претензий на исключительность. Но даже в таких характерах Абдулаев искал и находил крупинцы добра.

И это лишь малая часть того, что сделал артист за годы работы в ТЮЗе и на сцене Камерного театра. Соединение скоморошества с исповедальностью, острой гротесковости с мягкой задушевностью не только грани артистического дарования, но и сама суть художественного и человеческого явления по имени Анатолий Абдулаев.

Одного из того самого «ярославского десанта», которого на самом деле, конечно же, не было.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В НАУКЕ И ЖИЗНИ

Воронеж с первого взгляда показался мне хорошим городом, чем-то напоминавшим мой родной Днепропетровск. Город, слывший столицей Черноземья, утопал в зелени и выглядел гораздо теплее Ярославля, в котором холодно было восемь месяцев в году. Об этом я думал, когда ехал от старого аэропорта в центр, где располагался университет...

Экзамены я сдал на «отлично», и 15 декабря 1963 года был зачислен в аспирантуру к профессору Л. Б. Генкину. Почти сразу зашла речь о теме диссертации. И я предложил шефу заняться русско-польскими социал-демократическими связями. «О! Это интересно», – ответил Лазарь Борисович.

Тему я выбрал неслучайно, – тому тоже предшествовала своя история.

Когда-то, еще в студенчестве, я попал в польский городок Поронин. Мы, несколько студентов-историков из Советского Союза, поехали туда на экскурсию по ленинским местам. А в Поронине два лета – 1913 и 1914-го годов – жил Владимир Ильич. В городке нас неожиданно встретила группа из трех человек – сотрудников центрального партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Они обрадовались нам несказанно: «Ребята, вы же историки?! А ну-ка помогите разобраться документы».

Эта документация оказалась сущим кладом.

Дело в том, что накануне в Поронине был обнаружен целый сундук ленинских архивов, о которых вообще никто до этого не знал. И я оказался в команде, которая впервые эти архивы разбирала и систематизировала. Иными словами, когда я предложил своему руководителю тему для диссертации, то приблизительно уже знал, о чем пойдет речь.

Дом-музей В. И. Ленина в Поронине и почтовая марка СССР, посвященная пребыванию вождя мирового пролетариата в этом местечке

Польша, кстати, всегда занимала особое место в моей жизни. И причина тому – отнюдь не польское имя Бронислав, которым меня нарекли родители. Мою бабушку по линии отца звали Бронислава. Она умерла еще до моего рождения, в 1929 году. А у евреев есть обычай: называть новорожденных в память ушедших родственников. Вот и меня нарекли в память о бабушке, и к Польше это не имеет никакого отношения.

А вот история моей первой любви связана с этой страной напрямую.

Дело было так.

1957 год. Мой отец со своей женой Полиной Савельевной (мамы к тому времени уже давно не было на свете) отдыхали в Джубге, в роскошном санатории Центросоюза. Они получили туда путевки. Мы с моим двоюродным братом Иосифом Набутовским, отработав, как сейчас говорят, волонтерами на Московском международном фестивале студентов, решил махнуть к ним в этот санаторий.

И вышло так, что в то же время там, в Джубге, отдыхал глава польского Центросоюза, некто Зигмунд Янчик с красавицей дочерью Терезой.

И я в нее влюбился сразу и – по уши. Роман развивался стремительно: год мы переписывались, на следующее лето я приехал в Поронин: мы встречались и уже обговаривали какие-то планы на совместную жизнь. А потом всё оборвалось...

От нее перестали приходиться письма. Я мучился, переживал, в конце концов вновь добился поездки в Польшу: научная командировка, ленинские места...

Идти сразу к ней домой не рискнул: мало ли, вдруг Тереза уже замужем? Нахожу организацию, наподобие нашего адресного бюро. Протягиваю польке, которая сидит в окошке, блок дорогих советских сигарет и говорю: «Помогите, пожалуйста, найти девушку по имени Тереза Янчик».

Та женщина смотрит на меня долго-долго, а потом и говорит: «Пан давно был в Варшаве?» «Да вот уже, – отвечаю, – несколько лет, как не был». Тогда она грустно так сообщает: «Должна огорчить пана: Тереза умерла».

Я бросаюсь к телефону, звоню ее отцу (он меня помнил по санаторию в Джубге). И тот, рыдая, мне всё рассказал. У Терезы был рак крови, и она скончалась молодой и красивой...

И вот то юношеское чувство к Терезе Янчик, оно как-то определило особый мой душевный интерес к ее родине, что дает мне право говорить полякам: «Polska zawsze była przedmiotem mojego podziwu». То есть: «Польша всегда была предметом моего восхищения».

Я свободно изъясняюсь по-польски. Выучить этот язык мне не составило труда. Кстати, примерно

сорок процентов лексики украинской и польской – идентичны. А украинский язык я знал с детства. Остальные шестьдесят процентов лексики я освоил в период романа с Терезой, так что уже недели через две после приезда к ней в Польшу говорил на этом языке «як звірюка».

Позже изучил и грамматику, и свободно читал лекции по-польски в *Ягеллонском университете в Кракове*, профессором которого состоял десять лет. Три раза в году я приезжал в Краков, читал в этом потрясающем университете, основанном еще в XIV веке, разные курсы, но главный – «Проблемы Центральной и Юго-Восточной Европы».

Словом, Польша прочно вошла в мою жизнь благодаря уникальным ленинским архивам и истории первой любви...

Но вернемся к моим аспирантским годам. Профессор Л. Б. Генкин одобрил мою польскую тему неслучайно. Она была абсолютно новаторской. Российско-польскими социал-демократическими связями в тот период никто не занимался, и Воронежский университет оказался пионером в этом направлении.

Я с головой ушел в работу: начал собирать и систематизировать материал.

Как вы понимаете, в Воронеже никаких документов по интересующей меня теме не было. Поэтому здесь в аспирантские годы я жил лишь наездами, приуроченными в основном к студенческим «Вёснам», в которых ваш покорный слуга активно участвовал.

Остальное же время я проводил в Москве и Ленинграде – архивы, книгохранилища, библиотеки. Между прочим, в Главном архивном управлении мне помогал разыскивать документы по теме никто иной, как Дмитрий Трофимович Шепилов. Тот самый, кто поддержал Молотова, Маленкова и Кагановича в борьбе с генсеком Хрущевым на пленуме ЦК в 1957 году, после чего он стал известным всей стране по фразе «...и примкнувший к ним Шепилов».

Ко времени нашего знакомства Дмитрий Трофимович был исключен из партии и работал старшим археографом в Главном архивном управлении. Мы ходили с ним обедать в столовую этого заведения, общались, и он помогал мне, как мог...

В общем, отучился я в аспирантуре успешно и сразу же защитился. Произошло это 22 декабря 1966 года. Работа была отмечена в Институте славяноведения Академии наук СССР, с представителями которого я вскоре подружился. Когда в 1970 году к столетию В. И. Ленина там готовили коллективную монографию о вожде мирового пролетариата, то включили в нее и мою статью, написанную на основе диссертации.

Забегая вперед на многие годы, скажу, что благодаря всё той же польской проблематике я стал профессором, не будучи доктором наук.

В 1986 году Институт славяноведения издал солидную монографию «Общественная мысль и общественное движение на польских землях в конце XIX – начале XX века». Там было несколько глав, написанных мной, что оказалось вполне достаточным, чтобы избрать меня профессором.

Как это происходило – мне потом рассказали в лицах.

29 ноября 1991 года (именно эта дата указана в профессорском дипломе). Идет обсуждение моей кандидатуры на президиуме ВАКа. Заседание ведет председатель Государственного комитета СССР по образованию Геннадий Алексеевич Ягодин. Какой-то особо рьяный деятель начинает бузить: «Да, работ у Табачникова много, но ведь он же всё про Ленина в Польше писал...»

Ягодин его выслушивает и спокойно так замечает: «Вы мне скажите – я же не историк – Ленин в Польше был?» Отвечают: «Был». Ягодин спрашивает дальше: «Связи социал-демократические в связи с этим у наших стран были?». – «Конечно, были», – говорят ему. Ягодин идет дальше: «Табачников пишет об этом квалифицировано?». – «Ну, в научном смысле, да», – признает оппонент. «Тогда о чем речь? – подводит черту председатель. – Голосуем: кто „за“».

Так я стал профессором.

Причем последним профессором Советского Союза.

10 декабря 1991 года Госкомитет по образованию был упразднен.

ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ И НУЖНЫХ ВЕЩЕЙ

После защиты диссертации я вернулся в Ярославль. Там у меня была семья – жена и дочка. Женился, когда служил в армии. Получил отпуск, приехал в Ярославль и предложил создать семью девушке, которая училась на математическом факультете моего родного пединститута (ее однокурсником был Владимир Дмитриевич Шадриков, который в самом конце 1990-х недолгое время был министром образования России).

Это была очень красивая девушка и невероятно способная – хорошо готовила, быстро соображала, но вот характер... Как говаривал мой батюшка, «по эмоциям она за один день проживает сразу три».

Из-за этого у нас отношения довольно быстро начали портиться. Но я продолжал надеяться, что,

может быть, еще сладится у нас – дочка же растет, всё еще можно поправить.

Словом, получаю диплом кандидата наук и возвращаюсь в Ярославль. А там меня встречает Лев Владимирович Сретенский, декан моего родного истфилфака, только что ставший ректором. Обнимает, поздравляет и настойчиво зовет на работу в пединститут.

Соглашаюсь.

И вот только я начал работать, как меня стал бомбардировать телеграммами и письмами из Воронежа Владимир Васильевич Гусев, тогдашний декан исторического факультета ВГУ. И во всех его посланиях одна и та же просьба – срочно приезжай!

Проходит время. Склеить семейные отношения не получается, начинается окончательный разлад, и всё идет к разводу.

Может, правда, уехать в Воронеж?

Иду с сомнениями к Сретенскому. Тому самому, кто еще полгода назад буквально умолял меня, чтобы я у него работал. И вот теперь чувствую, с какой радостью, с каким энтузиазмом он хватается за возможность избавиться от меня и буквально выпихивает из института.

Я в недоумении. Что случилось? Почему? Я же только начал преподавать, и даже если бы захотел чего-то натворить, не успел бы...

Оставляю семью и в недоумении уезжаю в Воронеж.

Здесь меня принимают с распростертыми объятиями, тут же устраивают на работу в университет, дают маленькую комнатку в общежитии № 1 на улице Энгельса.

Начинаю преподавать. Гусев доволен: я активен, статьи у меня выходят в столичных журналах. Но вот проходит где-то год, и я вдруг начинаю ощущать, что отношение Гусева ко мне переменялось. Та же история, что и со Сретенским в Ярославле: декан всё чаще и чаще дает понять, что если бы я ушел из университета, это было бы самое хорошее для всех...

Сейчас, вспоминая о том непросто для меня времени, понимаю, что со всеми нами тогда происходило. Закончился период хрущевского либерализма, наступали очередные заморозки, и кто-то большой и очень важный там, на вершине власти, дал на места новую установку: не засорять ряды преподавателей лицами еврейского происхождения.

А у того же Владимира Васильевича Гусева с младых ногтей была мечта стать ректором, и поэтому он всегда очень внимательно слушал, что говорят в обкоме партии. Слушал и исполнял. В результате с истфака ВГУ постепенно вынуждены были уйти

А. И. Немировский, Б. Я. Табачников, Е. Г. Шуляковский...

Правда, процесс этот был не столь стремителен, как на математическом факультете, где химик В. П. Мелешко, став ректором, в мгновение разогнал почти всю знаменитую школу профессора М. А. Красносельского. На истфаке расправа растянулась на несколько лет. Я, к примеру, вынужден был уйти с факультета только в 1979 году.

Что удерживало меня от решения сделать это раньше? Прежде всего потрясающая интеллектуальная среда, с которой я столкнулся в университете, и люди, эту среду создающие.

Тот же Валентин Сидорович Рахманин, о котором я уже рассказывал на страницах «Университетской площади» (№ 9, 2016). Познакомился я с ним еще в аспирантуре. Мои соседи по общежитию – молодые преподаватели с факультета РГФ – позвали меня на диспут. Обсуждался, помнится, вопрос: как читать нашим студентам иностранную литературу – на языке оригинала или на русском? И выступали Алла Борисовна Ботникова, Илья Яковлевич Фурман и Рахманин, который был тогда проректором. Их дискуссия произвела на меня глубочайшее впечатление. Это были интеллектуальные, глубокие, интересные люди, мыслящие нестандартно. И что меня особенно порадовало – без социальной демагогии, которая в те годы была невероятной!

К счастью, такие люди были и на истфаке. Об одном из них – Валентине Федоровиче Смирнове – расскажу особо.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О ДРУГЕ

...Осенний Воронеж всегда мил. Спадает летняя жара, дни становятся короче и свежее. Вечерами народ торопится к домашним очагам, телевизорам, к посиделкам в дружеском кругу. А мне, молодому преподавателю исторического факультета ВГУ, только что принятому на кафедру истории нового и новейшего времени, торопиться было незачем. Семьи не было, телевизора тоже, был только архискромный пенальчик – комнатка в общежитии университета.

Я только-только начал свой педагогический путь, ясно осознавая, что, хотя ты, братец, и защитил кандидатскую диссертацию, но серьезного багажа для работы в студенческой аудитории у тебя мало. Ох, и прав был покойный Владимир Ильич, наставляя в первую очередь, полагаю, молодых педагогов: «Учиться, учиться и еще раз учиться».

Но как и у кого? Конечно, книги всегда под рукой и фундаментальная библиотека ВГУ тоже рядом. Но ведь так дорого живое слово, возможность спросить у того, кто старше, опытнее, да и знает, не в пример тебе, больше.

И здесь мне сказочно повезло. Как-то так само собой получилось, что рядом оказался человек, который однажды предложил мне пройтись по вечернему, быстро пустеющему городу, проводить его домой тихими улицами, свободными в предвечерний час от суетной толчеи, потолковать о том, о сём. И начались эти, едва ли не ежедневные, прогулки. Разве что проливной дождь мог им помешать, а температура воздуха значения практически не имела, поскольку необычайно высоким был градус общения.

Человек тот был сдержан, хотя знал удивительно много и судить мог почти обо всем, что интересовало нас обоих: от последних успехов или неудач любимого нами футбольного ЦСКА до взлетов современной философской мысли в родных пенатах и за рубежом.

Как вы поняли, это и был Валентин Федорович Смирнов. В ту пору – молодой преподаватель.

Его детство и отрочество прошли в небольшом рабочем поселке Грибановка, что на юго-востоке Воронежской области (впрочем, один год из школьной жизни он провел в русской школе в Польше, где служил его отец), но, несмотря на это, Валентин был удивительно емко осведомлен о литературных и музыкальных новинках, о достижениях современной науки в широком диапазоне ее областей, о проблемах экономического и социокультурного развития и о многом-многом другом, чего сейчас и не упомянешь. При этом был скуп на слова и эмоции, но зато за каждой фразой, произнесенной им, билась живая и зачастую неординарная мысль.

Его начитанность и умение ориентироваться в книжно-гуманитарном мире впечатляли до изумления. Казалось, нет такой новинки по истории, философии или литературоведению, которую не удерживала бы его цепкая память. Смирнов свободно оперировал именами, фамилиями, названиями книг и журнальных статей (разумеется, в историко-гуманитарной сфере). Невозможно было представить, чтобы этот человек говорил о каких-то пустяках, сплетничал или беспрерывно балагурил. И это притом, что тонкое чувство юмора, смеховая природа вообще были ему и близки, и приятны. Просто умение контролировать себя в любых ситуациях, интеллигентная сдержанность и забытое теперь благородство манер превалировали надо всем остальным.

...Постепенно я узнал, что через некоторое время после окончания ВГУ Валентин поступил в аспирантуру к патриарху воронежской исторической школы Илье Николаевичу Бороздину, который обратил внимание на юношу, когда тот был еще на первом курсе. По всей вероятности, маститый ученый, почувствовав в начинающем исследователе основательность философской, исторической и общекультурной подготовки, посоветовал ему заняться младогегельянством, по сути, историей возникновения и становления марксистской общественной мысли.

Знаете, я почему-то убежден, что Карл Маркс, чтобы о нем ни писали и ни говорили сегодня, навсегда останется в истории мировой общественной мысли одним из титанов XIX века. Не всё в его многогранном учении выдержало проверку временем, но главные постулаты марксовской доктрины, развитие Эдуардом Бернштейном, Карлом Каутским, Георгием Плехановым, до сих пор остаются ярким примером анализа и предвидения самых существенных социально-экономических процессов дня вчерашнего и дня сегодняшнего. О чем говорить, если даже покойный папа римский Иоанн Павел II признавал: «В марксизме есть ядро истины».

...Возвращаясь в те, уже далекие годы, вспоминаю следующую свою ступень знакомства с В. Ф. Смирновым. Глубокой осенью на историческом факультете, как правило, проводили научные чтения памяти профессора Бороздина. В том памятном для меня 1967 году одним из докладчиков был Валентин Смирнов. Сообщение его было достаточно кратким, в пределах получаса, и посвящалось одной из сторон биографии Гегеля. Меня заинтересовала сама по себе постановка вопроса на стыке философии и истории. Нынче интердисциплинарными исследованиями никого не удивишь. Тогда это было внове. Аудитория воспринимала оратора с большим вниманием, поскольку говорил он спокойно, вдумчиво, с искренней убежденностью, и слово его, на что я обратил внимание, было абсолютно адекватно мысли. Само сообщение, как мне показалось, идеально соответствовало подлинно научным стандартам: свободное владение новейшим историографическим материалом на русском, немецком и французском языках, внушительный корпус источников и вполне удавшаяся попытка их глубокой интерпретации.

Столь высокий научный уровень не мог, естественно, не наложить отпечаток на ежедневную педагогическую работу. Студентам-историкам Валентин Фёдорович читал профилирующие курсы новой

Валентин Федорович Смирнов

истории, вел совершенно уникальный спецкурс методологии истории, работал ежегодно с полудюжиной дипломников, начинавших в его же специальных семинарах по германистике.

Обращала на себя внимание этическая сторона его педагогической практики, отличительной, быть может, даже главной чертой которой было глубокое уважение к личности студента. Со всеми и всегда он был ровен и корректен, никогда и ни в каких случаях не повышал голос. Невозможно было представить Валентина бранящимся или просто не в меру громко разговаривающим. Не могу припомнить случая, когда бы он утратил контроль над собой и своим, поверьте мне, недюжинным внутренним темпераментом. Лекции его были глубоки по содержанию и отточены по форме, поскольку и в науке, и в преподавании он стремился дойти до самой сути, всесторонне обосновать и концептуально раскрыть проблему, показать ее различные грани и при этом не уйти от персоналий и живых подробностей исторического процесса.

В его педагогической речи не было пафосности, он никогда не прибегал к эффектным ораторским приемам; внутренней его природе чужда была жестикация, поза, пьедестализация собственной личности. Взамен всей этой мишуры он предлагал аудитории совершенно свободное (да еще с каким запасом!) владение лекционным материалом, уме-

ние методически точно и абсолютно логично этот материал выстроить. Прибавьте к тому весьма солидный культурологический тезаурус (в постсоветские времена он читал в ВГУ культурологию), и вы легко представите себе обаятельно-скромный облик В. Ф. Смирнова – педагога, исключительно полезного, если не сказать идеального, работника высшей школы, подлинно университетского образца. Все это, конечно же, покорило аудиторию, и, насколько я помню, в любые времена Валентин Фёдорович всегда был в числе лучших лекторов исторического факультета.

Наука и педагогическая деятельность были его призванием, его, фигурально выражаясь, негасимой любовью на протяжении жизни. Именно поэтому он самостоятельно выучил немецкий язык, собрал воистину уникальную литературно-историческую библиотеку и был на протяжении всей своей тридцатипятилетней педагогической практики в потрясающей историографической форме. Я больше не встречал человека, который с такой свободой владел огромной информацией о том, что происходит в исторической науке, кто и над чем работает в ее разных областях, какие издания уже вышли или готовятся к выходу.

Благодаря этому с ним легко (и вместе с тем весьма напряженно!) работалось доброй сотне его дипломников, всегда представлявших работы не только глубоко содержательные, но отмеченные какой-то особой научной изысканностью, стиливой целостностью, разнообразием источников.

Один из его аспирантов – Павел Васильевич Макаренко (ныне доцент кафедры философии Воронежского лесотехнического университета), – вспоминая годы, проведенные рядом с Учителем, назвал их самым счастливым временем своей научной карьеры.

И здесь возникает, по существу, главный вопрос. Что В. Ф. Смирнов хотел поведать городу и миру, скрупулезно занимаясь германскими исследованиями, тщательно постигая немецкую классическую философию и связанную с ней тысячью нитями германскую историю вообще и историю возникновения марксизма в частности? Он ведь никогда не гнался ни за званиями (трижды готовую кандидатскую диссертацию, и ту защитил в начале пятого десятка своей жизни), ни за должностями, да вообще ни за чем не гнался, а просто жил естественно, как внутренне свободный и раскрепощенный человек. Выступая на его кандидатской защите 27 декабря 1975 года, В. В. Гусев, помнится, заметил: «есть люди, и таких немало, которые всю жизнь гоняются

за степенями, а здесь, надо же, степень наконец-то сама догнала Валентина Фёдоровича...»

Так в чем же все-таки скрытый от взора людей смысл этой жизни, глубинная и сокровенная суть содеянного?

Я думаю, что Валентину всегда хотелось проверить подлинность настоящего прошлым и при этом заглянуть в будущее. Тщательно изучая взгляды Б. Бауэра, А. Руге, А. Цешковского, И. Г. Фихте и Л. Фейербаха, вникая в самую суть исполинской системы Гегеля, он пытался в своем научном творчестве проникнуть в тайну человеческого существования в предлагаемых обстоятельствах всечеловеческого социума. Напряженная интеллектуальная работа была для него важнейшей составляющей бытия, и это представлялось главным в истории младогегельянства, в истории марксизма. «Поиск разумной действительности – одна из основных задач младогегельянской философии». Вот тезис, который Валентин Фёдорович Смирнов развивал в своих немногочисленных, но замечательно глубоких и богатых содержанием работах. Проблема развития самосознания в историческом процессе – не это ли один из главнейших факторов всего человеческого развития?! В высшей степени интересная историко-философская проблема, огромная по своим масштабам, гуманистическая по всему своему складу, уникальная по богатству и разнообразию источников, стала альфой и омегой его научных исканий.

Смирнову приходилось преодолевать немало трудностей. Отрыв от научного руководителя (после смерти И. Н. Бороздина им стал Ефим Павлович Кандель, работавший в Москве, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), узость источниковой базы в Воронеже, большая учебная нагрузка, редкостный идеологический пресс тотального давления на всех, кто так или иначе касался проблем общественной мысли. Здесь партийные установки, за выполнением которых недреманно следил Комитет госбезопасности, были абсолютно незыблемыми. Схоластически-абстрактный ленинский тезис, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» возводили в абсолют. Сколько же нужно было подлинного научного умения, чтобы с минимальными потерями пройти между Сциллой партийного догматизма и Харибдой верности истинно научному и нефальсифицированному знанию! Потерь в этом путешествии было немало, и не говорить об этом – значит грешить против истины. Однако глубина проникновения в суть проблемы являлась столь значительной, а научные намерения настолько серьез-

ными, что в конечном счете преодолевалось и это, далеко не простое препятствие.

В заключение лучшего своего исследования (а таковым я считаю его кандидатскую диссертацию «Основные тенденции и проблемы в изучении младогегельянского движения») Валентин писал: «Фейербах поставил человека в центр младогегельянской философии, провозгласив, что все рассуждения о праве, о свободе, о личности помимо человека являются “рассуждениями” без субстанции, без основания, без реальности. Сущность и задачи мировой истории, вытекающие из гуманизма, сводились к преодолению эгоизма и к победе альтруизма, человеческой любви».

Мой друг и товарищ по университетской кафедре Валентин Фёдорович Смирнов был человеком сильного характера и глубокого ума. Он умел остро чувствовать и переживать, умел любить жену, детей, своих немногочисленных друзей. И, конечно же, науку, которая отвечала ему полной взаимностью.

ЭНЕРГИЯ КАК ВЫЗОВ

Когда я начинал работать на истфаке, там уже было два доктора наук: вслед за Л. Б. Генкиным в Воронеж из Казани приехал Иван Митрофанович Климов. Это был честный и незлопамятный человек, но по интеллектуальному уровню он заметно уступал Лазарю Борисовичу. Обороты климовской речи, звучавшие в аудиториях, нередко становились поводом для студенческих насмешек: «Лекции выдающихся лекторов надо слышать». Или – «26 бАкинских коммиссара и шОфер» и т. д.

Потом защитил докторскую А. И. Немировский. Причем эта защита стала событием не только на факультете, но и вообще в науке. Александр Иосифович был талантливейшей личностью.

При этом человеком он был очень переменчивым. Мог, очаровавшись очередным аспирантом, подойти с восторженным возгласом: «О, это же новый Ломоносов! Бронислав Яковлевич, помогите ему...» Проходило полтора года, и тот же Немировский с негодованием говорил о том же аспиранте: «Это такой негодяй! Гнать его надо!»... Сегодня подобное его поведение представляется мне оборотной стороной, которая есть у любого настоящего таланта.

В те годы на факультете было четыре кафедры: истории СССР досоветского периода (ею руководил Л. Б. Генкин, а я там работал аспирантом), советского периода (там заправлял И. М. Климов), новой и новейшей истории (здесь главным был Петр Михайлович Гапонов) и истории древнего мира и средних

веков (ею заведовал Сергей Нестерович Бенклиев, который, между прочим, сыграл большую роль во время эвакуации университета в Елабугу в годы войны).

В целом был очень недурной уровень преподавания, и студенты – солидные ребята, за плечами многих из которых остались армейские годы.

Работало на факультете и достаточно мощное заочное отделение, где армейцев было еще больше, а тяга к знаниям у них – еще сильнее.

Но вот при всем при этом всячески подчеркивалось: наш факультет – идеологический. В. В. Гусев, помнится, одно время носился с несурзной идеей, которую я вообще на дух не переносил, – идеологизация учебного процесса. Об этом он говорил на каждом углу. И когда он об этом говорил, я всегда думал: как можно идеологизировать, к примеру, закон Паскаля? Или вот: был на филфаке замечательный ученый Толя Ломов, который как раз в те годы защитил диссертацию по русским глаголам («Глагольные конструкции с зависимым членом в функции объекта»). Как это можно идеологизировать? Бред какой-то!

Но Гусев упорно твердил об идеологизации. Известный писатель Владимир Шаров, окончивший в свое время истфак ВГУ, в своих воспоминаниях рассказал, как Гусев его доставал – как же так, мол, ты не комсомолец, а у нас факультет идеологический? Из-за этого Шаров и учился на заочном отделении.

Кстати, о Шарове. На его курсе я читал историю новейшего времени. Володя обращал на себя внимание сразу: великолепно говорил, отлично соображал. На экзамене я послушал его буквально три минуты: «Идите, – говорю, – пятерка». Потом встретились в университетских коридорах, пообщались, он мне какие-то комплементы высказал. А когда приехал на следующую сессию, то даже привез мне книгу отца – писателя Александра Шарова.

Спустя какое-то время узнаю, что Володя Шаров женился на дочери Владимира Ароновича Дунаевского и Елены Викторовны Чистяковой, которые преподавали на истфаке ВГУ в начале 1950-х годов. Владимир Аронович (мы, кстати, с ним земляки – он тоже родом из Днепропетровска) приезжал в Воронеж и позже: был на госэкзаменах председателем комиссии, в работе которой участвовал и я. Так что эту семью я очень хорошо знаю и глубоко уважаю...

Моим студентом был и главный историк ВГУ профессор Михаил Дмитриевич Карпачёв. Он был в языковой спецгруппе, которая училась в университете шесть лет. И вот на шестом его курсе я, по поручению Лазаря Борисовича, вел в этой группе преддипломный семинар.

В том же 1968 году, в котором Карпачёв получил диплом, мне было поручено поехать со студентами на практику в ленинградские и московские архивы и музеи. А Карпачёва на эту практику отправили со мной – помощником.

Когда вернулись, Л. Б. Генкин спрашивает: «Слава, кого в аспирантуру брать?» Я сразу ему говорю: «Карпачёв – первоклассный парень». Но оказалось, что Лазарю Борисовичу уже что-то напели про Мишу. Была там такая мастерица этого дела – Варвара Александровна Попова. Вот она что-то такое плохое сказала про Карпачёва. Я это всё выслушал и говорю: «Лазарь Борисович, вот поверьте мне, это – потрясающий парень. Ему дано, как немногим. Во-первых, у него научный склад ума, а во-вторых, он умеет интересно рассказывать... Это будет первоклассный ученый и лектор, гордость факультета». И Генкин взял Михаила Дмитриевича в аспирантуру.

К слову, на практики в Ленинград и Москву я возил студентов еще много лет. Помню, что самое тяжелое было – договориться, чтобы ребят расселили. В Ленинграде иногда приходилось до Смольного доходить, а в Москве обычно все решалось на приеме у ректора МГУ академика Ивана Георгиевича Петровского.

А потом я встретил в Москве одного мужика родом из Нижнедевицка. Он был проректором по хозяйству в Финансово-экономическом институте, который находится в самом центре столицы. После этого проблема с расселением воронежских студентов была решена: я привозил этому проректору дары родины, и у меня все ребята жили, как боги...

Вообще, сначала я вел себя на факультете достаточно активно: всё время что-то придумывал, что-то старался сделать новое, необычное... Я жил естественной жизнью, делал то, что считал нужным делать... Но вот потихоньку я стал ощущать, что всё это мало кому нужно. Вся моя активность оценивается на истфаке в основном одной сакраментальной фразой – «а чё он лезет?!» Что бы я ни делал, что бы ни предлагал, – за спиной сразу начинала звучать эта фраза. Постепенно она заполняла всё больше и больше пространства вокруг меня. «А чё он лезет!»

Это мешало работе. Очень!

Подошло время, и мне потребовалось съездить в Польшу, на сей раз для завершения докторской диссертации. Не отпустили ни под каким видом.

Прихожу к проректору по науке Якову Александровичу Угаю, чтобы узнать: в чем причина? Тот по простоте душевной выдает: «Так говорят, что у вас работ научных нету...» Я онемел. «Яков Александрович, – придя в себя, говорю ему, – когда вы може-

те принять меня завтра?» «Приходите в час дня», – отвечает Угай.

Дома набиваю полный портфель с одними только своими публикациями в самом престижном в СССР историческом журнале «Вопросы истории». Прихожу в назначенное время в кабинет к Угаю. Начинаю разгружать портфель прямо ему на стол.

Он всё это видит. И, конечно, уровень издания производит на него глубокое впечатление. Угай пошел по кабинетам, стал рассказывать о моих публикациях, но... Нет, сказали ему, и всё!

«А чё он лезет!»

Атмосфера недоброжелательности, открытой и скрытой зависти окружала меня на факультете всё плотнее и плотнее.

Вот еще один случай.

Однажды меня попросили поехать в Поворинский район и прочитать там лекцию о международном положении. Почему бы нет, таких просьб было немало, и я всегда легко откликался на них.

Добраться до Поворино нужно было ночным поездом. Приезжаю рано утром, устраиваюсь в гостинице. Лекция у меня вечером в клубе. Днем иду в школу, беседую там с учителями, прихожу в класс на урок... А после вечерней лекции тороплюсь на ночной поезд, поскольку на следующий день у меня занятия уже в Воронеже, в университете.

Заранее прихожу в клуб, а там товарищ из райкома партии. Спрашивает: не буду ли я возражать, чтобы после моей лекции выступили воронежские поэты? Киваю головой: пожалуйста.

Одним из тех поэтов был известный не столько стихами, сколько скандалами Паша Мелёхин, фамилию другого я по прошествии времени уже и не упомяну. До поры до времени они расположились за сценой.

Начинаю читать лекцию. Смотрю, естественно, в зал, а что там у меня за спиной происходит – не вижу.

Проходит примерно час, получаю из зала записку: «Товарищ лектор, не могли бы вы унять пьяных людей за вашей спиной». Оборачиваюсь, а эти ребята – в дупель уже. В ду-пе-ль!

Я что-то им сказал, они вроде успокоились. Лекция закончилась, я собрал вещи – и на поезд...

Проходит два дня. Меня вызывает Гусев: «Слушай, ты, говорят, был в Поворино и крепко там напился?» Думаю – шутит, поэтому тоже пробую юморить: «Ага, а потом еще одеяла утащил из гостиницы...» А Гусев строго: «Ты не шути, мне звонил по этому поводу сам Головин» (это зав. отделом пропаганды и агитации обкома партии). Тогда отвечаю уже без всяких шуток: «На лекции было полно наро-

ду, поэтому выяснить – правда это или нет – можно в одну секунду».

В это время Анатолий Павлович Дьяков, работавший тогда в отделе науки и образования обкома партии, получает такую же телегу на меня по своим каналам. Отдаю ему должное: Дьяков тут же связался с первым секретарем Поворинского райкома партии по фамилии Лысенко и задал ему только один вопрос: «У вас Табачников был?» «О! – отвечает тот, – конечно, был. Мы ему так благодарны, он такой замечательный парень...» Анатолий Павлович его обрывает и говорит: «Над этим парнем сгущаются тучи. Дай по ВЧ срочную телеграмму на железную дорогу, они нам сразу принесут».

А Головин (тот, который из отдела пропаганды) уже позвонил в «Коммуну» и дал команду, чтобы про меня в номер написали фельетон. Борис Подкопаев, тогдашний ответственный секретарь газеты, звонит мне: «Слушай, тут из обкома принесли донос на тебя». А у меня уже нервы на пределе. «Ну что же, – отвечаю, – печатай!» «Да нет, такого, о чем тут пишут, просто не может быть. Я не верю», – говорит Борис.

И вот в это самое время по ВЧ приходит телеграмма из района: большое спасибо, замечательная лекция, прекрасный лектор...

И все умылись. Не получилось у них пнуть меня.

А скандал на самом деле был. Паша Мелёхин со своим товарищем, после того как я ушел из клуба, вышли на сцену и сотворили там чего-то такое, что слух об их «подвигах» мгновенно долетел до Воронежа. Ну а здесь уже кто-то решил связать тот скандал с моим именем...

Сейчас, спустя десятилетия, оглядываясь назад, думаю: с чего всё это началось?

Неужели – с этого?

Сидим как-то на кафедре, приходит гонец из ректората и говорит, мол, принято решение, что каждая кафедра должна иметь резерв. Зав. кафедрой новой и новейшей истории профессор П. М. Гапонов молчит. Человек от ректора спрашивает его напрямую: «Петр Михайлович, вот вы заболаете, кто будет заведовать кафедрой?» «Ну как кто? – спокойно отвечает Гапонов. – Конечно, Табачников».

Он назвал мою фамилию, а не Гусева, который был тут же и, думаю, запомнил это.

А может быть, произошло что-то другое, о чем я до сих пор не знаю?

Открыто на меня Гусев никогда не нападал. Но в итоге именно он сделал всё, чтобы сорвать мою командировку в Польшу для защиты докторской. Всячески поддерживал настроения против меня, даже когда я уже ушел с факультета...

В 2002-м, не дожив года до своего семидесятилетия, умер Валентин Федорович Смирнов. Он был моим другом и единомышленником, и на конференцию его памяти я подготовил доклад «Конституционализм Соединенных Штатов и Франции. Опыт и сравнительная характеристика». Гусев знал это и не дал мне выступить.

Но всё же я бесконечно благодарен именно ему – Владимиру Васильевичу Гусеву. За то, что далекой осенью 1963 года он круто поменял мою жизнь, поманив в Воронеж. Здесь я окупился в плотную интеллектуальную среду, встретил замечательных людей, одаривших меня искренним дружеским расположением.

В Воронеже я остался навсегда. Здесь родились мои дети и внуки, здесь состоялась жизнь.

Я себя никогда не считал видным деятелем науки. Нет у меня крупных открытий, которые есть, к примеру, у моих коллег по факультету А. И. Немировского, А. Д. Пряхина и М. Д. Карпачёва. Но у меня другое призвание – просветительское: работа со студентами, приобщение их к знаниям, к культуре. От этого я всегда получал огромное удовольствие. К счастью, взаимное, в чем убеждался неоднократно – встречаясь, созваниваясь, списываясь со своими бывшими студентами.

А от обид и сплетен, которые случались, да и случаются по жизни, у меня есть свой талисман.

Мой учитель Лазарь Борисович Генкин умер 2 июля 1970 года. Всего за несколько дней до этого мы сидели вместе с ним на защите дипломов. И он прислал мне записку: «Слава! А у вас много дипломников и все – толковые. Я вас поздравляю!»

Эта предсмертная записка Учителя для меня – как завещание.

И как свидетельство того, что я состоялся в профессии.

И никакие сплетни не смогли перевесить этих нескольких слов на клочке бумаги.

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ЧЕЛОВЕК СВИТЫ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КАФЕДРЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ ВГУ 1950-Х ГОДОВ

Самым высокопоставленным сотрудником Воронежского университета за всю вековую историю вуза можно считать доцента Николая Иосифовича Линкуна. В середине 1950-х годов он заведовал здесь кафедрой политэкономии, но еще в конце 1930-х – начале 1940-х был (ни много ни мало!) членом Центральной ревизионной комиссии ВКП (б) и 1-м секретарем Дагестанского обкома партии.

Что послужило причиной крутого падения этого человека с вершин власти? Какие опальные ветры занесли его в наш город и чем были отмечены годы его работы в университете? Обо всем этом и пойдет речь.

АГОНИЯ ЗАКАТА

Рассказ свой начну с... последнего сталинского сочинения. Оно появилось одновременно в газете «Правда» и журнале «Большевик» за пять месяцев до смерти автора и за день до открытия XIX съезда партии – 4 октября 1952 года. Называлась та работа «Экономические проблемы социализма в СССР».

В ней престарелый властелин гигантской державы, признавая в целом объективный характер законов экономики при социализме, утверждал, что, в частности, закон стоимости в созданном им государстве регулятором производства отнюдь не служит, так как сфера его деятельности распространяется в основном на товары личного потребления. А поскольку эти товары необходимы для возмещения затрат рабочей силы в производстве, то применение закона стоимости в Советском Союзе должно учитываться через хозрасчет, рентабельность и себестоимость.

Споры о том, что заставило теряющего силы вождя пуститься в подобные рассуждения, продолжают по сей день. Кто-то считает причиной тому личный фактор: в последние годы жизни Сталин

очень хотел заполучить репутацию великого философа-теоретика, для чего и написал несколько работ по различным отраслям науки. Другие – убеждены, что «кремлевский горец» просто-напросто разыграл очередной политической трюк: подгадав свою публикацию под открытие очередного съезда, он в итоге направил работу съезда по спланированному им пути – значительную часть времени делегаты обсуждали именно труд Сталина, а не проблемы народного хозяйства страны.

И наконец, ряд исследователей полагают, что работа «Экономические проблемы социализма» призвана была исполнить функцию теоретического и идеологического панциря, предохраняющего советских экономистов от мыслей о необходимых реформах.

Для обеспечения надежности этой защиты к работе были привлечены сотрудники органов госбезопасности, которые повсеместно стали выявлять таких экономистов, кто вопреки запретам, все же задумывался о реформах.

Один из них – сотрудник Госплана СССР Лука Ярошенко, попытавшийся установить связь между рациональной организацией производительных сил и изобилием продуктов, – после выхода в свет статьи Сталина был уволен с работы и отправлен в

Иркутск. А поскольку он и там продолжал дискутировать с главными положениями статьи вождя, его арестовали и отправили на Лубянку.

Другие ученые – сотрудник Института экономики АН СССР Владимир Венжер и его жена, доцент кафедры политэкономии МГУ Александра Санина – в шести письмах Сталину попытались противостоять линии на ограничение товарных отношений, на постепенную замену товарооборота продуктообменом и окончательную утрату колхозами оставшихся к тому моменту кооперативных черт. За это они подверглись основательной проработке и в конце концов лишились должностей.

Противник экономическому учению товарища Сталина был обнаружен и в Воронеже. Им стал доцент ВГУ, заведующий кафедрой политэкономии Владимир Николаевич Замятнин.

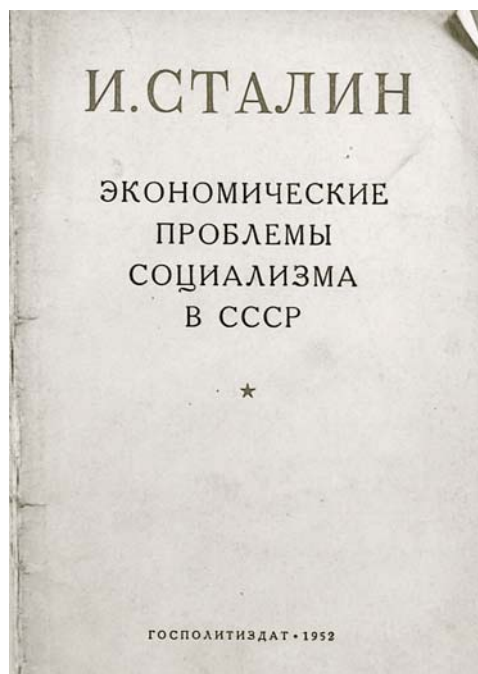
Сын воронежского акцизного чиновника В. Н. Замятнин в 1918 году окончил экономическое отделение Петроградского политехнического института. Во время Гражданской войны служил в Красной армии, был преподавателем и инструктором красноармейских школ при саратовском губвоенкомате. В 1924 году вернулся в Воронеж. Работал преподавателем, заведующим ряда школ, инспектором отдела просвещения Юго-Восточной железной дороги. С 1930 года преподавал политическую экономию и историю экономических учений в воронежских вузах.

В годы войны – вновь директор железнодорожной школы, вместе с которой был эвакуирован в Ртищево.

Наконец 1 января 1944 года, по указанию Воронежского обкома ВКП (б), Замятнин был переведен на должность доцента Воронежского госуниверситета. В том же году его приняли в партию, а еще через год он успешно защитил кандидатскую диссертацию при ученом совете Московского государственного экономического института, после чего с полным основанием возглавил кафедру политэкономии ВГУ.

В Воронеже Владимир Николаевич был человеком известным: долгое время руководил курсом политэкономии в университете марксизма-ленинизма, активно печатался в воронежских газетах, читал лекции в разных социальных аудиториях, словом, пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

Сфера его научных интересов уходила в глубину XIX века. Доцент Замятнин считался едва ли не лучшим в стране специалистом по экономической теории народников, в частности, писателя-демократа Н. Г. Чернышевского. Об этом он написал кандидатскую диссертацию, изданную в 1951 году в столичном Политиздате в виде почти пятисотстраничной монографии. В своей работе воронежский уче-

Последний удар советского диктатора по врагам

ный-экономист, ссылаясь на статьи Чернышевского, утверждал, что главной движущей силой экономики является труд, который нельзя оценить в денежном выражении, поскольку это фактор функционирования экономики. Исходя из этого, считал Замятнин, главным направлением исследования экономики должно стать не богатство, как понималось в классической политэкономии, а благосостояние определенного человека и нации в целом: «Только когда крестьянин будет понимать, что земля принадлежит ему, он будет работать на ней хорошо».

Сталин же в своей статье провозгласил, что «нельзя добиться изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т. п., поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства государственным планированием».

После выхода сталинской статьи Замятнин выступил с покаянной речью. 11 февраля 1953 года во время открытого партийного собрания парторганизации ВГУ Владимир Николаевич осудил свои взгляды: «В работе тов. Сталина дан ясный ответ на основные теоретические проблемы, которые стоят перед нашими общественными науками. Думаю, мы не на все вопросы, которые встанут перед нами, можем сразу ответить. Мы на них будем давать ответ, очевидно, постепенно... Надо сказать,

Владимир Николаевич
Замятнин

что серьезные ошибки имеются и у работников нашей кафедры. Так, в одной из моих статей 1951 года утверждается, что закон стоимости действует в преобразованном виде в нашей стране».

Признание ошибок не спасло. Вскоре после этого органами МГБ было установлено, что отец доцента Замятнина был потомственным дворянином. Выходило, что классово-чуждый элемент обманым путем проник в коммунистическую партию и в советский университет. Кроме этого, было обнаружено, что в 1917 году в революционном Петрограде студент Владимир Замятнин напечатал несколько статей в меньшевистской прессе.

Все выявленные факты были отправлены в Министерство высшего образования СССР с требованием принять соответствующие меры. Реакция не заставила себя ждать: заместитель министра высшего образования, начальник главного управления университетов М. А. Прокофьев подготовил распоряжение, на основании которого Воронежский обком ВКП (б) исключил В. Н. Замятника из рядов партии, а ректор ВГУ Н. П. Латышев издал приказ об освобождении его от работы в университете – «за обман партии – скрывание своего дворянского происхождения и активного участия в буржуазной печати».

От ареста Владимира Николаевича спасло то, что приказ был подписан 5 марта 1953 года. В день смерти Сталина.

В. Н. Замятнин навсегда уехал из Воронежа. Вскоре он был восстановлен в партии, защитил док-

торскую диссертацию, стал профессором Всесоюзного заочного финансово-экономического института. Умер в 1969 году.

Что же касается его происхождения, то вот как сам Владимир Николаевич писал об этом в 1951 году в автобиографии: «Родился в г. Воронеже 15 (2) сентября 1892 года. Отец был чиновником финансового ведомства. Недвижимого имущества и никаких других средств, кроме заработка на службе, не имел. Умер отец в 1905 году. Мать умерла в 1894 году. Вторая жена отца со своими детьми и мною после смерти отца жила на пенсию. Во время ученья в средней школе и в высшей школе мне помогали дяди и тетки по матери (ветеринарный врач, учительница, фельдшерница)».

Кстати, история с дворянским происхождением никак не коснулась сводного брата воронежского ученого-экономиста – известного советского археолога Сергея Николаевича Замятнина. В разгар гонений на брата он по-прежнему оставался заведующим отделом археологии Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, руководил раскопками древней стоянки в окрестностях Сталинграда...

РЕКТОР-КОМЕНДАНТ

Уволив В. Н. Замятнина, ректор ВГУ Н. П. Латышев возложил временное исполнение обязанностей заведующего кафедрой политэкономии на самого себя.

Николай Петрович Латышев был участником двух войн – Гражданской и Великой Отечественной. В 1918 году он, восемнадцатилетний ученик типографского наборщика в Иваново-Вознесенске, вступил в партию и ушел добровольцем в Красную гвардию. Участвовал в боях на Петроградском фронте против генерала Н. Н. Юденича и на Северо-Западном фронте против белополяков, где был ранен в ногу. В августе 1941 года он же, к тому времени переведенный с должности второго секретаря горкома партии на должность ректора ВГУ, стал комиссаром знаменитого Воронежского добровольческого полка, в рядах которого оказались многие студенты и сотрудники Воронежского университета. Полк тот, пережив за годы войны несколько переформирований, дошел до Вены.

После Победы гвардии подполковник Латышев последовательно был военным комендантом двух чехословацких городов – Михаловце и Оломоуце. Четкое и беспрекословное обеспечение порядка и воинской дисциплины оказалось истинным призванием этого человека. Недаром его деятельность в должности военного коменданта была отмечена орденом

Отечественной войны I степени. «Ясно понимая свою роль, имея опыт в работе и проявляя постоянное старание при исполнении служебных обязанностей, тов. Латышев сумел организовать комендантскую службу в прифронтовых городах и наладить нормальную жизнь на освобожденной территории, обеспечивая потребности продвигающихся войсковых частей», – указывалось в его наградном листе. Особо отмечались успехи военного коменданта Латышева по сбору и охране трофейных ценностей, которых «только по банкам было изъято несколько пудов золота, серебра и бумажной валюты».

Нет ничего удивительного, что, когда в феврале 1946 года, демобилизовавшись из армии, Николай Петрович вернулся в кресло ректора Воронежского университета, он стал руководить вузом в стиле военного коменданта прифронтового города.

Профессор ВГУ Алла Борисовна Ботникова в книге воспоминаний «В те времена...» рассказывает о своей первой встрече с ректором Латышевым в далеком 1949 году. Отличница, выпускница МГУ приезжает в разрушенный войной Воронеж, чтобы работать в местном университете, и...

«Интересуюсь, как найти ректора, – пишет А. Б. Ботникова. – Мне указывают на стоящего в коридоре с какой-то группой людей еще не старого, коренастого человека. Дожидаюсь, пока они кончат разговор. Робко спрашиваю: “Вы ректор университета?” В ответ недовольно звучит: “Да, только я в коридоре не разговариваю”. А я ведь не знаю места, где он “разговаривает”. Беспомощно оглядываюсь. Вижу, что он направляется к какой-то двери, плетусь за ним, потеряв всякое присутствие духа и готовая разреветься от жалости к себе. Вхожу сначала в приемную, там сидят какие-то люди. С ними мне еще предстоит познакомиться. Немного подождав, оказываюсь в кабинете ректора – Николая Петровича Латышева. Немного словен и не очень любезен. Но – слава Богу! – деловит. Наскоро проглядывает мои бумаги. Дает распоряжение выдать мне подъемные (весьма кстати!), выделяет комнату в общежитии и распоряжается, чтобы мне дали помощника переезти с вокзала вещи».

К сожалению, имя Н. П. Латышева оказалось прочно связанным со всеми карательными идеологическими кампаниями позднего сталинизма, друг за другом прокатившимися по ВГУ на рубеже 1940–1950-х годов.

«Нужно покончить с ротозейством и беспечностью, – требовал он в одном из своих выступлений той поры. – Носители буржуазных взглядов и буржуазной морали – враги народа, поддерживаемые империалистами, будут и впредь вредить нам.

Ректор
Николай Петрович Латышев

Установлено, что все участники недавно раскрытой террористической группы врачей-вредителей, готовившие новые покушения на жизнь руководителей Советского государства, состояли на службе у разведок капиталистических государств. Большинство их было завербовано агентурой американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”, другие – старые агенты английской разведки»...

Бдительность стала основой всей внутриуниверситетской политики этого ректора. Соблюдения ее во всех формах он неуклонно требовал от сотрудников.

«Болтливость – наш враг, но никто так не болтает, как наши научные работники, – польхал на собраниях Латышев. – Очень часто можно видеть, группы или даже несколько групп шушукуются в коридорах, что поступает новое – немедленно через болтливых людей распространяется, и получается те, кому положено это знать – не знают, а кому не положено – знают (это есть и в канцелярии, и у секретаря ректора). Болтливость у нас развита всюду, нам нужно перестать болтать и самим в научной работе. Настало время покончить с этим и бороться против беспечности и ротозейства»...

«Бдительность нужна везде и всюду, и всегда, – призывал он с другой трибуны. – Раскрытие антисоветских групп студентов у нас в университете свидетельствует о недостаточной идейной работе и политическом воспитании студентов. Надо хорошо знать марксизм-ленинизм и труды товарища Сталина, но

с этим у нас не совсем благополучно, студенты политзанятия посещают плохо, уровень проводимых занятий низкий»...

«В нашем университете мы имеем факты, когда изымались группы студентов-антисоветчиков, – негодовал Николай Петрович. – В нашем университете подвизались троцкист Тягны-Рядно, старый эсер Михин, проходимцы Проценко и Майский. Можно ли забывать эти факты? Конечно, нельзя. Можно ли благодушеествовать? Можно ли считать, что в Воронежском университете все обстоит благополучно, что туда же классовый враг, шпион не полезет? Конечно, нет. Сейчас как никогда нужно поднять бдительность, покончить с ротозейством и беспечностью. Ибо там, где беспечность, там и вредительство»...

Словом, во всех послевоенных культурных погромах ректор ВГУ Н. П. Латышев всегда оставался вдохновенным и добросовестным исполнителем державной воли. Думается, именно по этой причине Николаю Петровичу удавалось сохранять свой пост достаточно долго. Даже несмотря на то, что у него совершенно не ладилась дела на научном поприще.

Здесь он терпел поражение за поражением.

Еще в 1938 году Латышев окончил экономическое отделения Института красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики (было такое специальное учебное заведение ЦК ВКП (б), где готовили идеологические кадры и преподавателей общественных наук для вузов страны). Через год после этого он был назначен ректором Воронежского университета, а в феврале 1941-го – утвержден Высшей аттестационной комиссией в ученом звании доцента кафедры политической экономии ВГУ, которую сам же и открыл в 1940 году. Тогда же он начал читать студентам курс лекций по политэкономии капитализма. Собственно, весь этот курс состоял из двух разделов: первый назывался «Относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, разорение крестьянства – непреложный закон капитализма», второй – «Критика ревизионистских теорий, отрицающих закон обнищания рабочего класса при капитализме».

Потом была война, которую, как известно, гвардии подполковник Латышев провел в действующей армии. Когда же после Победы он вновь оказался в кресле ректора ВГУ, то Аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР особо обратила внимание Николая Петровича «на необходимость усиления работы по повышению своей научной квалификации с тем, чтобы закончить работу над кандидатской диссертацией в 1948 году».

Увы! Выполнить приказ министерства Латышев не смог: никакой научной работы в 1948 году

он так и не написал. В последующие годы ректор ВГУ регулярно получал двухмесячный творческий отпуск – «для работы над кандидатской диссертацией», но никакой диссертации так и не появилось.

Тема, которую Николай Петрович выбрал для исследования, звучала идеологически верно и политически грамотно: «Рост материально-культурного уровня жизни трудящихся СССР в послевоенный период». О том же, насколько она соотносилась с действительностью, можно судить по фрагменту из выступления на одном из партийных собраний ВГУ той поры коменданта общежития № 2 тов. Ефремовой:

«Вчера ночью в двенадцатом часу в общежитии открылась дверь, показались два детских ведерка, а за ними вошел босиком маленький мальчик и у швейцара спросил: „Дяденька, дай теплой водички“.

Швейцар отказал. Во мне боролись два чувства: коменданта – не пускать постороннего в общежитие и чувство человека. И это чувство победило, я разрешила взять теплой воды.

Студентки и я спросили мальчика:

– Откуда ты?

– Из развалин.

– Почему ты там живешь и с кем?

– Мы с мамой вышли из тюрьмы.

– А где твой отец?

– Умер в тюрьме.

– Мама работает?

– Нет.

– А кто же кормит тебя?

– А к нам приходит папка, он кормит нас.

Он рассказал некоторые подробности жизни. Такой разговор произошел, что я почти всю ночь не могла успокоиться и уснуть.

Меня удивляет работа районо. Каждый месяц ходит их работник и берет от меня, коменданта, справки о том, что все дети, проживающие по Фр. Энгельса, д. 6, охвачены всеобучем. Я несколько раз им говорила: “В развалинах проживают дети, которые не учатся, охватите их учебой”. Они отвечают: “Эти дети не прописаны”».

Такова была реальность, о которой Латышев знал в силу своей должности. Однако в своей работе он собирался писать (согласно сохранившемуся плану) о росте науки и техники в послевоенный период; о народном образовании и заботе о детях; об изменении условий жизни советской интеллигенции; об изменении структуры потребления продовольственных товаров и т. д.

Эти выводы никак не совпадали с действительностью. Николай Петрович по этому поводу переживал, но поделать ничего не мог: военный комендант неизменно побеждал в нем научного работника.

А в министерстве его по-прежнему торопили: Латышев оставался едва ли не единственным ректором страны, не имеющим ни научной степени, ни научных работ. Ставились новые сроки, воронежский ректор их неизменно срывал. Ситуация стала казаться тупиковой.

И тут в ВГУ появился человек, который пообещал Латышеву решить все его проблемы с диссертацией в кратчайшие сроки.

Это и был Николай Иосифович Линкун, бывший член Центральной ревизионной комиссии ЦК партии. 1 сентября 1953 года приказом министерства он был поставлен во главе кафедры политэкономии Воронежского университета вместо уволенного и едва не арестованного за дворянское происхождение доцента В. Н. Замятина.

ПАРТИЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Линкун не принадлежал ни к числу академических ученых-экономистов, ни к числу горластых сталинских фанатиков. Это был большой жизнелюб и авантюрист, главным талантом которого был огромный инстинкт выживания, позволявший ему успешно преодолевать все крутые повороты эпохи.

Родился он в воронежской слободе Чижовка в 1904 году в семье железнодорожника. Вскоре отец в поисках лучшей жизни подался вместе с семьей на юг, где пятнадцатилетний Линкун начал батрачить в хозяйствах зажиточных крестьян. В 1921-м семья переехала в Юзовку, там отец и сын устроились забойщиками на шахту. Но если отец рубил уголь до самого выхода на пенсию в 1940 году, то сын очень быстро поменял тяжелую работу шахтера на комфортную должность функционера. Уже через три года он стал председателем правления рабочего клуба, откуда по комсомольской путевке попал в курсанты совпартшколы.

Ни одна из волн большого номенклатурного террора 1930-х годов Николая Линкуна не затронула, поскольку первых должностей он в то время не занимал: был секретарем шахтного клуба, заведующим культпросветотделом горкома партии, заместителем начальника политотдела зерносовхоза... Дважды учился в Институте красной профессуры в Москве: сначала на полугодных курсах подготовки кадров, затем – два с половиной года на аграрном отделении института. (В это же время в ИКП учился и ректор ВГУ Латышев – правда, на другом отделении.)

В печальной памяти 1938-м Линкуна на год взяли на работу в ЦК, в самый главный с точки зрения карьеры отдел – руководящих партийных органов. Там ковали кадры. Начальником ОРПО ВКП (б) в то

Николай Иосифович
Линкун

время был Георгий Маленков, который тихо и методично расставлял верных ему людей на ключевые посты в стране. Линкун ему приглянулся, и уже через год Маленков отправил его, обыкновенного инструктора ОРПО, главным партийным заместителем в Махачкалу – 1-м секретарем Дагестанского обкома ВКП (б). На состоявшемся вскоре XVIII съезде партии Линкун был избран членом Центральной ревизионной комиссии ВКП (б).

В ту пору в СССР заканчивалась кардинальная смена состава правящего слоя. К 1939 году были «вычищены» из властвующей группы 94 процента состава ЦК 1924 года. Их заменили люди типа Линкуна – вступившие в партию по «ленинскому призыву» в 1924–1925 годах. На них и опирался Сталин, когда решил изменить персональный состав номенклатуры, дабы исключить из руководства людей, в преданности которых не был убежден. Характерно, что особую роль в системе этого отбора стал играть антиинтеллигентный стиль назначения: важнейшие партийные и государственные посты стали занимать малообразованные, малокультурные руководители.

Линкун идеально соответствовал данному требованию, но при этом он был абсолютно не подготовлен к должности руководителя регионального уровня. По воспоминаниям работавших с ним партийных функционеров, обосновавшись в Махачкале, он «дальше Буйнакса никуда не ездил» (это чуть больше тридцати километров от столицы республики), в основном сидел в кабинете, что, конечно, не сулило ему никакого авторитета.

С началом войны Москва стала требовать от территориальных руководителей обеспечения сборов многочисленных налогов, мобилизации скота и транспорта, участия в оборонительных работах местных жителей. По мере приближения фронта требования ужесточались.

В этих условиях Линкун не нашел ничего лучшего, как действовать сугубо административными методами. Так, по его указанию работы по сооружению оборонительных рубежей в республике перестали оплачиваться, людей кормили плохо, из-за чего количество уклонявшихся от работ очень скоро возросло до десяти тысяч человек. Чтобы решить проблему, Линкун приказал брать в заложники членов семей уклонистов.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в республике заканчивалось продовольствие. Бездумное руководство сельским хозяйством со стороны обкома партии привело к тому, что практически весь урожай был сдан государству в счет плана и теперь население Дагестана находилось на грани голода. Люди стали активно выражать недовольство, игнорируя любые приказы партийных органов, уклоняясь от призыва в армию.

Многотысячная армия бедствующего и голодного народа спустилась с гор на равнину, где продуктов тоже не было. Начались массовые эпидемии и смерти. Вконец озлобленные жители начали организовывать банды, которые начали нападать на советские воинские формирования.

После этого Сталин отправил в Дагестан специальную комиссию во главе с членом ГКО всеильным Лаврентием Берией и командующим Закавказским фронтом Иваном Тюленевым.

Вина Линкуна была очевидна, и по законам военного времени его следовало отдать под трибунал. Но покровительство Маленкова вновь помогло. Линкуна освободили от должности как «не справившегося с работой первого секретаря» и отправили в действующую армию, но не в штрафбат, а заместителем по политчасти начальника тыла 49-й армии.

О его фронтовых успехах можно узнать из наградного листа, подписанного начальником тыла 49-й армии полковником Дементьевым: «Тов. Линкун непосредственно руководит подсобными хозяйствами армии. Сумел добиться отличных результатов в работе последних. Путем своевременной посадки, прополки и постоянного тщательного ухода все овощные культуры имеют отличные и сверхотличные виды на урожай. Тов. Линкун руководит деятельностью сельскохозяйственной группы армии по организации и проведению сеноуборки и уборки зерновых, эти работы проходят планомерно по всей армии». За

эту работу наш герой был награжден тремя боевыми орденами – Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, получил звание полковника...

После войны Линкун (не без помощи все того же Маленкова) попытался вторично сделать партийную карьеру. На этот раз – в Астрахани, куда он прибыл вторым секретарем горкома, но очень скоро стал вторым секретарем обкома партии. Но в 1949 году его с очередным скандалом сняли с должности.

На этот раз поводом для разбирательства стали его сугубо семейные дела. Брат жены Линкуна, некто И. П. Беляев, демобилизовался из армии и вернулся к семье на Донбасс, однако работать там не захотел. Узнав, что Линкун занимает большую должность в Астрахани, Беляев отправился туда, где тут же получил должность заместителя начальника отдела снабжения на пароходстве «Волготанкер». А потом стало известно о причинах, по которым Беляев не захотел оставаться на Донбассе.

Дело в том, что во время войны, будучи красноармейцем, он попал в фашистский плен, где дал согласие работать на немецкую разведку. Переправившись через линию фронта, Беляев выдал себя за вышедшего из окружения бойца и был зачислен в ряды Советской армии, где и встретил Победу. Обнаружить предателя удалось только в 1949 году. Беляев был арестован и осужден, а устроивший его на работу Линкун схлопотал строгий выговор от партколлегии ЦК КПСС «за притупление политической бдительности». В очередной раз он был снят с работы и неожиданно для многих направлен на учебу в аспирантуру Академии общественных наук.

В этом парадоксальном, на первый взгляд, кадровом решении присутствовала своя логика. В классической работе «Номенклатура» советский философ-невозвращенец Михаил Восленский, анализируя разницу между управляющим слоем буржуазии и сталинскими чиновниками, делает следующие выводы: «Буржуазия руководит в первую очередь именно экономикой, непосредственно материальным производством, а уже на этой основе играет роль и в политике. Так пролег исторический путь буржуазии от ремесла и торговли, от бесправия третьего сословия к власти. Иначе проходит исторический путь советская номенклатура. Он ведет от захвата государственной власти к господству и в сфере производства. Номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей».

Вот и Николай Иосифович Линкун, дважды потерпев крах на политическом направлении номенклатурного поля, был отправлен на его резервное

направление – экономическое. В 1951 году он окончил академию, получил диплом кандидата экономических наук и был послан на свою малую родину, в Воронеж, где поначалу стал скромно заведовать кафедрой экономических наук в местной партшколе.

После громкого скандала с исключенным доцентом Замятниным министерство перевело Николая Иосифовича на работу в Воронежский университет, где тот сразу же вызвался решить проблему с ректорской диссертацией.

Поначалу Линкун обещал Латышеву личную помощь в написании работы, однако вскоре изменил своему обещанию.

Дело в том, что после смерти Сталина руководство страны начало процесс постепенной замены идеологических ортодоксов на профессионально подготовленных хозяйственников во всех сферах хозяйственной деятельности. То, что сталинист Латышев оказался одним из первых, кто попал под эту кампанию, неудивительно: его абсолютная научная беспомощность в конце концов окончательно вывела из себя министерское руководство.

Сначала появился приказ министра высшего образования СССР В. Н. Столетова, в котором было указано на серьезные недостатки в научно-исследовательской работе Воронежского университета, а 14 сентября 1953 года Латышев за эти недостатки был освобожден от работы ректора. Решение министерства тут же было поддержано на бюро Воронежского обкома партии.

Так в один день Николай Петрович Латышев из начальника заведующего кафедрой политэкономии Линкуна стал его подчиненным (бывшего ректора оставили в университете доцентом этой кафедры). Линкун мгновенно потерял всякий интерес к научному будущему своего рядового сотрудника, поручив заниматься этим доценту Виктору Александровичу Павловичу – опытному преподавателю-экономисту, только перебравшемуся в Воронеж из МГУ по семейным обстоятельствам.

Павлович с задачей справился. Для начала он поменял Латышеву тему диссертации, предложив, не мудрствуя лукаво, написать работу об «Основном экономическом законе социализма». Здесь не было столь вопиющих противоречий с реальностью, а было больше теоретических рассуждений, поэтому меньше чем через год бывший ректор, под руководством Павловича, не только написал долгожданную кандидатскую, но и успешно защитил ее, получив столь желаемое научное звание.

Вскоре после этого Латышев навсегда покинул ВГУ и несколько последующих лет возглавлял кафедру политэкономии в местном пединституте.

ПРОДУКТ «ОТТЕПЕЛИ»

А Линкун тем временем старался использовать весь свой административный опыт, все навыки, полученные в недрах сталинской номенклатуры, дабы укрепить свое влияние и власть в университете, да и в Воронеже в целом.

Очень скоро по городу поползли слухи, что в ВГУ появился большой партийный начальник, занимавший некогда высокие посты и сохранивший влиятельные связи в столице. Начальник этот – суров, поэтому легко может любого не понравившегося ему человека посадить в тюрьму. (Об этих слухах на одном из партийных собраний в университете рассказал профессор Б. М. Бернадинер.)

Достаточно быстро Линкун убедил университетский партком инициировать процесс снятия с него астраханского партийного выговора. Проголосовали единогласно. Вот только бывшая зав. отделом пропаганды Ворошиловского района, перешедшая на работу на кафедру марксизма-ленинизма ВГУ, М. Е. Комелева по-женски посетовала: почему это Николай Иосифович не перевозит из Москвы в Воронеж свою жену? Линкун ответил без затей: мол, здесь очень холодная квартира. На что Комелева пробурчала: «Когда мы были на семинаре в Москве, то товарищ Линкун неаккуратно посещал их. В Москве у него жена, ребенок, но он взял комнату на Ленинских горах в МГУ, на семинары не ходил, а вечером посещал женское общежитие. Он имеет какие-то связи и в Воронеже с преподавателем мединститута. Тов. Линкун, вам надо перевести сюда семью и бросить свои похождения»...

Но Николай Иосифович сам прекрасно знал, что ему надо делать.

Очень скоро он устроил фундаментальную кадровую чистку на вверенной ему кафедре. Все, кто ему возражал или пускал о нем слухи – безжалостно начали изгоняться из университета. На их место Линкун устраивал лично преданных ему людей либо своих дальних родственников. Объяснял свои действия он довольно просто: таково требование времени.

Как опытный аппаратчик Николай Иосифович мастерски умел прикрывать собственную выгоду идеологией. Вот, к примеру, фрагмент его выступления на партийном собрании университета в марте 1955 года:

«Товарищи! Решающим условием в деле решения задач, поставленных январским Пленумом ЦК партии, является развитие тяжелой промышленности, и прежде всего производства орудий производства как основы развития советской экономики...

Изучение материалов XX съезда КПСС в колхозе имени Н. С. Хрущева Семилукского района Воронежской области. 1956 год

Этому вопросу уделено большое внимание в докладе тов. Хрущева и в постановлении потому, что этот вопрос является решающим и потому, что по этому вопросу среди наших экономистов допущены грубейшие извращения. Ряд сотрудников института экономики сельского хозяйства, ряд сотрудников кафедр различных вузов стали говорить, что первостепенное развитие тяжелой промышленности необходимо было, когда проходила индустриализация страны, а теперь созданы все условия для того, чтобы развивать все отрасли хозяйства в одинаковой степени. Это неправильно. Тяжелая индустрия – необходимое условие для продвижения нашего общества вперед, необходимое условие для обороноспособности нашей страны, необходимое условие для создания обилия продуктов. Такие ошибки были допущены и на кафедре нашего университета. У нас руководит аспирантом тов. Хорошков. Он написал отзыв о диссертации Николаева неправильно. В данном случае Хорошков является путаником. Дальше – у нас работает Попов, который также допускает большие ошибки. Он предлагает брать налоги в колхозах по способностям, то есть чем выше урожайность в колхозе, тем больше продуктов, тем больше налогов брать. Это вообще является клеветой на советское государство и нашу партию. В связи с этим кафедра политэкономии решила провести ряд мер...»

Как правило, этими мерами было увольнение неугодных Линкуну сотрудников.

Однако времена менялись. Появлялись люди, которые пробовали противостоять административному произволу заведующего кафедрой. К примеру,

уволенная Линкуном лаборантка Мирра Большакова (вместо нее Николай Иосифович взял на работу по-направившуюся ему секретаршу из Дома офицеров) – фронтовичка, имевшая ранение и боевые награды, – оспорила это решение в суде и была восстановлена на работе. Но подлинную борьбу с методами заведующего кафедрой повел уже известный читателю доцент Павлович.

Виктор Александрович Павлович был из беспризорников, воспитывался в детском доме. Несмотря на это, в 1930-е он успешно окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт Наркомфина СССР, в 1948-м защитил кандидатскую диссертацию.

Преподавал политэкономии в вузах едва ли не десятка городов страны, причем в Костроме, Куйбышеве, Молотове (Перми) и МГУ даже заведовал кафедрами. Столь частая смена места работы объясняется личными качествами Павловича. В одной из служебных характеристик о нем сказано так: «Легкомысленно подходит к освещению и разъяснению некоторых важнейших положений марксистско-ленинской теории в своих лекциях и непартийно реагирует на критику ошибок и недостатков в его работе».

Впрочем, «легкомысленное отношение к теории» не помешало Павловичу в годы войны быть старшим инспектором финотдела 1-й танковой армии.

Вне всякого сомнения, Павлович был в тот период самым квалифицированным преподавателем-экономистом в ВГУ. Его любили студенты и аспиранты, уважали коллеги по кафедре, в университете говорили, мол, у нас два зав. кафедрой по-

литэкономии: один – администратор, а другой – научный руководитель... Доцента Павловича охотно приглашали в другие воронежские вузы читать курс «История экономических учений», ездил он с лекциями и по районам области...

25 апреля 1955 года Павлович обратился с заявлением к председателю ученого совета ВГУ новому ректору Б. И. Михантьеву.

«В интересах дела, – писал заявитель, – ставлю перед ученым советом ВГУ вопрос о необходимости снятия с должности зав. кафедрой политической экономии г. Линкуна Н. И.»

Вот несколько аргументов, которыми Павлович объяснял свою позицию. Во-первых, считал он, за время своей деятельности Линкун проявил себя неспособным работником. В теоретическом отношении он не смог обеспечить научное руководство аспирантурой, а в отношении методического руководства кафедрой показал себя очень слабым работником.

Во-вторых, утверждал Павлович, Линкун является двуличным человеком, поддерживает свой авторитет только на основе угроз, силой страха создавая вокруг себя атмосферу подхалимства. Члены кафедры его боятся.

И, наконец, в-третьих, все действия Линкуна, по мнению автора заявления, покрывает лично секретарь парткома ВГУ И. С. Лыгин, который приятельствует с ним еще со времен совместной работы в партшколе.

После обнародования этого заявления Виктора Александровича Павловича вызвали в кабинет ректора, где, в присутствии Лыгина и Линкуна, Михантьев приказал ему написать заявление об уходе.

Павлович отказался. Вместо этого уже на следующий день он написал обращение к начальнику Управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР С. А. Юдачеву о нездоровой ситуации, сложившейся на кафедре политэкономии ВГУ и попросил прислать в Воронеж инструктора, чтобы тот на месте разобрался в происходящем. Аналогичные обращения Павлович направил в ЦК КПСС и Воронежский обком партии.

Ничего путного из этой затеи, конечно же, не вышло. На закрытом партийном собрании ВГУ в присутствии секретаря райкома КПСС А. И. Тарасова подробно разобрали поведение Павловича и создали комиссию по проверке обнародованных им фактов. Комиссия, как водится, не подтвердила обвинения, изложенные в заявлениях.

Виктору Александровичу Павловичу пришлось покинуть ВГУ и уехать из города. Его дальнейшая судьба мне не известна.

Виктор Александрович Павлович

Что же касается Николая Иосифовича Линкуна, то после разразившегося скандала его дни в Воронеже тоже оказались сочтены. Обвинения, выдвинутые против него Павловичем, очень скоро стали известны не только в университете, но и в городе, после чего образ «грозного начальника с большими связями в столице» приобрел карикатурный оттенок. Дабы погасить скандал заведующему кафедрой политэкономии ВГУ прямо в разгар учебного года пришлось спешно отбыть в Москву.

Впрочем, долго без работы этот человек не оставался.

В феврале 1956 года состоялся судьбоносный для страны XX съезд партии, осудивший культ личности Сталина. После этого начались изменения во многих сферах жизни. В том числе и в науке. Повсеместно требовались новые кадры.

И очень скоро в Институте экономики Академии наук СССР появился новый ученый секретарь – научный работник из провинции, пострадавший в свое время от сталинского произвола. Уже через год этот сотрудник стал заместителем директора института по научной части и проработал в этой должности до самой своей персональной пенсии.

Как вы уже догадались, звали его Николай Иосифович Линкун. За шестнадцать лет работы в институте Академии наук он издал всего лишь одну брошюру – «Оплата труда в совхозах в зависимости от результатов производства». Да и ту с помощью двух соавторов.

«ЖЕНА НЕ РЕВНУЕТ»

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ПММ О ТОМ, КАК ФАКУЛЬТЕТ СТАЛ ВТОРОЙ СЕМЬЕЙ

Самому престижному факультету ВГУ полвека. Мы пообщались с деканом и преподавателями, вспомнили собственные студенческие годы, обсудили планы на будущее и даже спустились в подвал, чтобы увидеть, над какой таинственной разработкой трудятся студенты. Вот что из этого получилось.

Главный корпус ВГУ, 10 утра. Студенты спешат на пары. Обгоняю одного из них и слышу: «А вы, наверное, ко мне?» Оборачиваюсь и вижу Константина Федутинова – заместителя декана. Никогда бы не подумала, что такой важный человек может быть таким молодым. Смеется вместе со мной: «Мне 34. И нет ничего удивительного в том, какую должность я занимаю. На самом деле, у нас замов как собак нерезаных. Я не самый молодой даже. У нас только два зама старше 35 лет».

На лацкане пиджака красуется металлический значок с надписью «ПММ», поближе к сердцу. Пришло время узнать, как факультет пришел в жизнь Константина Александровича.

– Насколько мне известно, вы являетесь выпускником ГГиТ (факультета географии, геоэкологии и туризма). Как так получилось, что свою жизнь вы решили связать именно с ПММ?

– Это довольно интересная история. Я поступил на ГГиТ и никогда не жалел об этом. Когда был на 4-м курсе, захотел сделать что-то большое и хорошее для своего вуза. Был 2008 год, тогда происходили довольно важные вещи: только развились социальные сети и появилась программа «Интернет в каждую школу» (это сейчас интернет считается стандартной функцией, а раньше был в новинку: люди ходили на лабы только потому, что там можно было посидеть в интернете). Тогда я придумал программу, в которой можно работать с абитуриентами

в соцсетях. Плюс ко всему, если в школах появится интернет, они начнут делать сайты, а сайты надо наполнять. Можно было вывешивать там информацию о нашем вузе. Я пришел в главный корпус, где никого тогда еще не знал. Рассказал о своей идее проректору. Ее оценили, но никто делать этого не хотел. Через некоторое время пошел работать в администрацию вуза, там не сложились отношения, и я собирался увольняться. И как раз тут Александр Иванович Шашкин (декан ПММ. – Прим. автора) позвал меня к себе. Я согласился, и это было одним из самых лучших решений в моей жизни и жизни факультета.

Сейчас я оканчиваю магистратуру, защищаюсь. В следующем году начну преподавать, пока занят административной работой.

На этом моменте наш разговор был прерван, потому что в кабинет зашел декан факультета Александр Иванович Шашкин. Тут мне стало ясно, что сегодня я устану удивляться. Когда мне сообщили, что Шашкину пошел восьмой десяток, я ожидала увидеть такого человека, которого обычно представляешь при слове «профессор». Но похоже, на ПММ все выглядят моложе своих лет, а Apple watch на запястье и iPhone в руке декана подтверждают, что факультет идет в ногу со временем.

Делюсь с Александром Ивановичем своими наблюдениями. Он, явно гордый собой, выдает: «Это залог успеха, когда молодые работают».

– Тогда давайте поговорим об успехе. Ваш девиз звучит так: «Быть лучшими во всем». Насколько он соответствует действительности?

Константин Федутинов: Мы не говорим, что мы лучшие, а говорим о стремлении к совершенству. Есть, например, наши коллеги, у которых девиз «Ху из бест» – это звучит очень самонадеянно. А мы показываем стремление. Не всегда все получается, но надо стараться. Эта фраза очень хорошо отражает то, что происходит на факультете. По успеваемости мы где-то в середине. Но это потому, что очень тяжело учиться. Есть и другие достижения. Мы 10 лет подряд занимаем 1-е место в университетской спартакиаде. В студенческих веснах тоже в числе лидеров.

Александр Шашкин: Главное наше достоинство (чего мы добились благодаря Косте) – это сотрудничество с крупными компаниями-партнерами. Ни на одном факультете такого нет, даже не в каждом вузе. Мы сотрудничаем с DataArt, Atos, DSR, T-Systems, холдингом «Интехрос» и другими.

К. Ф.: А добились мы такого сотрудничества, потому что очень хорошо готовим кадры.

А. Ш.: Наши воспитанники завоевали авторитет. Выпускница рассказывала историю: пришла устраиваться на работу, долго перечисляла, что умеет. У нее спрашивают: «Где училась?», она отвечает, что на ПММ. А работодатель и говорит: «Так с этого начинать надо было», представляете? Многие компании сейчас возглавляют наши выпускники: T-Systems – Саша Мазанов, Atos – Наташа Манько, Юрий Хорошильцев тоже наш. Был представителем президента по Воронежской области.

К. Ф.: Еще очень показательно то, что у нас 12 компьютерных лабораторий, 10 из которых за брендированы, там стоит оборудование компаний.

Константин Александрович Федутинов, заместитель декана факультета ПММ

– Каким видите факультет через несколько лет?

К. Ф.: Сейчас наша главная задача – не растерять базовое фундаментальное образование. Партнеры – это, конечно, бесконечно важно, но хорошая математическая школа – основа нашего факультета. Создание учебных центров, проведение конференций – очень большой труд, но сохранить научный потенциал гораздо сложнее. Мы заинтересованы в привлечении хороших ученых и молодежи к преподаванию в вузе. Надо, чтобы они оставались на ПММ, не уходили. Ректор много делает для факультета, партнеры помогают нам развиваться. Интехрос, например, поставил робота-манипулятора, DataArt сейчас делает одну аудиторию, Сбербанк

Александр Иванович Шашкин, декан факультета ПММ, в традиционном новогоднем обращении к студентам

Деканат ПММ
кормит студентов витаминами
в сессию

выделил 7 миллионов на лабораторию для анализа больших данных. То есть развитие есть: мы обновили оборудование, приемная комиссия одна из лучших. Кадровая проблема – самая острая. Все есть, некому только работать.

А. Ш.: Зарплаты все-таки невысокие.

– *Не мечтаете о своем корпусе?*

К. Ф.: Вообще, у нас есть планы. Пока идут переговоры, но тем не менее есть в задумке проект «Воронеж-сити» – тридцатиэтажное здание на Кирова. Там сидят самые крупные компании (DataArt, NetCracker, T-Systems, Nokia). Нам должны отдать там 2,5–3 тысячи квадратов под факультет. Там будет магистратура и 4-й курс бакалавриата. Неотрывно от производства, как говорится. Это все разговор ближайших трех лет.

А. Ш.: Нам тут тесно, конечно. Больше полутора тысяч студентов учится, а у нас меньше всех аудиторий в главном корпусе. Чтобы нам дать, надо у кого-то отнять, а это сложно.

– *Да, за 50 лет вы добились многого. Скажите, а отдыхать успеваете? Праздновали юбилей?*

А. Ш.: Конечно. Был концерт в актовом зале, фуршет. Присутствовали выпускники прошлых лет, даже с Дальнего Востока, из США, Израиля, Германии. Актовый был забит. С первого выпуска по последний – все приехали. Даже чуть не подрались, спорили, кто первым выпустился. Еще красочный альбом к юбилею выпустили, провели фотосессию всех преподавателей по кафедрам.

К. Ф.: Был целый комплекс мероприятий. Университет делал подарки на юбилей. Премии преподавателям, например. Но нам помогают не только на праздники. Вообще, живем за свой счет, стараемся все делать за счет партнеров. 50 лет – хороший праздник, но гораздо больше радует повседневная работа.

– *Может быть, у вас есть какие-то традиции?*

К. Ф.: 25 декабря будут традиционные посиделки. Приходите, если будет желание. Преподавательский состав участвует в сценках. Студенты делают что-то в духе «Прожекторперисхилтон» (обсуждают любые темы, иногда даже нам предъявляют, но в шуточной манере, конечно). Нас совсем не боятся. Одна из показательных сценок: вынесли трон с короной, вызвали декана. А когда он уже подошел к трону, на него сел студент, а Александру Ивановичу дали опохало. Мы умеем посмеяться над собой, студенты поэтому всегда отзывчивы на наши просьбы. Есть еще такая традиция: мы на последние 10 дней года сбрасываемся деканатом и покупаем 7–8 ящиков мандаринов и 30–40 кг конфет, ставим елку, кормим студентов витаминами в сессию. Каждый семестр проводим собрание со старостами курсов. Просто обсуждаем все проблемы, какие есть, обсуждаем преподавателей, расписание, новые курсы, дополнительные занятия.

А. Ш.: А для первых курсов в ноябре проводим родительские собрания. А то случается, что дитяtko не доходит до университета. Разговор с родителями помогает, мы им показываем текущие оценки.

– *Похоже, что студенты вас очень любят. А вы как ним относитесь?*

А. Ш.: Мы строгие, но справедливые.

К. Ф.: Да, сейчас отчислили 70 человек. И это только первый курс. Вообще, мы очень дружелюбны. У нас в деканате всегда двери открыты. Даже не спрашивают, заходят. Мы большая семья. В деканате мы за 10 лет ни разу не поругались, даже голос не повысили. Потому что Александр Иванович умеет подбирать кадры. Человеческие качества очень важны.

А. Ш.: Именно они на первом месте. Профессиональные тоже важны, но надо сочетать.

Константин Александрович прощается с нами и бежит на вызов к ректору. Работа кипит. Остаемся с Александром Ивановичем наедине.

– Александр Иванович, расскажите о том, как вы стали деканом. Какой путь прошли?

А. Ш.: Я учился на факультете ПММ, потом так и остался. Аспирант – доцент – профессор.

Тут наша беседа была снова прервана. И действительно, двери деканата всегда открыты. Принесли документы на подпись. Шашкин кивает на бумагу: «Вот видишь, из Atos».

Так, о чем это я. Меня уговорили стать деканом. В 99-м защитил докторскую, подал заявление на должность, утвердили. Каждые 5 лет выбираюсь. Уже 20 лет на этом посту. Эта роль мне нравится, но усталость присутствует, конечно. Было бы здорово быть просто преподавателем. Совмещать преподавание и деканство тяжело, приходится отменять лекции, ходить к ректору, да и бумаги задавили. Я матанализ читаю. Рабочая программа – 60 листов, потому что там, помимо нужных материалов, ненужные вещи. Уйму времени отнимает. Отчеты, одно и то же, надоело.

Я поступил в 1966-м, когда был двойной выпуск (одинадцатиклассники и десятиклассники выпускались одновременно), конкурс вырос в два раза, было непросто поступить. Учился хорошо. Несколько троек было. У нас была замечательная группа: из 29 человек 22 получали повышенную стипендию, в том числе и я. Из этой группы много докторов наук вышло, ректор Сибирского независимого института Александр Филиппович Ревуженко (вот его монографии у меня стоят), должен скоро подойти Алексеев из Питерского ИТМО (профессор факультета пищевых биотехнологий и инженерии), много кандидатов наук, даже тут на факультете работают: Олег Горбенко, Евгений Коржов.

С первым деканом был знаком, ходил к нему на научные семинары. Даже в нерабочей обстановке встречался. Он был очень талантливым, особенно по науке, моментально понимал суть любой проблемы, мог задать вопрос по существу.

Недостатки были, конечно, но не будем об этом. У него была трагичная судьба: он уехал в Куйбышев, создал там кафедру, потом уехал на Дальний Восток. Позже его выбрали в академию наук, но он умер незадолго до вступления в должность.

Печальная история. Все, кто его знал, прекрасно помнят, какой он был человек.

– Как думаете, сейчас сложнее учиться, чем раньше?

Первый декан ПММ
Геннадий Иванович Быковцев
(1969–1973)

– Думаю, нет. Я преподаю на первом курсе и могу сказать, что резко упал уровень выпускников школ. Это связано с реформами образования. Раньше уровень был гораздо выше. Если бы я подходил к обучению, как раньше, все были бы троечниками.

К ЕГЭ отношусь двояко: с одной стороны, действительно уравнивает шансы, а во-вторых, когда школьники выбирают, что сдавать, даже не ходят на другие предметы. Все-таки ЕГЭ проводится письменно, и это тоже минус, потому что устный экзамен развивает речь, а она, в свою очередь, развивает логику. Первокурсники не умеют говорить, это проблема. Я на экзаменах обязательно с каждым устно беседую. Тот, кто старается, у того все получается. Кто пропускает – у того проблемы. Активистов поддерживаем, но только в том плане, что даем возможность пересдать.

– Кстати, об активистах. Ходите на концерты ПММ?

– Хожу на все концерты ПММ. У нас очень творческий факультет. Это связано с математикой, я читаю. Когда изучаешь математические дисциплины, надо разобраться и запомнить – это развивает мозги. Материал сложный, надо читать несколько раз. Поэтому и на студенческую весну такие сложные сюжеты придумывают. Мозг, как мышца, надо заставлять его работать.

– На ваш взгляд, чем отличается студенческая жизнь современной молодежи?

– Тогда, когда я учился, внеучебной деятельностью руководил комитет комсомола, была масса различных мероприятий и особая организация. Был интерклуб, организовывал мероприятия для

Традиционное фото студентов с преподавательским составом ПММ после концерта на студенческой весне

иностранцев и наших студентов. На филфаке немцы учились, мы ходили с ними в походы. Не было интернета и компьютеров, были стенгазеты. Когда вывешивалась такая, был праздник. Покупали рулон обоев, весь расписывали, целую неделю толпа стояла читала. Я был главным редактором. Мы конкурировали с физиками – у них была газета «Филиппок». Нас называли «Приматами» (потому что прикладная математика), не знаю, откуда пошло, наверное, с матфака. Далеко не все было политизировано, как принято считать, было интересно.

Еще я был стройотрядовцем, ездил с первого курса, да и после выпуска даже. Всего семь раз. В составе «Орбиты» выезжали за границу, были в Германии. Был в сельхозотряде на Дагомысе, там мы собирали груши, персики, фундук.

– Ну и подытожим. Все-таки, что для вас ПММ? Просто факультет, место работы или что-то большее?

– Все мысли связаны с факультетом. И не только мои. Это как продукт деятельности, как детище, конечно же, коллективное. Душа болит за какие-то провалы и недостатки, очень хочется, чтобы факультет продолжал крепчать и развиваться. Проблемы всегда будут: старые поколения потихоньку уходят: кто на пенсию, кто и вовсе из жизни. Хотелось бы сохранить память о них.

Тут к нам присоединился Алексей Викторович Ковалев – заведующий кафедрой механики и компьютерного моделирования, доктор физико-математических наук. Кажется, зашел просто так, отдохнуть и поговорить о приятном в перерыве между парами.

Алексей Ковалев: Для меня ПММ – это жизнь.

Александр Шашкин: И для меня. С 8 утра здесь каждый день. Семья не ревнует, жена тоже тут работает. Дочь окончила ПММ, сын оканчивает. Старший начинал учиться, но за неуспеваемость отчислили.

А. К.: У меня тесть всю жизнь считал, что я дармоед, не мог понять, почему я в 6 утра не на плацу (смеется).

А. Ш.: Мы срослись уже с факультетом.

А. К.: Факультет на год старше меня. Я поступил сюда в 1987-м. Как отучился, так и остался. Скажу хитромудро: мне очень нравится. Отец – профессор Харьковского политеха. Всегда говорил: «Вот приходят на практику политеховец и университетский. Политеховец сразу может работать, но не растет, а университетский месяц тупит, через какое-то время все понимает, на развитие настроен. Университетские с перспективой, политеховцы исполнители». Вот такая у меня философия.

А. Ш.: Коллектив сформировался очень удачно, как можете видеть. Алексей Викторович тоже был замом, сейчас заведующий кафедрой и преподаватель.

А. К.: Без меня здесь все бы встало (*смеется*). Мне кажется, я строгий, но для студентов, как говорится, кобеля коркой не напугаешь. У молодых сейчас другие интересы. Думал, механики 3-го курса такие классные, зывал их на конференцию, а пришло три человека. Совсем другие. Факультету пожелаю здоровья, в свете происходящих событий: руководству, студентам, себе. Я пошел.

– **А вы пожелаете что-нибудь, Александр Иванович?**

А. Ш.: Желая факультету не останавливаться. Основные направления развития правильно выбрали, все это надо укреплять и двигаться вперед. Мы ориентируемся на современное состояние IT-технологий в России и за рубежом. Мы знаем, как с ними взаимодействовать, к чему готовить. Костя придумал технологические школы. Компании DSR, например, нужны специалисты определенного профиля, они открывают бесплатные курсы, вешают объявление, желающие идут учиться. Когда наши ребята в эту компанию приходят, уже знают, чем там занимаются и какие проблемы решают, им не нужно адаптироваться. В Atos – учебный центр. Набирают студентов и всех подряд берут на работу. Текучка большая, наши студенты заполняют вакуум, когда сотрудники переходят в новые компании. Лучшее – враг хорошего. Пока так. Что-то изменится, мы тогда тоже изменимся. Мы гибкие. Пока и так все неплохо.

Алексей Викторович Ковалев

Благодарю Александра Ивановича за беседу и собираюсь уходить. Уже в коридоре слышу: «Подождите, еще ведь работа не видели! Катюша, проводи».

С Катюшей – секретарем деканата Екатериной Астаховой – спускаемся по лестнице в подвал. Она воодушевленно рассказывает о том, что мне предстоит увидеть, очень гордится. Заходим в аудиторию: новенькие компьютеры по периметру, а в центре страшная конструкция. Больше похоже не на работа, а на башенный кран или что-то вроде того. Клейкой лентой на полу обозначены пределы территории, в которой работает это чудо техники.

Робот-манипулятор, над которым работают студенты ПММ

Новая брендированная аудитория

Екатерина Астахова: Лаборатория открылась недавно, отремонтировали прошлой весной, привезли эту конструкцию. Александр Юрьевич Яковлев и его магистрант работают с роботом. Они сконструировали мелкие детали, вот датчики ответного действия – они отправляют на компьютер информацию. Вот щуп. Он может подниматься и перемещаться, переносить грузы. Конструкция уже функционирует, но ее еще дорабатывают. Я видела ее в действии, это впечатляет. Тут проходят занятия. Она нам предоставлена для разработок. Костя бы подробнее рассказал. А вот и он.

Вот мы и снова встретились с Константином Федутиновым. Он уже не один, а в компании абитуриента: показывает парню лаборатории, рассказывает о разработках. Вот так подход.

Константин Федутинов: Это лаборатория Интехроса, они делают роботов для военных, РЖД и других. Этот робот для учебы, весит всего лишь тонну (!), подъемная сила – 250 кг. Студенты пишут под него программы, работают даже с компьютерной графикой. Мы сейчас учимся управлять каждой частью этого робота по отдельности. Вот пульт, с него ведется управление при помощи джойстиков.

Это сложная математика, программирование, это работа с промышленными роботами, а не баловство, которое называют робототехникой. В других вузах только Lego собирают, а мы вот что. Пойдемте, еще одну лабораторию покажу.

Теперь поднимаемся наверх, проходим несколько коридоров и оказываемся у новенькой, оборудованной по всем требованиям аудитории. Заглядываем внутрь – идут занятия.

К. Ф.: Тут делаем программу для Аэрофлота, прогнозы, на сколько задержится самолет или груз или что-то еще. Для ЭФКО сейчас трудимся над системой распределения заявок. Например, у сотрудника сломался компьютер, а он не знает, кого вызвать на помощь, пишет на общий ящик. А там программа уже направляет письмо нужному человеку. Самое интересное обучение то, которое отталкивается от потребностей ваших партнеров. Первые два курса мы даем базовое образование: учим математике, языку, третий, четвертый курсы – уже более сложная работа, специализация.

Да, все-таки ПММ – это серьезно, это навсегда.

**Вопросы задавала
Анастасия Венивитина**

БЕСЕДА С НАЧАЛЬНИКОМ ОТДЕЛА
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
АЛЛОЙ АКУЛЬШИНОЙ

«Я ВСЕГДА БУДУ НАСТРОЕНА ПРОЕВРОПЕЙСКИ»

– Вся ваша университетская деятельность связана с международными стажировками, проектами, иностранными гостями. Откуда такая любовь к организации коллектива, смелость в принятии решений?

– Я училась в 24-й школе Юго-Западного района города Воронежа. У нас были великолепные учителя, с которыми я поддерживаю связь до сих пор. Считаю, что многое в нашей жизни зависит от встречающихся на пути людей. Наш классный руководитель, учитель русского языка и литературы Софья Моисеевна Полякова, стремилась формировать у нас способность аналитически мыслить, объективно оценивать факты, делать выводы, действовать. Мы организовывали дискуссионные клубы, встречи с иностранными гостями, имели возможность отстаивать свои позиции и быть услышанными. Всё это помогло обрести свободу в принятии решений, смелость и уверенность в себе.

– Расскажите о том, как складывалась ваша студенческая жизнь. Сейчас вы много контактируете со студентами разных курсов, ищете возможности для того, чтобы организовать их поездку за рубеж, налаживаете международные контакты, но мало кто знает о том, как всё это начиналось.

– В то время, когда я поступала в ВГУ, наблюдался явный всплеск интереса к истории, обществу, политике. Вдохновившись всем этим, я выбрала для обучения исторический факультет. Михаил Дмитриевич Карпачёв читал нам историю России, просто завораживающие были лекции. Все мои однокурсники, и я в том числе, хотели писать у него научную работу. Но на выбор моего дальнейшего научного пути повлиял Анатолий Захарович Винников, он предложил мне поработать с историей Марокко. Он сказал, что эта тема не так изучена в России, она

перспективная, а в вузе уже есть потребность в разбирающихся специалистах. Так я стала работать с блестящим профессором исторического факультета Виктором Александровичем Артемовым. Вскоре приоритеты изменились, и мы от колонии перешли к изучению метрополии – европейской политики Франции. Научная интуиция Виктора Александровича, выбор актуальных тем были просто феноменальными. Благодаря ему я приняла решение поступать в аспирантуру.

Для работы мне были необходимы архивные данные, которые хранились в Министерстве иностранных дел Франции. Я обратилась в Посольство Франции, подала документы на обучение в Страсбург и заявку на работу в архиве. Её одобрили, я получила стипендию и на полгода уехала работать с архивными материалами, которые нельзя было раздобыть в интернете. Поехала в Университет Робера Шумана в Страсбург. С нами работали известные историки и европейцы, нам читали экономику, историю, европейское право, с нами встречались депутаты ЕС. Всё это сильно повлияло на мое мировоззрение, теперь я всегда буду настроена проевропейски.

– Вы прекрасно без переводчиков общаетесь с зарубежными гостями вуза. Расскажите, как вы выучили языки на таком достойном уровне?

– Французский язык сильно повлиял на мой профессиональный путь. В школе стала его изучать совершенно случайно, руководствуясь тем, что английский можно освоить всегда, а вот за французский просто так не возьмешься. На первом курсе он заставил меня проявить организаторские способности, потому что профильных групп не было, а желание продолжить обучение было. Мы объединились со студентами разных факультетов, желающими изучать французский, и обратились к ректору

с просьбой организовать для нас такую возможность. На пятом курсе в вузе французский снова дал о себе знать. Игорь Николаевич Зорников, бывший в то время проректором по международной деятельности, искал специалиста, который должен был заниматься русско-французскими переводами. Так и началась моя работа в ВГУ, в РЦМАДС – Региональном центре международного академического делового сотрудничества. Это была новая структура, которая отчасти занималась подготовкой иностранных студентов и проведением в вузе международных мероприятий. Я начинала читать документы, потом переводила, потом стала сама их составлять. На первых порах мне поручили проведение встречи выпускников ВГУ, посвящённую 35-летию обучения в вузе иностранцев. Игорь Николаевич был ярким, харизматичным руководителем, который горел международной деятельностью, постоянно развивался, старался изучать всё новое и просто не знал слова «невозможно». Он нас учил тому, что решение любой проблемы – это возникновение целого ряда новых возможностей, которыми необходимо воспользоваться.

– В то время уже были международные поездки? Как они были организованы?

– В 1999 году, будучи на первом курсе аспирантуры, я поехала на стажировку в Париж, в Национальный университет восточных языков и культур INALCO. Нам очень помогала Наталия Александровна Фененко, которая координировала всю работу по этому договору. В то время все было гораздо сложнее, случалось много нестандартных ситуаций. Например, чтобы получить визы, мы дежурили у посольства Франции в длинных очередях. Всё это я расцениваю как бесценный опыт. В тот период мы познакомились с массой прекрасных людей, которые приходили к нам на помощь, подсказывали, советовали. Установленные тогда отношения длятся до сих пор.

– Насколько значимыми вы считаете свои первые поездки за границу?

– Наши первые поездки за рубеж происходили на заре становления дружеских европейских отношений. И это была удивительная школа жизни во всех отношениях. Так совпало, что в то время, когда я поступила в аспирантуру, начала создаваться Ассоциация европейских исследований. Благодаря своей научной работе я начала всерьёз заниматься европейскими исследованиями, внешней политикой, политикой Франции, узнала, что такое ЕС, об этом тогда еще вообще мало говорили. Был сильно ощущаем разрыв между нашими культурами. Хотелось всё наверстать, впитать новое. Мы покупали книги,

копировали учебники, собирали по крупицам всевозможные источники. Во Франции нас встречали невероятно тепло. В Париже предоставили бесплатное жильё. Французские коллеги приглашали нас на различные культурные мероприятия, образовательные встречи, делились книжными находками. У нас не было денег, но была дружба, были книги, культура. Всё это сейчас я вспоминаю с большим теплом.

– Как продвигалась ваша работа по возвращению в Россию?

– Я привезла огромное количество документов, материалов и начала работать над диссертацией, тема которой звучала как «Европейская политика Франции. Становление первых европейских сообществ». Занималась послевоенной политикой Франции. Следом за первой студенческой поездкой состоялась командировка от университета в Бельгию по проекту TEMPUS, посвященному управлению университетом. И это был совершенно новый этап в освоении международной деятельности. Я узнала о том, что такое TEMPUS, международные проекты, увидела на практике, как это организовано, познакомилась с Католическим университетом города Лёвена. Бельгийские коллеги охотно делились информацией о том, как в их вузе осуществляется управление международной деятельностью. Сейчас, спустя время, те первые поездки вспоминаю с особым чувством, потому что они привнесли много новых знаний, которыми потом можно было жить несколько лет, внедряя увиденное и услышанное в повседневность. В ВГУ для меня началась достаточно интенсивная жизнь, я включилась в проектную деятельность. Писать проекты в то время было очень сложно. Сейчас я хорошо это понимаю. Я написала первый проект по программе европейских исследований «Жан Монне», вдохновившись идеями, полученными во Франции.

– Как с тех пор изменилась работа по международным проектам?

– Это очень динамичная сфера деятельности, где всё может поменяться буквально за пару часов, не говоря уже о нескольких годах. Трудности в совместной работе по проектам начались с 2015 года. Но есть устоявшиеся контакты, благодаря которым удается сохранять налаженные отношения с вузами. Все в мире понимают, что академическое сотрудничество невозможно прервать, потому что оно целиком построено на добрых человеческих отношениях, многолетних дружеских связях. В любое время студенты должны ездить по обмену в другие страны, только так они поймут, как устроен мир, смогут самостоятельно оценивать обстановку, делать выводы. Я считаю, что работа с иностранными студентами и

Игорь Николаевич Зорников
и Алла Акульшина

работа с нашими партнерами – это намного больше, чем просто формальные задачи. Это дело, в которое надо вкладывать душу.

Европейцы всё больше хотят узнавать о нашей стране – самой большой в мире, хотят посмотреть на нашу природу, поля, бескрайние просторы. Увидеть всё своими глазами. Пообщаться с нашими учеными, установить личные контакты.

– ВГУ считается одним из самых результативных вузов России в области реализации международных проектов. Какова их направленность? Что подразумевает работа над такими проектами?

– Международные проекты могут быть самыми разными: направленными на модернизацию учебного процесса (обучение и переподготовку преподавателей, усовершенствование учебных программ) или на развитие программ двойных дипломов в магистратуре и бакалавриате. Это проекты, подразумевающие проведение совместных научных исследований. Основная работа ведется по тому, каким образом лучше внедрить нововведения в привычный процесс. Алгоритм везде один и тот же: сначала нужно изучить опыт коллег, далее оценить, чего не хватает у нас, а потом сбалансировать существующую реальность с помощью рабочих инструментов. Мы работаем над тем, как взять самое лучшее, что есть там, и добавить к тому, что есть у нас. Безусловно, каждый проект – это обучение. Любая поездка привносит что-то новое, дает пищу для размышлений, высвечивает то, что мы не можем сделать без

европейского участия. Например, недавно мы изучали опыт европейских коллег в области проведения масштабных конференций. Постарались привнести в наши мероприятия их свободное посещение секций, более подробные руководства по встрече, разнообразили конференции знакомством с городом и культурой. Постарались сделать больше материалов на английском для того, чтобы европейские гости почувствовали себя увереннее и захотели еще не раз к нам вернуться.

– Какие трудности и перспективы международной деятельности вы видите?

– Бюрократия. Она проникает во все сферы. И международная деятельность страдает от нее не меньше остальных. Заявки по некоторым проектам выросли с четырех страниц до сорока. Увеличился объем критериев, усложнился порядок согласований. Но всё это преодолимо, потому что у нашей работы важная цель – формировать свободное открытое поколение, которое может самостоятельно делать выводы, аналитически мыслить, широко смотреть на мир и происходящие ситуации, умеет искать, читать и изучать источники. ВГУ необходимо, несмотря ни на что, развивать международную активность, терпеливо собирать одобрения по заявке, дипломатично работать с координаторами и быстро реагировать на требования к оформлению документов. Потому что это динамично развивающаяся сфера.

Беседовала Наталья Вальтер

ПРОГРАММА ДЛЯ КАРЬЕРНОГО РОСТА

Стажировки в лучших зарубежных и отечественных организациях, внедрение новейших и эффективных методов работы в свою деятельность, открытие новых предприятий, а также продвижение и актуализация старых – всё это результаты выпускников Президентской программы, которая реализуется в Центре подготовки управленческих кадров Воронежского государственного университета.

Каждый год более сотни молодых, талантливых и амбициозных выпускников пополнили ряды управленцев-профессионалов, которые способны применить полученные знания на практике, а также решить самые сложные задачи не только в бизнесе, но и в сфере государственного управления.

О том, каких результатов достигли слушатели Программы в Воронежской области, об основных возможностях выпускников Центра, а также о будущем проекта нам рассказала доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления организациями ВГУ, директор Центра подготовки управленческих кадров Лариса Михайловна НИКИТИНА.

– Лариса Михайловна, расскажите немного о вашей учёбе, поделитесь своими мыслями о том, как помогло обучение в ВГУ развитию вашей карьеры?

– В 1990 году я поступила на факультет прикладной математики и механики. А с третьего курса решила начать параллельно обучаться и на экономическом факультете, на вечернем отделении. Мне было интересно учиться в двух местах одновременно, хоть это и отнимало большое количество времени и сил.

На ПММ я специализировалась по кафедре дифференциальных уравнений, тогда её заведующим был профессор Иван Александрович Киприянов. Он знал, что мне нравилась экономика, и решил порекомендовать меня для написания курсовой и дипломной работ Игорю Петровичу Половинкину. Вместе с ним мы смогли совместить мои интересы по двум направлениям учёбы. Тогда тема моего диплома зву-

чала так – «Выбор оптимальной стратегии в рамках неоклассической модели экономического роста».

Я с уверенностью могу сказать, что все эти знания напрямую повлияли на развитие меня как профессионала в своём деле, дали уникальный опыт и помогли реализоваться.

– Был ли в вашей жизни такой человек, который серьёзным образом повлиял на вашу жизнь и профессиональный рост?

– Да, таким человеком для меня стал Владимир Наумович Эйтингон. В 2006 году началось наше долгое профессиональное сотрудничество. С его легкой руки я выиграла индивидуальный грант канадского правительства для участия в программе повышения квалификации российских преподавателей. Тогда он поддержал моё стремление участвовать в конкурсе, написал рекомендательное письмо, что придало мне уверенности, обеспечило победу и в конечном счете изменило мою судьбу.

Затем были годы совместной научно-исследовательской работы по грантам, интереснейшее профессиональное и человеческое общение, его участие в защите моей докторской диссертации... Было очень много хорошего и, к сожалению, невосполнимого.

Авторитет Владимира Наумовича для меня был совершенно непререкаемым, поэтому невозможно было представить, что однажды мне доверят продолжить его дело по подготовке управленческих кадров. Тогда он сумел объединить вокруг себя высококлассных преподавателей, собрал замечательный коллектив Центра подготовки управленческих кадров, заложил традиции, которые позволяют уже без него продолжать подготовку эффективных управленцев. Благодаря Эйтингону Программа имеет высочайший рейтинг не только в Воронежской области, но и в России.

– Что, по вашему мнению, послужило причиной возникновения данной Программы?

– В 90-е годы Россия столкнулась с проблемой переподготовки управленческих кадров, так как общество оказалось перед совершенно иной, чем в советское время, организацией экономической деятельности. Потребовались рыночные умения для управленцев. Нужно было создать программу, которая имеет высокий темп развития, а также адекватна тому, что запрашивает общество. Так и возникла Президентская программа.

– Кто входит в преподавательский состав Центра?

– У нас отличный профессорско-преподавательский состав, так как в нашем Центре он формируется из педагогических работников экономического,

Лариса Михайловна Никитина

юридического и других факультетов Воронежского университета, иных высших учебных заведений, а также приглашенных специалистов, некоторые из которых, кстати, выпускники Президентской программы. Сегодня они являются ведущими практиками нашего региона в своей сфере. Такой подход организации преподавательского состава даёт возможность ознакомиться как с фундаментальными исследованиями по тому или иному направлению, так и увидеть, как эти исследования и знания можно применять на практике, опираясь на опыт приглашенных специалистов.

– Расскажите, кто приходит учиться в ваш Центр, можете описать среднестатистического слушателя?

Занятия в Центре подготовки управленческих кадров

Слушатели программы

– Обычно, это человек 30–35 лет, с высшим образованием. Он уже имеет опыт управленческой работы, занимает достаточно высокую позицию, часто является собственником бизнеса или специалистом какого-либо предприятия. То есть к нам приходят люди, уже имеющие определенные навыки и знания и теперь ищущие способы развития и улучшения своей деятельности. При этом каждый из них в первое время с трудом перестраивается на образовательный процесс, так как в начале занятий сложно понять, что им требуется учиться так, как они учились в студенческое время. (*Смеётся.*)

После окончания обучения, кстати говоря, каждый из них благодарит нас за возможность вновь почувствовать себя студентом. Достаточно забавно слушать на протяжении всего периода обучения их истории о том, что они сначала делают домашние задания со своими детьми, а потом уже начинают делать то, что задали им самим в рамках Программы.

– Президентская программа реализуется уже много лет. Что получилось сделать за эти годы и, самое главное, какие результаты дала Программа слушателям?

– За все эти годы Программа превратилась в укоренившийся институт со своими нормами, правилами, организационными формами. В Воронежской области это самый звучный бренд управленческого образовательного проекта, который непосредственно связан с именем Владимира Наумовича Эйтингона.

Совершенно ясно, что в современном мире без хорошо подготовленных руководителей невозможно эффективно осуществлять преобразования в экономике. Сейчас рынок требует высококлассных дипломированных специалистов во всех сферах жизни. Другое дело – сколь качественно подготовлен к практической деятельности дипломированный специалист. Качество подготовки кадров в конечном

счете определяет качество жизни общества. Именно поэтому подготовка менеджеров для регионального сектора экономики и возведена в ранг государственного плана. Многие компании из года в год направляют своих сотрудников и даже целые команды менеджеров на обучение именно по Президентской программе. Это свидетельствует о том, что бренд Президентской программы подготовки управленческих кадров прочно закрепился в сознании российских руководителей как символ качества.

Президентская программа – это новые перспективы для российских руководителей. После ее окончания у большого числа людей начался стремительный карьерный рост. Наши слушатели создали множество новых предприятий, ими было реализовано более 200 проектов в самых разных отраслях. Также наши выпускники часто объединяются и начинают разрабатывать совместные бизнес-проекты.

– Есть ли у ваших учеников возможность проходить какую-либо интересную практику? Слышала, что некоторые слушатели даже могут отправиться стажироваться за границу. Это так?

– По окончании Президентской программы, после достаточно сложного конкурсного отбора, лучшим выпускникам удаётся попасть на стажировку в ведущие российские и зарубежные организации длительностью от 3 до 12 недель. Зарубежные стажировки проводятся в Германии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Франции, Японии, Китае и других странах.

Особенно восторженно ученики отзываются о стажировках в Японии и Германии. Они приезжают вдохновленные и заинтересованные иными подходами к управлению бизнесом, смотрят на процессы работы предприятий изнутри, а после перенимают опыт ведущих стран для своей работы. Возможностью пройти зарубежную практику нашим слушателям можно воспользоваться в течение 10 лет после окончания обучения.

Также нам удалось пообщаться с Марией Романовной КОСТЯНСКОЙ – выпускницей Президентской программы 2019 года, которая по совместительству является ещё и специалистом по учебно-методической работе Центра подготовки управленческих кадров.

– Как долго проходило ваше обучение в Центре подготовки управленческих кадров? В какой форме оно проводилось?

– Моё обучение продлилось чуть меньше года, если говорить точнее, то мы начали занятия в самом конце февраля, а получили дипломы о профессиональной переподготовке в последнюю пятницу ноября. Всё это время у нас шел очень интересный и интенсивный учебный процесс. Занятия проходили в вечернее время, для меня это было в новинку, так как я никогда не была студенткой вечернего отделения, но была наслышана, что это довольно трудно в первое время. Теперь и сама на практике смогла в этом убедиться, так как после тяжелого рабочего дня приходилось переключаться на изучение нового материала, было сложно перестроиться, но потом я втянулась.

– Какие преимущества появились у вас и ваших коллег после обучения по Президентской программе?

– Основным преимуществом для всех выпускников является сам диплом о получении профессиональной переподготовки. Но я бы выделила ещё такое преимущество, как приобретение новых компетенций. Хоть было и сложно охватить всё за столь сжатые сроки обучения, но преподавателям удалось грамотно объяснить базу, обозначить направления дальнейшего обучения и развития. У нас появилась возможность самостоятельно изучать какие-то детали, в зависимости от того, какие вопросы требовалось проработать в рамках профессиональной деятельности каждому из слушателей.

Также я бы хотела отметить, что Программа позволяет расширить свой круг общения. Мне, как сотруднику и выпускнику Президентской программы, довелось познакомиться со многими интересными людьми. Ведь каждый слушатель Программы уникален, у каждого есть особенный опыт, которым все с радостью делились на протяжении всего обучения.

– Как вы лично оцениваете данную Президентскую программу и её реализацию в Воронеже? Как думаете, что ожидает Центр в дальнейшем?

– Мне очень нравится, как организована работа Центра, поскольку в ней присутствует регулярность. Люди не выпадают из учебной среды, они учатся практически каждый день, что позволяет им лучше усваивать материал. Также у нас отличный педа-

Мария Романовна Костянская

гогический состав, потому что в Центре работают как наши штатные сотрудники, так и приглашенные специалисты.

В настоящий момент Программа переживает изменения: 23 декабря 2019 года премьер-министром было подписано постановление о продлении Президентской программы до 2024 года с внесением некоторых изменений в методические рекомендации по её реализации. В первую очередь эти изменения затронут учебный план. Уверена, что благодаря им мы сумеем актуализировать Программу, что привлечёт в наш Центр больше слушателей.

Кроме того, мне хотелось бы отметить, что в Воронежской области один из самых высоких показателей по количеству квот на обучение по данной Программе. Президентская программа предполагает совместное финансирование, где 1/3 оплачивается слушателем самостоятельно или организацией, которая рекомендует его на обучение, а 2/3 – из средств федерального или регионального бюджетов. На мой взгляд, тот факт, что наша область уже несколько лет подряд получает наибольшее количество квот на число обучающихся, говорит о том, что есть большая заинтересованность жителей региона в получении новых знаний, а также что реализация данной Программы каждый год проходит на высоком уровне.

Беседовала Евгения Гринберг

ИРИНА КОРОТКИХ

ОНОМАСТИКА ОДНОЙ СУДЬБЫ

Бытует мнение, что имя человека отражает его характер. Кто-то верит, а кто-то – нет. Но все-таки определенную черту, самую яркую, оно передает. Например, имя Геннадий в переводе с древнегреческого означает «благородный». К счастью студентов филологического факультета ВГУ, Геннадий Филиппович Ковалев именно такой преподаватель. К нему всегда можно обратиться с просьбой, и он поможет. Но, заходя к заведующему кафедрой славянской филологии, будьте бдительны. Оглянуться не успеете, как вас затянет в круговорот филологических шуток и анекдотов, после которых вы вовсе забудете, зачем приходили...

На часах без десяти пять. Коридоры факультета опустели. Пятница... Но на кафедре славянской филологии еще осталась одна благородная душа. Дверь заскрипела и сначала выглянула седая голова, а потом и все тело целиком. Геннадий Филиппович позвал нас в свою «обитель».

Мы расположились за большим круглым столом. А наш герой, приготовившись к долгой беседе, сел поудобнее в мягком кресле, загадочно улыбнулся и... начал рассказ.

ШКОЛА ДЛЯ РАЗГИЛЬДЯЕВ

Сейчас Геннадий Филиппович – педагог, учитель (это разные понятия!), один из немногих профессоров-славистов в Центральном Черноземье, заведующий лабораторией воронежского лингвоязыковедения имени профессора Собиной. Но, как и каждый из нас, когда-то он был школьником...

– Я очень благодарен родной школе за то, что в ней было «мужское» воспитание, – говорит профессор. – Почти все учителя были мужчины-фронтовики, они относились к нам, как к сыновьям. Они нас учили не сухой теории, а тому, как ее можно использовать в жизни. Поэтому мы часто хулиганили не столько из-за того, что были хулиганами, а потому, что хотели на практике «разобраться» с теорией.

Тогда же Гена Ковалев пристрастился к чтению и был частым гостем в библиотеках. Вообще,

в те времена люди бережней относились к книгам и взахлеб читали почти всё. Например, очередь в школьной библиотеке из желающих прочитать роман «Айвенго» Вальтера Скотта могла достигать двадцати человек. Но будущему слависту книгу давали без очереди. Такие вот привилегии постоянного читателя... Но, несмотря на страсть к книге, школьные занятия по литературе юноша недолюбливал:

– Нам вдалбливали акына Джамбула и Фадеева; ни Достоевского, ни Есенина в программе не было, поэтому мне было скучно. Успеваемостью я не отличался, гнаться за оценками в то время было не в моде. Поэтому в моем аттестате были тройки. Хорошие оценки были только по предметам, которые мне нравились: по географии, биологии, истории. Но математика, физика – это было не мое. По русскому языку я принципиально не учил правила. Зато писал грамотно, поэтому двойки по устным за-

нениям компенсировались хорошими оценками по письменным.

В общем, школа вывела меня и многих других разгильдяев и лоботрясов в большую жизнь.

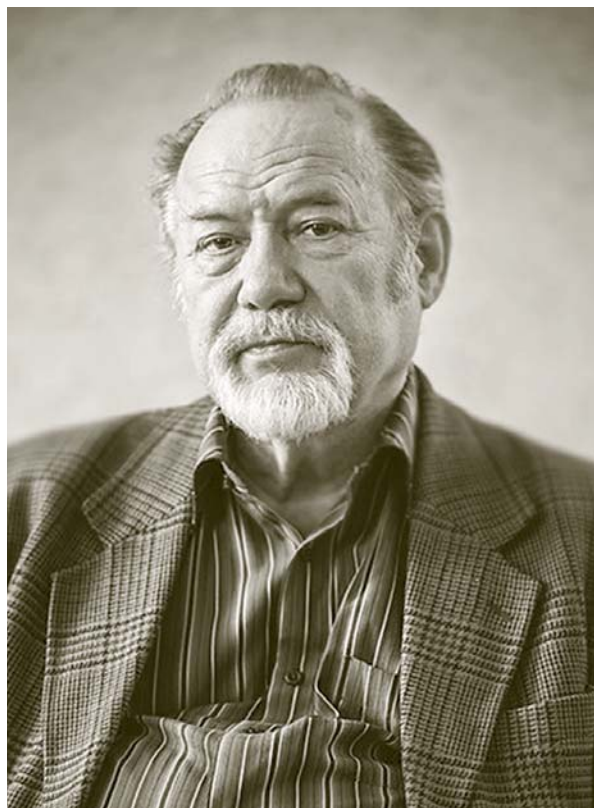
УПАЛ С НЕБА И РЕШИЛ СТАТЬ ФИЛОЛОГОМ

Ковалев не сразу решил связать жизнь с филологией, а тем более со славянской. Он мечтал о многих профессиях. Сначала хотел стать геологом, потому что зачитывался книгами известного отечественного учёного-минеролога Александра Ферсмана, потом была мысль стать историком, точнее – археологом.

– Наша учительница в школе так заразила меня древней историей, что я и сейчас помню её уроки.

А потом заинтересовался радиофизикой. Как Ньюто́ну пришла гениальная идея, когда на голову ему упало яблоко, так и на нашего героя «свалилась» мысль, когда он собирал приемники, – мысль поступить на отделение радиофизики физфака ВГУ. У него были невысокие оценки по предметам, нужным для поступления, однако он все равно готовился, корпел над книжками. Но, увы! Судьба распорядилась иначе. В разгар вступительных экзаменов военкомат направляет призывника Геннадия Ковалева в воздушно-десантные войска Вооруженных сил СССР – прыгать с парашютом.

Служил Геннадий Филиппович в Литве, в городе Алитусе – ни много ни мало три года. Был в роте связи и дослужился до радиста первого класса. Правда, к прыжкам с парашютом допустили не сразу – не та рота. Но эту, как говорят десантники, «благодать» он тем не менее испытал.

Геннадий Филиппович Ковалев

– Прыжок с парашютом – это постоянное преодоление себя, огромное удовольствие не только от ощущения свободы, парения, а еще и от того, что ты преодолеваешь страх и выпрыгиваешь из самолета с высоты 4–5 километров от земли. За все время службы я совершил не более 25 прыжков.

Сегодня мой день рождения. Нас выбросили десантом на эстонский рыбачий остров Са-арема. Жара тут страшная. Градусов 30, не меньше. И воды нет. Делать нечего, придется пить из грязных луж. Эй, боец, наливавай водицы в пилотку, из нее пить будем. Эх, она ж соленая от пота...

Развернули радиостанцию. Молодого оставил сторожить, а сам пошел искать воду. Я-то выдержу без нее, а салага – нет. Выхожу из леса и вижу избушку почти на курьих ножках. Из нее старушка выглядывает. Подхожу, говорю, мол, дайте попить. А она мне руками показывает, машет, просит флягу. Протягиваю. Через пару минут фляжка вновь в моих руках. Открываю... а там молоко! Холодное, прекрасное молочко!

Старушка довольная смотрит на меня, наблюдает за моим изумлением. А я по карманам копать начал, денежку искал, чтоб заплатить. А она мне: «Не, не. Гут, гут». Она почему-то по-немецки говорить начала. Видимо решила, что если по-эстонски не пойму, то хоть по-немецки чего уразумею. И тут я услышал что-то похожее на «внук». Да, точно. Внук! И я понял по ее жестам, что у нее внук в России служит. «Во дела. Я тут, а он в России, – подумал я. – Каков же народ. Все ясно, даже если не знаешь языка, ведь народ говорит близко к тому, что чувствует. Эх, через 20 дней поступать на филфак.

Да, поступать боец ВДВ Ковалев собрался на филологический факультет. Виной тому стала блестящая библиотека в армии. Там наш герой вновь влюбился в литературу...

ГЕНОФОНД НАЦИИ

Ковалев поступил на филфак и сразу же взялся за учебу. Учился усердно, и не зря – окончил ВГУ с красным дипломом. Под чутким руководством профессоров Федоровой, Собинниковой, Поповой специализировался по словообразованию и ономастике славянских языков. После второго курса ему была назначена повышенная именная стипендия имени Льва Толстого, которую он получал до самого окончания университета. Геннадий успевал все: и учиться, и заниматься общественной работой (четыре года в комитете комсомола ВГУ отвечал за учебную работу).

В 1960-е годы учеба в воронежском университете была «весьма коллективной». Все ездили либо в колхозы, либо на фольклорную или диалектологическую практики. Но он и тут отличился. Его прельщала романтика студенческих строительных отрядов.

– Я так и не съездил на диалектологическую практику, потому что работал в стройотряде, но ездил на фольклорную. Так как я был коммунистом, на меня возложили опеку единственного негра на практике. Бабушки думали, что он обгорел, постоянно молочком угощали. Время было замечательное. После практики мы отчитывались по найденному материалу: половину частушек я собрал, половину придумал вместе с другом. Некоторые даже вошли в сборник «Частушки Черноземья». «Вот эти с хорошим юмором частушки! Видно, что народные!» – говорил профессор Лазутин. А мы ему в ответ: «Дада. Это дед нам один читал!» – и хихикаем в сторонке. Хорошо было! В молодости всё хорошо!..

За сборник «Частушки Черноземья» Ковалев и несколько его однокурсников были награждены золотой медалью Министерства высшего образования. И это единственная награда, которой он удостоился за всю свою профессиональную деятельность.

Наш герой учился хорошо, успевая и общественными делами заниматься, и людям помогать:

– Одной девочке поставили тройку за экзамен. И я понимал, что она не выживет без стипендии. Знал ее ситуацию. И пошел к преподавателю. Поговорил с ним, уговорил оставить стипендию. А сейчас что? Студенты даже не знают друг друга на курсе. Не то чтобы помочь кому-то. Раньше ребята были сплоченные. Вообще, филфак – это необычный

факультет. Здесь – генофонд нации. Это люди, которые будут грамотно говорить, грамотно подавать литературу и историю. Юристов мы можем купить? Можем. Можем преподавателя иностранных языков купить? Можем. А можем мы купить русистов?.. Где мы их купим? В Америке? В Японии? И эти места сокращаются... Страшная вещь!

Если студент не помнит, как он сдавал экзамены, это может означать только одно. Что он не учился в университете. Ведь как можно забыть такое?

Готовились мы так: один студент читал одно произведение, второй – другое и так далее... А потом все это друг другу пересказывали. Опять же, в то время мы были одной командой. Был такой случай. Я не прочитал «Очерки бурсы» Николая Помяловского. Прихожу на экзамен. Говорю девочкам: «Ну-ка, о чем там речь? Что там важного?» Послушал, запомнил. И вытянул на экзамене как раз этот билет. Делать было нечего. Со стыдом в душе еле смог рассказать, что запомнил, а преподаватель меня останавливает и говорит: «Молодец, Ковалев, давайте следующий вопрос».

Из всех кафедр, существовавших на тот момент на факультете, будущего слависта привлекала только одна – кафедра славянской филологии. Там он и работает по сей день. Его курсовые были посвящены изучению польского и других славянских языков. Наверное, поэтому выпускник Ковалев мог свободно читать на всех современных славянских языках и делать переводы.

ДОМОЙ В ЯКУТИЮ!

В 1970-х годах в ВГУ существовал рейтинг выпускников, имевших право выбирать место распределения. Декан филфака Гудошников предложил Ковалеву, который был в списках первым, работу в Подмоскowie. Но Геннадий не искал легких путей – ему хотелось, чтоб было потрудней, поинтересней! Хотел пожить самостоятельно, где никакое начальство его не достанет. И ему предложили Якутию. Алексеевский район. Село Чимнай.

Откровенно говоря, это глушь. Ни водопровода, ни нормального туалета. А что уж говорить о телевизорах... Но наш герой все равно был счастлив и проработал там три года.

– Я получил удовольствие от того, что самостоятельно работал, делал то, что мог, что умел. Нагрузка была страшная. Я вел и русский язык, и литературу, а также историю, черчение, труд. Вел туристический кружок и фотокружок. Вести литературу параллельно с историей оказалось превосходно. Ведь эти дисциплины тесно связаны между собой.

Якутские ребята были плохо подготовлены. Но каждый из них все равно был в чем-то талантлив. Ковалев спросил у них однажды, почему они плохо учатся. Последовал ответ: «А зачем нам время тратить на учебу? Все равно потом будем коров или

свиной пасти». Оттуда мало кто поступал в вуз. Уже потом, вернувшись в Воронеж, Геннадий Филиппович случайно узнал, что четверо его учеников из Якутии поступили в университет. Такое было впервые для тех мест.

У меня в Якутии появился свой кот. Он был громадный, черный. Я звал его Цыган, с ударением на Ы. Выдрессировал. «Ну, что, Цыган, помнишь, как я учил? Не оплошай!»

– Снова все плохо диктант написали. Ну, посмотрите, все красной ручкой перечеркано. Что ж вы так плохо учитесь? Мой кот, и то лучше по-русски говорит, – они изумленные на меня смотрят. – Приходите после уроков ко мне, посмотрите, как он разговаривает.

Пришли. Стоят у дверей.

– Цыган, поздоровайся с ребятами.

– Мяу!

Ребята в ступоре. Как так, кот разговаривает!

– Цыган, кушать хочешь?

– Мяу!

– Может, тебе мяса дать? – говорю ему. Он опять:

– Мяу.

А дети в восторге. Они видят, что кот понимает, о чем ему говорят, но отвечает всего одним словом. Но отвечает же! Значит понимает. Более того, когда он стал есть на полу, я сказал: «Цыган, это не культурно, иди-ка на место». И кот понес колбасу на блюдечко и там ее доел. Подошел и просит глазами еще. Я говорю:

– А спасибо твое где?

Кот на полном серьезе сказал:

– Мяу.

Этот случай быстро разнесся по селу. И ко мне уже взрослые стали приходить, послушать, как кот по-русски говорит. А я им отвечаю:

– Да нет, он у меня только по-кошачьи.

Вот так и рождаются легенды. А мальчишки потом лучше учиться стали.

Якутия – страна богатая. Здесь большие запасы угля, золота, алмазов, лиственницы. Но, по мнению самих якутов, это никому не нужно. Геннадия Филипповича это сильно удивляло. Он не понимал, почему якуты печи топят дровами, хотя у них уголь под ногами лежит и каждый год сам возгорается.

– Там прекрасная природа. Летом температура за 30 градусов. Сухо, почти без дождей. Речка чистая. Выплываешь на середину, а там глубина 3–4 метра. И виден каждый камешек, каждая травинка, рыбки плавают. Чистейшая вода. Грибов – море. Я их собирал и заготавливал. Потом научил якутов грибы мариновать. Это мне очень дорого обошлось. Как только какой праздник или свадьба: «Пилипыч, приходи на праздник, возьми баночку грибов».

За три года Ковалев настолько привык к Якутии, к ее неповторимой прекрасной природе, что, находясь летом в отпуске в родном Воронеже, скукачал по северным широтам и говорил маме: «Все, поеду домой, в Якутию!»

ИМЯ И СУЩНОСТЬ

Но в Воронеж он все-таки вернулся. На любимый факультет. К сожалению, места в аспирантуре на кафедре славянской филологии не оказалось, и молодому филологу, имевшему опыт обучения иностранцев, предложили поработать на подготовительном факультете для иностранных граждан. И только через два года ему предложили работу на кафедре русского языка.

Очень быстро защитил кандидатскую диссертацию и издал свою первую монографию «История русских этнических названий».

В 1991 году Геннадия Филипповича назначают новым заведующим кафедрой славянской филологии.

В это время Ковалев продолжает изучать этнонимии славянских языков, по которой пишет докторскую диссертацию, а после ее защиты берется за новое направление – литературную ономастику.

Презентация новой книги

– Ономастика – наука сложная, она касается сразу нескольких дисциплин: затрагивает историю, литературу, язык, антропологию, археологию. Сейчас на ономастику смотрят лишь с позиции «Как тебя зовут?». На самом деле вся наша история идёт через ономастику. За что ни возьмись, везде будут имена. Вот Бородино. Можно даже не подставлять год, название сразу скажет о дате – 1812-й. К сожалению, для того чтобы заниматься ономастикой, мало знать родной язык, нужно знать несколько родственных и иностранных, тогда у вас что-то выйдёт. Кроме нашей кафедры, мало кто занимается ономастикой. Но дело движется. Например, я издал такие книги: «Литературная ономастика», «Писатель и имя» «Пушкин. Ономастический комментарий». В проекте – «Ономастическая энциклопедия Воронежской области». Наша лаборатория лингвокраеведения выпустила «Словарь микропонимов Воронежской области». В ней мы объединили историю и язык, не рассматривая их по отдельности. А еще наша кафедра не так давно выпустила такие книги, как «Словарь воронежских говоров», «Ономастика творчества А. А. Шаховского», «Наименование одежды в русских говорах Воронежской области».

ПОМОГАТЬ ДРУГИМ И НЕ МЕШАТЬ НИКОМУ

К своим студентам профессор Ковалев относится, как к детям. На кафедре и факультете он старается работать так, чтобы помогать другим и не мешать никому, – это его правило. Главным человеком на кафедре славянской филологии считает студента. Уверен: не будет студентов – и вообще бессмысленна работа вузовских преподавателей. «Если вы будете учиться на тройки – нам с вами не по пути», – говорит обычно своим подопечным. Ведь серьезная научная деятельность требует отдачи.

– Факультет не может сделать из человека первокурсника филолога, если он сам не захочет учиться, если у него не будет мотива. Карл Маркс на старости лет начал изучать русский язык. У него была мотивация. Поэтому учиться никогда не поздно.

На кафедре зазвонил телефон. Профессор взял трубку.

– Здравствуйте! Геннадия Филипповича можно? – услышала я.

– Можно, – отвечает он. – Геннадь Филиппыч! – позвал. Через секунду сам же отвечает: «Слушаю»...

В этом весь он – профессор Ковалев.

АНГЕЛИНА ОБОЛОНСКАЯ, ПАВЕЛ ПОНОМАРЁВ

НАСТОЯЩИЙ СЕМЁНОВ

Декан химического факультета ВГУ, профессор, доктор химических наук Виктор Николаевич Семёнов – авторитетный учёный, специалист по неорганической химии. Член двух диссертационных советов. В одном – заместитель председателя, в другом – председатель. Является главным редактором научного журнала «Конденсированные среды и межфазные границы», индексируемого в международной базе научных изданий Scopus. Известен тем, что под его наставничеством в 2015 году был разработан такой «выстреливший» проект, как «твёрдая вода». Но нам хотелось бы поговорить о неизвестном Семёнове.

БОЛЬШОЙ СЕМЁНОВ

Уто знают о Викторе Николаевиче Семёнове в альма-матер?

Деятельный организатор.

Отзывчивый наставник.

Скромный учёный.

Большой человек – Виктор Николаевич Семёнов.

Ещё – демократичный руководитель: работу на факультете построил не по свистку, а в неторопливой и доброжелательной манере, так свойственной самому декану. К коллегам – не поленился спуститься за подписью документа на первый этаж. Студенту – не откажет в решении вопросов быта. На факультете – задержится допоздна. Да ещё и проведёт в корпусе весь свой летний отпуск. Мелочи, а много значат.

В этом – весь Семёнов: деликатный, интеллигентный, обходительный. Добродушный – этакий «папа» факультета.

За жизнь, кажется, не сделал ничего дурного. (Кажется?)

Такого Семёнова – все знают.

Перед интервью с Виктором Николаевичем мы попросили студентов и коллег охарактеризовать своего декана – буквально парой слов.

И что удивительно – все как один начинали с одного простого слова:

– Добрый.

Некоторые дополняли ещё: отзывчивый, чуткий. А кто-то просто улыбался и ничего не отвечал. Наверное, думая, что улыбка всё скажет за себя.

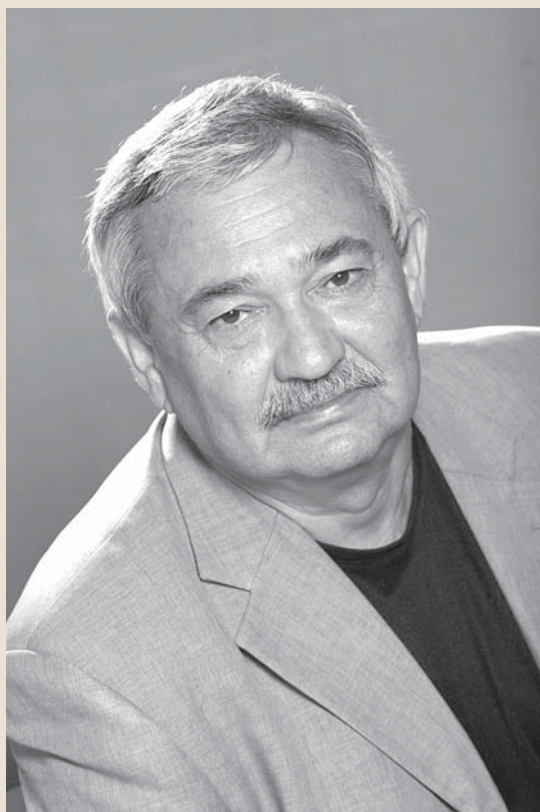
И добавить – нечего.

А всё-таки, какой он – Виктор Николаевич Семёнов?

Мы долго искали ответ на этот вопрос, пытались зацепиться за нечто большее – большее обыкновенной доброты. (Бывает ли больше?)

Или, напротив, – за меньшее, за изъян доброго человека. За несостоявшегося военного. За мелочь. За мелочного – то есть маленького – Семёнова.

И ведь правда – мелочным Виктор Николаевич никогда не был, а вот маленьким...

Виктор Николаевич Семёнов

СЕМЁНОВ МАЛЕНЬКИЙ

– Я не очень расстроился, что не стал военным, – говорит Виктор Николаевич. И добавляет бесхитрое:

– Это опасно.

Через паузу снова добавляет:

– Мой отец – лётчик – несколько раз разбивался на самолёте.

Виктор Николаевич «династийный» – из семьи военных: дед был командиром дивизии, учился в академии Генштаба; отец – лётчик-испытатель, занимался съёмкой секретных территорий – в том числе в Турции, где несколько раз был близок к смерти.

Великую Отечественную войну лётчик-испытатель Николай Александрович Семёнов пережил на Дальнем Востоке, охраняя границы страны. Наверное, поэтому остался жив. А навоеваться успел в Корею. Мать Вите тогда сказала: «Нет, ты лётчиком не будешь». Впоследствии, как признается сам Виктор Николаевич, он ни разу в жизни не пожалел, что не выбрал военную судьбу. Хотя родной брат всё-таки пошёл по протоптанной династией тропе.

Школьные годы прошли в переездах – как это всегда бывает у детей военных отцов. Перемеща-

лись из одного закрытого городка в другой. Потому, может, своё детство Виктор Николаевич вспоминает с досадой.

– С одной стороны, я посмотрел страну, с другой – дети в обычных городах имели возможность посещать школу юного физика или математика, ходили в кружки, а у меня всего этого не было. Да и мать не могла устроиться на работу – сидела со мной и братом. Хотя готовила себя к мединституту.

Семёнов вспоминает яркую деталь детства: сидят за партой в классе – директор вызывает одного из товарищей и говорит ему: «Твой отец при испытаниях разбился».

Часто так было в школе.

Всего школ в жизни Семёнова было четыре. В первый класс Виктор пошёл в Иванове. Затем семья перебралась в Мелитополь. Потом отца перебросили в Челябинск. Часто, вспоминает Виктор Николаевич, приходилось уходить из школы, так и не завершив учебный год, а потом догонять программу самому. Каждый раз – новая школа, новые учителя и новые одноклассники, такие же дети военных. Для них, узнающих все важные новости от отцов заранее, это переставало быть сенсацией, воспринималось как обыденность. Например, когда отец сказал Виктору, что завтра человек впервые полетит в космос, маленький Семёнов прослушал эту новость спокойно – без энтузиазма. Отец, кстати, знал Гагарина лично и тоже готовился к полёту в космос, но не прошел комиссию из-за ухудшившегося зрения.

В 14 лет у Виктора Семёнова началась химия. Увлёкшая в этот предмет учительница фактически определила судьбу.

– Учительница хорошая попалась, – улыбается профессор.

Последнюю школу окончил в Воронеже, куда в очередной раз отправили служить отца. И – поступил на химический факультет ВГУ.

СЕМЁНОВ-СТАРШИЙ

Виктор Николаевич вспоминает такой характерный эпизод из юности:

– Когда мы переехали в Воронеж, я взял у отца «Волгу» и поехал на Центральный рынок. Припарковался и ушёл за продуктами. А в это время кто-то, видимо, разворачиваясь на грузовике, стесал у легковушки целое крыло. Я страшно расстроился, а, когда приехал домой, отец стал меня успокаивать – подбадривать, что ничего страшного не случилось: можно поставить новое крыло.

А вот ещё подобное: в пять лет Витя первый раз сел за руль – отец посадил. Поехали на новень-

ком «Москвиче» и... врезались в дерево. Обругать ребёнка за такое – проще простого. Но что бы вы думали? Ничего подобного.

– Отец был очень лёгким человеком, – говорит Семёнов. – При этом в нём было прекрасно развито чувство долга. А еще он был большой человеколюб.

Машина во дворе, где жили Семёновы, была одна – у Семёновых. Николай Александрович всех соседей возил по их делам – бесплатно, разумеется. А когда попал в больницу с первым инфарктом, позвонил Виктору и сказал:

– Я тебя очень прошу... Я договорился отвезти дочку товарища в ЗАГС. Сделай это завтра.

Сделал. Что ещё оставалось?

Хотя Виктор Николаевич и говорит, что на отца он похож мало, нам показалось, что именно этот отцовский пример стал ключевым для сына.

– Я вообще часто переживаю. Переживаю, что что-то не так сделал, что-то не то сказал. Это, наверное, плохая черта? Ведь есть такие вещи, на которые и внимания обращать не стоит – а я обращаю. Вчера вот кое-что не получилось – и всю ночь не мог заснуть. Даже с собакой из-за этого пошёл гулять не в 5:30, а в 5:00. Из-за собаки вставать приходится рано...

За собаку волнительно – за себя нет.

СЕМЁНОВ-ХОЗЯИН

Собака – член семьи. Но приходится тяжело – особенно сейчас.

– Собаке 14 лет. Видно, что скоро конец, – говорит Семёнов. – Сколько зарекался: больше не брать собак – и всё равно беру. Но на этот раз, наверное, – точно всё.

Всего их было три: обезьяний пинчер, проживший 18 лет, помесь ризен- и миттельшнауцера (прожил 11 лет – из-за возникшей опухоли пришлось усыпить) и чёрный лабрадор – нынешний. Единственная за всё время девочка.

– Одно время, – рассказывает Виктор Николаевич, – у нас жили сразу две собаки. Притом что дом у нас не свой, частный, а квартира. Когда кто-то был дома и при этом возникал посторонний шум, они бросались к двери и начинали лаять, а если дома никого не было – не лаiali совсем. Нынешняя моя Шакира – вообще не лает. Очень добрая. А вот помесь ризен- и миттеля был очень злым. Разные они – собаки... Иной раз едешь с ней на дачу, а она не находит себе места. Постоянно ходит следом – боится, что её оставят. А садишься в машину – и она садится, начинает лаять – мол, и меня заберите, не забудьте. С собаками интересно.

СПИННИНГИСТ СЕМЁНОВ

И всё-таки на даче Виктор Николаевич появляется редко. Причина всё та же – много работы. Орудует на участке супруга, а Виктор Николаевич помогает ей вскопать, полить, собрать... Хотя сам признаётся, что все огородные дела не очень-то любит.

А вот что любит – так это рыбалку. После собак – вторая страсть.

– Мне повезло с друзьями – все они, как правило, рыбаки. Многие из них – друзья детства, ещё со школьных времен. Так вот наш профиль – спиннинг. Правда, друзья занимаются ещё охотой, но убивать животных – мне как-то не по душе... На рыбалку выезжаем большой компанией, на нескольких машинах, и остаёмся с ночёвкой.

Выступление на ученом совете ВГУ

Справа налево: профессор В. Н. Семёнов с профессорами-коллегами из Германии – почетным доктором ВГУ Франком Рёсснером (Ольденбургский университет) и Матиасом Викледером (Гессенский университет). 2016 год

Мечта Семёнова – поехать на Волгу. Но всё никак не получается. Поэтому довольствуется реками ближними: Хопёр, Битюг, Дон.

– Причём на Дону, – замечает спиннингист Семёнов, – лучше рыбачить в районе Верхнего Мамона: там есть такое место, где река течёт не с севера на юг, а с юга на север. Там хороший клёв.

В этом году научил семилетнего внука забрасывать спиннинг – правда, за пять дней лова ни зрелый, ни начинающий рыбаки ничего не поймали.

СЕМЁНОВЫ

Внуков у Семёнова двое: одному будет восемь, другому – пять.

Внуки любят проводить у бабушки с дедушкой выходные и бывать на даче. Причина простая – бабушка и дедушка позволяют значительно больше, чем родители.

Правда, занимается внуками в основном жена – Галина Владимировна. Тоже доктор наук. Тоже профессор. Тоже химик – преподаёт на кафедре общей неорганической химии. На общей с мужем кафедре.

Галина Владимировна в плане династичности состоялась: дед был завкафедрой теоретической физики в ВГУ, мама – математик, одно время бывшая деканом Педагогического института. Папа – физик. А дочь – стала химиком.

Окончил химфак и сын Семёновых – с отличием. Поступил в аспирантуру. А потом сказал отцу, глядя на него с мамой: «Хочу жить по-другому».

Как это – «по-другому»?

Оказывается, очень просто: получать большую зарплату.

Так несостоявшийся учёный стал бизнесменом. (Характерная для страны ситуация.)

СОСТОЯЛСЯ

А что же Виктор Николаевич? Состоялся ли он?

– Я никогда не думал, что пойду в науку. Если жена в этом плане – человек определившийся и целеустремленный, то моя жизнь сложилась несколько иначе. Тем не менее есть результаты, которыми я доволен: я никогда никому не завидовал; шёл своим путём; что мог, то делал; не переносил предательства.

И тогда мы спросили:

– А если предадут вас?

– Сделаю вид, что не заметил, и буду переживать это с самим собой.

И тогда мы поняли: в этой фразе и есть настоящий Семёнов.

Тот, который скроет свою беду.

И – переживёт её с самим собой.

А мы – со-переживём это вместе.

УМЕНИЕ ПРОСЧИТАТЬ БУДУЩЕЕ

На первый курс он поступил, имея за плечами опыт. «Я был человек взрослый, не школяр. У меня был пятилетний стаж работы и армии. Все понимали, что я человек серьезный». Так начинает рассказ о себе профессор экономического факультета ВГУ Юрий Игоревич Трещевский.

Сейчас ученики запрограммированы сразу после школы идти в университет. В 60-х годах XX века представления о мироустройстве были совершенно иные. Не было стремления во что бы то ни стало сразу пойти в вуз.

– В тот момент мне это было интересно, я пошел на тяжелую работу, но она мне нравилась, – рассказывает Юрий Игоревич, – работал грузчиком на пилораме и параллельно готовился к службе.

Готовился основательно – пошел в аэроклуб, в парашютную секцию, где заработал 2-й разряд по парашютному спорту. На этом спортивные достижения не заканчивались – был второй разряд по стрельбе, боксу и лыжам.

После двух лет службы, «а если более точно, то после 764 дней», по выражению Юрия Игоревича, он «вернулся на гражданку». Уже надумал идти в вуз. Но стоял декабрь, набора не было. Пришлось еще полгода поработать плотником-слесарем.

В сентябре он поступил в Воронежский лесотехнический институт. Учился отлично. Не было ни

одного балла ниже пятерки, а добрая половина экзаменов шла автоматом. На третьем курсе стал Ленинским стипендиатом. И вот по окончании обучения Трещевский идет не в вуз, а в лабораторию вновь открывшегося Центрального научно-исследовательского института лесной генетики и селекции.

Почему туда? На тот момент для юноши ответ был очевиден: всем молодым специалистам по договору «на входе» давали квартиру. То есть молодой исследователь, проработав год в этой «конторе», мог твердо стоять на ногах.

Параллельно в это время поступало много предложений по аспирантуре – и из Ленинградской лесотехнической академии, и из родного Лесотехнического института....

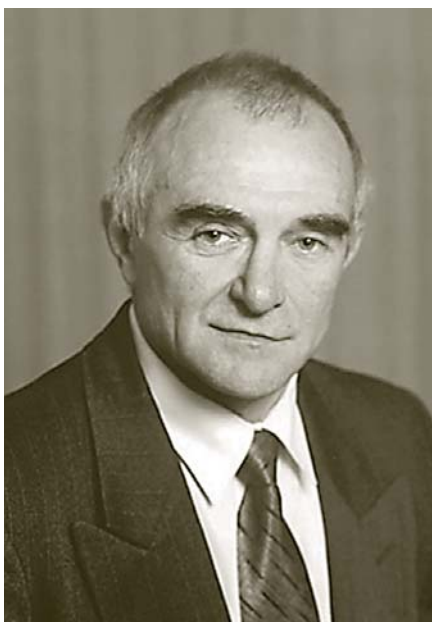
И сложилась судьба.

Трещевский поступает в аспирантуру и защищается в Ленинградской лесотехнической академии. Работа оказалась по большому счету практической. Юрий Игоревич вспоминает:

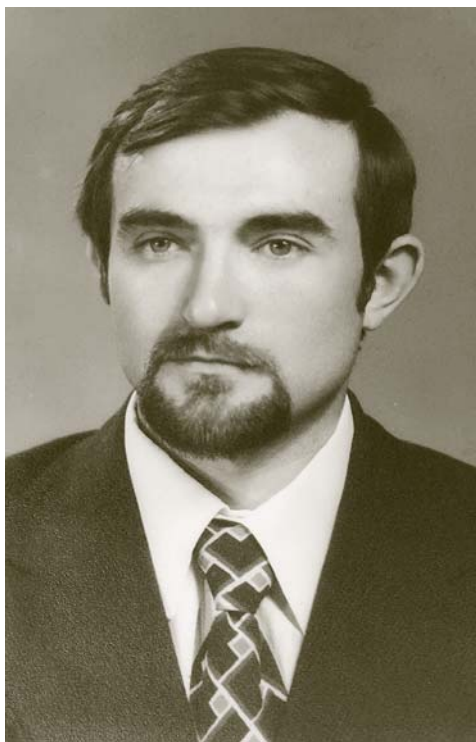
– За время своей аспирантуры «облазил» все левобережье Волги. За эти три года был в командировках 264 дня.

Данный навык реализации научных трудов на практике дал большое преимущество в дальнейшей работе. Логичный и четкий ход мысли, тонкое

понимание работы экономических процессов – все это с самого начала выделяло Юрия Игоревича из общей массы.

Юрий Игоревич Трещевский

Юрий Трещевский

За многое Трещевский благодарен зав. кафедрой политэкономии Василию Ивановичу Мишину, который почти десять лет не забывал пришедшего к нему когда-то студента-второкурсника... Умение ждать, умение вести по линии, которую считаешь эффективной, – вот то, что особенно ценит уже долгие годы Трещевский:

– И если бы эта «линия» была неэффективной, то судьба меня по ней и не провела бы. В этом плане я фаталист.

И именно Мишин направил своего любимого студента к Ивану Сергеевичу Шаршову, который заведовал кафедрой политэкономии. Так, с 1982-го до 1990 года Трещевский работал сначала преподавателем, а потом старшим преподавателем – и уходил уже доцентом.

– Будущее я просчитываю на год – неделями, на месяц – днями, на неделю – минутами. Тогда многое успеешь.

Во второй половине 1980-х начались серьезные изменения в экономике, а точнее в формах организации хозяйства и управления. Уже было понятно, что работать в жестком административном режиме предприятия не могут. При этом никто не понимал, что к чему. Как выстраивать ситуацию в реальности?

В конце 80-х Совет министров СССР и ЦК КПСС издают постановления по созданию разного рода предприятий переходного типа (в том числе с правом их выкупа). Реально разобраться в этом могли не многие. Поэтому стали заказывать научные и проектные работы. Звучало это так: «Давайте организуем такую-то новую форму. Что вы предложите делать с этими предприятиями?» Пошли хозяйственно-договорные работы. Сложилась команда: Юрий Трещевский, Игорь Рисин, Игорь Незнамов, Людмила Киян, Виктор Гаврилов, которые и стали выполнять заказы.

С материальной точки зрения это привлекало. В начале 90-х поступает заказ от Облисполкома: надо было что-то сделать с Управлением местной промышленности. А это целая куча мелких предприятий, на тот момент ставших совсем неуправляемыми. Рынок тронулся – уже начали появляться кооперативы. Ситуация выходила из-под контроля.

И тогда команда экономистов, в числе которой был и Трещевский, предложила создать акционерное общество. На тот момент не было закона об АО, но формула эта уже мелькала.

– Все говорили: давайте создадим акционерное общество, – вспоминает Юрий Игоревич. – А никто не понимал, что такое это самое «акционерное общество». В Воронеже это понимали десять человек. Четверо из них – мы. Мы и сделали. Первое в Воронеже и области АО «Паритет», аналогов которому в округе не было.

После этого первый заместитель главы администрации области Александр Кириллович Соловьев подвел итог: «Кто-то из вас четверых должен прийти ко мне председателем комитета по экономической реформе. Кто – решайте сами».

– Мы не очень куда-то рвались, с деньгами все было нормально, – вспоминает Трещевский. – Потянули спички. Мне выпала короткая, и я пошел работать.

Пройдя через ряд кабинетов и высоких должностей, Юрий Игоревич случайно встретил Шаршова, который в очередной раз предложил вернуться в университет.

– А я отвечаю: докторантуру сделаете – приду. «Не вопрос», – ответил Иван Сергеевич.

Девяностые только-только перемахнули за середину, время нелегкое – тогда никто не собирался защищать докторские. Деньги за это не платили, а если что-то и было – то такие копейки, о которых говорить смешно. Поэтому препятствий для докторантуры не было.

Семейное фото. Своего рода уникальное, потому что на нем запечатлены три доктора наук. Трещевский Игорь Владимирович (сидит справа); Трещевский Юрий Игоревич (стоит слева); его сестра Трещевская Элла Игоревна (стоит справа). 1968 год

Времена меняются. А с ними меняются и экономические модели. Юрий Игоревич окончил докторантуру в 99-м. Защитился – и как раз реорганизация.

– И нас начинают распределять по кафедрам, – вспоминает профессор. – Игорь Рисин возглавил кафедру региональной экономики и территориального управления. Я – кафедру экономики и управления организациями.

С тех пор – с мая 2000-го – руководит этой кафедрой уже 20 лет. За это время много людей защитилось под его патронажем: 6 докторов наук, больше 30 кандидатов наук. Часть из них работает на кафедре, да и остальные востребованы.

– Горжусь докторами всеми. Аспиранты бывают разными, а вот доктора... Очень серьезная работа, очень большая. Кто этот путь прошел, тот действительно многое может.

Спрашиваю у Юрия Игоревича:

– Кто из преподавателей вас вдохновлял? На кого вы ориентируетесь?

– Для меня как для заведующего кафедрой был важен опыт работы и отношения в коллективе, а также стиль руководства Ивана Сергеевича Шаршова. Это я уже говорю не с точки зрения студента, а с точки зрения заведующего кафедрой. У Ивана Сергеевича был очень интересный и очень жесткий стиль.

В связи с чем его все не очень любили. Прямой человек, не склонный к разного рода сантиментам, он все делал, на мой взгляд, разумно. Он все время понуждал работать. Поэтому у нас у всех была вот эта нацеленность на результат... Я многим благодарен. Очень благодарен нашей математичке Галине Арсентьевне Кочкиной. Она никакая не титулованная – самый обычный преподаватель, даже без кандидатской степени. Но у нее были настолько структурированное и четкое мышление, такая скорость подачи материала, что для меня всегда важным было не пропустить лекцию Кочкиной. Если ты пропустишь лекцию, то потом потратишь полдня на то, чтобы ее восстановить. Она, Кочкина, как мы говорили, «входит говоря и говорит уходя». Открывает дверь и начинает сразу говорить с того места, на котором остановилась на предыдущей лекции. И при этом еще пишет на доске. И ты начинаешь работать в таком темпе. Очень требовательная была дама. Но ее жесткость заставила нас не просто запоминать – она нас мобилизовала.

С середины 90-х и до сегодняшнего дня Юрий Игоревич работает над стратегическими документами Воронежской области. Таково его призвание – быть стратегом. По должности. По профессии. По жизни.

И может быть, в этом призвании – просчитывать будущее – и есть земное предназначение Юрия Игоревича Трещевского?

ЕЛЕНА ИЩЕНКО

ФИЛОСОФ ВО ВЛАСТИ

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БУБНОВА

Размышляя об устройстве идеального государства, Платон предполагал, что править им должны люди особого рода – мудрецы-философы. «Человек порядочный, не корыстолюбивый, а также благородный, не хвастливый, не робкий...», – такой портрет философа рисует Платон в знаменитом «Государстве». Лишенные личной корысти, исполненные возвышенных порывов, устремленные к *идея блага*, они способны вести за собой остальных. Сменялись века, образ философа все более и более отрывался от грешной земли, парил в эмпиреях, но идея мудреца-правителя (как, впрочем, и предсказывал античный гений) не исчезла.

Когда совсем еще молодой философ Юрий Бубнов получил от бывшего в ту пору ректором Ивана Ивановича Борисова уникальный шанс построить в университете, по праву гордящемся своей долгой и славной историей, новый факультет, в стране происходили грандиозные перемены. Девяностые годы прошлого века можно, разумеется, оценивать по-разному, но для гуманитариев этот непростой период поистине был временем открытий. Философы наконец-то лицом к лицу встретились не только с недоступной прежде западной мыслью, обрывочные сведения о которой долетали лишь из критических обзоров, но и с собственной прерванной традицией. Известная лишь самому узкому кругу столичных специалистов русская философия предстала загадочной и увлекательной *terra incognita*. Именно с восстановлением забытой традиции отечественного *любомудрия* связал Юрий Александрович свою научную карьеру. Защитив в начале 2000-х в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Метафизика русского Просвещения», Бубнов вошел в ареопаг наследников славной традиции. Монографии и статьи Юрия Александровича

посвящены философскому осмыслению различных аспектов отечественной мысли, связанных с проблемой секуляризации русской культуры.

Но не в меньшей степени вкладом в продолжение традиции отечественной философии можно считать воспитание профессиональных философов. По большому счету, университетское образование не может считаться полным, если в нем нет места философским и психологическим направлениям. Несколько позже в эту когорту органично вошли педагоги и культурологи. Нельзя сказать, что факультет строился *с нуля*, существовали общеуниверситетские кафедры, научные школы, но всё же с этого момента он предполагался самостоятельной образовательной институцией. Другая степень ответственности, другие цели и задачи. Юрий Александрович часто с нескрываемой ностальгией вспоминает, как создавался факультет – небольшая комнатка на четвертом этаже *красного корпуса*, стол и стулья составляли основу того, что на официальном языке принято называть *материальной базой*. Но философу не нужно пояснять, что была бы *идея*, материя организуется вокруг нее... Немало способствовал созданию факультета и энтузиазм его сотрудников, заполнивших гулкие этажи своей энергией, разноголосицей горячих споров по поводу предполагаемых к прочтению курсов. Можно себе вообразить, сколько сил потребовалось молодому декану для того, чтобы придать этой кипящей магне форму, закрепить фундамент и возвести стены. Аристотель определял полис как *единство непохожих*, пожалуй, именно такая философская формула описывает нынешнее состояние факультета философии и психологии. Сегодня на четырех факультетских кафедрах реализуются образовательные программы разного уровня: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура. Успешно работают два диссертаци-

онных совета по философским и педагогическим наукам, выпускается серия Вестника ВГУ «Философия», входящая в список ВАК, выходит ежегодный Вестник научной сессии факультета. Международные обменные программы студентов и преподавателей наполняют учебный процесс и научное творчество новыми смыслами.

На многотрудном, но плодотворном пути создания и развития университетского факультета раскрылись качества, которые отличают Юрия Александровича. Уважение к учителям, способность слушать и слышать *другое* мнение, невероятная работоспособность и терпение, верность и преданность делу, которому он посвящает большую часть своей жизни. Юрия Александрович без сомнения относится к людям *служения*. Традиция университета *per se* жива лишь до той поры, пока люди в его стенах относятся к работе именно как служению, а не повинности или обязанности. Неудивительно, что заслуженный авторитет Юрия Александровича преодолел границы *alma mater*. Признанием высокой научной квалификации стало включение Юрия Александровича в экспертный совет ВАК по философским наукам.

Пробыв без малого два десятилетия деканом, выстроив факультет, воспитав множество учеников, лучшие из которых органично влились в педагогический коллектив, Юрий Александрович получил от молодого, фонтанирующего идеями ректора Дмитрия Александровича Ендовицкого предложение за-

Юрий Александрович Бубнов

нять пост проректора университета. Пришлось взвалить на себя двойную нагрузку – оставаясь деканом, руководить самым, пожалуй, сложным и энергетически затратным направлением университетского ме-

Декан и студенты факультета философии и психологии ВГУ

Уметь слушать и слышать

неджмента – контрольно-аналитической и административной работой. Проректор Бубнов не выстроил барьеров между собой и коллегами, не обзавелся полагающимся по статусу кабинетом с *приемной*, он открыт для университетских людей, неравнодушен, готов к уважительному диалогу с каждым.

Эпоха нескончаемых реформ, новаций и трансформаций, сложное, противоречивое время, выявила новые проблемы, решению которых Юрий Александрович с энтузиазмом посвящает свою жизнь. Неизменным остается стремление осуществить задуманное как можно лучше, продвинуться вперед,

не забывая о прошлом, сохраняя и приумножая славу университета.

Полным сил и творческой энергии, умудренным опытом работы и общения с разными людьми Юрий Александрович Бубнов встречает свой юбилей в родных университетских стенах. Юбилей – прекрасный повод для краткой остановки в потоке повседневных забот и проблем. Он необходим, чтобы осмыслить пройденное, оценить масштаб сделанного и – с новыми силами – действовать в полном согласии с девизом Воронежского государственного университета: *semper in motu!*

От редакции: Юрий Александрович Бубнов – юбиляр 2020 года. Большому числу университетских людей он известен как проректор и декан. Но мало кто знает, что в его интенсивный график работы вписаны ещё и членство в диссертационном совете, в экспертном совете по философии, социологии и культурологии ВАК Минобрнауки РФ, в президиуме Учебно-методического совета по философии и религиоведению УМО по классическому университетскому образованию.

А еще Юрий Александрович руководит Воронежским отделением Российского философского общества и Воронежским филиалом Общественно-государственной просветительской организации «Российское общество „Знание“»...

И, конечно, он остаётся уже 35 лет преподавателем ВГУ.

ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК

2020 год юбилейный для Лидии Ивановны Сазонниковой – ведущего программиста управления информатизации и компьютерных технологий ВГУ. С 1963 года, когда она поступила учиться на математико-механический факультет ВГУ, и до сегодняшнего дня Воронежский госуниверситет – дорогая и важная часть жизни Лидии Ивановны.

В ноябре 2018 года Лидия Ивановна отметила 50-летний юбилей трудовой деятельности в ВГУ. За добросовестное отношение к своим обязанностям Лидия Ивановна была неоднократно отмечена ректором ВГУ, награждена почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2009). В 2010 году ей присвоено почетное звание «Ветеран труда».

Здоровья, благополучия и удачи Вам, дорогая Лидия Ивановна!

Моя мама родилась в год Великой Победы. Её малая родина – старинное большое село Орехово в Касторенском районе Курской области, знаменитое в наши дни тем, что в нем расположен Свято-Троицкий храм, воздвигнутый в 1791 году, – одна из старейших церквей Курской области.

Мама росла в большой дружной семье: родители, бабушка, старшая сестра и младший брат. В семье непререкаемым авторитетом был отец – Паболков Иван Тимофеевич, начинавший свой трудовой путь механиком машинно-тракторной станции, впоследствии главный инженер крупного колхоза, для детей он во всем был примером. С детства Лида была приучена к крестьянскому труду, любовь к работе на земле она сохранила и сегодня, свободное

время с удовольствием проводит на природе, на двух дачах собственноручно занимается посадками и сбором урожая.

Юная Лида в школьные годы увлекалась математикой, поэтому в 1963 году, блестяще окончив школу с золотой медалью, приехала поступать в Воронежский государственный университет и стала студенткой математико-механического факультета. С тех самых пор вся жизнь Лидии Ивановны безотрывно связана с ВГУ.

Окончив математико-механический факультет в 1968 году, она начала работать техником в Вычислительном центре ВГУ (ВЦ ВГУ) – научном подразделении (на правах проблемной лаборатории)¹. Здесь мама прошла профессиональный путь от техника до начальника сектора.

¹ В Воронежском госуниверситете вычислительный центр как научное подразделение (на правах проблемной лаборатории) был организован в соответствии с приказами Минвуза СССР № 256-С от 4 ноября 1958 года и № 82 от 21 января 1959 года во исполнение постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 1121-541 от 6 октября 1958 года, приравнен по оплате труда к проблемной лаборатории и получил третью научную категорию (постановление Госкомтруда № 430 от 13 октября 1971 года). ВЦ был первым не только в Воронеже, но и в Центрально-Черноземном регионе. См. подробнее: Виртуальный музей ВГУ. URL: <https://uic.vsu.ru/ccmuseum/index.htm>

Лидия Сазонникова, выпускница ВГУ. 1968 год

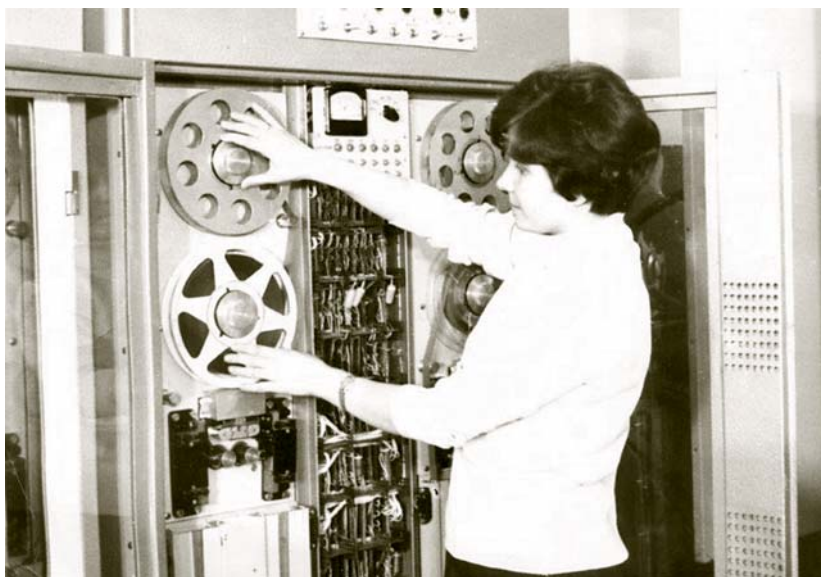
Во многом благодаря Лидии Ивановне и при её непосредственном участии в ВГУ были внедрены в эксплуатацию программные комплексы «Абитуриент», «Контингент», «Сессия». В связи с переходом на персональные компьютеры ею были разработаны алгоритмы, написаны и сданы в эксплуатацию программные комплексы для работы в деканатах факультетов ВГУ, которые были приняты в программный фонд Российским координационным центром информационных технологий в образовании. В течение 17 лет (с 1991 по 2007 год) была руководителем временного трудового коллектива «Абитуриент» по компьютерной обработке данных ВГУ.

Большой отрезок профессионального пути Лидии Ивановны был связан с Вычислительным центром – поистине уникальным подразделением Воронежского госуниверситета.

Нигде больше мне не доводилось увидеть такого дружного и сплоченного коллектива. Аббревиатура ВЦ (именно так коротко и звонко все называли Вычислительный центр ВГУ) в годы моего детства и сегодня для меня означает объединение талантливых, оптимистичных, передовых людей своего времени, которые занимались новым, очень сложным

Группа внедрения и эксплуатации математического обеспечения ЭВМ, ВЦ ВГУ. 1980-е годы.
Верхний ряд (слева направо): Л. Л. Орехова, Л. И. Сазонникова, А. Л. Петрина, Т. Анучина.
Нижний ряд (слева направо): Л. Г. Кулапин, В. Б. Малюгин, С. Буслов

Л. И. Сазонникова. 1970-е годы

и необычным делом – работой на вычислительных машинах, программированием.

Сотрудники ВЦ ВГУ с любовью пишут о своем трудовом коллективе спустя много лет в юбилейной публикации, посвященной 60-летию со дня организации центра: «Второй после ЭВМ рабочей составляющей ВЦ были люди. Коллектив складывался с нуля из молодых, активных, только окончивших вуз специалистов или ещё учащихся студентов. Молодость бурлила в крови, жаждала больших и нужных дел и даже подвигов. Работа нравилась, дарила чувство полноценности бытия. Вычислительный центр на старте представлялся ослепительной ракетой! И экипаж ракеты чувствовал себя на высоте. Каждый его участник был или мог быть потенциальным героем»².

Мне очень нравилось приходить к маме на работу, постигать азы программирования, играть в первые компьютерные игры. В середине 1990-х годов на базе ВЦ ВГУ был установлен интернет, и все сотрудники активно его изучали. Благодаря маме я познакомилась с основами работы в Сети. ВЦ ВГУ навсегда запомнился мне атмосферой подлинно университетского научного творчества, сотрудничества, солидарности и братства. А какие замечательные новогодние праздники и утренники детского рисунка организовывали сотрудники Вычислительного

центра для своих детей! Какие запоминающиеся поездки на базу отдыха «Веневитиново»! Мы, «центровские дети», всегда были вместе с родителями.

Благодаря маме, сколько я себя помню, столько в моей жизни и присутствует Университет, именно так, с большой буквы, Университет – как живое, одушевленное существо. Первой именно мама мне рассказывала об истории Университета, мама привила мне любовь к Университету. С детства я хотела находиться внутри этой замечательной общности университетских людей. Благодаря тому, что мама открыла мне удивительный мир Университета, для меня не стоял вопрос выбора, куда поступать – только в ВГУ. Окончив с отличием юридический факультет, впоследствии защитила докторскую диссертацию, сейчас преподаю на юридическом факультете ВГУ. А недавно в Университет поступил учиться старший внук. Мы счастливы, что сейчас в Университете вместе трудятся и учатся представители трёх поколений нашей семьи: мама, я и мой сын.

У Лидии Ивановны большая семья, много забот. Вместе с супругом Виктором Аверьяновичем они вырастили двух дочерей – меня и мою сестру, а сейчас очень много сил отдают воспитанию двух внуков и внучки.

Жизнь продолжается!

² ВЦ ВГУ – 60 лет со дня организации // Воронежской университет. 2019, № 1-2. С. 19.

«ВЕДЬ ВСЕ МОИ ГЕРОИ – ЭТО Я»

ВСТРЕЧА С ВЫПУСКНИЦЕЙ ВГУ КИНОРЕЖИССЕРОМ ГАЛИНОЙ ЕВТУШЕНКО

Я стою у входа в главный корпус ВГУ, с лёгким волнением вглядываясь в лица прохожих: с минуты на минуту сюда прибудет режиссёр, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат премии правительства Москвы, выпускница филологического факультета нашего университета Галина Евтушенко. Беседа с обладательницей множества почётных наград, в числе которых, например, «Золотой орёл», благодарность Президента Российской Федерации В. В. Путина «за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность», а также полученная совсем недавно Пушкинская премия, – дело ответственное. Но с появлением Галины Михайловны, бодро машущей мне уже издали, все тревожения вмиг остаются далеко позади. С каким-то особенным теплом откликается душа на эту приветливую улыбку и жизнеутверждающий наряд с алыми акцентами, вдруг озарившими измученную серой зимой Университетскую площадь. А в течение следующего часа Галина Евтушенко объяснит: в чем, по ее мнению, состоит радость бытия. Впрочем, передаю слово автору идеи...

КИНО В СИСТЕМЕ ИСКУССТВ

Мриехав в Воронеж, я позвонила моей однокурснице Ольге Лисицкой (Казаковой), с которой мы дружим со студенческих лет. Мы договорились встретиться в областном художественном музее им. И. Н. Крамского и пойти на выставку «Портрет в перспективе. Собрание музея В. А. Тропинина», которая сейчас там проходит, и заодно посмотреть, что изменилось в основной экспозиции. У картин мы начали обсуждать, что же нам особенно интересно. Конечно, мы посещали данный музей и в школьные времена, и в студенческие годы. Но почему до сих пор это так для нас важно – пойти в музей, посетить выставку, познакомиться с чем-то новым? Да потому что вся русская литература не может существовать без обращения к разным видам искусства – живописи, фотографии, музыке. Кино, которым я занимаюсь,

искусство синтетическое. Оно нашло свое место в уже сложившейся системе искусств. Кинематографический образ, если не будет воздействовать на все чувства зрителя, не состоится, не запомнится, не вызовет нужной автору зрительской эмоции. Тогда в чем смысл кинематографического образа? Мой соавтор – Виктор Семёнович Листов – известный историк кино, замечательный пушкинист, один из авторов сценария «Пушкинской Италии» (документальный фильм Галины Евтушенко. – Прим. авт.) – всегда гордился тем, что в нашем фильме есть указатель более чем на сто работ художников – русских, итальянских, французских. Их работы мы использовали в картине для создания «интерьера эпохи». Виктор Семёнович заметил: «Я рад, что те студенты, которые посмотрят фильм, не говоря уже о более взрослых зрителях, обязательно запомнят, к кому же из художников мы обращались». Там и Доу, и Алексеев, и Каналетто...

В октябре я получила Пушкинскую премию в Риме (за фильм «Пушкинская Италия». – *Прим. авт.*). Вручал мне её один из известных итальянских продюсеров Роберто Бесси. После он подошёл ко мне, поздравил и сказал: «Знаете, Галина, у меня есть предложение. Я хочу пригласить вас в один дом». Договорились встретиться через пару дней. Он привозит меня в какой-то павильон, я захожу и вижу огромное помещение, в котором висят костюмы разных эпох: здесь зимняя одежда, здесь – летняя, там кивера, тут галстуки... Словом, это нечто необычное. Ты проходишь через все эпохи и в конце оказываешься в XXI веке. Сколько культурных слоёв в этой коллекции! Я спрашиваю: «Роберто, а зачем вы меня сюда привезли?» Он говорит: «Только для одного – чтобы, глядя на всё это, вы, может быть, о чём-то подумали. Всё, что вам покажется интересным, будет в вашем распоряжении». Интересный ответ, не правда ли? Я пока ещё размышляю над тем, что с этим можно сделать. Костюмы – часть культурного пространства, их очень интересно рассматривать. Вот сейчас и в Пушкинском музее, и в Третьяковке выставляется много разного платья. На великолепной выставке в США я видела наряды Барбары Стрейзанд. А в маленьком американском городке Олбани выставка костюма XIX века была настолько потрясающей, что сам Александр Васильев позавидовал бы. Поэтому, когда мне подруги говорят, что надо выбрасывать одежды, которые мы носили, учась в университете, я отвечаю: «Погодите, это реквизит. Время не испортит наших нарядов».

Вдохновляет меня и фотография. В Москве, где я живу, возможностей больше. Но и в Воронеже есть много мастеров, которые стали ведущими в своей области. Я знаю прекрасного фотографа Михаила Вязового – это потрясающий фотохудожник. Михаил Квасов – тоже замечательный воронежский фотограф, наблюдательный, цепкий. Оба – трудолюбивы. Их работы известны далеко за пределами Воронежа.

Не я заметила, что кино связано со всеми искусствами. Но при создании фильмов мы стараемся эту связь поддерживать и развивать, придумывать вариации. Рада, что зрители отмечают замечательную музыку в наших фильмах. Я работала, например, с композитором Владимиром Дашкевичем – это невероятное счастье. Он написал оригинальную музыку для моего игрового фильм «Чердачная история», действие которого происходит в 1993 году, в переломный для нашей истории момент, когда горит Белый дом. Музыка волнует зрителя, будоражит. Там есть номера и с любовной темой. Но в целом музыкальная драматургия дополняет тот образ времени,

Галина Евтушенко

Галина Евтушенко с Ольгой Лисицыной на выставке «Портрет в перспективе. Собрание музея В. А. Тропинина»

который мы создавали. Владимир Дашкевич работает с певицей Еленой Камбуровой. Когда я к ней обратилась, упомянув, что дружу с Дашкевичем, и рассказала своих замыслах, она тоже согласилась со мной сотрудничать. Сейчас Камбуrowa приняла участие в создании уже двух моих фильмов. Для меня это великое счастье – работать с такими прославленными и, не побоюсь этого слова, гениальными людьми.

СЦЕНАРИЙ, СЦЕНАРИЙ И... ВРЕМЯ В КИНО

В кино очень важна придумка. Уникальное придумывается творцами, а тиражированное – ремесленниками. Поэтому, если меня спрашивают, что в кино главное, я отвечаю без затей: сценарий, сценарий и ещё раз сценарий. Придумал ход – сможешь снять кино. Если не нашел денег, но очень хочется работать, можно снять и за три копейки. Это всегда выбор художника: ждать, копить, искать или чем-то поступиться. Не принципами, конечно. На Высших курсах сценаристов и режиссёров мне нужно было снять дипломную работу. Моим мастером был выпускник Воронежского государственного университета Леонид Абрамович Гуревич – химик по образованию, но выдающийся кинематографист. И я пришла к нему с придумкой: хочу снять фильм «Вожди» – об актёрах, которые играли Ленина в кино в середине 1970-х (Ульянов, Лавров и Каюров), и о том, что с ними произошло после начала перестройки. Гуревич сказал: «Какая интересная идея! Мне нравится то, как ты мыслишь. Готовься». Никто до меня этого не сделал, замысел был свеж, уникален. Картину сразу номинировали на «Нику», и она стала очень известной. Один из моих руково-

дителей на Высших курсах Самарий Маркович Зелликин – большой телевизионный деятель и режиссёр – через семь лет после выхода «Вождей» увидел кино по телевизору, позвонил мне и сказал: «Галь, а фильм-то стал лучше». Фильмы настаиваются, как старое вино. Есть фильмы-однодневки, а есть такие, которые живут и работают очень долго. Да и само «запечатленное время» меняется очень быстро. Например, предкамерное пространство уже становится хроникой. С момента выхода фильма «Вожди» прошло 22 года. Недавно его показывали в Доме кино. Сегодня картина приобрела ещё большую актуальность и вызвала интерес новых зрителей, молодых. Вот это – настоящая радость: ощущать, что твой фильм интересен через двадцать лет после его создания.

Одна из последних моих лент – «Пушкинская Италия». Как известно, Пушкин никогда не был за границей. Но друзья поэта и писателя бывали в Италии и, когда приезжали, рассказывали Александру Сергеевичу об этой удивительной стране. А мир пушкинского воображения настолько богат, что он описал Италию чуть ли не краше, чем она была на самом деле. Действие картины легко переносится из современной Москвы в современный Рим, из старой Руси в древнюю Авзоню. Это соединение эпох привлекает, впечатляет зрителей. Конечно, можно пойти по следам нашей придумки и сделать такие фильмы, как «Пушкинская Франция», «Пушкинская Испания» или даже «Пушкинская Польша». Потому что всё, что связано с этими странами, мы находим в великой поэзии русского гения. Александр Сергеевич давал и продолжает давать читателям возможность увидеть всю мировую культуру через его произведения.

МЫ БЫЛИ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ «ДВОЙНОГО ПОРТРЕТА»

Я создала фильм по сценарию моего учителя Льва Моисеевича Рошала «Горе уму, или Эйзенштейн и Мейерхольд: двойной портрет в интерьере эпохи». В названии – парафраз наименования фильма Лукино Висконти «Семейный портрет в интерьере», создавшего серьезную историческую фреску. Идея «двойного портрета» принадлежит Льву Рошалю. Затем эту модель стали заимствовать другие кинематографисты: «двойной портрет на фоне эпохи» или просто «двойной портрет» – люди оценили возможности данного жанра. Но мы были первооткрывателями. Создание образа, который воздействует на человека и запоминается на всю жизнь, это и есть творческая задача художника.

ВСПОМНИМ КЛАССИКА, СКАЗАВШЕГО: «СЧАСТЛИВ ЧЕЛОВЕК, КОГДА ТРУД – УДОВОЛЬСТВИЕ!»

Всегда стараюсь сделать так, чтобы люди, с которыми я работаю, получали удовольствие. Тогда можно надеяться на неплохой результат. Как-то мы с Алексеем Геннадьевичем Гуськовым – гениальным артистом и человеком – встретились в Крыму на кинофестивале. Я была с дочкой (Анна Евтушенко, сценарист и режиссёр. – *Прим. авт.*). Он спросил:

– Девочки, что вы делаете?

– Да вот, подступаемся к «Пушкинской Италии».

– А я? Вы же знаете, что я играю Пушкина, – Гуськов играет в спектакле «Евгений Онегин» в театре им. Е. Б. Вахтангова.

– А разве у вас есть на нас время?

– Да вы что? Найду!

И он в своём плотнейшем графике нашёл окно, озвучил картину. И прочёл Пушкина своей душой артиста. Это отмечают все. На мое счастье, Алексею Гуськову нравилось работать с нашей группой. Поэтому фильм и получил такую высокую оценку не только у нашего зрителя, но и у итальянской публики. На премьере в Третьяковке я по старой дружбе попросила артиста прочитать отрывок из «Евгения Онегина». Обратившись к залу, Гуськов засмеялся: «Вы хотите?» Публика закричала: «Да, да, да!» Алексей Геннадьевич читал письмо Онегина к Татьяне так, что все были заморожены. Он по-новому прочитал известный текст. Таким образом, Алексей Геннадьевич дал «наш ответ Чемберлену». Он ответил на запрос людей, которые пришли встретиться с искусством. И данная встреча состоялась. Он по-

чувствовал, что зрителям это нужно, и не отказал. Вот такие душевные отклики случаются, когда у тебя есть интересный материал, когда ты говоришь о вещах, которые волнуют других. Я в этом смысле – счастливый человек, потому что всё время нахожу благодарный отклик зрителей. В такие моменты понимаешь, что, может быть, ты не стал миллионером, но зато вошёл в сознание зрителей своими фильмами. И люди, которые один раз кино посмотрели, уже его не забудут.

А послушать как твои фильмы здорово фильмы интерпретируют! Особенно услышать самую неожиданную трактовку! Зритель у нас умный. Однажды я была в Томске, показывала там фильм «Эрдман и Степанова: двойной портрет в интерьере эпохи». Советский драматург Николай Эрдман был в своё время сослан в Енисейск и Томск, поэтому мы приехали туда с премьерой. Аудитория замечательная, идёт обсуждение картины. И вот встает молодой человек и говорит: «А вот у вас там птичка пролетела... Я знаю, для чего это сделано». Понимаете, заметят всё и расскажут, для чего эта птичка, поймут всё, что я туда вкладывала, и даже сами вложат что-то большее. Я, в общем, достаточно хорошо понимаю, что же я в картине сделала. Но то, как читают фильм зрители, – это самое интересное. К сожалению, все меньше интересной профессиональной критики. Но это, я надеюсь, временное явление.

Ещё один обнадеживающий отклик. Если показываю фильмы в учебных заведениях, то нет такого педагога или учителя, которые бы не сказали мне, что такие фильмы надо обязательно показывать в школах или вузах. Обычно это звучит так: «Мы мечтаем, чтобы Ваши фильмы, были включены в учебный процесс». Ну что ж, я не против! Только вот заниматься этим у меня нет ни сил, ни желания. На это есть другие люди других профессий. И сейчас, мне кажется, лед тронулся.

В РГГУ (Российском государственном гуманитарном университете, Галина Евтушенко в нём преподаёт. – *Прим. авт.*) только что прошел VI Форум ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и Франции, организованный президентом университета, профессором Ефимом Иосифовичем Пивоваром. Там был показан пятиминутный фрагмент из моего фильма «Лев Толстой и Илья Гинцбург» с французскими субтитрами. И сразу же многие из присутствующих, в том числе и французы, подошли с предложениями: давайте устроим показы в наших университетах. Я только за! Наша научная элита понимает важность и своевременность знакомства молодых современников с кинокультурой. Умение «смотреть» и «ви-

Галина Евтушенко
с зав. кафедрой французской
филологии ВГУ
Еленой Алексеевой

деть» фильм – важная сторона учебного процесса. Этому учил меня Сталь Никанорович Пензин, доцент ВГУ, единственный в то время воронежский кинорежиссер, основатель киноклуба нашего университета.

На форуме я познакомилась и с заведующей кафедрой французской филологии ВГУ Еленой Альбертовной Алексеевой. У нас появились совместные планы. Верю, что они могут реализоваться. Некоторые из моих фильмов уже переведены на французский, другие еще ждут своего часа. Так что, может быть, и попробуем поработать вместе в стенах родного университета. Конечно, с учетом особенностей учебного процесса. Я очень люблю и уважаю ученого секретаря ВГУ Владимира Семёновича Листенгартена, который находится на своем боевом посту еще с моих студенческих лет. Мне, не скрою, было приятно, что ректор университета Дмитрий Александрович Ендовицкий поздравил меня с получением международной Пушкинской премии. Спасибо ему. К счастью, многие зрители тоже не скрывают своих душевных порывов: поздравляют с выходом нового фильма, благодарят, дарят цветы. А это авторам очень нужно!

Интерес к русской культуре и у нас в стране, и за рубежом огромен. Процесс познания идет, но не так быстро, как хотелось бы. И он неоднороден. Однако внимание к известным именам налицо. Вот только что ко мне обратился Университет Северной Каролины: «Хотим приобрести фильм про Чехова и Левитана» («Антон Чехов и Исаак Левитан: двойной портрет в интерьере эпохи» [2019] только что был номинирован на престижную национальную кинематографическую премию «Золотой Орел», вошел в тройку лучших фильмов года. – *Прим. авт.*).

А «Пушкинскую Италию» несколько раз показывали в университетах Вероны, Пизы. Я стараюсь откликаться на такие запросы. Зовут выступить – выступаю, зовут приехать – приезжаю, показываю, беседую. Потому что молодое поколение в фильме сразу видит и литературу, и историю, и искусство – вот вам и синтез. Кстати, филологическое образование мне помогает: знать языковые особенности при переводе фильмов с одного языка на другой, как, впрочем, и многое другое, очень полезно. С Ольгой Лисицыной (Казаковой) в музее мы вспоминали о том, что нам пригодилось из полученных в годы учебы знаний и умений. Вспомнили даже иллюстрации, которые были включены в учебник «Родная речь» для младшей школы: Пластов, Рокотов, Васнецов, Аргунов. Это оставляет след на всю жизнь.

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

В этот приезд в Воронеж я побывала в корпусе ВГУ на площади Ленина, 10, и буквально не могла выйти, потому что всё время встречала знакомых. Было очень приятно узнавать, обниматься, вспоминать прошлое. Сейчас в родной город я, к сожалению, приезжаю нечасто. Но никогда не забываю знаменитую фразу: «Мы родом из детства». Так даже назывался фильм знаменитого белорусского режиссера Виктора Турова, где одну из своих первых ролей сыграл Владимир Высоцкий, мой кумир. Я жила в доме на углу Плехановской и Фридриха Энгельса. Соседом по дому был театральный режиссер Александр Александрович Добротин. Он здоровался со мной, иногда даже угощал конфетами и всегда приглашал в театр. Я ходила. В силу своей фактуры он

Галина Евтушенко,
Сталь Никанорович Пензин
и его жена
Альбина Борисовна Смирнова.
В книге С. Н. Пензина
«Кино в Воронеже»
эта фотография подписана так:
«2011 год. Галя привезла нам диски
с новыми фильмами»

играл в драмтеатре роль Ленина в нескольких пьесах. Я видела его на сцене, и у меня осталось это в памяти. В детстве на подмостках сцены клуба завода имени Ленина мы, пионеры, участвовали в торжественных линейках. Одной из форм прославления тогдашней жизни был литературный монтаж, посвященный славным советским праздникам. Мы с очень голосистым мальчиком Олегом Беленовым стояли на сцене и ясно и четко – с чувством, с толком, с расстановкой – декламировали стихи. Сейчас Олег – декан факультета международных отношений ВГУ. Мы как-то случайно встретились в поезде Москва – Воронеж. Долго разговаривали, вспоминали... Может

быть, поэтому впоследствии я взялась за фильм о Ленине. Ведь все мои герои – это я. Я «родом из детства», всё идет оттуда. Поэтому никогда не забываю, откуда я вышла, и что получила в родном городе. И, конечно, в университете. Всё бывало. Кстати, не устаю напоминать, что моя бабушка была студенткой медицинского факультета Воронежского государственного университета в 1921 году. Она начинала учиться в Юрьеве, а продолжила учебу в Воронеже, куда эвакуировали университет во время наступления войск генерала Юденича. Бабушка проработала окулистом 53 года. Ее знал весь город. Здесь же родилась моя мама. Здесь же они и похоронены.

...По завершении нашего разговора Галина Евтушенко выходит из здания главного корпуса ВГУ и останавливается у входа в ожидании следующей встречи с кем-то из добрых воронежских друзей. Я задерживаюсь на вахте, сквозь стеклянные двери наблюдая, как к Галине Михайловне подходит улыбающаяся женщина, с которой они оживленно беседуют несколько минут. Выхожу на улицу – веселая прохожая уже испарилась.

– Близкая подруга? – спрашиваю я.

– Представляете, совершенно незнакомая женщина. Она была на показе «Пушкинской Италии» в Никитинской библиотеке два года назад. Узнала меня, сказала, что рада была бы посетить показы и других моих фильмов. В такие моменты ты понимаешь, для чего работаешь! – описывает режиссёр мимолётную встречу. Вот и ещё один благодарный зрительский отклик. Будем ждать знакомства с новыми работами Галины Евтушенко.

Записала Виктория Морозова

ЕКАТЕРИНА МАКУШИНА: «ВСЕ МЫ ЯЩЕРКИ»

2017 год стал знаковым в жизни воронежской поэтессы Екатерины Макушиной: её приняли в Союз писателей России и удостоили литературной Исаевской премии за цикл стихотворений «Ящерка». Адвокат, поэтесса, человек со светлой душой и жёстким нравом – Екатерина рассказала, каково это – обрести себя и вырваться из родного «гнезда».

Екатерина простая и одновременно сложная, и если прочитать хотя бы одно её произведение, то можно понять, как в таком хрупком человеке сочетаются эти качества.

«Я СЕБЯ НАШЛА»

С самого детства Катя была ребёнком впечатлительным, потому в какой-то момент возникла потребность эти впечатления и эмоции выражать. Первые стихи появились в детском саду – читала на утреннике. А потом была первая влюблённость. Первое сильное чувство, с которым хотелось что-то сделать – как-то его выразить. Начало творчества можно отсчитывать с момента, когда пришло осознание того, что нашла себя. Катя благодарна своей семье за этот период: родителям было интересно то, что она делает – начиная с первых стихов в шесть лет. По отношению к дочери они выбрали позицию друзей. И это стало одним из источников вдохновения.

Родители – преподаватели Воронежского государственного университета. Вместе учились на историческом факультете ВГУ, где и началась их история любви и совместной жизни. Папа, Александр Васильевич – кандидат исторических наук, мама, Ольга Петровна – доцент кафедры общей и социальной психологии факультета философии и психологии ВГУ.

Казалось, любовь к поэзии должна была определить судьбу девушки. Но Катя решила разрушить стереотип и стать полезной в обществе не только на словах – но и на деле.

Катя выбрала вуз не случайно: ВГУ всегда считался одним из самых престижных учебных заведений Черноземья, да и отрываться от родного «гнезда» не хотелось.

Девушке нравились гуманитарные науки, поэтому в школе она сдавала историю и обществознание. Но повторять историю родителей – идти на исторический факультет – не хотела. Она стремилась к тому, чтобы сделать что-то своё. А родители – не препятствовали.

– Лучшее влияние на выбор профессии, которое они оказали, – «невлияние». Родители всегда придерживались позиции свободы выбора, поэтому выбор пал на юриспруденцию. Чёткого представления о том, что это и с чем его едят, у меня не было. Осознание пришло после первого курса.

Кружок по криминалистике стал первым толчком к пониманию того, чем Катя хочет заниматься. Проявился интерес к теории и практике: уголовный процесс, процесс доказывания, технические и психологические методы профессии.

Сложно найти себя: кому-то везёт, а кто-то всю жизнь ищет и не находит. Но зря ничего не бывает. Это нормально, когда люди не боятся менять что-

то в своей жизни либо вообще кардинально пере-страивают её. Чем хорошо время, в котором мы живём? Тем, что благодаря развитию информационных технологий появляются новые профессии. Мог учиться на химика, но понял, что не можешь им быть? Стал видеоблогером – к примеру. Поэтому приходится много искать, прежде чем найти своё. Не обязательно рушить старое для достижения нового. Нужно научиться слушать и слышать себя – и тогда всё получится. Главное – понимать, что не все тебя сразу примут. Нужно быть к этому готовым, считает Катя.

УЧЁБА ПО ОБМЕНУ

В 2012 году Катя на полгода едет в Эстонию – учиться по обмену. Это был большой опыт – появилась наконец возможность оторваться от дома и почувствовать всю прелесть свободной жизни. Родители были только «за». Катя, прилежная студентка, посещала все лекции и семинары. Система образования в Эстонии другая, нежели в России: две лекции в день, а остальное время – путешествия по стране и досуг. Екатерина полюбила эту страну – смогла преодолеть не только языковой барьер, но и погрузиться в атмосферу и природу, заворожившую своей красотой. Эстония осталась в воспоминаниях Кати спокойной, мягкой и тёплой. Вернувшись на родину, девушка обрела баланс, которого ей, кажется, не хватало до этого.

Она оканчивает с отличием университет и чувствует себя намного свободнее, чем раньше.

РАБОТА И ДЕЛО ДУШИ

– У человека есть дело для души и для работы. Душевные дела нельзя связывать с достижением материального достатка. Это не пойдёт душе на пользу, а только её погубит – зачем делать за деньги то, что ты любишь делать просто так? Работа предполагает включённость в процесс, хочешь ты этого или нет, так как это кому-то нужно и за это ты получаешь деньги, – считает Екатерина.

В случае с Катей работу удалось сделать любимой: сегодня Макушина – успешный адвокат, который получает удовольствие от своей работы и гордится своим выбором.

Екатерина не сомневается: адвокат находится в выигрышном положении – и по отношению к обществу, и по отношению к себе самому. Он свободен и главное – защищает свободу другого.

Тема свободы с самого начала пути присутствовала в жизни Екатерины, и если говорить о рамках

Екатерина Макушина – выпускница юридического факультета ВГУ, лауреат Исаевской премии, член Союза писателей России

(в которые адвокат Макушина иногда попадает), то они не несут плохого, когда являются точкой опоры, от которой можно оттолкнуться.

О ТВОРЧЕСТВЕ

С первого своего стихотворения Катя была убеждена, что пишет серьёзные вещи, которые играют главную роль в её жизни. Творчество развивалось постепенно – обогащалось, осмысливалось самим автором. «Здорово, раньше я так не делала!» – эта мысль посещала девушку всё чаще. На новом жизненном этапе происходил переход на новую ступень, которая расширяла горизонт. Серьёзность и глубину, по мнению Кати, её творчество приобрело в 16 лет.

Однако для того чтобы хорошо писать, надо много читать, считает Макушина:

– Когда человек видит, как другой человек выражает свои чувства и эмоции на бумаге, он обращает внимание на технику письма и либо находит соприкосновение с автором и берёт его в пример, либо, наоборот, диссонирует с ним. В целом, расширяется кругозор, человек начинает шире мыслить, и в голове возникает больше деталей, из которых по-

Поэзия всегда рядом

том можно сложить разные картинки. Очень важно не «застревать» исключительно в своём творчестве, отгораживая от себя всё остальное, а, наоборот, быть открытым – ведь это даст больше красок, которых раньше у тебя не было, – размышляет Катя.

Сама она любит поэзию Марины Цветаевой. Любовь случилась не сразу – пришлось подрасти для осознания этой поэзии. Причём Макушина считает, что если уловить цветаевскую энергию, то всё сразу становится понятным и доступным.

Для Кати очень важно вдохновение:

– Это невероятное чувство, когда ты перестаёшь существовать в реальности и погружаешься в свой мир. Просто пишешь и не думаешь ни о чём, а когда ставишь точку – возвращаешься обратно на землю, подключаешь разум и редактируешь написанное. Вдохновение приходит само собой, его невозможно получить искусственным образом. Это может быть всё, что угодно: закат, прочитанная книга, фильм или момент из жизни. Нет точного понятия, что такое вдохновение, ведь у каждого из нас оно своё, и оно уникально. Чувство вдохновения может прийти не сразу, но главное – его поймать, – убеждена Катя.

Так осенью 2019-го она ездила в Петербург, где получила заряд энергии от одной из творческих

встреч. В ответ хотелось что-то написать, но ничего не выходило. А по приезду домой за десять дней возникли девять стихов – вдохновение пришло уже в Воронеже.

ЯЩЕРКА

*Я сбросила шкуру давно, давно,
Я спрятала память в ночи, в ночи.
Ты ищешь глазами моё окно,
Добро же. Узнал – молчи.
Я грелась на травке в тиши, в тиши,
Я знала истому тепла, тепла.
А хочешь – ты мне иногда пиши,
Письмо я спалю дотла.
Я помню, как жутко бежать, бежать,
Как рвётся дыхание сквозь зной, сквозь зной.
Я сбросила шкуру... Но как не ждать
Улыбки твоей хмельной?*

Это стихотворение было написано про саму себя. Катя говорит об ощущении изменения: она вырастает из того, что было – сбрасывает кожу. Начинает чувствовать себя иначе и становится другой. Но при этом влюблена – а значит, остаётся что-то неизменное. Любовь, в которую она верит, прекрасна, но не гарантирует постоянности.

Екатерина – как та ящерка, которая махнёт хвостом, – и ты её больше никогда не увидишь:

– Все мы порой ящерицы, хотим мы этого или нет.

АНКЕТА

Последняя прочитанная книга: «Дом шёлка» Энтони Горовица.

Любимый фильм: «Служебный роман».

Что вдохновляет: возможность расширять горизонты.

Последнее разочарование: ощущение того, что мы разные.

Случай, изменивший жизнь: взгляд на человека с другой стороны, что привело к большой дружбе на долгие годы.

Какие минусы сложно принять в человеке: фанатичность, хамство и упрямство.

Великие люди одиноки: все в каком-то смысле одиноки, вне зависимости, великие они или нет.

С чем было связано последнее ощущение волшебства: летом, в воде, на реке. Почувствовала единение с природой. Плыву, а на том берегу – лес, и в этой зелёной листве невероятно красиво играет солнечный луч. Было ощущение единого целого.

ЮЛИЯ ОГАНЕСОВА

БЫТЬ ЖИВЫМ, И ТОЛЬКО!

Когда тебе 17, так сложно выбрать будущее дело. Но случился Журфак. И закрутилось: талантливые педагоги, мастера высочайшего уровня, мудрые, эрудированные, интеллигентные наставники. Такие яркие и интересные одногруппники и единомышленники.

Когда тебе 20, так сложно найти работу по профессии и по душе. Но случился Журфак и те, кто рядом – вдохновлял, направлял, поддерживал.

Когда тебе 30, так редко встречаешь тех, с кем будто бы «знаком всю жизнь». Но случился Журфак, который подарил дорогих и близких друзей. Они – выпускники разных лет. Теперь в разных городах. Мы находили друг друга в разное время, но чувствуем, как крепко связаны.

Когда начинала работать в редакции, во время подготовки к записи перелистывала лекции и пересматривала заметки на полях, которые делала по ходу практических занятий на парах. Я и сейчас так делаю. Наши педагоги для меня – неоспоримые авторитеты. Медиа сегодня развиваются невообразимо стремительно, но по-прежнему остаются важными те основы, которым нас учили тогда. Остались в памяти и жизненные принципы: быть настоящим, смотреть в глаза и слышать...

*«И должен ни единой долькой
Не отступить от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только – до конца»*

Цитатой Бориса Пастернака завершил мою первую лекцию 1 сентября Лев Ефремович Кройчик.

Удивительно, но до сих пор я помню фрагменты некоторых лекций наших педагогов.

Люди факультета журналистики ВГУ – удивительные. У каждого – своя особенная история. Рассказать обо всех невозможно. Боюсь что-то упустить. Хочется вспомнить тех, о ком нечасто можно прочитать или услышать и с кем удалось близко поработать.

Помимо прекрасного педагогического коллектива, у факультета журналистики очень сильный «тыл». Те, кто помогает в организации всего учебного процесса. Старший лаборант кафедры теории и практики журналистики Тамара Павловна Коновалова – блестящий редактор, корректор и добрейшей души человек. Методист заочного отделения Нина Алексеевна Дорохова – заботливая и обаятельная. Методист заочного отделения Тамара Александровна Ревтова – человек с невообразимо добрым сердцем, чувствительная, равнодушная, всегда так глубоко переживающая за все «новшества», чтобы они не навредили устоявшимся канонам. Владимир Викторович Гаг – удивительный, многогранно талантливый человек с особым чувством слова. Наталья Анатольевна Гаг – увлечённая, глубокая, сильная. Она – журналист, который постоянно находится в творческом поиске, осваивает новые технические возможности и мастерски руководит студенческим радио «Навигатор». Наталья Анатольевна стала моим другом и наставником во многих журналистских проектах.

Коллектив телестудии – это особенный мир. Ольга Николаевна Падалкина... Неунывающая, заботливая, она делала телестудию уютнее, дарила нам «домашнее» тепло. Особенно его не хватает тем, кто вдали от дома. Её знали и любили студенты, несмотря на то, что она не вела у них занятия. Светлая память такому светлому человеку!

Мне посчастливилось поработать под руководством Владимира Тихоновича Исакова. Спокойный,

Первые шаги в тележурналистике

рассудительный, он почти незаметный, «закадровый». Иногда мне казалось, что он намеренно выбирает работу с техникой, чтобы пореже быть на виду. А сколько на нём держится! Весь порядок в телестудии. По должности Владимир Тихонович – руководитель Лаборатории учебного телевидения, но в разных проектах он выполняет работу режиссера, оператора, монтажера, осветителя. Он обучал и доверял мне работу на новой и очень дорогой на тот момент студийной технике и ПТС. Именно в его коллективе удалось впервые попрактиковаться и за режиссерским пультом, и за операторским краном, и за передвижной телевизионной станцией. Каждая съёмка с ним – это четко организованный, отлаженный процесс, где полностью можно положиться на опыт и профессионализм Владимира Тихоновича. Он ювелирно подбирал кадр, мог подолгу ловить удачный операторский момент и, кажется, «одушевлял» всю ту технику, с которой мы все работали. Болел душой за каждый сломанный винтик или потерянный проводок. Он умел так расположить к себе человека, что герои программ готовы были часами беседовать с ним до и после съёмок. Не помню ни единого случая, когда он, как руководитель, применил бы принцип «кнута». Единственное, что категорично делать не позволял нам, всем девушкам, работающим на съём-

ках, – это носить тяжелую аппаратуру и возиться с грязными проводами. Владимир Тихонович – человек, которого просто боишься огорчить или расстроить. На съёмки мы всегда приезжали с ним заранее (учитывая даже воронежские пробки), а потом сидели в машине, разговаривали и ждали, чтобы попасть на встречу ровно в назначенное время. Прекрасный руководитель и профессионал.

В прошлом году не стало куратора нашей группы – Алексея Алексеевича Колосова. Человека душевного, открытого, чуткого, глубокого, талантливого фотохудожника. Он подарил мне свою нежную и трогательную работу «Синички». Птицы доверчиво садятся на руку, чтобы угоститься зернами. Эта фотография и сейчас со мной. Она побывала во всех городах, в которых я жила какое-то время. Мы, студенты, как и эти синички, тянулись к нему и стремились. Шли на занятия и знали, что будет много необыкновенных историй об удивительных людях, которые стали не только героями его снимков, но и близкими знакомыми.

Алла Михайловна Шестерина – профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, руководитель моей диссертации и когда-то мой начальник. Столько совместных интересных проектов вышло: и в каске, и в маске, и реконструкция битв, и рок-концерты, и открытие автомагистралей... С таким руководителем в буквальном смысле слова были открыты новые пути: мы экспериментировали с формами и искали решения для разных творческих задач. Как в столь стремительно меняющемся мире медиа успеть исследовать особенности и рассказать о них студентам, вплести новые данные в строгую систему образовательного процесса? Алле Михайловне удивительным образом удается сочетать высокий уровень классической педагогической практики с современными формами просветительской деятельности: вести блог, записывать свои видеолекции.

К 90-летию Воронежского государственного университета наша телестудия готовила фильм, где мы вместе с героями размышляли над понятием «университетский человек». Теперь я понимаю, что есть не только «университетский человек», но и «человек журфака»: свободный, сопереживающий, находящийся в постоянном поиске и ещё много, много индивидуального и неповторимого.

Для меня журфак начался с декана Владимира Васильевича Тулупова и его заместителя Елены Михайловны Бебчук. Это те люди, которых я люблю, которым бесконечно благодарна за то, что они подарили мне этот прекрасный мир – творческий, свободный, честный, настоящий – факультет журналистики.

«АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ – КРЕДО ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ»

БЕСЕДА С ЗАВЕДУЮЩЕЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ГЕОГРАФИИ, ГЕОЭКОЛОГИИ И ТУРИЗМА ВГУ НАТАЛИЕЙ ЯКОВЕНКО

Работа над социально-экономическим развитием региона, разработка инновационных проектов, просвещение подрастающего поколения, добровольчество и, конечно, преподавание как призвание... Перечислять сферы деятельности Наталии Владимировны Яковенко можно долго. Но лучше обратиться к рассказу, что называется, от первого лица. А точнее, личности, которая своим примером доказывает, что утверждение из заголовка этого текста – не просто красивые слова.

– *Наталья Владимировна, расскажите об основных направлениях исследования кафедрой нашего региона? Над решением каких проблем социально-экономической географии Воронежской области вы работаете?*

– Общественная география и пространственные решения находятся на стыке географии с экономикой, социальными и политическими науками. Современная кафедра социально-экономической географии и регионоведения, которую я возглавляю с 2015 года, претерпела кардинальные изменения. Новый человек в коллективе – это всегда перестройка. Перестройка не только организационная, но и перестройка подходов к работе. Сейчас основное направление работы кафедры – изучение закономерностей пространственной организации общества, в том числе его территориальных хозяйственных систем. Управление Россией, в частности любым ее субъектом, невозможно без совокупных знаний о природных, хозяйственных, социально-бытовых особенностях отдельных мест, малых и больших территорий. Возрастает значение культуры географического поведения людей, их умения ориентироваться одновременно в различных пространствах: природных, социальных, экономических, национальных, политических, духовных. Анализ факто-

ров и условий развития локальных сообществ является неотъемлемой частью стратегического управления страной, регионом, городом, муниципалитетом, а эффективные пространственные решения важны для экономического развития и повышения качества жизни людей. Стратегическая задача развития любого региона – поиск источников эффективности и повышения социально-экономического развития региона на основе роста материального благосостояния и всестороннего развития личности граждан. И именно в этом направлении проводят исследования сотрудники кафедры.

– *Как ВГУ взаимодействует с властями региона в области социально-экономической географии?*

– В качестве примера могу привести разнообразные формы тесного сотрудничества нашей кафедры с Департаментом труда и занятости Воронежской области. Я являюсь членом Координационного совета по демографической и семейной политике при правительстве Воронежской области, поэтому активно участвую в реализации различных проектов. Студенты кафедры проходят производственную практику в отделах Департамента, разрабатывают ВКР и магистерские диссертации по тематике региональных исследований в области демографии, географии населения, трудового потенциала, миграций, программ переселения. Кроме того, кафедра принимает участие в региональных проектах, которые посвящены изучению, например, репродуктивных установок молодежи или социального самочувствия населения муниципальных районов Воронежской области. Часто мы проводим совместные мастер-классы по проблемам социально-экономического развития региона.

С представителями Торгово-промышленной палаты Воронежской области работаем в сфере конструктивного взаимодействия власти, бизнеса и об-

Наталья Яковенко на конференции
«Теоретические и прикладные проблемы
географической науки»

разования для роста экономики региона, а также повышения благосостояния и качества жизни граждан. В 2019 году у нас с аспиранткой Ириной Сафоновой вышла монография «Уровень жизни населения: современные тенденции развития (Воронежская область)», которая заняла первое место во всероссийском конкурсе «Золотой корифей – 2019».

Совместно с региональными органами власти в ноябре прошлого года мы провели масштабную международную научно-практическую конференцию «Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты». Событие привлекло внимание многих отечественных и зарубежных исследователей.

За четыре дня ученые и представители органов исполнительной власти обсудили широкий круг актуальных проблем, стоящих перед современной географической наукой, – от общих теоретических представлений до применения информационных технологий при решении конкретных задач по оптимизации сложных социально-экономических, географических и экологических ситуаций. Исследователи поддержали опыт разработки технологии социально-экономического планирования и прогнозирования и обратили внимание на необходимость его внедрения в современное территориальное планирование. Также участники конференции отметили инновационную роль геоинформационных технологий в теоретических и прикладных географических исследованиях.

– В минувшем сентябре вы и аспирант Роман Тен победили в грантовом конкурсе Российского фонда фундаментальных исследований с проектом «Информационно-аналитический инструментальный оценки дифференциации социально-экономического развития муниципальных рай-

онов Воронежской области». Какие перспективы развития нашего региона скрываются за этим сложным названием?

– Проект направлен на решение фундаментальной задачи – обоснование и разработку унифицированного научно-методического подхода к оценке дифференциации социально-экономического развития муниципальных районов Воронежской области и создание для его апробации информационно-аналитического инструментария.

Существует значительное количество работ в рассматриваемой области, но нет единства мнений о формировании систем показателей для оценки. Отсутствует возможность чёткой идентификации элементов структуры региональной экономики, воздействие на которые принесёт наибольший положительный эффект. Широта понятийного аппарата и нерешенность многих концептуальных вопросов также не способствуют разработке понятных и доступных инструментов для оценки социально-экономической дифференциации развития муниципальных районов. Это и обусловило необходимость нового комплексного и системного исследования в данной сфере.

Объектом изучения выступают муниципальные районы Воронежской области. По гранту имеется большой задел: в прошлом году был реализован проект «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области», руководителем которого была я, Роман Тен также принимал в нём участие. В результате мы выявили уязвимые места районов Воронежской области. По тематике выполненного проекта у нас имеется уже более шестидесяти публикаций – в основном в журналах ВАК, пять публикаций, индексируемых в Scopus и Web of Science, а также есть три патента на регистрацию базы данных в Роспатенте.

В современных условиях проблемам исследования социально-экономического развития регионов России отводится важное место. Никакое существенное повышение уровня жизни, уменьшение социального неравенства невозможно без экономического роста, и наоборот – низкий уровень социального развития является важнейшим ограничением экономического развития. Проблемы социально-экономического развития регионов вызваны не только общей социально-экономической ситуацией, но и недостаточной эффективностью региональной социально-экономической политики. Согласно концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов рассматривается как один из целевых ориентиров. Общероссийские тенденции регионально-го развития оказывают существенное воздействие и на Воронежскую область. Сейчас при определении перспектив развития региона важно ответить на вопрос: будет ли работоспособен в рассматриваемой перспективе действующий стратегический выбор? Насколько эффективно сложившийся перечень приоритетных функций, реализуемых регионом, сможет обеспечить достижение намеченных целей его социального развития? В этом отношении реализация задач нашего проекта принесет существенную, прежде всего научную, составляющую.

– На кафедре под вашим руководством действует научный кружок «Я – географ»: вместе со студентами вы организуете события, направленные на развитие, образование и социализацию личности. Например, проводите викторины и познавательные игры в воронежских вузах и школах. Почему, на ваш взгляд, это важно?

– В основе создания научного кружка «Я – географ» лежала главная цель: привлечение к социально-экономической географии студентов, способных к научному поиску, заинтересованных в повышении своего интеллектуального уровня, стремящихся к углублению знаний по географии. Сначала это было именно так: ежемесячно проходили заседания кружка, проводились интересные тематические дискуссии. Но со временем я стала обращать внимание на то, что студентам нравится не просто рассказывать, обобщать, выдвигать идеи, но и привлекать кого-то извне. У всех есть младшие братья и сестры, родители, бабушки и дедушки. Сработало «сарафанное радио», и нас стали приглашать в школы, детские сады, учреждения дополнительного образования. Так получило развитие новое направление в рамках кружка – профориентационная работа и агитационная деятельность. Для этой же цели был организован студенческий кружок «Лучик», представители которого занимаются различными видами деятельности: от волонтерства и добровольчества до просвещения и образования. Важность работы со школьниками несомненна по нескольким причинам: первая – это наши будущие абитуриенты, вторая – необходима популяризация географической науки, о чём говорят на всех уровнях, третья (пожалуй, самая важная) – это воспитание патриотизма, любви к России, толерантности и уважения к другим национальностям, чувства доброты и взаимопомощи, а также пропаганда самообразования и саморазвития.

– Наталья Владимировна, вы – почетный обладатель нагрудного знака «Доброе сердце» за благотворительную и волонтерскую деятельность. А что объединяет добровольчество и социально-экономическую географию?

Наталья Яковенко
в школе № 78
на встрече
«География Победы»

Победа на чемпионате России по педагогическому мастерству

– Добровольческая активность является драйвером социального развития общества, особенно в сферах образования, культуры, спорта, здравоохранения, социального обслуживания и охраны окружающей среды. Поэтому активная жизненная позиция – кредо географов-обществоведов, желающих быть социально полезными, посвящать часть личного времени, энергии, знаний, талантов участию в общественно-полезной деятельности, направленной на решение социальных проблем, развитие человека и общества. В этом и проявляется взаимосвязь географии и добровольчества.

Могу назвать три основные характеристики добровольчества: свободу выбора деятельности – добрую волю, бесплатность труда – бескорыстие, а также социальную направленность – помощь людям, действенный отклик на социальные проблемы. В этом отношении мы активно сотрудничаем с разными фондами – в частности, с благотворительным фондом «Добросвет», проводим благотворительные акции (например, «Шарлотфест») и концерты, принимаем участие в «Фасовке бесплатных обедов», совершаем поездки в детские дома и дома престарелых.

Очевидно, что, оказывая влияние на организацию этих событий и на отдельных индивидов, мы тем самым воздействуем и на сообщество, улучшаем качество жизни людей, повышаем уровень взаимного доверия и социальной солидарности. И в этом также можно видеть единение социально-экономической географии и волонтерства.

– В 2019 году вы стали чемпионом России по педагогическому мастерству и победили в конкурсе «Золотые имена высшей школы». В связи с этим у меня такой вопрос: что вы как преподаватель высшей школы хотите донести до своих студентов?

– Прежде всего хочу сказать, что система российского образования в настоящее время претерпевает качественные изменения. Это обусловлено сменой принципиальной модели цивилизационного развития. Но какие бы реформы ни проводились в образовательной среде как системе, в итоге они, прямо или косвенно, замыкаются на преподавателе как исполнителе. Лев Николаевич Толстой сказал: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец и мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель». Первый чемпионат России по педагогическому мастерству среди общеобразовательных учреждений, в котором я приняла участие, показал, что у нас в стране есть много отличных, увлеченных своей профессией преподавателей, организаторов дополнительного образования и, конечно, педагогов высшей школы. Это был и опыт лично для меня, и передача моего педагогического опыта другим.

Что хочу донести до студентов? Можно ответить пафосно, но скажу словами Василия Осиповича Ключевского: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаёшь, и любить тех, кому преподаёшь». Это мой жизненный девиз. Без любви к профессии и к тем, кого мы учим, ничего не получится. Надо быть преданным своему делу и в процессе обучения не только дать людям знания, но и воспитать в каждом из них целеустремленную, креативную, отзывчивую, добрую и искреннюю личность, человека, который сможет помочь другому. В этом отношении именно социально-экономическая география – тот предмет, который в себе замыкает много аспектов метапредметности и дает возможность учить, воспитывать и прививать лучшее во время обучения многих других видов деятельности, которыми занимается кафедра.

Считаю свою работу очень важной и горжусь своими студентами. В каждом из них заложен большой творческий потенциал, который нам предстоит раскрыть. И немаловажную роль здесь играет творчество. Вся моя жизнь и работа связаны с творчеством. Именно этому я учу.

Учу их находить новые, оригинальные пути решения творческих задач. Учитель, педагог – сколько в себе таят эти слова! У меня в руках связка ключей и указка. А впереди – сто дорог, сто дверей, и за каждой из них новая жизнь, которую я смогу прожить вместе с моими студентами.

Беседовала Виктория Морозова

«ЛЮДИ И СТРАНЫ»: ПРОЕКТ, ОСНОВАННЫЙ НА ИНТЕРЕСЕ

В ВГУ 18 факультетов, один из них – факультет географии, геоэкологии и туризма. Туризм здесь действительно присутствует: более того, этому активно содействуют различные общества, созданные на базе факультета. В их числе – клуб «Люди и страны».

Его участники – студенты, неравнодушные к проблемам географии. Встречи проводятся приблизительно раз в месяц, и часто на них приглашают особенных гостей. Например, в минувшем декабре в Воронежской областной библиотеке им. И. С. Никитина состоялась лекция путешественника, члена Приморского краевого отделения Русского географического общества Максима Харченко.

Мероприятие было организовано Воронежским областным отделением Русского географического общества, Молодежным клубом РГО при поддержке факультета географии, геоэкологии и туризма ВГУ. Чем же этот путешественник так привлек внимание студентов?

Максим Харченко прошлым летом осуществил уникальную одиночную экспедицию. На sup-борде он в течение 72 дней преодолел около 1000 км по тому же маршруту, что и предпринятая 170 лет назад экспедиция легендарного исследователя Дальнего Востока, русского адмирала Геннадия Ивановича Невельского. Тогда, в 1849 году, было доказано, что Сахалин является островом.

Что же такое Русское географическое общество? Это общественная организация, которой уже 174 года. Вот как охарактеризовал сущность Русского географического общества знаменитый географ, путешественник и государственный деятель Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский: «Свободная и открытая для всех, кто проникнут любовью к родной земле и глубокой, несокрушимой верой в будущность Русского государства и русского на-

рода, корпорация». С этим трудно не согласиться, ведь за все годы благодаря этой «корпорации» было сделано немало открытий. Ее экспедиции сыграли огромную роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии. И продолжают играть: сегодня участники так же могут отправиться на исследование любых территорий, куда только есть направление.

В Воронеже на факультете географии, геоэкологии и туризма ВГУ находится региональное отделение РГО. Именно оно позволяет студентам принять участие в экспедиции по выбранному направлению, отправиться в любой субъект Российской Федерации. Длительность экспедиции будет зависеть от желания: от двух-трех дней и до нескольких месяцев (даже до полугода). Экспедиции начинаются с апреля и заканчиваются в октябре. РГО берет на себя практически все расходы, включающие билеты, размещение и питание. Но существует возрастное ограничение: участникам должно быть от 18 лет и до 35, в некоторых случаях – до 40 лет. Таким образом, это могут быть не только студенты.

Проект «Люди и страны» появился в 2002 году, и активное содействие в проведении различных мероприятий оказывает молодежный клуб на базе РГО. Его руководитель – Дмитрий Владимиров – подробно рассказал, что включается в мероприятия:

– Я готовил для клуба презентацию, посвященную моей экспедиции в Арктику, это было в 2008 году. Тогда мне посчастливилось участвовать в крупном исследовании. Мы изучали региональный эффект глобального изменения климата, ведь Арктика с Антарктикой особенно остро реагируют на изменения климата и местная арктическая экосистема очень сильно страдает от этих изменений. Но это мой опыт – ребята рассказывают о своих полевых экспедициях, в том числе по Воронежской области.

Встреча с путешественником, членом Приморского краевого отделения Русского географического общества Максимом Харченко

Обычно мероприятия клуба проходят в два этапа – они включают лекцию и дискуссию. Например, в ноябре на факультете состоялось заседание клуба «Люди и страны». Встреча была посвящена Арктике и первой в мире экспедиции на Северный полюс. Студенты напомнили, что в 2020 году весь мир, и особенно Россия, отмечает 200 лет изучения Антарктиды.

Подготовка к этой дате началась давно – если точно, чуть больше года назад. Тогда авторский научно-познавательный проект клуба «Люди и страны» освещал экспедицию, которая при поддержке Русского географического общества отправилась в Антарктиду. Началась она 1 декабря. Команда из семи человек, среди которых был Валдис Пельш, снимала фильм о своем путешествии – и в итоге получилось 60 часов видео за 40 дней пути. За это

время её участники пересекли полюс Недоступности, Южный полюс, побывали на станции «Восток», а в канун Рождества добрались до антарктической станции «Прогресс». Группа прошла около пяти с половиной тысяч километров, и, по словам Валдиса Пельша, экспедиция далась участникам очень нелегко. Главная сложность – это отсутствие личного пространства. Участникам все приходилось делать вместе: жить, есть, снимать. Но, несмотря на разного рода трудности, съемки завершились даже раньше ожидаемого – понадобилось всего 40 дней вместо запланированных 50.

Данная экспедиция была приурочена к 200-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузенем и Михаилом Петровичем Лазаревым.

Заседание клуба

Руководитель
молодежного клуба
на базе РГО
Дмитрий Владимиров

Об исследованиях Антарктиды напомнили гостям и на лекции. Александра Зарытовская (доцент кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма) и Евгений Щербинин (магистр первого курса) рассказали о первых экспедициях, которые отправлялись в Антарктику и тем самым положили начало антарктическим исследованиям.

Вторая часть заседания клуба была посвящена обсуждению культуры Китая. Своими впечатлениями поделилась Татьяна Прожорина (доцент кафедры геоэкологии и мониторинга окружающей среды). Студенты познакомились с загадочным «сокровищем Китая». К чему же в Поднебесной так трепетно относятся? «Наше сокровище» – это название панды в провинции Сычуань, где расположены первый в мире музей этих милых животных,

а также исследовательский центр и питомник по их разведению. О Китае рассказал и Дмитрий Владимиров во время своей лекции, только она проходила не на факультете, а в магазине «Амиталь», благодаря чему неравнодушных зрителей собралось гораздо больше.

Итак, клуб «Люди и страны» объединяет людей, которые проявляют интерес к проблемам географии. Это не только студенты факультета географии, геоэкологии и туризма, но и учащиеся других факультетов, магистры, бакалавры, преподаватели, аспиранты, школьники и просто те, кому не все равно. Круг освещаемых тем достаточно широк. В основном проводимые мероприятия связаны с географией, историей и наукой. Каждый, кто пожелает прийти, сможет найти здесь что-то свое.

Экспедиция в Арктику

АНАСТАСИЯ ЕЛФИМОВА

ИЗ АУДИТОРИИ – В ГОРЫ

У студентов Воронежского государственного университета есть возможность отвлечься от тяжёлых трудовых будней, перевести взгляд со страниц учебников на прекрасные горные пейзажи. Одним словом, прямо из лекционных аудиторий отправиться в... путешествие. Как? Достаточно стать участником туристического клуба ВГУ «Белая гора».

«Белогорцы», как сами называют себя участники клуба, регулярно организуют туристические походы, встречи любителей путешествий, а также участвуют в спортивно-туристических соревнованиях. «Белая гора» открыта для всех. Как отмечает председатель турклуба Инесса Качевская, сейчас в составе организации студенты других вузов Воронежа, выпускники, а также преподаватели. Последняя группа, правда, пока совсем малочисленна. На данный момент в клубе 61 постоянный участник, из них студентами ВГУ являются 37 человек.

Наборы в клуб проводятся дважды в год – в начале учебных семестров. Однако и у тех, кто не успел или не решился окунуться в мир туризма, есть возможность присоединиться к клубу в середине семестра. Только придётся самостоятельно нагонять учебную программу туристической школы. Кстати, деятельность «Белой горы» – это не только романтика походов и красивые фотографии. Потому что, прежде чем отправиться в дорогу под «Изгиб гитары жёлтой», нужна предварительная подготовка. Для этого и существует школа. Её деятельность включает в себя проведение теоретических и практических занятий, направленных на то, чтобы сделать из новичка настоящего туриста.

– Спортивный туризм – это больше, чем спорт. И точно больше, чем просто путешествие. Это многогранная сфера со своими правилами и законами,

одеждой и снаряжением, организационной структурой и многими другими нюансами, – говорит Инесса Качевская.

Во время учебного семестра мероприятия в туристическом клубе проходят еженедельно. Это могут быть тренировки, лекции, вылазки на природу в выходные, походы (они более длительны и проходят на дальних расстояниях). Так, например, за первый семестр 2019/20 учебного года «Белая гора» провела 82 встречи. В организаторской и учебной деятельности участвуют наиболее опытные представители клуба.

– Я вхожу в состав «Белой горы» с сентября 2018 года. Сейчас уже сам помогаю организовывать мероприятия: например, курс молодого туриста или походы выходного дня, иногда провожу лекции, – рассказывает студент экономического факультета ВГУ Евгений Гребенников. – Это хорошая платформа для реализации потенциала, развития организаторских и ораторских навыков. Наш туристический клуб даёт возможность заниматься скалолазанием, альпинизмом, байдарочными сплавами, походами...

Не все студенты оказываются готовы к туристической деятельности. Не все сразу понимают, что «Белая гора» – спортивная организация. После первой тренировки или первой вылазки в лес некоторые уходят, понимая, что деятельность турклуба отличается от их ожиданий. Однако есть и те, кого возможные сложности туристической жизни совсем не пугают.

– Моё самое яркое воспоминание за год – поход в Краснодарский край, – делится впечатлениями студент геологического факультета ВГУ Кирилл Басс. – Всего он длился 10 дней, ходовых – 8. На третий день мы по плану шли в гору с перепадами высот. То поднимались, то спускались. Я сильно устал. А когда мы поднялись, у нас возникли про-

Лучше гор – только горы

блемы с водой: её просто не оказалось там, где она должна была быть. Было уже поздно, мы не могли приготовить еду. В итоге приняли решение разделиться: одна группа разбивала лагерь, другая – отправилась обратно вниз за водой. Всё прошло удачно, день закончился хорошо. А на следующий день мы уже шли по хребту горы, высота которой составляла примерно 900 метров. Вид впечатляющий и точно стоит всех преодолённых трудностей.

Чтобы присоединиться к числу бесстрашных туристов ВГУ, требуется только желание. Зачастую

новичков пугает, что они не успеют или не смогут приобрести нужные для походов вещи. На этот случай у «Белой горы» в запасе есть минимально необходимое личное снаряжение, которым первое время могут пользоваться участники. Так что если вы мечтали о походной романтике, но вас останавливает отсутствие спальника, забудьте о нём и приходите покорять новые высоты с «белогорцами».

Чтобы записаться в туристический клуб «Белая гора», следите за новостями об организационных собраниях в группе «ВКонтакте»: https://vk.com/tk_vsu

К восхождению готовы

ЭТИ РАДОСТНЫЕ И СИЯЮЩИЕ ИСПАНЦЫ

ДЛЯ ЧЕГО НАДО ЕХАТЬ УЧИТЬСЯ ПО ПРОГРАММЕ ОБМЕНА

Сегодня студенты ВГУ свободно отправляются покорять университеты других стран по программе обмена. Самым популярным направлением остается город Тарту, с которым тесно связана судьба нашего вуза. Наверное, поэтому мы немало знаем об обучении в Эстонии. А как обстоят дела в других странах? Выяснить это мы решили в разговоре со студенткой журфака ВГУ Полиной Поляковой, которая оканчивает семестр в испанском университете в Леоне.

– Полина, расскажи, как и почему ты решила отправиться за границу по программе обмена? Какова была мотивация?

– Я задалась этой целью еще в школе. До поступления в ВГУ успела пообщаться с координатором программы обмена в международном отделе нашего вуза, чтобы разузнать, как попасть на обучение за границу. После того разговора сильно вдохновилась, но родители были против, так что пришлось отложить данную идею.

На третьем курсе вдруг поняла, что безумно хочу поехать учиться в другую страну – ведь это было еще школьной моей мечтой. Увидев горящие глаза дочери, родители на сей раз поняли, что мне нужно.

Я начала подготовку.

Увы, первый отбор – в университет США – я не прошла. Вместо меня взяли девушку, которая знала английский объективно лучше, поскольку училась на факультете международных отношений.

Тогда я начала активно учить английский язык вместе с репетитором, веря, что в следующем семестре всё обязательно получится. Так оно и случилось. Меня взяли на программу обмена в университет Леона в Испании, чему я очень рада.

– В чем особенности обучения в зарубежном вузе?

– Во-первых, в ВГУ изучают около 10 предметов за семестр, а в Испании – всего 4–5, в зависимо-

сти от курса. Это позволяет лучше сфокусироваться на выбранных предметах. Во-вторых, большой упор в обучении делается на самостоятельную подготовку студента. Сначала я решила, что это отличная возможность расслабиться, но потом увидела, как мои испанские одногруппники тщательно готовятся к каждой паре, и взяла себя в руки, чтобы не отставать от программы.

Также удивительное отличие в том, что в Леоне не выдают список вопросов на экзамен. Подразумевается, что за семестр ты уже достаточно хорошо изучил программу, поэтому спросить могут всё что угодно из пройденного материала.

Объективно говоря, эти особенности обучения сделали меня более ответственной и самостоятельной. Пожалуй, я пересмотрела свое отношение к учебе.

– А с какими трудностями тебе пришлось столкнуться за время стажировки?

– Самым сложным было то, что я не знаю испанский на должном уровне. Хотя обучение проходило на английском, преподаватели часто «переключались» на родной язык, думая, что ты всё понимаешь. Мне не удавалось понимать и запоминать лекции так же хорошо, как моим испанским одногруппникам, но я очень старалась.

Кроме того, поначалу было непросто социализироваться – в моей группе было мало иностранных студентов. В целом это был уже сложившийся, сплю-

ченный испанский коллектив. Однако я познакомилась с ребятами из Боснии и Герцеговины, а также нашла знакомых в других группах.

– **Учиться в Испании по обмену – дорогое удовольствие?**

– Разумеется, нужны деньги на визу и пребывание в стране на первых порах, но стипендия в 850 евро отлично покрывает все дальнейшие расходы. 300 евро из них уходит на оплату проживания, а оставшейся суммы вполне хватает на жизнь.

– **Чем примечательны испанские студенты, заметила ли ты разницу в менталитете?**

– Испанские студенты удивительны, они очень веселые. Испания – настоящая страна-праздник. При университете у нас проходили вечеринки три раза в неделю, на них ходят почти все студенты. Здесь совершенно нормально пойти во вторник веселиться, а в среду подняться на пары в девять утра. Ни у кого даже мысли не возникает пропустить учебу из-за вечеринки.

Я поняла, что испанцы умеют и работать, и отдыхать. Несмотря на все тусовки, мои одногруппники всегда блестяще отвечали на занятиях. Думаю, нам тоже стоит поучиться умению совмещать подобным образом труд и отдых.

– **Чем для тебя была полезна программа обмена?**

– Особенно понравилось, что в иностранном вузе можно узнать о разных точках зрения на общемировые вопросы. Мне, например, было интересно изучить взгляд испанцев на мировую историю.

Помимо того, поездка по программе обмена – это отличная возможность пересмотреть свои взгляды на жизнь, стать более самостоятельной и сильной личностью. И, конечно, с пользой и удовольствием провести время.

– **Посоветовала бы ты друзьям поехать учиться за границу?**

– Я советую это всем, кто хорошо знает иностранные языки, – здесь это, разумеется, играет большую роль. А еще здорово, если вы любите не только учиться, но и веселиться, – я поняла, что это вполне соответствует интересам программы обмена. Ведь если ты активный и жизнерадостный человек, общаешься с людьми и излучаешь позитив, то вероятность того, что иностранные студенты тоже захотят поехать в твой вуз, намного выше. За время поездки я старалась этому научиться. Хочешь не хочешь, но ты смотришь на этих радостных и сияющих испанцев и незаметно становишься похожим на них.

Вопросы задавала Анастасия Палихова

ЕЛИЗАВЕТА ПРОСКУРЯКОВА

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В «ГОРОДЕ ЖАВОРОНКОВ»

Венгрия. Второй (после Будапешта) по величине город в этой стране – Дебрецен. Хотя даже просто крупным его трудно назвать. С первого дня пребывания здесь этот город неразрывно ассоциируется у меня с парком, одним большим парком (а это ещё я в зимнее время приехала, буквально через месяц Дебрецен расцвел, и ассоциация укрепилась в моём сознании).

К счастью, я не ехала сюда «вслепую»: за пару месяцев до «путешествия» со мной связались сотрудники Дебреценского университета, и это, безусловно, заставило меня осознать, в какой-то мере, реальность происходящего. Конкретный человек, с которым ведёшь переписку, возводит затею на уровень действительности, и целый ряд вопросов мне удалось решить ещё в Воронеже, чему я безмерно рада. Когда находишься в привычной для себя среде, все предстоящие заботы кажутся иллюзорными, далёкими, и ты не отдаёшь отчёта в том, что рано или поздно они станут ежедневными задачами; но, когда тебя уже вбросило в поток нового, дикого мира, осознание того, что ты хотя бы немного готов, облегчает задачу.

Хотя подготовиться полностью к подобным переменам – всё равно мало возможно.

Я знала, что в аэропорту меня встретит местная девочка, мой «помогатель» (так венгры переводят на русский Buddy, мне кажется, очень точное слово) и покажет мне путь до общежития. Вообще, все здешние жители для меня с первых же минут стали своеобразными «помогателями», а когда приезжаешь в чужую страну, без возможности связи (ведь интернета у тебя ещё нет), без малейшего знания местности и даже без еды, наличие «помогателей» весьма и весьма актуально. Буквально за первые 30 минут мои новые соседи по общежитию помогли

раздобыть интернет, утром показали округу, университет, ближайшее кафе, где я смогла позавтракать, магазин. И подобный ход вещей сопровождает меня на протяжении всех 1,5 месяцев. Как только появляется проблема (а они так или иначе будут), она сразу же и решается, на месте. Тебе не приходится бегать по разным инстанциям и паниковать. Даже если возникает языковой барьер. Ко всему относятся просто и с улыбкой, с убеждением, что нет неразрешимых ситуаций. Этот подход мне очень импонирует и помогает здесь.

Сама система обучения очень сильно отличается от системы в России. Первое, но не главное отличие – учебные часы. Если в моём родном университете чаще всего студенты приходят в 9:45 и покидают университет в 15:00. Бывают отклонения, но они всё равно варьируются не сильно и крайне редко. Здесь же у тебя в один день пары могут начинаться в 8:00 и длиться до 18:00, в другой день – всего одна пара, к примеру в 14:00, а в третий – две, в 10:00 и в 16:00. На каждую пару отводится 2 часа, время не нормируется, оно зависит от преподавателя и студентов: как быстро вы успеете охватить запланированный объём информации (хотя чаще всего всё упирается в увлекательные беседы и дискуссии, которые просто не хочется прерывать). Предметы, которые они собираются изучать, студенты выбирают сами. У них нет стабильного расписания. Это даёт определённую свободу и заинтересовывает, ведь они посещают лишь те занятия, которые сами для себя определили важными. Все пары проходят в довольно неформальной, приятной обстановке, складывается впечатление, что ты не на обязательном университетском занятии, но в каком-нибудь литературном клубе. Мне кажется, такое ощущение возникает ещё и потому, что славистику изучает не так много студентов – обычно группа состоит из

3–5 человек, каждый из которых находит своё место в общей беседе. Ещё одно коренное отличие заключается в том, что все предметы, которые имеют отношение к другим культурам (не венгерской), преподаются на языке изучаемой культуры. Это позволяет студентам более глубоко погружаться в данный предмет, открывает им взгляд с позиции «изнутри».

Дебрецен называют городом студентов. Ты действительно крайне редко видишь на улицах людей в возрасте или детей, ведь город заполняет молодёжь. Однако здесь не так уж много «молодёжных» мест, да и вообще, Дебрецен – «город жаворонков»: он просыпается в 6 утра и засыпает в 6 вечера, в выходные же большинство магазинов, кафе, кинотеатров и т. п. просто закрыты. Жизнь течёт размеренно, без спешки, без суеты, и студенты-венгры вполне вписываются в эту идиллическую картину своеобразного дендизма (в отношении понятия времени). А вот для действительно огромного количества иностранных студентов организовывается очень и очень много интересных мероприятий и поездок. Этим всем занимается специальный отдел в университете, состоящий из самих же студентов, которые и делают внеучебную жизнь для нас интересной и насыщенной. Любой желающий венгерский студент может присоединиться к данной группе. Это замечательная организация. За то короткое время, что я нахожусь здесь, мне удалось побывать на карнавале, на караоке-ночи, в так называемом трёхдневном трипе по

Будапешту, на вечере в стиле официального ужина с традиционной венгерской кухней и танцами, на вечере-знакомстве с увлекательными играми, на весьма нестандартной экскурсии по Дебрецену (где нам не просто показывали достопримечательности, но разделили на команды, вручили карты и листы с заданиями, которые мы должны были выполнять в определённых местах этого города, и включили соревновательный элемент: победившей команде доставался целый мешок венгерских сладостей), и это лишь малая часть того, что было организовано и проведено за такой, пока что короткий, период весеннего семестра. Стоит также упомянуть про «русский вечер», на котором мне тоже удалось побывать. Подобные вечера, посвящённые русской культуре, организывают студенты и преподаватели института славистики. Тот, на котором я присутствовала, был посвящён Масленице. Ребята пекли блины, пели песни, играли в разные игры, смотрели фильм о традиции масленичной недели и просто общались. Словом, скучать тут не приходится!

С приездом в Дебрецен я почувствовала, что начинаю жить по-новому. Такие вещи меняют нас, преображают, вбрасывают в яркий, насыщенный поток. Ежедневно ты открываешь для себя всё новых и новых людей, студентов по обменным программам, каждый из которых совершенно необыкновенный, яркий, я бы сказала, персонаж. Это не серая толпа. Это люди, которые захотели тоже изменить себя и свой жизненный уклад, открытые для новых впечатлений и знаний, они готовы впитывать мир в полном объёме, отдавая взамен частичку себя, своей культуры и своего мышления. Всё это самым удивительным образом контрастирует с размеренной и спокойной жизнью Венгрии. Подобные контрастности и позволяют держать баланс.

Мне кажется, такие возможности упускать нельзя, ведь самая настоящая жизнь начинается там, где заканчивается твой комфорт, где появляется много нового и где каждый день открываешь для себя разные, не похожие друг на друга культуры, миры (да и сам живёшь в непривычных для себя условиях). Такие периоды заставляют более чутко, разносторонне ощущать жизнь, её многообразие и красоту.

ПРЕОБРАЗУЯ ПРОСТРАНСТВА

О ВИЗИТЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ В ОКСФОРД

Все началось с того, что представители Оксфордского Российского фонда, в рамках планируемого библиотечного проекта, посетили Воронежский государственный университет вместе с приглашённым экспертом. Экспертом стал Борис Куприянов, совладелец первого независимого книжного магазина «Фаланстер», создатель информационного портала «Горький». Целью визита представителей Фонда был анализ и исследование в рамках планируемого проекта. В ходе визита они осмотрели помещения Зональной научной библиотеки ВГУ, провели переговоры с руководством и представителями студенчества и профессорско-преподавательского состава. В завершение своего визита Оксфордский Российский фонд посчитал целесообразным отправить от Воронежского государственного университета меня, как магистранта факультета философии и психологии ВГУ и стипендиата Фонда и сотрудника ЗНБ ВГУ, с рабочим визитом в Оксфорд для знакомства с подходами Оксфордского университета к преобразованию библиотечных пространств в центры совместной студенческой подготовки. Стоит отметить, что пилотный библиотечный проект решили запустить совместно с Воронежским государственным университетом и Самарским государственным университетом.

Кроме меня, с рабочим визитом были приглашены Оксана Петрова, директор научной библиотеки Самарского государственного университета, и Александр Палкин, заместитель директора по развитию образовательных программ и социального партнерства Уральского федерального университета.

Хочется сразу отметить, что приглашение оказалось весьма неожиданным. Однако шанс познакомиться с историей и культурой, а также устройством старейшего университета в мире – исключительная

возможность, которую смог предоставить Оксфордский Российский фонд.

За три дня визита мы познакомились с тремя библиотеками Оксфорда (Бодлианской библиотекой, библиотекой колледжа Магдалины, библиотечным центром колледжа святого Иоанна), а также реставрационной студией колледжа Магдалины.

Во время визита нас сопровождал один из попечителей Фонда, профессор Джон Нейтингейл, который познакомил нас с устройством колледжа Магдалины и подходом к образованию в Оксфордском университете.

Оксфорд – удивительное место, где время остановилось, а история прошлого ожила. Древние и величественные сооружения главных улиц Оксфорда словно пропитаны духом прошлого; город буквально живет по своим законам и правилам. При этом маленькие улочки полны студентов, преподавателей и рабочих небольшого городка. Интересно, что самым популярным средством передвижения является велосипед. Жители Оксфорда экономят время и средства, отправляясь на нем на работу или учебу. Интересно также, что на территории небольшого городка располагается порядка сорока колледжей, образующих Оксфордский университет, и примерно столько же библиотек (городских, университетских) и иных подразделений, относящихся к библиотекам, таких как издательские дома и реставрационные студии.

В первый день рабочего визита мы с коллегами посетили «старое и новое крыло» Бодлианской библиотеки – одной из старейших библиотек мира. Ее архитектурное убранство успешно функционирует совместно с услугами, которые библиотека должна оказывать, – книжной выдачей и хранением книг. Во время визита в Бодлианскую библиотеку нас сопровождал Мартин Кауфман, глава отдела редких книг

Джон Нейтингейл, профессор колледжа Магдалины, Оксана Петрова, директор научной библиотеки Самарского государственного университета, и Юрий Малик, библиотекарь ЗНБ ВГУ (слева направо)

и рукописей. В разгар рабочего дня библиотека полна читателями всех возрастов. Примечательно, что здесь существуют отдельные комнаты для групповой работы: в одной из них мы наблюдали семинар, где студенты под чутким руководством преподавателя изучали редкие фолианты. Новое здание Бодлианской библиотеки представляет собой сооружение из нескольких этажей, где на первом этаже расположены справочный центр, кафетерий и сувенирный магазин, а второй и третий занимают административные помещения, читальный зал и книжные фонды. Интересно, что большинство рекреационных комнат Бодлианской библиотеки используют идею коворкинг-зон (создание пространств, объединяющих людей для общения и творческого взаимодействия), однако они сохраняют библиотечные порядки, которые все неукоснительно соблюдают. В конце нашего визита доктор Кауфман представил

несколько редких изданий из русскоязычного собрания фонда, среди которых были уникальные тома, такие как первый англо-русский словарь, датированный XV веком.

Следующей библиотекой, которую мы посетили, была библиотека колледжа Магдалины. Экскурсию по этой библиотеке провёл её директор Дэрил Грин. Нас познакомили с книгохранилищем, где используются подвижные стеллажи, расположенные на первом этаже. Прочие пространства библиотеки представляют собой открытые фонды, комбинированные с читальными залами. Также интересно, что в этой библиотеке используется абонемент самовыдачи книг, которым студенты активно пользуются. Это является одним из исключительных нововведений библиотек Оксфорда, поскольку доступ к библиотечному фонду осуществляется 24 часа в сутки. Штат сотрудников в библиотеке колледжа Магдалины

В реставрационной студии колледжа Магдалины

Встреча с директором библиотеки колледжа Магдалины Дэрилом Грином в отделе редких книг и ценных рукописей

ны – 5 человек. Когда мы удивленно спросили, как осуществляется сохранность фонда, доктор Грин с уверенностью заявил, что их приоритетной задачей является доверие читателям и случаев утраты книг практически нет.

Для российских библиотек такой подход является малоизученным, хотя подобная практика может сэкономить библиотечные средства и позволить библиотекарям выполнять иные функции, например, подготовку полномасштабных выставок и книжных обзоров. Дерил Грин также отметил, что библиотечные выставки согласуются с руководством колледжа и сопровождаются лекциями, что также акцентирует значимость библиотек в структуре Оксфордского университета.

Вечером того же дня мы посетили реставрационную студию колледжа Магдалины, где посмотрели, как происходит работа по оцифровке редких

книг и рукописей, а также увидели процесс реставрационной работы и необходимые средства и материалы, к которым обращаются реставраторы. Примечательно, что студия занимается и реставрацией древних свитков и гобеленов Оксфорда. Это действительно ювелирная работа, направленная на сохранение и дальнейшее функционирование древних источников.

В третий день мы посетили библиотеку колледжа Святого Иоанна и недавно обновлённый библиотечный центр, который удвоил количество мест для читателей и пространство для хранения фондов. Стоит отметить, что особенностью библиотечного центра является обилие помещений для индивидуальной и групповой работы, а также места для сидения (пуфы), дающие возможность работать с книжными источниками в удобной для читателя позе. Интересным открытием стали также специальные стеллажи

Слева направо: Мартин Кауфман, глава отдела редких книг Бодлеанской библиотеки, Александр Палкин, заместитель директора по развитию образовательных программ и социального партнёрства Уральского федерального университета, и Оксана Петрова, директор научной библиотеки Самарского государственного университета

Читальный зал
Бодлеанской библиотеки

для демонстрации редких книг, образующих композиционную выставку. Особенность таких стеллажей заключается в возможности светоизоляции и поддержании температурного режима, который необходим при работе со старыми книжными памятниками.

Подходы Оксфордского университета по переустройству библиотечного пространства интересны и по-своему уникальны, однако, чтобы внедрить в российских университетских библиотеках подобные подходы, потребуются детальная проработка и дополнительное финансирование.

Примечательно, что в рамках библиотечного проекта Оксфордского Российского университета в Зональной научной библиотеке ВГУ приоритетной задачей становится расширение поля просветительской работы, способной привлекать не только студенчество и профессорско-преподавательский состав, но и жителей Воронежа. Нельзя не упомя-

нуть, что одной из приоритетных задач ЗНБ ВГУ является раскрытие богатств отдела редких книг с помощью создания платформы для размещения электронных версий редких изданий и подготовки экспозиций на базе ЗНБ ВГУ при поддержке музеев Воронежа.

Подобное сотрудничество способно актуализировать значимость университетских библиотек в России, а также возобновить угасающий интерес студенчества к ним. Новые реалии вузовской жизни требуют от библиотек пересмотра устоявшейся политики в области образования и поиска новых решений для приобщения читателей к богатству библиотечных фондов. А привлечение ЗНБ ВГУ к библиотечному проекту ОРФ способно преобразовать читальные залы и библиотечные отделы в центры совместной студенческой подготовки и студенческой жизни Воронежского государственного университета.

Холл нового здания
Бодлеанской библиотеки

НИ СЕКУНДЫ ПРОМЕДЛЕНИЯ

КАК СТУДЕНТКА ВГУ ЕЛИЗАВЕТА МОШУРОВА УСПЕВАЕТ УЧИТЬСЯ, РАБОТАТЬ И ВЕСТИ ПРОЕКТЫ

Успешный человек обычно представляется нам немолодым статным мужчиной, в пиджаке и с кожаным портфелем. Но что если герои, успевающие и поучаствовать во многом, и создать свое дело, оказываются нашими ровесниками?

Студентка четвертого курса экономического факультета Елизавета Мошурова, организовавшая первый в Воронеже «Финансовый семейный фестиваль Черноземья», кажется, из их числа.

– Расскажи о финфесте. Что это было?

– Проект, который я веду уже второй год, – проект по повышению финансовой грамотности «proБЮДЖЕТ». Я решила, что он должен получить более широкое развитие, которым и стал финансовый фестиваль. Вначале предполагалось, что он будет только для молодежи. И поэтому первый показатель численности участников фестиваля, прописанный в гранте, – 200 человек. Затем ко мне обратились из Минфина: они захотели провести в Воронеже похожий фестиваль, поэтому мы объединили усилия, увеличили общий численный показатель участников. Я стала главным организатором фестиваля в нашем городе.

Минфин решил провести в 2019 году пять фестивалей финансовой грамотности в регионах, одним из которых стал наш. А я еще весной решила, что проект будет не только для воронежцев – а для всего Черноземья. Поэтому наш фестиваль был единственной площадкой, собравшей участников не только из города, но и из близлежащих областей.

И случились... 2000 человек. Одновременно. В Доме молодежи. В разы больше, чем мы предполагали! Вместить всех было непросто. Но мы смогли быстро решить этот вопрос, потому что попробовали укороченный формат лекций – каждая длилась 50 минут, затем перерыв и следующая лекция

в «линейке». К тому же на фестивале параллельно работали пять образовательных площадок и пять развлекательных зон. Поэтому участники могли без проблем разойтись по разным классам и не мешать друг другу.

Если говорить о качественном содержании фестиваля – в тот день с участниками работали более 40 экспертов и спикеров. Обсуждали управление семейным бюджетом, учились использовать различные финансовые инструменты, защищать свои права как потребителя и многое другое.

– Почему ты решила вообще этим заниматься?

– На первом курсе экономического факультета, когда ты еще не можешь толком заниматься научной работой – потому что просто не знаешь как, – самый простой способ найти свое место в жизни факультета – пойти в общественную деятельность. Так я пошла в молодежное правительство – оно стало для меня отличной школой проектной деятельности: я видела, как ребята организуют свои проекты, и понимала, как могу реализовать свой.

– И ты после выпуска оставишь проект у себя? Или хочешь его кому-то передать?

– Планирую частично передать. Проект сейчас немного разворачивается в новую сторону. В частности, осенью мы создали на факультете клуб финан-

Елизавета Мошурова

совой грамотности. И в идеале я бы хотела, чтобы за оставшееся от учебного года время мы создали команду, которая вела бы и дальше «ргоБЮДЖЕТ» и его проекты в том же формате – организовывала все очные лекции и мастер-классы, воркшопы и митапы. Но я также хочу распределить часть наших обязанностей и усилий, например, между мной, факультетом (и клубом финансовой грамотности) и Домом молодежи.

Сейчас я на последнем курсе, учусь на кафедре анализа и аудита. После окончания бакалавриата буду заниматься карьерой и наукой. И все же очень хочу оставить и у себя часть дел по проекту, потому что есть в нем сферы, которые мне особо интересны – например, продвижение в Инстаграм. Я понимаю, как с ним работать, и знаю, как классно развить наш проект на этой платформе. Уже в 2020-м мы будем записывать подкасты, видео и развивать активную деятельность в онлайн-режиме. Но и не откажемся от живых мероприятий: у нас останутся ежемесячные оффлайн-встречи. Осенью мы планируем также повторить серию субботних лекций и мастер-классов «ргоБЮДЖЕТа».

При этом мы видим особый запрос от аудитории: люди хотят просто встретиться и поговорить о деньгах, финансах. Потому что мы не привыкли быть открытыми в вопросах своих денег и иногда даже с родителями не можем об этом поговорить. То есть они не могут рассказать, научить и даже сами могут быть зажаты в этих вопросах. А это такие откровения, к которым нужно быть готовым.

Мы всегда хотим узнать: «А как у других? У нас с тем парнем одинаковая стипендия, но он постоянно путешествует, а я нет. Что он для этого делает? Он не просто учится, а еще и работает. А как он это делает?»

Это, с одной стороны, такие бытовые вопросы, которые вроде бы только о деньгах, а с другой стороны – о жизни. Поэтому о них классно узнавать не только от спикеров, но и в общении с людьми. И формат митап (встреча единомышленников для обсуждения вопросов в неформальной обстановке. – Прим. автора) этому отлично помогает. Мы собираемся включить его в наш проект, и уже с февраля будем делать такие ежемесячные встречи. Конечно, с привлечением экспертов, которые с позиции возраста, статуса, достижений расскажут о своих успехах. Но при этом и другие ребята тоже смогут поделиться. Эксперт ведь – это не всегда важный дядечка в дорогом костюме, но и любой молодой человек, который уже чего-то достиг.

– Ты уже знаешь, чем будешь заниматься после университета?

– Хочу в магистратуру. Она, правда, соперничает с желанием работать. Потому что я этот год работала параллельно с учебой в Доме молодежи. Поэтому сейчас что такое *просто* ходить на работу или *просто* ходить на учебу – я не особо понимаю, несмотря на то, что только недавно уволилась. А еще и третья сторона жизни есть – это проектная деятельность. Поэтому я пока в раздумьях. Но, конечно, стремлюсь в магистратуру. И, конечно, хочу крутую работу.

Я могу продолжить обучение здесь же, в ВГУ, и заниматься своими научными исследованиями по изучению объектов анализа и аудита и оценке объектов материальных активов. Это максимально творческое направление сегодня в аудите, потому что пока не очень понятное, но пользуется спросом. А второй вариант – уйти во что-то, связанное больше с институциональной экономикой. Тогда это будет более фундаментальное образование, которое потом можно использовать в больших масштабах.

– А деятельность в Молодежном правительстве? Чем ты занималась?

– Я была в составе Молодежного правительства членом аппарата два года. Это больше организационная и сопроводительная деятельность. То есть ты делаешь все то же самое, что и Молправ, только не ходишь на стажировки, как основной состав.

В настоящее время я уже полгода стажируюсь в Агентстве инноваций и развития социальных и экономических проектов по Воронежской области. Клево, весело, интересно. Последние моменты прохожу там в отделе по экономике, изучаю интеллектуальную собственность. Сейчас я стала заместителем председателя Молодежного правительства.

– Что входит в твои обязанности?

– Помогать деятельности Молправа, потому что сейчас оно сталкивается с максимально интересными идеями и предложениями. Молправ становится более публичным, и к нему становится больше запросов. Разное приходится делать... Сейчас я, например, договариваюсь с Яндексом, чтобы мы приехали на экскурсию к ним и поговорили о каком-нибудь из их проектов, который потом могли бы применить в нашей деятельности.

– Ты писала на сайте «ВКонтакте», что у тебя была очень насыщенная осень. Что случилось за осень?

– Для меня осень – всегда самое насыщенное время года. Очень насыщенное, потому что много разных мероприятий. Помимо «роБЮДЖЕТА» и фестиваля, который планировался на эту осень, я еще занимаюсь вместе с Димой Коюдой Science Slam'ом. И осенью к нам приезжала ассоциация проекта – все те ребята, которые организуют слэм по всей стране. Мы выиграли это право в конкурсе, рассказав, какой у нас замечательный город и почему нужно устроить съезд именно у нас.

Кроме того, мы провели всероссийский, то есть самый главный Slam года. Протестировали новую площадку в «Ауре». Очень классно! У нас было много людей, более 200 человек – полный аншлаг. Мест не было, кому-то даже пришлось стоять. Это вот такая область научно-популярной деятельности, и встречи такие точно для души, потому что на них максимально нестандартная атмосфера для поглощения научных знаний – в клубах, барах. Это странно, но интересно, и людям «заходит».

Еще осенью у нас был Турнир трех наук. Это моя традиция, наверное, с начала активной студенческой жизни, потому что я в турнире со второго курса: сначала в числе волонтеров, потом как командир, организатор. Сейчас я руковожу пресс-службой. И Турнир – это для меня нереальный опыт в организации мероприятий.

Также был сбор органов молодежного самоуправления в Доме молодежи. Я занималась организацией и разрабатывала его образовательные программы. Плюс одновременно летом мы запустили конкурс на лучший орган молодежного самоуправления, одним из этапов которого и был этот сбор. А еще мы запустили конкурс в Молправ в сентябре.

И параллельно появлялись другие дела и другие незапланированные мероприятия типа конкурса «Молодежный лидер года – 2019», где я вышла в финал. Или конференция от Минфина в Москве, куда со всей страны приглашали людей, которые реализуют в регионах политику по повышению финансовой грамотности. И еще что-то такое сопутствующее. Ну и, конечно же, была учеба.

– Отсюда вполне логичный вопрос: как? Как ты все успеваешь?

– Мне самой непонятно. Вот сейчас я уволилась, а времени больше не стало. И я думаю: «А как же я раньше успевала еще и работать?» Но, возможно, в этом виноват конец семестра и всякие курсовые, контрольные работы и тому подобное, причем времени действительно нет, а постоянно появляются какие-то сопутствующие альтернативы твоим занятиям, которые иногда бывают интереснее или полезнее. Словом, непросто. Но интересно.

– Ты как-то планируешь время? Например, ежедневники, трекеры привычек?

– Конечно. Правда, пока работала, с этим было сложнее. Потому что время на себя – исключительно вечернее и ночное. Планировалось легко только на бумаге: сегодня работаем по графику «университет, работа» или «работа, университет»? А уже потом время на себя – хоть всю ночь.

А сейчас да, есть неделя и то, что нужно за нее обязательно посетить и сделать. Есть несколько часов, которые я посвящаю текущим делам: когда полчаса, когда час, когда-то и два. Они быстрые и нужные: что-то отправить, сделать, заполнить. Есть дни, когда я занимаюсь планами, есть – когда чем-то фундаментальным. Плюс есть время, выделенное под научную деятельность и английский – куда без него.

– Кстати об английском. Если убрать всю эту суперзанятую сферу, то чем ты увлекаешься?

– Вот до недавнего времени, когда я жила по старому графику, можно было сказать, что мое хобби менялось в зависимости от того, на чем я делаю акцент. Моим хобби иногда была работа, иногда – учеба, иногда – социальные проекты. В зависимости от того, что из этого я ставила главным приоритетом.

Конечно, классное хобби – это сон. Еще одно хобби, очень важное для меня, – английский. А еще

очень нравится читать всякое-разное. Вечером, перед сном, открываю «Братьев Карамазовых», где мне безумно нравится слог. И я читаю, думаю – какая классная речь, потом понимаю, что вставать уже через три часа... Кстати, я сейчас поняла, что отказалась полностью от книжек по саморазвитию, потому что они дурацкие. Это невозможно, это переписывание и пустая трата слов. Хочется развиваться – развивай свои навыки в деле. Ужасные книжки по саморазвитию, нужно бы всем их выкинуть.

Еще мне, видимо, нравится говорить о спорте... Потому что я уже всем сказала, что скоро пойду на бокс и в бассейн. Я не хожу туда, потому что не было времени, но сейчас оно, может быть, появится.

– На такой сумасшедший график все равно нужно где-то брать ресурсы, чтобы однажды не выгореть. Откуда силы и мотивация?

– Я эмоционально заряжаюсь от общения с людьми. Причем вижу разницу между собой сейчас и несколько лет назад. Сейчас во мне энергии гораздо больше, несмотря на то, что и трачу ее гораздо больше. Это как раз самоотдача – ты отдаешь энергию и столько же получаешь обратно.

А мотивация... Иногда просто «надо», потому что сама поставила себе такую планку. Иногда от «хочу». А иногда, очевидно, понимаешь, что это «было бы полезно», и ты это делаешь.

Есть еще одна мотивация, она для меня самая классная – «чувство». «Не знаю, зачем оно мне пригодится, но когда-нибудь это точно понадобится». Мне кажется, это работает у каждого человека, который занимается какой-либо общественной деятельностью, создает какой-то проект, который не приносит деньги, но приносит моральное удовлетворение или понимание, что когда-нибудь это пригодится, но пока не понимает как. Когда-то все, что мы делали, пригодится нам.

– Как должен выглядеть твой идеальный день?

– Во-первых, я встаю рано в этот идеальный день. Допустим, часов в пять или в шесть. И у меня есть время с самой собой все четко спланировать. Этим утром я занимаюсь йогой – она стала для меня полезной утренней привычкой. И самое главное в идеальных утренних ритуалах – до пар и других важных дел – сделать *самую главную задачу дня*. Тогда день точно обречен на успех. То есть я, например, пишу какой-то сложный отчет, который не

могла сделать всю неделю, а то и дольше. И вот я выполняю эту самую сложную задачу, и все остальное уже гораздо легче идет.

Потом я вижу с кем-то из друзей или знакомлюсь, общаюсь с новыми людьми, обмениваюсь энергией. Еще я обязательно за день узнаю что-то новое или делаю что-то полезное. Не для себя, а для общества желательно. Потому что есть у меня такая амбиция.

А вечером я обязательно занимаюсь английским. Эта привычка должна войти в мой ежедневный вечерний ритуал, я сейчас усиленно над этим работаю.

– А как выглядит твой самый нагруженный день?

– Для меня самый нагруженный день – когда я в голове держу несколько дел, которые пока не сделала. И не могу сделать из-за того, что, допустим, времени нет или нужно что-то другое срочно сделать, пойти на пары. То есть когда нужно сделать то, что физически сейчас невозможно. Или придется отказаться от альтернативных вариантов времяпровождения, от которых я не могу отказаться.

– Ты звучишь как сумасшедший энтузиаст, который вообще никогда не устает и хватается за все новые и новые дела, не жалея себя. У тебя не бывает ощущения перегруза, что дел слишком много?

– Бывает. Но мне сложно отказаться от этого! Потому что все, что я беру на себя, мне нравится. Поэтому сложно альтернативные издержки все посчитать и отказаться от чего-то наименее интересного. Я пытаюсь постепенно от этих объемов отходить – отдавая и делегируя какие-то обязанности. Пока вроде получается разгрузиться. Откажусь от нескольких дел еще, и будет совсем хорошо.

– Если нужно оставить всего несколько слов и описать себя, кратко представиться – кто ты?

– Я, если честно, за невербалику. Я очень впитываю то, что люди несут в окружающий мир без слов – и мне сложно, когда человек не показывает эмоции. Поэтому я могла бы сказать что-то о себе даже без слов, если меня видят люди. А словами получается сложнее даже, несмотря на то, что я долго занималась СМИ.

«Надо бежать» – вот что, наверное, можно сказать обо мне в двух словах. Поскольку я постоянно куда-то бегу.

Вопросы задавала Татьяна Харченко

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ ВГУ

Сегодня мало кто из студентов ВГУ не слышал имя Екатерины Безручко. Разве что первокурсники. Или прогульщики. Ведь именно она является организатором множества мероприятий как в университете, так и в Воронеже в целом. Ее добрую, задорную улыбку и лазурные глаза трудно не заметить, идя по коридору alma mater. Именно таким я и представляла себе настоящего волонтера – добрым, располагающим к себе.

Сейчас Катя ведет сразу несколько дел: является координатором волонтерского движения на филологическом факультете ВГУ, работает в Ресурсном центре поддержки добровольчества (волонтерства) в Воронежской области, который функционирует на базе Дома молодежи, и учится на 4-м курсе филологического факультета.

Что из этого труднее – решайте сами.

ФИЛФАКУ ТРЕБУЮТСЯ ДОБРОВОЛЬЦЫ

– Приехала я в Воронеж из Ростовской области поступать на филфак, на направление «отечественная филология». Мне все было в новинку. Не знала здесь ничего и никого, поэтому часть моей учебы и остальной деятельности поначалу не была волонтерской. Потом познакомилась с ребятами из волонтерского движения ВГУ и стала участвовать в различных конференциях, днях открытых дверей своего факультета в качестве волонтера. А уже спустя год стала куратором волонтерского движения на филфаке и до сих пор им являюсь. Коллектив небольшой, сейчас нас человек 15. Я их организую, набираю новых людей, провожу мероприятия, делюсь новостями, в этом мне как раз помогает работа в Ресурсном центре.

На самом деле Екатерина начала заниматься волонтерством еще задолго до переезда в столицу Черноземья. В своем родном селе Криворожье, что в Миллеровском районе Ростовской области, еще в школе, она любила проводить различные мероприя-

тия для младших классов, устраивала экологические акции, ездила на Всероссийский съезд добровольцев, который и сейчас проходит в Федеральном детском центре «Смена».

– На самом деле я уже и не помню свою первую акцию. В школе мы как-то не конкретизировали, что именно это и есть – добровольчество. Но помню, что вначале было сложно найти единомышленников и донести до ребят, что добровольчество является важной сферой жизни. Я, кстати, добилась, чтобы мне сделали волонтерскую книжку, это стоило больших усилий, ведь ее не выдают так рано. Это, конечно же, поспособствовало развитию моей волонтерской деятельности.

Правда, не сразу. Быть волонтером на филфаке – дело не простое. Когда Катя стала куратором волонтерства на родном факультете, на ее девичьи плечи упали все организационные мероприятия. Она нарабатывала опыт, и поэтому с факультетским отрядом добровольцев у них поначалу так и не получилось сделать что-то вне стен корпуса. Свою роль в этом сыграла и специфика самого филфака.

Катя Безручко

– Наши преподаватели требуют от студентов стопроцентной посещаемости. Многие ребята-волонтеры отказываются куда-либо ехать, организовывать вылазки, потому что потом придется отрабатывать пропуски, а это непросто, ребята не хотят проблем и боятся прогуливать. Проверено опытом. Это очень печально, на других факультетах волонтерство поощряется, ребята и на пары ходят, и постоянно занимаются волонтерством, и это никак не отражается на успеваемости или отношениях с преподавателями. Математический факультет, например, факультет компьютерных наук, журфак. Они постоянно ездят в детские дома, в дома престарелых, навещают ветеранов. Этого очень не хватает филфаку.

На факультетах, упомянутых Катей, волонтерское движение организовано значительно лучше. Например, вот как оно работает на факультете компьютерных наук.

– Все преподаватели идут нам на встречу, мы согласовываем свои мероприятия с деканатом, получаем официальные освобождения. Если у кого-то важные пары во время мероприятия, есть ребята из других групп, у которых их нет, если мероприятие долгое – разбиваемся по сменам. Также преподаватели очень часто просят нашей помощи при организации соревнований и олимпиад, а у нас их проходит очень много, – рассказывает руководитель волонтерства ФКН ВГУ Юлия Гостева. – У нас хорошая организация и много заинтересованных в этом ребят. Постоянно проводятся собрания и занятия по волонтерской деятельности, составляется план мероприятий. Все успевают совмещать учебу с деятельностью и своими личными хобби. Главное – желание...

Разговор продолжает Катя.

– Считаю, что надо давать заниматься волонтерством и на филфаке, хотелось бы, чтобы преподаватели помогали совмещать пары и волонтерство. Понятно, если все время не ходить на лекции, к тебе и относиться будут соответствующе, но когда ты два раза в семестр пропустишь, то можно и поощрять. Мы понимаем, что на филфаке царит особая специфика, туда идут учиться те, кто хочет заниматься наукой: у нас мало бюджетных мест, у нас научная деятельность в основном, неширокая специализация, поступает небольшое количество человек. Но все-таки можно и другими вещами заниматься, помимо учебы.

Приходится выкручиваться. Для себя и волонтеров с родного факультета Катя нашла выход с помощью научных конференций, которые, как известно, без добровольных помощников трудно организовать. Например, проходила в том году студенческая конференция: волонтеры устраивали игры, встречали и провожали гостей. Научная деятельность в комплексе с волонтерством – это для филфака то, что надо. А еще важно зарекомендовать себя. Если ты хорошо учишься, но начинаешь уходить в волонтерство больше, ты отпрашиваешься. И преподаватели, зная, что студент хорошо учишься, отпускают: мол, ты нагонишь. Зачетка работает на тебя.

ДЕЛАЙ, КАК Я!

Как считает наша героиня, волонтерство – это стиль жизни, порыв души. Но так ли много среди нашего воронежского студенчества таких же отзывчивых, добродушных и сопереживающих молодых людей, у которых, как и у Кати, этот порыв души никогда не гаснет?

– Я два года была участником Клуба волонтеров ВГУ. Статистика печальная, было очень мало откликов. На мой взгляд, это зависит либо от координатора, который не «зажигал» ребят, либо от незаинтересованности самих студентов. Координатор должен увлекать людей. Ведь многое зависит от человека, который тебя вдохновляет. Вот пример из личного опыта. Я волонтерила на форуме «Таврида». Вернулась, разговорилась с товарищем, а он говорит: «Нет, я не пойду волонтерить, что мне это даст?» Тогда я ему рассказала про то, что мне дало добровольчество, что много увидела нового, познакомилась с людьми, бесплатно сходила на концерт группы «Ленинград». Он, конечно же, сразу воодушевился, стал изучать все с азав. В итоге я привела его в волонтерство.

«Волонтеры Победы»

Если посмотреть правде в глаза, то еще два года назад в Клуб волонтеров приходило всего 30 процентов заинтересованного студенчества. Остальные 70 были на перепутье: либо «я попробую», «вдруг получится», либо приходили и тут же передумывали.

– Это был мертвый пласт. Ребята несерьезно относились к волонтерству. А нам нужны были люди, а людей нет, никто не отзывается. Была слабая связь и не случилось контакта, – с сожалением рассказывает Катя. – Мне кажется, это было из-за слабого контакта между координатором и командой: когда не знаешь людей в лицо, очень сложно просить их тебе помочь. На моей работе уже долгое время устраиваются еженедельные встречи в рамках проекта «Школа волонтера». Координаторы встречаются со своими волонтерами, приглашают для них экспертов, проводят обучения, следовательно, знают свой актив. Ведь когда знаешь в лицо, проще работать.

Да, пару-тройку лет назад все было именно так. Но сегодня невооруженным взглядом видно, что все больше и больше студентов начинают заниматься волонтерством. Радует ли такая положительная тенденция ВГУ?

– Количество студентов, интересующихся волонтерством, увеличилось в этом году на 30 процентов. Считаю, это связано с популяризацией добровольческой деятельности в обществе. Сегодня волонтеры задействованы практически во всех структурах и принимают участие во многих мероприятиях на разных уровнях, в том числе и на университетском. Ведь волонтерство – это огромная

возможность для развития личности и получения опыта, новых знаний. А насчет контакта между координатором направления и добровольцами... Состав волонтеров достаточно постоянный, поэтому все и так знают друг друга, но раз в семестр в ВГУ проводится набор новичков. Раз в месяц добровольцы собираются по поводу планируемых мероприятий и знакомятся. Много обсуждаем в сети, в беседах. Ребята могут планировать время не в ущерб собственным планам, – делится опытом координатор волонтерского движения ВГУ и организатор Клуба волонтеров Дарья Бурдакина.

Несомненно, сегодня увеличение количества студентов, которые хотят заняться добровольчеством, – это положительная тенденция. Студенты начинают понимать, что волонтерство дает много возможностей для реализации себя в обществе, для саморазвития, для помощи окружающим, и поэтому начинают активничать в волонтерской сфере.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ВОЛОНТЕРЫ ВЫХОДЯТ В ГОРОД

Сегодня ВГУ является площадкой для проведения множества мероприятий – турниров, олимпиад, конкурсов, как вузовских и межвузовских, так и городских. Воронежский университет – неотъемлемая часть города, почти на каждом городском событии можно среди участников найти его логотип. Ведь не зря Воронеж называют городом студентов. Поэтому вместе с Катей Безручко, которая, благодаря работе в Ресурсном центре, видит ситуацию шире, мы

Акция «Бессмертный полк». Москва

выбрали 5 наиболее важных и значимых событий, в организации которых участвовал университет. По мнению моей собеседницы, именно эти акции способствуют развитию студенческой среды, студентов, волонтерства и самих участников.

Турнир трех наук. Это ежегодное командное состязание между студентами вузов России по решению заранее публикуемых научных задач, представлению решений в виде презентаций и защите их в ходе полемики во время «научных боев». Решение этих задач требует познаний в области физики, химии и биологии.

– Считаю его одним из важнейших событий, которые вообще проводит и организует ВГУ. Представьте, на протяжении всего года в разных округах по всей России проводятся отборочные туры, в том числе и за рубежом, например в Белоруссии. Вузы выдвигают команды, которые решают кейсы, и по итогам их решений лучшие команды приезжают в Воронеж на финал. И, конечно, все это невозможно провести без помощи добровольцев, волонтеров ВГУ, – поясняет свой выбор Катя. – Очень интерес-

но быть частью такого масштабного события, помогать его осуществлять и освещать в СМИ, я как раз работала в пресс-службе и была организатором-стажером.

Не стоит думать, что работа над этим турниром проходит лишь во время его действия. Это годовой труд волонтеров. Есть команда организаторов, которые закрывают технические вопросы, занимаются финансами, ищут партнеров, заключают договоры... Они набирают команды стажеров на роль организаторов либо волонтеров, которые меньше статусом, и дают им задачи – например, встретить команду из Москвы, поселить, привести к определенному времени, создать атмосферу уюта.

Это кропотливая работа, сюда берут самых ответственных людей, на которых можно всегда положиться. Как известно, добровольцам не платят, но это для них не помеха: они получают другое – опыт общения с людьми, навыки действия в экстренных ситуациях, развитие стрессоустойчивости, а главное – друзей, связи и положительные эмоции.

В волонтерской деятельности, как и в любой другой, есть карьерный рост. Причем не только в рамках проекта, но и в процессе вообще. Те, кто только начинают вливаться в добровольчество, – волонтеры, которые выполняют задания организатора. Потом, набравшись опыта и имея за спиной некое количество проведенных мероприятий, они могут стать кураторами, отвечающими за группу волонтеров, или стажерами. А стажеры за хорошую работу получают статус организатора или соорганизатора площадки, которые получают зарплату, ведь это официальная работа.

«Бессмертный полк». Международное общественное гражданско-патриотическое движение по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны, а также название акций-шествий, организуемых данным движением.

Эту ежегодную акцию в Воронеже проводят «Волонтеры Победы». Ими может стать каждый, в том числе и студенты университета. Поэтому наш университет тоже оказывает организационную помощь данной акции.

– Добровольцы ВГУ устраивают волонтерское сопровождение, без которого шествие вообще невозможно. Курсанты вместе с нами делают живую цепь, чтобы люди, которые не прошли металлоискатели, не смогли попасть в колонну. Также перед началом шествия мы говорим людям, где стать в линеечку по 10 человек, где лучше идти пожилому человеку или женщине с коляской. В организации акции участвует более 500 человек, – поясняет Катя.

– Мы их набираем и обучаем ежегодно, проектируем ситуации, рассказываем, как в них действовать: как оказать минимальную помощь, что делать, если приходят на «Бессмертный полк» с фотографиями немецких воинов или с фашистскими лозунгами – бывали случаи. С такими людьми работать трудно, потому что они просто не понимают, почему им нельзя сюда. А тут и ветераны, их дети, внуки... Конечно, начнутся возмущения. Это надо предотвратить. Все это делаем мы.

Для участия в «Бессмертном полку» выбирают десятников, проверенных временем, у которых есть опыт и своя команда волонтеров. Именно они следят, чтобы не растягивался поток, контролируют повороты и время шествия полка. Ведь без помощи волонтеров «Бессмертный полк» представлял бы собой неконтролируемую массу людей, которая двигалась бы в хаотичном направлении. И только волонтеры способны все это организовать. Они – опора «Бессмертного полка».

– Волонтерство – огромная работа, которую часто не замечают. Нам, добровольцам, обидно, когда СМИ ее не замечают. Просто толпа людей собралась и прошла. Что в этом такого? А это огромный труд. Волонтеры собираются в 6 утра, получают свой комплект раздаточного материала, позиции, на которых будут работать в любую погоду, кстати, и пытаются дарить положительный настрой людям. Это тяжело и морально, и физически, потому что работать с шести утра до часу ночи не каждый может. Но это закаляет.

Бытует мнение, что сегодня шествие «Бессмертного полка» носит фиктивный характер. Люди в колоннах идут, плачут, отдают дань судьбам прадедов, а потом с чистой совестью выкидывают штендеры с победными лицами предков в мусорку. Долг ведь выполнен.

– Да, такое бывает, сама видела. Но это единично. С ними уже ничего не сделать. Но полк все равно нужен. Это объединение народа. Когда ты идешь в строю или смотришь на него, или просто проходишь мимо, у тебя совершенно иные эмоции, нежели за его пределами. Люди идут, поздравляют с Днем Победы, поют «Катюшу», поздравляют с праздником ветеранов, улыбаются, дарят цветы, плачут... Однажды я прошла в Москве в «Бессмертном полку», к сожалению, без фото прадеда. У меня текли слезы, ведь идя в потоке со всеми, ты понимаешь, что подвиг был совершен не зря, что наши предки положили миллионы жизней, чтобы мы могли наслаждаться миром каждый день. Полк, несомненно, нужен, а то, что один человек выкинул

Екатерина Безручко с дипломом «Доброволец года»

плакат с фотографией деда, это все от непонимания и невоспитанности. Нужно развивать культуру в людях, ежедневную культуру, поэтому «Волонтеры Победы» и проводят серию мероприятий в течение всего года. У нас даже есть хэштег #нетолько9мая#. Ведь сохранение памяти должно быть вечно.

Стоит отметить, что Катя не просто так попала на шествие в Москве. Ежегодно, чтобы организовать Парад Победы на Красной площади, набирают волонтеров со всех регионов России. Событие крупное, конечно же, желающие проходят жёсткий отбор. И Катя Безручко, написав анкету и мотивационное письмо и пройдя собеседование по скайпу, попала в список организаторов. Всего было отобрано 140 человек из 4000 тысяч. Из Воронежа – 4 человека, в том числе и Катя, единственная из ВГУ. Это огромное событие в жизни волонтера и большой толчок для карьерного роста.

– Мы организовывали концерт в Кремле, Парад Победы и «Бессмертный полк». Проходили личностное повышение, нам рассказывали о проблемах, с которыми можем столкнуться, слушали экспер-

тов. В ночь с 8 на 9 мая мы раскладывали 6000 тысяч подарков на трибунах. Все было вручную, ведь каждый сувенир надо было проверять на наличие взрывчатых веществ. Нам, кстати, нельзя было фотографироваться ни с кем, ведь мероприятие очень важное. До парада мы работали на КПП, помогали ветеранам. Я работала на трибуне почетных ветеранов, которые потом пошли на встречу с президентом. Мы их встречали, провожали, общались. Много чего от них узнали о войне. А после парада отправились шествовать в «Бессмертном полку». Я была частью чего-то великого, исторического. Это не передать словами, – с восторгом вспоминает девушка.

«Связь поколений». Название направления деятельности движения «Волонтеры Победы», в рамках которого ребята посещают ветеранов.

«Связь поколений» – это важная акция, направленная на сохранение исторической памяти. Памяти о войне и о людях, в ней участвовавших. Это работа волонтеров не только 9 мая, а в течение всего года. Ребята ежедневно ходят к ветеранам с соцработниками, узнают, какая помощь им нужна, и предоставляют ее: окна помыть, в аптеку или в магазин сходить, а может, ремонт нужен...

– Есть список заслуженных людей, который для нас составили в Совете ветеранов. У нас хорошие контакты с бабушками и дедушками, к некоторым мы ходим напрямую, но иногда возникают трудности, потому что ряд ветеранов боятся вмешательства извне. Поначалу они воспринимают наш приход как обман или мошенничество, поэтому мы идем к ним с соцработником. Но сейчас есть ветераны, с которыми волонтеры дружат, у некоторых наши фотокарточки в домах висят. Мы общаемся с ними, это очень приятно. Тепло на душе становится в такие минуты.

Игра «РИСК» (разум, интуиция, скорость, команда). Командная игра-викторина, направленная на сохранение исторической памяти и повышение культурного уровня развития участников.

– Это очень полезная, познавательная, важная интеллектуальная игра, которую проводят волонтеры ВГУ. Она направлена на сохранение и популяризацию исторической памяти, а также на пропаганду современных достижений России среди молодежи, в том числе воронежского студенчества. Форматы обычно тематические, например, «Великие произведения России», «Великие имена России», «Тайны государственного Российского»... Приурочены они к определенным датам: 9 Мая, День России. Я считаю, такой формат популяризирует историю, ребята

узнают что-то новое. Проходит игра в Доме молодежи раз в четыре месяца.

Такой формат игр в последнее время широко распространен среди студентов в Воронеже. Чуть ли не в каждом кафе, в каждой библиотеке или музее можно обнаружить ежемесячные мероприятия подобного типа. Поэтому российские добровольцы удачно влились в мейнстримный поток, сделав при этом игру интересной, увлекательной и познавательной.

Тотальный диктант. Ежегодная образовательная акция в форме добровольного диктанта для всех желающих. Это общественный проект, который проводится силами активистов и волонтеров.

Главная цель акции – показать, что быть грамотным важно для каждого человека. А еще убедить в том, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно. Каждый год для Тотального диктанта каким-либо известным писателем создается уникальный текст. Это пропаганда живого русского языка в действии, что, несомненно, из года в год привлекает все больше участников.

– Тотальный диктант – социально важный проект. Только представьте, я координировала работу волонтерского корпуса из 100 человек, мы организовали 18 площадок в городе, а еще 6 площадок были организованы в области. Это немало. Волонтеры следят, чтобы все прошло идеально: встречают чтеца, после проверяют диктант. Тотальный диктант, на мой взгляд, повышает уровень грамотности, который сейчас падает. Не знаю, может, это связано с сидением в интернете, быстрым общением в соцсетях или просто люди стали меньше читать. Эта акция для тех, кто равнодушен к проблеме языка. И я замечаю, что с каждым годом людей все больше приходит, а значит, к русскому языку равнодушны. Человек пришел, написал, посмотрел, что ошибок много, и у него есть стимул прийти в следующем году, написать лучше, – размышляет моя собеседница.

Конечно, волонтерство ВГУ не ограничивается этими пятью добровольческими акциями, их гораздо больше. Например, Платоновский фестиваль, который всем хорошо известен, тоже подготавливают волонтеры нашего университета, Робо-арт – турнир для школьников России по созданию роботов, Лига инноваций – соревнования для школьников в избрании инновационных проектов, баллы за защиту которых в дальнейшем могут засчитываться при поступлении в ВГУ, организация мероприятий, посвященных 100-летию нашего университета...

Выступает студенческий кукольный театр «Би-ба-бо».
В центре – Владислава Безрукова

БОРИСОГЛЕБСКОЕ ТЕПЛО

И, конечно, волонтерство в ВГУ не ограничивается только Воронежем. У нас ведь существует Борисоглебский филиал. Он хоть маленький, да удаленький!

Минувшей осенью вся волонтерская среда университета была взбудоражена и взволнована. Студентка филиала Владислава Безрукова прошла в финал всероссийского конкурса «Доброволец России» в номинации «Вдохновлённые искусством» с проектом студенческого кукольного театра «Би-ба-бо».

– Театру «Би-ба-бо» всего два с половиной года. За это время кукольный театр объединил 30 студентов, поставил 7 спектаклей, дал 45 представлений и порадовал своими выступлениями более 2000 детишек Борисоглебска, в том числе более 100 детей с ограниченными возможностями здоровья. Кукольного театра в нашем городе нет, поэтому решили создать его сами. Сейчас мы планируем выезжать в соседние села и там давать представления. Детские улыбки и смех нас подбадривают и дают силы двигаться дальше, – рассказывает Владислава.

Можно только порадоваться, что студенты ВГУ добиваются таких успехов. Хоть пока и немного таких добровольцев в нашем студенчестве, как Катя и Владислава, но они есть. И это согревает.

СОБСТВЕННЫЙ МИР РАЗМЕРОМ С МАЛЕНЬКУЮ ПЛАНЕТУ

Большинство людей сегодня положительно относятся к волонтерству: пресс-служба добровольчества стала получать гораздо больше положительных отзывов от воронежцев.

Но успокаиваться нельзя. Волонтеры ВГУ должны быть всегда в движении (не зря это девиз нашего вуза). Вот и Катя Безручко тоже в движении.

Планирует. Достигает новых вершин. Создает новые проекты.

– В прошлом году на медиафоруме в Тамбове мы с ребятами придумали идею медиааквеста. Ее оценили федеральные эксперты. Вернувшись в Воронеж, идею забросила из-за дел, но сейчас я собираюсь ее реализовать вместе с другими волонтерами. Пока это маленькая идея, как сложится дальше – неизвестно. Раскрывать все секреты пока не буду, ведь ещё ничего не решено. Скажу одно: нам захотелось проявить себя в новом направлении, которое нам интересно, в котором нам хочется развиваться. И хочется, чтобы другие развивались. Ведь волонтерство – это стиль жизни, который никогда не должен надоедать. Это желание делать других людей счастливыми, дарить им улыбку. Это то, что вдохновляет жить и творить. Для меня это целая маленькая планета и такой собственный мир, где царят добро, тепло и уют.

ДИАЛОГ

БЕСЕДА
С ЕЛЕНОЙ НОСЫРЕВОЙ

«МЫ СТРЕМИМСЯ ИЗМЕНИТЬ ПАРАДИГМУ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Основоположник дисциплины «Исследование проблем мира и конфликтов» выдающийся норвежский ученый и общественный деятель Йохан Гальтунг считает, что «мир – это состояние, в котором люди способны рассматривать свои конфликты на конструктивном и творческом уровне». Однако добиться согласия в современном обществе, как известно, непросто. В большинстве конфликтов многое зависит от юристов, призванных найти пути их разрешения.

Наш собеседник – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права и процесса ВГУ, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, руководитель Центра правовых инноваций и примирительных процедур ВГУ, профессиональный медиатор Елена Ивановна Носырева.

– В последние годы мы все чаще слышим слово «медиация», не всегда понимая его значение. Елена Ивановна, вы – профессиональный медиатор. Расскажите, в чем суть медиации, кто такие медиаторы? Готовит ли их наш университет? Можно ли назвать медиатора новой профессией? Думаю, что для многих эта область права неизвестна.

– Медиация – относительно новое явление в российском обществе, которое в своем современном развитии от первых теоретических разработок до законодательного регулирования и применения на практике насчитывает примерно двадцать пять лет.

Медиация является примирительной процедурой. Получила название от латинского *mediare* – посредничать, производно от прилагательного *medius* – занимать середину между двумя точками зрения либо сторонами, предлагать средний путь, держаться нейтрально, беспристрастно. Отсюда особенность медиации – она осуществляется с помощью нейтрального, беспристрастного третьего лица – медиатора, или посредника. Это лицо избирается участниками конфликта, они доверяют посред-

нику урегулирование своего спора. Медиация считается универсальной процедурой. Она применима практически к любому конфликту – от международного до межличностного.

Сущность деятельности медиатора и самой процедуры медиации состоит в том, что посредник оказывает сторонам содействие в достижении соглашения по спору, в примирении на основе выявления их интересов. Иными словами, медиатор – это специалист в области урегулирования конфликтов. А сама процедура с его участием позволяет справляться с конфликтами конструктивно и творчески и таким образом восстанавливать мир. Именно с развитием данной примирительной процедуры связывается достижение таких позитивных целей, как формирование этики делового оборота, улучшение партнерских отношений, гармонизация социальных и межличностных отношений. В конечном итоге, широкое внедрение процедуры медиации будет способствовать снижению уровня конфликтности в обществе, сокращению числа обращений в суды, повышению уровня правовой культуры и просто культуры общения.

– Получается, что не случайно в ВГУ создан Центр правовых инноваций и примирительных процедур. Какие задачи он решает?

– Кафедра гражданского права и процесса Воронежского государственного университета одна из первых в России стала заниматься исследованием проблем внедрения медиации в нашу правовую систему, мы участвовали в разработке проекта закона о медиации, в обсуждении его различных вариантов. Поэтому после принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и введения его в действие с 1 января 2011 года мы сразу же смогли реализовать идею создания на базе Воронежского государственного университета Центра правовых инноваций и примирительных процедур.

Основным направлением изначально являлась подготовка профессиональных медиаторов. Данное обучение осуществляется в рамках повышения квалификации. Пройти курсы по подготовке медиаторов могут лица с любым высшим образованием. Ведь в соответствии с законом медиатором может быть не только лицо, имеющее высшее юридическое образование, но и другой специалист. У нас, например, обучались адвокаты и юристы, арбитражные управляющие, предприниматели, государственные и муниципальные служащие, преподаватели вузов и учителя, инженеры, менеджеры и даже священнослужители. Сегодня пока нельзя сказать, что медиатор – самостоятельная профессия, скорее это дополнительные компетенции, которые лицо может использовать в своей основной профессии и (или) непосредственно осуществляя деятельность по урегулированию правовых споров в соответствии с законом.

Со временем мы увидели, что такая подготовка полезна не только «взрослым», но и нашим студентам, будущим юристам, которым так или иначе придется работать с разнообразными конфликтами. Законодательство допускает, что в ходе освоения основной образовательной программы студенты могут пройти обучение в рамках дополнительного профессионального образования. Таким образом, у наших студентов есть возможность, пройдя курс подготовки, одновременно с вручением диплома о высшем образовании получить удостоверение профессионального медиатора.

Интерес студентов к процедуре медиации способствовал тому, что с 2017 года на базе юридического факультета мы проводим ежегодный студенческий игровой конкурс «Медиация». Первоначально он носил внутриуниверситетский характер, затем межвузовский. Количество участников постоянно

росло. В этом году мы анонсировали проведение всероссийского конкурса и уже получили заявки из Москвы, Саратова, Казани, Самары.

Кроме того, по инициативе Центра при поддержке Воронежского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» на юридическом факультете была создана Медиативная клиника. Это новый формат работы студентов, который позволяет поддерживать полученные при обучении в Центре навыки медиатора, использовать их под руководством преподавателей – профессиональных медиаторов – для урегулирования реальных споров.

Помимо непосредственной подготовки медиаторов, наш Центр разработал ряд программ повышения квалификации, которые мы реализуем на контрактной основе с государственными органами. При этом во все программы мы стараемся в той или иной степени включать вопросы, связанные с мирным урегулированием конфликтов. Наиболее востребованными стали: программа «Использование переговорных (антиконфликтных) технологий в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих» (с 2013 по 2019 год повышение квалификации прошли 295 человек из различных департаментов правительства Воронежской области) и программа «Школьная медиация» (в 2015 году обучение прошли 238 учителей и социальных педагогов Воронежской области).

Как видно, образовательная деятельность Центра является очень разнообразной и осуществляется в сотрудничестве с другими кафедрами университета, а также различными государственными, муниципальными и общественными структурами.

– Круг решаемых проблем в медиации широк. Но всегда ли можно достигнуть согласия с помощью медиатора? Заинтересованы ли наши с вами земляки в применении процедуры медиации? И как вы оцениваете уровень толерантности воронежцев?

– Нельзя не констатировать, что современное состояние нашего общества характеризуется высокой степенью конфликтности. Самые разнообразные противоречия проникают практически во все сферы социальной жизни и профессиональной деятельности. В первую очередь, мы как юристы, конечно, имеем дело с правовыми конфликтами, с теми спорами, которые уже находятся в судах или будут переданы в суд. Судебная статистика свидетельствует о постоянном росте количества рассматриваемых судами дел. Воронежская область не является исключением. С одной стороны, действительно есть ситуации, требующие судебного разбирательства и

Студенты –
выпускники курсов медиации

судебной защиты нарушенных прав. С другой стороны, множество споров – это конфликты, в которых нет «правого» и «виноватого», разрешение такого спора в суде никого не приведет к выигрышу, зачастую полученное судебное решение невозможно будет исполнить. При этом участники даже не пытаются договариваться, самостоятельно без суда найти такое решение проблемы, которое будет выгодно для обоих, позволит сохранить отношения на будущее. К сожалению, такая ситуация характерна не только для правовых ситуаций, но и для других социальных конфликтов – межличностных, межнациональных, межконфессиональных, внутришкольных...

Причина этого мне видится в том, что люди утратили способность сами разрешать свои собственные конфликты, мы полагаемся на то, что кто-то другой (например, судья, руководитель, директор, учитель) должен за нас принять решение. Такой стереотип сформировался в нашем обществе. Чтобы его изменить, требуется длительное время. Безусловно, конфликтов избежать нельзя, но можно научиться работать с ними. Наша система подготовки профессиональных медиаторов направлена как раз на получение навыков рациональной работы с конфликтом, на понимание возможностей управления им с целью минимизации отрицательных последствий, решения проблем, послуживших причиной возникновения конфликта. Процедура медиации является совместной работой медиатора и участников конфликта. При этом активная роль принадлежит именно спорящим сторонам. Только от них зависит решение всех вопросов. Медиатор, используя необходимые техники, лишь содействует им в достижении договоренностей.

Помимо подготовки профессиональных медиаторов, мы осуществляем практическую деятельность по проведению примирительных процедур.

Наш опыт показывает, что не всегда процедура медиации заканчивается достижением соглашения, но в любом случае ее польза несомненна. Зачастую в ходе медиации стороны впервые после возникновения конфликта начинают друг с другом разговаривать, слушать и, самое главное, слышать друг друга. В нашей практике встречаются случаи, когда участники, не помирившись, тем не менее говорят: «Спасибо, что вы с нами поговорили». Если дело находится в суде, то бывает так, что после медиации стороны приходят в судебное заседание и там заключают мировое соглашение.

Медиация – это не только примирительная процедура, но и способ наладить конструктивную коммуникацию между сторонами.

– Насколько развита сегодня в России система альтернативного разрешения конфликтных ситуаций без обращения в суд?

– К сожалению, сегодня мы не можем говорить о широкой востребованности процедуры медиации. С точки зрения законодательства у нас в стране создана целая система альтернативных процедур разрешения конфликтов, включающая переговоры, медиацию, арбитраж. Недавно введена новая специальная процедура судебного примирения. В то же время практика мирного разрешения споров в нашей стране пока не развита. И, как я уже отмечала, связано это во многом со сложившимся стереотипом правового сознания. Поэтому прежде всего необходимо менять этот стереотип, формировать новую правовую культуру в сфере урегулирования конфликтов.

В целом уровень правовой культуры общества складывается из индивидуальной правовой культуры и правосознания каждого человека. При этом степень правовой культуры, правосознания определяется не только набором правовых знаний, но и той системой ценностей и представлений, с которыми

ми человек вступает в социальное взаимодействие. Очень многое зависит от полученного человеком образования, от профессиональной принадлежности, причем не только к сфере юриспруденции. В связи с этим, когда речь идет о необходимости изменения правовой или поведенческой психологии, необходимо менять подходы и в образовательной деятельности, а не только в законодательстве.

– Каким образом, с вашей точки зрения, должны выглядеть новые подходы в юридическом образовании или вообще в высшем образовании применительно к обсуждаемой теме?

– Действительно, работа Центра – это только небольшая часть подготовки специалистов в сфере урегулирования конфликтов и связана она с дополнительным профессиональным образованием. Помимо этого, а также нашей работы со студентами в рамках конкурса по медиации и Медиативной клиники, мы обновили основные образовательные программы кафедры на уровне бакалавриата с учетом современных потребностей в специалистах, владеющих навыками урегулирования конфликтов. Введены соответствующие учебные курсы в магистерские программы. Речь идет не только о медиации. Дело в том, что в основе медиации как примирительного механизма лежит переговорный процесс. Переговоры, в свою очередь, в самом широком понимании представляют собой коммуникативное взаимодействие людей, направленное на достижение между ними договоренностей с целью удовлетворения взаимных интересов. Данное взаимодействие основано на личностных и профессиональных качествах, умении слушать и воспринимать информацию, этике делового общения, владении методами убеждения и прочее. Поэтому самое главное в урегулировании конфликтов – это знание теории переговоров, овладение определенными навыками и умениями (задавать вопросы, активно слушать, работать с интересами, формулировать предложения, делать уступки и т. д.). Иными словами, речь идет об обучении студентов переговорным технологиям. (Подробно о конкретных изменениях в дисциплинах кафедры и методиках преподавания см.: Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Переговорные технологии в юридическом образовании при преподавании цивилистических курсов // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. – Авт.). Новое заключается в том, что мы стремимся изменить парадигму юридического образования, сохранив еще с советских времен, перейти от противоборства конфликтующих сторон к их сотрудничеству, к умению

договариваться. Это важно не только для будущих юристов, но и для любых профессий. Учебные курсы по праву читаются для студентов практически всех факультетов Воронежского государственного университета. Представляется важным, чтобы в них также нашлось место для вопросов использования переговорных технологий в той или иной сфере профессиональной деятельности.

В заключение мне хотелось бы привести отрывки из отзывов наших студентов, прошедших подготовку по медиации, которые внушают оптимизм и дают надежду на то, что постепенно вырастет и придет поколение, для которого первым и естественным шагом в урегулировании любого конфликта будет попытка договориться со своим оппонентом в духе доброй воли.

«Курсы дали лично мне очень многое в плане общения, в первую очередь, конечно, общение с близкими. Мне стало легче их понимать и договариваться с ними. ... Ощущается индивидуальный рост как личности, произошла переоценка собственных стереотипов, ценностей, некий разрыв привычного шаблона поведения... Главное то, что тому, кто обладает навыками медиатора, просто становится легче жить, легче понимать и учитывать интересы других, да и свои, кстати, тоже...»

«Знания, полученные в процессе обучения, охватывают не только медиацию, но затрагивают и такие сферы, как юриспруденция, психология, социология. В любой профессии, где присутствует хоть небольшая доля общения с людьми, эти навыки поистине неоценимы».

«Переговорные навыки уже удаётся применять в жизни, а самое главное – это реально работает!!!»

«Если не рассматривать полученную информацию с точки зрения профессиональной медиации, то это просто отличные практические навыки в общении с людьми, это новый опыт, заставляющий по-другому посмотреть на решение различных конфликтных ситуаций. Мое мнение, что это очень перспективное направление и в скором времени оно займет свою нишу и будет весьма актуально».

«Знания и навыки, полученные на данных курсах, применяю постоянно. Стало намного проще выходить из конфликтных ситуаций, проводить переговоры и добиваться поставленных целей. Кроме того, я поняла, что при грамотном подходе из любого конфликта можно выйти, удовлетворив интересы каждой стороны»¹.

Вопросы задавала Тамара Дьякова

¹ Отзывы выпускников Центра правовых инноваций и примирительных процедур ВГУ. URL: <http://mediation.vsu.ru>

ДИАЛОГ

БЕСЕДА
С ИОСИФОМ СТЕРНИНЫМ

КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА БЕСКУЛЬТУРНЫХ ЛЮДЕЙ

О ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЛЮДЯХ

В минувшем декабре в Воронеже прошел форум культурных инициатив «Воронежский арт». На открытии руководитель управления региональной политики правительства Воронежской области Александр Холод пообещал воронежцам, что в скором времени город станет второй культурной столицей России, не хуже Санкт-Петербурга. Обещание хорошее, однако месяцем раньше исследователи из Dotofon.ru провели опрос среди крупнейших городов нашей страны и создали Рейтинг 200 городов России по отношению к соседям. Согласно ему среди 16 городов-миллионеров Воронеж находится на 10-м месте по уровню вежливости горожан к своим соседям. А в общем списке городов он пребывает только на 145-м месте. Получается, что желаемое снова спотыкается о действительность? Или же титул «второй культурной столицы» действительно не за горами?

Мы решили обратиться к директору Центра коммуникативных исследований ВГУ, доктору филологических наук Иосифу Абрамовичу Стернину, чтобы узнать его мнение о Воронеже, его настоящем и будущем.

– Иосиф Абрамович, как вы считаете, слова Александра Холод сбываются?

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, сначала нужно уточнить, о какой культуре идет речь. Есть культура художественная и бытовая. По художественной культуре город может очень высоко стоять, по бытовой же культуре он может стоять при этом очень даже невысоко.

По художественной, духовной культуре Воронеж действительно может занять высокое место в нашей стране. У нас есть замечательный Камерный театр, Театр оперы и балеты, Кольцовский театр, прекрасные филармония, оркестры, галереи. В городе проходят Мандельштамфест, Платоновский фестиваль, детский театральный фестиваль «Маршак». Это очень большая заслуга самого Воронежа. Главное, что здесь есть люди, которые за это болеют, например, основатель и художественный руководитель Платоновского фестиваля и Камерного театра Михаил Бычков. Он на самом деле играет огромную роль в культурной жизни города.

– А вежливость, получается, это часть бытовой культуры?

– Да, верно. Вежливость – это бытовое поведение. Кстати, говоря о всяких интернет-рейтингах, нужно помнить, что они обычно ничего не стоят, поскольку всегда непонятно, кто конкретно их проводил, кого опрашивали, сколько человек опросили, какие вопросы задавали. Обратите внимание, что все эти «подробности» авторы подобных рейтингов обычно не обнаружат. Таких рейтингов в интернете полно. Проверить их невозможно. Однако рейтинг по сквернословию, в котором Воронеж стоит на третьем месте после Перми и Иваново, я бы подтвердил. Еще Ростов добавить. Самые сквернословающие регионы – это Ростов и Воронеж. Вообще, в южных регионах почему-то люди более агрессивные. Помню, когда мы переехали в Воронеж в 1964 году, то сразу поразилась – в Воронеже люди очень громко говорят, очень эмоционально на все реагируют, часто нетерпимы, много сквернословят. Это факт. А как ве-

дут себя на дорогах воронежские водители? Это уже всей стране известно.

Совет по русскому языку при Воронежской областной думе запустил программу «Вежливый Воронеж». Пять лет мы проводили разные мероприятия в городе и области, в учебных заведениях – против агрессии, сквернословия, мата, по формированию вежливого общения. В 2019 году этот проект закончился. Однако с 2020 года хотим запустить в городе проект «Культура общения». Воронеж нуждается в этом.

– А в чем проявляется бытовая вежливость?

– В Воронеже вы часто слышите слово «извините»? Я – нет. Бытовая вежливость – это употребление пяти основных слов: «здравствуйте», «до свидания», «спасибо», «пожалуйста» и «извините». У нас, если толкнули, то в ответ ты вряд ли услышишь слова извинения. И спасибо говорят редко. Даже если уступишь бабушке место в маршрутке, часто не услышишь в ответ спасибо. Разве это трудно? Эти слова должны «выскакивать» автоматически.

Понимаете, нужно быть вежливым, даже если человек тебе безразличен или не нравится. Это элементарное признание человеком того, что он видит и воспринимает других людей, учитывает их. Данные слова должны звучать для того, чтобы устанавливались равноправные отношения между людьми. Также нужно говорить тише – громкая речь всегда воспринимается как признак агрессии. И улыбайтесь чаще – надо быть приветливее.

– А толерантность можно считать частью вежливости?

– Толерантность – это особое понятие, которое в нашем обществе пока не очень жалуют. И плохо понимают, что такое толерантность. Часто можно услышать мнение, что нам не нужно слово «толерантность», что оно нам навязано, что толерантность – это вседозволенность. Мол, на Западе толерантность – вот там сексуальная распущенность, геи и лесбиянки и т. д. ... Вот, мол, к чему ведет эта толерантность.

Но это совершенно неправильное понимание данного понятия. Толерантность – это вовсе не вседозволенность. И это не то же самое, что терпимость. Терпимость – это терпение к плохому, качество характера человека. Вот больно тебе, а ты терпишь. Начальник тебя унижает. А ты терпишь. Пьяный муж тебя бьет, а ты терпишь: муж ведь, отец детей твоих. Это терпимость.

Толерантность – это терпение не к плохому, а к иному, другому, непохожему. Это другое. Это, например, если другой человек сам что-то делает не так, как ты, не так, как ты, выглядит или верит в другого

бога, – это не значит, что он плохой. Он – другой. Вот это толерантность. Терпимость либо есть, либо её нет. У русского народа она есть. Он всё терпит. Это историческая терпимость. И Ивана Грозного терпели, и Сталина терпели. Возникнет бунт, после чего народ снова терпит. А толерантность надо воспитывать в человеке, объяснять, что это такое и для чего она нужна. Слово действительно пришло с Запада. Но нам нужна и толерантность, и терпимость.

Нужна политическая толерантность – терпение к людям других политических взглядов. Религиозная толерантность: если я верю в Христа, то это не значит, что мусульмане плохие, и наоборот. Музыкальная толерантность: постоянное противостояние рэперов и рокеров. Но для чего? У человека может быть другой музыкальный вкус, и это нормально. Зачем ненавидеть другого? Спортивная толерантность – болеть за любимую команду, но зачем ненавидеть фанатов противника и бить их? Педагогическая толерантность: «Ну это же дети. Они же не могут не бегать». Административная толерантность – подчиненные несовершеннолетние, они не могут работать как автоматы, обязательно что-нибудь не выполнят вовремя, опоздают, напутают... Любой начальник должен это понимать.

Плакат – победитель конкурса плакатов «СТОП-МАТ 2018», проводимого Консультативным советом по русскому языку в сфере публичного использования при Воронежской областной думе

Плакат – победитель конкурса плакатов «СТОП-МАТ 2018», проводимого Консультативным советом по русскому языку в сфере публичного использования при Воронежской областной думе

– *Можно ли воспитать в себе толерантность и как это сделать?*

– Терпимостью человек либо обладает, либо нет. Это психологическое качество, черта характера. А толерантность воспитывается, и к ней можно прийти только через ум, через рассуждение, убеждение. Нужно себе это объяснить, что «он» – не плохой, «он» – другой. И нужно помнить, что толерантность не распространяется на нарушение законов и моральных норм: если нарушен закон или общепринятая мораль – никакого снисхождения.

– *В вашей монографии «Коммуникативные аспекты толерантности» вы писали, что толерантность – это новое слово для русского человека. И что пройдет очень много времени, пока это понятие не станет родным. Прошло двадцать лет с тех пор. Как вы считаете, толерантность уже стала частью нашего сознания?*

– Да, стала. Но не у всего нашего народа.

– *А можно воронежцев назвать толерантными? Хотя бы в какой-то из областей?*

– Толерантностью должна обладать большая часть общества. Но вот сказать, что воронежцы или куряне толерантные, а кто-то нет, – так сказать нельзя. В Воронеже прогресс налицо – в сфере межнациональной толерантности, например. Слава богу, у нас уже давно нет межэтнических столкновений.

Сейчас создана ассамблея народов, населяющих Воронежскую область. У нас много людей работает, чтобы не было таких конфликтов. Сейчас нет организаций, например, скинхедов и подобных, которые создавали межнациональную напряженность. Таким образом, в этом отношении у нас есть явный прогресс. Но за этим надо постоянно следить.

Вообще, в России всегда жили люди разных национальностей, и никогда не было массовых столкновений на национальной почве. Поэтому у нас люди, в принципе, готовы к толерантности. Главное, никогда не забывать: другой – не значит плохой.

– *А как вы считаете, должно ли правительство быть задействовано в поддержке толерантности населения? Может, какими-то программами?*

– У нас есть программы, направленные на формирование толерантности, принятые на всероссийском уровне. Но обучать людей надо. Например, административную толерантность надо формировать, когда учим руководителей, повышаем их квалификацию. Педагогическую – когда учим преподавателей. Ещё Генри Форд говорил, что нет более вредной идеи, что все люди равны. Все люди разные, и всем нужно разное. Роль государства – обеспечить всех тем, что нужно каждому. Поэтому нужны такие программы. И учить толерантности нужно прежде всего взрослых людей, которые могут это понять. Тогда они будут это транслировать окружающим, в семье, дети начнут подражать.

– *Создается ощущение, что у правительства сейчас другие задачи: постоянный поиск врагов внешних и внутренних, борьба с ними. Это ведь не способствует формированию толерантности в обществе? Проводится политика, которая будто бы возвращает нас в сталинские времена. Может ли случиться так, что мы откатимся назад в вопросах толерантности?*

– Да, может. И это очень печально. Именно поэтому сейчас главная задача всех образованных и интеллигентных людей состоит в том, чтобы объяснить, что терпимость и толерантность – необходимые качества современного человека. Их надо в себе и окружающих развивать и культивировать. И вежливость необходима. Если не нравится человек, не показывай ты это. Как говорил Карнеги, «если друг сделал вам гадость, вычеркните его из списка своих друзей, но не сообщайте ему об этом». Это правильно. Нужно учиться бесконфликтному общению. И работать над собой. Заниматься своим образованием. Тогда у нас будут образцы для подражания. Это нам жизненно необходимо.

Беседовала Дарья Бушинева

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

БЕЗ БЕРЕГОВ

В моем родном Театре миниатюр ВГУ отцами-основателями коллектива считали выпускников филфака 1963 года Владимира Сисикина, Вадима Кулиничева и Валентина Семёнова. Но вот пару лет назад, листая в библиотеке подшивку «Молодого коммунара» за 1966 год, я неожиданно наткнулся на статью одного из этой троицы – Валентина Семёнова, который называл в данной связи иные имена. «Судьба свела в стенах Воронежского госуниверситета Лёву Кройчика, Мишу Сафонова, Владимира Смольянова, – писал Семёнов. – Эти три фамилии и знаменуют начало университетского театра миниатюр».

В пору, когда я обнаружил эти строки, еще был жив Лев Ефремович Кройчик – последний из всех указанных лиц, и я обратился к нему за разъяснением ситуации.

Мэтр был удивлен. Театр миниатюр действительно начался с Сисикина-Кулиничева-Семёнова, пояснил он. Что же касается названной Семёновым троицы, то мы выступали вне рамок какого бы то ни было коллектива: Смольянов – отдельно, а Кройчик с Сафоновым в студенческие годы составляли юмористический дуэт, который пользовался большой популярностью в городе, объездил почти всю область в составе агитбригад, выступал с парным концерансом на многих концертах... А вообще, добавил Лев Ефремович, Миша Сафонов – живой, ироничный парень с острым прищуром глаз – был достаточно

интересной личностью с уникальной судьбой, вот бы рассказать о нем...

После такой рекомендации мне не оставалось ничего другого, как заняться поиском сведений об этом человеке...

Итак, Михаил Сафонов.

«Родился я 8 марта 1935 года в Баку, что по-русски значит “город ветров”. И дата рождения, и место наложили отпечаток на всю мою беспутную жизнь», – так начинает он одну из своих автобиографий.

Тема беспутной, бродяжьей жизни никогда его не отпускала. И это очень чувствуется.

Как дышится мне – так я и пою.

И нет на свете песни окаянной.

*Бродягою умру, без покаянья,
и места мне не сыщется в раю.*

Михаил Сафонов

Почему так происходило? Наверное, потому, что с самого рождения иного стиля существования Сафонов просто не знал. Его родители – выпускники Бакинского индустриально-института – были инженерами-строителями и по этой причине колесили по стране вместе с малолетним сыном. Так, в школу Михаил пошел в Кемерово, а окончил ее – уже в Северодонецке Ворошиловградской области, куда отец был переведен главным инженером треста «Лисхимпромстрой».

После школы слету попытался поступить на журфак МГУ, но не прошел по конкурсу и устроился работать электросле-

Лев Кройчик и Михаил Сафонов.
Дуэт был необычайно популярен в университете

сарем на химкомбинат. Монтировал электрическую часть башенных кранов.

В 1954 году приехал в Воронеж, подал документы на историко-филологический факультет местного пединститута и, успешно сдав экзамены, неожиданно (прежде всего для самого себя) выбрал не милую его сердцу литературу, а историю.

А через год, в результате очередной реформы высшего образования, историческое обучение в пединститутах было упразднено, и всех студентов-историков перевели на соответствующий факультет в ВГУ. Так Михаил Сафонов попал на курс, где учился Лев Кройчик.

Их сценический дуэт возник практически сразу, после первого же знакомства. Высокий, худощавый Кройчик и приземистый, кряжистый Сафонов идеально дополняли друг друга. Это было время, герои которого должны были поминутно сыпать шутками. Смех был не просто признаком хорошего настроения, но и показателем жизненного тонуса, отличительной чертой мировоззрения. Лев Кройчик с Михаилом Сафоновым идеально соответствовали такому запросу времени – их неиссякаемый юмор взрывал университетские и факультетские вечера.

И неважно, что при этом Сафонов (в отличие от того же Кройчика) был далеко не самым прилежным студентом. «Энергичный, деятельный человек, но работает в полную меру своих сил, только когда дело непосредственно увлекает его», – говорилось в его университетской характеристике.

На первом курсе он едва не был исключен из вуза после того, как, приняв для храбрости, вместе с

двумя товарищами поздним вечером пришел в женское общежитие. Там Михаил стал читать собственные пародии на преподавателей, довольно остроумно показывая каждого из них. Его задержали, привели в участок. Имена своих товарищей (те успели сбежать) Сафонов не назвал и в итоге получил строгий выговор с последним предупреждением...

Свою дипломную работу – «Американская историография времен Второй мировой войны» – он написал в жанре политического памфлета. Помните артиста Мосэстрады Аркадия Велюрова из фильма «Покровские ворота»? «Вся Америка в страшном смятенье: Эйзенхауэр болен войной...» Нечто подобное сделал со своей дипломной работой и Михаил Сафонов. Его научный руководитель Флора Соломоновна Грин ценой невероятных усилий заставила-таки студента придать тексту хоть какую-то научную видимость, дабы тот получил на защите заветный «тройк»...

Зато в областную газету «Молодой коммунар», работать в которой было пределом мечтаний многих молодых журналистов, Сафопова взяли прямо со студенческой скамьи, да еще и на четвертом курсе.

В редакции он появился еще за три года до этого. В руках держал ученическую тетрадь. Спросили: там что? Там были стихи. Хорошие стихи, сказали, правда, ни одного из них напечатать в комсомольской газете нельзя. Но парень понравился, и в редакции его стали привечать. Михаил участвовал в работе «коммунаровского» литобъединения, начал писать не только стихи, но и корреспонденции, очерки и даже... либретто.

Известный воронежский писатель Эдуард Пашнев, живущий ныне в Сан-Франциско, вспоминает, что с Сафоновым в те годы его подружил композитор Михаил Носырев. «Мы тогда задумали оперетту на космическую тему. Третьим соавтором в написании либретто была жена Носырева – Эмма. По вечерам композитор уходил в оперный театр дирижировать оркестром, мы же оставались в квартире, которая всеми своими окнами выходила на площадь обкома, и втроем сочиняли либретто»... Много позже, уже в наши дни, в один из приездов в Воронеж Пашнев передал текст того сочинения Эмме Носыревой. И на очередной годовщине памяти ее мужа-композитора прозвучала музыка их оперетты...

Словом, к моменту окончания университета Сафонов был уже достаточно известным в городе автором. И его взяли на работу в областную газету.

*Утро
розовым полотенцем
утирает лицо на ходу.
Я иду
мимо спящего детства,
мимо
школы родной иду...
И под пенье разноголосое
дальше я прохожу
на завод.
А навстречу –
совсем как взрослому! –
Солнце
руку мне подаёт.*

Он принес в «Молодой коммунар» свой неподражаемый стиль. Вот строки из сафоновских публикаций:

«Но-о-о, милые! – подгонял гнедую пару конюх Устиныч, маленький круглолицый старичок. Если снять с новогодней елки Деда Мороза, сбрить ему усы и бороду, надеть картуз защитного цвета, а в руки дать кнут – это и будет Устиныч»...

«А гармонь звала. Знакомая мелодия вырывалась из-под послушных пальцев, и звуки, частые и звонкие, манили в задумчивую синь зимнего вечера. Звуки были упрямые и настойчивые, такие же, как гармонист. Маша отчетливо представляла его чубатую голову, низко склонившуюся над гармонью, его ловкие пальцы, перебирающие лады. Эх, чубатый, чубатый! Зря зовешь, зря манишь... Не выйдет она из хаты, не пойдет никуда»...

«Кто принес в цех эту частицу белоснежной весны, что неудержимым потоком хлынула на улицы города? Кто положил на ее станок эту пушистую ветку черемухи, чистые лепестки которой еще хранят свежесть раннего утра? Может быть, сама весна?.. Зоя улыбнулась. Конечно, не весна»...

«Еще немного – и конец поля. Тогда можно будет повернуть назад, на какое-то время избавиться от этого неумолимого слепящего света. “Привыкай...” Кто это говорил? На мгновение Дмитрий закрывает глаза и перед ним отчетливо встает знакомое, всегда чуть усталое лицо»...

Это, конечно, не журналистика уже, а художественная проза. Или даже поэзия. Праздничный первوماйский репортаж 1959 года – на всю первую по-

Студенческий билет
Михаила Сафонова

Михаил Сафонов
(в первом ряду с котом в руках)
в студенческом колхозе.
1954 год

лосу – Сафонов написал в стихах: «В этом великом и славном начале / Лучшие добились высокой чести. / Идут работницы “Электросигнала”, / И тельмановцы с ними вместе» и т. д.

Так в Воронеже до него не писал никто.

Позже такой стиль в «Коммунаре» будет внедрять Евгений Дубровин. Но он станет редактором воронежской молодежи только в 1967 году. Сафонова же выперли из газеты в 1960-м. Формально – за литературность, а фактически за то, что существовать по заданному редактором сценарию он так и не захотел, продолжая жить по законам импровизации.

По этим законам он хлопнул дверью поезда и уехал из Воронежа.

Навсегда.

С собой увез обиду: до конца жизни Михаил Александрович Сафонов будет считать наш город «истоком своей хандры»...

Дальше всё было, как в ускоренной киноленте.

Мелькнула Томь-Усинская ГРЭС, куда он сразу после Воронежа завербовался разнорабочим и где дошел до бригадира. Следующий кадр – газета «Комсомолец Кузбасса», туда Сафонова позвали, чтобы он организовал специальную выездную редакцию для выпуска блиц-листовок на всех стройках Кузбасса.

Здесь его путь едва не пересекся с тропинкой его студенческого друга и партнера по дуэту Льва Кройчика. Тот приехал в Сибирь по поручению ЦК комсомола – отбирать творческие коллективы на Первый Всесоюзный фестиваль студенческих театров. Попал в Кемерово, пытался разыскать Сафонова. Ему сказали: «Мишка в Прокопьевске. Вернется через четыре дня». Времени ждать не было. Друзья не встретились.

Уже никогда...

А кинолента жизни Михаила Сафонова продолжала выдавать самые невероятные сюжеты.

Москва. Случайное знакомство в ресторане с моряками, после которого он становится матросом-рулевым в экспедиции специальных морских проводок. Начальником той экспедиции был легендарный Федор Васильевич Наянов, капитан первого ранга, лауреат Сталинской премии, награжденный многими орденами за боевые действия во время Отечественной войны. Это был человек, состоящий из противоречий: в нем сочетались доброта к людям и несправедливость; решительность и суеверие; умение учинить разнос и поговорить по душам...

«Мы получали свеженькие суда: сухогрузы, танкеры, кораблики для геологов и нефтяников на разных верфях и перегоняли их в порты приписки», – вспоминал Сафонов.

*У машины-шины-шины
есть четыре колеса.*

*А у яхты-ухты-ахты
только руль да паруса.*

Говорит машина-шина:

*– По дороге я лечу,
по дороге я лечу,
всех на свете прокачу!*

Отвечает яхта-ахта:

*– Я плыву, куда хочу,
я плыву, куда хочу,
куда хочу, поворочу!*

*А тебе, машина-шина,
может не хватить бензина.*

Михаил Сафонов (третий слева)
в группе молодых талантов.
1957 год

А лента крутится-крутится, и кадры мелькают-мелькают...

Городок Невинномысск на Ставрополье. Корреспондент местной газеты...

Потом – неожиданный бросок на север, более чем на две тысячи километров. Совсем маленький городок Бокситогорск. Снова газета.

Потом – Ленинград. Воспитатель молодежи в общежитии стройтреста № 19.

Оттуда – в Эстонию. Грузчик в таллинском продуктовом магазине. Начал писать для республиканской молодежи, куда его в конце концов взяли на работу. Пока работал в «Молодежи Эстонии», выпустил три книжки стихов.

И наконец год 1981-й. Михаил Сафонов покидает СССР. В то время такой шаг не мог остаться без последствий. На его имя был наложен запрет, книги изымались из библиотек...

Так он оказался наедине с самим собой. И почти сразу перестал быть веселым, ироничным парнем: в одиночку можно разве что плакать, а смеяться – вряд ли...

Поселился в Швеции. Преподавал в Институте славистики Стокгольмского университета. Писал стихи, в которых уже не чувствовался всепобеждающий оптимизм.

*Когда бросаем
и край свой, и кров, и отечество,
верней говоря, хороним.
Что обретаем?
Свободу. И одиночество –
Злосчастный ее синоним...*

Эти строки из его последней книги «Между белым и черным днем». Она вышла в Москве уже после распада СССР – в 2006 году. Несколько ее экземпляров автор передал с okazji в Воронеж, друзьям молодости. Один из них, всё тот же Лев Кройчик, помнится, откликнулся на выход той книги теплой рецензией в «Воронежском курьере»...

В год столетия Воронежского университета я попытался разыскать Михаила Александровича Сафонова по его шведскому адресу. Моя знакомая – шведская переводчица современной русской прозы Кайса Линдсен – взялась помочь в этом деле. Но... Обнаружить тогда удалось лишь некролог, напечатанный в стокгольмской газете Dagens Nyheter.

В нем сообщалось, что русский поэт и переводчик Михаил Сафонов, рожденный 8 марта 1935 года, обрел земной покой 2 июня 2016 года. Тело было кремировано, и три недели спустя прах захоронили в колумбарии кладбища стокгольмской окраины Накы. Об этом читателям газеты сообщали родственники покойного – вдова Ольга и дети Александр и Яна.

*Власть погулял я на веку, шальная голова.
И в преисподней сатана меня давненько ждёт.
И синим пламенем гореть мне в круге номер два.
Я думал ниже, но туда грехов недостаёт.*

Мне за этими строками видится мучительный поиск нравственного самооправдания жизни человека-бродяги. И еще – легкое ощущение покоя от осознания необходимости этого поиска...

МИХАИЛ САФОНОВ

«ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ – РИФМОВАННЫЙ ДНЕВНИК...»

* * *

Между красной и зелёной,
между Марсом и Венерой
мчится шарик наш кручёный
с опалённой литосферой.
А на нём подруг целуют.
Нежат жён. Детей ласкают.
В трубы трубят. Маршируют.
Бьют врага. И умирают.
Как пылинка на пластинке,
кружит крошечная точка
в галактической глубинке
до конечного виточка.
Остывая с каждой эрой,
мчит по горнему безмолвью
между Марсом и Венерой,
между кровью и любовью.

* * *

Елене Скульской

Отринуть всё!
По лестнице сбежать
и улыбаться заспанным прохожим,
и дню, мгновенно ставшему погожим.
Отринуть всё.
Какая благодать!
Так что ж ты медлишь?
Ну, давай, лети!
Пересчитай по-новому ступени,
безжильный день
по имени осенний
в неистовый, весенний обрати.
Нам кровь от крови
эта власть дана –
менять календари и имена.

ЛЮБЛЮ АПРЕЛЬ!

Люблю апрель!
И руку протяну
тому,
кто на него хоть чуть походит.
Кто мельницы в шальных ручьях
заводит,
кто рушит лёд,
кто до рассвета бродит
и пьёт взахлёб
студёную весну!

Кто гнёзда вьёт,
кто правит первый плуг,
над пряным чернозёмом
занесённый.
Люблю апрель –
зелёные знамёна.
И над землёй
навек сотворённый
любви и солнца
незакатный круг!

* * *

В организованном порядке
свезли нас
к черту на рога.
Здесь будет город.
А пока...
пурга,
тайга,
опять пурга.
Ужасно серые палатки
и очень белые снега.
Мы пихты мёрзлые
валили,
стелили гати тракторам,
потом артельный чай

варили
с пихтовой крошкой пополам.
Мы здесь
не спорили о Блоке –
велик он
или не велик.
Мы пили чай,
и пили водку,
и разговор за жизнь
вели.
Здесь никогда не знали Ницше,
как будто Ницше
и не жил.
Здесь все ребята
были с «низшим»,
лишь я, как мастер,
с «высшим» был.
Они о сложном,
как о деле,
вели достойный разговор,
так просто,
словно песню пели,
знакомую им с давних пор.
У них,
бесхитростных и чистых,
не знавших ржавчины нитья,
я словно заново
учился
суровой правде
бытия.
В дыму прогорклом
и прокисшем
я самой трезвой жизнью
жил...
Здесь все ребята
были с «ВЫСШИМ»,
лишь я один
здесь с «низшим» был.

ТОСТ

Давайте за весёлых Мастеров!
Они свои обиды не считали.
Они в богинь подружек обращали
и брали в собутельники богов.

Насмешники. Лукавцы. Остряки!
Язвили так, что времена немели.
От шуток их трясло материки.
Короны корчились...
Но как они умели

любить наш мир – наивный, молодой,
неопытный (а оттого и глупый).
Любить! А не испытывать под лупой.
Не соблазнять, а радовать строкой!

ПОЛЕ-ПОЛЮШКО

Художнику Борису Шатохину

Пятый год поля не паханы...
Пропадай земля в жиру!
Загуляли наши пахари
на неслыханном пиру.
Там не вина –
алу кровушку
льёт зари калёный нож.
Пей досыта,
поле-полюшко!
Пей, да помни,
что ты пьёшь!
Оттого тебя не холят
и не ходят за тобой,
что за землю
да за волю
встали пахари на бой.
Встали тульские,
рязанские,
от Ростова,
от Ельца.
За германскою –
гражданская ...
а гражданской
нет конца.
Покатилось лето пятое
забубённой головой,
ходят кругом
травы пьяные,
пьян от крови
шар земной.
И кружится поле-полюшко,
валит с ног зелёный хмель,
так и клонится головушка
на полынную постель.
От восхода
до заката,
на виду у всей земли,
тихо падают ребята
в голубые ковыли.
Злые кони ржут со страху,
громко пахарей зовут...
Спят ребята... На рубахах
маки жаркие цветут.
И, не веря в холод смерти,
вороной рванёт узду,
и клинок устало чертит
в чистом поле борозду...

* * *

Когда нам тяжело,
идём мы к людям,
которых и не ценим,
и не любим,
которым мы киваем
на ходу,
которых навещаем
раз в году.
Но люди
ничего не замечают,
они встречают,
чаем угощают,
подсовывают нам
альбом семейный,
заводят с нами
разговор шутейный.
И в этом
неприметном разговоре,
как сахар
в чае,
тает
наше горе.
И если бы потом
нас вдруг спросили:
– Скажите, где вы
в это время были?
То мы,
пожав плечами невзначай,
сказали б:
– У знакомых.
Пили чай...

* * *

Придёт пора сводить итоги,
гасить последнюю зарю –
я заплету конец дороги
в седую гриву январю.

Пускай умчит, завьёт, закружит...
Но хлынет запредельный свет
и кто-то дальний обнаружит
в своих снегах мой слабый след.

Он, любопытствуя, развяжет
узлы концовок и начал
и тихим голосом расскажет,
о чём я плакал и молчал.

ЯНВАРЬ. 1837 ГОД

Уже недолго до рассвета,
а Натали всё нет и нет.
Опять меж строк
перо поэта
упорно чертит
пистолет.
Ещё куют подковы тройке,
что увезёт его тайком,
и льдом задавленная Мойка
спит, как Россия,
долгим сном.
Вставал
и, не найдя покоя,
глядел на огоньки вдали,
и гладил смуглою рукою
цветные склянки
Натали.
Что ждал он?
Подтвержденье?
Повод?
Но чу!..
Полозьев лёгкий скрип.
Увы!
Чертовски чёрный полог
не выдаёт того,
кто скрыт.
Считал, как по ступеням быстро
стучит лионский каблучок.
И двери хлопали,
как выстрел.
И пар взвивался,
как дымок.
На кресла падали устало
меха с холодного плеча,
и шалым пламенем плясала
в шандале талая свеча.
О чём он в ту минуту думал?
О чём молчал,
на всё готов?
В глаза смотрел
и видел
дула
двух настороженных зрачков.
Ужель они ему лукавят?
И отчего дрожат слегка?
Как будто пистолет
играет
в руке бездарного стрелка.
Стрелку тому
он знает цену,
не оберёшься с ним хлопот:

так долго целит,
в сердце целит
и бьёт без промаха
в живот.

...Встаёт рассвет
немой предтечей.
Свечей ненужных гибнет свет.
И далеко
за Чёрной Речкой
безвинный
голубеет снег.

* * *

Кого теперь пожалует судьба?
Кому дарует царственное право
шагнуть и встать у чёрного столба,
у чёртова, истёртого столба –
И выстоять, не сетуя лукаво,
не кланяясь налево и направо,
не преклоня праведного лба.
И нету на Руси превыше славы,
чем выстоять у чёрного столба.

* * *

Не то вблизи, не то вдали,
но перспективу съела серость,
косых домов закаменелость
висит от неба до земли.
Но перспективу съела серость...
слова из праведной статьи,
слова из речи нарсудьи!
Но как хотелось, так не спелось.
Асфальт разьежен под ногой –
посул слепого поднебесья.
Не помогает равновесью
песок солёный, завозной.
Кошачий снег. Гриппозный день.
Кто дал нам днесь такую сырость?
Кто выписал, скажи на милость,
зиме бессрочный бюллетень?
Лишь золочёные шары
на размелованной витрине
напоминают, что отныне
канун Рождественской поры.
Предновогодья кутерьма...
Стоп, рифма, не туда ты клонишь.
Я про зиму, ты – про Воронеж.
И там зима, и тут зима.
Тут золочёные шары
и убелённые витрины...
Там злого сердца именины.
И там исток моей хандры.

* * *

Зачагый в страхе и родится в страхе.
Хоть до поры, пока не свистнут раки,
без перекура Мойры-тонкопряжи
на всю катушку нарядут моток,
застынет в сердце жгучий холодок.
Рождённый в страхе проплетётся в страхе,
в своей родной, смирительной рубахе
по жизни, словно по дубовой плахе,
достолюяльно вью волоча
и в каждом встречном чуя палача.
Проживший в страхе и загнётся в страхе.
И анодированные лже-бляхи,
и кровоточину на смушковой папаче
промчит аллюром внуков эскадрон,
которых в ночи страха зачал он.

* * *

А власть – она всегда слепой обман,
Одноколейны помыслы благие.
Чем образованней тиран,
тем безобразней тирания.
От умников да упаси нас, Боже.
Таланты их годны для ловли блох.
Руси, увы, Мессия не поможет.
Руси вполне стодится царь-Горох.
А уж рожать Иванов-дураков
мы можем до скончания веков.

* * *

Арсению Тарковскому

Где ты бродишь, душа, дни и ночи?
Что ты ищешь? Скажи, не таись.
Почему ты усталые очи
устремляешь в небесную высь?
Чем прельстили надмирные дали?
Чем они приковали твой взгляд?
Там гигантские дышат спирали.
Там нейтронные сгустки шипят.
Неземные созвучья роятся.
Или ведом тебе их язык,
и в кромешном чаду радиации
различаешь их шёпот и крик?
И чарующий шорох Замлечья,
и сумбурную речь цефеид,
и с тобой на орлином наречье
голубой Альтаир говорит?
Или ты в безграничье багровом,
на Земле не найдя ни шиша,
ищешь, с кем перемолвиться словом?
Собеседника ищешь, душа?

НОЧЬ В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Мимо серых колонн,
мимо жёлтых фасадов
круг за кругом хожу,
как попавший в засаду.

Очень тихо хожу.
Невозможнее – тише.
Так, что даже шагов
за спиною не слышу.

Вот и мне привелось
с глухотою спознаться.
Тут зови не зови –
никого не дозваться.

Вьётся лист городской,
Суетливый, поджарый,
по дворам продувным,
по щербатым бульварам,

ищет-рыщет, как бес,
заваливающую славу,
что слетала с ботфорт
Карла или Густава.

За стеною стена.
За бойницей бойница.
Лишь булыжник сырой
под ногой пузырится.

И мне жутко в тисках
перекрёстков ежовых.
Я брожу среди стен,
среди серых и жёлтых.

Я кружу по тебе,
как подбитая птица.
Мне на юг не лететь
и с тобой не сродниться...

* * *

Вдали от школ. Систем. И стаи.
Как зяблик на пустом суку,
на все лады перепеваю
свою славянскую тоску.
А ветер дерево качает
и бьёт, да плакать не велит.
А птица крылья расправляет
и на таком ветру взлетает,
и стаю за собой стремится.
Туда, куда порой студёной
над драным кумачом осин
плывёт и плачет иступлённо
за клином клин, за клином клин.
Чего я жду? Чего я медлю?

Б. П.

Давно пришёл черёд взлететь.
Увидеть голубую землю
и с высоты о ней запеть...

* * *

Что я делаю в этой стране,
где сосна сосны сторонится
и где каждая чайка ютится
на своём родовом валуне?
Родовые свои за спиной
я оставил. Как шалая птица
умудрился в краю приземлиться,
где дарует извечный покой.
Что я делаю в этом краю?
Век, отпущенный мне, доживаю.
Да судьбу, словно книжку, листаю.
Одиночества корку жую.
Жду, что вдруг посчастливится мне.
Где-нибудь на тропинке неторной
отыщу я свой камушек скорбный
в этой камнеобильной стране.

* * *

Стал недолгим долгий путь.
Размочалилась уздечка.
Дай лошадке отдохнуть.
Под горой синее речка.
На песке старик седой
возле лодки копошится.
Машет радостно рукой.
Приглашает прокатиться.
Влез я в лодку. Мой гребец
шевелит веслом смолёным.
– Как тебя зовут, отец?
– Да зови, как все, Хароном.
Вот и кончен дольный путь
озорного человечка.
Эх! Успеть судьбе шепнуть
на ушко хоть два словечка.
– Утром напои коня.
Утром не буди меня.

* * *

Вся жизнь моя – рифмованный дневник.
Кривые, неразборчивые строчки,
прерывистые, беглые цепочки...
Мой враг, мой крест, мой камень, мой двойник.
Когда душа лишится оболочки,
она над всеми «i» поставит точки
и соберёт обрывки в чистовик.

И унесёт неведомо куда.
Неведомо кому его покажет.
Неведомый прочтёт и что-то скажет...
Но что... Я не узнаю никогда.

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

НЕ ТОЛЬКО ЗАБАВЫ РАДИ

Умя Евграфа Дольского по праву должно открывать антологию воронежской сатиры и юмора, если бы таковая существовала. Однако сегодня о нем – постоянном авторе знаменитого дореволюционного журнала «Новый сатирик» и не менее популярных изданий первого советского десятилетия «Бегемот» и «Смехач» – мало кто знает, чему, впрочем, немало поспособствовал сам сочинитель.

Писатель Ефим Зозуля, состоявший секретарем редакции «Нового сатирик» и по этой причине обязанный встречать-привечать авторов, о Дольском вспоминал так: «Я лично его никогда не видел. Он присылал свои рассказы и фельетоны откуда-то из провинции – присылал всегда в неимоверном количестве – почти ежедневно или через день, во всяком случае, бесконечно часто. Чистенькие рукописи, написанные ровным почерком, без помарок. До сих пор стоят в моей памяти конверты, по которым я узнавал присылы Евграфа Дольского, – с четким, почти рисованным адресом».

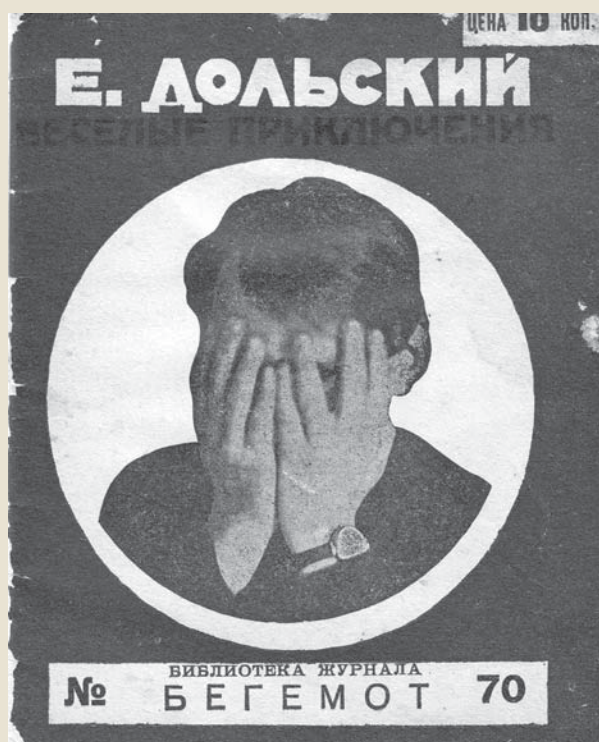
Фактически это единственное упоминание о работе писателя в легендарном журнале, в воспоминаниях других «сатирик» о Дольском – ни слова. Нет его имени ни в многочисленных научных статьях, посвященных самому яркому предреволюционному сатирическому изданию; ни в монографиях о жизни и творчестве его бессменного редактора Аркадия Аверченко; ни в текстах, повествующих о судьбах знаменитых авторов «Нового сатирик» – художников Ремизова, Радакова, Яковлева, Бенуа, Добужинского, юмористов Тэффи, Дымова, Бухова, поэтов Саши Черного, Мандельштама, Маяковского, Городецкого, Князева, прозаиков Куприна, Андреева, Алексея Толстого, Грина...

Между тем продуктивность Евграфа Дольского в том издании была впечатляющей: за четыре года сотрудничества с «Новым сатириком» он опубликовал там более полусотни сатирических рассказов и юморесок. При этом в лицо его в редакции, похоже, так никто и не увидел.

Таинственность, окружающая сатирика Дольского, не развеялась и в советские времена. В опубликованной в 1927 году в серии «Библиотека журнала “Бегемот”» его книге «Веселые приключения» во всю обложку напечатана фотография автора, на которой он двумя ладонями закрывает лицо. Этот же снимок помещен в выпущенной через год в Ленинграде книжке «Бегемотник», где собраны автобиографии писателей-юмористов той поры.

Автобиография Дольского написана лихо, с юмором («Я родился в августе 1913 года в “Новом сатирик»», а впервые дебютировал в 1908 году, выпустив в свет, без предварительной цензуры и на свои средства, сто экземпляров визитных карточек...» и т. д.), но к реальному облику автора мало что добавляет. Правда, в том же 1928 году в очередной книжке Дольского из серии «Библиотека журнала “Бегемот”» («Похищение ведьмы») его портрет на обложке таки появился, но запечатленный на нем человек смотрел на мир с таким сожалением, которое иначе, как прощанием и не назовешь.

Впрочем, как оказалось вскоре, Евграф Дольский и вправду простился с читателем. Через некоторое время после выхода той книжки самый таинственный отечественный сатирик 1910–1920-х годов навсегда исчез со страниц юмористических журналов. Что с ним произошло? – никто не знал. «Где он сейчас – мне не известно. В печати этого имени я не встречаю», – констатировал в 1939 году тот же Ефим Зозуля.

Обложка книги Е. Дольского
«Веселые приключения». 1927 год

Тайна, которой окутал свое творчество писатель, продержалась до нашего времени. В 2014 году современный исследователь отечественной сатиры Рафаэль Соколовский на страницах журнала «Вопросы литературы» признавался: «...когда я “споткнулся” о биографию Евграфа Дольского, готовя републикацию его рассказа “Случай при переписи”, первое, что пришло в голову, – наверное, и он – жертва сталинских репрессий. Но никаких подтверждений у меня не было».

Меж тем разгадка тайны все эти годы хранилась в нашем городе.

...Тихая старинная воронежская улочка 25-го Октября, до революции носящая имя Большая Богоявленская, спускается вниз почти к самому водохранилищу. Здесь осталось несколько домов второй половины XIX века. Один из них, под номером 21, находится на крутогоре и поэтому имеет достаточно большой цокольный этаж. В нем еще с 1898 года проживает семейство Дольских.

Писатель-сатирик Евграф Дольский был старшим сыном первого владельца фамильного дома – священника расположенной рядом Богоявленской церкви. Сейчас в доме живет внучка автора «Нового сатирикона» и «Смехача» Вера Владимировна

с мужем Владимиром Андреевичем Черниковым. Именно они в свое время рассказали воронежским любителям старины Александру Акиньшину и Олегу Ласунскому историю жизни таинственного сочинителя, а также предания обо всем семействе Дольских – представителях нескольких поколений местной интеллигенции, связанных не только с церковным служением и литературным творчеством, но и с высшей школой. В том числе и с Воронежским университетом, где члены этого семейства преподавали в разные годы. Результатом тех открытий стал очерк «Дольские как они есть», опубликованный названными авторами еще пару десятилетий назад в одной из своих книг.

Позже в том доме побывал и я, чтобы выслушать рассказ о загадочном «отце воронежской сатиры» из уст его ближайших родственников.

Евграф Дольский был назван в честь своего деда – священника все той же Богоявленской церкви Евграфа Дмитриевича Петрова. Позже в этой церкви будет служить и отец будущего сатирика Евгений Алексеевич.

Евграф Евгеньевич продолжать семейную церковную традицию не стал. В 1908 году он окончил Воронежскую гимназию и отбыл в столицу, где стал студентом только что открывшегося инженерно-строительного отделения Петербургского политехнического института. Несмотря на техническую направленность вуза, Петербургский политех дал стране несколько первоклассных писателей. Так, в начале XX века, помимо Дольского, здесь обучались Евгений Замятин (тоже, кстати, бывший воронежский гимназист) и Леонид Добычин, Глеб Струве и Борис Житков, а еще убивший председателя петроградского ЧК поэт Леонид Каннегисер, один из наиболее ярких представителей писательской группы «Перевал» Петр Слётов, писатель-сатирик Михаил Козырев, известный пушкинист Борис Томашевский... Короче говоря, слово в этом вузе любили и учили студентов бережно с ним обходиться.

Публиковался ли Дольский в столичных изданиях в свои студенческие годы – нам неизвестно, а вот свидетельств его присутствия на страницах воронежской периодики этого времени обнаружено немало. В родных пенатах он оттачивал стиль, учился выстраивать сюжеты, шлифовал диалоги... Когда же после окончания института Евграф вернулся на родину и стал служить здесь инженером в Обществе Юго-Восточных железных дорог, он начал посылать свои тексты в редакцию «Нового сатирикона», который как раз летом 1913 года основал Аркадий Аверченко с группой приятелей, покинувших прежний «Сатирикон».

Почему для литературного дебюта в столице молодой инженер-путеец выбрал сатирическое издание? Думаю, что отчасти виной тому стало время.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, в России грянул газетный бум, начали расти тиражи изданий, в которых взорвались и стали беспрерывно трещать сатирические фейерверки: фельетоны, карикатуры, жанровые сценки, анекдоты с прозрачными политическими намеками... Россия училась громко и зло смеяться над собой, находя в этом разрешенном теперь занятии неведомое ранее удовольствие. Известный литератор А. Амфитеатов писал, что «сатириконцы» были порождены «петербургской улицей», потому их творчество – «попытка создать новую полуинтеллигентную музу, усвоив и облагородив ходовые и любимые массою манеры».

Евграф Дольский пришел в популярный журнал со своей темой. Если остальные авторы «Нового сатирикона» наперебой описывали веселые нравы российской столицы, то он избрал главной темой, источником остроумных сюжетов для своих рассказов – жизнь губернского города. Юморески Дольского создавались из бытового пустяка, мелочей провинциальной жизни. Вереница героев российской глубинки проходила в его рассказах перед глазами читателя: нерадивые гимназисты, глуповатые горничные, мечтательные барышни, влюбленные коммивояжеры, философствующие конторские служащие, туповатые городские, графоманы, атакующие редакции газет и журналов... В описываемом Дольским провинциальном городе насмешкам автора подвергаются пошлость, ограниченность, жадность, тщеславие.

«Этой весной я понял, что за меня любая девица замуж пойдет. Будем говорить прямо: что такое любовь? С глаз долой, из сердца вон – вот и вся любовь.»

А как молодые люди ближе к фронту продвинулись, так мы – положительные люди – разом себе дорогу к девичьему сердцу прочистили.

Это я разом понял...» («Мещанское счастье»).

«После ухода доктора я юркнул в свою комнату покурить. Запер дверь на крючок и, радостно потирая руки, подошел к книжному шкафу.

Я опоздал... Кто-то украл и табак, и гильзы, и трубку, все, все...

Кто? Какому подлецу может мешать мой табак? На душе стало гадко» («Спекулянты»).

«Артистка Гималаева согласилась принять участие в благотворительном концерте и обещала пропеть малороссийскую песенку “Ой за гаем, гаем”».

Обложка книги Е. Дольского «Похищение ведьмы». 1928 год

Только после того, как были отпечатаны афиши и три четверти билетов были распроданы бегавшими по городу студентами, артистка сделала страшное открытие: она не знала малороссийского языка» («Страшный язык»).

После Октября 1917-го воронежский сатирик прекращает печататься в «Новом сатириконе». Как известно, журнал занял по отношению к советской власти резко отрицательную позицию и по личному распоряжению Ленина был закрыт в августе 1918 года. Но не это стало причиной разрыва. Как истинный «сатириконец» Евграф Дольский не принял большевистской революции, как, впрочем, и все его семейство. В 1919 году они покинули Воронеж вместе с отрядами белоказаков генерала Шкуро. А уход его из сатирического журнала объясняется просто: революционная почта стала работать со сбоями, так что посылать в столицу корреспонденции было уже невозможно.

Вынужденно оказавшийся на Кубани Евграф Дольский открыл театр, с которым начал колесить по станциям, разыгрывая им же самим сочиненные пьесы. Любопытно, что в то же самое время со своим театром-кабаре разъезжает по югу России и редактор закрытого «Нового сатирикона» Арка-

дий Аверченко, который в конце концов окажется в эмиграции.

А Евграф Дольский вернется в Воронеж.

Отгремела Гражданская война. После пережитых потрясений у большинства уцелевших жителей страны возникло острое желание веселиться, радоваться, смеяться. Талант Дольского оказался востребованным. И он возобновил посылки корреспонденций из Воронежа в город на Неве, где к тому времени возникли новые сатирические журналы, в которых стали мелькать имена некоторых из бывших «сатириконцев». Новая власть – до поры до времени – не сопротивлялась этому процессу. В 1920-е годы большевики пока лишь корректировали его, внушая мысль о вредности царизма, веками душившего в России смех и заставлявшего писателей-сатириков отравляться собственным ядом. Но вот теперь наконец-то на смену изжившей себя сатиры пришел благородный пролетарский смех, который должен выплескиваться на страницы юмористических журналов...

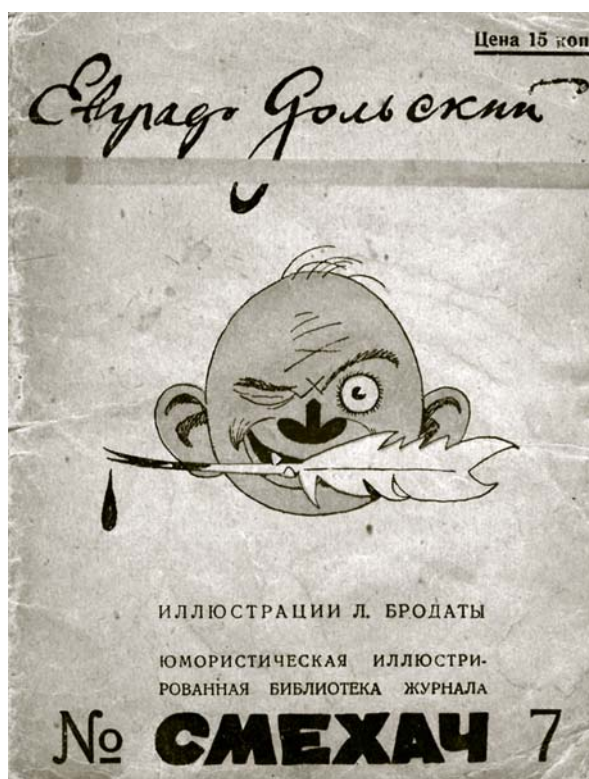
Постреволюционные тексты Дольского отличаются от его «сатириконовских» рассказов большей глубиной. Чувствуется, что автор пытается исследовать рефлексивные и психологические причины, двигающие поступками его героев. Этот признак проявляется у Дольского в 1920-е годы и в выборе героев, и в изображении их движений по фабуле, и в толковании этих движений и действий. Его герой продолжает жить в российской глубинке, ставшей теперь советской, и вдалеке от столицы желает вкушать тихие радости похмелья после революционно-го опьянения предыдущих лет.

«За последнее время распространились слухи, будто приобретенный мною на Малой Гусиновке домик куплен на украденные деньги. Эта жесточайшая мораль принижает меня и отравляет покой, и для торжества истины я решаюсь взять в руки перо и опубликовать нижеследующие записки». («Массовое производство»).

«В мленькой боковой комнате жил Епиходов. Встречались мы с ним очень редко, потому что на работу он уходил засветло, а возвращался так поздно, что мы, утомленные дневными заботами, уже теряли к его особе жгучий интерес и мечтали только об удовольствии поскорее шмыгнуть под одеяло и, свернувшись калачиком, потихоньку перейти в удивительный мир грез.

Но зато его комнату и его богатства мы знали в совершенстве...» («Отчаянный Епиходов»).

«На севере уже легла зима, а в Курьем Городке еще осень. Нудная, противная осень. Дождь идет

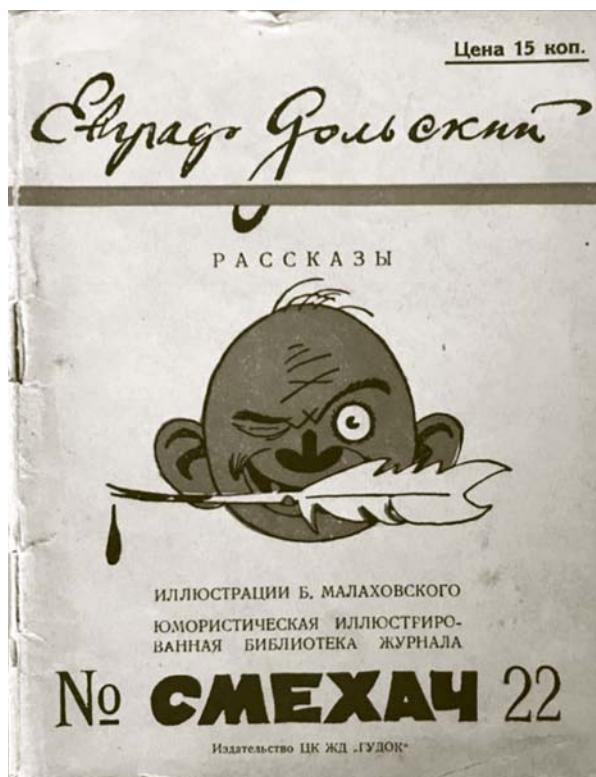
Обложка книги Е. Дольского «Рассказы». 1926 год

круглые сутки, грязь сплошная, ни пройти, ни проехать. Вся жизнь замерла, – даже кино “Солнце Свободы” день за днем отменяет сеансы, потому что в театр не ходит никто.

Москва! Ленинград! Слышишь ли? Слышишь ли ты нашу осеннюю нудную скуку?» («Клин клином»)...

В 1928 году, когда власть объявила план коренного переустройства всех сфер жизни, тихий герой Дольского исчез. Вместе с ним предусмотрительно исчез и сам автор.

С 1930 года у него другая биография. Отныне Евграф Евгеньевич преподает в воронежских вузах, пишет учебники, методички. Вот названия лишь нескольких его книг, вышедших в то время в Воронеже: «Мосты. Технической очерк», «Техника на службе у транспорта», «Основы плотничьего дела. Первая книга для начинающих плотников», «Механика для строителей» в 2 частях, «Теоретическая механика. Кинематика и динамика», «Статика и сопротивление материалов»... Написаны эти книги добротным литературным языком, выдающим в авторе несомненный писательский дар: «Я приглашаю читателя на минуту закрыть глаза и заставить себя перенестись на сто лет назад, далеко за пре-

Обложка книги Е. Дольского «Рассказы». 1928 год

дела нашего Союза. Так. Теперь раскроем глаза и посмотрим на совершившееся чудо...» и т. д.

Со временем Дольский стал заведующим кафедрой в Воронежском инженерно-строительном институте, по совместительству вел курс высшей математики на физико-математическом факультете ВГУ...

Когда началась война и фашисты захватили правый берег Воронежа, Евграф Дольский вместе с женой остался в оккупированной части города. Как и других воронежцев, не успевших перейти на левый берег, их выгнали из дома и отправили под охраной сначала в Курск, потом в Полтаву и наконец в Киев, где Дольский какое-то время работал техником на овощехранилище. В оккупации он потерял жену. После войны говорил, что «жизнь под немецким сапогом – это такое страшное, что может только присниться».

После Победы жил в Киеве, продолжал заниматься наукой. На какое-то время сделался сторонником теории украинского профессора-математика С. М. Колотова, доказывающего некий особый «инженерный» способ преподавания начертательной геометрии. О той теории Дольский даже написал книгу. Умер он в 1963 году от бронхиальной астмы,

незадолго до смерти в соавторстве выпустил массовым тиражом учебное пособие для студентов технических вузов Украинской ССР «Аксонметрические проекции», по которому, насколько мне удалось узнать, учатся до сих пор...

Перед смертью Евграф Евгеньевич переправил в Воронеж свой литературный архив. Оказывается, все эти годы он писал художественную прозу – тем же «ровным почерком, без помарок», впечатлившим некогда секретаря редакции «Нового сатирикона». Позже его рукописи родственники писателя передали Олегу Григорьевичу Ласунскому, в фонде которого в Государственном архиве Воронежской области они теперь и хранятся.

Среди бумаг и папок – несколько незаконченных произведений писателя, никогда прежде не публиковавшихся.

Над романом «Страна моих отцов», главы из которого мы печатаем в этом номере, Евграф Дольский работал летом 1944 года. Посвящен он Воронежскому (в рукописи – Грачевскому) университету предвоенной поры, где, как вы уже знаете, писатель тогда преподавал. Первая глава рукописи – особая: автор описывает разрушенный войной родной город.

«Только два на весь проспект (вы слышите, – только два!) дома случайно, непонятно как и почему уцелели: оба – дряхлые старики, насчитывающие за своей спиной по крайней мере сто лет. Раньше они ни разу не видели друг друга – десятки больших зданий отделяли их и мешали взаимной связи. Теперь, когда кругом все голо, когда даже деревья нет, они могут перекинуться парой словечек и по-старчески пожаловаться на судьбу...»

Дольский времен «Нового сатирикона» и «Смехача» ненавидел мещанский уют, считал его плоской рутинной и мечтал, как и все сатирики той поры, преодолеть человека в человеке. И вот теперь он увидел, что может случиться, когда это преодоление осуществится. Пришедший на его родную землю германский сверхчеловек оказался еще пошлее, еще чудовищнее мещанина! Огромная стальная механистичность при ближайшем рассмотрении оказалась не сверхчеловечной, а дочеловечной...

Так в одной из тайных рукописей всеми забытого, исчезнувшего из поля зрения и читателей, и цензуры «сатириконтца» Евграфа Дольского сквозь привычные для этого автора веселье и задор, наполняющие другие главы этой рукописи, неожиданно проросло философское осмысление жизни...

Думаю, наследие писателя хранит еще не одно открытие.

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ

СТРАНА МОИХ ОТЦОВ

ГЛАВЫ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО РОМАНА

Глава первая

ГОРОД, КОТОРЫЙ БЫЛ

Развалины большого провинциального города, имя которого теперь *Eram*, а по-русски – *Я был*. Иначе он и не может быть назван: его нет. Нет ни одной улицы, не превращенной в руины: кругом – груды камня, кирпича, щебня, застывших в предсмертных судорогах железных змей и мрачных коробок, когда-то называвшихся стенами дома. Все разрушено рукой человека и – чтобы подчеркнуть особенный трагизм, – разрушено оттуда, куда человек привык поднимать глаза в поисках чуда, – с удивительно прекрасного голубого июльского неба, оттуда, где слышится песня жаворонка и где птицы слагают хвалебные гимны творцу вселенной. Все взорвано и сгорело. Взрывы, которым предшествовал отвратительный, не забываемый до смерти вой падающих бомб, продолжались двое суток. Еще двое суток город горел. Не только ни одного ведра воды, но даже одной капли ее не было брошено на борьбу с ураганом огня и вот – города больше нет.

Снимите благоговейно ваши шляпы и склоните долу ваши скорбные головы:

– Город *Sum* умер. Пусть живет город *Eram*. Да возродится в ближайшем будущем более прекрасный город *Ero*.

От главной улицы – когда-то Большой Дворянской, а потом проспекта Революции, – прямого как стрела, украшенного двумя рядами деревьев, – остались асфальтовая мостовая, тротуары с расплавленными в них во время пожара кусками битого стекла и четыре ленты трамвайной колеи.

А где же дома?

Их нет. Только два на весь проспект (вы слышите, – только два!) дома случайно, непонятно как и почему уцелели: оба – дряхлые старики, насчитывающие за своей спиной по крайней мере сто лет. Раньше они ни разу не видели друг друга – десятки больших зданий отделяли их и мешали взаимной связи. Теперь, когда кругом все голо, когда даже деревьев нет, они могут перекинуться парой словечек и по-старчески пожаловаться на судьбу...

Все остальные на проспекте – руины. Руин сколько угодно и на какой угодно вкус любителей руин, – если вообще можно допустить существование такого дикаря, который считает себя любителем свежих, еще кровоточащих руин. Можно быть по-звериному жадным на руины и все-таки хватит пищи, чтобы удовлетворить самый ненасытный аппетит.

Неужели было время, когда всё это жило? Можно ли серьезно верить в то, что на самом деле было время, когда в эти двери без всякого страха входили счастливые, жизнерадостные люди – и старики, и дети, и даже только что давшие ребенку жизнь матери с драгоценной ношей в руках, и никто из них не называл дыру дырой, а считал, что это такие обыкновенные, такие примелькавшиеся, страшно прозаические двери. – Двери? – Что это за слово «двери»? Русское ли оно? Пройдите, пожалуйста, по всему проспекту и покажите нам, что это такое – «двери»? Не шутите... Это кладбище не место для шуток.

Неужели к этим безобразным, угрюмым, нагоняющим непроходимую тоску отверстиям, – не глазные ли это впадины в том черепе человека, который продается в магазинах учебных пособий? – неужели

ли к ним можно было подойти, протянуть руку и даже прижаться разгоряченным лбом к тому, что называется в этом отверстии «стеклом моего окна»? Может быть, это только плод большой фантазии, результат потери способности воспринимать вещи в их настоящем виде, что некогда эти свернувшиеся в диковинные узлы двутавровые балки были прямы, как линейка, и спокойно несли на себе тяжесть и полов, и потолков. Какой же великан и из какой именно детской сказки собрал свои могучие силы и связал эти балки в один узел? Может быть, его зовут *Огнем*? А может быть, *Огонь* только помогал, а великана звать как-нибудь иначе? А какой полусумасшедший шутник и тоже из какой сказки оторвал громадное железобетонное перекрытие, но оторвал по веселому характеру не целиком, а только с трех сторон, и теперь это перекрытие висит на арматурных стержнях, как театральный занавес? А кто он, как его зовут и на какой странице трудов братьев Гримм описаны подвиги того людоеда, который свалил на улицу целую стену многоэтажного дома? Одну стену свалил, похоронил под нею соседний домишко и на этом успокоился, так как спешил к другим домам, к другим жертвам своего людоедско-го веселья.

Кто танцевал на этих развалинах мрачный танец смерти? Кто они, эти таинственные музыканты, под аккомпанементы которых шло разрушение и превращение глагола *Sum* в глагол *Eram*?

Бедный, бедный город! Маленькая жертва того, что называется словом «война»! А если пройтись плугом по твоим улицам, если дать времени сделать свое дело, – вспомнит ли кто-нибудь о тебе?

На улицах, пересекающих проспект и вливающихся в проспект, то же самое: они не существуют. Если остался один дом – хорошо; если осталось два – отлично, но если вы насчитали три – проверьте еще раз, – нет ли здесь ошибки? Царство руин любит ширь и простор.

Город стоит на высоком берегу реки. По склонам его гор идут второстепенные и третьестепенные улицы, переулки, тупики и закоулки. Они были застроены одноэтажными и двухэтажными домами, а чаще не домами, а домиками с тремя окнами на улицу и входной дверью со двора. Десятки таких домиков тонули в шатрах зелени: деревья склоняли свои ветви и на улицу, и во двор, и вокруг домиков, и кругом было так тепло, так уютно, что хотелось остаться в таком раю на всю жизнь. Цвела черемуха, цвела сирень, цвели кусты роз, цвели во дворах и садиках целые ковры неприхотливых однолетних цветов... Цвели вишневые деревца, склоняли свои ветви посаженные еще прадедом яблони, само небо благословляло это самое благословенное местечко человеческого отдыха после многотрудного рабочего дня... Кто же именно, зачем, с какой целью сжег добрую четверть этих домиков, оставив на месте недавнего уюта только почерневшие печные трубы?

Верхняя часть города со стороны реки (художник В. В. Богаткин). 1943 год.
Из собрания Воронежского областного художественного музея имени И. Н. Крамского

Разрушенные дома на улице Плехановской (художник В. В. Богаткин). 1943 год.
Из собрания Воронежского областного художественного музея имени И. Н. Крамского

Чей грязный сапог растоптал цветы и безжалостно вырвал розовые кусты? Кому мешали эти деревья, эти скамейки у ворот, эти низенькие заборы, эти дряхлые от времени сарайчики и голубятни?

Да... Доброй четверти домиков нет... И одновременно нет почти ни одного дерева. Очевидно так надо по логике: нельзя подавать панораму руин в рамке цветущей зелени; рамка из печных труб – это более понятно и более подходит.

А то, что было внутри здания? Где книги, картины, рукописи, труды поколений? Где то маленькое, но безгранично дорогое, что собиралось в семьях и нередко так трогательно переходило от поколения к поколению? Где тот стул, на котором любил сидеть еще прадедушка? Где та такая уютная книжная этажерка, с которой вы могли даже в темноте снять любую интересующую вас книгу? Где кровать вашего ребенка?.. Или, может быть, вы любили коллекционировать? У вас были альбомы? Вы сами сделали радиоприемник? Вы украшали стены вашей квартиры картинами и так часто выслушивали заслуженные упреки вашей жены, когда вместо нового костюма приносили из универсального магазина пачку новых грампластинок? Зачем же вы так заботились о том, чтобы у вас в квартире было так уютно, так хорошо и чтобы все успокаивало и ласкало ваш глаз? Не смешно ли, что всего несколько месяцев тому назад вы серьезно, глубокомысленно обсуждали на семейном совете, какими именно обоями надо оклеить стены вашей столовой? Неужели и правда вам нужно было то самое пианино, которое

вы приобрели ценой трехлетних визитов в сберегательную кассу, то самое пианино, от которого огонь не оставил ни одной струны, ни одной из клавиш? Значит, правда ценности создаются для того, чтобы быть уничтоженными, и чем эта ценность выше и культурнее, тем больше точит на нее зубы гений разрушения?

Дыхание смерти всюду. Даже кладбище пережило общую судьбу: сколько вывернутых, изломанных решеток, сколько разорванных памятников, сколько ям... Смотреть больно.

Но ни вой падающих бомб, ни гром разрывов, ни шум развороченной и брошенной во все стороны земли, ни гул моторов воздушных кораблей смерти не потревожили мирный, вечный сон мертвецов. Так же тихо лежат они в своих истлевших гробах после бури, как лежали до нее, но нету слов, чтобы выразить то, что закипает на душе у того, кто проходил по городу мертвых. И трудно сказать, что именно есть на самом деле город мертвых: те ли могилы, мимо которых проходит живой человек, или те могилы, из которых вылетели корабли смерти.

Кладбище – город мертвых, – пусть так. Но сам город – только мертвый город. Никто не хочет воскресать первый, и тысячи человеческих рук работают, чтобы вернуть жизнь второму.

Совсем недавно город был окружен заводами, фабриками, элеваторами. Совсем недавно призывные гудки приглашали на работу десятки тысяч трудящегося люда, старых и молодых, мужчин и женщин, шедших на работу с песнями и гармоникой,

шедших серьезно, как идут в аудиторию, ехавших поездами, на трамваях, на автобусах, спешивших и рассчитывающих каждую минуту, чтобы не опоздать к началу трудового дня. Совсем недавно дымились трубы, шумели станки и моторы, далеко слышался лязг железа, совсем недавно все это жило ради счастья жизни, ради права на жизнь. И все это остановилось: трубы не дымят, станки исковерканы, сложные машины изуродованы... Паутина, грязь, пепел, пыль и могильная тишина. Кладбище! Пока. Но это клад-

бище должно ожить, и оно оживет... Пусть только уйдут они, – разрушившие, – и оно оживет...

А что это? Верить ли глазам? По проспекту, занесенному снегом, бежит заяц! Нет, этого не может быть! И все-таки он бежит по пустынному проспекту...

А всего год тому назад...

Только один год тому назад город *Eram* был городом *Sum*.

Войдем же в этот город весной тысяча девятьсот сорок первого года.

Глава вторая

УНИВЕРСИТЕТ

Прежде всего надо дать самому городу какое-нибудь название. Пусть он называется *Грачевск*. Итак, действие происходит в городе Грачевске, где-то западнее Уральских гор и где-то восточнее Карпат. По-видимому, при таких точных данных определить истинное географическое положение Грачевска – дело совсем легкое.

Грачевску больше трехсот лет. Он уже жил в те дни, когда Петр Первый брил своим верноподданным бороды, но памятников старины в нем почти что нет. Свою седую старину Россия не любила и не умела сохранять даже в столицах и поэтому никак нельзя упрекнуть Грачевск в том, что у него не было своих музейных достопримечательностей. Обыкновенно провинциальные русские города имели в

своей хронике такие реабилитирующие их строки: город горел несколько раз дотла и затем снова восстанавливался. В хронике Грачевска не было даже этих успокаивающих строчек: если город горел, то горел на окраинах, а если памятники старины уничтожались, то не огнем. Что же касается старых зданий, то их в Грачевске было достаточно.

Самым старым, самым мрачно-массивным зданием было здание Грачевского государственного университета. Раньше здесь помещался кадетский корпус, но и тогда это было уже самое старое и самое мрачное здание. На всех трех этажах сводчатые перекрытия давили низкие, узкие и темные коридоры, освещавшиеся одним только окном, не игравшим почти никакой роли, потому что коридоры

Главный корпус ВГУ. 1941 год

были перегороджены чуть ли не десятком застекленных стенок. Внутри здания было всегда холодно, и каждому входившему впервые в его стены хотелось, как можно скорее выбраться наружу и никогда больше не заглядывать в этот каменный мешок. Даже большой актовый зал с театральными подмостками, несмотря ни на свою мишуру, ни на легкие потолки, ни на громадные люстры – не мог рассеять впечатление, что вы находитесь именно в мешке, что вы обложены кругом камнем, что стены, толщиной в четыре кирпича, никогда не выпустят вас наружу.

Если вы попадали в большие светлые комнаты, то окна непременно выходили на север, были холодны и напоминали какой-то сарай: хотелось поставить перегородку, прибавить мебели или вообще сделать что-то такое, что в корне переменяло бы лицо этой комнаты. Коридоры кричали – дайте нам света, комнаты кричали – дайте нам тепла, а всё вместе угрюмо молчало, и в те часы, когда в университете не было ни одного студента, по коридорам было неприятно ходить, а в комнате не хотелось находиться.

Всё это можно легко понять, пока в этом мраке обитал кадетский корпус, но когда в нем жил университет, то так и подмывало взять все это здание и

Уголок читального зала
Фундаментальной библиотеки ВГУ. 1940 год

вывернуть его, как перчатку, наизнанку, хорошенько просушить и проветрить его, чтобы тысяча студентов, ежедневно наполняющих и коридоры, и аудитории, и лаборатории, почувствовали больше тепла и света.

Правда, всё это никак не мешало тому, чтобы в лабораториях велись большие и учебные, и научно-исследовательские работы нередко мирового значения; чтобы профессоры читали в неудобных, казармоподобных аудиториях увлекательные лекции, во время которых стояла такая тишина, что крысы теряли ориентировку и, выбравшись на свет божий, увеличивали население аудитории на полдюжины персон; чтобы в кабинетах заведующих кафедрами создавались, обсасывались и уютжились новые диссертации на самые животрепещущие темы; чтобы коридоры согревались заразительным, жизнерадостным смехом молодых и старых студентов и студенток; чтобы лучистый взгляд искрометных глаз уже успевших влюбиться друг в друга парочек согрел и эти стены, и эти потолки; чтобы наконец люди смогли привыкнуть и забыть, что кругом них камни и кирпич...

Самым же мрачным, почти темным, особенно холодным и на редкость неудобным уголком этого мрачного, темного, холодного и неудобного здания было книгохранилище, помещавшееся на верхнем этаже и примыкающее к библиотеке и читальному залу. Чтобы быть еще мрачнее, книгохранилище приобрело какой-то особенный запах, одуряющий и способный выкурить даже крыс. Несколько следующих одна за другой комнат были завалены книгами и рукописями, которых было так много, что для них не хватало полок. Поэтому целые груды сокровища человеческой мысли лежали на полу, в полном хаотическом беспорядке, причем никто не обращал внимания на то, что рядом с «Механикой» Эйлера лежал том стихотворений Тютчева. Несколько лет библиотечный штат терпеливо копался в этой свалке, что-то систематизировал, что-то ставил на полки, что-то выносил в библиотеку общего пользования, но сколько люди ни копали, ни рыли, – кучи и не думали уменьшаться. Если говорить откровенно, то для любителя редких книг и давно затерявшихся уникалов печатных и рукописных не было большего удовольствия, как рыться в этих кучах: всегда можно было ценой головной боли и простудного кашля откопать что-нибудь такое, отчего задрожали бы руки и не шутя закружилась бы до обморока голова...

Обстоятельство это не должно никого удивлять по той простой причине, что еще с времен войны четырнадцатого года Грачевский университет несколько раз пополнялся ценными книжными коллекция-

ми, вывезенными из западных городов, попадавших в зону военных действий, а начиная с восемнадцатого года университетские катакомбы были центральным хранилищем почти всех частных библиотек Грачевской области, славившейся в старое время большими любителями старой книги. Поэтому здесь можно было откопать литературу всех стран света и всех веков начиная с семнадцатого века, поэтому не было почти ни одной отрасли знаний, на которую не нашлось бы хорошей кучки уникамов, давно пропавших из поля зрения самых страстных коллекционеров исчезающих из общения книг.

И над всей этой сокровищницей человеческой мысли, над всеми этими кучами нужных и ненужных, бесценных и не имеющих никакой цены книг и рукописей, конечно, был верховный главнокомандующий и зоркий опекун в лице главного библиотекаря. Эту почтенную должность с честью и славой несла особа женского пола в возрасте между тридцатью и сорока годами, по внешнему виду чрезвычайно похожая на футбольный мяч, или, говоря несколько математическим языком, полностью вписывающаяся в шаровую поверхность, радиус которой крайне невелик, но, безусловно, отличен от нуля. Если поставить геометрическую задачу так: дана сфера, и в нее вписана Наталья Петровна Карасубазарова вместе с ее прической, пудреницей и зеркалом, – вычислить объем пустого пространства между этими двумя объемами, то ответом будет величина, начинающаяся с нуля целых, трех нулей после запятой и кончающаяся однозначной цифрой кубических сантиметров. Не подлежит сомнению, что некогда этот верховный главнокомандующий был довольно-таки миловидной особой, способной вскружить не одну голову и поэтому надо только удивляться, что во всех анкетах в графе «замужняя или вдова» Наталья Петровна неизменно писала «девица».

Как и все реальные шаровые поверхности, Наталья Петровна отличалась крайней подвижностью. Казалось, что коэффициент ее трения качения равен нулю. Вся принадлежащая ей командованию и опеке территория видела ее по меньшей мере тысячу раз в день. Причем иногда бывали такие обманы зрения, что находились свидетели, видевшие Наталью Петровну одновременно в двух и даже трех местах.

Как и всякий верховный главнокомандующий, Наталья Петровна имела при себе свою Тень, своего адъютанта, словом, человека, неразлучно следовавшего по ее пятам. Такой Тенью была мадам Грибанова, даже в возрасте до шестидесяти лет, угрюмая, молчаливая, улыбающаяся только раз в десять веков. Надо поражаться и верить в чудеса, в возможность существования невозможных вещей,

чтобы примириться с тем, что было на самом деле: Тень умудрялась не отставать от Натальи Петровны и всегда быть по правую ее руку в тот момент, когда Наталья Петровна, не оборачиваясь и не прислушиваясь к ее шагам, бросала ей какой-нибудь вопрос. В противоположность своей патронессе мадам Грибанова похоронила трех мужей и сейчас в ее скромной комнатке одного из подвальных этажей домирал ее четвертый муж.

Все четыре мужа мадам Грибановой были исключительными людьми. Все они были князьями. Правда, князьями церкви, иначе говоря, – архиереями разных церквей; но все же князьями. И последний, домиравший муж целых два года вкушал удовольствие именоваться епископом живой церкви, а потом, оставшись без паствы и пастырей, спокойно перешел на мирское житие в комнате мадам Грибановой.

Приведенная маленькая подробность из жизни Тени нужна только для того, чтобы стало ясным, почему студенты часто называли мадам Тень иногда просто княгиней, а иногда княгиней Свистуновой. Последнее оправдывалось тем, что княгиня имела своеобразную привычку в некоторых случаях жизни при глубоком вздохе издавать звук, напоминающий свист какой-то несуществующей птицы.

Библиотеку ежедневно посещали сотни студентов и десятки профессоров и преподавателей. Но в книгохранилище редких и неразобранных книг заходило очень немного: студентам и младшим преподавателям вход в нее был вообще запрещен, а из профессоров и доцентов наиболее упорным и почти ежедневным посетителем книжного кладбища был молодой доцент Александр Николаевич Вергулев – по всем признакам многообещающий научный работник, уже несколько лет собирающий материал для докторской диссертации.

Это был совсем молодой для будущего доктора математических наук человек. Ему было только двадцать шесть лет, хотя по внешнему виду, по манере держать себя, по привычкам и вкусам он производил впечатление человека, возраст которого близок к сорока годам. Лицо у него было, скорее, прямоугольное, чем криволинейное, нос большой, мясистый, губы толстые, подбородок почти квадратный, а темные, почти черные глаза очень часто напоминали, что владелец их человек большой силы воли, настойчивости и упрямства. Глядя на Вергулева, можно было уверенно сказать, что если этот человек решит что-нибудь сделать, то сделает непременно, чего бы это ему ни стоило, умрет, но сделает. Вместе с этим было видно каждому, что это очень спокойный, медлительный и даже несколько вялый

человек. Никто ни разу не видел его раздраженным, вышедшим из своего обычного состояния невозмутимого спокойствия или давшим волю какой-либо нервной вспышке. Никогда ни один студент не видел его в каком-нибудь ином состоянии, кроме полного равнодушия ко всему, что происходило вокруг него. Будучи медлительным в движениях, он был также медлителен в речи и особенно в принятии каких-либо решений, все равно – важных или не важных. Даже прежде чем обмакнуть перо в чернильницу, думал о чем-то не меньше минуты. Никто не мог упрекнуть его ни в одном неблагоприятном поступке. Он не принимал участия ни в каких склоках, никогда ни о ком не сплетничал, ни о ком не говорил за глаза, чего не сказал бы в глаза. Правда, никто не видел его кроме университетских стен и поэтому никто не мог сказать, каков он в личной жизни, но и заочно, так сказать, теоретически все характеризовали его как человека, не делающего гадостей. В университет он приходил к девяти часам утра, а уходил нередко, особенно в те дни, когда работал в книгохранилище, в поздние вечерние часы. Жил он далеко от университета, в бывшем до революции мужском монастыре, в одном из старинных флигелей, в котором некогда помещались архиерейские покои. Монастырь этот стоял над рекой, был обнесен двухсотлетней оградой и не имел ни одного привлекающего к себе качества. Напротив, он был ветх, холоден, стар и едва-едва сопротивлялся всепокрушающей руке бога Времени. Это было большой странностью Вергулева: жить в монастыре, когда дирекция не один раз предлагала ему благоустроенную квартиру в центре города. Но Вергулев отвечал очень просто: я уже успел привыкнуть, к тому же у нас очень тихо, – и этот ответ звучал и искренне, и правдиво.

В Грачевске Вергулев появился только два года тому назад. Из его документов следовало, что он родился в пятнадцатом году в Петербурге, в семье какого-то чиновника, окончил среднюю школу в родном городе и поступил в Ленинградский университет, через два года перевелся в самый отдаленный сибирский университет, который и кончил в тридцать шестом году. Где он был год по окончании высшей школы, из документов не было видно, но в тридцать седьмом году он уже работает ассистентом при кафедре математики в небольшом юго-западном сельскохозяйственном институте. Проходит только два года, и он появляется в Грачевске уже кандидатом математических наук, защитившим диссертацию в одном из центральных университетских городов. Эти крайне отрывочные сведения из общественной жизни Вергулева можно было узнать только из его документов, но сам он не любил говорить о себе и всегда отклонял попытки товарищей узнать от него подробности его прошлого. Судя же по настоящему, по тому, что было видно в стенах Грачевского университета, прошлое Вергулева было такое же спокойное, серенькое, такое же, как и его настоящее. Если характеристика «человеку нечего рассказать о себе» может быть исчерпывающей, то всем сослуживцам Вергулева казалось, что эта характеристика исчерпывает Вергулева полностью. В заключение надо отметить, что успехом у женщин Вергулев не пользовался, но, говоря беспристрастно, сами женщины не пользовались у Вергулева никаким успехом: он ими не интересовался и никто не видел его ухаживающим или добивающимся победы над какой-нибудь женщиной. Он не избегал женщин, но в его обращении с ними было что-то такое, что расхолаживало женщину и парализовало в ней желание

Общежитие ВГУ № 6. 1938 год

понравиться этому слишком уж спокойному и равнодушному ко всему человеку.

И только одной женщине хотелось добиться победы, только одна женщина хотела видеть у своих ног, у своего очага этого молодого ученого: такой исключительной женщиной была верховный главнокомандующий университетской библиотекой. При всех обстоятельствах она не отчаивалась и верила в то, что и невозможное нередко бывает возможным, надо только терпеливо ждать и сделать всё возможное для победы. Всё возможное! Эти два слова она повторяла ежедневно: с ними она просыпалась, с ними носилась по своей библиотечной республике, с ними она засыпала.

Никто, даже ее Тень, – лицо, доверенное во всех житейских делах, не знала о том, для кого бьется маленькое сердечко, заключенное внутри шаровой поверхности! Будучи жизненно неопытной в любовных делах, не имея никакой практики в стратегических действиях против мужского сердца, Наталья Петровна ежедневно начинала себя теоретическими знаниями, которые жадно черпала из романов старых писателей, или, как она говорила, писателей, писавших с буквой ять. И все русские, французские и особенно сентиментальные немецкие романы почти всегда повергали ее в пучину отчаяния. Точно сговорившись, все они доказывали, что верховного главнокомандующего ждет не победа, а поражение. Но, как бы ни был мрачен теоретический прогноз, Наталья Петровна не падала духом: и невозможное бывает возможным, и поэтому надо сделать все возможное для победы. Наконец, почувствовав себя несколько подготовленной для открытия кампании наступления на противника, Наталья Петровна решила сделать первый артиллерийский выстрел по мирным позициям своего равнодушного избранника.

И поэтому, когда в один из мартовских дней сорок первого года (влияние наступающей весны и здесь сыграло очень большую роль) Вергулев проходил в книгохранилище мимо письменного стола главнокомандующего, – а в эти свалки можно было с некоторых пор прийти только этим единственным путем, – то, как ни невнимателен, как ни равнодушен был Вергулев ко всем расставляемым ему капканам, он не мог не заметить того, что на этот раз верховный главнокомандующий блестит и мундиром, и орденами, и регалиями. Волоса библиотечной владычицы были завиты по самой последней моде, и хотя прическа была и не к лицу и старила Наталью Петровну, но не обратить на нее внимания было нельзя. Лицо ее сияло солнечным блеском, и если кое-где краски были не особенно натуральны, то это надо было отнести только за счет красок, но ни в

коем случае не за счет художника. Костюм, плотно облегающий шаровую твердость, так и просился на обложку самого модного женского журнала и тонко выделял всё, что требовалось выделить, и прятал всё, что требовалось спрятать. И само собою разумеется, для того, чтобы всё это бросилось в глаза и произвело соответствующее опустошение в лагере противника, для того, чтобы контраст между прозой и поэзией был подчеркнут самой жирной линией, как декоративное украшение сзади полководца помещалась ее Тень, на этот раз особенно мрачная и исключительно непривлекательная.

В свой обычный час Вергулев входит в библиотечный зал, рассеянно смотрит по сторонам, замечает сидящих в уголке ректора и его личного секретаря, подходит не спеша к ним, что-то говорит, отвечает на какие-то вопросы, пожимает почему-то плечами и затем медленно шествует в сторону письменного стола.

В тот самый момент, когда этот возмутительный человек только-только показался в дверях, – момент, которого Наталья Петровна ждала больше часа, хотя Вергулев не опоздал ни на минуту, – в этот момент душа библиотечной царицы наполняется радостью, сердце начинает бить во все барабаны тревоги, а всё ее существо тянется туда, к нему, такому недостойному, такому слепому! Но в то же самое время лицо ее становилось таким равнодушным, таким безразличным, что даже было страшно: не начнут ли с него сыпаться высохшие краски. Можно подумать, что Наталья Петровна всеми своими помыслами ушла в изучение табель-календаря на текущий год, который она держит чуть-чуть дрожащей рукой по неизвестным причинам кверху ногами. Вергулев идет медленно. Он идет до того медленно, что так и хочется приказать Тени пойти и дать ему в спину хорошего шлепка. Но все имеет свой конец, все непременно когда-нибудь должно кончиться. Вот... вот... Вергулев уже в пяти, уже в трех шагах... Неужели и на этот раз он пройдет мимо, ограничившись глупейшим, никому не нужным пожеланием доброго утра?

Нет! На этот раз счастье улыбается главнокомандующему. Может быть, артиллеристская подготовка тому виной, может быть, это вызвано тем, что вдруг неожиданно для всего зала Тень издает особенно громкий свист, но только Вергулев останавливается, поворачивает голову в надлежащую сторону и приветливо улыбается.

– Доброе утро! – говорит он, кладя на стол свой набитый неизвестно чем портфель и протягивая не спеша руку Наталье Петровне, только что оторвавшейся от искушения продолжать изучение табель-календаря.

– Доброе утро, Александр Николаевич, – приветливо отвечает Наталья Петровна. (По теории русских и иностранных журналов в этот момент следовало бы произвести несколько выстрелов из искрометных очей, но Наталья Петровна никак, никак не может решиться на эту операцию.)

– Вы сегодня исключительно нарядны, – говорит Вергулев и – это уже совсем чудо, – опускается в стоящее по другую сторону письменного стола кресло, – не именинница ли вы сегодня?

Как ни слаба Наталья Петровна по части практических мероприятий, но она сразу же понимает, что надо немедленно оправдаться и как можно проще объяснить перемену своего обычного, рабочего вида.

– Я не именинница, – стараюсь быть совсем естественной, отвечает та, – но я думаю сегодня прямо после занятий пойти в гости к одной из своих приятельниц.

– Это хорошо... Надо только пожелать, чтобы вы почаще ходили после занятий к приятельницам.

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, – скромно отвечает Наталья Петровна.

– Фьють! – неожиданно раздается за спиной свист Тени, но на него не обращают внимания ни Вергулев, ни Наталья Петровна.

– Я хочу сказать, – после некоторой паузы произносит Вергулев, – что сегодня вы нарушаете общий ансамбль этого не особенно привлекательного помещения.

– Да, – с небольшим вздохом произносит Наталья Петровна, – этому помещению нужен капитальный ремонт. (Боже мой, – думает она, – что я говорю! И продолжает). – Я уже два раза подавала ректору и смету, и заявку... (Остановись же, не то надо говорить!)... Но все без толку...

Вергулев спокойно осматривает стены, потолок и вяло бросает:

– Вы правы. Здесь нужен хороший ремонт... Какие-нибудь веселенькие масляные краски... И солнца бы побольше. Но для этого надо повернуть все здание вокруг оси градусов на шестьдесят... Ну, не буду вам мешать...

– Что вы, что вы! Вы не мешаете мне нисколько.

Вергулев смотрит на висящие на стене часы, сверяет время со своими карманными и произносит:

– Ваши отстают на минуту. Я проверял свои по радио.

– Вы все еще не разочаровались в этом ужасном книгохранилище? – интересуется Наталья Петровна, думая только об одном, чтобы Вергулев еще несколько минут посидел в кресле.

– Я думаю, что мне потребуется еще много времени, прежде чем я разочаруюсь. Хотя, – разочаруюсь

я или не разочаруюсь, не все ли равно, где именно работать? Правда, там очень уж неудобно, сыро... Но и в другом месте может быть то же самое.

– Я часто называю вас мучеником науки, – серьезно замечает Наталья Петровна. – Надо так любить науку, как любите ее вы, чтобы отваживаться на ежедневное посещение этого холодильника... Бр-р-р... Как там холодно и какие там крысы... Да, написать докторскую диссертацию – дело нелегкое...

– Согласен с вами. У меня она продвигается крайне медленно.

– Еще бы! Надо собрать столько материалов!

– Да. Материалов надо собрать много.

– Но неужели вы до сих пор не нашли в этих кучах ничего полезного для себя? Я это спрашиваю только потому, что вы до сих пор не взяли из тех книг ни одной на дом?

– Пока поиски безрезультативны. Но я не отчаиваюсь. С другой стороны, если даже я ничего не найду, это тоже пойдет на пользу моей работе, – значит, действительно, в моей теме я не имею предшественников. Согласитесь, что это очень важно?

– О, да, да! – спешит согласиться Наталья Петровна, – это чрезвычайно важно быть Христофором Колумбом.

– Положим, Америки я своей работой не открою...

– Не скромничайте! Все мы считаем вас таким талантливым, что никого из нас не удивит, если вас выберут в академики.

Вергулев поднимает глаза и некоторое время смотрит в упор на перегнувшую палку собеседницу. Дождавшись, когда она начинает осознавать, чтохватила через край, он говорит:

– Конечно, вы пошутили.

– Может быть, – слабо защищается Наталья Петровна, – я не точно выразила свою мысль. Я хотела сказать, что когда наступит время и вас выберут в академики, то никто из нас не удивится. Я думаю, что это особенно лестно – быть академиком?

– Еще бы. Но для этого нужно мировое имя.

– У вас оно будет!

– Вы говорите это так уверенно, что мне даже неловко.

– Поверьте мне, что я выражаю общественное мнение, которое считает вас восходящей звездой нашего университета.

– Наталья Петровна, пощадите!

– Уверяю вас! Это искреннее убеждение всех нас. Подумать только, в двадцать шесть лет, – ведь вам двадцать шесть? – уже быть кандидатом, вести самостоятельно курс, писать докторскую диссертацию, нет, это никак не рядовое явление.

В это время внимание ее отвлекается появлением около стола выдачи книг молодого человека, издали приветливо улыбающегося в сторону письменного стола.

– Очаровательный юноша, – замечает Наталья Петровна.

– Совершенно верно, – соглашается Вергулев. – Вот кому следует передать высказанное вами на мой счет мнение. Чрезвычайно многообещающий человек. Математик от рождения. Что-то поражающее. Этот человек у нас долго не задержится. И представьте себе, совершенно не хочет ничего писать. На ходу, в уме решает сложнейшие математические задачи, на ходу хватая быка за рога, а писать ничего не хочет. Я уже несколько раз говорил с ним об этом, стыдил его, внушал, – как мячом от стены... И слушать не хочет. Вот как люди распоряжаются данными им талантами.

– Скажите, пожалуйста! Вот уж никогда бы я этого не подумала. Хотя вы, кажется, начинаете понемножку сближаться с ним, – может быть, вам удастся что-нибудь сделать.

– Сомневаюсь. Что-то безнадежное. Читает только романы, увлекается Жюль Верном, Майн Ридом... В его годы пора бы уже поставить Жюль Верна на заднюю полку.

– А сколько ему лет?

– Двадцать.

– Совсем еще мальчик.

– Ну да. Он шестнадцати лет поступил в Московский университет, блестяще окончил его, говорят, что несколько кафедр спорили за честь оставить его при университете, а он приехал к нам. Боюсь, что, если он не будет пахать, так и умрет ассистентом. Он у нас работает второй месяц и зарекомендовал себя пока только футбольными талантами. В футболе он действительно произвел большую сенсацию.

– Но ведь он непосредственно подчинен вам. Вы могли бы...

– Он подчинен не мне, а кафедре.

– А кафедрой заведуете вы.

– Я исполняю временно обязанности. Новый заведующий кафедрой придет не сегодня – завтра и поэтому никакого административного воздействия я не имею права делать. По-товарищески – это дело другое. Мне не нравится, мне хочется отвлечь его от футбола к математике, но пока я успеха не имею. Сейчас пытаюсь использовать последнее средство. Ему дали очень неудобную комнату в студенческом общежитии: на четвертом этаже, около умывальника, на северной стороне, – словом, очень неважную комнату. Вчера я предложил ему прекрасную комна-

ту в моей квартире. У меня три комнаты – для одного человека это ненужная роскошь.

– Как это великодушно! – восклицает Наталья Петровна. – И что же он? Конечно, согласился?

– Нет. Он попросил разрешения подумать.

– Чего же ему еще надо?

– Его смущает то, что я живу, как вам может быть известно, за стенами монастыря. Кругом меня большие разрушения... Но зато очень тихо. Чудесный вид на реку. Комната, правда, со сводчатыми потолками, на окнах железные решетки, но зато тихо, очень тихо.

– И поэтично.

– Конечно. А самое главное, вся обстановка, стены, наконец, то, что видно их окна, все это располагает к работе.

– Немножко далеко.

– Что значит для молодого спортсмена какие-нибудь лишние полкилометра? Но я не теряю надежды, что мне удастся уговорить его переселиться ко мне. Это было бы удобно и в хозяйственном отношении. Там есть женщина (при этом слове Наталья Петровна невольно настораживается, а ее Тень неожиданно освежает воздух небольшой несоловьиной трелью), симпатичная старушка (а! легче!), которая будет готовить обед на нас двоих...

– А трудно холостому? – чуть-чуть кокетливо интересуется Наталья Петровна. – Неудобно?

– Я еще не был женатым, так что не могу ответить, как это трудно и неудобно, – отвечает Вергулев и поднимается с кресла, – но, конечно, если забота об обеде, белье, уборке находится в других руках, то, конечно, жить легче.

– Рука жены – надежная рука.

– Я думаю, что вы правы, – медленно произносит Вергулев и берет в руки портфель.

Но здесь совсем неожиданно Тень разворачивает уста и вещает:

– В книгохранилище с портфелем ходить нельзя.

– Почему? – быстро спрашивает Наталья Петровна.

– Почему? – после некоторого раздумья интересуется Вергулев.

– Правило, – отвечает Тень.

Вергулев делает попытку положить портфель на стол, но Наталья Петровна решительно отвергает ее.

– Нет правил без исключений, – произносит она. – Если Александр Николаевич берет с собой портфель в книгохранилище, значит, Александру Николаевичу для его научной работы необходимо иметь около себя портфель. Я очень прошу вас, Александр Николаевич, – спокойно берите портфель.

Вергулев некоторое время молчит, что-то обдумывает и затем спокойно отвечает:

– Благодарю вас. Действительно, мне с портфелем удобнее работать. Кроме того, здесь мой завтрак.

Он делает попытку раскрыть портфель, но Наталья Петровна решительно останавливает его:

– Что вы, что вы! Зачем! Не надо!

После этого Вергулев жмет ее руку и не спеша следует в холодильник. Как только дверь за ним закрывается, Наталья Петровна укоризненно качает головой и, не поворачиваясь, говорит по адресу Тени несколько нелестных слов. Тень выслушивает их с величайшим хладнокровием и ограничивается в ответе одним словом:

– Правильно.

– Но неужели вы не понимаете, что вы по существу высказали предположение, что Вергулев может украсть книги? И зачем ему их красть, когда он может без кражи взять сколько угодно книг? Нет, нет, я просто не ожидала от вас такой неделикатности.

Тень пожимает плечами и не находит нужным что-либо возразить на это. Вместо ответа она ограничивается легким свистом. Но несколько минут спустя она произносит:

– Однако некоторых книг мы не нашли в книгохранилище.

– Да, не нашли, – нервно отвечает Наталья Петровна. – Что вы хотите сказать этим? Что вы подчеркиваете?

– То, что они были, а теперь их нет.

– Но не скажете же вы, что их унес Вергулев?

– Я скажу, что их унес кто-то.

– Но Вергулев не кто-то!

– Книги очень редкие. Представитель Москвы оценил одну из них в три тысячи рублей.

– Вы положительно хотите возвести обвинение на Вергулева.

– Я хочу сказать, что после того, как книги пропали, ректор запретил вход в книгохранилище с портфелем.

– Но вы должны согласиться, что в книгохранилище ходит не один Вергулев, а замечание вы сделали одному ему. И, наконец, я не верю, что книги пропали. Просто мы их не тщательно искали, и они лежат где-нибудь на дне.

– Нет, не лежат. Они пропали.

– Вы неисправимы. Это моя обязанность следить за выполнением правил, и я прошу вас больше не вмешиваться. Подумайте только, какое тяжелое пятно вы могли наложить на уважаемого всеми человека, на такого труженика, на человека, достойного большего внимания, чем мы ему оказываем.

В это же время ректор, все еще сидевший в уголке библиотечного зала, отрывается от книги,

которую читал, и обращается к своему секретарю с вопросом:

– А какие новости с приездом профессора Глобусова?

– Кроме телеграммы, что он выезжает в конце марта, никаких дополнительных сведений нет, – отвечает секретарь.

– Да, этот человек наделал нам много хлопот.

– Европейская величина, ничего не поделаешь. Надо только удивляться, что между Москвой и Грачевском он выбрал Грачевск.

– Очевидно, хочет быть, как Цезарь, первым в деревне. Пройдемте ко мне в кабинет и проверим окончательно – все ли его требования мы выполнили?

Они уходят из библиотеки. У себя в кабинете ректор достает из ящички письменного стола портфель, из портфеля вынимает дюжину папок, среди которых выбирает одну с надписью «безусловно выполнить», из этой папки извлекает тоже с дюжину блокнотов, просматривает их и откладывает тот, на котором синим карандашом написано: «первоочередное». Перелистав этот блокнот, он останавливается на странице с надписью «доктор математических наук Глобусов». После этого все остальные блокноты складываются в папку, все папки прячутся в портфель, а портфель – в ящик стола, а сам ящик запирается на ключ. Выполнив всю эту процедуру, занявшую по крайней мере десять минут, ректор приступает к чтению записей.

– Так, – говорит он, одновременно меняя одни очки на другие, – условие первое: квартира – минимум четыре комнаты с ванной, уборной и кладовой; по-видимому, все выполнено, – даем не четыре, а пять комнат. Условие второе: все комнаты окрашены масляной краской, кроме кабинета, который должен быть оклеен темными обоями. И это условие выполнено.

– За обоями в Ленинград ездили, – усмехается секретарь. – Ничего не поделаешь: европейская величина.

– Условие третье: меблировка комнат по прилагаемой описи.

– Выполнено, я сам проверил.

– Хорошо. Условие четвертое: все курсы, которые сейчас ведут сотрудники кафедры, ведет сам профессор сразу же, с другого дня приезда. Тяжелое условие, но делать нечего.

– Ломка курса, среди семестра перемена лектора, – соглашается секретарь. – Хотя это коснется, главным образом, курсов, которые ведет доцент Вергулев, а у него по слухам дело идет не гладко.

– В самом деле, не гладко. Я раза два бывал на лекциях у Вергулева и не остался в восторге. Нет, не остался... Как-то нехорошо идут лекции... Точно

Выпуск студентов физико-математического факультета ВГУ 1941 года

человек не лекцию читает, а добросовестно пересказывает страницы единственно знакомого курса. Нет диапазона, нет глубины. Добросовестный граммофон и только. Так и кажется, что если в учебнике есть отпечатка, то на аудиторной доске непременно появился описка. В чем тут дело, понять не могу. Человек, по-видимому, развитой, подготовленный, а дальше рекомендованного учебника не может отойти ни на шаг. Я читал, правда, не особенно внимательно его кандидатскую диссертацию, – прекрасная работа, которую, если бы развить, можно было бы подать и как докторскую. Сейчас работает над докторской диссертацией и работает, по-видимому, благополучно. Всё как будто бы говорит за то, что мы имеем дело с настоящим ученым, не вызывающим никаких тревог, а как дело касается чтения курса студентам, так это не ученый, а ремесленник.

– Многие профессора не умеют читать курс.

– Согласен с вами. Читают вяло, недоходчиво, читают даже по запискам, но читают глубоко, так сказать, во всю ширь своих знаний. А здесь – и не вяло, и не по запискам, но и не глубоко.

– Декан тоже говорил, но он объясняет это двумя причинами: во-первых, доцент Вергулев читает

первый год на математическом факультете, а во-вторых, тем, что в «Теоретической механике» очень трудно начинающему ученому сказать что-нибудь новое, особенно в студенческом курсе.

– Возможно. Я никак не хочу очернить молодого начинающего научного работника, я хочу только сказать, что мы несколько рано поручили ему работу на математическом факультете. Его следовало поддерживать года три у химиков. Но он имел такие лестные отзывы от декана, что я не мог пренебречь ими.

– Во всяком случае, в деканате нет сведений, что доцент Вергулев допускает ошибки или обнаруживает в чем-нибудь невежество.

– Это говорит только о том, что он хорошо готовится к лекциям, только об этом. Но, во всяком случае, курс будет продолжать доктор Глобусов. Вергулев об этом знает?

– Думаю, что нет.

– Жаль. Это его очень огорчит, но делать нечего. Я прошу вас сегодня же поставить его об этом в известность. Смягчите как-нибудь эту неприятную для него новость, скажите, что это безоговорочное условие Глобусова, что я крайне сожалею, что я с большим огорчением согласился на такую операцию,

словом, позолотите пилюлю так, чтобы ее можно было проглотить. А теперь пойдём дальше. Условие пятое: ассистентская работа по курсам, которые ведет Глобусов, должна быть передана нашему новому работнику... Как его фамилия? Бр... Бр...

– Брагин, Николай Михалыч.

– Правильно. Ну, это легче. Сейчас Брагин чем занят?

– Деканат дал ему две группы у биологов, но главное его занятие сейчас – футбол.

– Пусть пока занимается футболом. Идем дальше: условие шестое – все лекции поставить в расписание с одиннадцати до часу, а у математиков непременно в понедельник и вторник. Я думаю, что это выполнимо?

– Не только выполнимо, но и выполнено уже.

– Тем лучше. Условие седьмое: первыми двумя часами перед лекцией Глобусова должна быть особенно легкая дисциплина. Очевидно, и это исполнено? Хорошо. Условие восьмое. Немедленное печатание курса, с тем чтобы к сессии была отпечатана по меньшей мере первая часть его. Как с этим?

– Договор с типографией уже заключен, за это можно быть спокойным: обеспечено двадцать печатных листов.

– Условие девятое: введение Глобусова в редакцию университетских трудов по всем разделам. Это я уже сделал. Условие десятое и, слава богу, последнее: выше второго этажа Глобусов подниматься не будет и поэтому вся жизнь, связанная с его работой, должна протекать на первых двух этажах. Я думаю, что это выполнимо?

– На первое время это встретит кое-какие затруднения, но я думаю, что выполнимо. Что же, пусть приезжает.

– Пусть.

– А вы раньше знали его?

– Только по трудам.

– Пишет он колоссально много. Один список научных работ и журнальных статей напечатан на сорока страницах.

– Еще бы! Член-корреспондент всех европейских академий наук, очередной кандидат в академии, кандидат на Сталинскую премию. Если бы он поставил не десять, а сто десять условий, я выполнил бы их с не меньшим удовольствием. Ну, вот и всё. Значит, поговорите с деканом: скажите, что я поручил лично вам позолотить пилюлю для Вергулева. Я побаиваюсь, что декан будет сильно препятствовать, но ему придется согласиться: дело, прежде всего дело, а потом уже личные симпатии.

После этого ректор опускает руку в карман брюк, долго роется там, извлекает пачку ключей,

отыскивает нужный ключ, открывает им ящик письменного стола, достает портфель, раскрывает его, возясь при этом с минутой с замком, кладет на стол все находящиеся в нем папки, выбирает одну из них, расшнуровывает ее, прячет в ее недра блокнот и затем продельывает всю эту же операцию в обратном порядке. Операция эта свидетельствует о том, что ректор Грачевского университета имеет чрезвычайно аккуратный и несколько скрупулезный характер. Одновременно это объясняет и то, почему советы университетские под его председательством продолжаются на два часа дольше, чем в тех случаях, когда председательское кресло занимает его заместитель по научной работе.

Как только ректор приступил к своей ворожке с ключами, секретарь направляется в деканат математического факультета для сообщения декану очень неприятного распоряжения о передаче читаемых Вергулевым курсов прибывающему профессору Глобусову.

Декан – человек крайне мрачного характера и довольно-таки неуравновешенный – принимает это сообщение как личную обиду, как какие-то подкопы ректора именно против него, но своего мнения сразу не высказывает, ограничившись на первое время только пословицей:

– Так, с чужого коня среди грязи – долой.

– Противник очень солидный, – замечает секретарь, – доктор, член-корреспондент академий наук, европейское имя.

– Неужели? – деланно удивляется декан. – А что студенту лишняя ломка, это, конечно, – дело маленькое. Хорошо. Передайте ректору, что декан сказал: «хорошо». Хотя хорошего декан в этом ничего не видит. Так и передайте: хорошо, хотя хорошего в этом декан ничего не видит.

– Ректор, между прочим, считает, что академический прогресс у доцента Вергулева шел не настолько гладко, чтобы в виде поощрения можно было оставить за ним курс.

– Всё может быть. Важно, что так считает ректор и никак не важно, что у декана противоположное мнение. Декан уверен, что курс, читаемый Вергулевым, доходит до студента, но не уверен, дойдет ли до студента курс, который с полдороги начнет читать профессор Глобусов. Но мнение декана совершенно неважно для ректора. Хорошо. Так и передайте: «хорошо».

– Ректор не сомневается, что его распоряжение должно огорчить вас и поэтому просил вас поверить, что иначе он никак не может поступить: он вынужден это сделать.

– Ах, вынужден? Неужели? Хорошо. Очень хорошо. – Марья Владимировна, – он обращается к

своей секретарше, – пригласите ко мне доцента Вергулева. Он вернее всего в библиотеке.

Через несколько минут в его кабинет входит Вергулев, нагруженный набитым до отказа портфелем.

– Садитесь, Александр Николаевич, – отрывисто предлагает декан, – хотите стакан чаю? Чайник сейчас закипит.

– Выпью, – отвечает Вергулев, садясь в кресло и ставя свой портфель в ногах, – у вас всегда такой вкусный чай.

– Еще бы! Найдите другого знатока чаю! Сомневаюсь. Марья Владимировна, пожалуйста, два стакана и два бутерброда. Может быть, съедите яйцо?

– Съем. Я сегодня в аппетите.

– Отлично. И по яйцу. А теперь поговорим. Очень неприятная новость. Как вам известно, на днях приезжает новый заведующий вашей кафедрой, доктор математических наук, профессор Глобусов. Так? Хорошо. Допустим, что хорошо.

– Хорошо во всех отношениях.

– Неужели? Ну, ешьте ваш бутерброд, ешьте яйцо, пейте чай. Вот, сахар, кладите по вкусу. Значит, хорошо? Отлично, если хорошо. Но что вы скажете, если я сообщу вам, что Глобусов требует, чтобы все читаемые вами курсы были переданы ему?

Вергулев кладет на стол только что разбитое яйцо и некоторое время сосредоточенно мешает ложечкой свой чай.

– Все читаемой мной курсы? – спокойно спрашивает он.

– Все. И сразу.

– Да... Значит, я останусь без нагрузки?

– Положим, кафедральной нагрузки и для вас хватит, но курсы будет читать он.

Молчание продолжается больше, чем надо.

– Хорошо, – по-прежнему спокойно говорит Вергулев. – Во всяком случае, профессор получит неплохо подготовленную аудиторию. Вряд ли он сможет упрекнуть меня в том, что студенты потеряли со мной время.

– Этого он никогда не скажет. И не посмеет, и не имеет права.

– Я счастлив слышать от такого прямолинейного человека, как вы, подобный отзыв. Теперь я совершенно спокоен. Я отлично понимаю свое положение: важно, что его же поймут и студенты – все свои обязанности, раз я не профессор, я выполнял временно. Жаль, конечно, что конец пришел не после сессии, но не настолько жаль, чтобы видеть в этом какую-нибудь трагедию.

– Очень рад за вас, – искренне отвечает декан, – рад, что у вас такой характер. Вы, очевидно, человек с хорошей философской подкладкой. А я не в вас.

Я пережил бы это с большим надрывом. Вообще, я, может быть, чересчур подозрителен по натуре и мне часто мерещатся подкопы под меня, даже в таких случаях, когда – как окажется после – не было никаких подкопов... Пейте, пожалуйста, чай! Наливайте сами. Вот, скажем, с чаем. Я люблю чай, я не могу жить без чая, я пью его весь день у себя в деканате, мне готовят чай и в физической, и в химической лабораториях, потому что знают, что я люблю чай и считаю, что чай, заваренный в колбе, иль в петирте, иль в мензурке – гораздо вкуснее чая, заваренного в чайнике, ну и что же? Какое это имеет отношение к моей работе как декана, как профессора, как заведующего кафедрой, как научного работника, как общественного деятеля, наконец? Какое? До сих пор я думал, что никакого. И что же я сам своими собственными ушами слышал? А? Председатель нашего комитета профессионального союза работников высшей школы осмелился публично, в коридоре, где его слышали и студенты, выразить неодобрение, что я в рабочее время чай пью. Я его спрашиваю: а вы в рабочее время курите? Лепечет: курю. Ну, говорю, – курение в рабочее время в тысячу раз хуже, вреднее, гаже, чем питье чая. Вы думаете, что он понял, что мой ответ дошел до него? Ничего подобного. Хуже! Говорит: я отлично знаю – успеваемость студентов снизилась на полпроцента потому, что декан пьет в рабочие часы чай; работа студенческих кружков оставляет желать лучшего потому, что декан пьет чай... А чай я все равно буду пить и в рабочие, и в нерабочие часы. А вы думаете, что ректор далеко ушел от председателя? В декабре приезжал к нам народный комиссар просвещения, – при вас же это было.

– Конечно, при мне, я помню.

– Ну да... Наливайте еще стакан. Марья Владимировна, голубчик, дайте нам еще по бутерброду и обратите внимание, что сегодняшняя колбаса не высшего качества... Так вот, накануне приезда заходит ко мне сюда ректор, я предлагаю ему чай, – отказывается. Я пью и жду, что скажет. – Я прошу, – говорит, – в виде личного одолжения, на время пребывания народного комиссара, так сказать, убрать этот домашний вид вашего кабинета. Домашним видом он называл столик, скатерть, тарелочки, вилки, чайник, словом, все то, что находилось у меня под рукой. – Я, говорит, боюсь, что на высокого гостя это произведет неприятное впечатление. Конечно, я решительно ответил отказом. А знаете, что было? Этот высокий гость зашел ко мне, выпил два стакана чая, съел четыре бутерброда с икрой, – у меня была тогда чудесная икра, – и ушел от меня в прекрасном настроении. А в частном письме к ректору он в феврале передал мне привет. Дословно стояло в письме

так: мой искренний привет вашему декану, угостившему меня таким вкусным чаем, что я до сих пор помню его. Ну после этого ректор меня не трогает. А вот председатель комитета начинает кусаться.

Произнося этот монолог, декан с каким-то особенным по энергии натиском запускает зубы в хлеб с куском колбасы и громко жует оторванный кусок мяса.

– Так, – говорит он, прихлебывая с ложки крепкий чай, – но за вас я огорчен и чуть-чуть успокоился только сейчас, увидев, что вы принимаете это без боли.

– О, нет, – спокойно отвечает Вергулев, – я вполне отдаю себе отчет в происходящем и не имею ни к ректору, ни к вам, ни, самое главное, к Глобусову никаких претензий. Другое дело, если бы мне сказали, что я должен передать чтение курса ну... Ну, например, нашему футболисту Брагину...

– Занятный мальчик, – говорит с улыбкой декан, – мне он нравится.

– Я тоже симпатизирую ему. Многообещающий юноша.

– Далеко пойдет! Недаром Глобусов его тянет. Я знаю Глобусова, – если он кому-нибудь покровительствует, значит по заслугам. Вы, конечно, знаете, что Брагина мы взяли по рекомендательному письму Глобусова?

– Я слышал. Мне Брагин как-то говорил, что он вообще близок к семье Глобусова.

– Родственник?

– Мне показалось, что нечто вроде воспитанника.

– А! Вообще, мальчишка мне очень нравится. И подумайте только, со школьной семьи, в первый раз начал сам работать со студентами, а отзывы уже имеет самые восторженные.

– Я искренне рад за него. И поэтому очень огорчаюсь, что он разменивается на футбол, спектакли, спорт... Всему должна быть своя мера. Нехорошо, когда у вас пугается впечатление, с кем вы имеете дело: с ассистентом по механике или инструктором по лыжному спорту. Наконец, это мешает его академической работе: ясно, что ему некогда готовиться к занятиям. Хорошо, что он любую задачу по механике решает с налёта в уме, но ведь налёт и ум – такие вещи, которые могут когда-нибудь подвести.

Эту тираду Вергулев произносит в явно благожелательном и дружески-снисходительном тоне: так, пожалуй, говорил бы отец о своем любимце сыне, чуть-чуть огорчающем своими детскими шалостями мудрого и требовательного родителя.

– Да, – кончает он, – лишь бы мальчик не скатился окончательно в физическую культуру! Этого я очень боюсь.

– В наше время, когда я был аркадским принцем, – серьезно говорил декан, наливая себе новый стакан и приглашая глазами Марью Владимировну поставить остывающий чайник под электрический ток, – в наше время было очень жесткое изречение: падающего толкни.

– Я слышал это иначе: падающего поддержи.

Студентки ВГУ в новом общежитии. 1939 год

– Ошибаетесь: падающего толкни. Ну так вот, если мальчик начал бы вдруг падать, мы с вами позаботимся, чтобы кто-нибудь не толкнул его.

– Безусловно. Я сейчас принимаю все меры к тому, чтобы убедить его переселиться из общежития на мою квартиру и очень прошу вас, если вы хотите ему добра, как-нибудь при случае посоветовать принять мое предложение. У меня ему будет очень удобно и тихо.

– С большим удовольствием, с наслаждением!

В это время в коридорах начинают трещать звонки, и мертвая тишина каменного мешка оглашается гулом нескольких сирен молодых голосов.

– Перерыв... – говорит, поднимаясь Вергулев. – С вашего разрешения я пошел. Благодарю вас за чай, за ваше хорошее отношение ко мне.

– Очень рад быть полезным, – отвечает декан и жмет руку Вергулева так крепко, что Вергулеву становится ясным, что декан в это пожатие вкладывает особый смысл, как бы договаривая без слов недосказанные слова сочувствия.

Первый, кого Вергулев встречает в коридоре, это ассистент Брагин. Молодой человек одет в спортивный костюм, и его лицо сияет так, как только может сиять лицо самого жизнерадостного юноши. Его каштановые чуть вьющиеся волосы капризно выбиваются из-под вязаной шапочки и красиво оттеняют здоровую краску щек. Его глаза смеются счастливым смехом человека, жизненный путь которого так легок, прекрасен и завиден, что можно голову прозакладывать, ручаясь, что нету в мире силы, способной омрачить этот чудесный путь.

– А мы только что говорили с деканом о вас, – приветливо говорит Вергулев, и в его глазах блестит что-то особенно теплое.

– Обо мне? Не пугайте! – смеясь, отвечает Брагин.

– Декан очень доволен вами.

– О! Здорово. Благодарю вас!

– Меня за что? Декан вас хвалил, я поддакивал, вот и все мое участие. А вы что собираетесь сейчас делать?

– Что? Знаете, вы застали меня врасплох с этим вопросом, – я и сам не знаю еще, что я хочу сейчас делать.

– Занятий у вас сейчас нет?

– Нет, сегодня я свободен.

– Тогда я хочу сделать вам заманчивое предложение: вот в этом портфеле хранится, говоря по секрету, два килограмма чудесной бараньей ноги.

– Люблю баранину.

– А я ее артистически готовлю. Предложение такое: вы отправляетесь со мной. В мое, так сказать,

скромное жилище и растапливаете печку, готовите посуду, накрываете на стол, а я тем временем священнодействую по превращению этого куска ноги в замечательно вкусное жаркое, которое мы подадим на стол с поджаренным, чуть-чуть хрустящим картофелем.

– Ой, это соблазнительно до того, что я готов на любое преступление. Скажите только, кого я должен убить за это, и ваше распоряжение будет выполнено в одну минуту.

– Очень рад, что вы согласны. Кроме того, исполнится мое искреннее желание, чтобы вы побывали у меня, – может быть, вам понравится, и вы примете мое предложение начать совместную жизнь двух принципиальных холостяков.

– Предложение принято, как пишут в протоколах, единогласно, – отвечает Брагин. – Но что касается принципиальных холостяков, то прошу исключить меня из числа кандидатов.

– Неужели вы уже собираетесь жениться?

– Я не собираюсь, но я по натуре сторонник семейной жизни. Правда, я не могу похвастаться, что рос в своей семье. Я рос исключительно в чужих семьях и, может быть, даже поэтому очень часто мечтаю о своей семье.

– А «она» – уже есть?

– Скорее всего – нет.

– Значит, все-таки есть?

– Нет... Та, на которой, я может быть, женился бы не пойдет за меня... А может быть, если бы и пошла, то сам я бы заколебался... Это, так сказать, дерево не по моему плечу.

– Наша, грачевская?

– Нет.

– А наши грачевские девушки нравятся вам?

– Я отвечу вам откровенно так: пока московские девушки мне нравятся больше. Но это, конечно, может и перемениться.

– Однако, – замечает Брагин, когда они, уже выйдя на улицу, начинают спускаться под гору, – я начинаю бояться, что мы шествуем в порядочные-таки трущобы.

– Во всяком случае, это только грачевские, а не петербургские трущобы. Все эти улочки до революции имели такие своеобразные, колоритные названия, что даже жалко, что теперь у них другие имена. Сейчас мы идем по Поповому рынку, а дальше пойдут Грачиный Лог, Большие ямки, Грязный переулок, Кукушкино Гнездо, Обдираловка...

– Воображаю, как это было приятно жить на Обдираловке, – вздыхает Брагин, – а особенно возвращаться домой ночью.

– Не знаю, я здесь раньше не жил, но в этой Обдираловке такие живописные халупки, так много зе-

лени, что летом жить там неплохо, – отвечает крайне мягко Вергулев.

Примерно через двадцать минут они подходят к полуразрушенным непогодой и временем каменным монастырским стенам. Там, где раньше были тяжелые дубовые ворота, теперь зияет сводчатая дыра, причем состояние свода такое, что Брагин считает нужным бросить:

– Это прямо ворота «Пронеси, Господи!»

– Не бойтесь, еще двадцать лет простоят.

– Бояться я не боюсь, но всё же приятнее видеть над головой небо, а не сыплющиеся на тебя кирпичи.

Монастырских построек сохранилось немного: стоит старая церковь, старый двухэтажный корпус, в котором раньше жили монахи, а сейчас – железнодорожные рабочие, несколько каменных сараев, большей частью без крыш и с открытыми дверями, два маленьких одноэтажных дома, в одном из которых живет Вергулев, вот и всё, что время и люди сэкономили в монастырской ограде. Несколько вдали от домов приютилось маленькое монастырское кладбище с покосившимися каменными памятниками, с остатками железных решеток. Ни одного деревянного креста нет – их давно сожгли. Целы, да и то очень условно, только могильные плиты, растрескавшиеся, сползшие в сторону. Ни на одной из них нельзя прочесть надписей: всё стерли и дожди, и солнце, и люди. Кто здесь спит – неизвестно никому.

Сейчас всё это занесено глубоким снегом, – метели бушевали несколько дней тому назад, – а летом здесь растёт бурьян, густой и чуть ли не в человеческий рост. В жилых домах монастыря растёт целая армия детей, но и это жизнерадостное поколение как-то инстинктивно обегает монастырскую усадьбу и все свои игры и побоища выносят за монастырскую ограду, точно чувствуют, что не здесь, не в царстве сна и разрушения надо набираться сил и разряжать свою кипучую энергию. Поэтому и летом, и зимой внутри ограды стоит какая-то торжественная тишина большого кладбища: надо быть действительно равнодушным к этой тишине отмирания, чтобы жить за этой оградой. Поэтому население монастырских домов меняется непрерывно: все, кто могут переменить квартиру, делают это с большим удовольствием и, раз уехав отсюда, не возвращаются больше никогда. Дыхание смерти сказывается здесь даже в том, что в усадьбе нет ни одного дерева, – прежде они когда-то были, но все приняли преждевременную кончину в печах замерзшего зимой окрестного населения, даже, наконец, в том, что на всю усадьбу нет ни одной собаки, ни одной кошки, без чего, как известно, в провинции не мо-

жет обойтись ни одно жильё. Люди, крысы, мыши, клопы, мухи и тараканы – вот и всё то живое, что можно найти в этом отмирающем уголке грачевских трущоб. И странным, на первый взгляд, неестественным явлением, обманом глаз, полным диссонансом является наличие нескольких проводов, по которым в жилые дома идет электрический ток для освещения и телефонная связь для радиоточек. Внешний вид всех построек ужасен: штукатурка давно отбилась, и красный кирпич далеко уже успел сделаться серым и грязным, оконные переплеты и стекла почернели от сырости и старости; три четверти окон не раскрывается круглый год, так как каждое прикосновение к ним угрожает тем, что деревянные части рассыпятся в порошок, а стекло без звона разобьется на тысячи пылинок, из которых ни одна не способна заиграть на солнце. Так же мрачны дверь, крыльцо, крыши, словом, все мрачно, все внушает искреннее желание бежать отсюда без оглядки.

Некоторым исключением, по закону «нет правил без исключения», является внутренняя часть флигеля, в котором живет Вергулев. Правда, и здесь окна заделаны железными решетками, правда, и здесь потолки низки, а печи громадны, но все-таки здесь как-то все сохранилось, спаслось от тлена: на стенах висят довольно целые обои, прикрытые большими картами, развешенными Вергулевым в тех местах, где обои чуточку сдавали, полы сохранили еще следы покраски, внутренние стороны окон и двери еще производят впечатление белых, а через окна можно видеть без опасения потерять на всю жизнь зрение.

Вергулев занимает три комнаты. В одной из них его кабинет и спальня, в другой – столовая с остатками сборной гостиной мебели; третья комната с окнами на разрушенную стену, за которой открывается панорама на реку и заречные луга, пустует и ее Вергулев и предлагает уступить ассистенту Брагину. Кроме этих трех комнат во флигеле находится кухня и еще одна комната с двумя входами: одним через кухню, а другим – со двора, с отдельным коридором. В этой комнате почти одновременно с Вергулевым поселился какой-то рабочий или грузчик – точно неизвестно, – по фамилии Губарев, – человек очень непопулярный в усадьбе: он живет нелюдимым, его часто неделями не бывает дома, он ни с кем не сходится, никто не видел, чтобы он с кем-нибудь первым заговорил. Если случайно его останавливали, он угрюмо опускал голову и смотрел в землю, отвечая грубо, отрывисто и сразу же уходил. Из окна его комнаты очень редко светил огонек и никогда на кухне Вергулева ничего не варилось и не жарилось

Заседание партбюро ВГУ. 1939 год

для стола этого нелюдима. Человек этот был примерно одного роста с Вергулевым, значит, рост его был выше среднего, на голове он носил целую шапку давно нечесанных черных волос, а все его лицо было закрыто бородой и усами. Борода была курчавая, грязная и росла всюду, где только может расти; свободными от волос на первое впечатление были только нос и глаза, цвета которых не видел никто и никогда: так упорно смотрели эти глаза вниз.

– Ну, как вы находите мое жилище? – весело спрашивает Вергулев, когда он и его гость, сняв верхнюю одежду, вошли в кабинет. – Если не особенно привлекательно снаружи, то внутри, честное слово, не плохо?

– Правда не плохо, – соглашается Брагин.

– Это моя рабочая комната. Как видите, довольно-таки скромно, но все необходимое к вашим услугам.

– У вас даже уютно.

– Очень рад слышать это. Пройдите теперь в комнату, в которой я очень хотел бы видеть вас ее хозяином.

И эта комната нравится Брагину.

– Подумайте хорошенько, – советует Вергулев, – и переезжайте.

– Переехать мне одна минута. Один чемодан и постель, вот и все мое имущество.

– Переселяйтесь, переходите, перевозите, переносите, выбирайте любой подходящий глагол, но доставьте мне удовольствие.

– Подумаем, – шутливо отвечает Брагин. – Конечно, – замечает он, – единственным недостатком

является дальность. Все-таки очень далеко от центра. Хоть бы трамвай ходил поблизости. Ну, двор поддулял... Хотя это мелочь, с которой можно помириться. А комната мне нравится. И вся ваша квартира произвела неплохое впечатление.

– Подумайте!

– Обязательно подумаю.

– Летом здесь очень хорошо.

– Летом-то я вообще не живу в городе. А зимой здесь можно неплохо жить.

– Печи исправные, топка требует мало, так что мерзнуть не будем. Сосед у нас единственный, но и того почти никогда не бывает дома.

– Да, это очень хорошо. Я боялся, что будет много хуже.

– Надо было раньше прийти, и мы бы уже жили вместе. Ну, не будем терять драгоценного времени. Прощу вас в кухню. Приступим к торжественному акту подготовки к пиршеству, которое надо сделать на славу.

Кухня тоже нравится Брагину. Словом, пока что Брагину нравится всё. Может быть, это объясняется его отличным настроением, а может быть, он достаточно вежлив для того, чтобы не высказать своего настоящего мнения в его неприкрытой наготе. Но что безусловно, безоговорочно нравится Брагину, так это его участие в приготовлении обеда. Он с искренним удовольствием колет дрова, растапливает печку, моет зелень, чистит картофель. Словом, принимает самое деятельное участие в помощи Вергулеву, священнодействующему за кухонным столом. Талант Вергулева по кулинарной части не подлежит

никакому сомнению: баранина обработана по всем правилам искусства, нашпигована розовым салом, посажена на железный лист и предоставлена власти огня. Одновременно готовится украинский борщ, препарируется для закуски селедка, режутся лук, соленые огурцы, появляются на тарелках маринованные грибы, словом, готовится пиршество на славу. Наконец, на угли ставится большой чайник, который закипает секунда в секунду именно тогда, когда надо заваривать чай.

И вот начинается пир. Хозяин и гость выпивают по стопке водки, закусывают ее селедкой и грибами и затем приходят к заключению, что полезно выпить еще по одной стопке. Малороссийский борщ с салом так вкусен, что оба гастронома съедают по две тарелки, причем в перерыве между тарелками выпивают еще по одной стопке водки. Затем на столе появляется баранина, прямо на железном листе, румяная, блестящая, плавающая в собственном соку, окруженная целым лесом божественно поджаренного картофеля. Трудно съесть весь кусок баранины, трудно съесть весь картофель, но и хозяин, и гость чуть-чуть набираются сил, и от баранины остается только одна кость. Послеобеденный чай оказывается весьма кстати. Надо выпить, по меньшей мере, по три стакана, чтобы почувствовать первое удовлетворение. Наконец, всё кончено. Молодые люди закуривают по папиросе и начинают полегонечку дремать в своих креслах. Уже давно стусились сумерки, но электричества зажигать еще не хочется. Хочется только подремать после такого сытного обеда. И они сидят, занятые каждый сам собой, и отдыхают.

Проходит не меньше часа, пока Брагину удается преодолеть оцепенение. Он встает, потягивается и говорит:

– Здорово... Как говорится: дай боже и завтра тоже...

– А это зависит только от вас. Переезжайте, и это может повторяться каждый день.

– Каждый день? Нельзя... После такого обеда вечер пропал. А я на сегодняшний вечер рассчитывал.

– Привыкнем, и другие вечера уже не пропадут.

– Привыкну ли я – не знаю, а сейчас у меня только одно желание: спать.

– Э, нет! – решительно протестует Вергулев, на лице которого не видно ни следа усталости, ни желания отдохнуть. – Вы такой дорогой гость, что ваш первый визит ко мне нельзя кончить так прозаически. Уснуть мы всегда успеем. А пока мы с вами разопьем бутылочку замечательного кавказского винца. Я вывез прошлый год несколько бутылок и

одну из них сберег на какой-нибудь исключительный вечер.

– Вы мне льстите, – отвечает Брагин, но по его голосу чувствуется, что ему очень приятно такое внимание.

Они переносят маленький круглый столик к ярко пылающей печке, около которой лежит большая охапка мелко нарубленных сухих дров и, поместившись лицом к огню, приступают к вечернему кайфу за стаканом вина. Электрическая лампа закрыта абажуром и почти не освещает уголок у печки. Кроме вина, достаточно крепкого и хмельного, – Брагин от него постепенно пьянеет все больше и больше, – на столике лежит пачка фабричного бисквита.

– Мне у вас всё больше начинает нравиться, – говорит растроганно Брагин, – честное слово, у вас хорошо. И вы, по всем признакам, парень славный. Извините, что я вас так называю, но в университете вы производили впечатление более сухого человека. Вы правы: что такое лишний километр! Если бы не ночь, то я сейчас бы сходил за чемоданом и постелью и переселился бы к вам.

– Переселитесь завтра, и мы прекрасно проживем. Я не сомневаюсь, что мы с вами сойдемся характерами.

– Скажите вы мне только одно: сколько вы зарабатываете? Я это спрашиваю только потому, что если подсчитать, то наш съеденный обед стоит по меньшей мере половину моей месячной зарплаты. Вы человек богатый.

– О, далеко не богатый, – кроме университета я нигде не работаю, а сегодняшний обед не в счет: мясо я получил со склада по твердым ценам, а все остальное не так уж дорого.

– А я думал уже, не зарезали ль вы какого-нибудь кассира, – шутит Брагин и сам смеется над своей шуткой.

– Пока еще не зарезал, случая не было, – в тон отвечает Вергулев. – Как вино? Нравится вам?

– Я плохой судья, так как в винах ничего не понимаю. Пью, – оно мне нравится, вот и все, что я знаю.

– Будем пить. Есть еще бутылочка. Давайте чокнемся.

– За что бы нам выпить?

– За ваше решение переехать ко мне на жительство.

– Согласен. Итак, за нашу будущую совместную жизнь!

– За нашу будущую совместную жизнь, – поддерживает Вергулев.

Брагин выпивает залпом полный стакан вина, и Вергулев не может удержаться от улыбки при виде

такого варварского обращения с драгоценным напитком, который в руках знатока был бы использован значительно по-другому.

– Смотрю я на вас, – говорит задумчиво Вергулев, – и думаю: вот вы, талантливый молодой человек, вас оставляли при Московском – при Московском! – университете, и вдруг вы едете в провинцию, в наш маленький университет. Что вас заставило решиться на такой шаг?

– Что? – чуть заплетающимся языком спрашивает Брагин. – Что?.. Нет, пока я не могу вам этого сказать... Позже, когда мы поближе сойдемся, я, может быть, и скажу, а пока я ничего не скажу... Позвольте мне только узнать, почему вы такого плохого мнения о Грачевском университете? Мне он очень нравится. Хороший университет.

– Но ведь Московский лучше?

– Лучше.

– Если бы я мог работать в Московском университете, я бы отдал за это десять самых лучших лет моей жизни.

– Неужели? Вот странно, – искренне удивляется Брагин. – Чем же вам здесь плохо?

– Если говорить серьезно, то мне здесь плохо. Почему? – я, так же как и вы, пока не могу вам сказать, но если бы мне можно было уйти отсюда, я ушел бы. Даже сегодня я получил большое, горькое оскорбление, получил его неожиданно, так сказать, из-за спины, и я должен был его пережить, должен был сделать вид, что я очень равнодушен... Да... Скажите, вы хорошо знаете профессора Глобусова?

– Еще бы. Я так сказать, живу и купаюсь в лучах его величия. Я его протеже, – кажется, есть такое слово?

– Расскажите мне о нем что-нибудь.

– Бросьте, успеете узнать. Приедет, увидите, узнаете.

– Однако, – смеется Вергулев, – вы человек довольно-таки скрытный, вы отказываетесь ответить мне на второй вопрос.

– Ничего подобного. Просто я опьянел, и у меня сейчас язык такой тяжелый, что нет никакого настроения говорить о таких высоких материях, как Глобусов. Вот если бы вас интересовал спорт, то я смог бы рассказать вам с большим удовольствием много интересного...

– Спортом я интересуюсь мало.

– Напрасно. Спортом надо интересоваться прежде всего и раньше всего.

– Вы своеобразный молодой человек: выбрали, и я думаю по призванию, научную работу и совершенно ничего не хотите писать и вместо того, чтобы писать, писать и писать, занимаетесь лыжами, коньками и читаете, как говорят, увлекательные лекции по футболу. Скажите, написали ль вы хоть строчку?

– Написал и не одну.

– Наконец-то мне легче стало! Но где эти ваши строчки? Почему о них никто не знает?

– Где они? – Брагин вынимает из бокового кармана пиджака толстую записную книжку в коленкором переплете, – вот они, эти строчки, мои математические этюдики... Много интересного здесь можно найти, очень много...

– Разрешите взглянуть, – просто спрашивает Вергулев и даже неосторожно протягивает руку.

Но сильно захмелевший Брагин не замечает этого и рассеянно смотрит в свой пустой карман, крепко держа книжку в правой руке.

– Я говорю, – повторяет Вергулев, – разрешите посмотреть вашу книжку.

– Обыкновенная рублевая книжка, издание ленинградской фабрики, в клеточку и на неважной бумаге, – отвечает Брагин и прячет книжку в карман. – Ну а почему никто не знает о моих этюдах, то на это я и не знаю что сказать. Думаю, что когда-нибудь кто-нибудь узнает. А занятных вещей в ней порядочно...

Вергулев молча наполняет пустой стакан собеседника, для чего предварительно откупоривает вторую бутылку еще более хмельного вина. Брагин берет в руки стакан и почти совсем заплетающимся языком говорит:

– Пью за здоровье некоей девушки.

– Не имею счастья знать ее, но охотно присоединяюсь к вашему тосту, – они чокаются, – и желаю, чтобы эта девушка почувствовала, что мы сейчас пьем за ее здоровье.

– О, нет, пусть лучше не чувствует! Пусть лучше думает, что я о ней ни разу не вспомнил. Ну, что же, скажем прямо, я уже вдребезги пьян. Если бы вы мне разрешили, то я с большим бы удовольствием перешел на горизонтальное положение.

– С большим удовольствием помогу вам устроиться на ночь, – отвечает Вергулев, и с его поддержкой Брагин медленно шествует к дивану, на который валится, точно подрезанный.

Через минуту он уже спит крепким, пьяным сном.

ПОЛИНА ПЕРЕВЕРЗЕВА

Валерия Колесникова: «ДУХОВНОСТЬ ЕЩЁ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ»

Осваивать профессию преподавателя – дело неблагодарное и трудное, но у Валерии Вячеславовны Колесниковой это получилось: студенты отмечают её отзывчивость, коллеги – умелое сочетание строгости и мягкости в работе.

Звонок в декабре 2016 года оказался неожиданным – Владимир Васильевич Тулупов, декан факультета журналистики, предложил нашей героине должность заведующей кафедрой телевизионной и радиожурналистики (с сентября 2019 года – кафедра электронных СМИ и речевых коммуникаций). На тот момент у Колесниковой была достойная должность редактора в РИА «Воронеж» и всё вроде бы устраивало: совмещение основной работы с преподаванием в вузе, обязанности мамы двоих детей...

Но после некоторых раздумий Валерия Вячеславовна согласилась – факультет всегда занимал особое место в её жизни и судьбе.

Впрочем, обо всем по порядку.

«ИЗ КАКОЙ ВЫ ШКОЛЫ?»

Меред Валерией стоял трудный выбор – поступать на театральный факультет воронежского Института искусств или на факультет журналистики ВГУ. Для поступления в ВГУ были преимущества: досрочно, в мае, когда Валерия посещала воскресную школу журналистики, которой руководила замечательный преподаватель Эмма Афанасьевна Худякова, был проведен творческий конкурс для поступления на журфак. Так, еще не выпустившись из школы, наша героиня узнала, что один экзамен ею сдан на «отлично». (Всего их было четыре.)

Учительница русского языка и литературы воронежской школы № 67 Татьяна Григорьевна Соколова так подготовила свой класс, что все ребята, поступавшие на гуманитарные специальности, с успехом сдали экзамены. В том числе и Валерия.

– Вступительные экзамены сдавать было легко: по всем «отлично». Меня и моих одноклассников спрашивали: из какой вы школы, где так хорошо учат? А школа самая обычная – шестьдесят седьмая, на левом берегу. Просто учитель была от Бога.

ВРЕМЯ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

– Решила поступать в аспирантуру, раз пока не получается трудоустроиться, – после окончания факультета Валерия столкнулась с трудностями, которые испытывают многие выпускники: куда пойти работать?

Через некоторое время удалось получить первое официальное место – в небольшой газете «Автоподиум». Валерия была одновременно журналистом и корректором. Но реализовать хотелось в своем профиле – радио и телевидение. Все пять лет обучения Колесникова практиковалась на радио

ГТРК «Воронеж». Через полгода после окончания вуза Валерии позвонила куратор практики на ГТРК Надежда Александровна Роговская и предложила новоиспечённой аспирантке занять должность журналиста на воронежской радиостанции «Маяк-24».

Это был крупный холдинг в Воронеже, который совмещал вещание на радио и телевидении – своего рода конвергентная редакция. Журналисты выходили в эфир на 25-м телеканале (перекрывая федеральный канал «НТВ») и вели информационные программы на радио.

Шесть лет Валерия Колесникова проработала в качестве старшего редактора отдела культуры: помимо новостных материалов на телевидении вела авторскую радиопрограмму «Беседы о словесности», посвященную русскому языку и литературе. Но вскоре приняла решение попробовать что-то новое.

Её позвали на собеседование в Москву – выпускающим редактором на федеральный телеканал «Культура». Но с работы не отпустили – в канун Нового года было много обязательств перед своей телерадиокомпанией.

После январских праздников Колесникова уволилась – для стажировки на «Культуре»: хоть работа и упущена, но опыт – никогда не лишней.

Затем было возвращение в Воронеж и должность редактора службы информации на «41-м канале» («ТВ Центр»). Повод покинуть телекомпанию был уважительный – декретный отпуск.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПУТЬ

Телевизионные дисциплины, которые Валерия Вячеславовна преподаёт студентам журфака (в том числе «Основы сценарного дела», «Основы телережиссуры»), она много раз отработывала на собственной практике. Так, для телепроекта «По Бунинским местам» требовался качественный сценарий и толковый корреспондент: в Россию приезжал Рене Герра, французский исследователь русской литературы, которого интересовало творчество русских эмигрантов. Работать над проектом доверили Валерии.

– Благодаря Рене Герра нашей телекомпании разрешили снимать в доме, где родился Иван Алексеевич Бунин, – вспоминает Колесникова. – Наша съемочная группа была первой, кто снимал дом изнутри. Мы ездили следом за Рене Герра: снимали во всех памятных местах не только Воронежа, но и Ельца, куда семья Бунина переехала, когда писателю исполнилось три года. В конечном счете получился большой цикл. Жалко, что с переходом на «цифру»

Валерия Вячеславовна Колесникова

многие плёночные материалы не сохранились. Даже не знаю, осталась ли плёнка с этим проектом в архивах телеканала...

«На полке» остался и незаконченный телепроект о воронежском цирке: в эфир вышел только телеочерк про тогдашнего директора – Бориса Константиновича Бирюкова. История его жизни заслуживала внимания: он был знаменитым дрессировщиком, работал вместе с легендарной артисткой цирка Ириной Бугримовой.

На радио больше года шла еженедельная программа «Цирк моего детства»: каждую неделю Валерия приезжала к Борису Константиновичу в цирк, и директор рассказывал об известных артистах: истории их жизни, байки, воспоминания о значимых событиях. Радиопрограмма была в том числе познавательной: каждый слушатель, отвечавший на вопросы директора, получал в подарок билеты на цирковые представления.

Надежда на продолжение телецикла сегодня не отпускает Колесникову.

Воссоздать детальный портрет героя – соединить его внешний и внутренний мир в единый цельный образ – тяжелый труд, особенно если он посвящен одному из главных в жизни учителей.

В. В. Колесникова
с дочками Полиной и Лизой

К 75-летию профессора Льва Ефремовича Кройчика удалось создать полноценный телевизионный портретный очерк – фильм «Мастер и...». Волнующий момент, вспоминает Валерия Вячеславовна, – отзывы семьи и самого героя.

– Для меня дорого то, что родные Льва Ефремовича благосклонно приняли эту работу – чем смогла, тем и отблагодарила учителя.

«ДОСТОЕВСКИЙ ВЫБРАЛ МЕНЯ»

Профессор Лев Ефремович Кройчик, легенда факультета журналистики и ВГУ, во многом повлиял и на судьбу Валерии Колесниковой. Кройчик был её учителем, наставником, научным руководителем. Сотрудничество началось ещё в студенчестве Колесниковой – на третьем году обучения, когда Лев Ефремович вёл на их курсе русскую литературу. После семинара профессор подошел к Валерии и спросил, не хочет ли та писать у него курсовую работу?

– Это было предложение, от которого невозможно отказаться, – улыбается Валерия Вячеславовна, – помню, летала от радости по коридору. После

окончания учёбы поступило еще более значимое предложение от Льва Ефремовича: пойдешь в аспирантуру? Тут оставалось только отшутиться: «Как же я могу без Вашего приглашения?»

Приглашение не заставило себя ждать, и Валерия продолжила свой путь на факультете: аспирантура и педагогическая деятельность. Серьезный научный труд – кандидатская диссертация по публицистике Ф. М. Достоевского, и руководитель – профессор Кройчик.

– Такое ощущение, что Достоевский выбрал меня, – размышляет сегодня Валерия Вячеславовна. – Ещё на вступительном экзамене мне на сочинении попала цитата, косвенно связанная с «Преступлением и наказанием», – и я писала сочинение по этому роману. Лев Ефремович заметил, что произведения Достоевского вызывают у меня интерес, и предложил написать сначала курсовую работу по Достоевскому. Потом была диссертация, где мы решили оспорить, что «Дневник писателя» – это моножурнал, и доказали, что это – литературное обозрение.

ЖУРНАЛИСТ И ЧИНОВНИК

Работе в департаменте связи и массовых коммуникаций правительства Воронежской области были посвящены три года жизни Колесниковой. Решиться на это было трудно, вспоминает Валерия Вячеславовна:

– После собеседования обсудила всё с родственниками. К тому времени ещё совсем маленькой была вторая дочка. Да и не была я уверена, что смогу на должном уровне взаимодействовать с чиновниками – всё-таки это не совсем, точнее совсем не творчество. Но в итоге приняла решение попробовать. И эта работа тоже оказалась колоссальным опытом.

Мария Андреева, журналист и руководитель регионального отделения Гильдии межэтнической журналистики, полагает, что с этой работой Валерия Колесникова справилась достойно:

– Отношения государственных органов и журналистов – дело всегда непростое, и здесь нужно уметь всё грамотно выстроить. Неслучайно для такого рода занятий выбрали Валерию Вячеславовну, человека дипломатичного. Это ценное качество вызывало доверие – ей поручали регулировать напряженные моменты, выходить из так называемых «горячих точек».

Но в итоге стало понятно: чиновничество – не профиль Колесниковой. Однако среди рутинной бумажной работы, бесконечных пресс-релизов, в промежутках между организацией Воронежского от-

крытого медиафорума и ограниченным свободным временем был проект, который надолго стал поводом для гордости: отдел, которым руководила Колесникова, получил-таки нулевую арендную ставку для киосков прессы. Этот шаг стал уникальным – Воронеж был отмечен на федеральном уровне.

«Я ПИШУ В МАРШРУТКАХ»

Желание писать прозу и стихи не проснулось в одночасье – Валерия писала всегда, сколько себя помнит. В детстве было много стихов, а в студенческие годы началась работа над прозой – рассказами и эссе. Изначально – для души.

Материнство подтолкнуло к созданию детских книг: вместе с дочками были созданы сборники, которые презентовал книжный магазин «Амитель» – «Апельсиновые чудеса» в 2017 году и «Рождество для принцессы Лизы» в 2018-м. «Рождество...» – по жанру полусказочную повесть – Валерия создавала совместно с младшей дочкой: текст – мамы, иллюстрации – ребенка.

2017-й и 2018-й годы стали особенными в писательской биографии Валерии – не только благодаря детским книгам. Рассказ «Ахиллы» появился на страницах белорусского литературного журнала «Метаморфозы», а «Очки» опубликовал столичный журнал «Смена».

Затем появилась зарисовка-миниатюра «Листопадных дел мастер». Литературный сотрудник журнала «Урал» Валерий Исхаков оценил рассказик и попросил прислать что-нибудь еще – так в сентябре 2019 года рассказы Колесниковой были опубликованы в одном из лучших литературных изданий России.

Лето того же года – «благодатное время для себя и для творчества», по выражению Колесниковой, – принесло не менее значимую победу: повесть «Верочка» была отмечена литературным жюри, а Колесникова стала лауреатом VI Международного литературного конкурса на соискание премии имени Александра Куприна. В декабре 2019-го произведение публикует крымский литературный журнал «Белая скала». Повесть, по словам автора, стала знаковой, захотелось работать дальше в этом направлении.

– Можно было найти время на что-то другое, – говорит Валерия Вячеславовна, – но когда видишь, что твои рассказы печатают, то начинаешь понимать: наверное, всё не зря. Надо продолжать.

Работа и семья занимают всё время. На вопрос: «Когда успеваете писать?» – неожиданное признание:

– Большинство произведений созданы в маршрутках, по пути на работу. Мне жалко бесцельно терять время.

На презентации книги «Апельсиновые чудеса»

С дипломницами
Яной Семёновой (слева)
и Анастасией Денисовой.
2019 год

В произведениях Валерии Колесниковой важный посыл: надо оглянуться, посмотреть вокруг себя – мир больше, чем мы сами. И всегда найдётся тот, кому нужно протянуть руку.

Почти готово очередное произведение. Название – пока в тайне, но известно, что это придуманная история про жизнь циркового артиста.

Будем ждать.

ПРО ТВ-БУДУЩЕЕ

– Будущее российского телевидения за людьми читающими и думающими, в том числе за студентами факультета журналистики, – уверена Валерия Колесникова.

Чтобы привить своим студентам вкус к профессиональной работе, Валерия Вячеславовна регулярно показывает фильмы Леонида Парфёнова – «гуру журналистики», как она его называет. Проекты которого, уверена Колесникова, по-настоящему живые.

– Сейчас все хвалят Юрия Дудя. Но его проект «вДудь» мне не близок – я считаю, что к собеседникам надо относиться уважительно. В то же время его последние проекты точно заслуживают внимания – «Беслан», «Колыма».

Из документалистики преподаватель особенно выделяет фильмы Виталия Манского:

– Документалистика однозначно интереснее новостных сюжетов. И счастливы те авторы, которые могут воссоздавать жизнь на экране.

Если говорить о современном состоянии телевидения, то преподавателя тележурналистики Колесникову оно удручает. В первую очередь своей содержательной стороной.

– Содержательная сторона контента вызывает грусть. Телевизионщики незаметно возвращают общество потребителей, для которых важнее комфортно существовать, нежели осмыслить себя в этом мире. Предназначение человека в другом – духовность ещё никто не отменял.

Новый год на журфаке.
С деканом
Владимиром Тулуповым
и студентами.
2018 год

ЛИСТОПАДНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Дворник Листопадов регулярно убирает мощные листопады и едва уловимые листопадики своей специальной листопадной граблей и аккуратненько сметает их в черный мешок для листопадных листьев. Прохожий, бывало, назовет этот мешок обычным мешком для грязного и вонючего дворового мусора. Но данное определение сильно огорчает дворника Листопадова, ибо нет ничего, по его мнению, более обворожительного, чем падающие в мусорный пакет листопадные листья. Вы могли бы подумать, так, невзначай, что Листопадов потому и Листопадов, что вся его жизнь завязана с листопадными листьями.

– Эх, если б это действительно могло быть так! – восклицает с явным сожалением Листопадов.

Эх, если бы это действительно могло быть так, вторит он где-то в глубине самого себя.

Листопадные листья всегда соглашаются со своим покровителем, ибо они послушны от природы. Старые листья стареют, появляются новые, еще зеленые листики, но уже и они знают о покровительстве Листопадова и что он здесь главный!

– Разве для вас не мэр главный, – с надменной улыбкой обращается к листопадам проходящий мимо чиновник. – Именно по его велению вы собираетесь в организованные кучки, а не болтаетесь в одиночку в грязных лужах. Разве не мэр?!

– У вас мэр, – раздаются отовсюду разрозненные, дрожащие от холода осенние голоса листьев. – А у нас главный – Листопадов.

Без лишних подробностей отвечают листья. Другие, коих большинство, вообще помалкивают, потому как неболтливы в сущности.

– Говорящих листьев в природе не бывает! – бросает вслед дерзким листьям чиновник и шагает себе дальше.

Листопадов не возражает. Некогда ему, листопадных дел мастеру, пререкаться и противоречить. Вон сколько листьев надо собрать по всему свету! Листьев, их больше, чем каких-то проходящих мимо. Со всяким остановишься, поспоришь, и разлетятся шуршащие разноцветные кораблики по всей округе – и не догнать, не собрать. И листья тоже это знают, а потому слушаются Листопадова беспрекословно. Иногда, изредка попросятся в особые кучки, мол, я тут сын-дочь, родня какая, положи ты нас, милый Листопадов, в один мешок. Листопадов соглашается.

– Конечно, – говорит он мягким голосом, – соберу вас в одну кучку, семья – это ячейка общества!

Листопадов – доброй души листопадный дворник, уж если о листьях так заботится, чего уж говорить о людях и животных, подумаете вы. Ан нет. Заботиться он вполне бы готов, но не обо всех, ибо и в кругах животных есть недоброжелатели листопадов. Возьмем собаку, с небрежностью разрывающую ворох осенних листьев или, простите, наглым манером исправляющую нужду на великие труды Листопадова. Как тут возлюбить? Вот вам и загвоздка, ибо никак, при всем уважении к братьям меньшим, никак не получается даже у него, у Листопадова. Об остальных умолчим тем более.

Но если говорить в целом, обобщенно, то Листопадов миролюбив до невозможности, до беспредельности кроткого человека. А как иначе – мировоззрение формирует личность, а мировоззрение Листопадова всем мировоззрениям из примеров

пример. Прочитал он когда-то в детстве, а может и кто под диктовку ему прочитал тогда, Антуана де Сента Экзюпери про уборку планеты, втемяшилось это в его детскую голову – не выбить! С тех пор и пошел Листопадов убирать свои листья, тем более фамилия обязывала.

ОЧКИ

Сегодня мне, прекрасно отдохнувшему на Крымском побережье, загоревшему и вполне счастливому тридцатилетнему парню, позвонила родная тетка и обычным голосом произнесла:

– Привет, Костян. Вернулся? А только что умерла твоя бабушка (кстати, ее мать и моего отца тоже). Она знала, что ты вот-вот должен приехать. Ждала. А потом я ненадолго ушла в магазин и увидела ее уже на полу...

Я положил продолжавшую невыносимый монолог трубку и тотчас решил поехать к бабушке. Увидеть ее в последний раз. Но сразу поехать я не смог физически. Я очутился на мокром от разбитой кружки полу. Больше всего на свете мне хотелось, чтоб она мне каким-то образом ответила, как в детстве, когда я просыпался от ночного кошмара или пугался темноты: «Я здесь! Не плачь, мой хороший». И зловецкий мир в это же мгновение освещался ее теплым, скрипучим и умиротворяющим голосом. «Бабушка, – шептал я и в этот раз. – Милая бабушка! Только скажи, что ты здесь, дай знать, что мир не конечен, что ты слышишь меня, что ты где-то совсем рядом». Но больше бабушка не отвечала. И вселенная молчала тоже.

В пустой комнате с выставленной теткой на ветхую тумбочку фотографии улыбался мне самый дорогой человек, и горела свеча. Да, у меня были мама и отец, любимые и обожаемые, но бабушка есть бабушка, это надо понимать. Невольно я опустился на колени и закрыл ладонями лицо. Под ногами оказались треснувшие бабушкины очки в старой оправе, никем не замеченные. Самая дорогая реликвия из найденных мной в доме. Остальное тетка, вероятно, успела вышвырнуть вон. Я положил очки в карман и навсегда попрощался с комнатой, согревавшей меня столько долгих лет, комнатой, где чай с вареньем казался лечебным, а бабушкины шершавые руки волшебными...

– И всего-то? – с высокомерием заметите вы. – Всего-то одну книжку прочитал и стал Листопадным навеки вечные? Выдумка это все!

– Ха-ха, – ответит вам дворник Листопадов.

– Ха-ха, – прошуршат опавшие листопадные листья.

Мне шестнадцать лет, я получил в подарок долгожданный кассетный плеер! Он был весь беленький-беленький, новенький и «ваще предел всех мечт». Я клянчил его у родителей целый год, и вот, сбылось. Комната, в которой я обитал, сразу наполнилась любимыми мелодиями. Особый кайф был в том, что это никто-кроме-меня-не-слышал! Я ритмично дергался часами – в такт музыке, переставлял затертые кассеты и «однозначно балдел». Бабушку мое вихляние, скорее, забавляло, к новинкам она обычно относилась спокойно, но неожиданно для меня вдруг запросила послушать эту штучку.

– Вот так помру и не узнаю, что такое плеер, – шутила моя бабуля.

Она была грузной и неуклюжей, поэтому я с целью сохранности техники уложил бабушку на диван, надел на нее свои наушники, а сам плеер положил прямо на живот... Но просчитался. Бабуля заулыбалась музыке, решила немного повернуться, и злосчастный плеер соскользнул прямо на пол. Плавнo так соскользнул, без причинения ему вреда. Но нас с бабушкой охватил обоюдный испуг, а я, подрощенный недоумок, еще посмел и накричать на нее: замечу, я был в таком гневе впервые. Потом, конечно, мы помирились. Плеер оказался целым и невредимым, а я всю жизнь чувствовал себя виноватым за этот предательский крик. «Идиот, – ругал себя я, – как я посмел на нее разозлиться, ведь если бы ни бабушка, то не видать мне этого плеера как своих ушей. Она уговорила родителей его купить, да и вообще, она дала жизнь моему отцу. И если бы не было ее, не было бы даже меня, не то что плеера». Это воспоминание мне и сейчас не давало покоя. Сколько я бы отдал плееров, машин, квартир, да что квартир, своих лет жизни, чтобы она еще пожила...

Мне всего восемь лет, и я окончил первый класс. Бабушка на лето всегда уезжала в деревню,

куда по возможности забирала и меня. Мне совсем не нравилась эта глухомань, зато пленила мысль о совместной жизни с бабулей при отсутствии родительского контроля. Я спал, сколько хотел, гулял, сколько вздумается, ел только то, что нравилось: бабуля безупречно варила красный свекольный борщ, пекла пирожки с вишней и жарила картошку. Вечерами мы гуляли вместе. Бабушка освобождалась от дневных забот, и мы бродили вдоль березовой, уходящей в лес аллеи с нашим верным псом Леликом, которого я подарил бабушке. Нельзя сказать, что бабуля мечтала о собаке. Но принесенного мной с улицы белого и веселого щенка она, к моему удивлению, оставила. Мне в тот момент показалось, что бабушка обрадовалась Лелику, и лишь теперь я понимаю, что это было желание угодить мне, любимому внуку. Она – единственная, кто любил меня таким, какой я есть, просто за то, что я есть. Родители воспитывали, друзья испытывали и проверяли, возлюбленные оценивали, а бабушкина любовь была выше и сильнее, ибо в ней было какое-то вселенское добро и милосердие, которое особым образом преломлялось и на меня...

Вагоновожатый позволил мне в этот печальный день не платить за восьмичасовое катание в трамвае. Он только изредка поглядывал на меня через боковое зеркало. Я, не отрывая глаз от окна, с пригорбим смотрел на мелькающие лица прохожих и завидовал их беспечности. Мне никогда не быть таким, как прежде, ни-ког-да... Потускневшим от горя вечером я поблагодарил уезжавшего в депо водителя трамвая и протянул ему руку.

– Я здесь давно работаю, – сказал мне вагоновожатый, – но впервые вижу такого несчастного пассажира. Все будет хорошо.

Нашу начавшуюся беседу нарушил резкий звонок мобильного телефона. Я нехотя взял трубку.

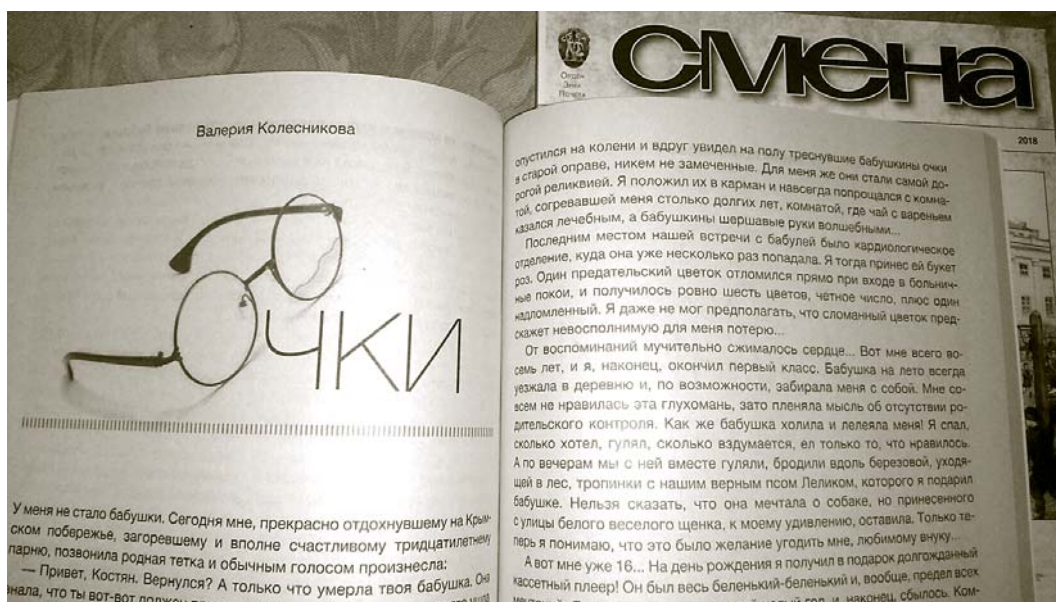
– Вы Константин?

– Возможно.

– Вас беспокоят из морга. Вы только не волнуйтесь. То, что случилось сегодня...

– Не могли бы вы по возможности сократить вашу речь. Я очень плохо соображаю.

– Простите, мне надо было начать с главного. Ваша бабушка жива. Она пока в реанимации, но уже ждет вас и просит привезти ей очки.

ТВОРЧЕСТВО

БЕСЕДА С МАРИНОЙ СЕНЦОВОЙ

«РАНЬШЕ Я ДУМАЛА, ЧТО ПИСАТЬ РОМАНЫ – НИЖЕ МОЕГО ДОСТОИНСТВА»

Марина Валентиновна Сенцова – профессор, доктор юридических наук. Она преподает в ВГУ финансовое и налоговое право на юридическом факультете. Если случайно ее встретить на просторах университета, то можно сразу понять, что эта женщина – огонёк. Огонёк, который зажжет любого, кто начнет с ней общение или кто будет просто стоять рядом и смотреть на нее.

Казалось бы, зачем что-то менять в своей жизни, когда и так все идет хорошо? Когда многого добился в жизни и можно просто плавно плыть по течению – все равно приплывешь к нужному берегу. Но это не про нее. Для этой женщины так было бы слишком просто.

– Как вы пришли к тому, что начали писать?

– Вообще, я начала писать еще в студенческие годы. Это, правда, было что-то непонятное, и я быстро забросила. После университета я работала адвокатом и была заведующей юридической фирмой в Курской области. Тут из зала суда я начала писать маленькие курьезные «рассказики» наподобие того, как люди смешно делили имущество. Потом я не писала и взялась за это только в 2007 году.

Позже со мной произошел один интересный случай. Как-то раз мы с моей коллегой поехали в Москву к ее подруге. И тут та говорит, что во дворе есть институт восточной медицины, где сидит одна казахская шаманка, она якобы «специалист» по здоровью, всё может рассказать. Я ради интереса пришла к ней, но сказала, что ничего про здоровье знать не хочу. А она мне говорит: «Хорошо, могу тебе сказать то, что ты обязательно будешь писать!» А я вообще этому не удивилась, так как я тогда уже писала монографии. А она мне говорит: «Это все не то. Ты будешь писать романы». Я как-то сначала опешила. Какие романы? Это ниже моего достоинства. У меня же наука!

Тогда пришел ужасный для меня 2008 год. Умерла моя собака. Я это очень тяжело переживала и снова взялась писать рассказы. Мне помогала моя подруга, которая меня стимулировала. Меня опубликовали в нашем журнале «Подъем». Позже я еще несколько раз бросала писать, потом снова начинала. В 2016 году я вспомнила свою подругу, которая мне когда-то говорила: «Ну почему тебе бы не написать роман о высшей школе? Ты же все о ней знаешь». И я понимала, что да, я могу написать, но о чем именно?

Я долго не могла построить какую-либо концепцию. Мне буквально пришлось учиться писать романы. Это заняло у меня целый год. Потом мне посоветовали сделать «раскадровку» романа. В итоге я уложились в 34 месяца.

Еще я сделала одну важную вещь. Сначала я взяла лист бумаги и написала название: «Хранитель». Взяла книгу и этой бумагой обложила. Получилось якобы моя книга, и я ее положила на видное место. Для чего? Да чтобы проекция уже существовала. Я визуализировала книгу. Сказала себе, что она уже существует, я часто смотрела на нее, открывала

и думала: «Вот тут будет глава „Огненный конь“». Так и получилось. Проекция эта работает в космосе, только надо ее оживить.

– **У вас были какие-то сомнения?**

– Да, я всегда сомневалась в себе. Я писала каждый день не меньше четырех часов, а то и шести. Приходила с работы и в половине десятого садилась писать до двух ночи. Позже я думала, что же я буду делать с этим романом? Его же надо опубликовать. Я обзвонила все московские издательства. Нашла несколько, куда мне очень хотелось попасть. Но они говорили: «Подавайте рукопись, будет рассматриваться полгода». Меня это не устраивало, конечно. Я очень волновалась. В итоге я поняла, что мысли, доминирующие в сознании, притягивают нужных людей и обстоятельства. И я притянула то, что мне надо.

К нам на кафедру как-то пришли две девушки из издательства «Проспект». Они хотели что-нибудь опубликовать, так как наша кафедра была известная. И тут я спросила у них, публикуют ли они художественную литературу. Позже одна поехала с моей рукописью в Москву, а оттуда позвонила мне и сказала, что будут публиковать. Так и вышел в свет мой роман. Сейчас книга живет своей жизнью, и что с ней будет дальше – никому неизвестно.

– **О чем ваша книга?**

– Тема моей книги – призвание человека. Об этом можно говорить с детства. Когда высвечиваются первые всплески того, для чего ты рожден. Начинают идти такие «свечки» из тебя: во что ты любишь играть, что любишь делать. Потом появляется студенческая среда. К тридцати годам человек обычно полностью понимает, чего он хочет. В книге описан сначала период детства, потом юности. Появляется любовь. Дальше моей героине даются разные проблемы, которые она как-то решает. Она приходит в университет, в аспирантуру, тут у нее начинается некое непонимание этой среды, где все всё знают и помалкивают. Ее честность и открытость мешают в том мире, где не нужно ей это выражать. Позже появляются проблемы высшей школы, она улетает в Америку. Здесь появляется картинка Америки из детства. Отсюда и возникает смысл моей книги. Я пишу о том, что всякого человека ведет жизнь. Но люди, особенно в молодости, не замечают того, что его ведут с самого начала. Осознание этого приходит лишь к двадцати-двадцати пяти годам. Но когда ты уже прошел какой-то путь и имеешь позади себя историю, ты оглядываешься и говоришь: «Боже, да когда мне было восемнадцать лет, это уже было. Это были знаки судьбы, которые меня вели.

То есть это уже позже начинает происходить понимание того, что твоя жизнь – это какая-то вязь и все тут взаимосвязано.

Так вот, моя героиня возвращается и понимает, что нужно работать, пишет докторскую диссертацию. Потом появляется противоположная личность, и далее все закручивается... Словом, нужно читать, вникать.

– **Как вы считаете, судьба predetermined и ее надо просто найти или каждый кузнец своему счастью?**

– Судьба predetermined, но каждый кузнец своему счастью. Моя концепция не расходится с христианской концепцией. Вот судьба дается человеку кем? Богом. Родился – на тебя уже есть замысел, об этом говорят многие религии и изотерические науки. Нужно распознать, для чего родился. Если не распознаешь, не почувствуешь, то будешь всюду лезть. Вот идешь ты по жизни, женился из жалости. Долго не прожили. Ты расстроился и запил. Что ты сделал? Пошел вниз, в грех. Но это не от Бога, а знаем от кого. Когда скатываемся в грех – это наш выбор, можно было туда пойти, а можно было и не пойти. Но возможно возвратиться и встать на свою линию. Можно второй раз скатиться, в блуд уйти. Мы все туда скатываемся. Без греха нельзя познать что-то светлое. Но если всю жизнь не выходишь оттуда, то судьбу «профукал». Поэтому судьба predetermined, но ты – кузнец.

– **Почему вы сказали, что раньше считали, что браться за роман, это ниже вашего достоинства?**

– Дело в том, что в то время, когда я начинала заниматься наукой, у меня все время работало левое полушарие. Я была этим полностью поглощена. Вот сейчас кафедра создана мной, все доктора – мои ученики. Поэтому мне казалось, ну что я могу сказать в романе? О чем буду писать? Я не понимала, что я могу выразить через литературную форму. Не догадывалась, что это иной способ постижения мира. Я видела, что наука – это творчество. Я чувствовала, что я полезна. Меня читали и цитировали.

Но вы знаете, человек начинает чем-то заниматься, когда проблемы с душой есть. Когда она очень наполнена или когда настолько страдает, что нужно выразить это страдание. У меня был тяжелый период. Заставил найти новую сферу. Старая наука уже не шла, я не хотела этим заниматься. Мне нужно было что-то такое, где я могла бы забыться.

– **Куда вы себя сейчас больше относите, к юридической или художественной деятельности?**

Профессор М. В. Сенцова
представляет свой роман «Хранитель»

– Мне сейчас наукой не очень интересно заниматься. Но я делаю что-то, что нужно. А что касается литературы, понимаете, я почувствовала некую прелесть создания нового мира, вхождение в другое пространство. Это интересно. Но мне сейчас нужен «фидбэк», отголосок этого романа, чтобы почувствовать себя достойной того, что я делаю.

– **Как вы совмещали написание романа с наукой?**

– Конечно, что-то отводишь на другой план, сдвигаешь. Все вместе, конечно, тяжело и нельзя. Мозги плавятся. Энергия большая идет. Я в науке, честно говоря, по минимуму все делала. Приоритет другой был.

– **Писательство затягивает. Вот если продолжить, то какую бы тему и лейтмотив вы бы выбрали? О чем еще в своей жизни вы могли бы рассказать в литературной форме?**

– Выбор темы – сложнейший духовный вопрос. Поэтому, как они, темы, приходят? Ко всем по-разному. Трудно сказать. Но та проблема, которую ты вдруг захочешь в своем произведении поднять, должна быть типичной для общества. Это не типа «как я летал на Луну». Это фэнтези. А если художественный роман, то речь идет о том, что нужно отразить типичное для данного времени явление, которое могут понять все. Кому-то понравится, кому-то нет, но оно существует в нашем времени и реальности.

Планы есть что-то писать. Но сейчас у меня стоит на первом месте моя научная работа, диссертации надо читать, поэтому я сейчас немного в каком-то потерянном состоянии, не знаю, за что хвататься. Раскадровку нового романа начала делать. Но все зависит от того, какие энергии будут через тебя идти. Когда ты только начинаешь что-то делать, и это поддерживается со стороны, то мотивация есть. Но у меня сейчас тяжелый период. Конечно, если по-простому, то надо ставить цели и добиваться их. Не надо ждать никакую энергию. Не надо никого слушать. Нужно просто брать и делать. Это мой девиз.

Беседовала Соня Новикова

Студенты-юристы на презентации книги

ДЕСЯТЬ «ЩЕЛЧКОВ» «ПО ЩЕЛЧКУ»

О ТВОРЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ВОРОНЕЖА

Прошлой весной коллега по факультету Нина Гринченко, с которой общаюсь третий год, предложила мне и моим друзьям – молодым воронежским поэтам:

– А давайте мы вам устроим фотосессию – в стиле шестидесятых! Я как раз собираю команду фотографов, и нам нужны материалы для портфолио. А вы фактурные – отличный вариант.

Так я познакомился с командой «По щелчку».

Щелчок 1-й ЧТО ТАКОЕ «ПО ЩЕЛЧКУ»?

«Некоммерческая волонтерская команда» – так официально пишут в документах на аккредитацию.

А проще говоря – творческий проект. Где одним из приоритетных направлений является волонтерство.

Вот как ребята сами пишут о себе в своей группе в соцсети «ВКонтакте»:

«Мы делаем фотосеты, снимаем клипы и короткометражки, пишем сказки и вместе учимся. Вместе же веселее, правда?»

Мы уверены, что у каждого мало-мальски творческого человека мелькала мысль о фотосъемке или видеоклипе, которые имеют право на то, чтобы все вокруг увидели это и оценили по достоинству.

Но чаще всего все мечты рассыпались на глазах, сталкиваясь с реальным бытом и проблемами – с хорошей техникой, поиском подходящих людей, банальным отсутствием вдохновения или денег. Эта история точно про каждого из нас.

Сколько раз идеи каждого из нас рассыпались в прах, уже и не сосчитаем.

Но именно этот факт подтолкнул нас создать такой проект, где ребята, которые:

– собираются поступать в университеты / колледжи, связанные с направлением фото / видео;

– уже обучаются на подобных направлениях, но нуждаются в реализации собственных проектов;

– имеют интересную задумку, концепцию, но нуждаются в помощи;

– заинтересованы в рекламе своих талантов.

Мне кажется, если мы объединимся, то сможем свернуть не только горы, но и целые вселенные».

Фотограф, видеограф, дизайнер, журналист, SMM-менеджер (человек, занимающийся маркетингом в социальных сетях) – вот основной набор специальностей, которые примеряют на себя участники команды «По щелчку».

Руководитель команды Нина Гринченко чувствует себя в своём проекте самой бесталанной и никудышной:

– Когда я вижу, как ребята создают красоту (практически занимаются искусством) – снимают, фотографируют, пишут тексты и музыку, – а я тем временем камеру на штатив не могу установить, то понимаю, что в принципе не нужна им.

Конечно, в словах Нины есть доля кокетства. Ведь работая на очередной площадке – снимая концерт в воронежском «Эвент-Холле» или проводя фотосессию с заезжей звездой, – ребята всё равно говорят сакральное для Нины слово: «Приходи».

– Но вы же прекрасно справитесь без меня, – отвечает Нина, сомневаясь в необходимости своего присутствия.

– А вдруг у нас возникнет проблема, в которой разбираешься только ты?

Почему ребята доверяют Нине?

Наверное, потому что именно она сделала из творческой идеи реальный творческий проект. Превратила ядро единомышленников в отлаженный механизм – в команду.

Что это даёт ребятам?

Реализацию того, о чём давно мечтали – само-реализацию. Удовлетворение творческих потребностей.

Щелчок 2-й КАК БЫЛО И КАК ДОЛЖНО БЫТЬ

Изначально это был десяток «идейных» – ребят, горящих творческим замыслом и желающих претворять этот замысел в жизнь.

Объединил всех журфак ВГУ – университетская обитель творчества. Молодого творчества.

– Тяжело реализовываться в одиночку, – говорит Нина, – поэтому и потребовалась команда.

Сегодня в проекте около семидесяти человек.

Основные направления: фото, видео, дизайн и текст.

По сути, «По щелчку» – проект конвергентный.

Но при таком потенциале главной проблемой остаётся банальная и больная нехватка средств – финансовых средств.

И тогда главные «двигатели» проекта Полина Рыбкина и Нина Гринченко подают заявку на грант – и выигрывают его.

Теперь в ближайших планах «По щелчку» проведение в Воронеже форума «Отпечаток» – тренинга для фотографов и видеографов.

С отборочным этапом.

Очным конкурсом.

И заделом на будущее.

– Если у нас будут деньги, – мечтательно рассуждает Нина, – то в первую очередь мы запасёмся необходимой техникой: начиная с зарядных аккумуляторов, карт памяти, петличных микрофонов и заканчивая прожекторами освещения и портативными рекордерами – устройствами для внестудийной записи звука. Я уже наговорила на приличную сумму...

– А если прибиться к кому- или чему-нибудь и получать финансовую поддержку? – лукаво спрашиваю.

– Тогда умрёт творчество.

– Но ведь всегда можно договориться.

– Не вижу в этом смысла – возможно, пока.

Пока есть куда расти. И пока – будем справляться своими силами.

– В таком случае не боишься, что можно упустить момент и перерасти себя – и тогда уже будет поздно?

– Я человек верующий – значит, на то воля сам понимаешь кого. При этом, если шанс всё-таки бу-

День рождения «По щелчку». Первый общий сбор команды

Никита Немчинов настраивает камеру на очередное действие

дет упущен – он будет упущен не бессмысленно: мы хорошо продумываем наши ходы – команда же. А в команде главное – коллективный разум. При всём том, что занимаемся мы всё-таки творчеством (не надо об этом забывать), где первостепенной является авторская индивидуальность.

Щелчок 3-й ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ «ПО ЩЕЛЧКУ»

Полина Рыбкина – куратор направления «фото», третьекурсница факультета журналистики и по сути – соруководитель проекта. Именно ей принадлежит главная заслуга в завоевании гранта – именно она защищала проект на конкурсе.

Илья Шагалин – куратор направления «видео», второкурсник факультета журналистики и минувшим летом – лектор третьего в стране по значению детского лагеря «Смена» (Анапа).

Туда ребят – Нину, Полину и Илью – в качестве главных представителей «По щелчку» (как выясняется – одной из самых молодых и крупнейших в стране творческих волонтерских команд, специализирующихся на фото- и видеосъемке) – позвали организаторы образовательных курсов для волонтеров.

– Мы читали лекции параллельно с коллегами из Российской академии искусств (РГСАИ), – не без гордости (имеет право!) отмечает Нина.

Ника Солнцева – куратор направления «дизайн» и выпускница воронежского колледжа «Номос», ведущего подготовку профессиональных дизайнеров.

Валерия Прохоренко – фотограф, четверокурсница СПО (тоже журфак) и главный энтузиаст в команде. Для Леры любой заказ – не столько ра-

бота, сколько любимое дело, за которое и деньги-то брать – по убеждению Леры – не всегда уместно. Хотя работа – всегда на высоком уровне. И потому заслуживает высокой оценки.

Для Леры же главное в её работе – быть полезной.

Габриэла Кулешова – куратор направления «медиа», работающая в Ленинградской области и учащаяся на заочном отделении журфака.

Сергей Маранц – фотограф и одиннадцатиклассник воронежской школы № 4. Один из самых юных и самых безотказных участников команды. Разделяющий при этом главный принцип «По щелчку»: сначала научиться, а потом зарабатывать. И вместе с тем – уже ведущий в школе свои курсы по фотоделу.

Щелчок 4-й НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПОВЕСТВОВАНИЯ, ИЛИ ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Семьдесят процентов команды «По щелчку» – это студенты (чуть меньшее число – недавние выпускники) ВГУ.

Остальные тридцать процентов – ребята (в основном журналисты и дизайнеры) из других городов – как правило, ближних: Тамбова, Орла, Липецка, Курска. Меньше всего (но и такие есть) столичных: московских и питерских.

Основные же факультеты ВГУ, из представителей которых состоит «костяк» команды (журфак в этом списке, как вы уже поняли, «по умолчанию»), – экономический, исторический, медико-биологический и химический.

Когда услышал последние два – удивился.

Съёмка проекта «36 конфликтов».
Целится в объектив Сергей Маранц

– Ничего удивительного, – отвечает Нина, – сегодня камера в руках у каждого второго.

Вспомнил шестидесятые годы, когда стихи – не то что читали и слушали – писали с одинаковым размахом и «лирики», и «физики» (и ещё вопрос, кто преуспел в этом больше).

Почему? Может, потому что домашняя библиотека (плюс подписка на тройку-пятерку «научпопов» и «толстяков») была в каждой семье?

Потому что времена были такие.

Сегодня же в каждой семье – тройка-пятерка (а то и больше) «пластмассовых железяк», зовущихся общим словом «гаджеты». Весь объём тонны бумаги заменил один полукилограммовый экран, в который вместились вся домашняя (бери больше – городская, областная, национальная) библиотека.

При этом речь не идёт о падении чтения: пусть в сети, но читают, и не меньше. (Другой вопрос – что именно читают?)

Речь не идёт о снижении интеллектуальных способностей: и стихи по-прежнему любят и пишут. (Другой вопрос – какого качества стихи?)

И наконец, речь не идёт о деградации креативного мышления: каждый второй сегодня теперь не просто пишет, но записывает – снимает (количественно ограниченную плёнку заменила бесконечная цифра).

А о чём тогда речь?

О том, что просто другое время, в котором на смену старому пришло новое.

Вопрос только: всегда ли новое лучше старого?

Ведь потери – с утратой старого – происходят уже в новом.

Не обедняет ли это нас?

Впрочем – я отвлекся.

Щелчок 5-й САМОТВОРЕНИЕ

Нина вспоминает первую командную работу:

– В Воронеже проводился школьный творческий конкурс имени Василия Михайловича Пескова. И мы решили помочь одному мальчику – снять для него видеоклип.

Собрались, написали сценарий, начали съёмку – и поняли, что не выходит.

Пришлось поменять замысел и концепцию, переписать сценарий, прежде чем идея снова заиграла – и, наконец, появился творческий продукт.

– Это была первая короткометражка в моей жизни, – с нотками самокритики в голосе рассказывает Нина, – но, к моему удивлению, она даже заняла призовое место в одной из номинаций.

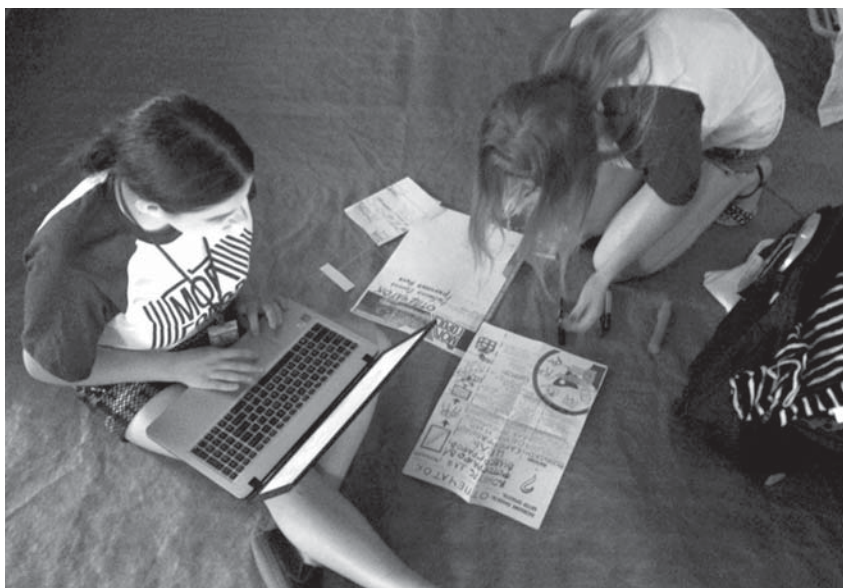
А далее команда работала по принципу «бери всё, что дают»: не отказываться ни от одного предложения, пробовать, учиться.

– При этом были случаи, когда за нашу работу заламывали бешеные цены, – удивляется Нина, – а мы не понимали: кто мы такие – никому не известные, ничего не умеющие – чтобы предлагать нам большие суммы? Конечно, это только в радость – когда у ребят появляется возможность заработать. Когда твоё хобби начинает приносить доход.

Спрашиваю:

– Как вас находят заказчики?

– Совершенно разными способами, – отвечает Нина, – но сейчас набирает обороты принцип сарафанного радио: нас начинают советовать. Я и сама много рассказываю о нас другим, предлагаю наши услуги.

Полина Рыбкина (слева)
и Нина Гринченко
на финишной прямой
за грантом на форум «Отпечаток»

Так сегодня выстроено творческое поле: приходится пробиваться самому. Рассчитывать на собственные силы и – немаловажно – на собственную удачу.

А зарабатывать на творчестве сегодня не просто: рынок перенасыщен массовым искусством, в котором легко затеряться; авторские произведения не востребованы – на них не заработаешь.

Остаётся делать собственное имя и совершенствовать себя – заниматься самотворением.

Всё это понимая, Нина отмечает:

– Деньги – последнее, что нас интересует. Классно, когда ты их действительно заслуживаешь и они приходят – тогда нет внутренних ощущений собственной невостребованности и нереализованности. У меня много вопросов к себе самой: и по поводу своих знаний, и по поводу своих умений. Понимаю, что ещё учиться, учиться и учиться. Это же относится и к нашим ребятам – они это тоже понимают.

Щелчок 6-й УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ

Один из главных принципов работы «По щелчку» – свобода творчества и свобода творчеству. В рождающемся противоречии «интерес заказчика» и «интерес исполнителя» – художника – побеждает первое. При этом желание и интерес становятся для художника первостепенными. Без них не будет качества – другого главного принципа «По щелчку».

– Мы берём в команду всех желающих – никаких ограничений нет. И пусть у желающего нет

фотоаппарата, но есть интерес и стимул – в первую очередь к получению знаний и умений – это важнее, – повторяет Нина.

Получение этих знаний и умений проходит по принципу наставничества: «новичок» прикрепляется к «мастеру», и они работают вместе – снимают, монтируют, обрабатывают...

Так на практике приходят знания и опыт.

Параллельно нарабатывается навык общения, в том числе и с клиентом – что называется, «профессиональный этикет», который играет ведущую роль в деятельности «По щелчку».

– Когда эти «зелёные пташки» находятся в деле, они должны понимать, как надо себя вести и как сделать так, чтобы нынешний клиент пришёл к тебе и в будущем. Это же психология, которой тоже надо учиться. Одно дело – неподвластная мне правильная установка камеры, другое – правильное профессиональное общение, – отмечает Нина. – Меня удивляют ребята, которые считают себя профессионалами и при этом сначала полгода фотографируют, потом ещё полгода обрабатывают фото и в конце концов заламывают за свою работу бешеные цены. Клиенты терпят такое от силы два-три месяца, а потом бросают – им не нужны такие «профессионалы», у которых нет ни опыта, ни совести, но есть непомерное эго. Если ты фотографируешь полгода, ты ещё не профессионал, даже если учился при этом у Вязового, Голуба, Квасова и прочих, – называет Нина фамилии известных воронежских фотографов.

– Что тогда движет этими ребятами? – спрашиваю.

– К моему большому сожалению, зарабатывание лёгких денег. Но в любой творческой профессии

в первую очередь необходимо постоянно совершенствоваться.

Потому в команде «По щелчку» и работает система наставничества, когда начинающий художник, общаясь со старшим товарищем, погружается в его творческий мир.

Берёт на карандаш характерные приёмы и методы.

Примеряет их на себя.

И – выработывает свой собственный почерк.

Щелчок 7-й НИНА ГРИНЧЕНКО

Без академического уклада, который возможен только при наличии профессионального образования, сделать что-то потенциально новое невозможно.

В этом убеждена руководитель творческого проекта «По щелчку» Нина Гринченко:

– Как кондитер может печь французские булочки, если он элементарные лепёшки не умеет делать? Да, можно быть одарённым от природы, – Тарантино не имеет высшего кинематографического образования и при этом является одним из лучших кинорежиссёров современности. Но он получил весь базис самостоятельно – путём самообразования и практики. Когда в тридцать лет вдруг приходит осознание того, что всё, бывшее до этого – не то, чему бы ты хотел посвятить свою жизнь, ты можешь самостоятельно сформировать собственную программу действий и следовать ей – потому что ты уже взрослый, опытный человек. И тогда смысла в образовании, возможно, и нет – у тебя семья, дети, твоё любимое дело.

Сейчас она учится на 4-м курсе заочного отделения факультета журналистики ВГУ.

Параллельно – на вечерних курсах при Воронежской духовной семинарии.

И – мечтает отучиться на режиссёра.

И – остро ощущает свою бесполезность в этом мире.

Снова кокетство, скажете вы.

Организатор, лидер, талант, амбиции, воля и такая бурная смесь идей и воплощений – как всё соединяется в этой высокой, светловолосой девушке с деловой внешностью, прожигающим взглядом и обжигающей самокритикой?

– В этом вся я, – объясняет Нина. – Не будь этой постоянной самокритики – не было бы «По щелчку». Не было бы моих бесконечных потуг помогать всему окружающему – даже в элементарной уборке мусора. Это была бы не я. И чем длительнее бездействие, тем сильнее данное чувство.

Иногда Нина – особенно «во дни сомнений» (а сомневается часто, поскольку часто обдумывает свои действия) – задаётся вопросом: не много ли берёт на себя?

Но потом – когда, обдумав, понимает, что задаваться большими целями, идеями и мечтами всё-таки стоит – понимает: не много.

– Главное – чтобы эти большие, даже великие цели не подминали под себя других, – особенно близких людей.

– А как же тогда претензия на великость? – парирую. – Великие идеи невозможны без жертв.

И тогда Нина вспоминает акунинские – из «Азазель» – строки: «Представьте себе, дорогой сэр, что

Нина Гринченко – главный «По щелчку»

Общий сбор команды

Вольфганг Амадей родился бы в семье крестьянина. Из него получился бы скверный пастух, развлекающий коров волшебной игрой на дудочке».

Что имела в виду Нина?

Проблема морального выбора не оправдывает даже гения.

Безвестная жизнь по совести достойнее аморальной гениальности.

Так и живёт Нина Гринченко, каждодневно говоря себе по утрам: «Ты проснулась человеком – им и должна уснуть».

Однажды, работая фрилансером и написав по заказу очередной текст, Нина случайно обнаружила его на одном из конкурсов – за авторской подписью заказчика, с призовым местом и приличным выигрышем. Который – разумеется – ушёл к заказчику.

Нина не знала, что её текст – пусть и проданный заказчику – попал на конкурс и победил.

С тех пор Нина не пишет на заказ.

Подлость?

Проблема моральной ответственности.

В творчестве – особенно острая.

Нина не стала отстаивать свои права – отступила и отпустила.

Уверовав, что поступила по совести.

Иное дело – близкий человек.

За его право Нина будет биться до последнего.

В шутку – но в каждой шутке, как известно, только доля шутки – ребята из команды «По щелчку» называют Нину «мамой».

Щелчок 8-й МАЛЕНЬКИЙ ДИАЛОГ О БОЛЬШОМ БУДУЩЕМ

П. П.: Рано или поздно ребята, которые сейчас в команде, закончат учёбу. В их жизни появится что-то новое и более важное. Появится постоянная работа, семья...

Н. Г.: Возраст на самом деле многое решает. Особенно – в судьбе «По щелчку». В конечном счёте проект для этих ребят – только эпизод из жизни (пусть и немаловажный). Но он подготовит их для новых этапов. Даст умения и навыки, которые будут реализованы в дальнейшем.

П. П.: А что тогда будет с проектом?

Н. Г.: Придут другие.

П. П.: Получается, что «По щелчку» – живой организм, который постоянно восполняет творческие ресурсы. Во всяком случае, так задумано его создателями – студентами, на смену которым, по окончании их учёбы, придут новые студенты. И в этом случае «По щелчку» можно назвать не только творческим, но и учебным проектом. В связи с этим у меня возник вопрос: при аффилированности и с ВГУ (говоря о широком контингенте лиц – участников проекта), и с журфаком – основным «поставщиком кадров» – нет ли у команды желания и заинтересованности стать придатком университетского организма?

Н. Г.: Почему бы нет?

Щелчок 9-й БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ

Современная режиссёрская студия (media- или digital-агентство) – просторное помещение со стенами, завешанными хромакейными полотнами. По периметру расставлена техника: камеры и микрофоны, компьютеры для видеомонтажа, обработки фото, записи звука и создания музыки. Кофемашины и чайные столики.

Таким представляется будущая площадка проекта.

Таких в Воронеже – мало.

При всей востребованности направления популярным, например, становится видеоформат визитной карточки соискателя, устраивающегося на работу.

Аналогично – с творческими конкурсами: креативная подача себя в кадре сегодня один из главных критериев отбора.

При этом возникает вопрос: кто должен заниматься непосредственным созданием и обработкой видеоконтента (записью, монтажом, озвучкой)?

В идеале – явно не герой в кадре (если речь идёт о качественном творческом продукте).

Нужен техник-профессионал (и желательно – не один).

Хочется ведь герою хорошо выглядеть в кадре: крупным планом, без кругов под глазами и световых бликов на лице, с отчётливо слышимой речью.

Приятная встреча
на молодёжном форуме «Молгород»

Есть кадр!
В книжном клубе «Петровский»

Одним словом, есть социальный заказ – но мало возможностей его реализации.

И в этом плане – крупном плане – проект «По щелчку» призван помочь людям.

Щелчок 10-й ПОСЛЕСЛОВИЕ

А пока главные каналы «По щелчку» – это соцсети: «ВКонтакте» и Instagram.

Сегодня официальные страницы проекта – там. Вот они:

<https://vk.com/byclickingofficial>

https://www.instagram.com/poshelchku_vrn/

...Выходит, та фотосессия минувшей весной стала началом большого проекта? Тогда девушки-фотографы, нацелившиеся на нас объективами фотоаппаратов, попросили:

– Ребята, а теперь щёлкните пальцами и скажите: «По щелчку».

– А что это значит?

– Что у нас всё получится – легко и скоро. Как по щелчку пальцев.

Прошёл год с той фотосессии – сегодня проект превратился в фабрику современного молодёжного творчества в Воронеже.

Ребята, у вас получилось.

ОТКРЫТИЕ РЕАЛИЗМА

НОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗАХ

Проект «За верность традициям реалистического искусства» был придуман пять лет назад. Тогда советник ректора ВГУ Владимир Семенович Листенгартен, директор музея имени Крамского Владимир Дмитриевич Добромиров и редактор газеты «Вузовский вестник» Андрей Борисович Шолохов, сойдясь во мнении, что в современном обществе все большую популярность приобретает авангард, решили воспитать в молодых людях любовь к реалистическому искусству.

Идею поддержал Совет ректоров Воронежской области. Так родилась традиция поощрения студентов художественных факультетов местных вузов за верность традициям реализма.

Один из инициаторов этого проекта В. С. Листенгартен поясняет его воспитательную ценность:

– Очень важно, чтобы руководители художественных факультетов, руководители вузов рассказывали студентам об этом проекте, побуждали их ориентироваться на традиции академических техник. Потому что реалистическое искусство – это и мировая цивилизационная ценность, и наше российское национальное достояние, которое нужно всячески поддерживать и просветительски продвигать.

Мечтаю, чтобы люди, которые собираются связать себя с художественным творчеством профессионально, видели ценность реализма и впитывали его традиции. Это не значит, чтобы они стали консерваторами и каждый старался бы копировать Репина

Основатели культурного проекта В. С. Листенгартен и В. Д. Добромиров с победителями конкурса. 2017 год

Выступление в финале проекта дипломанта конкурса 2019 года студентки ВГУ Екатерины Евстратовой

или Крамского; молодые художники, естественно, ищут свой путь, пишут по-новому, но ценности и традиции реалистического искусства должны быть осознаны ими, их не должны заслонить модные течения. При этом я не призываю запретить абстракцию, экспрессию, любые другие поиски. Но основополагающие базовые вещи не могут быть заменены ими, не могут быть вычеркнуты из нашей культуры. Поэтому цель проекта «За верность традициям реалистического искусства» – утверждать реалистические ценности, продвигать, поддерживать тех, кто эти традиции ценит и стремиться им следовать.

В проекте участвуют пять вузов, где есть художественные факультеты – Воронежский государственный университет, Воронежский государственный институт искусств, Воронежский государственный педагогический университет, Воронежский государственный технический университет и Воронежское художественное училище. Ежегодно их руководство выбирает одного из студентов, работы которого, по их мнению, наиболее полно соответствуют эстетике реализма.

Выставка отмеченных студенческих работ, тоже уже традиционно, проходит в первый день начала учебного года на самой престижной площадке – в залах Художественного музея им. И. Н. Крамского. Помимо этого, ребятам вручаются соответствующий диплом и книга советского художника-реалиста уро-

женца Борисоглебска П. И. Шолохова «Глазами художника: земляки, коллеги, Великая Отечественная».

Книга эта выбрана не случайно: ее издал Андрей Шолохов, племянник художника.

Торжества проходят тепло и неформально: приходят друзья номинантов, их родители, педагоги. Они общаются, спорят, делятся творческими планами. А потом обо всем этом рассказывается на страницах «Вузовского вестника».

К сожалению, в 2019 году ушел из жизни В. Д. Добромиров, стоявший у истоков этого проекта. В память об этом замечательном человеке был учрежден специальный диплом его имени, которым поощряется вклад в проект одного из организаторов конкурса. Первым обладателем этого диплома стала заведующая экспозиционно-выставочным отделом ВОХМ им. И. Н. Крамского Оксана Вячеславовна Лепнева.

В этом году в проекте – два новшества. Во-первых, появилась новая номинация «Иллюстрация к одному из произведений о Великой Отечественной войне в честь 75-летия Победы». И, во-вторых, конкурс вышел на межрегиональный уровень: участвовать в проекте пожелали художественные факультеты вузов, которые входят в ассоциацию вузов центра России, – из Курска, Липецка, Ельца, Белгорода, Орла, Брянска. Пока они будут участвовать заочно.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СИСТЕМЫ, ИЛИ СКОРАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЫ НА ГУМАНИТАРНЫХ ПРОФИЛЯХ

Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Официальной датой его начала считается 19 июня 1999 года, когда была подписана Болонская декларация. Решение об участии в процессе принято в Болонье (Италия) представителями 29 стран (сегодня – 48 стран-участниц).

Россия «вошла в процесс» в сентябре 2003 года. Реформы российской системы образования были направлены на построение модели, аналогичной системе образования стран Запада. Одна из их главных целей – содействие эффективному осуществлению свободного передвижения. Присоединение России к Болонскому процессу дало российским вузам возможность участия в проектах, финансируемых Еврокомиссией, а студентам и преподавателям – возможность участия в академических обменах с университетами европейских стран.

ПРОЛОГ

5 ноября 2019 года на заседании Совета по русскому языку при Президенте РФ доктор филологических наук, профессор филологического факультета ВГУ Людмила Кольцова выступила с докладом об упадке филологического образования в стране.

Была затронута тема недостаточного выделения бюджетных мест в магистратуру региональных вузов – на примере Воронежского государственного университета. В частности, на филфаке ВГУ возникло противоречие между контрольными цифрами приёма в магистратуру – 6 бюджетных мест – и требованием министерства по минимальному составу группы магистров – 12 человек.

Апогеем доклада стали слова Кольцовой о несостоятельности – применительно к педагогическим специальностям – трёхуровневой Болонской системы высшего образования в стране (бакалавриат + магистратура + аспирантура, которая по Закону об образовании от 29 декабря 2012 года стала третьей ступенью высшего образования в России).

Доклад Кольцовой вызвал критику президента в адрес министра науки и высшего образования Михаила Котюкова. При этом принявшая участие в обсуждении проблемы министр просвещения Ольга Васильева поддержала инициативу Кольцовой по возвращению специалитета на педагогические и частично гуманитарные специальности.

Мы задались вопросом: а насколько вообще состоятельна сегодня Болонская система высшего образования применительно к гуманитарным специальностям?

В частности, в регионах.

В частности, в Воронеже.

В частности, в ВГУ.

Наше исследование построено в форме опроса преподавателей и студентов всех восьми гуманитарных факультетов университета – по одному представителю от каждого факультета. (Так как мнение преподавателей филфака отражено в выступлении Л. М. Кольцовой, то филологический факультет представлен в опросе только со стороны студенчества.)

Вопросы для педагогов и вопросы для студентов получились разные – мы попытались охватить

наиболее значимые и спорные моменты для обеих вузовских сфер.

Выбирая респондентов, мы руководствовались принципом наименьшего поколенческого разрыва – и в рамках одной социальной группы (преподаватели/студенты), и в рамках двух (преподаватели и студенты). Нам было важно отразить, насколько современные поколения – и учителей, и учеников – сходятся (или не сходятся) вприятии и восприятии

современных тенденций – общества, образования, профессии.

При однородности педагогического контингента (что говорит о его стабильности) студенческая среда, напротив, оказалась разношёрстной – это можно наблюдать по комбинациям набора дипломов (бакалавриата, магистратуры и специалитета, сохранившегося на единичных направлениях), а также профессионального устройства/неустройства недавних выпускников.

Часть I. ПРЕПОДАВАТЕЛИ

1. Как вы считаете, оправдывает ли себя система высшего образования в нашей стране: её деление на бакалавриат и магистратуру?
2. Есть ли сегодня необходимость в возвращении специалитета?
3. Как вы считаете, какая система высшего образования наиболее оптимальна для гуманитарных направлений?
4. Болонская система высшего образования даёт возможность, условно говоря, физику, окончившему бакалавриат, получить филологическое образование в магистратуре. Но на деле и бакалавры-физики, и бакалавры-филологи получают в магистратуре одинаковую сумму знаний – независимо от их прежнего образования. Многих такая «унификация» не устраивает. Как оптимизировать учебный процесс в бакалавриате и магистратуре?
5. Некоторые (в особенности работодатели) считают, что диплом бакалавра – это неполное высшее образование. Для многих такая ситуация является первопричиной поступления в магистратуру. Вы считаете это оправданным?
6. В магистратуре ВГУ можно наблюдать обучение российских и иностранных студентов в одной академической группе – насколько это целесообразно?

КУРГАНОВА
Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, замдекана по довузовской работе факультета журналистики ВГУ.

1. Считаю, что эта система оправдана лишь для смежных направлений. Поясню: если студент с дипломом бакалавра по рекламе и связям с общественностью в дальнейшем хочет окончить магистратуру экономического факультета, чтобы углубить свои знания, например, в менеджменте или маркетинге, такой вариант вполне приемлем.

2. Для ряда направлений существует такая необходимость. Например, в гуманитарной сфере.

3. Я вижу два возможных варианта: 1) возвращение к специалитету как более полноценному ва-

рианту высшего образования в гуманитарной сфере; 2) сохранение системы «бакалавриат + магистратура», но только для смежных направлений.

4. Я против такой ситуации, когда физики или гуманитарии кардинально меняют направление. Считаю, что в таком случае хорошего специалиста подготовить практически невозможно. Редко встречаются всесторонне развитые студенты. Получается, что вуз выпустит «недофизика» с дипломом бакалавра и целого магистра филологии, который всего два – два с половиной года посвятил изучению этого направления. Оптимизация учебного процесса в бакалавриате и магистратуре, чтобы избежать повторения изученного, – это сложный вопрос, если в аудитории сидят физики, не знакомые даже с азами, и выпускники «родного» бакалавриата, имеющие уже, как правило, и знания, и компетенции. Как угодить всем? Сложнее всего в этой ситуации преподавателю: начинаешь упрощать материал для выпускников бакалавриата других направлений, неинтересно становится нашим. Углубляешься – непонятно той

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

части аудитории, которая пришла с других факультетов. Я решаю эту проблему в магистратуре, взаимодействуя со студентами не только на занятиях, но и в Электронной системе ВГУ, и в закрытой группе в соцсети. Там я размещаю учебные пособия, ссылки на видеолекции и авторские презентации по тематике курса, рекомендую к посещению мероприятия. А студенты уже в зависимости от своего уровня подготовки выбирают то, что полезно будет именно им.

5. Как правило, проблемы с дипломом бакалавра возникают только при соискании должностей менеджеров среднего и высшего звена. И, конечно, чтобы быть грамотным руководителем, не помешает магистратура за плечами, возможно, и по смежному направлению. Но это не значит, что все бакалавры должны идти в магистратуру. Считаю, что магистратура – для тех, кто: 1) хочет углубить знания, полученные в бакалавриате; 2) хочет получить зна-

ния по смежному направлению; 3) задумывается о том, чтобы пойти в науку, поступить в дальнейшем в аспирантуру.

6. Сложный вопрос, на который нет однозначного ответа. С одной стороны, иностранец, обучающийся с российскими студентами, имеет больше возможностей для «прокачивания» русского языка, поскольку вся коммуникация с одногруппниками, как правило, на русском. Кроме того, нередко российские студенты выступают в роли своеобразных «наставников» для своих иностранных однокурсников, помогают им в решении возникающих проблем. С другой стороны, преподавателю работать с такой группой сложнее. Приходится решать ещё и языковые проблемы. А это тоже время, которое можно было бы потратить с пользой, например, на обсуждение интересных кейсов.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЛИТИНСКАЯ
Елена Юрьевна –
преподаватель кафедры
социологии
и политологии.**

1. Сказать однозначно, оправдывает или нет, достаточно сложно, поскольку есть ряд своих плюсов и минусов. Из положительных моментов можно отметить студенческую мобильность, возможность продолжить совершенствование своих профессиональных качеств в магистратуре. Но, с другой стороны, есть минусы. На мой взгляд, перевешивающие плюсы. Например, уменьшение количества аудиторных часов в пользу самостоятельной работы, что не каждому студенту подходит; далее можно отметить неясный статус диплома бакалавра в глазах работодателей, а также статус нашего диплома не имеет юридических оснований в странах, перешедших на Болонскую систему.

Ещё один немаловажный момент, касающийся аспирантуры. Многие российские аспиранты не понимают, какой ступени соответствует это в западном эквиваленте.

2. Трудно сказать. Мне больше нравилась система специалитета.

3. Тут можно говорить как о плюсах нынешней системы, так и о плюсах специалитета. Мне кажется, там, где науки пересекаются, вполне оправдывает себя и современная система. Но я видела много

неудачных примеров, когда люди просто не тянули следующую ступень по иной специальности со своим образованием бакалавра.

4. Программа магистратуры редко дублирует то, что было на уровне бакалавриата, если мы говорим об одной специальности. Но если такая ситуация возникает, думаю, оптимизировать можно путём перезачётов при совпадении часов или, например, предусмотрев на этот случай вариативный компонент.

5. Да, есть такая проблема. Приходилось даже лично общаться с представителем такого работодателя, когда у нас просили выпускника-социолога, а мы выпускали только бакалавров. Аргументация была такая: если человек не идёт в магистратуру, значит, он не стремится получить знания, значит, он плохой работник. На самом деле, как это часто бывает у нас, выпускники идут работать, поскольку цена за обучение в магистратуре кажется заоблачной. Или же выпускники просто не видят ценности высшего образования, так как всё равно устроиться по специальности не получается. Здесь ещё накладывается вот что: распространилась тенденция, по которой фотографы, мастера маникюра и прочие подобные работники, где наличие высшего образования не обязательно, получают больше денежных средств за свою работу, чем специалисты с дипломом.

6. Да, конечно. Почему нет? Это возможность быстрее адаптироваться, изучить язык. А если на курсе, например, один-два иностранца, для них просто никто не будет создавать отдельную группу.

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ДМИТРИЕВА
Софья Игоревна –
кандидат исторических
наук, доцент кафедры
международных
отношений и мировой
политики.

1. Сложно масштабировать на всю страну в целом. У центральных и региональных вузов разные проблемы. Если говорить о Воронеже, то, думаю, что за прошедшее время прежде всего работодатели у нас не успели привыкнуть к такой системе. Люди ориентировались на специалистов, теперь к ним приходят бакалавры. Многие просто не понимают, в чём отличие. Студенты и преподаватели перестраиваются быстрее, сфера высшего образования – вообще довольно мобильная среда. Но вот объяснять родителям, чем отличается бакалавр от специалиста, приходится довольно часто.

2. На мой взгляд, система специалитета даёт тот самый дополнительный год, который для многих является ключевым. Первый год обучения студенты только привыкают к новым условиям после школы, с третьего курса начинается специализация, и тут уже сразу выпускной курс. Дополнительный год – это очень много, можно и на стажировку по обмену съездить, и в научных мероприятиях принять участие, и с темой дипломной работы не торопясь определиться, зная, что времени на хорошее исследование будет достаточно.

3. Я думаю, что речь должна идти о финансировании бюджетных мест прежде всего. Пусть гуманитарные факультеты имеют возможность сами выбирать, сохранять им специалитет наряду с бакалавриатом и магистратурой, оставить двухуровневую систему или отказаться от неё. Но бюджетные места обязательно должны быть в достаточном количестве на всех направлениях. Сейчас же региональные вузы просто лишаются возможности проводить полноценный набор по гуманитарным направлениям в магистратуру, поскольку – особенно в сравнении с вузами Москвы и Санкт-Петербурга – выделенных бюджетных мест у нас очевидно мало.

4. Самостоятельная работа помогает отрегулировать этот процесс. Выпускники бакалавриата, продолжающие обучение в магистратуре по тому же направлению, вполне способны решать более сложные задачи, здесь нужен индивидуальный подход и понимание дифференцированности результатов.

5. Именно об этом речь была выше. Многие работодатели просто не привыкли к новым стандартам.

6. С этим вопросом как раз не вижу особых проблем. Иностранцы студенты, в достаточной степени владеющие русским языком, довольно быстро интегрируются в группу. Российские студенты обычно охотно помогают иностранцам, есть прекрасные примеры дружбы и взаимовыручки. Ключевое условие здесь – владение русским языком на уровне, позволяющем вести диалог.

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

БОРИСОВА
Лидия Александровна –
кандидат филологических
наук, доцент кафедры
перевода и профессиональной
коммуникации.

1. Считаю, что не оправдывает.
2. Однозначно – да.

3. Та, которая существовала до начала реформ: пятилетний специалитет.

4. Не стоит забывать, что преподаватель также руководствуется определёнными стандартами и программами при разработке курса дисциплины, и ситуация «физик + филолог» его также мало устраивает. Выходом могут стать, пожалуй, онлайн-курсы, например, на платформе Moodle и т. п., которые по-

зволят восполнить пробелы. Но немалую роль здесь играет мотивация студента, в том числе и умение самостоятельно работать.

5. Ситуация действительно складывается именно так. Бакалавриат – это незаконченное высшее. И учебный план это подтверждает. Чтобы стать полноценным специалистом, надо продолжить обучение в магистратуре по тому же профилю.

6. Я вижу проблему, если иностранный студент недостаточно владеет русским языком и поэтому не может осваивать материал. Если магистратура «заточена» под профессиональное владение русским языком, например, журналистика, филология, перевод с иностранного на русский, то иностранный студент, плохо владеющий русским языком, не сможет обучаться вместе с российским студентом в одной группе.

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

ШАПИРО
Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания.

1. Нет. Во-первых, не совсем понятен статус диплома бакалавра – не все работодатели считают такое образование «законченным высшим». Кроме того, возможность смены специальности в магистратуре приводит к формированию «смешанных» групп, где одни студенты слушали базовые курсы по профилю, а другие – нет. Это очень мешает учебному процессу; и не совсем понятно, можно ли считать профессионалом человека, фактически изучающего свою специальность всего два года.

2. Смотря в какой форме. Если «добавочным третьим вариантом» – то точно нет, ни к чему множить сущности.

3. Мне искренне симпатична старая советская система высшего образования.

4. Никак. Передать возможность готовить бакалавров колледжам, а в университетах предлагать полноценную магистерскую подготовку длиной в 5–6 лет.

5. Да. Бакалавры учатся всего 4 года; более того, сейчас заметна тенденция к сокращению количества пар в неделю. В итоге их уровень подготовки явно ниже, чем тот, который в нашей стране ещё лет 15 назад было принято называть «высшее образование». То есть формально бакалавр – оконченное высшее, но в сравнении с привычным для нас «советским» высшим образованием – это, конечно, неоконченное высшее.

6. Я убеждена, что делить иностранцев и отечественных студентов на разные группы не нужно. Если человек приехал учиться сюда – он должен быть готов к учёбе на русском языке. наших студентов в европейских университетах никто не отсадит в отдельные группы, к которым будут снижены требования.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТАБАЧНИКОВА
Мария Брониславовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления организации.

1. Оправдывает: я уверена, что мы должны вписываться в мировое образовательное пространство, соответствовать глобальным образовательным трендам.

2. Нет. Основной образовательный тренд – краткие, насыщенные компетенциями и практическими навыками курсы.

3. Дело не в системе, а в качестве и насыщенности образовательных программ. Для гуманитариев важен большой объём контролируемой самостоятельной работы.

4. Увеличением объёмов самостоятельной работы и обязательными для «условных физиков» дополнительными гуманитарными курсами.

5. Нет, абсолютно. Но ситуация меняется, многие продвинутые работодатели уже проверяют навыки и компетенции. И вообще не смотрят на образование и диплом.

6. Надо смотреть в каждом конкретном случае. Бывает, что это очень даже целесообразно, а бывает, что бесполезно. Здесь надо работать с качеством преподавания языка и отбором студентов-иностранцев.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БИРЮКОВ
Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения.

1. Нет.

2. Да. Особенно в сфере юриспруденции.

3. Специалитет.

4. Там практически нет совпадений, поэтому не понятно, как.

5. Да. Многие требования вытекают из закона, особенно в юриспруденции (нотариусы, судьи, прокуроры и др.). И это правильно.

6. Это целесообразно. Специально для одного-двух иностранцев никто группу создавать не будет. Проблема в другом. Многие иностранцы не владеют толком русским языком.

Часть II. СТУДЕНТЫ

1. Какая система высшего образования, по вашему мнению, эффективнее: специалитет (пять лет обучения) или Болонская (бакалавриат + магистратура)? Почему?
2. В чём вы видите принципиальную разницу этих форм образования?
3. Как вы выстраиваете диалог с работодателем? Ваш диплом (уровень образования, специальность) способствует или препятствует этому?
4. С какими проблемами системы высшего образования в вашем вузе (Болонская система/специалитет) вы лично сталкивались в ходе обучения?
5. Вас устраивает ваше обучение?

Илья БОЛГОВ – магистрант 1-го курса (+ бакалавриат) филологического факультета ВГУ.

1. На мой взгляд, эффективнее система специалитета, нежели Болонская. Система специалитета хорошо зарекомендовала себя во время СССР, существовала долгое время, и в рамках этой системы было подготовлено огромное количество специалистов самого высокого уровня, которые работают до сих пор, тогда как Болонская система ещё не прошла такую проверку временем именно на российской почве. Система специалитета позволяет получить «полноценное» высшее образование. Нагрузка в рамках курсов распределена более равномерно, на некоторые важные курсы в рамках бакалавриата не хватает времени. Две ступени образования приносят очевидную экономическую выгоду для университетов, так как до сих пор существует распространённый миф о том, что бакалавриат – «неполное» высшее образование, поэтому необходимо идти в магистратуру для того, чтобы окончательно доучиться. Как нам объясняли люди, связанные с системой образования, бакалавриат – полноценное высшее образование. Но при этом он короче специалитета на один год – это большой минус. Магистратура же – форма получения ещё более узкой специальности, а также необходимая ступень для тех, кто хочет заниматься наукой, то есть пойти в аспирантуру. Специалитет, повторюсь, кажется более эффективным, более равномерным распределением времени курсов в первую очередь.

2. Принципиальная разница в восприятии абитуриентами и работодателями. Специалитет – полное высшее образование, следующий шаг после которого – аспирантура, то есть научная деятельность.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Бакалавриат воспринимается как неполноценное высшее образование, хотя таким не является.

3. Работодателя интересует не столько образование, сколько конкретные навыки, которыми обладает соискатель. Образование – отправная точка для работодателя в понимании того, каким уровнем навыков должен обладать человек, окончивший тот или иной университет. Поскольку найти работу по специальности с филологическим образованием (как и почти с любым другим) проблематично, диплом не является решающим аргументом для работодателя. Необходимо доказать свою компетентность и профпригодность – в этом я всегда старался убедить работодателей.

4. Я обучался в рамках Болонской системы. Основные проблемы, которые отмечаются преподавателями и студентами, – это состав курсов и их длительность. Из-за того что обучение в бакалавриате длится 4 года, некоторые важные курсы, перешедшие из специалитета, оказались сильно сокращены, из-за чего пострадал уровень обучения. Помимо этого, в рамках программы курсов существуют дисциплины, которые воспринимаются ненужными (и некоторые из них, безусловно, таковыми являются). В контексте четырёхлетнего обучения эта проблема кажется очень существенной. Кроме того, в рамках Болонской системы студент обязан посещать курсы, которые являются «ядром» программы, а остальные курсы может посещать по желанию. В наших реалиях все курсы являются обязательными для посещения, в частности те, которые кажутся (или являются) ненужными. Относительно нужности курсов министерство образования не консультируется с преподавателями, что вливается в вышеописанную ситуацию.

5. Я говорил о недостатках системы, в рамках которой обучался и обучаюсь, но при этом могу сказать, что моё обучение меня устраивает, и это заслуга в первую очередь преподавательского состава нашего факультета – это настоящие специалисты и очень хорошие люди.

ФАКЛЕТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Нина БРЯНЦЕВА – магистрантка 1-го курса (направление «журналистика») Института политических исследований имени Йохана Скитге Тартуского университета. Окончила бакалавриат факультета

журналистики ВГУ в 2019 году.

1. Я считаю, что Болонская система эффективнее, потому что, если подойти к ней с умом и осознанно, она даёт больше возможностей для самореализации, нежели специалитет. Для гуманитариев система бакалавриата и магистратуры – это хороший шанс сузить (или, наоборот, расширить) поле своей деятельности – собственно, то, что сделала я, поступив в заграничный университет.

2. Принципиальная разница в том, что в процессе обучения Болонская система позволяет сконцентрироваться на своей профессиональной деятельности: например, если человек окончил истфак и ему нравится заниматься, к примеру, журналистикой, то он может поступить на журфак и в дальнейшем заниматься журналистикой с историческим уклоном. И в этом – главное преимущество Болонской системы.

3. Сложно сказать, потому что официально я ещё никуда не устраивалась и диалог в этом плане

ни с кем не выстраивала. Но я могу судить об этом по своему опыту неофициальной работы, когда диплом мне ничем не помог просто потому, что его ещё не было. Я озвучила своё образование: «Журфак, неполное высшее», на что мне ответили: «Прекрасно – а теперь давай посмотрим, что ты умеешь». И в этом случае более весомой оказалась не теория, а практика – моя профессиональная компетентность.

4. В Тарту у меня проблем с обучением нет. И оно мне здесь нравится больше, чем то, которое проходило в Воронеже. Больше времени выделяется на индивидуальную работу и для этого создаются прекрасные условия – по сути, отдельный кампус: с кафе, спортзалом, залами для учебно-научной работы (так называемая лаборатория для самостоятельной работы), шикарной библиотекой, где просто находиться – уже удовольствие. И, в общем, у нас не так много занятий – основной упор сделан на самостоятельную подготовку. Поначалу это довольно сложно, потому что приходится самостоятельно рассчитывать время, отведённое на подготовку, – непривычно, потому что в Воронеже это делал за нас деканат, составлявший расписание и планировавший нагрузку. Но постепенно втягиваешься – хорошая практика для выработки самодисциплины.

5. По большому счёту, с моим получаемым ныне образованием можно работать в эстонских СМИ, а вот в русскоязычных – нет. Но было бы желание – я думаю, что всегда можно найти какие-то варианты и выходы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Людмила ПЕТРАКОВА – магистрантка 1-го курса факультета журналистики ВГУ. Окончила бакалавриат исторического факультета ВГУ в 2019 году.

1. Вообще, мне ближе Болонская система – она шире и эффективнее. Но то, что сделали в России, – абсурд. Если сравнивать наш специалитет и «нашу» Болонскую, то очевидно, что эффективнее первое. Поскольку недостаточно скопировать лишь конструкт, необходимо усовершенствовать каждый элемент этого конструкта и наложить на систему. Необходим анализ, а не просто уложение уже существующей системы пятилетнего обучения в четыре года.

2. Это абсолютно разные системы. «Болонская система в России» – в кавычках. Красивое название. На практике же всё обстоит иначе, что и печально. В результате – нехватка специалистов. Так откуда их взять, если нам под предлогом расширения кругозора, наоборот, его сужают и коверкают? Считаю, что Болонская система в России должна быть более широкой, свободной и гибкой. В специалитете акцент поставлен на конкретику и глубину. Увы, сейчас, находясь внутри Болонской системы, мы учимся по учебникам «средневековья» (которые как раз уместны в специалитете, если хотите), но эффективности от них мало, поскольку всё равно не хватает учебных часов.

3. Уровень образования и диплом – в моём случае аксессуар. Диалог выстраивается, когда есть ресурсы, полученные на практике. Учишься? Замечательно – есть чем порадовать родителей. Хочешь быть

востребованным? Иди работать. Вуз – не дорога в профессию, диплом – не лотерейный билет. Ни один студент, учась в России, не станет профессионалом, если сам не будет практиковаться. Вуз накладывает стереотипные поведенческие модели, от которых надо избавляться. В отечественных вузах не сделан акцент на технологии, практику, потенциальные возможности. Современное образование в России, на мой взгляд, – полная противоположность личностному развитию.

4. Узость, бессмысленность, неоправданность, сухость, отсутствие взаимосвязи с практикой. Социальные процессы развиваются, но образование, к сожалению, не идёт в ногу со временем. Раньше я мог-

ла оправдать это «широким кругозором». Но вряд ли можно довольствоваться им, чувствуя собственную невостребованность.

5. Нет. Мне моё образование ничего не даёт. Вузу я благодарна лишь за стипендию и друзей. Все мои успехи, заслуги и компетенции приобретены далеко не в рамках обучения в университете. Не вижу смысла тратить 6 лет на то, что бесполезно. Сама получала диплом из-за бюрократии – якобы без бумажки ты никто. Да, диплом я приложила, когда устраивалась на работу. Но это лишь идентификация меня – как паспорт, который вряд ли характеризует тебя как личность и профессионала своего дела.

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Маргарита ГОНЧЕНКО – инженер по тестированию компании T-Systems (Воронеж). Окончила бакалавриат и магистратуру (в 2018 году) факультета международных отношений ВГУ.

1. На мой взгляд, Болонская система высшего образования в теории эффективнее, но её практическая реализация в России неудовлетворительна.

2. В отличие от специалитета, Болонская система – хороший вариант легко поменять свою профессию, продолжить обучение в другой стране или вовсе сделать паузу и обдумать, чем действительно планируешь заниматься дальше и какие знания пригодятся на работе. Последнее особенно важно для студентов, так как, согласно статистике, процент людей, работающих по профессии, за последние 10 лет значительно снизился.

3. Едва ли диплом способствовал моему трудоустройству. Для работодателя было неважно, какое у меня направление обучения и какая у меня успеваемость в университете, важны были мои реальные знания и опыт, для которых понадобились дополнительные специализированные курсы и стажировка.

4. Единое образовательное пространство с европейскими странами всё ещё находится на стадии формирования: несопоставимость дисциплин и оценок в России и европейских вузах, отсутствие поддержки академической мобильности со стороны государства. Много бессмысленных «формальностей» в процессе обучения, таких как фиктивная практика или заполнение никому не нужных бумаг.

5. Да, меня устраивает уровень и качество полученного образования – в первую очередь благодаря хорошей подготовке большинства преподавателей, которые не просто читали вслух учебники на лекциях, а «горели» своим предметом и могли с лёгкостью заинтересовать студентов.

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Любовь ЩЁКИНА – студентка 5-го курса (по программе специалитета) факультета романо-германской филологии.

1. Я считаю, что программа специалитета является более эффективной, так как за более короткий срок (по сравнению с системой «бакалавриат + магистратура») есть возможность получить полное высшее образование.

2. Разница существует в длительности прохождения обучения и в объёме программы (лекционного

материала). За 5 лет специалитета даётся столько же информации в несжатой форме, сколько и за 6 лет Болонской системы.

3. В моём опыте трудоустройства на работу (преподаватель в частных лингвистических школах, менеджер на предприятии) не было случаев, чтобы информация о том, что я обучаюсь по программе специалитета, как-то влияла на процесс принятия решения. Больше внимание было обращено на уровень владения языком и коммуникативные навыки.

4. В целом набор предметов по моей специальности меня устраивает, но не хватает разнообразия дополнительных курсов по выбору (недостаток ещё в том, что курс выбирается всей группой, то есть не-

которые люди попадают на курс, который они бы не выбрали), а также небольшое количество практики, которая бывает только на старших курсах. Также, насколько мне известно, диплом специалиста не копируется при переезде/работе/учёбе за границей.

Что касается двухступенчатой программы, то, по словам преподавателей и друзей, обучающихся

по этой программе, объём преподаваемых лекций сильно урезан.

5. В целом довольна преподавательским составом и набором преподаваемых дисциплин. При особом личном желании всегда предоставляется возможность получить дополнительные знания и проявить себя в различных конкурсах.

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Надежда ПУЧНИНА – магистрантка 1-го курса факультета философии и психологии. Окончила бакалавриат исторического факультета в 2019 году.

1. Я считаю, что специалитет эффективнее – программы обучения советских времён были рассчитаны на 5 лет. Болонскую систему ввели – и что сделали с учебными часами? Просто сократили их, не задумываясь о том, что возможности изучить учебное направление за это время – нет. Что можно изучить в полном объёме за 2 года магистратуры? Тем более, если ты пришёл учиться с другого направления (как сделала это я). Большинство сейчас считает, что бакалавриат – это неполное высшее образование.

2. Разница в том, что многие (особенно работодатели) до сих пор не понимают, кто такие бакалавры и кто такие магистры. Работодатель, решая, кого взять на работу – бакалавра или магистра, делает выбор в пользу последнего, обосновывая это лишь тем, что последний дольше учился, а значит, умнее. Сам работодатель при этом не понимает, в чём разница между бакалавром и магистром.

3. Я не работала и не ходила на собеседования.

4. Главная проблема, с которой я столкнулась и в бакалавриате, и в магистратуре, – это переход на новый стандарт «3 + +», по которому до нас ещё не было выпусков (мы – первые бакалавры, выпущенные по этой системе, и, получается, – первые, попавшие в магистратуру по этой системе). В связи с этим учебный процесс постоянно меняется: то документы не те, то форма сдачи практики поменялась, то сроки сессии изменились. Также сталкивалась с некомпетентностью некоторых преподавателей.

5. Нет, не устраивает. В первую очередь потому, что малое количество бюджетных мест – приходится учиться там, куда прошёл на бюджетной основе (а хотел при этом не туда). Не понимаю Болонскую систему вообще – ладно, если бы обучение было разбито на уровни и ты, заканчивая один уровень, переходил бы по этому же направлению на другой уровень. Но нет, ты можешь выбрать любое другое направление – а смысл? На том направлении, куда я хотела поступать изначально, не было бюджетных мест. А общество навязывает мнение, будто бакалавры – никто. Пришлось и в магистратуру идти, и на другое направление поступать. И что? Считаю себя одной из самых слабых в группе, поскольку почти все – выпускники того же направления, на котором учатся сейчас.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Иван СТЕБЛЮК – специалист 2-й категории отдела планирования показателей теплосбытовой деятельности ПАО «Квадра»; магистрант 1-го курса факультета компьютерных наук ВГУ. Окончил бакалавриат и магистратуру (в 2019 году) экономического факультета ВГУ.

1. Полагаю, специалитет. С точки зрения учебного плана – более полноценно, плотно и с меньшим количеством дублирования дисциплин – не в теории, а в практике нашей действительности.

2. В Болонской системе можешь изменить направление, если ощущаешь необходимость в компетенциях из другой области.

3. Узнаю об ожиданиях и требованиях работодателя, показываю свой уровень и возможности. Диплом единожды помог – в большей степени его наличие, нежели уровень образования. По личному опыту: даже если ответственно подходил к учёбе, в непосредственной рабочей практике это помогает мало. Потому диплом сам по себе не так важен, а знания создают некий фундамент общего кругозора в специальной области.

4. Главным образом с отрывом от реальных запросов рынка и имитацией учебного процесса – причём с обеих сторон: студентов и преподавателей. Вуз по факту становится формой бизнеса: универ-

ситет открывает новые программы, программы переподготовки и повышения квалификации главным образом для того, чтобы привлечь студентов, готовых за это платить.

Анна ЖДАНОВА – магистрантка 1-го курса (+ бакалавриат) юридического факультета ВГУ.

1. Мне кажется, не в моей компетенции говорить об эффективности этих систем, поскольку у меня нет опыта обучения в специалитете.

2. Не буду говорить о разнице в продолжительности обучения (это – по умолчанию). Мне кажется, что система «бакалавриат + магистратура» более гибкая: сначала даются базовые знания, затем можно либо параллельно осваивать смежные специальности, либо легко поменять свой основной профиль

5. В целом, да. В формальном смысле оно позволило удачно устроиться и планировать дальнейшее профессиональное развитие. Однако в содержательном смысле – отнюдь, оно дало совсем не много.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

и обучаться чему-то другому. Специалитет не такой широкопрофильный и предусматривает обучение по одной конкретной специальности, одному определённому направлению.

3. Мой диплом способствовал моему трудоустройству на работу, и никаких недопониманий и разногласий с работодателем в вопросах образования не возникло.

4. После непродолжительного обучения за рубежом, где оценка за семестр постепенно складывается в течение полугода, я осознала, что больше всего не устраивало и не устраивает меня: здесь оценка часто зависит от того, повезёт ли тебе с билетом и настроением преподавателя в один конкретный день.

5. Скорее да, чем нет.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

С 2018 года на юридическом факультете функционирует система специалитета для целевого направления, выпускающего прокуроров и судей. И если в прошлом году факультет смог набрать только одну группу в тридцать человек, то в нынешнем таких групп – уже четыре. Введены новые предметы – общая история и русский язык. Увеличилось количество часов.

Сохраняется программа специалитета на факультете романо-германской филологии – на направлении «перевод и переводоведение». Данные решения исходили из целесообразности, которую дало понимание того, что за четыре года обучения студенты не получают необходимый объём знаний.

В этом слове – *целесообразность* – нам видится глобальный смысл высшего образования сегодня: подготовка качественных профессионалов. Мастеров своего дела. Двигателей жизни.

Главное – это движение есть.

А «всегда в движении» – девиз ВГУ.

Такой девиз должен быть и у российского образования.

P. S. А вот – мнение студентки-иностранки, учащейся в одной группе с русскими магистрантами и отвечающей на те же вопросы, что были заданы им. Может, именно в этом взгляде *со стороны* – истина?

Нгуен Тхи Фьонг Хань – магистрантка 1-го курса (+ бакалавриат) факультета журналистики ВГУ.

1. Специалитет.

2. Главное различие – во времени обучения. Специалитет рассчитан на 5 лет, а бакалавриат и магистратура (в сумме) – на 6.

3. Для работодателя самое главное – это опыт. А диплом нужен для занятия престижной и высокой должности – например, в правительстве.

4. Слишком длительное время обучения – 6 лет. Бакалавриат и магистратура – формально два разных уровня образования, но по факту, в плане знаний и практики, дают одно и то же.

5. Не очень.

Материал подготовили:
Ирина Коротких, Ангелина Кирчу, Павел Пономарёв

ТАМАРА НИКОНОВА

ЖИВА ЛИ КЛАССИКА СЕГОДНЯ?

Этот вопрос естественно возникает в год, когда Россия, русская культура отмечают 150 лет со дня рождения первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина. Истинный классик русской литературы XX века, он уже в дореволюционные годы получил признание современников именно в этом качестве. Две Пушкинские премии (1903, 1909), избрание почётным академиком по разряду изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1909) красноречиво о том свидетельствуют. Позже, в 1933 году, Шведская королевская академия в итоговой формулировке подтвердила, что «Нобелевская премия по литературе... присуждается Ивану Бунину за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Редкое для писателя бурного XX века качество – сохранить вкус, сдержанность, достоинство писателя-классика, оставаясь при этом писателем остросовременным, пронизанным идеями и болями своего времени! 150-летний юбилей И. А. Бунина заставляет по-новому оценить эту особенность его творческого почерка, его мировосприятия, его размышлений о человеке.

Как известно, И. А. Бунин родился в Воронеже. И, несмотря на то, что Воронеж не занял большого места в биографии писателя, именно здесь, в разрушенном войной городе, где линия фронта проходила по центральной улице, чудом сохранился дом, в котором родился классик русской литературы XX века. Дотошные историки и биографы отметили те потери, которые понесли и дом, и усадьба в целом, однако именно его уверенно опознал Н. И. Ласкаржевский (1903–1990), сын сестры Ивана Алексеевича, посетивший наш город в год бунинского столетия. Еще одним чудом следует считать высокую сохран-

ность документов по истории рода Буниных в Государственном архиве Воронежской области, скрупулезно проанализированных воронежским прозаиком Ю. Д. Гончаровым в исследовании «Предки Бунина» еще в конце 1960-х годов.

Однако можно и упрекнуть родной город И. А. Бунина в том, что системное изучение его наследия, его «воронежских корней» началось позже, чем в других «бунинских» центрах, например в Орле или Ельце. Однако для такого «запаздывания» основания были, и далеко не литературного свойства.

Академическая слава и уважение современников, полученные И. А. Буниным в предреволюционные годы, пришли в жесткое противоречие с теми испытаниями, которые пережила расколота революцией и Гражданской войной русская культура. И как истинный классик Иван Бунин преодолел и это противостояние. Я бы сказала, что потаенное, но достаточно последовательное, вопреки идеологическому ожесточению, возвращение бунинских текстов началось с первых послевоенных лет. Исследование Ю. Д. Гончарова, явившееся результатом его многолетних разысканий, – свидетельство растущего не только его личного интереса к биографии и личности И. Бунина. К 1970 году, к столетнему юбилею писателя, уже сформировался устойчивый интерес читателей, научной общественности к нашему культурному прошлому, к русской традиции. И писатель-фронтвик Ю. Д. Гончаров проявил такой глубокий интерес к бунинской биографии, что разыскал Николая Иосифовича Ласкаржевского, связался с ним, выслал ему фотопанораму проспекта Революции (бывшей Большой Дворянской), на которой тот уверенно опознал «бунинский» дом, когда-то указанный ему матерью как место рождения ее и брата Ивана.

Иван Алексеевич Бунин

Современный интерес к истории русской культуры, к «забытым» страницам литературы XX века приобрел новые особенности. В последние десятилетия в отечественном литературоведении появилось весьма популярное и широко распространенное понятие регионального текста («петербургский текст», «пермский», «крымский», «орловский» и др.). С их помощью описывается «культурная местнография», сегодня рассматриваемая как составная часть единого культурного пространства своей эпохи. Я уже писала о «воронежском» тексте русской культуры XX века, в том числе и обозначала меняющиеся центральные события и фигуры, вокруг которых заново модифицируется, пересматривается общий культурный ландшафт тех или иных десятилетий. Продолжая эту мысль, отмечу, что «собирающим» центром «воронежского текста» 1970-х годов стали И. А. Бунин и его творчество. В те далекие годы, объявив студентам спецкурс «Творчество И. А. Бунина», я начала вместе с ними изучение бунинского наследия, продолжающееся воронежскими исследователями и по сей день.

Говоря о 150-летнем юбилее писателя в Воронеже, я не случайно вспомнила вузовские занятия, в деталях, как правило, не затрагивающих биографических обстоятельств, краеведческих разысканий, современных препирательств о подлинности адресов семьи Буниных в Воронеже. Университетские исследователи, изучая творчество первого русского нобелевского лауреата по литературе, следуют иным принципам. Нас интересует Иван Бунин как творец неповторимой художественной реальности, как со-

здатель собственной метафизики. Мы изучаем наследие не только Бунина-писателя, но Бунина-мыслителя, философа. В биографии И. Бунина большое место занимают Елец, Орел, Москва, где проходила реальная жизнь писателя, где важны адреса его проживания, люди, с которыми он общался, все, имеющее отношение к материальной, событийной жизни великого человека.

Такими фактами в бунинской биографии Воронеж похвастать не может. Сам И. А. Бунин вспомнил в январе 1907 года, когда уже известным писателем он приехал в город, будучи приглашенным для участия в вечере в пользу воронежского землячества. Этот эпизод сам писатель весьма поэтично воспроизвел в позднем блестящем рассказе «Натали» (1941): «Я... приехал в Воронеж. Поезд пришёл весь белый, дымящийся снегом от вьюги, по дороге со станции в город, пока извозчицы сани несли меня в дворянскую гостиницу, едва видны были мелькавшие сквозь вьюгу огни фонарей. Но после деревни эта городская вьюга и городские огни возбуждали, сулили близкое удовольствие войти в тёплый, слишком даже тёплый номер старой губернской гостиницы, спросить самовар и начать переодеваться, готовиться к долгой бальной ночи...».

С характерным перенесением биографического материала в создаваемую писателем художественную реальность мы столкнемся у Бунина не однажды, особенно в эмигрантские годы. Эта особенность бунинских поздних текстов стала важной методологической подсказкой, аналитическим приемом: пережитый писателем личный опыт преобразуется в

Открытие мемориальной доски И. А. Бунину в Воронеже, на доме, где родился писатель. 22 октября 1990 года

текст, становится частью сотворенного, не бытового мира. Именно такую внутреннюю задачу и ставят перед собой воронежские исследователи, стремясь раскрыть тайну преобразования «жизненного материала» в художественный, увидеть момент перехода от конкретного, биографического, факта к творимой художником реальности, уникальной, неповторимой уже по одному тому, что она творится на глазах читателя и с его участием. Пример с рассказом «Натали» особенно выразителен, ибо продемонстрирован самим Буниным. Реальный факт приезда в Воронеж в рассказе преобразен в поэтичную, сказочную картину, в центре которой «белый, дымящийся снегом от вьюги» поезд, «близкое удовольствие» от уютного номера «старой губернской гостиницы», ожидание «долгой бальной ночи...».

Так естественно, из самого материала исследования, формируется важная интеллектуальная задача, стоящая перед исследователем, суть которой – в постижении мысли художника, его представления о мире и человеке. В центре такого исследования не желание доставить читателю эстетическое наслаждение (оно остается, ибо любой художественный текст ставит перед собой такую сверхзадачу!), но способы воссоздания пластичной картины мира, исследование тайны художественных образов, мышления творца. Разумеется, я говорю об универсальной задаче, которая стоит не только перед исследователем бунинских текстов, но в случае с И. Буниным она является задачей, осознанной самим художником.

О взаимной обусловленности художественно-образного и рождаемого им смысла писали многие.

«Философ говорит силлогизмами (суждениями), – пишет В. Г. Белинский, – поэт образами и картинками, а говорят они оба одно и то же. <...> Только содержание может быть истинным мерилем всякого поэта – и гениального и просто даровитого... чтобы стих был поэтический, не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляет истинное содержание всякой поэзии».

Особенную актуальность в этом плане приобретает искусство переходных эпох. В 1920-е годы А. К. Воронский в книге с программным названием «Искусство видеть мир» писал о подобном назначении искусства:

«Увидеть мир, прекрасный сам по себе, так, чтобы чувствовать “природы жаркие объятия”, мир во всей его свежести и непосредственности, увидеть небо, как увидел его однажды Болконский, – очень трудно <...> обыденная жизнь большинства людей далеко не всегда богата этими контрастами. И даже тогда, когда нарушается ее обычное, нормальное течение, новые открытия мира не легко даются человеку. <...> Неподдельное, подлинное искусство иногда сознательно, а еще чаще бессознательно, всегда стремилось к тому, чтобы восстановить, найти, открыть эти образы мира. В этом – главный смысл искусства и его назначение».

Разумеется, главной задачи искусства никто не отменял, и чем крупнее, чем значительнее художник, тем глубже и поэтичнее та картина мира, которую он предлагает читателю. Художественный образ апеллирует не только к логике и разуму, но захватыва-

ет читателя своей пластикой, эмоциональностью, узнаваемостью переживания, как это произошло в бунинском фрагменте из рассказа «Натали».

Университетское изучение бунинского творчества в Воронеже имеет свою историю. О ней рассказывает О. А. Бердникова в статье «О Воронежской школе буниноведения», опубликованной в сборнике «Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность» (Воронеж, 2019). Статья информативна и содержательна, к ней я и отсылаю всех интересующихся проблемами изучения творчества И. Бунина. Для меня же дополнительная значимость статьи в том, что она обозначает глубинные связи «культурной местнографии» с магистральными задачами культуры и науки.

По справедливому замечанию О. А. Бердниковой, воронежские исследователи включились в непростой научный диалог об особенностях бунинского мировосприятия, в котором «наблюдалось своеобразное столкновение разных методологий, вызванное постперестроечными процессами». С одной стороны, указывает она, все еще давали о себе знать сложившиеся советские подходы, а с другой – активно формировались вполне экзотические концепции, отвечавшие логике пересмотра и отрицания того, что казалось устаревшим и даже реакционным. В частности, О. А. Бердникова обращается для примера к монографии Ю. Мальцева (1994), выдвинувшего ряд броских тезисов – о модернистской природе бунинского творчества и даже «аполитизме, аморализме и универсализме его мировоззрения». Вместе с тем, замечает она далее, «достаточно активно заявляла о себе тенденция, заметная в ряде исследований российских ученых, – обустроить писателя по “ведомству” буддизма».

Таким образом, состояние буниноведения на рубеже столетий определило направление собственно университетских исследований – преимущественное внимание к проблемам мировидения писателя, особенностям его эстетического поиска.

Первая международная научная конференция «И. А. Бунин и русская культура XIX–XX веков» была проведена в Воронеже в 1995 году, в год 125-летия со дня рождения писателя. Результатом стал ее сборник научных статей, названный словами пронизательного бунинского исследователя Ф. Степуна «Царственная свобода» (1995). Сборник во многих отношениях стал показательным, если не программным для нас. Уже в нем был обозначен широкий спектр исследований, заложены принципы изучения бунинских контактов-отталкиваний с современниками, с отечественной традицией,

с модернистскими поисками, с современностью. Обоснованность таких исследовательских перспектив доказали последующие университетские сборники рубежа XX–XXI столетий уже самими названиями – «И. А. Бунин: диалог с миром» (1999), «И. А. Бунин в диалоге эпох» (2002), «И. А. Бунин в начале XXI века» (2005). Содержательную результативность воронежских выступлений можно подтвердить тем, что в антологию «И. А. Бунин. Pro et Contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей» (С.-Петербург, 2001) вошли статьи Е. Г. Муценко и Т. А. Никоновой.

С 2000 года на филологическом факультете ВГУ была опробована новая форма коллективного научного поиска – Бунинская Творческая мастерская. По замыслу организаторов, предметом обсуждения каждой мастерской должен становиться отдельный бунинский текст, который предлагается рассмотреть под углом зрения одной проблемы. Для мастерской 2000 года была выбрана книга «Освобождение Толстого» – малоисследованное бунинское сочинение, до сих пор вызывающее массу вопросов, начиная с определения жанра и заканчивая авторским ответом на вполне «толстовский» вопрос «Что есть искусство?».

Успешность такой формы коллективного исследования очевидна. Материалы первой Бунинской мастерской были опубликованы, и с 2000 года каждую осень, как правило, в октябре или ноябре, мы проводим Творческие мастерские. В год 150-летия со дня рождения И. А. Бунина будет проведена уже двадцатая мастерская, правда, вписанная в этот раз в программу международной конференции «Творческое наследие И. А. Бунина: контексты понимания на рубеже веков».

Планомерная работа по изучению бунинского наследия не могла не потребовать укрупнения и генерализации проблематики исследований. Вот почему в 2005 году на международной научной конференции в ВГУ была начата разработка метафизических основ бунинского творчества. Возникновение нового исследовательского аспекта базировалось на результатах Бунинских мастерских. Накопленный во время их работы материал с этого времени объединяется в сборниках с серийным названием «Метафизика Ивана Бунина». На сегодняшний день опубликовано уже 4 сборника – в 2008, 2011, 2014, 2018 годах. «Бунинские» статьи находят свое законное место в сборниках еще одного кафедрального проекта – «Воронежский текст» русской культуры» (2013, 2015).

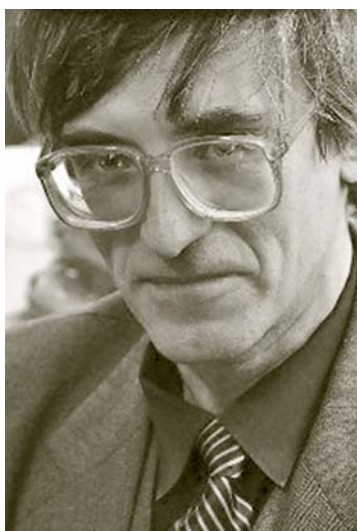
Системная научно-исследовательская работа и активные публикации университетских буниноведов определили формы нашего участия в праздновании бунинского 150-летия в Воронеже. Мы встречаем его продолжающимися многолетними проектами. Как я уже отметила, 12–14 ноября 2020 года филологический факультет ВГУ, кафедра русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук проводит международную научную конференцию «Творческое наследие И. А. Бунина: контексты понимания на рубеже веков». Формулировка главной темы, проблематика, вынесенная на обсуждение научного сообщества, формы работы в рамках конференции свидетельствуют о сложившейся традиции, поддержанной буниноведами разных вузов и стран.

Воронежская школа бунинских исследователей прирастает за счет студентов, участвующих в студенческих конференциях, образовательных мероприятиях, проводимых на факультете (интеллектуальная игра старшеклассников на знание бунинского творчества «Благосклонное участие», студенческий конкурс рецензий на фильмы и спектакли по произведениям писателя и пр.). Однако помимо просветительской работы, цель которой – популяризация творчества нашего великого земляка, на кафедре ведется планомерная научная работа, в том числе и с аспирантами. Так, на рубеже XX–XXI веков на кафедре защищены кандидатские диссертации по творчеству И. А. Бунина Т. И. Скрипниковой, Ю. С. Поповой, И. А. Малишевским, А. И. Смоленцевым (научный руководитель – профессор О. А. Бердникова), М. Ю. Фиш, О. Н. Фенчуком (научный руководитель – профессор В. М. Акаткин). В последние годы значительно окрепли кафедральные связи с Бунинской группой Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, с Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва), с которыми мы обмениваемся научными визитами, принимаем участие в совместных проектах. В юбилейный год воронежские исследователи примут участие в международной научной конференции «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества» (ИМЛИ РАН, 20–23 октября 2020 года), московские ученые приедут в ВГУ для участия в международной конференции.

Памятник И. А. Бунину в Воронеже
(скульптор А. Н. Бурганов)

Следует сказать еще об одной акции. Юбилейный год журнал «Подъем» намерен отметить рубрикой «Неизвестный Бунин», которую составят статьи воронежских исследователей, в целом охватывающие тот круг проблем, которые разрабатываются в последние три десятилетия. Это должен быть заинтересованный разговор с читателем о том Бунине, который, не утрачивая привычного статуса классика, остается частью живой, многогранной жизни нашего современника. И на примере грядущего бунинского юбилея на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, возможен лишь один ответ: классика не только жива, но на новых основаниях, по-новому включается в жизнь современной культуры и литературы.

МИХАИЛ ШТЕЙНБЕРГ

ФОТОГРАФИЯ И ВГУ

Фотография – это одно из чудес технического прогресса. В середине XIX века сначала дагеротипия, а затем уже и собственно фотография сделали более или менее доступным получение изображения физико-химическими методами. А затем началось! Пейзажи, портреты, натюрморты, жанровые сцены, пикториальная фотография... Так началась фотографическая летопись человечества.

В 1802 году в тихом городе Дерпте на северо-западе Российской империи, в Эстляндии, по Именному Повелению был открыт Императорский университет. Фотоснимки позапрошлого века донесли до нас много интересного: университетские постройки, фотографии профессоров и студентов...

Дореволюционная эпоха оставила нам большое количество фотографий, которые не пропали в огневых вихрях XX века. Удивительна была съёмка на документы тех лет. Поступающий в университет должен был представить свидетельство о политической благонадёжности (выдавала полиция по месту жительства) и фотографию. Это была, как правило, фотография визитного (иногда – кабинетного) формата, наклеенная на картонное паспорту, заверенная подписью пристава и печатью полицейского участка – иногда даже сургучной.

...Лето 1918 года стало переломным в истории университета.

Я думаю, что история фотографии в Воронежском государственном университете начинается в тот день, когда был сделан прощальный снимок на вокзале в городе Юрьеве/Дерпте. Университет едет в эвакуацию.

...Вагоны Черноморско-Кубанской железной дороги. В открытую дверь видна спинка металлической кровати. «Теплушка», но с комфортом! Букеты цветов в руках. Овчарка на поводке. Вездесущие

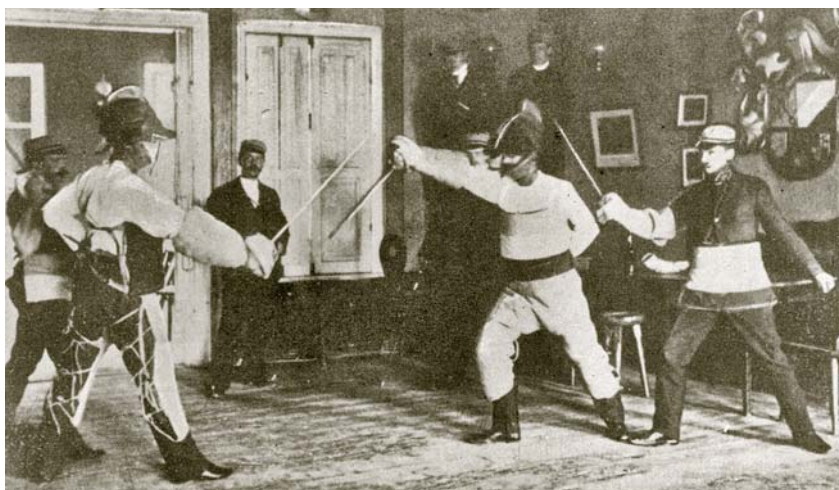
дети. Господин в шляпе-котелке. Немецкий солдат на перроне. Вот так прощался университет с Прибалтийским краем!

Дальше был Воронеж. Как это иногда бывает, временная эвакуация оказалось постоянной, история решительно внесла свои коррективы: Дерптский/Юрьевский университет очень скоро стал Воронежским государственным университетом. Архивы и библиотеки сохранили для нас фотографии тех лет: снова студенты и преподаватели, отдельно – групповой снимок профессоров, приехавших из Эстонии. Конечно же, снимались на карточку всем курсом и выпускники! А вот главный корпус ВГУ – вывеска по старой орфографии: «Воронежский Университет».

Была ли в те годы любительская фотография? Трудно сказать. Начало XX века принесло с собой доступные технологии. Но в годы Гражданской войны и разрухи – до того ли было людям?

Новый этап университетской фотографии пришёл с появлением многотиражной газеты «Красный университет», первый номер которой вышел в свет 30 марта 1929 года под лозунгом «Печатная газета – большая победа ВГУ на культурном фронте». В газете воспроизводятся четыре клише, из которых два – растрированные, это фотографии. На первой полосе к десятилетию рабфака была опубликована постановочная фотография «В физической лаборатории», а на второй – экспонаты из анатомического музея, забальзамированные по способу профессора Г. М. Иосифова, который, кстати сказать, принимал участие в бальзамировании тела В. И. Ленина.

В те годы фотографий в университетской газете публиковалось мало. Связано это с тем, что процесс изготовления цинковых клише был очень трудоёмким. Что же появлялось на газетных полосах? Портреты вождей (это обязательно), кое-кто из преподавателей (не слишком часто), радостные колонны

Студенты-корпоранты (бурши) Императорского Юрьевского университета занимаются фехтованием

спортсменов на первомайской демонстрации, которыми так богаты предвоенные архивы Советского Союза. Чудом сохранились фотографии, сделанные во время Великой Отечественной войны. Студентки ВГУ И. Богачёва и К. Шмитько в военной форме (они добровольцами ушли на фронт), ректор университета Н. Н. Глистенко – тоже в военной форме. Это и многое другое можно увидеть на стендах Музея истории Воронежского государственного университета.

Первые послевоенные годы оставили для нас множество фотографий, на которых запечатлены разрушенные учебные корпуса и общежития Студгородка. Это были годы восстановления и строи-

тельства, которые оставили свой след в виде текстов и фотографий на страницах нашей многотиражной газеты.

В те годы газета печаталась методом высокой печати, но получалось – по техническим стандартам тех лет – вполне приемлемо. Конечно, теперь грубая ретушь фотографий кажется грубой, постановочные фотографии – несколько наивными... Впрочем, такое же впечатление производят подчас старые фильмы, но смотреть их всё равно интересно.

К концу 1970-х годов полиграфическое качество воронежских газет стало критически падать. Доходило до того, что трудно было понять: это всё

Первый выпуск врачей в Воронежском госуниверситете. 1923 год

В геологическом музее ВГУ.
1934 год

один и тот же человек на разных фотографиях или нет? Мы ждали офсетной печати – и при Горбачёве она пришла!

А фотографическая жизнь после Великой Отечественной войны по-настоящему забурлила. Газета «За научные кадры» (впоследствии и по настоящее время она называется «Воронежский университет») стала богато иллюстрированной.

Подшивка нашей университетской газеты сохранила имена фотокорреспондентов, штатных и внештатных, вот они: Н. Иванов, В. Пирогов, И. Милютин, В. Петросян, А. Простосердов, В. Лунис, И. Гаврилова, С. Аведян, В. Иванов, М. Вязовой и многие другие.

На факультете общественных профессий фото-кинодело преподавал В. И. Быков.

В университете работала фото-киностудия, созданная изначально при факультете РГФ. В ней

работали: Б. Т. Петросянец (первый заведующий), И. С. Лютый, А. В. Козочкин, А. С. Исаев (впоследствии заведующий лабораторией); всего в лаборатории работало в общей сложности более 20 человек.

Во второй половине 1990-х годов при матфаке функционировал фотокружок (клуб «Логос»), руководителем которого был М. Л. Штейнберг.

На журфаке в учебной программе есть фотодело, которое преподаёт замечательный воронежский фотожурналист М. П. Вязовой.

Несколько лет в университете функционировал фотоклуб, который вёл В. А. Голуб.

Сейчас в Управлении по информационной политике ВГУ снимают Д. Чернов, Ю. Устьянцева и А. Исаев.

В наше время мобильными устройствами снимают, наверное, все. Поэтому история университетской фотографии продолжается!

Так начиналось наше
«Веневитиново»

КНИГА О «ПЯТИДЕСЯТНИКАХ» XX СТОЛЕТИЯ

ВЗГЛЯД СОКУРСНИКА НА КНИГУ И. М. БЕГЕНЕВА «ИСТФИЛФАК 1950-х»

Большую роль в судьбе России, в её продвижении вперёд сыграли те представители передовой части российского общества, которых в истории нашей страны называли шестидесятниками. Четырёхтомный «Словарь русского языка», выпущенный в 1988 году московским издательством «Русский язык», даёт такое определение участника этой общественной группы: «Шестидесятник – прогрессивный общественный деятель шестидесятых годов 19 в. в России» (т. IV, с. 713). Подобное определение даётся и передовым людям предшествующего десятилетия того же века: «Пятидесятник – прогрессивный общественный деятель пятидесятых годов 19 в. в России» (т. III, с. 572).

Эти сведения относятся к позапрошлому веку. А вот ровно через столетие, уже в XX веке, в нашей стране появилась большая группа людей, которых по их активному участию в процессе развития культуры страны тоже стали называть «пятидесятниками» и «шестидесятниками». Эти люди внесли значительный вклад в социальную, экономическую, научную, образовательную, патриотическую и другие важнейшие стороны жизни нашего Отечества. И о том, как шёл процесс формирования личности «пятидесятников» XX столетия и как складывались их дальнейшие судьбы, рассказывает выпускником Воронежского государственного университета 1959 года Ильёй Михайловичем Бегеневым в его книге «Истфилфак 1950-х». Историко-биографические воспоминания автора вышли в свет благодаря Издательскому дому ВГУ через 60 лет после вручения автору книги и его сокурсникам дипломов о получении высшего образования. И. М. Бегенев чётко отмечает: «Всё лучшее, что вынесли истфилфаковцы 1950-х годов из стен ВГУ, – это духовное достояние, ставшее результатом сопряжения трёх

составляющих учебного процесса: “чему учили”, “как учили” и “кто учил”» (стр. 63).

В книге, богатой по объёму (280 страниц плюс «фотогалерея» на 35 страницах), прекрасно оформленной, оснащённой в тексте фотоснимками 50-х годов и последующих лет, представлен большой и довольно убедительный материал, раскрывающий важнейшие стороны образовательного процесса, который успешно проводился на занятиях в Воронежском государственном университете в середине XX века.

И. М. Бегенев очень положительно и вполне справедливо отзываясь о профессорско-преподавательском составе ВГУ того времени. Характерно, что автор книги через прошедшие десятилетия даёт довольно высокую оценку не только педагогической элите университета, но и группе более или менее молодых, но уже дипломированных преподавателей, многие из которых, как он пишет, «прошли закалку в горниле Великой Отечественной войны или восстановлении народного хозяйства» (стр. 64). И. М. Бегенев подробно рассказал о глубоком педагогическом мастерстве и большом научном багаже тех, «кто учил». А в «Фотогалерее истфилфака 1950-х» он поместил 53 фотопортрета наших преподавателей.

В книге достоверно объясняются причины высокого уровня успеваемости студентов ВГУ 1950-х годов. Причины, по утверждению автора, укладываются в триаду:

- «1) высокий престиж высшего образования в обществе в 1950-е годы советской истории;
- 2) отличная постановка учебно-воспитательного процесса в вузе;
- 3) высокая мотивация студентов в отличной и хорошей учёбе: каждый студент знал и был уверен в том, что отличная учёба в вузе – главная гарантия успеха будущего специалиста» (стр. 97).

И в Воронежском государственном университете, действительно, вся постановка учебно-воспитательного процесса была нацелена на подготовку «специалистов университетского уровня». Причём выпускники истфилфака ВГУ ориентировались как на работу учителями школы, так и научными работниками, сотрудниками музеев, редакций газет, различных комсомольских, партийных органов, государственных учреждений.

Автор книги справедливо отмечает, что в нашем университете большое внимание уделялось не только занятиям студентов по учебному расписанию, но и деятельности научного студенческого общества (НСО), работе научных кружков и творческих объединений, тематике и формам проведения массовых воспитательных мероприятий: устных журналов, встреч с интересными людьми, дискуссий, смотров и т. д. Достоверно рассказывается об участии студентов того времени в сельскохозяйственных работах – в колхозах и совхозах ряда районов области, а также в освоении целины.

Автор книги на странице 165 уместно приводит высказывание одного из своих сокурсников – Владимира Ивановича Гусева, ставшего известным в стране литературоведом, профессором Литературного института имени А. М. Горького, опубликовавшего целый ряд интересных повестей и рассказов. В. И. Гусев чистосердечно признаётся: «Универси-

тет мне впервые в жизни дал ощущение „коллектива“, молодого содружества. Мы хорошо работали в колхозах и на целине, смотр для нас был событием года... Ощущение бодрости, молодости, весны, умственного и душевного простора и тайны – вот моё ощущение университета тех лет...».

Довольно много страниц в книге «Истфилфак 1950-х» посвящено рассказам о том, как сложились жизненные судьбы выпускников этого факультета того времени, как проявили себя «пятидесятники» XX столетия в последующие десятилетия. При этом называются конкретные имена и фамилии наших сокурсников и сообщается, какие ответственные и почётные должности занимали они в профессиональной деятельности. Среди них было немало партийных и комсомольских работников, газетных журналистов, заведующих отделами крупнейших научных библиотек, специалистов, нашедших дорогу в большую науку и заслуживших высокие научные звания, а также людей, увлечённых собственным поэтическим творчеством.

Хорошо знающий последующую жизнь бывших своих однокурсников И. М. Бегенев с удовлетворением отмечает, что «абсолютное большинство [из них] создали здоровые, крепкие семьи, воспитали достойных детей и оказались приверженцами наших лучших национальных традиций и ценностей» (стр. 197).

И ещё в книге И. М. Бегенева рассказывается о многом и многом в судьбах выпускников историко-филологического факультета ВГУ, особенно тех, которые были студентами во второй половине 50-х годов прошлого столетия и в 1959 году получили дипломы о высшем образовании. Мне, как однокурснику автора книги, очень приятно, что моя фамилия упоминается в ходе повествования 14 (!) раз и вижу я себя там на двух фотографиях. Могу добавить к тем сведениям обо мне, которые имеются в книге, что я несколько раз избирался депутатом районного Совета народных депутатов по Ленинскому району г. Воронежа, был делегатом от Воронежской области на четырёх Всероссийских съездах практических психологов, награждён, помимо других знаков и званий, медалью К. Д. Ушинского «за вклад в развитие педагогических наук». Я автор более 350 научных и учебно-методических публикаций, пятнадцати сборников стихов и участник одиннадцати коллективных стихотворных сборников.

В заключение хочется выразить сердечную благодарность Илье Михайловичу Бегеневу за его яркое отражение в книге периода нашего студенчества, необычайно богатыми событиями и эпизодами, за чуткое внимание к последующим судьбам одно-

Студенты истфилфака:
по дороге в детский дом.
Весна 1958 года

курсников. Эта книга, созданная силами ума и души талантливого человека, по-настоящему свидетельствует о том, что её автор, окончивший историческое отделение истфилфака ВГУ, – подлинный историк, вкладывающий в летопись Воронежского государственного университета высокоценные сведения о роли этого замечательного вуза в общей системе высшего образования, что проявляется в великолепных результатах его деятельности.

* * *

Следует добавить, что в ноябре 2019 года состоялись две презентации книги И. М. Бегенева «Истфилфак 1950-х». Одна из них прошла в ВГПУ. Автор и первые читатели его книги выступили перед студентами, преподавателями и сотрудниками педагогического университета с рассказом о главных идеях яркого повествования: как формировались

«пятидесятники» XX столетия и как складывалась их последующая жизнь.

Через несколько дней презентация книги была проведена в Областной универсальной научной библиотеке имени И. С. Никитина. Многочисленные участники этого мероприятия, заполнившие читальный зал библиотеки, с интересом ознакомились с мнением очень уважаемых воронежцев об убедительном рассказе автора книги о роли ВГУ в формировании жизненных путей нескольких сотен выпускников этого вуза. Да, эта книга – замечательный вклад её автора в историю Воронежского государственного университета.

Автор книги во время её презентации подарил своё произведение в библиотеки, друзьям и хорошим знакомым. Приобрести книгу И. М. Бегенева «Истфилфак 1950-х» можно в книжной лавке «Воронежская книга» – в здании по улице Алексеевского, 23.

Презентация книги И. М. Бегенева «Истфилфак 1950-х: историко-биографические воспоминания» в читальном зале Фундаментальной библиотеки Воронежского госпедуниверситета. Декабрь 2019 года

СПРАВКА ОБ АВТОРАХ

БАТАРЕЕВА Елизавета, студентка факультета журналистики ВГУ.

БЕРКОЛАЙКО Марк Зиновьевич, доктор физико-математических наук, профессор экономического факультета ВГУ в 1998–2014 годах, член Союза российских писателей.

БЕХ Надежда, студентка факультета журналистики ВГУ.

БОТНИКОВА Алла Борисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы ВГУ (1969–1990), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член Всероссийского театрального общества / Союза театральных деятелей. Работала в ВГУ в 1949–2008.

БУШНЕВА Дарья, студентка факультета журналистики ВГУ.

ВАЛЬТЕР Наталья Владимировна, выпускница филологического факультета ВГУ (2013), руководитель Управления по информационной политике ВГУ.

ВАСИЛЬЕВ Валерий Витальевич, выпускник историко-филологического факультета ВГУ (1959), кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ, награжден знаком «Отличник народного просвещения».

ВЕНЕВИТИНА Анастасия, студентка факультета журналистики ВГУ.

ГРИНБЕРГ Евгения, студентка факультета журналистики ВГУ.

ГУСЕВА Надежда, студентка факультета журналистики ВГУ.

ДОЛЬСКИЙ Евграф Евгеньевич (1890–1963), прозаик, педагог, в 1930-х годах преподавал в ВГУ.

ДУБИНЕЦ Александра, студентка факультета журналистики ВГУ.

ДУНАЕВСКАЯ Ольга Владимировна, филолог, журналист, член Союза журналистов Москвы и России, Русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

ДБЯКОВ Дмитрий Станиславович, выпускник факультета журналистики ВГУ (1986), директор Издательского дома ВГУ, член Союза российских писателей.

ДБЯКОВА Тамара Александровна, выпускница филологического факультета ВГУ (1985), доктор культурологии, профессор факультета философии и психологии ВГУ, главный редактор альманаха «Университетская площадь».

ЕЛФИМОВА Анастасия, студентка факультета журналистики ВГУ.

ИЩЕНКО Елена Николаевна, выпускница физического факультета ВГУ (1989), доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания ВГУ.

КИРЧУ Ангелина, студентка факультета журналистики ВГУ.

КОЛЕСНИКОВА Валерия Вячеславовна, выпускница факультета журналистики ВГУ (1999), кандидат филологических наук, заведующая кафедрой электронных СМИ и речевых коммуникаций ВГУ.

КОЛОСОВ Алексей Алексеевич (1953–2019), выпускник факультета журналистики ВГУ (2007), журналист, фотохудожник, преподаватель факультета журналистики ВГУ (2005–2008).

КОНДРАТЕНКО Алексей Иванович, выпускник факультета журналистики ВГУ (1986), доктор филологических наук, член Союза писателей России, директор Орловского дома литераторов. Живет в Орле.

КОПЫТИН Игорь Васильевич, выпускник физического факультета ВГУ (1962), доктор физико-математических наук, профессор физического факультета ВГУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

КОРОТКИХ Ирина, студентка факультета журналистики ВГУ.

ЛАСУНСКИЙ Олег Григорьевич, выпускник историко-филологического факультета ВГУ (1958), кандидат филологических наук, профессор, работал на филологическом факультете ВГУ в 1969–1997 годах, член Союза российских писателей, почетный гражданин города Воронежа.

МАКАРОВ Владислав Владимирович, выпускник исторического факультета ВГУ (2000), кандидат исторических наук, специалист экспозиционно-выставочного отдела ВОХМ им. И. Н. Крамского.

МАЛИК Юрий Сергеевич, сотрудник Зональной научной библиотеки ВГУ, магистрант факультета философии и психологии ВГУ.

МОРОЗОВА Виктория, студентка факультета журналистики ВГУ.

НИКОНОВА Тамара Александровна, выпускница филологического факультета ВГУ (1964), доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора ВГУ, член Союза российских писателей, член Общества друзей Ивана Бунина (Париж).

НОВИКОВА Соня, студентка факультета журналистики ВГУ.

ОБОЛОНСКАЯ Ангелина, студентка факультета журналистики ВГУ.

ОГАНЕСОВА Юлия Артуровна, выпускница факультета журналистики ВГУ (2009), кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Работала на факультете журналистики ВГУ в 2009–2017 годах.

ПАЛИХОВА Анастасия, студентка факультета журналистики ВГУ.

ПЕРЕВЕРЗЕВА Полина, студентка факультета журналистики ВГУ.

ПОЛЯНСКИХ Олеся, студентка факультета журналистики ВГУ.

ПОНОМАРЕВ Павел, студент факультета журналистики ВГУ.

ПРОСКУРЯКОВА Елизавета, студентка филологического факультета ВГУ.

РАХМАНИН Валентин Сидорович, выпускник историко-филологического факультета ВГУ (1953), доктор философских наук, профессор, проректор ВГУ (1964–1966), заведующий кафедрой научного коммунизма (1966–1990), заведующий кафедрой социологии и политологии ВГУ (1990–2002).

САВИНКОВ Сергей Владимирович, выпускник филологического факультета ВГУ (1983), доктор филологических наук, профессор факультета журналистики ВГУ.

САЗОННИКОВА Елена Викторовна, выпускница юридического факультета ВГУ (1997), доктор юридических наук, профессор юридического факультета ВГУ.

САФОНОВ Михаил Александрович (1935–2016), выпускник историко-филологического факультета ВГУ (1959), поэт, прозаик, переводчик.

СТЕПЫНИНА Александра Евгеньевна, выпускница исторического факультета ВГУ (1991), заведующая Музеем истории ВГУ.

СТУПНИКОВА Екатерина, студентка факультета журналистики ВГУ.

ТАБАЧНИКОВ Бронислав Яковлевич, кандидат исторических наук, профессор Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, в 1967–1982 годах работал в ВГУ, доцент исторического факультета, заслуженный работник высшей школы РФ.

ТИТОВ Сергей Николаевич (1925–2016), выпускник историко-филологического факультета ВГУ, доктор философских наук, профессор. Работал в ВГУ в 1954–2001 годах.

ТУЛУПОВ Владимир Васильевич, доктор филологических наук, декан факультета журналистики ВГУ, член Союза писателей России.

ФАУСТОВ Андрей Анатольевич, выпускник филологического факультета ВГУ (1985), доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы ВГУ.

ХАРЧЕНКО Татьяна, студентка факультета журналистики ВГУ.

ШТЕЙНБЕРГ Михаил Леонидович, выпускник факультета РГФ ВГУ (1989), выпускающий редактор газеты «Воронежский университет».

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Тамара Дьякова
ПАМЯТЬ ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ И ЧЕЛОВЕЧНЕЕ 1

ПОЗИЦИЯ

Дмитрий Ендовицкий
«ЗА ЛЮБОЙ ТУЧКОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ СОЛНЫШКО».
Беседа с ректором о планах и перспективах
университетской жизни 2

КРАСНАЯ ДАТА

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

В АВТОБИОГРАФИИ – ВОЙНА 8

Алексей Кондратенко
ИВАН ТОРОПЦЕВ, ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ И МИРА 36

Дмитрий Дьяков
ПЕРСОНА ГРАТА 46

Дмитрий Дьяков
ЗВЁЗДНЫЕ ЗАЧЁТКИ – 2 51

Екатерина Ступникова
БОИ И ПОБЕДЫ ЕФИМА ШУЛЯКОВСКОГО 58

Александра Степынина
СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ.
Выставки Музея истории ВГУ,
посвященные Великой Отечественной войне 62

Владислав Макаров
КРАСКИ ПАМЯТИ.
Обзор выставки, посвященной Великой Победе 67

ПОМНИМ

Марк Берколайко
ЕГО РОМАН С ЖИЗНЬЮ БЫЛ ВЕЧНОЙ ВЕСНОЙ.
Очень личное – о выдающемся математике,
одном из основателей Воронежской математической
школы Марке Александровиче Красносельском
накануне его векового юбилея 69

Игорь Копытин
О МОЁМ УЧИТЕЛЕ.
К 100-летию со дня рождения
Льва Павловича Рапопорта 78

Ольга Дунаевская
ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВА 84

Андрей Фаустов, Сергей Савинков
«ВЫПРЯМИТЕЛЬНЫЙ ВЗДОХ».
О Владиславе Анатольевиче Свительском 89

Александра Дубинец
«В ТАКОГО МОЖНО БЫЛО ВЛЮБИТЬСЯ!..»
К 65-летию профессора
Вячеслава Борисовича Кашкина 93

Алла Ботникова
ФЕНОМЕН КРОЙЧИКА, или ПО КОМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ 96

Владимир Тулупов
ФОТОГРАФИЯ И СЛОВО – ДВЕ НЕЗЫБЛЕМЫХ ОСНОВЫ
НЕПРОСТОГО БЫТИЯ...
Памяти журналиста, выпускника
и преподавателя факультета журналистики ВГУ
Алексея Алексеевича Колосова 99

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Валентин Рахманин
Б. М. БЕРНАДИНЕР: ИМПЕРАТИВ ВЫБОРА 101

Сергей Титов
О СЕБЕ И О СУДЬБЕ 114

Олег Ласунский
МОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ.
Из воспоминаний 121

Бронислав Табачников
ИСТОРИЯ НРАВОВ И ЛЮДЕЙ.
Главы из будущей книги 133

КАФЕДРА

Дмитрий Дьяков
ЧЕЛОВЕК СВИТЫ.
Страницы истории кафедры политэкономии ВГУ
1950-х годов 144

«ЖЕНА НЕ РЕВНУЕТ».
Преподаватели ПММ о том, как факультет
стал второй семьей 154

«Я ВСЕГДА БУДУ НАСТРОЕНА ПРОЕВРОПЕЙСКИ».
Беседа с начальником отдела международного
сотрудничества Аллой Акулышиной 161

ПРОГРАММА ДЛЯ КАРЬЕРНОГО РОСТА 164

ЛЮДИ И ГОДЫ

Ирина Коротких
ОНОМАСТИКА ОДНОЙ СУДЬБЫ 168

Ангелина Оболонская, Павел Пономарёв
НАСТОЯЩИЙ СЕМЁНОВ 173

Надежда Гусева
УМЕНИЕ ПРОСЧИТАТЬ БУДУЩЕЕ 177

Елена Ищенко
ФИЛОСОФ ВО ВЛАСТИ.
К юбилею Юрия Александровича Бубнова 180

Елена Сазонникова
ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК 183

ВЫПУСКНИКИ

«ВЕДЬ ВСЕ МОИ ГЕРОИ – ЭТО Я».
Встреча с выпускницей ВГУ,
кинорежиссером Галиной Евтушенко 186

Елизавета Батареева
ЕКАТЕРИНА МАКУШИНА: «ВСЕ МЫ ЯЩЕРКИ» 192

Юлия Оганесова
БЫТЬ ЖИВЫМ, И ТОЛЬКО! 195

УНИВЕРСИТЕТ БЕЗ ГРАНИЦ

«АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ –
КРЕДО ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ».
Беседа с заведующей кафедрой социально-
экономической географии и регионоведения факультета
географии, геоэкологии и туризма ВГУ
Наталией Яковенко 197

Надежда Бех
«ЛЮДИ И СТРАНЫ»:
ПРОЕКТ, ОСНОВАННЫЙ НА ИНТЕРЕСЕ 201

Анастасия Елфимова
ИЗ АУДИТОРИИ – В ГОРЫ 204

ЭТИ РАДОСТНЫЕ И СИЯЮЩИЕ ИСПАНЦЫ.
Для чего надо ехать учиться
по программе обмена 206

Елизавета Проскурякова
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В «ГОРОДЕ ЖАВОРОНКОВ»208

Юрий Малик
ПРЕОБРАЗУЯ ПРОСТРАНСТВА.
О визите университетских библиотекарей в Оксфорд ... 211

НИ СЕКУНДЫ ПРОМЕДЛЕНИЯ.
Как студентка ВГУ Елизавета Мошурова
успевает учиться, работать и вести проекты215

Ирина Коротких
ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ ВГУ219

ДИАЛОГ

«МЫ СТРЕМИМСЯ ИЗМЕНИТЬ ПАРАДИГМУ
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ».
Беседа с Еленой Носыревой.....226

КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА БЕСКУЛЬТУРНЫХ ЛЮДЕЙ.
О толерантности и людях.
Беседа с Иосифом Стерниним230

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Дмитрий Дьяков
БЕЗ БЕРЕГОВ233

Михаил Сафонов
«ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ – РИФМОВАННЫЙ ДНЕВНИК...»238

Дмитрий Дьяков
НЕ ТОЛЬКО ЗАБАВЫ РАДИ243

Евграф Дольский
СТРАНА МОИХ ОТЦОВ.
Главы из неопубликованного романа.....248

ТВОРЧЕСТВО

Полина Переверзева
ВАЛЕРИЯ КОЛЕСНИКОВА:
«ДУХОВНОСТЬ ЕЩЁ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ»268

Валерия Колесникова
ЛИСТОПАДНЫХ ДЕЛ МАСТЕР. ОЧКИ273

«РАНЬШЕ Я ДУМАЛА, ЧТО ПИСАТЬ РОМАНЫ –
НИЖЕ МОЕГО ДОСТОИНСТВА».
Беседа с Мариной Сенцовой.....276

Павел Пономарёв
ДЕСЯТЬ «ЩЕЛЧКОВ» «ПО ЩЕЛЧКУ».
О творческом проекте
творческой молодёжи Воронежа.....279

Олеся Полянских
ОТКРЫТИЕ РЕАЛИЗМА.
Новый культурный проект в современных вузах287

ФОРУМ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СИСТЕМЫ,
ИЛИ СКОРАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ.
К проблеме целесообразности Болонской системы
на гуманитарных профилях289

ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Тамара Никонова
ЖИВА ЛИ КЛАССИКА СЕГОДНЯ?299

Михаил ШТЕЙНБЕРГ
ФОТОГРАФИЯ И ВГУ304

ОБОЗРЕНИЕ

Валерий ВАСИЛЬЕВ
КНИГА О «ПЯТИДЕСЯТНИКАХ» XX СТОЛЕТИЯ.
Взгляд сокурсника на книгу И. М. Бегенева
«Истфилфак 1950-х».....307

СПРАВКА ОБ АВТОРАХ310

Художественно-публицистический альманах
«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ»

№ 11 / 2020